

**КАВКАЗСКИЙ
СБОРНИК**

**CAUCASUS
ANTHOLIGY**

MGIMO University
Institute for International Studies
Center for the Caucasian Studies and Regional Security

CAUCASUS ANTHOLOGY

Vol. 10 (42)

**Moscow
Aspect Press
2017**

МГИМО МИД России
Институт международных исследований
Центр проблем Кавказа и региональной безопасности

КАВКАЗСКИЙ СБОРНИК

Том № 10 (42)

АСПЕКТ ПРЕСС
Москва
2017

УДК 32.001
ББК 66.5
К12

Редакционный совет

О.Р. Айрапетов, Д.Ю. Арапов, В.О. Бобровников,
М.А. Волхонский, В.В. Дегоев (председатель), А.Ч. Касаев,
В.М. Муханов, И.А. Настенко, Н.Ю. Силаев,
А.Л. Чечевишников, А.А. Ярлыкапов

Главный редактор

доктор исторических наук, профессор *В.В. Дегоев*

Ответственные редакторы тома

М.А. Волхонский, В.М. Муханов, А.Л. Чечевишников

Кавказский сборник / Под ред. В.В. Дегоева. — М.: Издательство «Аспект
К12 Пресс», 2017. — 416 с.

ISBN 978–5–7567–0949–0

Десятый том «Кавказского сборника» содержит статьи по истории, источниковедению, историографии, этнологии и культурологии Кавказа. Публикуются новые архивные документы из истории Кавказской войны. В книге также представлены автобиографические заметки почетного профессора МГИМО А.Д. Богатурова.

Издание предназначено для исследователей истории, этнологии, археологии Кавказа.

УДК 32.001
ББК 66.5

ISBN 978–5–7567–0949–0

© МГИМО МИД России, 2017

© ООО Издательство «Аспект Пресс», 2017

Оглавление

К читателю 7

Р а з д е л I. ИСТОРИЯ

<i>Дегоев В.В., Стамова И.И.</i> Николай Федорович Дубровин: о творчестве классика русской историографии	12
<i>Гутнов Ф.Х.</i> Заметки о славяно-аланских контактах	30
<i>Маремкулов А.Н.</i> Поощрительные нормы как юридический механизм реализации политики Российской империи на Северном Кавказе в XVIII–XIX веках (Ретроспективный анализ)	40
<i>Варивода Н.В.</i> Военно-казачья колонизация Центрального Предкавказья в конце XVIII — первой половине XIX века (Демографические и социокультурные аспекты)	47
<i>Абазов А. Х.</i> Делопроизводственные источники по истории судебных преобразований на Центральном Кавказе в конце XVIII — начале XX века	62
<i>Магалян А. В.</i> Армянский княжеский род Асан-Джалалянов в XVII–XIX веках	74
<i>Муханов В.М.</i> Наброски к портрету генерала П.С. Котляревского	91
<i>Матвеев О.В.</i> Более митрополит, нежели воин? О некоторых стереотипах вокруг роли Е.А. Головина в умиротворении Кавказа.	130
<i>Урушадзе А. Т.</i> «Настоящий кавказец» и другие: генезис фронтирных идентичностей в эпоху Кавказской войны	157
<i>Бобровников В.О.</i> Историк джихада Хаджжи-‘Али ал-Чухи (из Чоха)	185
<i>Кузьминов П.А. Н.Ф.</i> Грабовский — исследователь жизни горских народов Центрального Кавказа.	199
<i>Ткаченко Д.С.</i> «...И лишь камень, из коего эти здания сложены, считается имуществом военного ведомства»: мемориализация событий Кавказской войны в XIX — начале XX века	220
<i>Шафранова О.И.</i> Имперская модель экономической модернизации приморской зоны Западного Кавказа в последней четверти XIX века: опыт включенного наблюдения А.В. Верещагина	232
<i>Ракачев В.Н.</i> Особенности миграционных процессов на Северо-Западном Кавказе в период Великой Отечественной войны	241
<i>Медвенский Н.И.</i> Казачество Абхазии и Юга России в грузино-абхазской войне 1992–1993 гг.	269

Р а з д е л II. ИСТОЧНИКИ

- «Мы заставим их покориться и вполне признать владычество наше навеки».
Проект генерал-майора К.К. Фези по покорению Левого фланга
Кавказской линии, 1837 г. *Публикация и комментарии*
С.Б. Манышева 288
- «Опыт минувшей экспедиции... обнаружил в составе и устройстве
действующего отряда некоторые недостатки и несовершенства».
Докладная записка Д.А. Милютинина командующему войсками
П.Х. Граббе, 22 ноября 1839 г. *Публикация и комментарии*
С.Б. Манышева 293
- «Боясь за целостность имущества, брошенного на произвол судьбы».
Справка Г.К. Пправе о «ставропольском периоде» в судьбе
Кавказского военно-исторического музея (1921 г.).
Публикация и комментарии Т.А. Колосовской 307
- О советском Нальчике с грустной иронией. Автобиографические заметки
А.Д. Богатурова 315

Р а з д е л III. ЭТНОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Шкерин В.А.* Кавказские встречи и тексты литератора С. Д. Нечаева 336
- Бирагова Б.М.* Осетинская диаспора Турции в историческом,
социокультурном и геополитическом контекстах 352
- Ярлыкапов А.А.* Ислам и хабизм. (Религиозный фактор в черкесской
этнической идентичности) 367

Р а з д е л IV. СПРАВОЧНО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

- Бобровников В.О., Волхонский М.А., Муханов В.М., Ярлыкапов А.А.* Памяти
Дмитрия Юрьевича Арапова (1943–2015) 382
- Албогачиева М.С.-Г., Бобровников В.О.* Памяти Юрия Юрьевича Карпова
(1956–2015) 392
- Урушадзе А.Т.* Памяти Татьяны Павловны Хлыниной
(9 января 1967 — 10 июня 2015) 409
- Сведения об авторах 414

К читателю

Выход в свет 10-го тома «Кавказского сборника» — вполне пристойный повод назвать его юбилейным. Правда, с оговоркой: хронологически наше издание старше, ему уже тринадцать лет. Это несовпадение объясняется объективными (финансовыми, чтобы не лукавить) обстоятельствами, которые порой не позволяли нам строго соблюдать регулярность, предполагаемую статусом ежегодника. Впрочем, главное в другом. За эти годы Редсовет «КС», как подтверждают наши авторы и читатели, заслужил право подвести предварительные итоги с чувством гордости за честную и профессиональную работу.

Общий объем сборников насчитывает 240 п.л. Опубликованы статьи 127 авторов из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Владикавказ, Нальчика, Армавира, Краснодара, Пятигорска, Ставрополя, Астрахани, Майкопа, Ростова-на-Дону, Махачкалы, Сухума (Абхазия), Еревана (Армения), Баку (Азербайджан), Днепропетровска (Украина), Варшавы (Польша), Тбилиси (Грузия), Минска (Беларусь), Аммана (Иордания), штата Мэриленд (США).

Сами по себе цифры открывают лишь часть картины, у которой, кроме количественного, есть еще и качественное содержание.

Возможно, многие из тех, кому довелось в свое время прочесть две вступительные статьи к первому тому «КС» (2004 г.), весьма скептически отнеслись и к самому начинанию и к «громადью» наших планов, объявленных тогда, быть может, с некоторой самоуверенностью. Да, мы добровольно связали себя смелыми обещаниями и обрели тем самым моральный стимул для их выполнения.

Дорогого стоит уже один тот факт, что «КС» вырос в научное сообщество, объединяющее высокопрофессиональных специалистов разных

поколений, различных отраслей гуманитарного знания, разных предпочтений в области методологии и, наконец, просто разных взглядов на вещи. Все это нисколько не мешает им ощущать свою прямую причастность к созданию «КС» и свою, так сказать, корпоративную принадлежность к его авторскому кругу.

Творческими усилиями этих ученых ежегодник стал органичной частью постсоветского историографического процесса и одновременно фактором, влияющим на его течение. Разумеется, не все из задуманного удалось реализовать так, как хотелось бы. Но одного мы добились определенно. На поле боя между историками ультраидеологических ориентаций выкроено место для мирных переговоров, сотрудничества, попыток услышать, понять оппонента, найти хотя бы подобие компромисса, способного предотвратить возвращение исторической науки в донаучное состояние, когда правила бал баснословие, мифология и коленопреклонные придворные хроники.

Есть надежда, что еще одним средством помешать этому станет комплексное кавказоведение, новое направление, суть которого нам видится в сюжетном расширении и в структурном углублении познавательного пространства за счет использования новейших достижений исторических дисциплин, незаслуженно именуемых «вспомогательными». Спектр применения этих дисциплин мы намерены расширять. Авторами «КС» введено в научный оборот большое количество неопубликованных источников самых разных типо-видовых категорий. Ссылочный аппарат многих статей ежегодника говорит о том, что интегративный подход как метод исследования утверждается все прочнее. Более того, он вбирает в себя не только исторические отрасли знаний, но и целый ряд фундаментальных положений гуманитарной науки в целом. И не только гуманитарной. В одном из номеров «КС», к примеру, помещена уникальная статья о влиянии геосейсмических явлений на массовое поведение людей.

Тематический диапазон сборника охватывает практически всю доступную современным исследователям историю Кавказа во всем ее этнокультурном многообразии, духовном богатстве, внутренней противоречивости. Это служит серьезным подспорьем в решении актуальной проблемы выявления преемственных и эволюционных особенностей в цивилизационном развитии кавказских народов.

Среди методологических ориентиров «КС» особое место принадлежит идее о контрпродуктивности попыток многих ученых, с одной стороны, изолировать локальные этноистории от более широкого исторического контекста, с другой — вывести эти местные сюжеты далеко за рамки их локальной сущности. Причем в обоих случаях все это пронизано острым политико-идеологическим привкусом и призвано воспитывать чувство гордости за свое великое прошлое, которое есть у тебя, но которого нет у твоих соседей. Соседи, разумеется, недовольны своей долей «исторического пирога» и, от-

вечая обидчикам, заходят зачастую в несусветные дебри мифов и фантазий. Образуется порочный круг, жертвой которого становится не только историческая наука, но и сознание людей, особенно молодого поколения.

Заслуживает глубокой обеспокоенности еще одна «методологическая» тенденция — сводить многовековую и многослойную историю русско-кавказских отношений к Кавказской войне 1817–1864 гг. Да и саму войну — уникальный по своей сущности и форме феномен — изображать лишь как вооруженное противостояние. Представители научной интеллигенции Северного Кавказа давно уже ведут состязание вокруг вопроса о величине героического вклада того или иного этноса в борьбу с русскими «захватчиками и колонизаторами» и о жертвах, которыми она оплачена. Чтобы поднять национально-освободительный пафос и накал этой борьбы до эпических высот, откуда можно манипулировать общественным сознанием, прибегают к банальным гиперболам. Почти любую мелкую стычку на пространстве от Каспийского до Черного моря именуют «битвами», «сражениями» (иногда «решающими»), «сокрушительными разгромами» или «блестящими победами» (горцев, разумеется). «Подлинная правда» о Кавказской войне венчается обвинениями в геноциде, устроенном Россией, чтобы получить благодатную землю, освобожденную от непокорного населения.

Локальная история, включая ее краеведческие разновидности, разумеется, совершенно необходима. Но полноценным элементом общекавказской цивилизационной панорамы она может стать при одном условии. Если уж погружаться в темную бездну веков и тысячелетий, то с современным профессиональным оснащением в виде источников, просеянных через тонкое сито критики (внешней и внутренней), в виде фактов, не противоречащих хотя бы элементарному здравому смыслу и, желательно, представленных не в единственном экземпляре, а также в виде научных методик, доказавших свою эффективность.

Сотрудники «КС» не скрывают, что они будут делать все, чтобы показать пагубность проникновения средневекового мировоззрения в современную историографию, которая, к сожалению, давно уже заражена вирусом баснословия и сказительства. Но бороться с этим вирусом нужно не иначе, как сделав его самого предметом специальных научных исследований, способных расширить наши представления об источниках и природе данного явления. Впрочем, уже сейчас мы кое-что знаем о сложной этиологии этой опасной болезни, и есть определенная надежда, что главным средством излечения от нее станут высокий профессионализм и гражданская ответственность историка.

В 2004 г. мы начинали наше весьма рискованное предприятие не без волнения за его судьбу. Тогда глаза боялись, а руки делали. Сегодня, спустя тринадцать лет, по крайней мере один результат коллективной работы очевиден — «Кавказский сборник» состоялся.

К читателю

Редсовет выражает глубокую признательность ректору МГИМО-Университета академику РАН А.В. Торкунову за неизменную поддержку нашего издания. Напутствие Анатолия Васильевича, которым открывается первый том «Кавказского сборника», оказалось счастливым.

* * *

Течение времени, однако, неотвратимо. Оно щедро дарит нам молодое, талантливое поколение исследователей и безжалостно уносит их учителей, чью память авторы и сотрудники «КС» всегда будут чтить за подвижнический труд во имя науки. Во имя достойного будущего.

Редакционный совет

Раздел I

История

Николай Федорович Дубровин: о творчестве классика русской историографии

Похоже, фактор невезения все же присутствует в творческой судьбе Николая Федоровича Дубровина и его гигантского научного наследия. Откройте наугад любой учебник по русской историографии. В лучшем случае вы найдете о нем несколько строк. И это о человеке, который своим неутомимым трудом, энциклопедическими познаниями, интересом к неожиданным и мало изученным темам внес неопределимый вклад в развитие русской исторической мысли. Есть историки, оказавшиеся в хрестоматийном ряду героев учебной литературы благодаря одному-единственному произведению, причем заметно уступающему многому из того, чем славится наша историографическая классика. А Николаю Федоровичу находится место лишь в специальных исследованиях, где не вспомнить о нем было бы верхом непрофессионализма.

Почему? Потому, что он не обходил щепетильные и нелицеприятные моменты в истории народов Кавказа и их отношений с Россией? Или потому, что не возносил некоторых персонажей Кавказской войны до высот, которых они не заслуживали?

Но ведь ученые коллеги Николая Федоровича позволяли себе еще и не такое в отношении русских монархов, в ряде случаев перегибая палку.

Значит, дело здесь не только в этом. Оно, скорее всего, в том, что у Н.Ф. Дубровина свое, слишком обособленное место в отечественной историографии. Скажем, в трудах Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского есть ярко выраженные, сконструированные концептуальные положения, позволяющие отождествлять их с тем или иным профессионально-

**Владимир
Владимирович
ДЕГОЕВ**

**Ирина
Ивановна
СТАМОВА**

исследовательским или идеологическим направлением. Они легче поддаются классификации.

С Дубровиным сложнее. Может показаться, что с точки зрения времени, научной и культурной среды, его сформировавших, он принадлежит исключительно XIX в. Стало быть, и оценивать творчество Дубровина следует с поправками на это обстоятельство. Так, собственно, и поступают те, кто пишет о нем. Дубровина обычно стремятся «встроить» в определенную профессиональную специализацию («военный историк», историк «археографического направления») и в определенное идейно-политическое направление (представитель «консервативно-охранительной», «имперско-апологетической», «дворянско-буржуазной» [и т.д.] историографии). Такие эпитеты употребляются одними для предъявления Дубровину различных идеологических обвинений, другими для «смягчения приговора» с помощью более или менее убедительных попыток судить автора по им же самим выбранным законам жанра.

Николай Федорович не заслуживает гневных укоров и не нуждается в каких-либо оправданиях. Применительно к его многогранной и удивительно плодотворной научной деятельности это — абсолютно непродуктивный, порочный подход, ничего не объясняющий, кроме одного — политико-конъюнктурных пристрастий хулителей или поклонников Дубровина.

От такого примитивного, черно-белого восприятия отрекались даже представители весьма ангажированной советской историографии, прямо указывая, что Дубровин по существу не примыкает ни к одному из научных течений своего времени¹. Это есть косвенное признание непреходящей ценности всего, что сделано историком в течение его жизни, наполненной самоотверженным трудом, достойным служением науке, культуре, Отечеству.

* * *

Николай Федорович Дубровин родился в 1837 г. в семье потомков старинного дворянского рода. Его отец — Федор Николаевич — несколько лет прослужил на Кавказе и принимал участие в Русско-турецкой войне 1828—1829 гг. Биограф с мистическими наклонностями, возможно, увидел бы в этом факте судьбоносный знак, предвещавший сыну — Николаю Федоровичу — ту самую профессионально-творческую стезю, которая сделает его выдающимся кавказоведом и военным историком.

Но сначала Н.Ф. Дубровин получил образование в Полоцком кадетском корпусе и Дворянском полку (будущее Константиновское артиллерийское училище). Затем войсковая служба, после чего — Михайловская артиллерийская академия. По окончании ее Дубровина на полтора года командировают за границу, где он изучает военное дело иностранных государств, одновременно находя возможность для своего любимого занятия — собирания материалов по истории России.

Личностное, духовное, интеллектуальное становление Дубровина происходит в переломную эпоху. На фоне величавого царствования Николая I, его неоспоримого лидерства в европейских делах и патриархального покоя в делах домашних поражение России в Крымской войне грянуло как гром среди ясного неба. В обществе началось брожение. Пришли в движение те силы, которые считали, что «дальше так жить нельзя», которых не устраивала сложившаяся при Николае I патерналистская гармония между царем и народом, которым казалось, будто они знают крестьянские нужды лучше самих крестьян. Николаевское самовластье сменилось «оттепелью», и многие радетели народного счастья были готовы превратить ее в революционную «жару». Плохо понимая суть такой сложной философской и житейской категории, как «свобода», и вовсе не понимая, как ее взрастить на российской почве, они хотели освободить всех и от всего, здесь и сейчас. Нетерпение становилось знаком времени. Те, кого это чувство захватило целиком, принимались изучать взрывное дело, чтобы поскорее избавиться от ненавистных душителей свободы и от всего их самодержавного инвентаря.

Реформаторские идеи, превращавшиеся в реформоманию, проникли в государственно-управленческую среду. Консерватизм стал дурным тоном. Даже явные сторонники преобразований, к примеру Д.А. Милютин, с иронией и настороженностью относились к своим чересчур ретивым современникам.

Хотя биение пульса времени ощущалось вокруг Дубровина порой слишком сильно, лавры ниспровергателя устоев оставили молодого человека равнодушным. Он чувствовал в себе другое предназначение. Однако вовсе отгородиться от новых веяний будущий историк не мог².

Случилось так, что свое перо Дубровин впервые опробовал не на научном, а на литературном поприще. В 1859 г. в журнале «Рассвет» была напечатана его повесть под несколько несуразным названием «Ум для света». Если у Дубровина впоследствии имелись основания не жалеть об этой шалости, то лишь постольку, поскольку она вовремя дала ему понять, что беллетристика не его стихия.

С 1863 г. Дубровин, будучи старшим адъютантом штаба артиллерии Отдельного гвардейского корпуса и Петербургского окружного артиллерийского управления, начинает активно публиковаться в «Военном сборнике», «Русском вестнике», «Отечественных записках», «Вестнике Европы». Уже его первые работы отличались документальной основательностью и обширной проблематикой, выходявшей далеко за рамки сугубо военных сюжетов: сербский и польский вопросы в царствование Александра I, внутреннее состояние России (политическое, общественное, социально-психологическое, финансово-экономическое) накануне и в период Отечественной войны 1812 г., персональные характеристики виднейших деятелей Александровской эпохи, русско-турецкая война 1806–1812 гг., включая ее политический и дипломатический аспекты.

В этих трудах уже просматривается формирование как общеметодологических взглядов Дубровина, так и более частных концептуальных положений применительно к той или иной исторической теме. Они зачастую не вписываются в расхожие теоретические установки дворянско-монархической историографии³ с ее акцентом на идею о том, что решающая роль в историческом процессе принадлежит политической власти, воплощенной в царях и императорах.

В поле зрения ученого — прежде всего развитие общества и государства, движение народных масс. А потом уже выдающиеся личности, которые являются «не создателями, а выразителями новых форм и общих стремлений»⁴. По отдельным высказываниям Дубровина — в частности, о «почти ничтожной роли одного человека» в истории — его вообще нельзя отождествлять с персонацентричной исторической литературой монархического толка.

Вместе с тем, когда речь заходит о драматических, поворотных эпохах в истории России, Дубровин с восхищением показывает многочисленные примеры высокого, героического порыва человеческого духа, способного преопределять судьбу страны.

Внимание историка всегда привлекали сюжеты, связанные с процессом строительства Российской империи. И тут невозможно было обойтись без Кавказа — одной из важнейших имперообразующих территорий России. Кроме того, интерес Дубровина к Кавказу подогревался тем обстоятельством, что это было самое необычное приобретение империи, уникальное в этнокультурном плане и очень весомое в геополитическом.

Именно Кавказ, расположенный между двумя «теплыми морями» и открывавший дорогу на юг и восток, служил воплощением дерзновенных мечтаний Петра I. Именно Кавказ в качестве составной части империи, а не беспокойного соседа олицетворял логическую завершенность продвижения России в черноморско-каспийском пространстве и поиска прочных границ, обеспечивающих безопасность от Турции и Ирана. Именно Кавказ, богатый материальными и духовными «произведениями южных климатов» и восточных культур, в каком-то смысле являлся такой же жемчужиной в российской короне, как и Индия — в британской. Во всяком случае, Кавказ воспринимался как аналог экзотических колониальных владений европейских держав, как символ российского преуспевания и величия.

Дубровин работал много и быстро. Едва сформировавшись, его интерес к Кавказу тут же нашел выражение в двух книгах, ставших кавказоведческой классикой. С перерывом в год (1866, 1867 гг.) выходят в свет «Закавказье от 1803 года по 1806 год» и «Георгий XII, последний царь Грузии, и присоединение ее к России», а следом — две статьи («1802-й год в Грузии» и «А.П. Ермолов»), которые своей профессиональной добротностью создавали впечатление, будто автор занимался Кавказом всю жизнь.

Успехи Дубровина не остались незамеченными. В 1869 г. его в чине полковника прикомандировали к Главному штабу специально для исследований

в области военной истории. Теперь он мог посвятить себя любимому делу целиком, не деля его с сугубо военной службой.

Тремя годами раньше в профессиональной биографии Дубровина произошло важное событие. Кавказский наместник великий князь Михаил Николаевич поручил ему составление многотомной истории утверждения России на Кавказе. Отныне ученый стал работать над этой темой не только в свое удовольствие. Кроме того, уже другими были масштабы и глубина ее изучения. Сам характер подготовительных изысканий говорил о том, что он задумал нечто особенное. В течение пяти лет историк не вылезал из петербургских и московских архивохранилищ, «пропахав» бескрайние поля нетронутого документального материала. Затем Дубровин отправился на Кавказ, где, помимо изучения местных архивов, собрал богатейшие этнографические сведения о народных обычаях, преданиях, легендах, верованиях, празднествах, песнях и т.д.

В результате в 1871 г. в Петербурге выходит из печати первый том (около полутора тысяч страниц) фундаментального исследования «История войны и владычества русских на Кавказе». Даже самое беглое знакомство с ним не оставляет сомнений: ничего подобного по системно-тематическому охвату и профессиональному уровню отечественная кавказоведческая историография еще не знала.

Однако остальные пять (из запланированных шести) томов были опубликованы лишь через 15 лет, в 1886–1888 гг. Причина отчасти в том, что спрос на талант, трудолюбие и неутомимую энергию Дубровина резко возрос. Не успев выполнить поручение великого князя, ученый в 1871 г. получает задание уже от самого Александра II — написать историю Крымской войны. В течение последующих 4–5 лет ни на что другое времени у Дубровина практически не остается. Он собирает и издает документы по этой теме⁵ и параллельно работает над трехтомной «Историей Крымской войны и обороны Севастополя». Рукопись ее Дубровин вручил императору в 1876 г., но свет она увидела лишь в 1900 г., поскольку содержала сведения, разглашение которых до поры до времени было нежелательным.

Однако в том же 1876 г. Дубровину представился случай, не навлекая гнев Александра II, публично заявить о себе как о крупнейшем знатоке военных и политико-дипломатических событий 1853–1856 гг. Дело в том, что Академия наук, рассматривавшая тогда возможность присуждения М.И. Богдановичу Уваровской премии за его книгу о Крымской войне⁶, попросила Дубровина дать на нее отзыв. Предложение было и заманчивым, и деликатным. Модест Иванович на тот момент считался первым в России специалистом по данной проблематике, и выступать в роли его критика — пусть и по официальному поручению — означало взять на себя большую ответственность и вольно или невольно подвергнуться риску ссоры не только с Богдановичем. Однако и оставлять под спудом (точнее, в личном царском архиве) свои глубокие, обширные и уникальные для 70-х годов XIX в. познания о Крымской войне Ду-

бровину, похоже, тоже не хотелось. И он решается на то, чтобы поделиться ими с ученой публикой.

По большому счету книга Богдановича была для Дубровина лишь поводом, неожиданной возможностью сказать нечто важное. Причем не по собственной инициативе — что в тех обстоятельствах могло быть истолковано по-разному, — а в ответ на просьбу-поручение высокоавторитетного государственного учреждения. Вместе с тем желание воспользоваться этой возможностью, видимо, оказалось настолько сильным, что привело к некоему казусу. Отзыв Дубровина на сочинение Богдановича, опубликованный в 1877 г. в Записках Академии наук (том 33), превышал по объему само сочинение⁷. А вот тот факт, что научное содержание рецензии в ряде моментов превосходило рецензируемый труд, назвать казусом трудно. Как отныне трудно вообще представить себе такую проблему истории России, которая была бы не под силу Дубровину и по поводу которой у него не нашлось бы своих суждений. Однако высказывать их ученый позволял себе не раньше, чем к нему приходила уверенность в том, что он имеет на это полное профессиональное право. Такое право Дубровин зарабатывал кропотливым изучением невообразимого количества архивных источников. Едва ли кто-либо из его поколения знал их лучше.

Одним словом, в своем необычном по размеру отзыве на Богдановича Дубровин состоялся как крупный специалист по Крымской войне. Академия очень высоко оценила качество выполнения возложенной на ученого задачи. Дубровину присвоили звание члена-корреспондента. В истории Академии это был, пожалуй, первый и единственный случай возведения ученого в столь почетный статус за... рецензию.

В 1870–1880-е годы Дубровин публикует в «Военном сборнике» серию обширных статей о политике России на Кавказе в первой трети XIX в., которые лягут в основу 2–6 томов «Истории войны и владычества». В 1874 г. выходит в свет его книга «Поход графа В.А. Зубова в Персию в 1796 г.» — серьезное исследование, посвященное запутанному и противоречивому сюжету русско-иранских и русско-грузинских отношений периода каджарской экспансии в Закавказье.

Одновременно Дубровин собирает и издает (на высоком археографическом уровне) бесценные документы официального и личного происхождения, относящиеся к вопросам внутренней и внешней политики России в царствование Петра Великого, Екатерины I, Петра II, Екатерины II, Александра I, Николая I. При этом он выкраивал досуг для популяризации некоторых героических событий отечественной истории, в частности севастопольской обороны⁸.

В 1884 г. издается 3-томный труд Дубровина «Пугачев и его сообщники», справедливо названный критиками «капитальным приобретением» русской историографии, аналогов которому нет до сих пор. Особую весомость придает данной книге то обстоятельство, что автор впервые столь скрупулезно и до-тошно проработал материалы следственного дела о пугачевском бунте. В итоге

Дубровин пришел к важному выводу о самой тесной связи между восстанием и тогдашним состоянием русского общества на всех его этажах.

Познания Дубровина в русской истории принимают энциклопедический размах, а его публикаторская деятельность все больше напоминает безостановочную работу конвейера, с которого сходит первоклассная и широко востребованная продукция.

В 1884 г. от Академии наук последовало новое поручение Дубровину — составить заключение о труде А. Петрушевского «Генералиссимус князь Суворов» (СПб., 1884. Т. 1–3). Через два года Дубровин отвечает монографией⁹, в которой он подробнейшим образом разбирает организаторскую и реформаторскую деятельность Суворова, останавливаясь во Введении и на общеметодологических вопросах, в том числе на вопросе о роли личности в истории.

80-е годы XIX в. в творческой биографии Дубровина — самые плодотворные. Кроме упомянутых выше многотомных монографий о присоединении Кавказа к России и восстании Пугачева появляется полтора десятка больших фолиантов ценнейших, уникальных документов, извлеченных ученым из архивов Правительствующего Сената (царствование Петра Великого), Верховного Тайного Совета (Екатерина I и Петр II), Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (Александр I), Коллегии иностранных дел (время Екатерины II и Павла I). Эти документы зачастую настолько яркие, выразительны и информативно насыщены, что говорят сами за себя, совершенно не нуждаясь в комментариях. Последних Дубровин в ряде случаев действительно избегает, и, вероятно, делает это намеренно.

Среди источников, опубликованных историком, нет таких, которые можно было бы обойти вниманием. Благодаря Дубровину в распоряжении его коллег впервые оказался полный свод рескриптов, писем, реляций и донесений, раскрывавших сложнейший процесс формирования предпосылок присоединения Крыма к России (1775–1782 гг.).

Исследователи русско-турецких отношений (конца 70-х — 90-х годов XVIII в.) также получили из рук ученого собрание депеш посланника России в Константинополе Я.И. Булгакова¹⁰. Без обращения к ним не обходится сегодня ни один историк, занимающийся этой проблематикой.

Тогда же (1880-е годы) Дубровин издает три тома «Докладов и приговоров» Петра I, которые, наряду с известной публикацией И.И. Голикова, составили сердцевину всего корпуса источников по Петровской эпохе.

Одной из вершин публикаторской деятельности Дубровина являются «Письма современников» об Отечественной войне 1812 г., а также о других важных событиях в царствование Александра I¹¹. Эти документы рисуют живую и объемную панораму русской жизни начала XIX в. со всеми ее макросюжетами и микродетальями, включающими неповторимые бытовые наблюдения и настоящие откровения. Критики с полным основанием назвали «Письма» «выдающимся произведением»¹².

Серьезный вклад в источниковедение составили изданные Дубровиным в 1889 и 1890 гг. два тома «Сборника исторических материалов, извлеченных из архива собственной его Императорского Величества канцелярии». Позже появились еще шесть томов.

1880-е годы в научном творчестве Дубровина завершаются крупным биографическим трудом о знаменитом русском путешественнике Н.М. Пржевальском¹³.

Служебная карьера Дубровина плавно движется двумя параллельными курсами — по линии Генштаба и Академии наук. 1882 г. — член Военно-Ученого комитета Генштаба; 1887 г. — адъюнкт-профессор, затем ординарный профессор Николаевской военной академии; 1886 г. — адъюнкт Академии наук; 1890 г. — экстраординарный академик; 1893 г. — непреходящий секретарь Академии; 1900 г. — ординарный академик по историко-филологическому отделению.

В 1890-е и начале 1900-х годов (вплоть до кончины в 1904 г.) плодovitость маститого историка не иссякает, но она больше выражается, так сказать, в малых формах — «малых» для Дубровина, из-под пера которого обычно выходили огромные по объему сочинения. Теперь он тяготеет скорее к статьям и очеркам, однако это сужение жанра компенсируется расширением тематического диапазона. Хотя область его профессиональных интересов становится фактически необъятной, это не наносит ущерба качеству мысли. Что касается качества формы и слога, то тут Дубровин явно прибавляет, внося в свои тексты элемент изящества и даже блеска. Возможно, это связано с тем, что ученый активно сотрудничает с журналами «Русская Старина» и «Русский Вестник», имевшими широкую жанровую ориентацию, включая литературу и публицистику. В 1896 г. Дубровина назначают главным редактором «Русской Старины», и отныне «малые формы» превращаются из добровольного предпочтения в служебную обязанность.

О ком и о чем только не пишет Дубровин: Наполеон I, Александр I, Николай I, Великий князь Константин Павлович, А.А. Аракчеев, М.М. Сперанский, А. Чарторыйский, А.А. Закревский, А.Х. Бенкендорф, В.Н. Каразин, В.А. Жуковский, Н.А. Полевой, П.И. Шаликов, Е.А. Головин, В.А. Татаринов — все эти персонажи предстают на широчайшем фоне русской жизни, которую историк знает до тонкостей, и делится этими знаниями с читателями¹⁴.

Особая ценность биографических эскизов Дубровина обусловлена не только новизной приводимых им фактов, но и тем обстоятельством, что его герои остаются неразрывно и органично связанными с мозаичным контекстом эпохи, где пронизательный взор ученого фиксирует все — начиная от политических, военных и экономических институтов и кончая деталями повседневности.

К числу наиболее ярких образчиков умения передавать дух времени следует отнести две последние работы Дубровина: «Русская жизнь в начале

XIX столетия» и «После Отечественной войны (из русской жизни в начале XIX века)».

За несколько лет до кончины Дубровин начинает собирать материалы по истории движения декабристов. Профессионалы знают, сколько труда, сил и времени требуют архивные изыскания, особенно когда приходится ворошить горы документов, чтобы найти нужный, если, конечно, он там вообще есть. Отсутствие полной гарантии на этот счет иногда обрекает историка на трудоемкую, но бесполезную трату времени. А время для Дубровина, которому в 1897 г. перевалило за 60, становится все более драгоценным. Работается в архивах уже не так легко, как в молодости. Дни, потерянные на перелистывание «пустых» дел, стоят теперь все дороже. Однако как человек, беззаветно преданный своему ремеслу, Дубровин не хочет никому передоверять даже «черную», собирательскую работу, считая ее своим профессиональным делом и своей профессиональной ответственностью.

За этим будничным служением высокому долгу и застал именитого историка последний день его жизни — 12 июня 1904 г.

* * *

Научное творчество Дубровина, при всем его сюжетном разнообразии, сосредоточено на одном предмете — процессе долгого и трудного строительства Российской империи, который ученый рассматривает в тесной увязке с геополитическими угрозами самому ее существованию, с тем комплексом внутренних и внешних проблем, система защиты от которых именуется «национальной безопасностью».

Все это нашло прямое отражение в выборе объектов исследования: Польша, Крым и Северное Причерноморье, Бессарабия, Кавказ, Центральная Азия. (Ход присоединения и завоевания двух последних регионов Дубровин имел возможность изучать не только как историк, но и как современник.) Эти территории, добытые в разное время и разными способами, послужили необходимым, в ряде случаев жизненно важным пополнением имперских ресурсов России — геополитических, военных, экономических, социально-демографических, культурных. Какие бы порой формы ни принимал процесс расширения империи, в основе его лежали не прихоти царствующих особ и не иррациональный «русский экспансионизм», а жесткие императивы¹⁵. Именно они обрекали сначала Московское, а затем Российское государство на необходимость понять, что единственный путь к выживанию в условиях географической уязвимости — в поиске относительно прочных рубежей обороны на западе, юге и востоке. Многовековой опыт общения с внешним миром убеждал в этом со всей своей суровой очевидностью. Равно как убеждал он и в том, что без выходов к морским коммуникациям — которые никто из соседей России не собирался предоставлять добровольно — полноценное развитие государства было невозможно.

«Природа страны» и «ход внешних обстоятельств» (если по С.М. Соловьеву) являлись двумя главными проклятиями русской истории, вынуждавшими Русь—Московию—Россию вести постоянную и дорогостоящую «охоту за безопасными границами» (теперь уже цитируя западных исследователей). В системно-стратегическом плане впервые этим геополитическим промыслом начал заниматься Иван Грозный, оставивший в наследство преемникам не только солидный задел и общее направление, но и сложнейшие проблемы, решать и решить которые можно было, лишь двигаясь вперед к созданию империи.

Такая возможность реально возникла с появлением на русском троне Петра I. Именно с него начинается история Российской империи в полном (в том числе в формально-статусном) значении слова, история неразрывно между собой связанных геополитического наступления и обороны.

Дубровин исследовал этот процесс так, как требовала логика, — через глубокое изучение войн, одного из главнейших средств утверждения и защиты империи. Он, однако, прекрасно осознавал и другое: государственные образования подобного типа не могут долго держаться на голой силе. Поэтому в работах Дубровина столь пристальное внимание уделено политическому и дипломатическому содержанию войн, а в случае с Кавказом — как бы неожиданно это ни звучало кое для кого — еще и социально-культурному компоненту, позволяющему вникнуть в сложную диалектику междоцивилизационного соприкосновения.

Великодержавная гордость у Дубровина, как и у его идейных единомышленников, находила продолжение в обостренном восприятии внешних и внутренних угроз самому существованию Российской империи. Отсюда его повышенный интерес к оборонительным войнам России — Отечественной (1812 г.) и Крымской (1853—1856 гг.). Они показали, что мощь и величие государства могут быть преходящими категориями, не гарантирующими полной неуязвимости и безопасности.

Вдумчивый читатель трудов Дубровина найдет в них очень полезные исторические уроки и предостережения. К сожалению, эта сторона творчества ученого не всегда была востребована властями предрекающими. Возможно, отчасти поэтому в начале XX в. Петербург наступил почти на те же грабли, что и в 1853 г. В обоих случаях он забыл о непреложном правиле: прежде чем начинать войну, к ней нужно тщательнейшим образом подготовиться (как это, к примеру, делал Бисмарк), чтобы застраховаться от проигрыша и его непредсказуемых последствий. В результате на протяжении полувека России дважды (1856 г. и 1905 г.) пришлось испить горькую чашу поражения и унижения.

Если есть какое-то утешение в дате ухода Дубровина в мир иной — 12 июня 1904 г. — оно, пожалуй, в том, что судьба избавила его от лицемерия катастрофических неудач русской армии и флота на Дальнем Востоке. И от печального искушения сделать вывод: история и историки мало чему учат людей во власти.

* * *

На оценках современников всегда лежит некий налет недопонимания значимости человека, живущего среди них. Даже в некрологах, при всех панегирических особенностях этого жанра, присутствует вольная или невольная сдержанность. Авторы как бы интуитивно предоставляют времени расставить все по своим местам. К примеру, при жизни С.М. Соловьева историки, отдавая ему должное, все же зачастую писали о нем как об одном из своих коллег. Не более. В XIX в. многие из тех, кого ныне не вспомнит даже хорошо начитанный исследователь, позволяли себе снисходительно указывать «г-ну Соловьеву» на его «заблуждения». Подозревали ли они, что через полтора века сочинения «г-на Соловьева» будут выпускаться колоссальными тиражами и станут не только основой профессионального исторического образования в России, но и органичной частью ее культурно-духовного наследия.

Судьба Н.Ф. Дубровина в этом смысле не совсем типична. Для современников Николай Федорович тоже был «г-ном Дубровиным», добротным занимавшимся своим делом, человеком на своем месте. Его вклад в науку вполне сопоставим с тем, что сделал Сергей Михайлович. Фундаментальные труды Дубровина давно следовало бы издать в виде академического собрания, как это произошло с сочинениями Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского и других, причем в советское время. Однако не случилось. Осмелимся предположить причину: уж слишком много он писал о Кавказе. Писал не как «очарованный странник» с буйным романтическим воображением, а как историк, который не отводил взгляда от беспощадных документов.

Сегодня, к прискорбию, негативистские оценки некоторых работ Дубровина принимают эмоционально-воинственные, разнузданные формы. Это не имеет ничего общего с научно-профессиональной методологией, но зато эффективно служит социально-деструктивным целям. Чтобы адекватно противостоять этому разрушительному духу, пора уже предоставить слово самому Дубровину и донести его до читательской аудитории напрямую, без посредников. У последних отныне не должно быть привилегии толковать творчество историка, спекулятивно используя отсутствие широкого доступа к его трудам. Пусть образованные россияне получают Дубровина «из первых рук» и составят самостоятельное представление о нем.

Мы вовсе не призываем бездумно проникнуться переоценочным пафосом нашей эпохи. Мы всего лишь предлагаем отдать историку то, что он, безусловно, заслужил.

* * *

Даже если бы Н. Ф. Дубровин не написал ничего, кроме «Истории войны и владычества русских на Кавказе», он все равно обеспечил бы себе статус классика отечественной историографии. Ни до, ни после него никто не ре-

шался на создание столь монументального произведения (6 томов общим объемом около 4 тыс. страниц). У кого-то на это, возможно, ушла бы вся жизнь. Другому и ее бы не хватило¹⁶.

«История...» — первый обобщающий труд по теме, основанный на таком количестве источников, одному лишь обзору которых (и притом далеко не всех) Дубровин посвятил целую книгу в 400 страниц (том 1, книга 3). Вынесенные в название работы слова «война» и «владычество», вроде бы наполненные великодержавным подтекстом, могут показаться ключевыми. Но это не совсем так, а зачастую совсем не так.

Дубровин детально прослеживает процесс проникновения и утверждения России на Кавказе начиная с 80-х годов XVIII в. и заканчивая 20-ми годами XIX в. — временем окончательного международно-правового оформления российского присутствия в этом крае. В том, что война составляла лишь часть (и не всегда главную) данного процесса, легко убеждаешься по мере чтения «Истории...». Давая объемную картину внутренней жизни народов Кавказа и исследуя характер внешних угроз со стороны Ирана и Турции, автор по существу приходит к констатации тех факторов, которые в конечном счете обусловили пророссийскую ориентацию местных элит и населения. Неопровержимой манифестацией подобных настроений явились обращенные к Петербургу настойчивые просьбы грузин, армян и части азербайджанцев о защите, покровительстве и протекторате. В основе этих инициатив, по мнению Дубровина, лежали абсолютно рациональные соображения.

Ответная реакция России отнюдь не сводилась только к посылке войск и использованию локальной конъюнктуры для упрочения своих позиций с помощью силы. Как явствует из «Истории...», диапазон применения политических и дипломатических средств был широк и менялся под влиянием конкретной ситуации. Что касается войск, то до поры до времени их посылали на Кавказ в незначительном количестве и весьма неохотно. Петербург, во избежание внутрикавказских и международных осложнений, предпочитал соблюдать осторожность, если не было острой нужды в более решительных действиях.

Вопреки расхожему (особенно в зарубежной историографии) мнению о последовательном военно-экспансионистском характере политики России на Кавказе, Дубровин фактически говорит о том, что она зачастую являлась не столько воплощением какого-то цельного, унаследованного в веках стратегического замысла, сколько ситуативным ответом на обстоятельства, игнорировать которые становилось опасным.

В подтверждение историк ссылается на отсутствие в правящих кругах Петербурга единства мнений о целесообразности и масштабах присутствия России в Закавказье. Отсюда амплитуда колебаний русской военной активности в регионе во второй половине XVIII в. Отсюда же сложность и длительность процедур принятия основополагающих правительственных решений относи-

тельно Кавказа. Тот или иной исход этих процедур вовсе не был гарантирован, что свидетельствует о состязательном характере высокосановных обсуждений и, по крайней мере, о теоретическом наличии альтернативных вариантов в российской политике на южном направлении.

Однако к концу XVIII в. поле этих альтернатив, как убеждает Дубровин, стремительно сужалось под воздействием резко обострявшейся международной обстановки на Кавказе и вокруг него. Именно она, в полном смысле слова, вынуждает сначала Павла I, а затем Александра I — не самых больших поклонников идеи присоединения Грузии и Закавказья к России — взять на себя ответственность за историческую судьбу народов, которым грозило исчезновение не только с политической карты, но и с лика Земли вообще.

Трудный путь российских императоров к такому решению, принимавший все больше сходства с узкой и единственной тропинкой в горах, Дубровин проследил с присущим ему мастерством. С не меньшей проницательностью историк раскрывает жесткую геополитическую логику в поведении Петербурга уже после того, как Рубикон, в данном случае в виде Кавказского хребта, был перейден. Теперь продвижение на запад, восток и юг от присоединенной в 1801 г. Картлии-Кахетии для России — не вопрос свободного выбора, а неотвратимая необходимость, связанная с поиском политически и ландшафтно надежных границ с Ираном и Турцией, а также с защитой новоприобретенных земель от внешних и внутренних опасностей.

И конечно, невыполнение этой задачи или отступление от нее грозили Петербургу полным подрывом его престижа в Азии и Европе, чего русские императоры не могли допустить никак. На тот момент не существовало иного способа решить все эти проблемы, кроме как прибегнув, прежде всего, к военной силе.

У Дубровина подобный императив не вызывает ни малейшего сомнения, поэтому он не видит смысла в подробном анализе обстоятельств, морально оправдывающих войны России на Кавказе, с кем бы она их ни вела — с шахом, султаном, северокавказскими горцами или закавказскими ханами. Историк убежден, что Кавказ, как уникальная геостратегическая позиция, принципиально не мог оставаться вне сферы власти той или иной великой державы. Для Дубровина Кавказ — это не субъект, а объект международной политики, и в таком качестве он являлся ареной исторической борьбы между внешними силами. События решающей фазы этой борьбы (последняя четверть XVIII в. — первая треть XIX в.) составляют огромную часть труда Дубровина. Раскрывая причины, объясняющие конечную победу России, ученый обращается не только к сугубо военным факторам, но и к политическим, дипломатическим, конфессиональным, культурным, психологическим. И тут он готов признать определенную роль (некую субъектность) местных властных элит, либо помогавших, либо препятствовавших России, либо игравших на ее противоречиях с Ираном и Турцией.

Вполне возможно, что изначально Дубровин честно собирался написать военную историю утверждения России на Кавказе. Но в итоге получилось нечто гораздо большее, потому что сам документальный материал увел ученого намного дальше первоначального замысла. Строго говоря, Дубровин не строит никакой концепции — она у него получается сама собой, в результате систематизации и обобщения фактов, с которыми автор обращается в высшей степени корректно¹⁷.

Эту концепцию, при желании, можно назвать как угодно — великодержавной, монархической, реакционной и т.д., но у нее нельзя отнять ее масштабности и научного содержания в том смысле, что, при всех своих недостатках, она явно тяготеет к объективному отражению действительности вне зависимости от идейно-политических пристрастий Дубровина, безусловно у него наличествующих¹⁸.

Профессиональная добросовестность ученого в конечном счете оказывается выше всего остального: он скорее позволял себе фигуру умолчания, чем фигуру лжи. Помимо прочего, «История...» — прекрасная учеба для современных специалистов-кавказоведов, в ходе которой они могут овладеть искусством размежевания исторической реальности и своего отношения к ней.

* * *

Первый том «Истории...», состоящий из трех внушительных по размерам книг (первая — 640 стр., вторая — 431 стр., третья — 454 стр.), весьма неожиданно открывает перед прочитавшим общее название труда человеком то, что, в принципе, выходит далеко за рамки ожидаемого. Первая и вторая книги, по сути, содержат этнографическую энциклопедию Кавказа, в которой умело систематизировано, если так можно выразиться, совокупное русское знание о народах региона. А этого знания за несколько веков общения накопилось много, хотя хранилось оно в разрозненном виде. Дубровин делает данную информацию структурно организованной, широко доступной и удобной для ознакомления.

На эту поистине гигантскую работу Дубровина, по его собственному признанию, подвигла необходимость понимать и научить понимать ту сложнейшую этнокультурную материю, с которой России пришлось иметь дело в ходе продвижения на Кавказ. (Хотя Дубровин предпочитает слово «завоевание», следует повторить, что реально он показывает отнюдь не только и не столько войну.)

Северокавказских горцев он прямо именуется «противниками», полагая, что их борьба против России обуславливалась не просто самим фактом ее появления здесь, а резкими цивилизационными различиями. Ситуация, с точки зрения Дубровина, усугублялась еще и тем, что у Петербурга не всегда хватало желания и терпения вникать в суть этих различий, изучать «материальные и нравственные средства» горцев. Отсюда — «многие ошибки, имевшие неблагоприятные и серьезные последствия», в том числе в виде «волнений» и «вооруженных восстаний».

Разбирая действия имперской администрации на Кавказе, Дубровин выступает жестким критиком радикальных и непродуманных решений, «крутых поворотов», нарушавших «прежние привычки» местных народов. Будучи далеко не в восторге от некоторых из этих, прямо скажем, жутковатых «привычек», он тем не менее считал необходимым устранять их постепенно и осторожно — методичной культурно-цивилизаторской работой, наполненной творческим началом. Высокую просветительскую миссию России на Кавказе Дубровин рассматривал как нравственный долг империи, успешное выполнение которого сулит благо для всех.

Во многом Дубровин воспринимал Кавказ так же, как Киплинг — Индию. У обоих великодержавно-попечительский взгляд органично сочетался с глубоким интересом и уважением к чужой культуре. У Дубровина это выражалось в менее поэтических формах, но сила его гордого миссионерского чувства, соединявшегося с жадной постичь «другое», вполне сопоставима с киплинговской.

Испытывая понятное отвращение к горским грабительским набегам и «хищничеству», историк вместе с тем пытается выяснить социальную природу и источники воспроизводства этого традиционного северокавказского промысла. Что касается большинства других народных обычаев, то в их исследование Дубровин погружается с такой страстью и сопричастностью, которые никак не вяжутся с приписываемым ученому высокомерным отношением к новообращенным подданным империи. Это лишний раз подтверждается его восхищением готовностью горца не задумываясь пожертвовать собой ради защиты своей чести и достоинства, ради соблюдения «закона, завещанного отцами и предками».

Дубровин призывает русскую администрацию на Кавказе изучать и понимать местную жизнь, чтобы избежать ситуации, когда элементарное этнографическое невежество приводит к непоправимому результату. Насколько чутко вняли этому призыву высокопоставленные современники Дубровина, сказать трудно. Гораздо очевиднее и тем прискорбнее другое: в девяностые годы следующего, двадцатого, века предостережение ученого осталось совершенно неостребованным со стороны высшей кремлевской власти, не в последнюю очередь по причине полного отсутствия в этой самой власти людей, что-либо слышавших о Дубровине.

В результате похода, играючи была развязана чеченская война, обернувшаяся общей российской трагедией, последствия которой залечивать еще долго.

Для Дубровина вопрос о праве России на владение Кавказом — вне обсуждения. Однако столь же очевидна для него и идея особой, имперской, хозяйской ответственности за безопасность, развитие и процветание приобретенных территорий. Это уже неотъемлемая часть России, в отношении которой Дубровин не может себе позволить отстраненного, бесстрастно-исследовательского взгляда. Если за это угодно величать его адептом великодержавной идеологии, то пусть будет так.

* * *

Третья книга первого тома «Истории...» — это поистине бесценный подарок ученым-кавказоведам. Она содержит подробно аннотированную библиографию книг и статей о Кавказе, составленную на основе изучения 2,5 тыс. различных изданий. Кроме того, там есть очень удобные ключи для быстрого и «более удобного отыскания различного рода сведений».

Своей кропотливой работой Дубровин сэкономил труд следующим поколениям исследователей Кавказа: теперь в поисках научного материала им не приходится тратить время и силы на то, что уже сделано их неутомимым предшественником.

С формальной точки зрения «Историю...» Дубровина не жаловала ни советская, ни постсоветская, младороссийская историография. Его укоряли за антинаучный подход, за апологию войны и царского колонизаторского режима на Кавказе, за оскорбление исторической памяти малых народов, разжигание национальной розни и т.д.

Парадокс, однако, в том, что даже для самых непримиримых критиков Дубровина, отвергающих его идейно-политические и научно-методологические установки, подлинно профессиональное образование и познание Кавказа, как необъятного объекта исследования, началось с «Истории войны и владычества русских на Кавказе». Именно этот «антинаучный» труд открыл большую дорогу в науку многим отечественным и зарубежным ученым, хотя признаваться в этом и сегодня, как и прежде, не принято.

Порой не знаешь, чему приписать сохраняющуюся (если не растущую) одиозность «Истории...» — то ли иронии судьбы, то ли ее несправедливости. Становится особенно обидно за Дубровина, когда, помимо всего остального, выясняется, что российские ученые кавказского происхождения, то и дело впадающие в обличительный антидубровинский синдром, изучали и изучают историю и этнографию своих народов, прежде всего, по Дубровину. Тут, похоже, и лицемерия-то особого нет, ибо все они в глубине души признают в Дубровине непревзойденного знатока предмета, титаническим трудом которого вызволены из небытия, оживлены и наполнены глубоким смыслом целые пласты исторической жизни Кавказа.

Поэтому, независимо от мировоззренческих или научных разногласий с Дубровиным, иметь его «Историю...» на полке собственной библиотеки остается мечтой любого специалиста по Кавказу. Но этой полки заведомо не хватит, если ее владельцу удастся собрать все труды историка, один лишь подсчет которых может озадачить даже опытного библиографа. Оставлять этот кладезь знаний, добытый неутомимым старателем науки, в удел лишь исследователям-профессионалам несправедливо по отношению к широкой читательской аудитории, давно уже знакомой с классическими сочинениями В.Н. Татищева, Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, Н.И. Костомарова и других. Пора ей знать, что у Николая Федоровича Дубровина есть полное право занять свое почетное место в этой славной когорте.

Примечания

¹ *Бескровный Л.Г.* Очерки военной историографии России. М., 1962. С. 241–242.

² *Ильин П.В.* «Благородный труженик науки». Судьба и наследие историка Николая Федоровича Дубровина // Дубровин Н.Ф. Русская жизнь в начале XIX века / Подгот. и предисл. П. В. Ильин. СПб.: ДНК, 2007. С. 11.

³ За неимением другого, мы пользуемся этим традиционным, крайне условным термином, понимая, что он не отражает всего потенциального богатства и всех важных оттенков данного историографического направления. Одна из особенностей последнего заключалась в том, что принадлежавшие к нему так называемые «придворные историки» зачастую демонстрировали в обращении с документальными источниками гораздо больше критичности и профессионализма, чем их оппозиционно-либеральные коллеги, тяготевшие к концептуализации материала в соответствии со своими политическими взглядами. (*Ильин П.В.* Указ. статья. С. 7.)

⁴ *Дубровин Н.Ф.* А.В. Суворов среди преобразователей екатерининской армии. СПб., 1886. С. V.

⁵ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя / Под ред. Н.Ф. Дубровина. Вып. I–VI. СПб., 1871–1875.

⁶ *Богданович М.И.* Восточная война 1853–1856 годов. Т. 1–2. СПб., 1876.

⁷ Впрочем, нельзя сказать, чтобы это в корне расходилось с обычаями русской историографии. Вспомним И.Н. Болтина и прославившие его «Примечания» (по сути, огромную рецензию) на «Историю» господина Леклерка.

⁸ *Дубровин Н.Ф.* Трехсот-сорока-девяти-дневная защита Севастополя. Общедоступное изложение. СПб., 1872.

⁹ *Дубровин Н.Ф.* А.В. Суворов среди преобразователей екатерининской армии. СПб., 1886.

¹⁰ Бумаги Я.И. Булгакова. 1779–1798 // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. (Далее — Сб. РИО). Т. 47. СПб., 1885.

¹¹ Письма главнейших деятелей в царствование Императора Александра I с 1807 по 1829 г. СПб., 1883.

¹² *Рудаков В.Е.* Учено-литературная деятельность Н.Ф. Дубровина // Исторический вестник. 1904. Август. С. 549.

¹³ Николай Михайлович Пржевальский. Биографический очерк. СПб., 1890.

¹⁴ Бумаги графа А.А. Закревского, 1812–1831 гг. // Сб. РИО. Т. 73, 78; Материалы и черты к биографии Наполеона I и к истории его царствования // Сб. РИО. Т. 98; Наполеон I в современном русском обществе и русской литературе // Русский Вестник. 1895. № 2–6; Наши мистики-сектанты // Русская старина, 1894, 1895, 1896; Несколько слов в память императора Николая I // Русская старина. 1896. № 6; Граф Аракчеев — нежный сын, дамский кавалер, шутник и защитник артиллерии // Русская старина. 1900. № 1; Жуковский перед судом с.-петербургского цензурного комитета // Русская старина. 1900. № 10; Великий князь Константин Павлович в сомнениях и отрицаниях современных ему порядков // Русская старина. 1900. № 10; Записка М.М. Сперанского о вероятности войны с Францией после Тильзитского мира // Русская старина. 1900. № 1; Князь И.И. Шаликов // Русская старина. 1901. № 1; Н.А. Полевой. Его сторонники и противники по Московскому Телеграфу // Русская старина. 1903. № 2; Граф А.Х. Бенкендорф и В.Н. Каразин // Русская старина. 1903. № 4; и др.

¹⁵ См.: *Дегоев В.В.* О роли императива безопасности в российской истории // Дегоев В.В. Россия, Кавказ и постсоветский мир: прощание с иллюзиями. М.: Русская панорама, 2003. С. 92–130.

¹⁶ Исторические документы из архивов Петербурга и Москвы, обработанные и использованные Н.Ф. Дубровиным

в «Истории...», насчитывают... 153 820 листов единиц хранения! (РГВИА. Ф. 492. Д. 199, 68 291 лист; Д. 200, 48 608 листов; Д. 201, 36 921 лист). И это без учета материалов, которые он собрал во время четырехмесячной научной командировки в Тифлисе в 1869 г.

¹⁷ До сих пор бытующее представление о Н.Ф. Дубровине как об историческом повествователе, фактографе и антиконцептуалисте вызывает большие сомнения. Если под «концепцией» разумеется нечто такое, что непременно должно быть последовательно разработано и сформулировано с опорой на определенную теорию и с помощью сложных логических процедур, чтобы в итоге принять законченно-стройный вид, то ничего подобного у Дубровина действительно нет. (Кстати говоря, такой подход предполагает довольно высокую степень заданности и априорности, диктующих необходимость субъективного отбора

и целенаправленной огранки исторического материала.) Однако есть и другой путь концептоконструирования — идти от источников и фактов, которые, при дисциплинированном отношении к ним, сами по себе сложатся в обобщающую картину, способную обнажить суть вещи лучше и ярче любой построенной «сверху» схемы. Если подходить к творчеству Дубровина с этих позиций, то можно смело заявить, что созданная им громадная историческая панорама русской жизни позволяет причислить его к концептуалистам.

¹⁸ В оценке перечисленных нами характерных черт Дубровина-историка, источниковеда, археографа почти единодушно сходятся как его маститые коллеги-современники, так и весьма критически настроенные исследователи из последующих поколений. (См.: *Ильин П.В.* Указ. статья. С. 5–6, 8, 26–29, 34–36, 38.)

Заметки о славяно-аланских контактах

Русско-осетинские отношения своими корнями уходят в давние времена. Уже на раннем этапе взаимоотношений они, как показали исследования, отличались глубиной и длительностью. Французский ученый Я. Лебединский отметил «глубокий след скифо-иранских народов, легший на военные традиции (и вообще на культуры) их преемников в зоне Юго-Восточной Европы. Без учета этого следа многое в истории Украины и Южной России — непонятно»¹. Ту же мысль несколько раз высказал академик Г. В. Вернадский: «Изучающий русскую историю должен внимательно отслеживать развитие тенденций в евразийском кочевом мире, поскольку без знания этого развития многие события в истории России никогда не могут быть в достаточной степени поняты и оценены». «Иранский период обладал фундаментальной значимостью для последующего развития русской цивилизации». Более того, подчеркнул ученый, именно скифы, сарматы и аланы «заложили основание политической организации восточных славян. Искусство Древней Руси было также пропитано иранскими мотивами»².

Новый этап в отношениях предков двух народов связан с появлением на исторической арене алан — непосредственных предков осетин. Ю.В. Готье отмечал по этому поводу: «С самого начала русской исторической жизни до Батыева погрома аланы жили рядом с русскими и *среди них* (курсив мой. — Ф. Г.) и должны были вносить в русскую жизнь что-то свое». На это указывает аланское происхождение ряда имен купцов и послов, упомянутых в договорах Руси с греками 911 и 945 гг.³

Феликс
Хазмурзаевич
ГУТНОВ

Один из крупнейших специалистов по истории Древней Руси, Г.В. Вернадский, в истории ранних славян большую роль отводил Кавказу: «культурно — как и можно было ожидать — Кавказ был ме-

стом встречи Востока и Запада, христианства и ислама, византизма и ориентализма, иранской и тюркской цивилизаций и образов жизни. В силу такой сложной исторической почвы было бы неверно исследовать отношения между Русью и народами Кавказа в тех же рамках, что и русско-византийские отношения. *К взаимоотношениям между Русью и Кавказом следует подходить как к особой проблеме*» (курсив мой. — Ф. Г.). Из «коренных племен Северного Кавказа... особенно важными для изучающего русскую историю» исследователь выделил осетин (алан) — «из-за их ранних и близких связей с русскими». Аланы, отметил А.П. Новосельцев, «занимали значительную часть южнорусских степей, а также приазовскую и северокавказскую территории». Роксаланы «играли огромную роль в консолидации и объединении антов и других южнорусских племен. Вероятно, правящий класс у антов был аланского происхождения»⁴.

Аланское влияние отразилось в идеологических представлениях славян. Древнерусские летописи сохранили имена славянских божеств, часть которых легко объясняется данными иранского языка. В славянском боге *Хорсе* специалисты легко распознают «старого аланского бога», имя которого означает «добрый, хороший». Иранскими по происхождению считаются славянские божества *Дажьбог* — «податель богатств», *Стрибог* — буквально «ширитель богатств», *Симаргл* (в Авесте Симургом называли собаку-птицу), *Сварог* — слово *Swar* обозначает «распря, борьбу, сопротивление» и др.

Князья Киевской Руси проявляли интерес к аланам, «главным образом с военной точки зрения». Их дружины не раз вместе ходили в походы. Например, Мстислав Тмутараканский в таких случаях использовал вспомогательные войска из кавказцев; помимо этого, «много касогов и осетин вошло в состав его личной свиты. После смерти князя многие из воинов этой гвардии, скорее всего, перешли к Ярославу».

Некоторые историки (Г.В. Вернадский, академик А.П. Новосельцев и др.) допускают возможность активного участия ираноязычного элемента в создании Древнерусского государства. В договоре Игоря с Византией 845 г. среди подписавших его славянских князей выделяются лица с явно неславянскими именами — Сфандрь, Прастен, Истр, Фрастен и др.

Характер отношений между обществами того периода не в последнюю очередь определялся мощью их военной организации. Алания X в. предстает сильным государством с единоличной властью, именуемой источниками «царской». В документах еврейско-хазарской переписки той поры говорится, что «царство алан сильнее и более жестоко, чем все (другие) народы, которые окружают нас». В тот момент, когда «возмутились все народы против» хазар, «только царь алан поддержал» хакана; многие «цари, (кто) воевали против Казарии»; но царь алан пошел на их землю и раз(громил) ее так, что нельзя восстановить»⁵.

Масуди высоко оценил мощь Алании: «Царь алан имеет 30 тыс. всадников. Он могуществен, очень силен и влиятелен среди (других?) царей. Его царство

состоит из непрерывной серии поселений; когда (в одном из них) прокричат петухи, ему отвечают в других частях царства ввиду чересполосицы и смежности поселений»⁶.

Важную роль Алании в международных делах отметил Константин Багрянородный: «(знай), что девять Климатов Хазарии прилегают к Алании и может алан, если, конечно, хочет, грабить их отселе и причинять великий ущерб и бедствия хазарам, ... (Знай), что экскусиократор Алании не живет в мире с хазарами, но более предпочтительной считает дружбу василевса ромеев, он может сильно вредить им, и подстерегая на путях, и нападая на идущих без охраны при переходах к Саркелу, к Климатам и к Херсону. Если этот экскусиократор постарается препятствовать хазарам, то длительным и глубоким миром пользуются и Херсон, и Климаты...»⁷.

О политическом весе алан в предмонгольский период можно судить по фигуре их царя — *Дургулея Великого*. Располагая одной из самых мощных армий той эпохи, он играл заметную роль в истории Кавказа и Ближнего Востока. Об этом говорят династические браки с правящими дворами сильных христианских государств. Сестра Дургулея, Борена, вышла замуж за грузинского царя Баграта IV (1027–1072 гг.). Их дочь Мария вступила в брак с византийским императором Михаилом VII Дукой (1071–1078 гг.). Дочь Дургулея Великого, Ирину, Михаил VII выдал замуж за знатного патриция Исаака Комнина, брата будущего императора Алексия (1081–1118 гг.), а на двоюродной сестре Ирины женился правитель Трапезунда Григорий Гавра. Византийские источники Ирину Аланскую⁸ называют «василиссой» (императрицей). Это указывает на высочайший социальный статус и политический вес ее отца — аланского царя Дургулея. М.В. Бибиков отметил по этому поводу: «Речь идет о самостоятельном государстве, равноправном с империей ромеев: византийскому василевсу (императору) соответствует аланская василисса (императрица)»⁹.

Связи Византии с Аланией укрепились в царствование Дургулея Великого. Его высокий статус подтверждается и византийскими памятниками. В отдельных случаях такая оценка приводилась даже авторами, крайне негативно относившимися к аланам. Например, Михаил Пселл в разделе о периоде правления Константина IX Мономаха привел интересный рассказ о любви императора к некой девице, «которая... жила у нас как заложница из Алании. Царство это — не очень-то важное и предоставляет Ромейской державе залогов верности. Девица, дочь тамошнего царя, *красотой не отличалась* (курсив мой. — *Ф. Г.*), заботами о себе не была избалована и украшена только двумя прелестями: белоснежной кожей и прекрасными лучистыми глазами. Тем не менее царь сразу же пленился ею, забыл думать о других своих пристрастиях, у нее одной проводил время и пылал к ней любовью.

Пока царица Зоя была жива, он не очень-то проявлял свои чувства..., но, когда Зоя умерла, он раздул пламя любви, распалил страсть и разве что не со-

орудил брачный чертог и не ввел туда возлюбленную, как жену. Преображение этой женщины было мгновенным и удивительным: ее голову увенчало невиданное украшение, шея засверкала золотом, руки обвили змейки золотых браслетов, на ушах повисли тяжелые жемчужины, и золотая цепь с жемчугами украсила и расцветила ее пояс. И была она настоящим Протеем, меняющим свой облик.

Хотел Константин увенчать ее царской короной, но опасался двух вещей: закона, ограничивающего число браков, и царицы Феодоры, которая не стала бы терпеть такого бремени и не согласилась бы одновременно быть и царицей, и подданной. Поэтому-то он и не сподобил возлюбленную царских отличий, однако удостоил звания, нарек *севастой* (курсив мой. — Ф. Г.), определил ей царскую стражу, распахнул настежь двери ее желаний и излил на нее текущие золотом реки, потоки изобилия и целые моря роскоши. И снова все расточалось и проматывалось: часть растрчивалась в стенах города, часть отправлялась к варварам, и впервые тогда аланская земля наводнилась богатствами из нашего Рима, ибо одни за другими исправно приходили и уходили груженные суда, увозя ценности, коими издавна вызывало к себе зависть Ромейское царство... дважды, а то и трижды в год, когда к юной севасте приезжали из Алании слуги ее отца, самодержец публично показывал им ее, провозглашал ее своей супругой, именовал царицей, при этом и сам преподносил им подарки и своей прекрасной жене велел их одаривать»¹⁰.

Михаил Пселл, судя по тону его описания, тенденциозно подходил к оценке роли алан в византийских делах XI в. С середины столетия начинается блистательная военно-политическая деятельность царя алан Дургулеля Великого. Его услугами охотно пользовались императоры Михаил VII Дука и Никифор Вотаниант. Очевидно, Византия сильно нуждалась в военной помощи со стороны алан. Вероятно, этим объясняется «увлеченность» византийского императора юной дочерью царя алан. Конечно, Константин IX Мономах мог «увлечься» красивой аланкой. Но в том-то и дело, что она «красотой не отличалась», как отмечал сам Пселл. Тем не менее император максимально приблизил ее к себе и всячески ублажал. Очевидно, союз с нею и «богатые подарки» аланам объективно служили интересам Византии. Не случайно в период правления Константина IX Мономаха в армии империи важное место принадлежало аланским дружинам. Например, в походе на Двин участвовал отряд магистра Константина Аланского. «Магистр» — высший византийский титул, присваивавшийся членам не императорских фамилий.

Дургулель неоднократно помогал новым родственникам в борьбе с противниками. В 60-х годах XI в. Грузию потрясли набеги сельджуков. Согласно «Картлис цховреба», со времени нашествия Мервана Глухого Картли не испытывала подобного разгрома: «от множества трупов не касался взгляд человеческий тверди земной». По свидетельству мусульманских источников, «в 1062 г. пропущенные через Дарьяльский проход аланы опустошили Арран и угнали

20 тысяч пленных». В 1065 г. совместно с грузинскими воинами аланы вновь вторглись во владения Шаддадидов и дошли до Аракса. В 1068 г. Баграт IV позвал «своего шурина — царя овсов Дургулея, который прибыл во главе сорокатысячного войска... овсы разорили владения Фадлона и возвратились с большой добычей». Военная помощь Дургулея грузинскому родственнику была столь значимой, что древнегрузинские источники называют его «великий царь овсов»¹¹.

Союза со столь мощным военно-аристократическим социумом искали соседи ближние и дальние. В свою очередь, аланы также искали сильного соратника. В предмонгольский период таковыми были славяне.

Напомним, что Г.В. Вернадский в истории ранних славян большую роль отводил Кавказу: «культурно — как и можно было ожидать — Кавказ был местом встречи Востока и Запада, христианства и ислама, византизма и ориентализма, иранской и тюркской цивилизаций и образов жизни. В силу такой сложной исторической почвы было бы неверно исследовать отношения между Русью и народами Кавказа в тех же рамках, что и русско-византийские отношения. К взаимоотношениям между Русью и Кавказом следует подходить как к особой проблеме (курсив мой. — Ф. Г.)». Из «коренных племен Северного Кавказа», являющихся «особенно важными для изучающего русскую историю», исследователь выделил осетин (алан) — «из-за их ранних и близких связей с русскими». Аланы «занимали значительную часть южнорусских степей, а также приазовскую и северокавказскую территории». Роксаланы «играли огромную роль в консолидации и объединении антов и других южнорусских племен. Вероятно, правящий класс у антов был аланского происхождения»¹².

Аланы принимали участие в военных операциях славян на Северном Кавказе. Согласно арабским источникам, в 333 г. х. (944/5 г.) аланы и лакцы в качестве союзников участвовали в походе русов на каспийский город Бердаа. Бар Дебрей писал по этому поводу: «в правление аббасидского халифа ал-Мустафи (943–946) вторжение алан, русов и лезгов, которые дошли до Азербайджана, где взяли город Бердаа, убив почти двадцать тысяч человек»¹³.

По мнению А.Н. Сахарова, учитывая заключенный прежде союз между аланами и Русью во время похода на Бердаа, сокрушение Хазарии — противника алан, попытку урегулировать отношения с населением Северного Кавказа политическими методами, Святослав¹⁴ в преддверии похода на Дунай привел в Киев отряды ясов и касогов¹⁵. В связи с этим повышенный интерес вызывают археологические находки в самом Киеве — погребения аланского типа в катакомбах.

В первой трети XI в. Ярослав значительную группу алан поселил на р. Рось, где незадолго до этого были основаны города Корсунь, Богуслав, Юрьев¹⁶. В аналогичных случаях князь поступали так постоянно. Подобными мерами Русь стремилась обезопасить свои южные рубежи от набегов кочевников. Ряд археологов предполагает связь некоторых курганных захоронений XI–

XIII вв., обнаруженных у с. Яблоневка в Поросье, с аланами; выявленный инвентарь находит прямые аналогии в Змейском аланском катакомбном могильнике в Северной Осетии.

С начала XII в. киевские князья, осваивая Дон, активизировали борьбу с половцами, стремились заручиться поддержкой донецких алан. Когда в 1111 г. славяне двинулись к городу Шарукану, то впереди дружины с пением религиозных гимнов шли священнослужители. Горожане вышли «и поклонноша князем русским и вынесоша рыбы и вино». Русичи вошли в город, а утром двинулись дальше. По мнению Ю.А. Кулаковского, город на Донце населяли аланы-христиане, и славяне, подступая к Шарукану, знали об этом¹⁷.

В 1116 г. Владимир Мономах «послал своего сына Ярополка, а Давыд сына своего Всеволода на Дон». Ярополк вернулся с аланами (ясами), «и привеле себе жену, красну велми, яського князя дщерь». Как и прежде, аланы, которых Ярополк «привеле с собою», переселялись на Русь в пограничные районы, где несли военную службу.

Отражением славяно-аланских связей служили династические браки, в рассматриваемый период ставшие едва ли не обычным делом. Особый интерес к союзу с аланами проявляли суздальские князья. Специалисты по Киевской Руси подчеркивали в этой связи: «Суздальские князья долгое время сохраняли и матримониальные союзы с владельцами Северного Кавказа, при владимирском дворе встречаются служилые осетины», т.е. аланы. Дело дошло даже до того, что князья других городов Древней Руси в жены аланок брали из Суздаля! Например, в 1182 г. «Князь Киевский Святослав Всеволодович ожени два сына, а... за Мстислава ясыню из Володимеря Суждальского, Всеволодю свесть»¹⁸.

Показателен и брак Ярополка. Его жена в летописях упоминается как «Олена Яска», т.е. Елена; в 1145 г. она перенесла останки своего мужа (Ярополк скончался в 1139 г.) в церковь Святого Андрея в Киеве. Ее имя позволяют уточнить данные Ипатьевской летописи. Под 1182 г. сообщается о женитьбе сына киевского князя Святослава Владимировича — Мстислава, за которого была выдана замуж «ясыня из Володимеря Суждальского, Всеволодю свесть», т.е. свояченица Всеволода, по происхождению яска. Получается, что Всеволод, Ярослав и Мстислав были женаты на трех сестрах-аланках. Причем брак Всеволода был первым, и, вероятно, вместе с его женой во Владимир приехали ее родственники, включая сестер, а уже потом из Владимира они вышли замуж. Породниться с могущественным князем Владимирской Руси стремились Рюриковичи других княжеских династий¹⁹.

Важным источником информации для изучающего прошлое является археологический материал. Маркером длительных связей Киевской Руси и Алании являются многочисленные предметы славянских древностей, найденные на Северном Кавказе. Только на рубеже XX–XXI вв. на Развальском городище [на севере Пятигорья] обнаружены десятки древнерусских предметов XI–

XIII вв., изготовленных славянскими ремесленниками. Среди находок — детали от крестов-складней. Время и обстоятельства появления крестов-складней на аланском городище на горе Развалка одни археологи объясняют политическими и экономическими связями Руси и Алании, другие — связывают с русскими пленниками татаро-монголов²⁰.

Весомым подспорьем в изучении того или иного социума является терминология источника. Особенно актуальны термины на родном языке автора приводимой информации.

К рассматриваемому времени у алан на основе родного языка возникло несколько социальных терминов. В числе таковых — *afsin* «хозяйка», «госпожа». В эпосе осетин так называлась самая уважаемая из нартовских женщин — Шатана, жена главы нартов Урызмага. Имя последнего Г. Бейли выводил от *ava-rasmaka* «господин». В поисках этимологии *afsin* В.И. Абаев остановился на одноименном титуле среднеазиатских правителей Усрушана (последний *al-Afs In* — Хайдар, умер в 841 г.) и Согда (например, Гурек — «*ихшид* Согда, *афшин* Самарканда» в 737/8 г. заключил договор с арабским военачальником Муслимом). Здесь явно выступает нарицательное значение слова *afsin* «правитель». По убеждению лингвистов, весьма возможно, что данный термин «восходил к массагетскому матриархату и служил первоначально наименованием массагетских правительниц типа знаменитой Томирис»²¹.

Аналогичных взглядов придерживается Р. Фрай. В одной из недавних работ он писал по этому поводу: «Насколько я знаю, полиандрия не характерна для алан, но женщина играла важную роль в раннем осетинском обществе», о чем свидетельствует термин *axs In*, который В.И. Абаев соотносил с корнем «править»; «не следует забывать о легендах об амазонках и важной роли Шатаны в нартовском эпосе»²².

Вместе с тем обратим внимание на находку археологов в столице *афсинов* «(царей) древней Уструшаны в Средней Азии фрески с изображением волчицы, кормящей двух младенцев»²³. Возможно, данное изображение отражает связь «афсинов» с тотемом — волком.

Древнегрузинские и древнеармянские памятники сохранили аланский термин *багатар*, применявшийся в отношении элиты военной аристократии алан. Напомним и говорящее имя *Баракад* «Изобилие» — родственника аланской «царевны Сатиник», согласно армянским источникам V в. вышедшей замуж за царя Арташеса. Те же источники характеризуют Баракада как военачальника, занимавшего «второе место после царя алан». Уговаривая Баракада вернуться на родину, военачальник Барлах, посланный «царем» алан, сразу определил сословную принадлежность Баракада — «у тебя вид мужа войны». Барлах уговаривал аланского отшельника: «Согласись со мной и вновь удостоишься прежнего положения и возляжешь на втором месте (после царя)»²⁴.

Следующий слой военной знати алан обозначался одним из ранних полувойенных-полусословных терминов — *алдар*. Он восходит к периоду военной

иерархии и первоначально имел значение «военный предводитель». Л. Згуста в надписях Пантикапея, Боспора и Танаиса отметил весьма часто встречаемое имя *Ардарос*, образованное от *арм* «рука» + *дарын* «держатель», в итоге *рукодержец*.

По мнению Л. Згусты, имя *Ардар* «очень хорошо объяснил» В.Ф. Миллер, исходивший из осетинского *aldar* «старший», «глава», «князь»²⁵. Р. Фрай, ссылаясь на неопубликованные материалы Э. Ртвеладзе, обратил внимание на слово *aldar* в значении «вождь» на гемме из Центральной Азии²⁶. Интересно, что в венгерском, заимствованном у алан, получил значение «начальник охраны»; это «ясно указывает на военное происхождение этого слова, получившего впоследствии широкую социальную значимость». В калмыцком имеем полное совпадение значения *aldar* «господин». В монгольских языках имеет значение «слава»²⁷.

Возможно, хотя и не обязательно, уже в этот период у алан появился термин *xumatag* — «простой», «незначительный». По мнению лингвистов, это слово заимствовано из славянского *kumet/i/* — «с наращением обычного форманта *-ag*». Сравним с древнерусским *къмет* — «крестьянин», «воин», «ратник»²⁸.

Интересна информация «Письма Тансара», отразившего нормы сасанидской номенклатурно-иерархической практики: «И никого, кто не из нашего рода, шахом называть не должно, кроме тех, которые являются правителями пограничных областей и *аланов*, и областей Запада и Хорезма».

Разнообразная социальная терминология, применявшаяся древнеармянскими и древнегрузинскими авторами в отношении алан, свидетельствует о различных слоях военной аристократии у последних («бумберазы», «голиафы», «всадники, одетые в панцири и железные шлемы», «избранные», «знатные» и «тяжеловооруженные всадники»). Нередки сообщения о «царях» алан, за которыми скорее всего скрывались военные вожди, главы племен и союзов племен. Упоминаются также «князья, главы народов и племен, все их подвластные и множество слуг».

В рассматриваемое время наряду с переселением значительного числа алан в пределы русских княжеств имел место и обратный процесс — оседание славянского населения на Северном Кавказе, включая территорию Алании. Показательна в этом смысле информация протопопа Иоанна Болгарского (1780 г.): «Что касается до самих сих народов, которых мы называем осетинцами, ... Сказывают многие из них, что весьма не малое число прежде в их места переселилось посторонних и разного рода людей, как-то: грузин и славян, укрывающихся в то время от притеснений и гонений, чинимых им первым от персидского Аббас-шаха, а последним от ординских татар, с которыми совместное имели жительство по разным местам, как-то: некоторые на Можарах, а другие на Татартупе»²⁹.

Совершенно очевидно, что И. Болгарский привел какой-то фольклорный сюжет, что указывает на сохранение в фольклорной памяти осетин давних

контактов со славянами. Обращают на себя внимание открытые археологами на городище Верхний Джулат (у Эльхотовских ворот в Северной Осетии рядом с Татартупом) каменных зданий и вещественного материала, тяготеющего к культуре Древней Руси XI–XIII вв., что подтверждает связь алан со славянами. Интересны находки русских крестов той поры на Северном Кавказе. По мнению некоторых специалистов, они маркируют проникновение в предгорье групп населения из русских земель. Об этом же свидетельствует фрагмент хроники «Письмовник» («Тарасол») из Тебризской библиотеки, в которой грузинский царь Георгий Лаша назван «царем царей Абхаза, Шака, Алана и Руса». Под названием *Руса*, возможно, подразумевается часть населения Древней Руси, оторванной от родных мест и еще в XII в. населявшей Северный Кавказ в непосредственной близости от государства грузинских Багратидов³⁰.

Среди важных политических событий, имевших большое значение для судьбы алан-овсов, в первую очередь следует назвать нашествие татаро-монголов в XIII в. В 1237 г. одновременно с Русью монголы вторглись на Северо-Западный Кавказ, где нанесли поражение адыгам. Поход против алан продолжался до сентября 1239 г.

Аланы, после татаро-монгольского нашествия, осевшие в ущельях Центрального Кавказа, оказались в весьма тяжелом положении. Довершил их разгром Тимур, после походов которого равнинная Алания стала «пустыней без владельцев». Бывшее могущество Алании осталось лишь на страницах летописей и хроник.

Примечания

¹ Лебединский Я. Три статьи о древнем оружии // Дарьял. 1997. № 4. С. 195.

² Вернадский Г.В. Киевская Русь. Тверь; М., 1996. С. 375–376.

³ Там же. С. 270–271.

⁴ Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 134, 137–144.

⁵ Глоб Н., Прицак О. Хазарско-еврейская переписка X века. М.; Иерусалим, 1997. С. 140–141.

⁶ Minorsky History of Sharvan and Darband in the 10–11 centuries. Cambridge, 1958. P. 157.

⁷ Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, пер., комм. / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1989. С. 53.

⁸ Аугусти Алемань. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003. С. 281.

⁹ Бибиков М.В. Византийские источники по истории Руси и Кавказа. СПб., 1999. С. 290–291.

¹⁰ Аугусти Алемань. Указ. соч. С. 303–304.

¹¹ Там же. С. 417.

¹² Вернадский Г.В. Указ. соч. С. 375–376.

¹³ Аугусти Алемань. Указ. соч. С. 500.

¹⁴ Сложный узел политических процессов в регионе: Хазария — Византия — Русь — Алания — кратко, но информативно рассмотрел В.В. Дегоев. С неумолимой силой молодое государство становилось похожим на империю, пусть еще не в зрелом смысле слова. Не осталась «без внимания военная дерзость князей Олега

и Игоря, атаковавших Константинополь, навязав ему торгово-политический договор, отличавшийся неожиданно высокой для того времени культурой составления». Что касается личности Святослава, то портрет князя изображен детально. Сын Ольги и Игоря Святослав формально получил власть от матери в 964 г. в 22-летнем возрасте. Рано возмужав, он все время проводил в боевых походах. От рождения князь обладал личными качествами удачливого воина. «Храбрый, неутомимый, жестокий, он делил со своими воинами их простой, полудикий образ жизни» (см.: *Дегоев В.* Северный Кавказ. С древнейших времен до воцарения Екатерины II. М., 2014. Т. 1. С. 126–130).

¹⁵ *Сахаров А.Н.* Дипломатия Святослава. 2-е изд. М., 1991.; *Аугусти Алемань.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003. С. 491.

¹⁶ *Аугусти Алемань.* Указ. соч. С. 490–492.

¹⁷ Там же. С. 492–494.

¹⁸ *Гутнов Ф.Х.* Аристократия алан. Владикавказ, 1995. С. 90–94.

¹⁹ *Аугусти Алемань.* Указ. соч. С. 491–493.

²⁰ *Рудницкий Р.Р.* О зороастризме у алан VII–IX вв. // ИАА. Вып. 7. Армавир; М., 2001. С. 115–116.

²¹ *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка (далее: ИЭСОЯ). 1958. Т. I. С. 110–111.

²² *Абаев В.И.* ИЭСОЯ. 1973. Т. II. С. 81.

²³ *Абаев В.И.* Избранные труды. Т. II: Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ, 1995. С. 379.

²⁴ Армянские источники об аланах. 1985. Вып. 1. С. 45.

²⁵ *Zgusta L.* Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeer Küste. Praha, 1955. P. 68–69.

²⁶ *Frye R.* Ossete-Central Asian Connections // *Studia Iranica et Alanica.* Rome, 1998. P. 81.

²⁷ *Абаев В.И.* ИЭСОЯ. 1958. Т. I. С. 126–127.

²⁸ *Абаев В.И.* Избранные труды. Т. II. С. 315.

²⁹ Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Орджоникидзе, 1984. С. 383–384.

³⁰ *Цулая Г.В.* Отрок Шарукан — Атрака Шараганис-дзе // КЭС. Т. VIII. М., 1984. С. 198, 204, прим. 61.

Поощрительные нормы как юридический механизм реализации политики Российской империи на Северном Кавказе в XVIII–XIX веках

(Ретроспективный анализ)

Поощрительные нормы все чаще становятся предметом исследования. И этот интерес абсолютно не случаен, поскольку поощрение необходимо рассматривать как один из методов государственного управления. Вместе с тем приходится констатировать, что единого подхода к пониманию поощрительных норм нет. Одни авторы считают, что поощрительная норма представляет собой указание общего характера о должном предоставлении определенной меры поощрения за полезный для государства вариант поведения¹. Другие полагают, что это формально определенные правила поведения, установленные единоличными или коллегиальными субъектами права для регулирования общественных отношений в различных сферах жизнедеятельности, направленные на стимулирование необходимого, желательного или социально активного правомерного поведения². Третьи определяют поощрительные нормы как систему обособленных юридических норм, носящих регулятивный характер, направленных на формирование позитивно стимулирующих механизмов социально активного правомерного поведения и содержащих предписания о мерах поощрения за его совершение³.

**Арсен
Нажмуудинович
МАРЕМКУЛОВ**

Между тем следует заметить, что при всех ценных выводах в области изучения поощрительных норм

исторические аспекты исследования правовых форм поощрения остаются недостаточно исследованными. Сегодня совершенно очевидно, что поощрительные нормы в конкретно-исторический период развития Российской Федерации были своеобразной реакцией на актуальные потребности и проблемы, существовавшие в тот или иной момент в российском обществе, так как институт поощрений является комплексным юридическим средством достижения поставленных государством целей⁴.

В статье анализируется практика применения поощрительных норм, которые были закреплены в актах органов самодержавной власти в течение длительного периода (XVIII–XIX вв.) вхождения северокавказского региона в состав России. В настоящее время, когда Северный Кавказ все еще остается одной из конфликтогенных зон Российского государства, представляется актуальным тщательное изучение возможных механизмов правовой политики в этом регионе⁵. В этой связи выбор в качестве объекта для исследования практики использования российскими властями поощрительных мер в отношении представителей населения Северного Кавказа в XVIII–XIX вв. обусловлен не только актуальностью темы исследования, но также ее малой изученностью.

Основным источником для изучения поощрительных мер как одного из важных правовых механизмов в политике русского правительства на Северном Кавказе являются жалованные и другие грамоты императорских особ. Анализ этих правовых документов позволяет выявить закрепленные в них поощрительные положения, которые призваны были стимулировать деятельность многочисленных политических акторов на Северном Кавказе в нужном для законодателя направлении. Так, в грамоте императрицы Анны Иоанновны от 13 апреля 1736 г. отмечалось о покровительстве кабардинскому народу, который он заслужил в «засвидетельствовании о непременной... императорскому величеству подданнической верности...»⁶. Подчеркивая свое положительное отношение к кабардинскому народу, законодатель в то же время обращал внимание на намерение турок и татар напасть на южные рубежи империи. В итоге, апеллируя к проявленной в прежние времена преданности, законодатель в лице императрицы призывал кабардинцев принять участие в военном походе против татар и турок. Выполнение воли законодателя было подкреплено нормой, которая предусматривала выдачу денежного жалованья. Интересным является то обстоятельство, что действие грамоты имело долгосрочный характер. В зависимости от благонадежности кабардинцев императрица устанавливала положение, согласно которому «впредь за ваши к нам верные и усердные службы вящим нашим императорским жалованьем всемилостивейше наградить не оставим»⁷. Подобную поощрительную норму встречаем в грамоте от 1 марта 1737 г. по поводу участия кабардинских владельцев в Закубанском походе 1736 г. на кубанских татар⁸.

Еще одним наглядным примером этой группы грамот в плане применения поощрительного способа воздействия на народы Северного Кавказа может

служить и грамота от 17 июля 1737 г. В преамбуле к этому акту императрицы Анны Иоанновны отмечалось о верной службе кабардинцев в течение 35 лет и об их просьбах, касающихся выдачи жалованья в полном объеме и установления порядка предоставления аманатов. В целях регулирования возникших вопросов императрица объявляла «всемиловитивейшую резолюцию», состоящую из 5 пунктов, которые по содержанию условно можно разделить на 3 части. В пунктах 1, 4, 5 оговаривался порядок получения жалованья за верную службу Е.И.В. Размер жалованья, а в целом и его выплату, законодатель непосредственно связывал с отношением местного населения к проводимой политике царского самодержавия. Так, в п. 1 было отмечено: те, кто «пребывал в должной к нам верности», тот получал жалованье сполна, те же, кто не поддерживал официальную линию Российского государства, «пристали к крымцам и с их войски на наших подданных чинили наступление, и тем тогда нашей императорской милости и лишились»⁹. Другая часть грамоты устанавливала порядок предоставления кабардинцами аманатов. Этот институт, по нашему мнению, был своего рода залогом необходимого поведения субъекта отношений проводимой политики. В рамках подтверждения участия кабардинцев в походе законодатель закреплял: «...что ежели во аманаты от вас прежде всего бирано только по одному беку, то б и ныне брать по прежнему обыкновению по одному ж и содержать оных с переменою...»¹⁰. Третья часть данного акта устанавливала, что содержать постоянно войска на территории кабардинцев «напрасный труд». Однако в случае нападения «...на вас неприятельских приходов, для защищения вас наши войски к вам присылаваны...»¹¹.

Установление денежного жалованья в грамотах было наиболее распространенным способом российской власти поддерживать лояльность кабардинских князей. В преамбуле грамоты императрицы Анны Иоанновны кабардинским владельцам Махомет-беку Коргокину и Кара-Мурзебеку Алееву от 1 июля 1738 г. не только отмечалось удовлетворение по поводу «учинения» ими закубанского похода и «переведения» в Кабарду абазинцев, но также подчеркивалось, что подобное поведение должно иметь место в дальнейшем времени. В частности, в документе говорилось: «...впредь над оставшими на Кубане татары поиски чинить и тем их к крайнему разорению приводить не оставите, за что и в нашей императорской милости и без награждения оставлены не будете»¹². В грамоте императрицы Елизаветы Петровны князьям Магомету Коргокину, Касаю Атажукину от 15 декабря 1743 г. отмечалась верная служба данных князей, в воздаяние которой императрица жаловала им «2000 рублей» из Астрахани¹³.

Помимо денежного жалованья, российскими властями использовалось в качестве поощрительной меры утверждение в должностях, присуждение чинов или награждение статусными вещами (дорогое оружие, одежда и др.) представителям местной знати на Северном Кавказе, поддерживавшим своей службой политику Российской империи в регионе. Так, грамотой Елизаветы

Петровны от 21 декабря 1743 г. за верность Е.И.В. был утвержден в должности старшего аксаевского князя Алибек Солтанмамутов¹⁴. В грамоте императрицы от 22 февраля 1744 г. отмечалось, что «...верного подданного кумыцкого владельца Алиша Хамзина за те его оказанные к службе нашей верности и прилежности при протчем довольном награждении чином костиковского воеводы со особливými знаками высочайшей нашей имп. милости, яко то саблю и шубою собольею, покрытую серебряною парчею, сего 1744 г. февраля 22 дня всемилостивейше пожаловали, повелевая всем нашим подданным оногo кумыцкого владельца Алиша Хамзина за нашего воеводу надлежащим образом признавать и почитать»¹⁵. Наряду с поощрительными мерами законодатель закреплял и нормы, требующие неукоснительного исполнения. Необходимо отметить, что обязательные для исполнения нормы закреплялись не столь часто и, как правило, их фиксация касалась вопросов взаимоотношений России с сопредельными с Северным Кавказом державами.

Фиксацию поощрительных норм можно проследить и в таких видах актов, как рескрипты. Наибольшее распространение получили рескрипты, которые, с одной стороны, подтверждали удовлетворение монарха положительным решением какого-либо вопроса, касавшегося установления порядка на Северном Кавказе, а с другой — устанавливали за это меры поощрения. Не перечисляя все опубликованные такого рода рескрипты, которые по своей сути и форме, как правило, одинаковы, хотелось бы остановиться на рескрипте Екатерины II от 30 ноября 1785 г., представляющем собой яркий пример обозначенных актов. В первом пункте были представлены меры поощрительного характера. Эти меры «благодарности» были предложены императрицей за одобрение проводимой Российской империей политики. Отдельно, как особой степени важности, была выделена «монаршая щедрость и милость на приемлющих добровольно веру христианскую». «Благодарности» заключались в широком предоставлении сторонникам предложенных российским правительством преобразований на Северном Кавказе разного рода чинов и денежных вознаграждений. Интересным является то, что поощрения эти не носили какого-либо четко очерченного характера. В акте часто подчеркивалось, что наряду с традиционными (денежное жалованье, чины и звания, статусные вещи) могли иметь место «иные отличности». Здесь Екатериной II отмечена конечная цель такого комплекса поощрительных мер: «...таковые щедроты, конечно, послужат и для прочих ободрением подражать тем, кои отказываться будут к нам преданными...»¹⁶.

Использование поощрительных норм в качестве действенного механизма реализации политики можно проследить также на поздних этапах вхождения северокавказского региона в состав Российской империи. Как и раньше, основным поводом для поощрения «мирных» горцев законодателем являлось позитивное восприятие ими проводимой российскими властями в регионе политики. Меры поощрения к населению, проживающему в регионе, по-

прежнему применялись довольно часто. Но в отличие от практики российских властей в XVIII в. на первое место в XIX в. среди поощрительных мер выходят различного рода привилегии в торговых отношениях, а также льготы или освобождения от государственных повинностей и налогов. Так, со ссылкой на обращение местного дворянства, поддержанное главнокомандующим Кавказской областью генералом от инфантерии Паскевичем, был издан указ Е.И.В. от 14 октября 1827 г., в котором отмечалось, что, уважив положение дворянства того края, им дозволялось «рекрутскую повинность исправлять, как кто из них пожелает, или деньгами, взнося по 2000 руб. ассигнациями за рекрута или поставкою рекрута в натуре»¹⁷.

Другим примером поощрительной политики российских властей может служить указ Е.И.В., данный Сенату, от 30 ноября 1836 г. Император, «признав полезным, для поощрения» торговлю с мирными горскими народами по Кавказской линии, разрешал беспошлинный пропуск «к ним защищенных ныне к отпуску железа и стали, на том же основании, как пропускаются к ним прочие Российские товары...»¹⁸. Такого рода материальное поощрение можно проследить и в указе Е.И.В. от 30 апреля 1837 г., где законодатель закреплял равномерное освобождение всех вообще мусульман и прочих горцев и коренных жителей Закавказского края от взноса процентных денег в пользу инвалидов, «за денежные награды, жалуемые им за особенные подвиги и услуги правительству». Помимо этого, было утверждено, что освобождались от взноса единовременных денег при пожаловании орденов «...вообще Азиатцы Кавказского края, не состоящие в действительной военной и гражданской службе»¹⁹.

Впрочем, система мер поощрений была направлена не только на различные слои туземного населения, но также на чины военной и гражданской власти, служившие на Кавказе. Как правило, поощрение устанавливалось за службу Е.И.В. в части приведения местного населения в «полное послушание» и поддержания порядка. Конечно, значительное количество наград выдавалось участникам военных действий против непокорных горцев. Так, именным указом Е.И.В. от 1 июля 1836 г. военный министр объявил о награждении знаком отличия военного ордена артиллеристов, которые меткими выстрелами рассеяли горцев, стремившихся на орудие. Знаком отличия военного ордена был награжден урядник Линейной казачьей конно-артиллерийской № 5 роты Ефим Асеев, который «цельными и удачными выстрелами... наносил толпам их значительный урон и заставлял обращаться в бегство»²⁰. Также Е.И.В. решил награждать знаком отличия тех из артиллеристов, которые подобьют неприятельское орудие.

К поощрительным мерам можно также отнести, например, возмещение военными властями убытков, понесенных казаками во время военных действий против горцев. За лошадей, «павших от ран в делах с неприятелем и от изнурения при быстром преследовании хищников», указом Е.И.В. от 23 января 1846 г. казакам Кавказского линейного войска производилось вознаграж-

дение по 21 руб. 45 коп. Законодатель призывал главнокомандующего отдельным Кавказским корпусом относиться с «самою строгою разборчивостью» и в документах обязательно отмечать: когда и где ранена лошадь; свойство раны; подает ли надежды на выздоровление и т.д.

Необходимо отметить, что поощрению подлежали отдельными указами и горцы, которые служили Е.И.В. Так, в указе от 30 апреля 1837 г. говорилось о прибавке жалованья членам Закавказского конно-мусульманского и Кавказско-Горского полков. Жалованье прибавлялось «...Векилям противу урядников старших, из 38 р. ас.; Всадникам, противу урядников младших, из 17 р. ас.; Выючникам, противу казаков, из 12 р. ас., без установленного вычета на госпиталь и медикаменты»²¹.

Мерами поощрения власти также старались подкрепить стремление представителей местной знати поступать на военную службу, а также получать военное образование. Так, стремление поощрить молодых горцев можно проследить в указе Е.И.В. от 22 апреля 1837 г., где их, в случае, если они «признаны им будут достойными», отправляли на прием в роту топографов, состоящую при Отдельном Кавказском корпусе, на правах вольноопределяющихся²². В случае надлежащего поведения горцев и «успехов в науке» на них распространялись отличия, «дарованные» воспитанникам кадетских корпусов Е.И.В., военно-учебных заведений, носящим звания фельдфебелей, унтер-офицеров и ефрейторов (указ Е.И.В. от 19 мая 1837 г.)²³. Воспитанники данных кадетских корпусов после учебы направлялись в Кавказские линейные казачьи войска офицерами. При этом в указе Е.И.В. особо оговаривалось, что отправлять их можно только «по приобретении ими достаточных познаний в науках» (указ Е.И.В. от 6 ноября 1837 г.)²⁴.

Заинтересованное в экономическом развитии Кавказского края российское правительство распространило практику поощрений на различные слои русского населения края, занимавшиеся предпринимательством и торговлей. В этом плане можно отметить высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 4 мая 1842 г., устанавливавшее льготы для мещан Кавказской области, занимавшихся торговлей²⁵. Государственный совет свое мнение основывал на представлении министра финансов. Данный акт распространял свое действие, в первую очередь, на мещан-одиночек, которые не подлежали рекрутству. Им было предложено развивать торговлю в Кавказской области. Госсовет закреплял положение, согласно которому мещане-одиночки обязаны были завести за карантинной линией прочную торговлю. Под прочной торговлей понималась оседлость торговцев. При основании этой «прочной торговли» торговцам предоставлялись права купцов 3-й гильдии, а вместе с этим и освобождение от платежей повинностей. Это поощрение (льгота) действовало ровно столько, сколько осуществлялась этими лицами торговля с условиями, выдвинутыми в акте. Подобное преимущество с определенными оговорками также предоставлялось семейным мещанам. Таким образом,

путем установления льгот Россия старалась урегулировать русско-кавказские торговые связи.

Подводя итоги, необходимо отметить, что изучение актов органов российского самодержавия свидетельствует, что период освоения северокавказского региона характеризуется серьезной разработкой целой системы поощрительных механизмов, которые позволяли реализовывать политику российской самодержавной власти. Здесь можно увидеть конкретные способы привлечения местного населения к проводимой политике (беспошлинный провоз товаров; право выбора повинностей; освобождение от повинностей и т.д.). Созданная система эффективно содействовала процессу присоединения Северного Кавказа к России. Закрепленные в актах нормы отчетливо демонстрировали, что поощрение являлось одним из результативных приемов укрепления лояльности различных слоев местного населения Кавказа в отношении российской самодержавной власти.

Примечания

¹ Баранов В.М. Поощрительные нормы советского социалистического права. Саратов, 1978. С. 40; Общая теория права и государства: Учебник / Под ред. В.В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 133; Шабаетва О.А. Поощрительные нормы в системе правовых норм // Сибирский юридический вестник. 2010. № 1 (48). С. 9; и др.

² Попова В.В. Поощрительные нормы современного российского права: Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. Омск, 2015. С. 10.

³ Гущина Н.А. Поощрительные нормы российского права: теория и законодательная практика. СПб., 2003. С. 50.

⁴ Шабаетва О.А. Поощрительные нормы в системе правовых норм // Сибирский юридический вестник. 2010. № 1 (48). С. 3.

⁵ Абазов А.Х. Нальчикский округ в судебной системе Терской области (последняя треть XIX— начало XX в.). Нальчик, 2014. С. 6.

⁶ Кабардино-русские отношения XVI—XVIII вв. (далее: КРО). М., 2007. Т. 2. С. 128.

⁷ Там же. С. 130.

⁸ Там же. С. 133—134.

⁹ Там же. С. 144—148.

¹⁰ Там же. С. 145—146.

¹¹ Там же. С. 146.

¹² Там же. С. 151—152.

¹³ Там же. С. 171—172.

¹⁴ Русско-дагестанские отношения в XVIII — начале XIX в. (далее: РДО). М., 1988. С. 74.

¹⁵ Там же. С. 75—76.

¹⁶ Из документальной истории кабардино-русских отношений: Вторая половина XVIII — первая половина XIX в. / Сост. Х.М. Думанов. Нальчик, 2000. С. 51.

¹⁷ Полное собрание законов Российской империи (далее: ПСЗРИ). Т. II. 1830. № 1466.

¹⁸ ПСЗРИ. Т. XI. 1837. № 9680.

¹⁹ ПСЗРИ. Т. XII. 1838. № 10193.

²⁰ ПСЗРИ. Т. XI. 1837. № 9357.

²¹ ПСЗРИ. Т. XII. 1838. № 10192.

²² ПСЗРИ. Т. XII. 1838. № 10167.

²³ ПСЗРИ. Т. XII. 1838. № 10256.

²⁴ ПСЗРИ. Т. XII. 1838. № 10670.

²⁵ ПСЗРИ. Т. XVII. 1843. № 15604.

Военно-казачья колонизация Центрального Предкавказья в конце XVIII — первой половине XIX века

(Демографические
и социокультурные аспекты)

Казачья колонизация Центрального Предкавказья сильно изменила этнический, социальный и хозяйственный облик края и стала одним из главных каналов формирования и развития среди полиэтничного населения региона русской этнической группы. Процессы колонизации на Северном Кавказе выступают как важнейший фактор осуществления здесь политики российского правительства. С учетом этих позиций данная проблема представляет для нас особый интерес. Кроме того, исследование данного вопроса может иметь широкое научное и практическое значение для понимания проблем развития народов, находящихся в условиях постоянных межэтнических контактов в иноэтничном окружении, так как формирование казачества проходило в постоянном взаимодействии с местными этносами рассматриваемого региона.

Колонизационный процесс в Центральном Предкавказье протекал в двух формах: правительственной и народной. Правительственная колонизация определялась задачами обороны присоединенного края (что проявилось в создании Кавказской линии) и интересами хозяйственного освоения новых земель¹. Наряду с этим колонизация по типу может быть военно-казачьей и гражданской. Завоевательная политика царизма на Северном Кавказе в конце XVIII—первой половине XIX в. определила военно-казачий

**Наталья
Владимировна
ВАРИВОДА**

тип колонизации. Гражданская колонизация проходила в это время как составная и подчиненная часть этой политики.

В конце XVIII в. в связи с активизацией политики Российской империи на Северном Кавказе усиливается казачья колонизация региона. Российское правительство рассматривало как одну из основных задач создание здесь многочисленного и сильного кавказского казачества. Так, в документах того времени отмечалось, что «единственно надежным средством для прочного утверждения нашего владычества на Кавказе есть занятие горного и предгорного пространства нашим вооруженным казачьим населением»². Ускорению темпов казачьей колонизации способствовало строительство военно-оборонительных укреплений. Причем если в XVI–XVII веках военные крепости имели исключительно оборонительное значение, то теперь они становятся форпостами Российской империи в наступлении против горских народов. Например, описывая события, связанные со строительством Моздока, В.А. Потто замечал, что «едва ли кто подозревал, что мы кладем краеугольный камень завоеванию Кавказа»³. В 1762 г. кабардинскому князю Кончокину было разрешено с крещеными подданными переселиться в «урочище Мездого» на левом берегу Терека. Для поощрения горских переселенцев устанавливалось вознаграждение в размере: «узденям — по 10 рублей, простым — по 5 рублей»⁴. Население урочища, заложенного в 1763 г., быстро росло, и в 1765 г. оно было преобразовано в город Моздок. Его основное население составили грузины, армяне, кабардинцы, осетины, греки. Из числа переселенцев, главным образом крещеных осетин и кабардинцев, была создана Моздокская горская казачья команда численностью около 100 человек⁵. Семьи этих казаков составили в Моздоке свободное общество, известное под названием «казачьей братьи». Один человек из семейства переселенцев записывался в казаки и тем самым избавлял остальных членов семьи от возврата прежним владельцам.

Строительство Моздока вызвало недовольство кабардинцев. Однако все протесты и даже вооруженные выступления кабардинцев не заставили правительство отказаться от Моздока. Напротив, на Кавказе стали появляться все новые укрепленные поселения. В 1770 г. для усиления Терской кордонной линии на левобережье от Моздока до Червленной были поселены 517 семей волжских казаков с Царицынской кордонной линии, образовавшие Моздокский казачий полк. Их расселили в пяти новых станицах: Галюгаевской, Ищерской, Наурской, Мекенской и Калиновской⁶. Эти станицы соединили единой военной линией города Моздок и Кизляр. В дальнейшем для охраны «заведенных станиц» с Дона перевели донских казаков по 50 семей в каждую станицу и 100 семей для обслуживания моздокской крепостной артиллерии, основавших станицу Луковскую⁷. В 1800 г. была основана станица Стодереvская, где была поселена милиция, переведенная из Саратова, и 200 семей крещеных калмыков, вошедших в состав Моздокского полка⁸. Всего в составе Моздокского гарнизона в 1770 г. насчитывалось 1800 человек.

Активизации колонизационной политики на Северном Кавказе способствовали и внешнеполитические успехи России. По Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 г. Турция признала Кабарду составной частью Российской империи. Договор создавал новые условия для проведения Петербургом более активной политики в регионе⁹. Уже в 1777 г. князь Г.А. Потемкин представил императрице Екатерине докладную записку с конкретным планом колонизации Северного Кавказа и Предкавказских степей. По этому плану предполагалось сомкнуть линию от Азова до Моздока путем строительства по этой линии и заселения ее новыми поселенцами-казаками. С осуществлением этого плана, как утверждал Г.А. Потемкин, России представится возможность прикрыть от «набегов соседних племен границу между Астраханью и Доном, отделить разного звания горских народов от тех мест, коими нашим подданным пользоваться следует, положением же мест своих подает способ учредить виноградные, шелковые и бумажные заводы, размножить скотоводство, табуны, хлебопашество...»¹⁰. Кавказская линия также обеспечивала установление прочной коммуникации с Грузией: от Моздока шла через Дарьяльское ущелье трасса будущей Военно-Грузинской дороги. Крепость Владикавказ, заложенная в 1784 г., сыграла в этом деле большую роль.

Первоначально новые крепости требовалось заселить казаками по примеру уже созданной Кизляро-Моздокской линии. В 1777 г. для заселения крепостей Азово-Моздокской линии с Волги был переселен остаток Волжского казачьего войска. Казаки заложили свои станицы при крепостях: Екатериноградской при урочище Бештамак, Павловской на р. Куре, Марьинской на р. Золке, Георгиевской на р. Подкумке и Андреевской на р. Карамыке¹¹. Переселенцы составили Волжский казачий полк. В 1781 г. в станицах этого полка проживало 4637 человек¹². В 1778 г. началось переселение Хоперского казачьего полка, который был размещен в пяти станицах: Александровской, Северной, Ставропольской, Московской и Донской¹³. Таким образом российское правительство настойчиво наращивало силы линейного казачества на Северном Кавказе. Благодаря переселению новых групп казаков, на Ставрополье и Терекке значительно увеличивается их общее число: с 10 118 — в 1793 г. до 13 274 душ м.п. — в 1796 г.¹⁴

В начале XIX в. кавказское линейное казачество уже представляло собой значительную силу. К этому времени на линии было расположено 8 казачьих полков и одна горская казачья команда общим числом до 30 тыс. человек¹⁵. Но нужда в казачьих частях все больше и больше возрастала, тем более что казачье население имело низкий естественный прирост, а потери, которое оно несло в ходе Кавказской войны, росли. Поэтому пополнение линейного казачества в первой половине XIX в. было постоянной заботой местных и центральных властей, которые добивались этого разными путями.

Правительство не раз пыталось пополнить казачество за счет горского населения. По положению 1823 г. о казачьих войсках в состав линейного ка-

зачества были включены Бабуковский аул (впоследствии станица Волжского казачьего полка) в числе 647 душ, Моздокские «казачьи братья» (осетины и черкесы) — 583 д., причисленные к Горскому полку, 60 д. грузин — к Гребенскому войску и 351 д. окоченных татар — к Терскому войску¹⁶. В то же время были примеры и добровольного перехода в казачье сословие, например, дигорских осетин, образовавших две станицы — Черноярскую и Новоосетинскую¹⁷. Причем никого не смущало, что пополнение идет из разнородных, «разноплеменных» элементов. Это создавало возможность для размывания старых казачьих групп, утверждения представлений о социальной, а не этнической природе казачества.

В конце 20-х и начале 30-х годов XIX в., когда Кавказская война приняла особенно острый характер, царское правительство в значительно больших размерах открыло возможность к поступлению в казаки выходцев из внутренних губерний. Рядом указов в казачье звание стали приниматься даже без представления увольнительных свидетельств от обществ. Вследствие этого в состав казачества вошли в значительном числе беглые крепостные.

Однако все предпринимаемые к увеличению казачьего населения меры не смогли дать желаемых результатов. Выходом из создавшегося положения правительство считало превращение многих казенных селений в казачьи станицы, с переводом казенных крестьян в казачье сословие, что было определено указом от 2 декабря 1832 г.¹⁸ Так, в 1832 г. были приписаны к казачьему сословию и причислены к Волжскому войску четыре крестьянских селения на Куме: Нижнеподгорное, Верхнеподгорное, Александрийское и Незлобное. В них насчитывалось 4060 душ обою пола¹⁹. В 1833 г. свыше 30 казенных селений были переведены в разряд казачьих станиц²⁰. В 1837 г. в казачье сословие были обращены 1300 переселенцев из Полтавской и Черниговской губерний, прибывших на Северный Кавказ²¹.

В январе 1847 г. Николай I утвердил новые предложения военного министра о переселении людей из внутренних губерний на Северный Кавказ с зачислением в Кавказское линейное казачье войско. При этом в Петербурге вынуждены были отказаться от запланированного ранее такого же переселения людей в Черноморию, так как «Кавказское линейное войско несравненно более нуждается в народоумножении»²². В результате в 1848–1849 гг. на Кавказскую линию прибыло около 3 тыс. семейств. В 1847–1849 гг. к Кизлярскому полку было причислено 2899 душ обою пола государственных крестьян, переселенных из Черниговской и Харьковской губерний²³. В Гребенской полк в 1848 г. прибыло 400 семей государственных крестьян из Харьковской губернии, а в 1849 г. — 75 семей государственных крестьян Воронежской губернии²⁴.

Еще одним ресурсом для заселения Кавказской линии для правительственных кругов являлись отставные солдаты. Поселение отставных солдат на Кавказ как меру по заселению края предлагал еще П.С. Потемкин²⁵. В 1837 г.

император Николай I разрешил солдат, выслуживших срок, водворять на Кавказе под именем военных поселян. В 1840-х годах русские власти перешли к практике зачисления семейных солдат пехотных полков, дислоцированных на Кавказе, в казачье сословие. Так, в 1842 г. военные поселения Владикавказское, Николаевское, Александровское и Котляревское были присоединены к Владикавказскому казачьему полку с переименованием солдат в казаки, а самих поселений в станицы. Через год Гребенской полк был пополнен женатыми солдатами слободки Николаевской²⁶. В 1850 г. солдатские семьи были расселены на Кавказской линии в Железноводске, Нальчике, Ларсе и крепости Грозной. Правительство не жалело средств на помощь новоселам, стремясь превратить их в крепких хозяев. Оно рассматривало их как прочную свою опору, силу, способную превратить места поселения в форпосты обширного плацдарма, окаймлявшего Кавказ с севера.

Проблема поиска правительством людских ресурсов для пополнения северокавказского казачества людьми во многом была обусловлена необходимостью более плотного заселения как старых, так и новых укреплений Кавказской линии. К примеру, в 1824 г., несмотря на расселение наиболее крупных станиц Волжского казачьего полка, А.П. Ермолов отмечал, что кордонная линия была слишком протяженной, чтобы «волжане» могли ее надежно охранять. Поэтому А.П. Ермолов решил образовать новую казачью линию — между Моздоком и станицами Волжского полка, где и разместился Горский казачий полк. В его состав кроме Моздокской казачьей команды и Луковской станицы вошли Екатериноградская станица, 4 крестьянских селения и 2 осетинских селения, которые образовали станицы: Солдатскую, Прохладную, Екатериноградскую, Черноярскую, Новоосетинскую, Павлодольскую, Луковскую²⁷. В последующие годы численность населения станиц Горского полка возрастала за счет переселенцев, среди которых было особенно много украинских крестьян. Со временем они также были приняты в ряды казачества.

В 30-х годах XIX в. военное командование приступает к укреплению границы по линии Военно-Грузинской дороги. В 1837 г. здесь были поселены восемью станицами два Малороссийских казачьих полка. Полки эти были усилены частью линейными казаками, а частью переселенцами из Воронежской, Черниговской и Харьковской губерний. Восемь новых станиц образовали Владикавказский полк в 6 строевых сотен²⁸. В 1842 г. к нему причисляется 1-й Малороссийский казачий полк, состоявший с 1838 г. из 618 неженатых казаков²⁹. Для пополнения казачьих станиц правительство в 1848 г. переселило 200 семей государственных крестьян из Харьковской и Воронежской губерний. Этими переселенцами была заселена новая станица Змейская³⁰. Такими мерами была восстановлена боеспособность полка, и в дальнейшем численность населения постоянно увеличивалась преимущественно за счет переселенцев, и по списку на 1 января 1878 г. в станицах

1-го Владикавказского полка проживало 9930 человек, из которых казачьего сословия — 9524 человека³¹.

В 1818 г. «состоялось Высочайшее повеление как генералу Ермолову, так и всем могущим заступить на его место: утвердиться на р. Сунже, поселять казаков...»³², и к середине XIX в. эта система укреплений получила уже определенное устройство под названием Сунженской кордонной линии. Для содержания этой линии в 1845 г. был сформирован Сунженский полк. Он имел наибольшее число «чистых» казаков, переселенных сюда из других мест: с Дона — 1105 семейств, с Терека, преимущественно из Моздокского полка — 1063 семьи, с Кубани — 670 семей (две первые группы русские, последняя в значительной мере украинская)³³.

21 ноября 1845 г. было закончено строительство первых трех станиц — Михайловской, Троицкой и Сунженской. В дальнейшем строительство станиц происходило в такой последовательности: в 1847 г. — Ассинская и Магомет-Юртовская, в 1851 г. — Самашинская и Алхан-Юртовская, в 1853 г. — Закан-Юртовская, в 1857 г. — Чертугаевская (впоследствии Петропавловская) и Горячеводская, в 1859 г. — Сунженская (вторая), Карабулакская, Тарская и Камбилеевская, в 1860 г. — Умахан-Юртовская, Джалкинская, Галашевская, Алкунская, в 1861 г. — Аки-Юртовская, Фельдмаршальская, Промежуточная и Нестеровская³⁴. Всего за этот период по Сунженскому бассейну водворились 3 новых полка: 2-й Владикавказский (7 станиц), 1-й Сунженский (7 станиц) и 2-й Сунженский (8 станиц)³⁵.

Таким образом терское казачество в рассматриваемый период пополнялось разнородными группами населения. С. Писарев приводит интересные сведения о процентном соотношении составных элементов войскового населения, включающего как казаков «великорусского племени» и крестьян «малороссийских и великорусских губерний», так и отставных солдат и даже «инородцев»³⁶:

Полковые округа	Казачков великорусского племени: гребенских, донских и волгских	Казачков и крестьян мало-российских губерний	Крестьян великорусских губерний	Солдат отставных и военных поселений	Инородцев
Кизлярско-Гребенской	64,8	24,4	2,1	1,5	7,2
Горско-Моздокский	47,2	28,9	18,7	0,9	4,3
Волгский	28,4	26,1	42,4	3,1	—
Владикавказский	27,6	46,1	4,1	22,2	—
Сунженский	77,1	7,5	1,4	14,3	—
Итого в войске	49,1	26,6	13,7	8,3	2,3

При рассмотрении этнического состава терских казаков прослеживается тенденция преобладания русских. Что касается украинского населения, то его численность возрастала с востока на запад. Так, П.А. Востриков указывает: «Начиная от г. Кизляра до станицы Прохладной, по течению Терека, население казачьих станиц состоит, по большей части, из великорусов; от Прохладной и дальше по р. Кубани попадает вперемежку малороссийское население»³⁷. В войске были представители и других национальностей: грузины, армяне, осетины, кумыки и др. Казаки грузины, армяне жили в станицах Шелковской, Александроневской Кизляро-Гребенского полка, казаки осетины занимали Луковскую, Осетинскую, Черноярскую станицы Горско-Моздокского полка. Ценные сведения о процентном отношении казаков — «иноверцев» в полках Терского войска, приведенные нами выше, дает С. Писарев. По этим данным, численность коренного населения была наиболее высокой в Кизляро-Гребенском полку. Это объясняется тем, что образование кизляро-гребенских станиц произошло в конце XVI — первой половине XVIII в., когда особенно упрочились дружественные отношения между казаками и местными народами.

В целом в первой половине XIX в. казачье население на Тереке резко выросло. Если в конце 80-х годов XVIII в. оно составляло около 10 тыс. душ м.п.³⁸, то в 1860 г. 53 906 душ м.п.³⁹ Увеличение населения происходило в основном за счет переселенцев-крестьян, волжских, донских и малороссийских казаков. Естественный же прирост казачьего населения был низок. Так, в Кавказском линейном войске за 10 лет с 1840 по 1849 г. за счет естественного прироста население увеличилось только на 1%⁴⁰. Такой малый прирост населения объясняется в первую очередь чрезвычайно высокой смертностью детей в возрасте до 5 лет. На низком естественном приросте сказывалась также высокая смертность взрослых казаков, которые гибли на полях сражений во всех войнах, которые вела Российская империя. Среди причин высокой смертности в казачьих станицах заметную роль играли неблагоприятные физико-географические условия местностей, способствовавшие распространению лихорадок. Нельзя не назвать и другую причину, не менее важную, — это низкий уровень материальной жизни казаков, когда они целиком и полностью зависели от царского жалованья (которое далеко не всегда регулярно выплачивалось), а дополнительные источники к существованию, которые обеспечивала им хозяйственная деятельность, ввиду постоянной занятости казаков на службе, не могли обеспечить им прожиточный минимум. Только во второй половине XIX в. создаются реальные условия для изменения существующего положения, которые предоставляли казакам больше возможностей для занятий хлебопашеством, скотоводством и другими промыслами.

В каком направлении шло движение казачьего населения? По мере расширения своего влияния оно отодвигается все более и более с Терской линии к югу, где постепенно возрастает плотность населения, что, в свою очередь,

способствовало возрастанию здесь социальной напряженности. Перемещение населения на юг вело к тому, что его плотность здесь становилась выше, чем в районах, которые были освоены русским населением в более раннее время. Так, Сунженский оказался более заселенным, чем Кизлярский район, где плотность населения оказалась ниже, несмотря на то, что освоен он был раньше⁴¹.

Заселение казачеством новых земель не только сокращало военные расходы правительства, но давало уверенность как в более надежной защите, так и в эффективном освоении новообретенных территорий. В последнем отношении казачество имело перед регулярными войсками явное преимущество, которое заключалось в особой организации казачьих войск, а также в умении налаживать тесные хозяйственные и культурные связи с местным населением. Казаки выстраивали свои отношения с горцами на основе богатого опыта, полученного из практики тесного взаимодействия. Ведь жизненный уклад казаков Кавказской линии формировался под влиянием процесса столкновения и взаимопроникновения элементов своей и чужой культуры горцев. Стихийная колонизация отдельных территорий Северного Кавказа на ранних этапах не приводила к серьезным столкновениям между горцами и казаками. Но форсирование правительством с XVIII в. колонизации привело к возникновению принципиально новых условий взаимодействия столь различных культур, что осложняло их постепенную адаптацию друг к другу. Однако и в этих условиях общение русских переселенцев с горцами не прекращалось. Даже во время Кавказской войны продолжало развиваться хозяйственное и культурное взаимодействие казачества с коренными народами.

Одной из важнейших форм общения для всех народов региона являлась торговля. Особенно активные торговые отношения у казаков были налажены с Кабардой. Здесь казаки, как правило, покупали лошадей под верховую езду, так как лошади кабардинской породы очень высоко ценились. В свою очередь и кабардинцы весьма активно торговали с русским населением. В XVIII в. главными пунктами торговли с горцами стали новые русские города на Тереке — Кизляр и Моздок. Русские власти придавали торговле с Кабардой немаловажное значение. Так, в рапорте кизлярского коменданта Н.А. Потапова говорится о мерах по развитию через Кизляр торговли с кабардинцами⁴².

В первой половине XIX в., несмотря на строгие запреты, связанные с меновой торговлей, казаки и горцы скрыто входили в непосредственные торговые контакты. Офицер Головин сообщал в 1842 г. «о проложенных малокабардинцами и казаками через Терек по льду дорогах и производимой между ними торговле»⁴³. В феврале 1848 г. смотритель Прохладненского менового двора писал, что «жители Прохладной станицы продают секретно соль приближенным горцам кабардинским жителям, тогда как для этих народов существует здесь казенный магазин, из которого в настоящее время расхода соли почти не бывает»⁴⁴. С 1853 г. меновые дворы были отданы на откуп купцу первой гильдии Крутицскому⁴⁵. Откупная система еще более сковывала развитие торго-

вых сношений русских с горцами. Поэтому горцы предпочитали свободную торговлю строго регламентированной меновой торговле.

Следы взаимодействия казаков и коренного населения региона прослеживаются в быту. Переселенцы сначала старались сохранить этнические традиции в методах ведения хозяйства, выборе одежды, системе питания. Но многие характерные особенности их материальной культуры в новых условиях оказывались непригодными. В таких случаях использовался опыт и знания соседних народов⁴⁶.

В ходе тесных отношений казаков и местного населения происходил взаимный обмен хозяйственным опытом. Гребенские казаки в земледелии использовали кабардинский плуг, осваивали новые сроки посева и уборки, долго выращивали просо, как основную зерновую культуру, разводили скот кабардинской породы, приспособленный к местным природно-климатическим условиям. Ногайцы оказали влияние на развитие животноводства у казаков. Казаки, наряду с другими породами крупного и мелкого рогатого скота, выращивали ногайских овец, коров, лошадей, которые были привычны к местным условиям⁴⁷. За определенную плату караногайцы принимали у казаков скот на выпас. Многие гребенские казаки весь скот на год или на лето передавали караногайцам⁴⁸.

У казаков происходили перемены в области построек и домашнего обихода. Они проявлялись в самом характере построек, их внешнем виде, технике строительства. В русских станицах строили турлучные дома, наподобие распространенных среди кабардинцев. Горское влияние ощущалось и в интерьерах русских жилищ. Так, очень популярны стали в станицах настенные ковры, которые покупали у горцев⁴⁹. По словам И. Попко, «по одной стене, иногда по-кавказски украшенной коврами, было развешено оружие и доспехи, в углу горкой возвышались постели и одеяла, сложенные на кавказский манер ровными кипами; ...на полочках красовалась медная посуда...»⁵⁰.

В свою очередь, в постройках коренных народов прослеживается славянское влияние. Еще в документах XVII–XVIII вв. встречаются упоминания о рубленых деревянных постройках на манер восточнославянских, принадлежащих местной знати, влившейся в состав населения русских крепостей на Северном Кавказе (Терки, Моздок, Кизляр и др.)⁵¹. «Кабардинцы, — говорилось в корреспонденции газеты «Кавказ» за 1848 г., — особенно легко принимают у себя в хозяйстве всякое нововведение... Свободные жители губернии, казаки, отставные солдаты, мещане ездят в Кабарду к князьям, богатым узденям на работу, строят им дома, мельницы, конюшни, разводят сады, делают мебель, посуду и разные полезные вещи, жители с любопытством смотрят на их работу и слушают их наставления и замечания»⁵².

В наибольшей степени горское влияние на казаков, конечно, ощущалось в военно-бытовой сфере. По прибытии на Кавказ казаки стали заимствовать горское вооружение и костюм, так как они были лучше приспособлены к мест-

ным климатическим и боевым условиям. Заимствуя у горцев форму одежды, казаки прекрасно понимали, что таковая возникла не по произволу, а является следствием векового боевого и жизненного опыта, благодаря чему она столь удобна в походных условиях. «Рыцарская Кабарда была законодательницей мод и вкуса для всех воинственных адыгских обществ от Сунжи до Черного моря»⁵³. Влияние кабардинцев было значительно и выразалось в подражании им окружавших их народов в одежде, вооружении, нравах и обычаях. Не осталось в стороне от этого влияния и славянское население Центрального Предкавказья. Первыми подверглись кабардинскому воздействию терские казаки, жившие рядом с Кабардой и имевшие отсюда много выходцев в своей среде. В.А. Потто писал о казаках: «Тяжелые сабли и длинные неуклюжие пики были ими брошены, кинжал и шашка сделались их любимым оружием. Даже казачьи жупаны и те отошли в область предания, заменяясь мало-помалу черкесками, которые казаки стали предпочитать за легкость и удобство покроя»⁵⁴.

Горский костюм, состоявший из скроенных в талию бешмета, черкески и суживающихся книзу штанов, с высокими мягкими сапогами, действительно был удобен как при верховой езде, так и на дежурстве. Кавказская одежда, первоначально заимствованная казаками стихийно, впоследствии в силу ее удобства была узаконена и стала форменной для терского и кубанского казачьего войска. В принятом в 1845 г. Положении о Кавказском линейном казачьем войске была закреплена форма как офицерской, так и казачьей одежды⁵⁵.

Казаки заимствовали у своих соседей и всю конскую сбрую. Лошади у казаков, как правило, были кабардинской породы, считавшейся лучшей на Кавказе. Военное воспитание, игры, скачки, выправку и все приемы наездничества казаки заимствовали также у горцев. «Приняв за образец боевое снаряжение от горцев, наше кавказское казачество, — пишет М. Арнольди, — находясь при одинаковых военных потребностях с своими соседями... не отставало от них в военных стремлениях, так и в исправности своего боевого снаряжения. Щегольство лошадьми, одеждою, сбруею и оружием у казаков дошло, наконец, до того, что они в этом отношении перещеголяли черкесов»⁵⁶.

На женский костюм горская одежда повлияла больше всего у гребенских казачек, поскольку те нередко были по происхождению из коренных жительниц. Казачки носили платье горского покроя с широкими рукавами, металлическими нагрудными застежками, кавказскую шапочку и большой, спадающий на спину платок⁵⁷. Обувью служили сафьяновые чувяки горского покроя. Зимой носили вязаные шерстяные носки⁵⁸.

Пища является у каждого народа наиболее консервативным элементом материальной культуры, однако и в этой области у казаков и горцев было немало заимствований. Казаки научились изготавливать из просяной муки саламату, квашу или кулагу, заменявшую хлеб и напоминавшую по способу приготовления и использованию пастэ — пшеничную кашу соседних адыгских народов Северного Кавказа⁵⁹. Они восприняли от горцев также технику и приемы обработки

продуктов скотоводства. Гребенские казаки позаимствовали и любимое кушанье чеченцев и ингушей «датыкадор» — смесь творога с топленным маслом. У горцев казаки восприняли ряд национальных блюд — чуреки, мамалыгу, хатламу, лепешки с начинкой из сыра, картофеля, свеклы и т.д., хенкал. Из напитков широкое распространение имели приготавливавшиеся казаками виноградное вино, именуемое, как и у соседних горцев, чихиром, и так называемый калмыцкий чай, бытующий у многих народов степной полосы Северного Кавказа⁶⁰.

В свою очередь, этикет стола горца под влиянием общения с русскими переселенцами претерпевал большие изменения — он становился менее грубым и более разнообразным. Местные народы заимствовали у русских способы приготовления различных славянских блюд из рыбы, овощей, теста. Г.А. Кокиев отмечал, что горцы стали употреблять жидкую пищу, бульон стал использоваться для разных супов, и в первую очередь борща⁶¹. Как местное население, так и переселенцы запасали на зиму фрукты и овощи, используя различные способы их хранения — в том числе и типично восточнославянские квашение, соление, маринование.

В установлении мирных, добрососедских отношений между горцами и казаками немалую роль играли беглецы из среды кавказских народов. Горские крестьяне находили у казаков приют, хороший прием, волю и свободу, возможность трудиться на себя. Естественно, что в русских крепостях и казачьих городках с их смешанным русско-северокавказским населением взаимное проникновение различных элементов культуры и быта было более интенсивным и стабильным.

Весьма заметную роль во взаимоотношениях между казаками и местными народами играла женщина. Горские, гребенские казаки в силу того, что изначально представляли исключительно мужское население, роднились с местными народами, фактически ассимилируя вливающиеся в их среду инородческие элементы, и в результате появился особый генотип — гребенской казак. Гребенская женщина во множестве случаев была местного горского происхождения. А. Ф. Щербина отмечал, что «...русская казачья вольница на Тереке и отчасти на Дону в первые времена своего существования буквально-таки добывала жен на Кавказе»⁶². Отношения между членами семьи у казаков носили ярко выраженный патриархальный и авторитарный характер, как это было принято в традиционных кавказских семьях.

Если казачки становились женами кавказских горцев, это происходило в основном путем похищения, а не традиционного для казаков сватовства. С течением лет они перенимали горские обычаи и язык, рожали детей. «Кубанские войсковые ведомости» сообщают о казачке Аксинье, вышедшей из плена «с грудным детем», лет 40-ка, которая «разговор по-русски мало знает»⁶³. Видимо, она была похищена маленькой девочкой и за 30–35 лет, прожитых в горской среде, практически забыла родной язык. Такие пленницы даже при имеющейся возможности не возвращались в родные станицы.

Межэтнические браки наряду с укреплением экономических и культурных связей между казаками и горцами способствовали складыванию традиций куначества — этого своеобразного обычая кавказского побратимства, означавшего вечную пожизненную дружбу между людьми различных этносов и вероисповеданий. Он связывал кунаков не только взаимным гостеприимством, но и взаимопомощью. Обычай налагал на вступавших в отношения куначества людей многие права и обязанности. О чем бы кунак ни просил, ему ни в чем нельзя было отказывать. В то же время он обязан был защищать честь и имущество друга до последней капли крови. Кунак считался другом семьи, помогал ей в трудные времена, принимал участие в свадьбах, похоронах и т.п.⁶⁴ Этот институт имел двойное значение: социальное, для укрепления социальной стабильности в обществе, и этническое, для установления и поддержания межэтнических контактов. Оно было так прочно усвоено казаками, что стало составной частью их стереотипа поведения.

Проявлением дружественных связей между казаками и кабардинцами можно считать и общую практику такого древнего семейно-общественного института, как аталычество.

Аталычеством называется порядок, при котором ребенок вскоре после рождения на несколько лет переходил в другую семью, а затем возвращался родителям. Указанный термин также имеет тюркское происхождение и означает «отцовство»⁶⁵. Отличительной чертой северокавказского аталычества являлась его «межнациональность». Именно эта форма аталычества получила распространение у терских казаков, которые отдавали детей на несколько лет на воспитание в кумыкские, чеченские и иные иноэтнические семьи для обучения языку, обычаям и нормам поведения. Отсюда в том числе проистекал факт прекрасного знания казаками языков соседних народов (ногайцев, чеченцев, кабардинцев, кумыков и др.)⁶⁶.

Рассмотренные обычаи играли важную роль регулятора межэтнических и внутриэтнических отношений до полного утверждения царской администрации на Тереке. В дореформенный период, несмотря на боевые действия, часть казаков сохраняла в горах кунаков и родственников, знала их язык, обычаи. Конфликт, в который они были вовлечены, являлся своеобразной формой межэтнического контакта, в ходе которого «происходило сопоставление-противопоставление по ряду направлений (хозяйственно-культурный тип, языковая, конфессиональная принадлежность, стадийный уровень и пр.), при этом выяснялись многие общие черты материальной и духовной культуры»⁶⁷. Ментальность казаков была очень близка к кавказским народам. Это и присущая им воинственность, независимость характера, главенство мужчины в семье и др. Эта схожесть, с одной стороны, давала почву для конфликтов на бытовой почве, а с другой стороны, и помогала их сближению.

В условиях противостояния некоторые из казаков колебались между двумя культурами, демонстрируя признаки маргинальной этнической идентич-

ности, яркими примерами которой были побег казаков в горы и участие их в боевых действиях на стороне горцев⁶⁸. Традиционно считается, что этнокультурная маргинальность возникает при миграциях и у потомков межэтнических, межрасовых браков. Однако материалы по казачеству показывают, что глубокое проникновение в другую культуру могло происходить в результате не только межэтнических браков, но и различных форм искусственного родства и дружественных отношений, развития билингвизма, который позволял воспринимать «чужую» культуру как «свою».

В последнее время Россию все чаще называют политарным образованием, где огромное значение во всех областях жизни играло государство. Как мы видим, колонизация Центрального Предкавказья, его этнокарта во многом определялись правительственными распоряжениями. Военно-казачья колонизация земель Центрального Предкавказья была для царского правительства своеобразным орудием, с помощью которого оно оттесняло местные народы с занимаемых ранее ими земель. В XIX в. правительство использовало механизмы «искусственного» роста казачьего населения, переселяя на Терек разные по своему происхождению казачьи группы, государственных крестьян, приписывая в казачье сословие представителей разных социальных и этнических общностей. Между казаками и народами, проживающими в Центральном Предкавказье, налаживаются устойчивые взаимоотношения, основанные на хозяйственном и культурном взаимодействии. Это способствовало адаптации казачества в новом природном окружении и социуме. Со временем терское казачество становится продуктом антропологического и культурного синтеза и начинает играть посредническо-передаточную роль в цивилизационно-культурном диалоге России и Северного Кавказа.

Примечания

¹ Громов В.П. Соотношение народной и правительственной колонизации Предкавказья в последней четверти XVIII—первой половине XIX века // Известия Северо-Кавказского Научного Центра Высшей Школы. Общественные науки. 1983. № 4. С. 34—35; Бурькина Л.В. Переселенческое движение в 90-е гг. XVIII в. — 90-е гг. XIX в.: Автореф. ... канд. ист. наук. Майкоп, 2002. С. 24—25.

² Акты, собранные Кавказской Археологической комиссией (далее: АКАК). Т. 12. Тифлис, 1904. № 589.

³ Потто В.А. Два века терского казачества. Ставрополь, 1991. С. 236.

⁴ Там же. С. 237.

⁵ Тхамокова И.Х. К истории формирования линейного казачества. Горский казачий полк // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Армавир, 2000. С. 29.

⁶ Сборник сведений о Терской области. Вып. I. Владикавказ, 1878. С. 372.

⁷ Центральный государственный архив Республики Северная Осетия—Алания (далее: ЦГА РСО-А). Ф. 13. Оп. 1. Д. 580. Л. 41об. — 42.

⁸ ЦГА РСО-А. Ф. 13. Оп. 1. Д. 580. Л. 46; Город Моздок. Владикавказ, 1995. С. 38.

⁹ Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством. Нальчик, 1996. С. 22.

- ¹⁰ *Фадеев А.В.* Очерки экономического развития степного Предкавказья в до-реформенный период. М., 1957. С. 23.
- ¹¹ *Омельченко И.Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 8.
- ¹² *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 2. С. 49.
- ¹³ *Дебу И.Л.* О кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске или общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных с ней горцах. СПб., 1829. С. 78.
- ¹⁴ *Кабузан В.М.* Население Северного Кавказа в XIX–XX вв. СПб., 1996. С. 43.
- ¹⁵ *Чекменёв С.А.* Социально-экономическое развитие Ставрополя и Кубани в конце XVIII и в первой половине XIX в. Пятигорск, 1967. С. 24.
- ¹⁶ ЦГА РСО-А. Ф. 13. Оп. 1. Д. 62. Л. 60об. — 61; *Великая Н.Н.* Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001. С. 66.
- ¹⁷ ЦГА РСО-А. Ф. 13. Оп. 1. Д. 580. Л. 40об. — 41.
- ¹⁸ *Невская Т.А., Чекменёв С.А.* Ставропольские крестьяне. Пятигорск, 1994. С. 10.
- ¹⁹ *Писарев С.* Трехсотлетие Терского казачьего войска. 1577–1877. Владикавказ, 1881. С. 29.
- ²⁰ *Кабузан В.М.* Указ. соч. С. 67.
- ²¹ *Глуценко В.В.* Казаки Отечества былого и нынешнего. М., 1991. С. 45.
- ²² Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 12. Тифлис, 1901. С. 287.
- ²³ ЦГА РСО-А. Ф. 13. Оп. 1. Д. 580. Л. 68–69.
- ²⁴ Там же. Л. 75.
- ²⁵ АКАК. Т. 2. Тифлис, 1868. С. 1139.
- ²⁶ ЦГА РСО-А. Ф. 13. Оп. 1. Д. 580. Л. 74об.
- ²⁷ *Максимов Е.Д.* Терское казачье войско. Владикавказ, 1890. С. 22.
- ²⁸ ЦГА РСО-А. Ф. 290. Оп. 1. Д. 109. Л. 15об. — 17.
- ²⁹ Отдел рукописных фондов Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. Отдел истории. Ф. 1. Оп. 1. Д. 218. Л. 3.
- ³⁰ Статистические материалы для изучения современного станичного быта Терского казачьего войска / Сост. Н. Благовещенский. Тифлис, 1877. С. 40.
- ³¹ Сборник сведений о Терской области. Вып. 1. Владикавказ, 1878. С. 53.
- ³² Цит. по: *Омельченко И.Л.* Указ. соч. С. 112.
- ³³ *Заседателева Л.Б.* Терские казаки (середина XVI — начало XX века). Историко-этнографические очерки. М., 1974. С. 143.
- ³⁴ ЦГА РСО-А. Ф. 13. Оп. 1. Д. 580. Л. 50–51, 79об. — 82; Статистические материалы для изучения современного станичного быта Терского казачьего войска. Тифлис, 1877. С. 7, 38, 77.
- ³⁵ ЦГА РСО-А. Ф. 13. Оп. 1. Д. 580. Л. 50–51.
- ³⁶ *Писарев С.* Указ. соч. С. 43.
- ³⁷ *Востриков П.А.* Станица Наурская // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 33. Тифлис, 1904. С. 108.
- ³⁸ *Кабузан В.М.* Указ. соч. С. 50.
- ³⁹ ЦГА РСО-А. Ф. 13. Оп. 1. Д. 930. Л. 13 об. — 14.
- ⁴⁰ *Кабузан В.М.* Указ. соч. С. 68.
- ⁴¹ *Максимов Е.Д.* Указ. соч. С. 51.
- ⁴² Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. М., 1957. Т. 2. С. 246.
- ⁴³ Центральный Государственный Архив Кабардино-Балкарской Республики (далее: ЦГА КБР). Ф. И-16. Оп. 1. Д. 163. Л. 23–24; Оп. 2. Д. 42. Л. 2.
- ⁴⁴ Там же. Ф. И-49. Оп. 1. Д. 4. Л. 26.
- ⁴⁵ *Чекменёв С.А.* Переселенцы. Пятигорск, 1994. С. 72.
- ⁴⁶ *Дзагов Р.Н.* Русское население Кабарды: опыт экономической и культурной адаптации и интеграции в XIX — начале XX в. // Вестник Института Гуманитарных исследований Правительства КБР

и КБНЦ РАН. Вып. 1 (19). Нальчик, 2012. С. 24.

⁴⁷ Гриценко Н.П. Горский аул и казачья станица накануне Великой Октябрьской революции. Грозный, 1972. С. 166.

⁴⁸ Великая Н.Н. К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Армавир, 2001. С. 120.

⁴⁹ Невская Т.А. Интеграция культуры жизнеобеспечения славян, горцев и кочевников Северного Кавказа в XIX — начале XX в. // Казачество и народы России: пути сотрудничества и служба России. Материалы заочной научно-практической конференции. Краснодар, 2008. С. 185.

⁵⁰ Попко И. Терские казаки со стародавних времен. Вып. V. Гребенское войско. Нальчик: Эль-фа, 2001. С. 122.

⁵¹ Заседателева Л.Б. Культура и быт русского и украинского населения Северного Кавказа в конце XVI–XIX в. // Кавказский этнографический сборник. Вып. VIII. М., 1984. С. 45.

⁵² Кавказ. 1848. № 22.

⁵³ Попко И. Указ. соч. С. 117.

⁵⁴ Потто В.А. Указ. соч. С. 284.

⁵⁵ Омельченко И.Л. Указ. соч. С. 121.

⁵⁶ Цит. по: Вилинбахов В.Б. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик, 1982. С. 241.

⁵⁷ Невская Т.А. Указ. соч. С. 187.

⁵⁸ Калоев Б.А. Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей // Советская этнография. 1961. № 1. С. 48.

⁵⁹ Заседателева Л.Б. Указ.соч. С. 51.

⁶⁰ Калоев Б.А. Указ. соч. С. 48.

⁶¹ Дзагов Р.Н. Взаимодействие культур в процессе формирования многонационального населения Кабарды (XIX — начало XX века). Нальчик, 2009. С. 135.

⁶² Цит. по: Омельченко И.Л. Указ. соч. С. 63.

⁶³ Цыбулькинова А.А. Роль женщин в процессах мирного взаимодействия казаков и горцев Северного Кавказа в XVIII–XIX вв. // Казачество и народы России: пути сотрудничества и служба России: Материалы заочной научно-практической конференции. Краснодар, 2008. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.aheku.org/page-id-3521.html> (дата обращения 10.08.2016).

⁶⁴ Великая Н.Н. К истории взаимоотношений... С. 94.

⁶⁵ Там же. С. 98.

⁶⁶ Там же. С. 103.

⁶⁷ Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001. С. 225.

⁶⁸ Там же. С. 226.

Делопроизводственные источники по истории судебных преобразований на Центральном Кавказе в конце XVIII — начале XX века

Исследование особенностей включения народов Центрального Кавказа в состав России и характеристика механизмов формирования государственных органов власти на присоединяемых территориях является одним из важнейших аспектов изучения истории развития российской государственности. В этом плане большой научный интерес представляют судебные преобразования в регионе в конце XVIII — начале XX в.

В это время судебная система Российской империи представляла собой сложносоставную иерархию, в которой подсудность и объем полномочий каждой структурной единицы были строго регламентированы нормативно-правовыми актами разного уровня. Ее формирование являлось сложным и длительным процессом, в основе которого лежал поиск оптимальных моделей функционирования судебных органов в условиях перманентных административно-территориальных преобразований. В значительной мере это касается и Центрального Кавказа — одного из самых многонациональных регионов империи. Институты российской судебной системы стали учреждаться здесь с конца XVIII в. В свою очередь, эти процессы под влиянием ряда экзогенных и эндогенных факторов повлекли за собой существенные изменения в социально-политической организации и повседневной жизни народов региона.

**Алексей
Хасанович
АБАЗОВ**

Судебные преобразования на Центральном Кавказе в конце XVIII — начале XX в. включали ком-

плекс мероприятий по формированию органов государства и упрочнению российской государственности на включаемых в состав России территориях. Начало этих мероприятий хронологически совпадало с развертыванием военных действий на Кавказе и активной стадией Кавказской войны. На этом фоне для народов Центрального Кавказа создавались специальные судебные учреждения (Моздокский верхний пограничный суд (1793–1822), родовые суды и расправы в Большой и Малой Кабарде (1793–1807), Кабардинский временный суд (1822–1858), Владикавказский инородный суд (1828–1830), Владикавказский окружной суд (1830–1836) и др.), а также формировались военные и административные структуры, наделенные судебскими полномочиями (например, приставы и приставские управления). Завершающие этапы судебных преобразований в регионе совпали с окончанием Кавказской войны и продлились до прекращения существования империи как формы государства. В этих условиях к середине 60-х годов XIX в. была сформирована многоуровневая судебная система (Терский областной народный суд — окружные народные суды — участковые суды), вырабатывались унифицированные правила судопроизводства. Позже начались мероприятия, направленные на реализацию судебной реформы 1864 г. (замена окружных народных судов горскими словесными). При этом продолжали функционировать не противоречившие российским законам традиционные для народов региона формы решения споров и урегулирования конфликтов (медиаторское, т.е. посредническое, третейское судопроизводство).

Анализ источников по истории судебных преобразований на Центральном Кавказе в конце XVIII — начале XX в. является самостоятельной исследовательской задачей современных историко-этнографических и юридических наук. Историческая эвристика, систематизация и анализ материалов дают возможность разделить весь корпус источников по видовой принадлежности на несколько групп: законодательные акты, делопроизводственная документация, статистические источники, материалы периодической печати, источники личного происхождения, публицистика, картография и материалы полевых исследований.

Наиболее значимую по объему и информативной отдаче группу источников представляют делопроизводственные документы. К этой группе относятся текущая документация, издававшаяся функционировавшими в этом регионе судебными учреждениями с целью управления собственной деятельностью. В основном это материалы, сопровождавшие деятельность конкретных судебных учреждений в регионе на протяжении всего изучаемого периода, начиная с Моздокского верхнего пограничного суда.

Однако при исследовании этой подгруппы исторических источников следует учитывать ряд обстоятельств. *Во-первых*, под влиянием военно-политических и социальных факторов сохранилось небольшое количество делопроизводственных документов по деятельности некоторых судебных учреждений

(например, большая часть документов, сопровождавших деятельность духовных судов «мехкеме» в Большой и Малой Кабарде (1807–1822), Владикавказского инородного суда (1828–1830), Чеченского народного суда «макхама чачани» (1852–1858) и т.п.). *Во-вторых*, в некоторых случаях сведения о деятельности определенных судебных учреждений приходится восстанавливать на основе анализа косвенных делопроизводственных документов. Например, информация о практике сельских (аульных) и медиаторских судов Терской области в последней трети XIX — начале XX в. может быть получена лишь на основе анализа апелляционных жалоб, подаваемых в горские словесные суды. *В-третьих*, большинство документов этой подгруппы составлялись российскими служащими на русском языке, что могло повлечь за собой не совсем точную передачу информации об обычаях и традициях народов региона, сущности споров и конфликтов и т.п.

Большой интерес при исследовании поставленной проблемы имеют делопроизводственные материалы Моздокского верхнего пограничного суда (1793–1822). Среди них: докладные и настольные регистры, списки членов суда, ведомости об оплате их труда, протоколы суда, рапорта членов родовых судов и родовых расправ Большой и Малой Кабарды, сообщения, предложения, уведомления должностных лиц и учреждений, экстракты и т.п.

Докладной регистр Моздокского верхнего пограничного суда представлял собой подобие настольного журнала суда, в котором фиксировались обстоятельства каждого конкретного дела и сущность принятых по ним решений¹. В начале XIX в. вместо докладных регистров уже стали применять настольные журналы, куда записи вносились по установленной форме. Каждая запись и решение суда заверялись подписями или печатями судей. В настольных регистрах Верхнего пограничного суда производился учет «вступаемых уголовных и следственных дел»². Такую же информативную отдачу имеет книга «на записку вступаемых из разных мест бумаг в верховный пограничный суд»³.

Ведомости о вознаграждении членов суда дают возможность определить штат этого учреждения в конкретный период его функционирования⁴. Рапорта родовых судов и родовых расправ Большой и Малой Кабарды были представлены в материалах Моздокского верхнего пограничного суда в виде записей в докладах-регистрах (настольных журналах)⁵ и позволяют охарактеризовать некоторые особенности решения споров и конфликтов у кабардинцев в конце XVIII в. на основе обычного права. В этом же ряду можно отметить сообщения и прошения официальных должностных лиц по вопросам организации деятельности Моздокского верхнего пограничного суда.

В части координации работы Моздокского верхнего пограничного суда с Кавказским наместником, Кавказской казенной палатой, Моздокским уездным судом, Кавказским мушкетерским полком и т.п. определенный интерес представляют такие делопроизводственные документы, как: уведомления Моздокского уездного суда⁶ и сообщения Кавказского мушкетерского полка

о необходимости провести конкретные следственные мероприятия, сообщения Кавказской казенной палаты о порядке финансирования Моздокского верхнего пограничного суда⁷, предложения кавказского наместнического правления об оптимизации работы Моздокского верхнего пограничного суда⁸, заслушанные в Моздокском верхнем пограничном суде экстракты из дел различных чиновников и учреждений⁹.

В качестве отдельной подгруппы делопроизводственных документов можно выделить выборные (голосовые) листы родовых судов и расправ, списки судей родовых судов и расправ, Моздокского верхнего пограничного суда, направленные на утверждение Екатерине II¹⁰. В них содержались некоторые персональные данные (имена и фамилии, сословный статус и место жительства, возраст и т.п.) о судьях, составлявших их первые составы.

Помимо делопроизводственных документов Моздокского верхнего пограничного суда к этой подгруппе источников относятся донесения официальных должностных лиц в адрес вышестоящего начальства. В них содержались сведения о предполагаемых преобразованиях в судебной сфере, оповещение об исполнении предписаний вышестоящего начальства и т.п. Например, в конце XVIII в. многочисленные рапорта И.В. Гудовича в адрес Екатерины II содержали предложения о необходимости преобразований в области системы суда и судебных учреждений на Центральном Кавказе, а также отчеты о ходе их реализации¹¹. Рапорт Главноуправляющего на Кавказе князя П.Д. Цицианова Правительствующему сенату от 26 июня 1803 г. содержит подробную информацию о деятельности родовых судов и расправ. Донесения Моздокского коменданта вышестоящему начальству содержали некоторые сведения о датах открытия и о деятельности Моздокского верхнего пограничного суда, его персональном составе, заработной плате судей и т.п.

В целом анализ исторических источников этой подгруппы дает возможность восстановить некоторые особенности судебного процесса в Моздокском верхнем пограничном суде и родовых судах и расправах, определить характер судопроизводства в родовых судах и родовых расправах на основе апелляций на их решения. В плане исследования поставленной проблемы эти материалы дают возможность изучить особенности аккультурации традиционных институтов соционормативной культуры народов Центрального Кавказа с российским правовым порядком на начальном этапе судебных преобразований.

Делопроизводственные документы духовных судов «мехкеме» (1807–1822) до настоящего времени не сохранились, поэтому особенности их деятельности приходится восстанавливать на основе исследования других групп источников.

Документация Кабардинского временного суда (1822–1858) представлена рапортами, журнальными постановлениями, предписаниями начальника Центра Кавказской линии, докладными записками, прошениями жителей региона, протоколами допросов (опросов), отзывами военных начальников,

резолуциями начальника Центра Кавказской линии, расчетами о жалованье членов суда, реестрами словесных жалоб, официальной перепиской должностных лиц, материалами медицинских освидетельствований и т.п.

Здесь необходимо отметить, что большая часть этих материалов была новаторством в делопроизводстве учреждения. В частности, материалы медицинских освидетельствований влияли на характер и размер наказаний по делам об убийствах и причинении телесных повреждений. Освидетельствования проводились лекарями, состоящими при военных укреплениях. Обязательной частью заключения лекаря выступало подробное описание причиненного повреждения. При этом внимание уделялось выяснению возможных последствий причинения раны для определения трудоспособности потерпевшего.

Особый научный интерес представляют выписки из настольных журналов Кабардинского временного суда, в которых содержались сведения о конкретных нормах обычного права кабардинцев и балкарцев и о том, как эти нормы применялись в практике.

Анализ этой группы источников дает возможность проанализировать основные этапы и особенности функционирования Кабардинского временного суда, особенности его правоприменительной практики в изучаемый период, влияние внешних политических факторов на трансформацию соционормативной культуры народов региона и т.п. Такие же подходы применимы и для исследования делопроизводственных документов Владикавказского инородного и других судов, действовавших на Центральном Кавказе во второй четверти XIX в.

В 60-е годы XIX в. начался процесс унификации судопроизводства в регионе на локальном уровне и выработки единых правил судебного процесса на фоне сохранения некоторых традиционных форм каждой проживавшей здесь этнической группы. Эти процессы, естественно, нашли отражение в изменении форм судебного делопроизводства.

Делопроизводственную группу документов Терского областного народного суда (1864–1870) составляли: книги при канцелярии суда, решения и копии с решений суда; рапорта председателя и судей; протоколы опросов, допросов и очных ставок участников судебного процесса; свидетельства должностных лиц, содержащие информацию о фактах, имеющих значение для установления обстоятельств конкретного дела; материалы переписки суда и различных ведомственных учреждений региона; отношения вышестоящих судебных инстанций; отзывы начальника Терской области по конкретным вопросам деятельности суда; деловая переписка; протоколы повальных обысков; клятвенные обещания и подписки участников процесса; аукционные листы; документы об исполнении решений суда; выписки из судебных дел, составленные членами суда, и др.

Характерно, что в ряде случаев клятвенные обещания или же присяжные листы составлялись на двух языках (например, на русском языке и на языке того народа, к которому принадлежит участник процесса, с использованием

ареографической языковой основы¹²). Определенную информацию, полезную для понимания механизмов процесса судопроизводства, дают резолюции и пометки должностных лиц на документах Терского областного суда, которые во многом определяли дальнейший ход разбирательства по делу. На основе анализа смет и финансовых годовых отчетов о деятельности этого суда можно восстановить его структуру, увольнение или прием в штат новых сотрудников. В свою очередь, анализ протоколов Терского областного суда позволяет сформировать подробную картину всей его правоприменительной практики¹³. Кроме того, данный вид источников дает обширные сведения о самом судебном процессе и механизмах принятия судом решений. Что касается журналов заседания Терского областного суда, то они представляют собой сводные книги, в которых в обобщенной форме фиксировались все его действия¹⁴.

Схожую организацию имело делопроизводство судебных учреждений других уровней судебной системы Терской области в 60-е годы XIX в. (окружных народных и участковых судов). Каждая из разновидностей документов имеет свою информативную полезность для исследования истории суда на той территории, на которую распространялась его деятельность. В частности, настольные журналы окружных народных судов содержали информацию о правонарушениях, принятых к разбирательству, о составе, особенностях организации судебного процесса, применении норм обычного права и шариата. Или, например, «Списки избираемых судей» в окружные народные суды содержали в себе сведения об именах, фамилиях, должностях и местах проживания кандидатов в судьи¹⁵.

Подробный порядок делопроизводства в этих окружных и участковых судах определялся принятым 7 июня 1862 г. «Положением об управлении Терской областью». Общее правило устанавливало, что книги должны были вестись на русском языке делопроизводителем суда¹⁶. При этом каждая запись в настольный журнал подлежала переводу «на арабский или татарский язык, каковые переводы повторяются кадием и депутатами и по проверке представляются председателю суда для распоряжения о внесении перевода в особую книгу, заведенную по образцу подлинной книги»¹⁷. Только на русском языке вели алфавитный список.

В 60-х годах XIX в. ведение настольных журналов и алфавитных списков жалобщиков в обязательном порядке предусматривалось не только в окружных народных, но также участковых судах Терской области. Но в последних настольные журналы практически не велись, а следовательно, ход судебного разбирательства должным образом не фиксировался. Решения участковых судов, согласно «Временным правилам, данным в руководство временным судам, учрежденным при управлениях Терской области» (1863 г.), должны были записываться в жалобных книгах, которые велись в участковых правлениях. Поскольку настольные журналы участковых судов Терской области не сохранились, то при исследовании характера и особенностей правоприменительной практики

участковых судов 60-х годов XIX в. приходится использовать в качестве источников нормативно-правовые и отчетные документы того времени. Так, в 60–70-х годах XIX в. некоторые из них были использованы Н.Ф. Грабовским¹⁸, что позволило ему восстановить некоторые детали и статистику деятельности этих судебных учреждений в Кабардинском округе Терской области.

Характерной особенностью горских словесных судов Терской области в последней трети XIX — начале XX в. являлось многообразие их делопроизводственных документов, что было обусловлено сложностью существовавшей многоуровневой судебной системы. В итоге можно выделить следующие виды документов: постановления (решения) суда, исполнительные листы, протоколы заседаний, отзывы на заочные решения, отзывы канцелярии начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска, предписания начальника Терской области начальникам округов, учетные книги и журналы, ведомости следственных дел, рапорта представителей сельских администраций, апелляционные жалобы на решения сельских и посреднических судов, копии решений сельских судов, решения медиаторских судов, общественные приговоры съездов доверенных сельских обществ разного уровня и т.п. Отметим, что вышеперечисленные виды делопроизводственных документов дают информацию не только о судебной практике, но также содержат обширные сведения о нормах и институтах обычного права.

Наиболее информативную подгруппу источников представляют *постановления (решения)* Горских словесных судов, особенно описательная и резолютивная части судебных решений. Описательная часть содержит обстоятельства дела, а также доводы сторон — участников процесса или их представителей, что отражает повседневную практику применения норм обычного права в качестве основного социального регулятора. Резолютивная — мотивированные выводы членов Словесных судов об удовлетворении исков либо отказе их удовлетворения.

Исполнительные листы Горских словесных судов для изучения обычного права народов Терской области в последней трети XIX — начале XX в. представляют определенный интерес в тех случаях, когда решения выносились по делам о взыскании «платы за кровь», материальной компенсации за нанесение ран и телесных повреждений, платы за лечение раненых¹⁹ и т.п.

Протоколы заседаний Горских словесных судов²⁰ отражают особенности их деятельности по оптимизации судебного процесса. На заседаниях рассматривались вопросы о порядке применения в практике официальных судов тех или иных институтов обычного права народов Терской области. Например, в материалах Нальчикского горского словесного суда есть несколько примеров об установлении на таких заседаниях правил принятия присяги²¹.

В *отзывах на заочные решения* Горских словесных судов часто содержались указания на те нормы обычного права народов Терской области, которые были нарушены в ходе разбирательств по тому или иному делу.

Отзывы канцелярии начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска представляли собой мотивированные заключения высшего областного руководства о соответствии деятельности судебных органов законодательству Российской империи в области судопроизводства. Нередко они содержали заключения об обоснованности судебных решений, принимаемых на основе норм обычного права. В этом же ряду можно отметить и *предписания* начальника Терской области начальникам округов, в которых содержались указания о применении судьями конкретных норм обычного права для решения споров и конфликтов.

Наиболее информативную подгруппу делопроизводственных документов по изучению обычного права народов региона представляют *учетные книги и журналы* Горских словесных судов. К ним относятся: настольные журналы по каждому году деятельности суда, «исходящие журналы» (журнал учета исходящей корреспонденции) по годам, «входящие журналы» (журнал учета входящей корреспонденции) по годам, «алфавитные указатели жалобщикам, обвиняемым, истцам и ответчикам» по годам, книги описи дел по годам, книги «для записывания совершенных засвидетельствованных актов» по годам, книги «для записи штрафных денег, взыскиваемых с разных лиц за неявки в суд» по годам, «дела к руководству» (по деятельности судов) по годам, книга «на записку вещественных доказательств» и т.п. Большинство перечисленных книг до наших дней не сохранились. Поэтому некоторые сведения приходится восстанавливать на основании анализа косвенных источников, например копий и выписок из этих книг и журналов, встречающихся в материалах Горских словесных судов.

Эту подгруппу источников дополняют *ведомости следственных дел*. Они содержат информацию о разграничении предметов ведения в учреждениях судебной системы Терской области. Анализ таких ведомостей позволяет установить перечень правонарушений, по которым решения выносились на основе норм обычного права.

Иногда сведения о нарушении норм обычного права народов Терской области содержались в *рапортах* представителей сельских администраций в адрес вышестоящего начальства и Горских словесных судов. В плане исследования обычного права эта подгруппа источников имеет важное значение, так как в них отражалась официальная позиция представителей сельских (аульных) правлений, имеющих прямой контакт с повседневным применением норм обычного права. Как правило, рапорта содержали не только описания конкретных ситуаций, но и предварительные заключения официальных должностных лиц по тем или иным вопросам.

Исследование особенностей применения норм обычного права народов Терской области в деятельности сельских (аульных) и посреднических (медиаторских) судов в последней трети XIX — начале XX в. затрудняется ввиду того, что материалы, отражающие их деятельность, практически не сохрани-

лись до настоящего времени. Эти сведения можно восстановить на основании таких источников, как *апелляционные жалобы*, поступающие в Горские словесные суды на решения этих судов. Они подавались в вышестоящий суд на основании «Временных правил для горских словесных судов Кубанской и Терской областей» от 18 декабря 1870 г. Жалоба состояла собственно из *прошения* и *копии решения сельского суда*, на который она поступала. В *прошениях* описывалась сущность дела и помещались указания на те факты правоприменительной практики, которые, по мнению истцов, были нарушены. Заключительную часть прошений составляют претензии истцов. Определенный интерес представляют *копии решений сельских судов*. В первой части решений излагалась сущность и обстоятельства дела. Во второй коротко описывался ход судебного разбирательства. Далее следовало определение сельского суда, дата его оглашения и подписи судей. Юридическую силу копиям решений сельских судов придавали подписи сельских старшин или их помощников. В некоторых случаях копии заверялись печатями сельских правлений. Оригиналы же решений сельских судов записывались в специальные книги при сельских правлениях.

К этой же подгруппе источников можно условно отнести и *решения медиаторских судов*, которые в незначительном количестве отложились в материалах Горских словесных судов²². Власть признавали юридическую силу решений медиаторских судов, если при их вынесении соблюдались следующие правила. *Во-первых*, оформленное в письменном виде медиаторское решение должно было содержать сведения о медиаторах и посреднике, уполномоченных сторонами вести разбирательство. *Во-вторых*, оно должно было подробно освещать все установленные обстоятельства решаемого дела. *В-третьих*, мотивированное решение, порядок и сроки его исполнения, подписанное медиаторами и посредником — участниками разбирательства. При необходимости медиаторские решения заверялись сельским старшиной и печатями сельского правления. Отсутствие какого-либо из перечисленных реквизитов могло стать основанием для отказа в апелляционном производстве со стороны членов Горского словесного суда.

Подписки (расписки) о передаче дел на рассмотрение посреднических судов информативны для исследования обычного права при уточнении следующих вопросов: категории дел, решаемых этими судами; действие норм обычного права в пространстве в конкретный хронологический промежуток, особенности посреднического правосудия и т.п.

Здесь следует отметить, что некоторые случаи принятия решений медиаторскими судами фиксировались еще в середине XIX в. Некоторые документы в виде условий от сторон или расписок о передаче дела на медиаторское рассмотрение отложились в материалах Кабардинского временного суда²³.

В целом материалы Горских словесных судов содержат огромный объем сведений об обычном праве народов Терской области и особенностях его развития в последней трети XIX — начале XX в.

Координация работы судебных органов различных уровней реализовывалась с помощью делопроизводственных документов, сопровождавших процесс обжалования судебных решений. В числе таких документов: апелляционные отзывы присяжных поверенных в Тифлисскую судебную палату, апелляционные протесты, например, товарищей прокуроров Владикавказского окружного суда в Тифлисскую судебную палату, приговоры Тифлисской судебной палаты об утверждении или отклонении приговоров Владикавказского окружного суда и т.п.

С определенной долей условности к этой группе материалов можно отнести и документы посреднических и примирительных судов, создававшихся российскими властями в Терской области в начале XX в. (Осетино-Ингушский смешанный суд присяжных, народно-примирительные суды казаков и горцев). В частности, на основе анализа журнала регистрации входящих и исходящих сведений по личному составу Осетино-Ингушского смешанного суда присяжных (1908–1910) можно определить разные виды делопроизводственных документов этой подгруппы.

Так, в *исходящих* журналах фиксировались следующие документы: отзывы Начальника 2-го участка Владикавказского округа Терской области; отзывы Начальника 2-го участка Назрановского округа Терской области; отзывы старшин селений, в которых содержатся сведения о документах, устанавливающих статус участников судебного процесса²⁴; удостоверения о несостоянии под судом конкретных лиц²⁵; предложения старшин селений; надписи начальников участков об организации судебного процесса²⁶ и т.п.

Во *входящих* журналах фиксировались отзывы начальников участков об организации судебного процесса, порядке участия судей, порядке замены судей в связи с особыми обстоятельствами²⁷, рапорта старшин селений о начале судебного процесса²⁸, прошения жителей конкретных селений о взыскании денежных штрафов с правонарушителей²⁹, прошения о назначении судебных разбирательств в смешанном суде присяжных³⁰, прошения судей об отстранении от должностей³¹, заявления потерпевших, уточняющие предмет иска³², рапорта старшин селений о фактах правонарушений на подведомственных им территориях³³, рапорта старшин селений о фактах, имеющих отношение к конкретному делу³⁴, рапорта старшин селений об исполнении решений смешанных судов³⁵, надписи старшин селений о производстве конкретных действий, связанных с судопроизводством³⁶, надписи начальников участков, содержащие сведения об установлении конкретных фактов, имеющих отношение к делу³⁷, прошения присяжных поверенных о пересмотре решений по делу³⁸.

Определенную информационную нагрузку несут упоминания о повестках, вручаемых участникам судебного процесса. Эти сведения имеют важное значение для понимания особенностей судопроизводства в смешанных судах присяжных Осетинского и Назрановского округов Терской области в 1908–1910 гг. Всего в Журнале регистрации входящих и исходящих сведе-

ний по личному составу Осетино-Ингушского смешанного суда присяжных за апрель—декабрь 1908 г. содержится 1001 запись об исходящей корреспонденции и 846 — о входящей³⁹.

В целом же материалы создаваемых российскими властями в конце XVIII — начале XX в. на Центральном Кавказе судебных учреждений относятся к судебно-следственной группе государственного делопроизводства Российской империи. Материалы этой группы источников во многом применимы для определения структуры и состава судебных учреждений, их правоприменительной практики и воспроизводят модели и особенности функционирования норм и институтов традиционной соционормативной культуры народов региона в условиях их включения в политико-правовое пространство империи. При этом делопроизводственные документы определяют не только правоприменительный, но и повседневный уровень функционирования норм обычного права народов региона в исследуемый период.

Таким образом, анализ источников по истории судебных преобразований на Центральном Кавказе в конце XVIII — начале XX в. позволяет решать следующие исследовательские задачи: охарактеризовать динамику судебных преобразований в регионе в указанный период как комплексное явление, определить преемственность или отсутствие преемственности судебных учреждений в ходе конкретных преобразований, исследовать судебские функции несудебных учреждений (военных приставов в конце XVIII — первой половине XIX в. и начальников административных участков в конце 50-х — начале 60-х годов XIX в.), определить роль и место посреднических судов народов региона в судебной системе и выявить формы координации их деятельности, глубже исследовать трансформацию традиционных институтов соционормативной культуры народов региона в условиях судебных преобразований, охарактеризовать роль военно-политических факторов в регионе и их влияние на динамику судебных преобразований; дифференцировать третейские суды народов региона на различные виды в зависимости от характера основы судопроизводства и форм координации их деятельности с официальными судами; глубже изучить особенности правовой политики Российской империи на Центральном Кавказе в указанный период, охарактеризовать особенности трансформации традиционных институтов соционормативной культуры народов региона и т.д.

Примечания

¹ Центральный государственный архив Республики Северная Осетия — Алания (далее: ЦГА РСО-Алания). Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 1.

² Там же. Д. 347.

³ Там же. Д. 346.

⁴ Там же. Д. 19. Л. 3.

⁵ Там же. Д. 28.

⁶ Там же. Д. 28. Л. 92об.

⁷ Там же. Д. 28. Л. 93.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Д. 186. Л. 59.

¹⁰ Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее: ЦГА РД). Ф. 379. Оп. 3. Д. 138. Л. 12–23об.

¹¹ Акты Кавказской археографической комиссии (далее: АКАК). Т. 2. С. 1123.

- ¹² См., например: ЦГА РСО-Алания. Ф. 112. Оп. 1. Д. 2. Л. 106–107.
- ¹³ Там же. Д. 42. Ч. I–III; Там же. Д. 53.
- ¹⁴ Там же. Д. 66.
- ¹⁵ Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (далее: ЦГА КБР). Ф. И-2. Оп. 1. Д. 467. Л. 1.
- ¹⁶ Там же. Ф. Р-1209. Оп. 7. Д. 41. Л. 33.
- ¹⁷ Там же. Л. 33–34.
- ¹⁸ *Грабовский Н.Ф.* Очерк суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе // ССКГ. Вып. 9. Тифлис, 1876. С. 1–72.
- ¹⁹ См., например: ЦГА КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 2510. Л. 2.
- ²⁰ См., например: Там же. Д. 2175.
- ²¹ Там же. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 2175. Л. 54.
- ²² См., например: Там же. Д. 3704. Л. 9.
- ²³ Документальное наследие рода Кармовых: Историко-архивное издание / Сост. Р.К. Кармов. Нальчик: Издательство «Центр-Принт», 2013. С. 24.
- ²⁴ ЦГА РСО-Алания. Ф. 117. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.
- ²⁵ Там же. Л. 9об.
- ²⁶ Там же. Л. 7.
- ²⁷ Там же. Л. 2об.
- ²⁸ Там же. Л. 11об.
- ²⁹ Там же. Л. 2об.
- ³⁰ Там же. Л. 6об.
- ³¹ Там же. Л. 5об.
- ³² Там же. Л. 3об.
- ³³ Там же. Л. 2об.
- ³⁴ Там же. Л. 27об.
- ³⁵ Там же. Л. 2об.
- ³⁶ Там же. Л. 3об., 7об.
- ³⁷ Там же. Л. 4об.
- ³⁸ Там же. Л. 32об.
- ³⁹ Там же.

Армянский княжеский род Асан-Джалалянов в XVII–XIX веках

Владельцы гавара Хачен — Асан-Джалаляны происходили от старинного армянского княжеского рода Араншахиков¹. Территория меликства гавара Хачен начиналась от реки Хачен и простиралась до реки Каркар. Основателем рода Асан-Джалалянов был потомок ветви Нижнего Хачена владычества Араншахиков Асан-Джалал Дола (?–1261), «природный самодержавный царь высокой и великой страны Арцахской». Сам князь Асан-Джалал Дола был выдающимся правителем, воином и дипломатом, детали его биографии полны величия и трагизма². Княжескими резиденциями Асан-Джалалянов были Тарханаберд (Хоханаберд) и Качахакаберд³. Представители этого рода начиная с конца XIV в. потомственно владели также католикосским престолом Алуанка (Гандзасара), а престол Гандзасара превратился в духовный и политический центр меликств Арцаха. Образно и емко обрисовал судьбу этого знаменитого рода исследователь Б. Улубаян: «По имени князя Асан-Джалала его княжеский дом, именуемый Асан-Джалаляны, являлся владельцем Нижнего Хачена — одного из видных административных единиц средневековой Армении. Он выдержал натиск татаро-монголов, а затем и пришедших по их следам турок ак-коюнлу и кара-коюнлу, потом, в родном Хачене, преобразовавшись в меликский род, просуществовал вплоть до начала XIX в.»⁴.

Изучением родословия Асан-Джалалянов впервые занимались представители этого рода: Есаи Асан-Джалалян⁵, Багдасар Асан-Джалалян и Саргис Джалалянц⁶. Среди этих работ наиболее удачным является составленный Багдасаром Асан-Джалаляном в 1849 г. родовой список «*Родословие и генеалогия рода Асан-Джалалянов*», один из вариантов которого издал известный армянский писатель Раффи (Акоп Мелик-

**Артак
Владимирович
МАГАЛЯН**

Акопян)⁷. Согласно каталогу рукописей вардапета Х. Дадяна, митрополит Багдасар составил три варианта этого списка, которые «по сути, были одинаковыми и различались только в мелочах: один — более краткий, другой — более обширный. Цель списков — показать, что род митрополита Джалалян происходит от старинного царского рода края Алуанк, или, по выражению Мовсеса Хоренаци — от Сисака»⁸.

Следует упомянуть также исследования М. Бархутарянца⁹, Г. Алишана¹⁰, а из современных исследователей — Г. Киракосяна¹¹, Р. Хюсена¹² и др. Но среди трудов, посвященных истории княжеского рода Хачена, особое место занимает монография историка Б. Улубабяна «Княжество Хачена в X–XVI веках», в которой автор детально представляет пройденный путь Асан-Джалалыанов, доведя историю этого рода до конца XVI в.

Не вдаваясь в детали, вкратце, начиная с начала XVII в. изложим родословие Асан-Джалалыанов. В конце XVI и начале XVII в. владельцем гавара Хачен был старший сын Мехраб-бека Джалал III. Это были тяжелые и трудные времена. Восточная Армения содрогалась от турецко-персидских войн, волны которых докатились и до Арцаха. Из материалов, повествующих об этих событиях, надо отметить памятную запись Джалала III в Евангелии, являющуюся собственностью рода Асан-Джалалыанов, сделанную им по поводу возвращения Евангелия из пленения. Эта запись важна приведенными в ней именами: «Так, купил сие святое Евангелие из плена я, Джалал, сын великого Мехраб-бека [для благоденствия моего] и детей моих Паиндора и дочерей Кичихан и Салвар и всех моих кровных родственников и в память родителей моих. Я купил сие святое Евангелие [от неверных] на свои благоприобретенные средства в горькие и тяжелые времена, когда османцы завладели местностью, называемой Хачен, в царствование великого Джалала и в бытность католикосом этой местности в святой обители Гандзасарской тер-Симавона... Было это в 1038 г. армянского летосчисления (1589)»¹³.

В 1603 г., согласно сообщению Аракела Даврижеци, в числе армянских князей, отправившихся к персидскому шаху Аббасу I (1587–1629) с просьбой спасти их от османского деспотизма, мы также находим «Джалал-бека с племянником из Хачена»¹⁴. Но надежды князей не оправдались. Осенью 1604 г., когда персидская армия отступила под натиском численно превосходящих турецких войск, по приказу шаха было проведено страшное насильственное переселение армян, которое в мрачных тонах описывают не только армянские, но и иностранные очевидцы¹⁵. В это время Джалал III оставил и вторую памятную запись, в которой уже нет ни одного слова ни об ожиданиях, связанных с приходом Шах-Аббаса, ни о последующем разочаровании. Он написал, что «является последним получателем святого Евангелия, он, парон Джалал-бек, сын Мехраб-бека, что заполучил святое Евангелие от неверных выкупом честным в память своей души и своих родителей — отца Мехраб-бека, матери Шахум-аги, покойных братьев своих парона Багдасар-бека, католикоса Ованеса,

католикоса Григора и католикоса Давида — сына Багдасар-бека, покойных сыновей своих Баяндур-бека и Мехраб-бека, живущего-здравствующего сына Велиджан-бека. И супруги моей Бекум-аги. И дочерей своих Салвара, Гичихана, Махпара, Ханум-аги, аминь. Написано в году 1055 армянского летосчисления (1606)»¹⁶. Нетрудно заметить, что эта памятная запись содержит более полные сведения о семье князя Джалала, чем предыдущая.

Отметим, что митрополит Багдасар по-другому представлял это звено в родовой цепочке Асан-Джалалянов: «Джалал-бек III — сын Мехраб-бека, родил Велиджан-бека и Агабека»¹⁷. Но анализ памятной записи в Евангелии позволяет сделать вывод, что Джалал III не имел сына по имени Агабек, и в этом случае ошибается как митрополит Багдасар, так и все другие исследователи, придерживающиеся того же мнения¹⁸. Точными в этом вопросе являются сведения епископа Месропа Тер-Мовсисяна, который на основании изданных им же памятных записей пишет: «Парон Джалал имел трех сыновей, из которых двое мертвы (т.е. Баяндур-бек и Мехраб-бек. — А. М.), жив только Велиджан-бек»¹⁹.

О Велиджан-беке сохранилось мало сведений. Известно только, что «Велиджан-бек II, сын Джалал-бека III, родил католикоса Григора II и Багдасар-бека II»²⁰. Знаток эпиграфики Арцаха М. Бархутарянц пишет: «О Велиджан-беке II и о Багдасар-беке нигде нет надписей»²¹.

Несравнимо больше сведений существует о католикосе Алуанка Григоре II. Сохранился как указ Шаха-Сефи (1629—1642) от 31 декабря 1634 г. о передаче Гандзасарского патриаршества Григору Асан-Джалаляну²², так и указ Шах-Аббаса II (1642—1666) от 1652 г., которым повторно утверждены его католикосские права. «Григор католикос, придя в царский двор, имеющего величие небесного трона, — читаем в последнем указе, — попросил наше Царское Высочество своей подписью повторно утвердить католикосство своим именем. По тетради *аваредже*²³ и *товджиха*²⁴ подтвердили неизменность этой реальности. Поэтому мы, шахской нашей благосклонностью к честнейшему христианину католикосу Григору, по закону, присваиваем ему этот сан»²⁵. Католикос Григор скончался в 1653 г. Его сменил усыновленный родом Асан-Джалалянов Петрос Ханцкеци²⁶, который был католикосом Гандзасара в 1653—1675 гг.²⁷

Согласно родословию, составленному митрополитом Багдасаром, следующим в роду стал католикос Еремия: «от Багдасар-бека II — сына Велиджан-бека II и внука Джалал-бека III родились католикос Еремия, епископ Ари-стакес, Велиджан-бек III и Мулки-бек»²⁸. В другом варианте родового списка митрополита Багдасара читаем: «Католикос Еремия получил ферман в 1086 году хиджры (1675/76) от второго персидского царя Шаха-Сефи в признание и подтверждение своих прав»²⁹.

Указ Шаха-Сулеймана от месяца сафар 1086 г. хиджры (27 апреля — 26 мая 1675 г.), утверждающий Еремию Асан-Джалаляна на католикосском троне Гандзасара, важен и в том смысле, что содержит сведения о предыдущих католикосах. В указе, в частности, читаем: «Духовный предводитель Хачена

Еремия оповестил, что должность католикоса и [духовного] предводителя армян Карабаха и других [районов], согласно обязательным рагамам, издревле наследственно передаваясь, досталась его дяде, католикосу Григору, однако, по причине малолетности его и других потомков, была передана его (Григора) ученику католикосу Петросу. Вышеупомянутый католикос Петрос скончался, однако при жизни назначил вышеупомянутого Еремия своим наследником и оставил записку, чтобы после своей смерти тот занял место духовного предводителя и католикоса [упомянутых районов]... Поэтому с начала года зайца католикосство над армянами Гандзак-Карабаха и Ширван-Шамахи передали упомянутому католикосу Еремию»³⁰. Впоследствии, после смерти шаха Сулеймана, новый правитель Ирана шах Султан-Хусейн (1694–1722) указом в месяце раджаб 1111 г. хиджры (23 декабря 1699 г. — 22 января 1700 г.) снова утвердил его католикосские права, потому что «католикос Еремия оповестил, что католикосство армян этих магалов, как и во времена своих предков, так и указом пребывающего ныне в раю правителя присваивалось ему, которое, однако, не было утверждено благодатной подписью Нашего царского Величества»³¹. Католикос Еремия скончался в 1700 г., о чем свидетельствует его надгробная надпись: «Сие есть могила католикоса Алуанка Еремии, Который был из рода Джалал-Долы. Год 1199 арм. летосчисления (1700)»³².

Согласно митрополиту Багдасару, брат католикоса Еремии — Велиджан III — оставил двоих сыновей: Есаи и Ованеса³³. Однако в усыпальнице у монастыря Гандзасар есть надгробный камень со следующей надписью, которая позволяет внести одно дополнение в родовой список митрополита: «Сие есть могила сына Велиджана Айтина, брата католикоса Есаи. Год 1170 армянского летосчисления (1721)»³⁴. Исходя из этого с уверенностью можем сказать, что Айтин был третьим сыном Велиджан-бека. Последний, согласно ошибочному мнению Раффи, скончался в 1686 г.³⁵ В действительности Велиджан-бек скончался в 1688 г., что доказывает следующая надпись на его надгробии: «Сие есть могила сына Багдасара Велиджана, Брата католикоса Еремии. Год 1137 армянского летосчисления (1688)»³⁶.

Старший сын Велиджан-бека — католикос Гандзасара, историк и деятель армянского национально-освободительного движения Есаи Асан-Джалалян «получил три фермана от персидского царя — шаха Султана-Хусейна — два из них в 1111 году хиджры, а один в 1113 году хиджры о древности и назначении своего рода и самому себе»³⁷. Один из этих ферманов — это указ шаха Султана-Хусейна от месяца шаввал 1111 г. хиджры (22 марта — 20 апреля 1700 г.), который обязывает местные власти Ширвана, Кахета и Карабаха оказать помощь в сборе церковных налогов от подвластного католикоса Алуанка ширванских армян. Указ был издан в ответ на просьбу сына брата католикоса Еремии — вардапета Есаи³⁸. На основании этого указа можно сделать следующие выводы: а) католикос Еремия, по всей вероятности, был уже мертв, иначе Есаи не мог быть автором прошения; б) Есаи хотя и выполнял функции католикоса,

однако еще не был утвержден шахом в этой должности. Действительно, католикосские права Есаи были утверждены указом шаха Султана-Хусейна в первом месяце джумады 1113 г. хиджры (4 октября — 3 ноября 1701 г.)³⁹. Очевидно, католикос Есаи разделял надежды лидеров армянского национального движения на помощь России армянам: «Есаи направил свой взор на север и оттуда ждал освобождения армян»⁴⁰. Католикос Есаи скончался в 1728 г.

Младший брат католикоса Еремии — Мулки-бек имел двух сыновей: мелика Григора и мелика Алаверди. Мулки-бек скончался в 1716 г. «во время мора». Надгробная надпись на усыпальнице вблизи монастыря Гандзасар свидетельствует: «Сие есть могила Мулки-бека, сына парон Багдасара, брата католикоса Еремии — отца Мелика-Григора. Шестого числа года 1165 арм. летосчисления (1716) во время мора ушел к Всевышнему. Из рода Джалал-Долы»⁴¹.

Сыновья Мулки-бека поочередно «указами и ферманами османского государства и персидского царя Надир-шаха, в 1126 (1714), 1131 (1718/19), 1141 (1728/29), 1148 (1735/36) годах хиджры властвовали над народом гавара Хачен»⁴². Документы свидетельствуют, что в 1714–1728 гг. меликом Хачена был Григор. Его имя неоднократно встречается в переписке меликов Арцаха и Русского двора 1723–1728 гг.⁴³ Так, в одном из текстов читаем: «Григор тоже из княжеского рода»⁴⁴.

Согласно митрополиту Багдасару, «Мелик-Григор передал правление над гаваром Хачен своему брату Мелику-Алаверди, отказался от светской власти, был посвящен в священники и стал предводителем монастыря Гандзасар во времена властвования османцев и персидского царя Надир-шаха»⁴⁵. Однако один из хранящихся в Матенадаране документов свидетельствует, что *после окончания военного владычества османцев в Арцахе мелик Григор опять приступил к исполнению своих меликских обязанностей*. Этот документ — указ Надир-шаха от 1736 г., которым тот, удовлетворив просьбу мелика Григора, вывел селения Довшанлу и Габарту из подчинения правителя Барды и вверил забиту мелику Егана из Дизака.

Имея в виду важность этого указа в свете ряда интересующих нас вопросов, приводим его полностью: «Сие есть грозный указ, чтобы забит маляята магала Барды узнал: так как на днях лучший среди христиан мелик магала Хачен Мелик-Григор пожаловал в высочайший двор и доложил: так как *мутаваджехат*⁴⁶ данного магала полностью передан посыльным высочайшего оплота государства моего брата, сипахсалара Азербайджана Мухаммада Ибрагима, поэтому из селений и *мазрае*⁴⁷ этого магала — деревни Довшанлу и Габарту, маляят которых передавался забитам Барды, после ознакомления с данным верховным указом, должны считаться выделенными из ихнего джамы и никоим образом не вмешиваться, считая его *абваб-е джам*⁴⁸, переданного моему высокопоставленному брату.

Проситель Мелик-Григор, являясь подданным моего брата, так как осведомленный об этом забит Барды Али-Кули-бек в докладной записке, при-

ложенной к применению относительно налогосбора года зайца упомянутых селений, отметил: пусть запишет в налоговой книге и руководствуясь этим и строго следуя правоте, соберет маляят.

Указываю, чтобы мелик Хачена Мелик-Григор маляят магала Хачен считал отнесенном забиту Мелика-Егана, чтобы тот, заполучив это, передал *тахвилдару*⁴⁹ моего брата, чтобы последний маляят деревень Довшанлу и Габарту, подобно другим деревням магала Хачен, считал отнесенным забиту Мелик-Егана. Поэтому, согласно данному решению, их маляят совместно с маляятами других селений магала Хачен собрали и передали тахвилдару Мелик-Егана. Пусть это считают своей обязанностью.

Написан в месяце святого зикаада 1148 г. хиджры (14 марта — 13 апреля 1736 г.)⁵⁰.

Из указа видно, что мелик Григор не только вернулся к исполнению своих меликских обязанностей, но и очевидно, что налоги всех меликств Арцаха собирались у мелика Егана из Дизака и через него передавались в шахскую казну. Трудно сказать — до какого времени правил Хаченом мелик Григор. Точно известно одно, что последнюю часть своей жизни он опять провел в монастыре. Как явствует из его надгробной надписи, посвященный в священники бывший мелик скончался в 1748 г.: «Сие есть могила вардапета Григора, Из рода Джалал-Долю. В год 1197 армянского летосчисления (1748)»⁵¹.

Меликская власть брата мелика Григора — мелика Алаверди была утверждена в январе 1729 г. указом предводителя вторгшихся в Арцах османцев Мустафа пашы⁵². Мелик Алаверди был коварно убит в 1755 г. рукою Панах-хана, проникшего в Арцах при попустительстве мелика Шахназара из Варанды. *Тем самым был нанесен непоправимый удар по светской власти Асан-Джалалянов*. Затем «объявился некий Мелик-Мирзахан из села Хндзристан, который за услуги хану (организацию заговора против Мелика-Алаверди. — А. М.) и преданность ему стал меликом»⁵³. Сказанное относится к ставленнику Панах-хана мелику Мирзахану Мелик-Мирзаханяну (скончался в 1777 г.), который причинил немало вреда преданной родине меликам Арцаха.

Мелик Алаверди Асан-Джалалян оставил двоих сыновей: епископа Есаи и Мелик-бека I. В Матенадаране хранится указ Панах-хана от 1754 г., которым Мелик-бек назначается *векилом* (уполномоченным представителем) Хачена⁵⁴. Указом сына Панаха — Ибрагим-хана от 1189 г. летосчисления хиджры (1775/76 гг.)⁵⁵ Мелик-бек был назначен также *забитом*⁵⁶ гавара Хачен, а другим указом того же хана от 1778 г., из-за старости Мелик-бека, векилство Хачена передается его сыну — Габриел-беку⁵⁷. Интересно, что в письме видных особ Арцаха, направленном 10 мая 1784 г. из Гандзасара генералу П.С. Потемкину, Мелик-бек опять именуется как «векил края Хачен»⁵⁸. Единственным объяснением этому может быть то, что власть хндзристанских Мелик-Мирзаханянов, навязанная населению Хачена шушинскими ханами, не признавалась ни Асан-Джалалянами, ни другими меликами.

Мелик-бек оставил восьмерых сыновей: католикоса Ованеса, католикоса Саргиса, Габриел-бека, Даниел-бека, Мисаел-бека, Израел-бека, Джалал-бека и Алахкули-бека. Из его сыновей самым известным, пожалуй, был католикос Гандзасара в 1763–1786 гг. и деятель армянского национально-освободительного движения Ованес Асан-Джалалян. После трехлетней борьбы с Израелом Джрабердци за овладение католикосским тронном Алуанка 25 декабря 1765 г. он был посвящен в Эчмиадзине Католикосом всех армян Симеоном Ереванци в сан католикоса Гандзасара. Сам Симеон Ереванци так писал о посвящении Ованеса Асан-Джалаляна: «Мы повесили ему на шею святой крест, у пояса справа палицу [набедренник], дали в руку посох, произнесли [молитву] «Храни господи» и торжественно вернули ему власть и почет. После этого он совершил обедню, как положено католикосу»⁵⁹. Кроме того, сохранилось любопытное заявление, составленное армянскими меликами и духовенством Арцаха, от 5 февраля 1763 г. о признании именно Ованеса Асан-Джалаляна католикосом Гандзасара, в котором читаем: «Впредь нашим патриархом является католикос Ованес — племянник католикоса Есаи, который был нашим патриархом. Мы ничего общего не имеем с нечестивым Израелом. Отныне, если кто-то захочет видеть Израела католикосом — вардапет, епископ, поп или мирской, — да будет проклят и ответчиком перед Богом, святым тронном Гандзасара, и святой десницей Григориса»⁶⁰.

Католикос Ованес стал достойным продолжателем дела Есаи Асан-Джалаляна. По его инициативе в начале 1780 г. в Гандзасаре организовывались собрания армянских меликов и духовенства Арцаха и отправлялись прошения к русскому императорскому двору. Однако, как свидетельствует брат католикоса Ованеса Саргис Асан-Джалалян в прошении от 1800 г., направленном уполномоченному представителю российского императора в Грузии П. Коваленскому, «5-го ноября 1784 года Ибрагим, местный хитрый хан, узнав об этом собрании, начал допрашивать брата моего католикоса Ованеса, упомянутых меликов и юзбаши (сотников), обвиняя, что он сам сплотил весь народ армянский против него, грозился убить его, пока не умертвил отравой, возвысив его к Богу»⁶¹. Католикос Ованес был убит в тюрьме Шуши в 1786 г., о чем свидетельствует надпись на его могиле в притворе Гандзасара: «Сие есть могила католикоса Алуанка Ованеса. Из рода Джалал-Долы. Год 1235 армянского летосчисления (1786)»⁶².

После убийства католикоса Ованеса Ибрагим-хан при посредничестве своей жены Бики-ханум⁶³ в 1787 г. освободил из тюрьмы брата Ованеса — Саргиса. Как раз в это время Ибрагим-хан пожелал построить мечеть на могиле патриарха Алуанка Шупхагишо, находящейся вблизи Байлакана. И несмотря на то что епископ Саргис «старался препятствовать этому, хан довел до конца свое намерение, говоря: не важно, что это могила армянского католикоса, поскольку дело мое богоугодное»⁶⁴. Избежав новой западни Ибрагим-хана в 1791 г., Саргис Асан-Джалалян убежал из Гандзасара и перебрался в Гандзак

к Джавад-хану. Здесь же «усилиями Джавад-хана и армянского князя Мелик-Меджлума был посвящен в католикосы в Гандзаке — Елизаветполе 17 декабря 1243 года армянского летосчисления (1794)»⁶⁵.

В Гандзаке католикос Саргис оставался до 1798 г., когда по причине голода и эпидемии чумы, охвативших Арцах, он с частью населения переселился в Грузию. По сведениям Ал. Ерицяна: «Последний грузинский царь Георгий посредничал у Католикоса всех армян Гукаса, чтобы Саргис хотя бы был назначен духовным предводителем Ахпата. Гукас удовлетворил эту просьбу, направив Саргиса в Ахпат, но всего лишь в сане архиепископа. Затем, когда русские покорили ханства Гандзака и Карабаха, Саргис вернулся в Гандзасар и снова начал использовать католикосский титул и печать»⁶⁶.

После возвращения Саргиса Асан-Джалаляна в Арцах шушинский Мехти-Кули-хан, преследуя цель ослабить влияние Эчмиадзина в Арцахе, указом от месяца шаввал 1227 г. хиджры (10 октября — 6 ноября 1812 г.)⁶⁷ закрепил права католикоса Гандзасара за Саргисом. Однако «Нерсес Аштаракеци, после своего назначения епархиальным предводителем русскоподданного армянства в Закавказье, приступил к упразднению старинного Алуанкского католикосата. Переговоры Ефрема и Нерсеса по этому поводу с русским государством увенчались успехом, и в 1815 г. католикос Алуанка Саргис официально был объявлен лишь архиепископом или митрополитом Гандзасара или Карабаха»⁶⁸. Митрополит Саргис Асан-Джалалян скончался 19 декабря 1828 г.⁶⁹ С его смертью закончилась история Гандзасарского католикосата.

* * *

Воспользовавшись родовым списком митрополита Багдасара, посмотрим, что стало с братьями Ованеса и Саргиса Асан-Джалалянов и каких потомков оставили они. Если это родословие по части предков митрополита Багдасара в отдельных случаях нуждается в некоторых корректировках, то по части братьев отца и их сыновей все предельно четко. Приведем полностью эту часть родового списка.

«А. Габриел-бек родил епископа Еремия и Григор-бека. Григор-бек родил Джалал-бека V и дочь Хоришах. Джалал-бек V родил Саргис-бека и дочь Мина-хатун.

Б. Мисаел-бек родил Апрес-бека и Аслан-бека. Апрес-бек родил Атабека III, Григор-бека и Джавад-бека. Атабек родил Мовсеса и др. Григор-бек родил Иванэ и др.

Г. Джалал-бек родил Атабека, Арустам-бека и дочь Хоришах. Арустам-бек родил Есаи и др., которые живут в Болнисе.

Д. Алахкули-бек родил Арушан-бека и Джаангир-бека. Арушан-бек родил троих сыновей, которые живут в Болнисе».

И наконец, «Даниел-бек родил митрополита Багдасара и Мелика-Алаверди II гавара Хачен»⁷⁰. Его жену звали Рипсимэ.

Джалал-бек и отец митрополита Багдасара Даниел-бек в 1791 г. были убиты Ибрагим-ханом. Как видно из списка, часть потомков Джалал-бека и Алахкули-бека в 1797–1798 гг., после переселения арцахского армянства, утвердились в Болнисе. В приведенном родовом списке нет данных о потомках Израел-бека, для которых, наверное, была предусмотрена отсутствующая в списке буквенная нумерация «В». Однако в архивном варианте списка митрополита Багдасара о потомках Израел-бека имеется маленькая запись: «Покойный Израел имеет двух живых-здравствующих сыновей, один светский в Моздоке»⁷¹. В приложенной родовой цепи находим их имена: вардапет Овсеп и Геворг-бек. При этом последний имел сына по имени Иванэ⁷². У северной стены монастыря Гандзасар есть надгробный камень с надписью: «Сие есть могила вардапета Овсепя, Который был из рода великого князя Джалала, Сын Израел-бека, год 1312 арм. летосчисления (1863), От дома Арцахского»⁷³. Мы уточнили также год рождения вардапета Овсепя. Сохранился составленный митрополитом Багдасаром 26 ноября 1838 г. список священнослужителей, живших в храмах и церквях Карабаха. Согласно этому списку, в том году вардапету Овсепу Асан-Джалаляну было 55 лет⁷⁴, т.е. он родился в 1783 г. Следовательно, светским сыном Израел-бека был проживавший в Моздоке Геворг-бек.

Как видно из вышеупомянутого родового списка, сыновья Мелик-бека оставили множество потомков, однако из его внуков наиболее выдающимися личностями были сыновья сотника Даниел-бека — митрополит Багдасар и мелик Алаверди II. Последнему «согласно указу последнего грузинского царя Георгия, в 1800 г. от Рождества Христова, правом собственности было вверено 69 родов хаченских переселенцев, обосновавшихся в селе Болнис гавара Сомхет»⁷⁵. Впоследствии численность этих родов возросла за счет переселенцев из Арцаха в Грузию, а также хаченцев, прошедших через тяжелые испытания и оказавшихся под властью мелика Абова Мелик-Бегларяна из Гюлистана. В Матенадаране хранится извещение мелика Абова от 26 сентября 1802 г., которым феодальные права оказавшихся под его властью хаченцев он передает Саргису Асан-Джалаляну. В извещении читаем: «У меня — Мелик-Абова — было множество домов из Карабаха и из Еревана, над которыми до сегодняшнего дня у меня была власть. Но святейший вардапет Саргис появился и заявил, что хаченцы принадлежат ему, а мы изначально знали, что отец вардапета Саргиса и его род вели меликство магала Хачен. Поэтому, в это время благодаря благочестивому Петру Ивановичу Коваленскому и нашему старшему брату князю Мелик-Джумшуду, взял и сколько домов у меня было хаченцев, передал вардапету Саргису по своей воле и с удовлетворением, чтобы хозяйничал, и впредь я не имел к ним дело»⁷⁶. Вот как раз эти хаченцы по призыву архиепископа Саргиса выбрали себе меликом Алаверди Асан-Джалаляна. Об этом есть интересные сведения в письме генерала П. Д. Цицианова от 2 марта 1805 г., адресованном главе армянской епархии в Грузии архиепи-

скопу Ованесу Гехардакиру («Копьеносцу»), в котором читаем: «Карабахские армяне хачинские поданным ко мне прошением жалуются, что переселясь они в Грузию жительствовавали начально в разных местах, а напоследок когда собрались около восьмидесяти семейств вместе, то архиерей Саркис призвав их к себе советывал по обычаям их избрать себе в мелики брата его Алавердия, с обещанием дать им за то лошадей, волов и две тысячи рублей денег, что они и зделали»⁷⁷.

В письме генерала Цицианова мелик Алаверди предствляется как брат архиепископа Саргиса, что может показаться странным. Но из родового списка митрополита Багдасара мы уже знаем, что архиепископ Саргис не имел брата по имени Алаверди и избранный мелик был сыном его брата Даниел-бека и братом того же Багдасара. В этом вопросе митрополит Багдасар, естественно, не мог ошибаться. Эти документы доказывают, что хаченцы, переселившиеся в Грузию, имели там в лице мелика Алаверди своего мелика. В 1827 г. Мелик Алаверди скончался. С его смертью *завершилась история меликства рода Асан-Джалалянов*.

Мелик Алаверди оставил четырех сыновей: попа Еремия, вардапета Мовсеса, Абраам-бека и Овсеп-бека. Вардапет Мовсес скончался в 1849 г., о чем свидетельствует надпись на надгробном камне под северной стеной Гандзасара: «Сие есть могила крестоносного вардапета Мовсеса, из рода Джалал-Долю, сын Мелик-Алаверди и брат крестоносного попа Еремии. Год 1849»⁷⁸. Согласно составленному митрополитом Багдасаром 30 ноября 1838 г. уже знакомому нам списку священнослужителей храмов и церквей Карабаха, вардапету Мовсесу Асан-Джалаляну в то время было 30 лет⁷⁹, то есть он родился в 1808 г. Сын мелика Алаверди, священник Еремия, оставил после себя шестерых детей, в частности Вахтанга, Джалала, Шамира. Имена других митрополит не сообщает. Абраам-бек имел двух сыновей: Мелик-бека и Алаверди-бека. Младший сын мелика Алаверди — Овсеп-бек тоже оставил двух сыновей: Велиджан-бека и Даниел-бека⁸⁰.

Другой сын Даниел-бека, митрополит Багдасар, родился 12 января 1775 г. в селе Гандзасар. Крещение и учебу он получил в монастыре Гандзасар. В 1796 г. в церкви Св. Ованеса Гандзака от католикоса Саргиса получил сан саркавага, а в 1798 г. в той же церкви был посвящен в вардапеты. В цели статьи не входит детальное изложение его насыщенной событиями биографии. Тем более что о нем в свое время опубликовал интересную статью известный армянский писатель Мурацан (Григор Тер-Ованнисянц)⁸¹. Тем не менее, используя архивные материалы, представим несколько эпизодов его деятельности. 25 декабря 1828 г., после смерти митрополита Саргиса, видные арцахцы направили из Шуши петицию Католикосу всех армян Ефрему, чтобы тот вместо скончавшегося архиепископа Саргиса митрополитом назначил епископа Багдасара: «Самым поклонным образом просим Ваше святейшество по нашей глубочайшей просьбе назначить в митрополитстве края нашего мудрого и до-

стойного епископа Багдасара, на смену святейшего архиепископа Саргиса Асан-Джалаляна, как сына на смену отца»⁸². В 1830 г. Католикос всех армян Ефрем его назначил митрополитом Арцаха.

Митрополит Багдасар со всем свойственным ему энтузиазмом приступил к изъятию церковных угодий у разных турецких беков и других владельцев, которые, воспользовавшись долгим отсутствием меликов Арцаха и Саргиса Асан-Джалаляна, постепенно присвоили их. В Матенадаране хранится множество документов, свидетельствующих об этих тяжбах. Приведем только две выписки. Так, своим предписанием от 24 мая 1833 г. комендант Карабаха майор Николай Рейтер запретил ведение незаконного посева на землях, принадлежащих монастырю Гандзасар, строго предупреждая, что «впредь ничего незаконно не делать, и, если кто захочет провести сев на землях монастыря, это должно быть с согласия святейшего архиепископа Багдасара с четкой уплатой налога»⁸³. А новый комендант Карабаха майор Баратов предписанием от 30 августа 1834 г. указал наибу Рустам-беку отвести подальше всех кочевников, расположившихся на землях, принадлежащих монастырю Гандзасар: «Святейший митрополит Багдасар в письме ко мне пишет, что из магала Колани из племени Колани Кярамлу пять семей зиму провели на местности Кузлак, принадлежащей монастырю, без согласия святейшего митрополита. По этому поводу приказываю вам убираться оттуда восвояси, и чтоб это больше не повторилось»⁸⁴. Несложно догадаться, что могло случиться, если бы непрошенные кочевники не были выселены из этих мест. XX век полон таких примеров.

Другим большим делом митрополита Багдасара было освобождение «общирных поместий Хотаванка и других захваченных собственности от дочери Мехти-Кули-хана и других персидских беков»⁸⁵. С осознанием важности проделанной работы 1 февраля 1852 г. митрополит писал Католикосу всех армян Нерсесу Аштаракеци: «Много монастырских поместий, захваченных ранее, с большими усилиями и выкупом я вернул обратно и дальше буду стараться постепенно все вернуть»⁸⁶. В итоге митрополиту Багдасару удалось благодаря своей неутомимой деятельности вернуть большинство принадлежащих армянским храмам поместий, захваченных ранее разными турецкими беками.

В 1836 г., когда были учреждены консистории⁸⁷, Католикос всех армян Ованес Карбеци назначил его исполняющим обязанности главы армянской епархии Арцаха. На следующий год, в 1837 г., митрополит Багдасар был в Шуши уже утвержден окончательно главой епархии, занимая которую он продолжил свою разнообразную плодотворную деятельность.

Так, большими, по признанию современников, оказались его заслуги в вопросах строительства и организации школ и книгопечатания⁸⁸. Не случайно, что братья Лазаревы избрали митрополита в качестве одного из кандидатов в члены совета Лазаревского института. В письме от 6 апреля 1843 г., адресованном Лазаревыми митрополиту Багдасару, говорилось: «Совещаясь с главным управителем института светлейшим графом Бенкендорфом, имея в виду его вечное

процветание, мы привлекли многих видных представителей нашего народа и теперь, по его совету, желаем привлечь также некоторых достойнейших наших священнослужителей, в том числе и Вашего святейшества, так как вы достойны быть среди них за вашу полезнейшую деятельность в сане митрополита»⁸⁹.

Митрополит Багдасар развернул также значительную строительную и восстановительную деятельность. Сохранилось его воззвание от 27 мая 1850 г. к армянству Арцаха, в котором он просит материальной помощи для восстановления купола Гандзасара и монастыря Амарас. «В пору старости и болезни забота моя и раздумия, — читаем в письме, — о восстановлении купола святого монастыря Гандзасар и монастыря Амараса, во славу церкви святой и благословенному имени народа армянского, от родных сыновей нашей святой церкви»⁹⁰. 2 июня того же года в письме, адресованном Католикосу всех армян Нерсесу Аштаракеци относительно необходимости получения поощрительного кондака от него, митрополит Багдасар так представляет бедственное состояние армянских святынь: «Меня давно мучают мысли и раздумья о необходимости восстановления славных монастырей Алуанка — Гандзасара и Св. Григориса, что в Амарасе, купола которых полностью разрушены, дождевые потоки вливаются во внутрь святынь, и недалек тот день, когда они могут полностью разрушиться». Но уже вскоре митрополит поставил в известность Нерсеса Аштаракеци о том, что благодаря помощи широких слоев населения он уже приступил к восстановительным работам. «Отправил в монастырь Гандзасара искусного архитектора, — пишет он, — который вначале подготовит важные материалы на латание крыши и начнет другие ремонтные работы. Затем начнем восстановительные работы монастыря Амарас, несмотря на нехватку средств»⁹¹. Только на восстановление купола Гандзасара митрополит Багдасар из своих личных средств и пожертвований населения потратил приблизительно 5000 рублей. Стоит отметить, что седовласый старец считал своим долгом лично следить за восстановительными работами Гандзасара. Об этом он пишет 26 июля 1851 г. из Шуши католикосу Нерсесу Аштаракеци: «В мае месяце вышел из Шуши и пришел в монастырь Гандзасар, побывав там два месяца, и сегодня возвратился. Мое посещение святого монастыря имело цель убедиться лично о качестве восстановительных работ, хотя многие меня убеждали, что работы ведутся достойным образом, что купол отстраивается очень крепко и надежно. Вот я все видел своими глазами, мои сомнения рассеялись, так как все действительно сделано крепко и высокой искусностью и так будет продолжаться»⁹².

Жизнь митрополита Багдасара являла собой яркий пример глубочайшей преданности своей церкви и пастве. В письме к Нерсесу Аштаракеци от 1 сентября 1848 г. митрополит Багдасар так представлял свое жизненное кредо: «Преданным церкви, как для народа, так и для святых церквей, которым целиком посвятили себя, обязаны непрерывно стараться и работать, чтобы содержать монастырь в роскошном состоянии». Так был предан своему любимому Ганд-

засару митрополит Багдасар. В том же письме далее говорилось: «Старался всеми последними возможностями и усилиями, сколько угодий, садов, каменных карьеров, было захвачено турками, вернуть обратно — то силой, то приказом благословенного русского государства, то выплатой из личных сбережений»⁹³. Эти строки наиболее точно характеризуют всю деятельность первого епархиального предводителя Арцаха. Багдасар Асан-Джалалян скончался 27 июня 1854 г. и был похоронен в притворе монастыря Гандзасар, рядом с могилами двух братьев его отца — католикосами Ованесом и Саргисом. На его надгробном камне имеется следующая эпитафия: «Это могила митрополита, Великого архиепископа Багдасара, Пастыря армян в доме Алуанка. Из рода великого князя Джалала, Владетеля Арцахской страны. В июле 1303 года армянского летосчисления (1854)»⁹⁴.

Лучшим свидетельством древности армянского княжеского рода Асан-Джалалянов, уходящего корнями в глубину веков, может быть послесловие архивного варианта родового списка митрополита Багдасара, чем и хочется завершить данную статью: «Начиная со времен древних персидских царей и с последующих им царей, род Асан-Джалалянов получил от них 12 ферманов. Асан-Джалаляны имеют также указы от грузинского царя Ираклия II, имеют грамоту от грузинского патриарха Антона, от последнего грузинского царя Георгия, и от старых и новых ханов и бекларбеков, властвующих в этих краях, почти двадцать талаг о древности, утверждении, чести и достоинства рода Асан-Джалалянов, направленных и духовным особам, и светским особам рода, начиная с 1438 г. христианского летосчисления по 1844 г. и 866 г. летосчисления хиджры (1461–1462)⁹⁵ по 1261 г. х. (1845)»⁹⁶. *Эти строки красноречиво описывают ту огромную роль, которую сыграли Асан-Джалаляны в жизни Восточного края Армении.*

Примечания

¹ Орбели И. Избранные труды. Ереван, 1963. С. 158; Джалалянц С. Путешествие в Великую Армению. Тифлис, 1842. Т. 1. С. 183; Бархударянц М. Страна Алуанк и соседи. Арцах. Ереван, 1999. С. 250; Свод армянских надписей. Вып. V, Арцах / Сост. С. Бархударян. Ереван, 1982. С. 38 (на арм. яз.).

² Об этом см.: Атабекян В. История князя Асана-Джалала Дола, правителя, война, святого // Дарьял. Владикавказ, 2009. № 4. С. 200–219.

³ Об этой крепости см.: Саркисян С. Качахакаберд // Вестник общественных наук. 1990. № 1. С. 41–48 (на

арм. яз.), где читаем: «Название крепости связано с преданием: в былые времена защитники крепости, не знавшие поражения и прославленные упорным сопротивлением, долгое время, не имея воды и продовольствия, погибли, но не сдались врагу. А когда сороки и другие хищные птицы начали шумно кружить над крепостью, враг догадался, что его защитники погибли» (С. 41).

⁴ Улубабян Б. Княжество Хачена в X–XVI вв. Ереван, 1975. С. 86 (на арм. яз.).

⁵ Матенадаран. Рук. № 8721. С. 2а–2б; Рук. № 9923. С. 2а.

⁶ Джалалянц С. Путешествие в Великую Армению. Тифлис, 1858. Т. 2. С. 352–353 (на арм. яз.).

- ⁷ Раффи. Собр. соч. Ереван, 1999. Т. 12. С. 118–126 (на арм. яз.).
- ⁸ Топчян А. Каталог собраний вардапета Хачика Дадяна. Вагаршапат, 1900. Ч. II. С. 37 (на арм. яз.). Теперь эти родовые списки хранятся в Национальном архиве Армении (НАА). Ф. 57. Оп. 3. Д. 9. Л. 16–26.
- ⁹ Бархударяни М. История Алуанка. Вагаршапат, 1902. Т. 1. С. 141–143 (на арм. яз.).
- ¹⁰ Алишан Г. Арцах. Ереван, 1993. С. 64–67 (на арм. яз.).
- ¹¹ Киракосян Г. Княжеский род Асан-Джалалыанов в XV веке // Вестник общественных наук. 1969. № 5. С. 86–94 (на арм. яз.).
- ¹² Hewsен R. The Meliks of Eastern Armenia // Revue des Etudes Armeniennes. Paris, 1972. IX. P. 317–318; 1973–1974. X, P. 288–289, вкладыш.
- ¹³ Матенадаран. Рук. № 378. С. 7а; Орбели И. Указ. соч. С. 174; Генеральный каталог армянских рукописей Матенадарана имени Маштоца. Ереван, 2004. Т. II. С. 310 (на арм. яз.).
- ¹⁴ Аракел Даврижеци. Книга историй. М., 1973. С. 46–47.
- ¹⁵ Antoine de Gouvea. Relation des grandes guerres et victoires obtenues par le Roi de Perse Chah Abbas contre les empereurs de Turquie Mahomet et Achmet son fils. Rouen, 1646. P. 341–363; арм. перевод см.: «Лума». Тифлис, 1899. Кн. 1. С. 204–219.
- ¹⁶ Матенадаран. Рук. № 5794. С. 207а; см. также: Месроп Тер-Мовсисян. Рукопись живописца Закарии и памятная запись о Давид-беке // Вестник научного института Армении. 1921–1922. Кн. 1–2. С. 132–133 (на арм. яз.).
- ¹⁷ Раффи. Собр. соч. Т. 12. С. 124; НАА. Ф. 57. Оп. 3. Д. 9. Л. 18.
- ¹⁸ См., например: Hewsен R. Op. cit. X, вкладыш.
- ¹⁹ Епископ Месроп. Указ. соч. С. 133.
- ²⁰ Раффи. Указ. соч. Т. 12. С. 124; НАА. Ф. 57. Оп. 3. Д. 9. Л. 18.
- ²¹ Бархударяни М. История Алуанка. Тифлис, 1907. Т. 2. С. 34 (на арм. яз.).
- ²² Персидские документы Матенадарана. Указы. Вып. II. Ереван, 1959. С. 340; копию на русском см.: Матенадаран. Католикосский архив. Пап. 241. Док. 200.
- ²³ Аваредже — старинный бухгалтерский термин. При Сефевидах так назывались те налоговые книги, в которых были подробно учтены налоги, получаемые с каждого податного объекта, согласно отдельным срокам их уплаты (Там же. Вып. II. С. 437).
- ²⁴ Товджих — под этим термином понимается распределение, направление чего-либо в различные стороны. Это могло касаться как распределения общей суммы налогов отдельных налоговых объектов между райатами или отдельными хозяйствами данного объекта с указанием, кто из них сколько должен уплатить, так и распределения права взимать эти суммы между военными и государственными чинами (см.: Там же. Вып. II. С. 454–455).
- ²⁵ Персидские документы Матенадарана. Указы. Вып. III. Ереван, 2005. Д. 1. С. 28; копию на русском см.: Там же. Пап. 241. Док. 200.
- ²⁶ Мкртумян Л. Гандзасарское патриаршество при католикосе Петросе Ханцкеци // Вестник общественных наук. 2000. № 1. С. 90 (на арм. яз.).
- ²⁷ Магальян А. Хронологическая таблица католикосов Агванка (Гандзасара) // Историко-филологический журнал. 2008. № 3. С. 270 (на арм. яз.).
- ²⁸ Раффи. Указ. соч. Т. 12. С. 124; ср.: НАА. Ф. 57. Оп. 3. Д. 9. Л. 18, где отсутствует имя епископа Аристакаеса. То, что они действительно имели брата по имени Аристакаес, подтверждается надгробной надписью последнего: «Сия есть могила епископа Аристакаеса, брата католикоса Еремии. Год 1133 арм. л. (1684)». (см.: Свод армянских надписей. V. Арцах. С. 68).
- ²⁹ НАА. Ф. 57. Оп. 3. Д. 9. Л. 18. Этот шах Сефи — тот же шах Сулейман

(1666–1694). Современник Закария Агулеци об этом переименовании пишет, что в 1666 г. «1-го октября обнаружено во всей стране, что скончался Шах-Аббас и на престол вступил его старший сын Шах-Сефи... Имя царя было изменено, его назвали Шах-Сулейманом» (*Закария Агулеци*. Дневник. Ереван, 1938. С. 68; см. также: *Абрамян А.* Хронография Мартироса ди Аракела // Сборник научных материалов Матенадарана. 1941. № 1. С. 96 (на арм. яз.); *Босворт К.* Мусульманские династии. М., 1971. С. 226).

³⁰ Персидские документы Матенадарана. Вып. III. С. 103–104; копию на русском см.: Матенадаран. Католикосский архив. Пап. 241. Док. 201.

³¹ Там же. С. 142.

³² *Бархутарянци М.* Страна Алуанк и соседи. Арцах. С. 252; Свод. V. Арцах. С. 65.

³³ *Раффи*. Указ. соч. Т. 12. С. 125; НАА. Ф. 57. Оп. 3. Д. 9. Л. 18.

³⁴ *Улубабян Б.* Гандзасар. Ереван, 1981. С. 162 (на арм. яз.).

³⁵ *Раффи*. Указ. соч. Ереван, 1987. Т. 9. С. 427. Вероятно, ошибка Раффи исходит из ошибочного чтения надгробной надписи Велиджан-бека — вместо «1137» арм. л. (1688) — «1135» арм. л. (1686).

³⁶ *Улубабян Б.* Гандзасар. С. 163.

³⁷ НАА. Ф. 57. Оп. 3. Д. 9. Л. 18.

³⁸ Персидские документы Матенадарана. Вып. III. С. 146–147.

³⁹ Там же. С. 149–152.

⁴⁰ *Иоаннисян А.* К вопросу о начале ориентации армян на Россию. Эчмиадзин, 1921. С. 57 (на арм. яз.); см. также: *Арзуманян З.* К вопросу оценки политической деятельности католикоса Есаи Асан-Джалаяна // Вестник общественных наук. 1979. № 5. С. 56 (на арм. яз.).

⁴¹ *Улубабян Б.* Гандзасар. С. 161–162.

⁴² НАА. Ф. 57. Оп. 3. Д. 9. Л. 18.

⁴³ *Эзов Г.* Сношения Петра Великого с армянским народом. СПб., 1898. С. 345, 356, 382, 442; Армяно-русские отношения

в первой трети XVIII века: Сборник документов. Ереван, 1967. Т. II. Ч. II. С. 27, 92, 188, 200, 287.

⁴⁴ *Эзов Г.* Указ. соч. С. 345; Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века. Т. II. Ч. II. Док. № 175. С. 27.

⁴⁵ *Раффи*. Указ. соч. Т. 12. С. 125.

⁴⁶ Мутаваджехат — под этим термином подразумевались все те налоги, которые взимались наличными деньгами (см.: Персидские документы Матенадарана. Указы. Вып. I. Ереван, 1956. С. 228).

⁴⁷ Мазрае — маленькое поселение, которое принадлежало основному селению.

⁴⁸ Аббаб-е джам — это та форма учета налогов, когда все государственные налоги, взимаемые с данного податного объекта или отдельной сельской общины, подробно вычислялись и после занесения их в отдельные книги в денежном выражении суммировались в качестве общей налоговой обязанности данного объекта (см.: Там же. Вып. II. С. 437).

⁴⁹ Тахвилдар — взимающий налоги, реализующий.

⁵⁰ Матенадаран. Католикосский архив. Пап. 26. Док. 188, копия; ср.: Персидские документы Матенадарана. Указы. Вып. IV. Ереван, 2008. Док. 12. С. 41–43.

⁵¹ *Бархутарянци М.* Страна Алуанк... С. 253; Свод армянских надписей. V. Арцах. С. 68.

⁵² Матенадаран. Католикосский архив. Пап. 26. Док. 169, копия.

⁵³ *Мирза Юсуф Нерсесов.* Правдивая история. Ереван, 2000. С. 43 (на арм. яз.).

⁵⁴ Матенадаран. Католикосский архив. Пап. 26. Док. 205, копия.

⁵⁵ Там же. Пап. 26. Док. 227, копия.

⁵⁶ В XVII–XVIII вв. «забитами» назывались откупщики государственных налогов, которые, заранее внося определенную сумму в государственную казну, получали право взимания налогов с данного податного объекта (см.: Персидские документы Матенадарана. Вып. II. С. 443).

- ⁵⁷ Матенадаран. Католикосский архив. Пап. 26. Док. 232, копия.
- ⁵⁸ Армяно-русские отношения в XVIII веке: Сборник документов. Ереван, 1990. Т. IV. Док. № 200. С. 306.
- ⁵⁹ *Симеон Ереванци*. Джамбр. М., 1958. С. 159.
- ⁶⁰ Матенадаран. Католикосский архив. Пап. 240. Док. 5, оригинал.
- ⁶¹ *Ахумян А.* Материалы национальной истории // Арарат. 1914. № 4. С. 375 (на арм. яз.).
- ⁶² *Бархударянци М.* Страна Алуанк... С. 252; Свод армянских надписей. V. Арцах. С. 65.
- ⁶³ Присоединение Восточной Армении к России: Сборник документов. Ереван, 1978. Т. II. Док. № 89. С. 124.
- ⁶⁴ *Джалалянци С.* Католикосы Алуанка. Матенадаран. Рук. № 8066. С. 626.
- ⁶⁵ *Шахатунянци О.* Описание соборной церкви Эчмиадзина и пяти Араратских провинций. Эчмиадзин, 1842. Т. 2. С. 348–349 (на арм. яз.).
- ⁶⁶ *Ерицян Ал.* Католикосат всех армян и кавказские армяне в XIX веке. Тифлис, 1894. Ч. 1. С. 251 (на арм. яз.).
- ⁶⁷ *Мкртумян Л.* Католикосат Алуанка (Гандзасара) в XVII–XIX вв. Ереван, 2006. С. 194 (на арм. яз.).
- ⁶⁸ *Ерицян Ал.* Указ. соч. Ч. 1. С. 251–252.
- ⁶⁹ Матенадаран. Католикосский архив. Пап. 62. Док. 19; или Документальные материалы из истории Армянской церкви. Кн. 9: Арцахская епархия Армянской Апостольской церкви. Ереван, 2001. С. 56 (на арм. яз.).
- ⁷⁰ *Раффи*. Указ. соч. Т. 12. С. 125–126.
- ⁷¹ НАА. Ф. 57. Оп. 3. Д. 9. Л. 18.
- ⁷² Там же. Л. 22.
- ⁷³ Свод армянских надписей. V. Арцах. С. 69.
- ⁷⁴ Документальные материалы из истории Армянской церкви. Кн. 9. С. 71.
- ⁷⁵ НАА. Ф. 57. Оп. 3. Д. 9. Л. 18.
- ⁷⁶ Матенадаран. Католикосский архив. Пап. 240. Док. 42, копия; см.: Там же. Док. 148; также: *Мкртумян Л.* Указ. соч. С. 239.
- ⁷⁷ Архив Института истории НАН РА. Ф. Лео. Оп. 1. Д. 2; также: Матенадаран. Католикосский архив. Пап. 16. Док. 41; архив Ал. Ерицяна. Пап. 156. Док. 3506.
- ⁷⁸ Свод армянских надписей. V. Арцах. С. 69.
- ⁷⁹ Документальные материалы из истории Армянской церкви. Кн. 9. С. 72.
- ⁸⁰ *Раффи*. Указ. соч. Т. 12. С. 126.
- ⁸¹ *Тер-Ованнисянци Г.* Краткая биография митрополита Багдасара Асан-Джалалянца // Пордз. 1880. № 5. С. 131–164 (на арм. яз.).
- ⁸² Матенадаран. Католикосский архив. Пап. 243. Док. 186, оригинал.
- ⁸³ Там же. Пап. 79. Док. 277; копию см.: архив А. Абраамяна. Пап. 98. Док. 117.
- ⁸⁴ Там же. Пап. 83. Док. 232; копию см.: архив А. Абраамяна. Пап. 98. Док. 121.
- ⁸⁵ *Тер-Ованнисянци Г.* Указ. соч. С. 159.
- ⁸⁶ Матенадаран. Католикосский архив. Пап. 167. Док. 476, оригинал.
- ⁸⁷ Консистерия — в дореволюционной России учреждение при епархиальном архиерее с церковно-административными и церковно-судебными функциями.
- ⁸⁸ Об издательской деятельности Б. Асан-Джалаляна см.: *Авакян С.* Материалы из истории печати Карабаха досоветского периода. Ереван, 1969. С. 16–19; *его же*. История печати Карабаха. Ереван, 1989. С. 29–35; *его же*. Арцах как важнейший очаг армянской культуры. Ереван, 1991. С. 102–106 (на арм. яз.). Из опубликованных им книг отметим только историографический труд католикоса Есаи Асан-Джалаляна «История, или Воспоминания о различных событиях, происшедших в стране Алуанк» (Шуши, 1839, на арм. яз.).
- ⁸⁹ Матенадаран. Архив Лазарянов. Пап. 125. Д. 30. Док. 68.
- ⁹⁰ НАА. Ф. 332. Оп. 1. Д. 590. Л. 2.
- ⁹¹ Матенадаран. Католикосский архив. Пап. 151. Док. 16а; также Док. 166.

Раздел I. ИСТОРИЯ

---

⁹² Там же. Пап. 113. Док. 586. Л. 5.

⁹³ Там же. Л. 3.

⁹⁴ Свод армянских надписей. V. Арцах. С. 65.

⁹⁵ Речь идет об указе жены султана Джаханшаха Кара-Коюнлу — Бегум-хатун от 10-го дня месяца зикаада 866 г. хиджры (6 августа 1462 г.), выданном

Гандзасарскому католикосу Ованесу, которым утверждаются его патриаршие права (см.: Персидские документы Матенадарана. Указы. Вып. I. Док. 3. С. 165–166). Копию на русском см.: Матенадаран. Католикосский архив. Пап. 241. Док. 197.

⁹⁶ НАА. Ф. 57. Оп. 3. Д. 9. Л. 18.

Наброски к портрету генерала П.С. Котляревского

В процессе присоединения Кавказа к России ярко проявили себя многие российские военачальники и государственные деятели, некоторые накрепко привязали себя к Кавказу, как, например, А.П. Ермолов (часто называемый «проконсулом Кавказа»). Одним из тех, кто феерически блеснул в начальный этап присоединения Кавказа, в ходе первых войн с Турцией и Персией в XIX в., был генерал Петр Степанович Котляревский. При том что его подвиги и заслуги перед страной неоспоримы, он не входит в число хорошо узнаваемых персонажей. Понятно, что в период Наполеоновских войн и Отечественной войны 1812 г. основное внимание было приковано к европейскому театру военных действий и столкновения на Востоке отходили на второй план. Тем не менее значимость побед Котляревского огромна, и результаты его деятельности позволили Александру I сконцентрировать главные силы против французского императора и победить его.

Действительно, очевидна важность побед Кутузова над турками в 1812 г. и своевременность заключения Бухарестского мира вместе с разгромом персов как раз Котляревским, что и позволило заключить Гюлистанский мир с поверженным противником...

Отметим, что в процессе изучения литературы, посвященной биографии и личности Котляревского, весьма показательны два момента: с одной стороны, он полностью закрыт могучей плеядой героев 1812 г., с другой — рассматривается исключительно как военачальник. Немногочисленные исследователи, все-таки добравшиеся до этой монолитной фигуры, обращают свое внимание, а затем и читателей, на сражения, выигранные гением Котляревского, совершенно забывая о многогранности этой фигуры.

Петр Степанович отличался разносторонними дарованиями, и его рассмотрение никак нельзя

**Вадим
Михайлович
МУХАНОВ**

ограничивать военной составляющей. Он неоднократно проявлял себя как штабной офицер, курировавший всю переписку российских представителей на Кавказе, их взаимоотношения с местной властью, занимался улаживанием различных конфликтных ситуаций, вел переговоры, решал управленческие вопросы, т.е. демонстрировал великолепные административные и дипломатические способности.

При этом он не написал воспоминаний и не делал никаких подробных записок по итогам своей военной службы. Как справедливо замечает один из его биографов, В. Соллогуб: «Он ничего не оставил, кроме мест им завоеванных, кроме доброй по себе памяти. Он принадлежал к числу людей молчаливых, не провозглашающих о себе, предпочитающих дела словам, и твердо верных своему призванию. Так он жил, так он и умер»¹.

Соллогуб делит всю биографию генерала на три логичные части: 1-я — 1782–1811 гг. (от рождения и до начала самостоятельного военного командования; 2-я — 1811–1813 гг., пик военной карьеры и деятельности Котляревского, когда он совершил беспрецедентные подвиги и добился оглушительных побед над персами и турками; 3-я — 1813–1852 гг., жизнь генерала после тяжелейших ранений, полученных в ходе штурма Ленкоранской крепости, т.е. фактически вторая, отличная часть его жизни и бытия, с понятными ограничениями и трудностями («он был, по собственным его выражениям, живым мертвецом и доживал век свой страдальцем»)².

Этот переход зафиксировал и А.С. Пушкин, посвятивший нашему герою несколько строк в известной повести «Кавказский пленник»:

«О Котляревский, бич Кавказа!
Куда ни мчался ты грозой —
Твой ход, как черная зараза,
Губил, ничтожил племена...
Ты днесь покинул саблю мести,
Тебя не радует война;
Скучая миром, в язвах чести,
Вкушаешь праздный ты покой
И тишину домашних долов...»³.

* * *

Итак, Петр Котляревский родился 12 июня 1782 г. в селе Ольховатка Купянского уезда Харьковской губернии, в семье сельского священника Стефана Котляревского⁴. Последний не имел значительного состояния, но находился в дворянском сословии⁵. Петр прошел курс обучения в Харьковском духовном коллегиуме, где в 10-летнем возрасте, как особо одаренный ученик, был переведен в класс риторики⁶.

Зимой 1792 г. мальчик приехал на каникулы домой, к отцу, и именно тогда в родном селе произошла встреча, полностью перевернувшая его размеренную

жизнь. Во время разыгравшейся зимней вьюги в селе решили остановиться два путника, дабы переждать непогоду. Ими оказались харьковский гражданский губернатор и подполковник И.П. Лазарев, командовавший тогда батальоном Кубанского егерского корпуса и направлявшийся в Харьков. Жители села отвели их к дому своего сельского священника. Отец Стефан принял их, и оба путника пользовались его гостеприимством целую неделю, пока свирепствовала вьюга, так как продолжать путь в подобных погодных условиях было просто невозможно. Длительное пребывание в доме образованного священника позволило обратить внимание путников на его сына. Как пишет Соллогуб, «умный и бойкий мальчик, его познания не по летам, его резкие и благородные ответы чрезвычайно понравились Лазареву. Лазарев не был еще женат, не имел детей. Ему пришла в голову мысль отплатить священнику за недельный постой счастьем его сына. С этой целью он предложил отцу Стефану, чтоб он отдал ему молодого ритора на попечение, обещая, что он его запишет к себе в батальон и будет заботиться о нем, как о близком родственнике»⁷. Под напором подполковника священник был вынужден согласиться, однако только при условии непосредственного присмотра за сыном со стороны Лазарева.

Согласно послужному списку генерала, на военную службу он поступил 19 марта 1793 г. фурьером в Кубанский корпус⁸. Он начал ее в Моздоке, будучи зачисленным в 4-й батальон корпуса⁹. Этим подразделением командовал уже знакомый молодому Петру И.П. Лазарев, который поселил его в своем доме в качестве своего приемного сына. В. Соллогуб подчеркивает, что «Лазарев вполне сдержал свое слово. Он принял Котляревского в свой дом, старался о его образовании, снабжал его хорошими книгами, в особенности историческими, в которых он мог изучать деяния древних полководцев, и до самой своей смерти заботился о нем, как о родном своем сыне. Котляревский сохранил до гроба благоговейную благодарность к памяти своего благодетеля, оказавшего своею заботливостью о приеме истинную услугу всему государству»¹⁰.

Через год после приезда юный Котляревский стал сержантом, а затем получил первый шанс отличиться во время похода русских войск 1796 г. против Персии (известного под названием «Зубовский»). Войска были разделены на три корпуса и отправлены к пункту сбора — Дербенту — разными маршрутами¹¹. Одним из корпусов стал командовать генерал-поручик Булгаков, которому поставили задачу идти до Дербента через Табасарань. Интересно, что именно в этом отряде оказалось много будущих героев Кавказской войны, в первую очередь тогда еще артиллерийский капитан Алексей Ермолов. Там же, в составе 4-го батальона Кубанского корпуса, отправился в свой первый поход и Петр Котляревский. В. Соллогуб подчеркивает, что «молодой сержант имел случай познакомиться и с трудной походной жизнью, и с кавказской природой, и с азиатской войной, и с азиатским вероломством. Он перестреливался с лезгинами на той странной войне, где за каждым кустом сидел невидимый неприятель, выбирающий свою жертву в цепи, охраняющей ко-

лонну, тогда как самая колонна расстилается и вьется змеей по изгибам сдвинутых утесов. Он присутствовал при осаде Дербента, при сдаче крепости»¹². Как зафиксировано в послужном списке, молодой сержант Котляревский был «1796-го апреля 30-го в Персии при переходе Табасаранских дефилей, мая с 3-го по 10-е при осаде и сдаче Дербента, а потом до реки Куры и обратно в свои границы»¹³.

Отряд, в составе которого находился Котляревский, дошел до Гянджи, хан которой — Джавад-хан — сдался без сопротивления¹⁴ (интересно, что это именно тот хан, который через 7 лет отчаянно сопротивлялся Цицианову в ходе последнего штурма крепости!). Однако дальше последовало известие о кончине императрицы Екатерины II, и кампания прекратилась сама собой. Граф В.А. Зубов сдал командование графу И.В. Гудовичу, а войска выступили в обратный путь. Соллогуб отмечает, что «Военная коллегия не утвердила наград, назначенных графом Зубовым. Сержант Котляревский, надеявшийся надеть по представлению Лазарева первые офицерские эполеты, должен был продолжать еще два года службу в нижних чинах»¹⁵.

В 1797 г. 4-й батальон Кубанского корпуса был преобразован в 17-й егерский полк¹⁶, шефом которого стал Лазарев. В феврале 1799 г. Котляревский получил наконец свой первый офицерский чин подпоручика¹⁷ и стал полковым адъютантом, превратившись в ближайшего помощника Лазарева (получившего в том же году чин генерал-майора). Именно это соединение под командованием Лазарева сыграло важную роль в присоединении к России Картли-Кахетинского царства и защите от нападений враждебно настроенных соседей.

После кончины царя Ираклия II на престол взошел его сын Георгий XII, российским полномочным министром при его дворе в 1799 г. был назначен статский советник П.И. Коваленский¹⁸, с которым были отправлены из Петербурга в Тифлис «и ордена и знаки инвеституры на царское достоинство»¹⁹. Летом того же года он прибыл на Кавказскую линию, где в станице Наурской встретился с командующим войсками на Кавказской линии генерал-лейтенантом К.Ф. Кноррингом. Отсюда он отправил послание Георгию XII с извещением о своем прибытии и просьбой способствовать переброске русских войск. По приказу царя были проведены работы по восстановлению дороги в Тифлис. По ней в начале ноября в столицу царства и прибыл Коваленский, доставив Георгию XII инвеститурные знаки и грамоту от императора Павла I.

Вслед за ним, 26 ноября 1799 г. в Тифлис пришел и полк под командованием Лазарева (при 4 орудиях), ставший первым крупным российским воинским соединением в Картли-Кахетинском царстве. Переход через горы поздней осенью был непрост и сопровождался тяжелыми погодными условиями, в первую очередь сильной метелью и стужей. Как докладывал полномочный министр К.Ф. Кноррингу в своем письме (от 2 декабря 1799 г.), полк, «который был задержан на Кайшаурской горе снегом и холодом, едва прибыл сюда 26-го ноября... Вкратце же скажу, что полк, хотя и претерпел нужду от устало-

сти, медлительным походом навлеченной и особенно от застигшей их на горе стужи и метели, но не менее того, имел везде всевозможную помощь и во всем довольствие со стороны правительства здешнего, так что, по засвидетельствованию всех штаб- и обер-офицеров, спасением своим и всего обоза с артиллерией обязаны они Вахтангу-царевичу, подавшему помощь свою всеми от него зависевшими способами самоскорейше и деятельнейше. О заготовлении же везде в нужных местах провианта и фуража по пути и о высылке за два еще перехода до границ Грузинских 80 пар волов и до 50 лошадей, с переменою оных по станциям, почти до самого Тифлиса, я сам был побудитель и вместе и свидетель. Пользуясь таковою выше ожидания помощью почти с 1-го ноября, я рассчитывал, что полк прибудет на место к 15-му числу и перейдет гору прежде снега, но вместо того он пришел в город 11-ю днями позже, а гору опоздал пройти несколькими часами... Как бы то ни было, полк наконец прибыл сюда и сделал при входе фигуру преизрядную, был встречен за три версты наивеликолепнейше...»²⁰. Действительно, егерский полк во главе с И.П. Лазаревым встречали с большой торжественностью. Царь вместе с пышной свитой выехал навстречу ему, вход в сам город происходил под колокольный звон и при пушечной пальбе²¹.

«С этого дня Котляревский оказался в центре политических событий одного из самых напряженных и интересных периодов в истории русско-грузинских отношений», — справедливо замечает Дж. Ватейшвили²². 12 декабря 1799 г. в торжественной обстановке Георгий XII принял царскую инвеституру и принес присягу на верность России²³. Ватейшвили подчеркивает, что «как адъютант Лазарева, Котляревский ведал всей военной и гражданской перепиской, включая секретную, шефа 17-го егерского полка и нередко выступал в качестве его доверенного лица при конфиденциальных переговорах с высокопоставленными русскими и грузинскими деятелями»²⁴. Таким образом, с самого начала своего появления в регионе Котляревский оказался посвященным во все нюансы российской политики там.

Обстановка на границах царства была крайне тревожной, с одной стороны, рядом находилось персидское войско под номинальным командованием малолетнего сына шаха Аббаса-мирзы, которого опекал дядя Сулейман-сердарь, с другой — местные закавказские владетели (плюс мятежный грузинский царевич Александр) были готовы к совместному нападению на Картли-Кахетию. Для подкрепления русского военного контингента в Грузии с Кавказской линии отправили еще один полк под командованием генерал-майора В.С. Гулякова (вместе с сотней казаков)²⁵. Он выступил из Моздока в конце августа 1800 г. и 23 сентября благополучно прибыл в Тифлис²⁶. Оба полка оказались под общим командованием Лазарева, который теперь мог сконцентрировать в своих руках отряд численностью до 3 тыс. штыков при 7 орудиях²⁷.

Военное столкновение с противниками российско-грузинского сближения не заставило себя долго ждать. Омар-хан Аварский при поддержке ча-

сти грузинской знати и царевича Александра во главе 20-тысячного горского войска переправился через Алазань и расположился лагерем близ урочища Топ-Карагач в 16 верстах от Сигнахи. Навстречу ему выступило грузинское ополчение во главе с сыновьями Георгия XII Иоанном и Багратом, присоединившееся к русским частям с артиллерией. Общее командование взял на себя Лазарев, при котором находился молодой Котляревский.

Сражение состоялось 7 ноября 1800 г. на правом берегу реки Иори, недалеко от деревни Карабакети (поэтому ее вторым названием является Карабакетское). Оно продолжалось около трех часов, грозный противник потерпел полное поражение, оставив на месте от 1,5 до 2 тыс. убитых (ряд приближенных Омар-хана были убиты, сам хан и один из главных смутьянов, царевич Александр, — ранены)²⁸. Как пишет Ватейшвили, Котляревский являлся одним из самых активных участников этого сражения, «перед началом которого он успешно руководил отрядом так называемых подсылных (т.е. разведчиков), а во время битвы — личным примером воодушевлял солдат и ополченцев, особенно при рукопашной схватке с противником»²⁹.

Интересные подробности участия Котляревского передает и другой его биограф, В. Соллогуб: «В самом пылу сражения Лазарев посылал Котляревского к царевичу Иоанну, для нужных переговоров, и Котляревский отважно и точно исполнял данные ему поручения... Лазарев, донося об этой блистательной победе своему прямому начальнику генерал-лейтенанту Кноррингу, не преминул засвидетельствовать об отличной службе своего адъютанта, вследствие чего Котляревский был награжден орденом Св. Иоанна Иерусалимского и 8-го декабря того же года произведен в штабс-капитаны»³⁰. Действительно, в рапорте Лазарева от 14 ноября 1800 г. находим крайне лестный для молодого офицера отзыв: «...не могу умолчать о неустрашимости шефского моего адъютанта пор. Котляревского, который, как и в журнале явствует, был послан мною с десятью казаками для разведывания о идущем неприятеле чрез ущелье, сие приказание мое выполнил с наивозможнейшим усердием, примечательностью и расторопностью, — сверх того и в день сражения был от меня неоднократно посылаем к е. св. царевичу Иоанну между разъезжавшим неприятелем и выполнял все препорученности, ему от меня делаемые, с отменным рвением»³¹.

Как раз в тот период в Петербурге решался вопрос присоединения царства, для этого из региона требовали свежей и достоверной информации о ситуации там. 17 декабря 1800 г. было специально собрано заседание Совета при императоре Павле I для обсуждения этого вопроса, на котором зачитали представление графа А.А. Мусина-Пушкина «об удобности и выгодах присоединения Грузии к Державе Российской». Современный историк М.А. Волхонский отмечает, что, «несмотря на доводы графа Мусина-Пушкина, большинство членов Совета высказалось против присоединения, но, пока изготавливался в этом смысле журнал, генерал-прокурор Оболянинов объявил, что на при-

соединение Грузии уже дано Высочайшее соизволение, и сообразно с этим должен быть составлен журнал. Его составили должным образом. Совет нашел, что звание «покровителя тех земель» дает императору право принимать необходимые для безопасности края меры — поэтому от Государя зависит, как достигнуть этого: увеличением ли своего влияния во внутренних делах Грузии, или же совершенным ей присоединением к России»³².

Интересно, что в то же время из Тифлиса был отправлен еще один важный для решения рассматриваемого вопроса документ — «Замечания шефа егерского полка своего имени генерал-майора И.П. Лазарева о ситуации в Картли-Кахетии», который был создан в конце 1800 г.³³ Понятно, что к написанию документа приложил руку и его адъютант Петр Котляревский.

В документе обращалось внимание на ряд особенностей ситуации в царстве. Первое важное замечание обращено было на плохое состояние Грузинского царского дома и расстроенное положение дел внутри него (для представления ясной картины приводится характеристика всех ключевых и заметных его представителей!). Так, царь Георгий XII имеет слабое здоровье, поэтому малоподвижен и, соответственно, ограничен в действиях и в получении достоверной информации. По оценке Лазарева, многое делается от имени царя, но без его ведома. Значительна роль царицы, которая, в свою очередь, находится под большим влиянием своего отца князя Цицианова³⁴. Официальный наследник царевич Давид «по причине своей женитьбы стал нелюбим князьями», тогда как «царевич Иоанн человек весьма солидный, но также удаляется от всяких дел»³⁵, фиксируется в замечаниях Лазарева.

Последний, в частности, отмечает крайнюю разветвленность царского дома и наличие большого количества царевичей, имеющих высокие амбиции, т.е. претензии на царский трон, и, соответственно, постоянные распри между ними. Серьезной оппозиционной партией, по оценке Лазарева, является семья вдовствующей царицы Дарьи (вдовы Ираклия II). Она, по словам генерала, «очень оскорблена, что царства не имеет в своих руках, не перестает делать разные интриги»³⁶. Старший из ее детей, имеющий претензии на трон, — царевич Юлон, который, «имея свою партию недовольных царем, не перестает оную еще ежедневно подкреплять, чтоб по смерти царя быть ему восприимчивом, теперь же оказывает явное неповиновение...». В документе обращается внимание и на царевича Александра, который «большую имеет поддержку во всех народах, окружающих здешнее царство»³⁷.

Лазарев суммирует все плюсы и минусы возможного приобретения восточногрузинского царства (разделив их в документе на «выгоды» и «беспорядки»). Среди «выгод» он перечисляет плодородную землю, которая может многих прокормить при хорошем устройстве (однако тут же оговаривается, что «народ отягощен разными поборами», плюс к этому «летом случающиеся набеги лезгинские часто их от полей отгоняют и следственно работы приостанавливаются»)³⁸. Практически вся торговля находится в руках армян, тогда

как скотоводство (отгонного характера) является монополией «татар и казахов»³⁹, следовательно, шерсть и шерстяные вещи в изобилии. Другие важные отрасли, успешно развиваемые на территории царства, — это виноградарство, садоводство, виноделие и шелководство, вдобавок к этому «леса все наполнены фруктовыми деревьями»⁴⁰.

Однако, даже перечисляя эти «выгоды», Лазарев сетует на отсутствие хорошего управления и хозяйствования в Грузии, т.е. оценивает сложившуюся при последнем царе систему управления как крайне запутанную и неэффективную. И выделенные им минусы фактически выходят из вышеуказанной оценки. Главные «беспорядки» лежали на поверхности: «видно много людей не на своих местах», т.е. все чины носят наследственный характер, а управление городов и селений фактически передается в частные руки, следовательно, преследуется исключительно частная выгода, а не государственные интересы; «все правосудие у них отдается словесно, и сколько я мог приметить, либо по пристрастию, либо по праву сильного...», т.е. отсутствие четкой и понятной правовой системы. Лазарев специально подчеркивает, что «жалованья никакой чин не имеет, а всякий должен кормиться от своего места и от того еще более терпит и купец, и мещанин, и поселянин, и одним словом всякий»⁴¹. Непросто и часто малоуспешно происходит сбор войск в случае внешней опасности: по плану — до 50 тыс., но в реальности «царь не может и 20,000 поставить».

Таким образом, Лазарев нарисовал весьма печальную картину происшедшего в царстве — крайне запущенное управление, внутренние неурядицы, связанные с большими амбициями представителей царского дома и местной знати, небольшое и малоопытное войско, не способное защитить границы Картли-Кахетии от серьезного противника. «По всем сделанным мною примечаниям и по внутреннему положению Грузии, нахожу я, что сие царство весьма малое, наполненное интригами и междуусобиями, быв окружено со всех сторон народами Магометанского закона, непрестанно терзаемо оными разными образами, то явными нападениями, то хищниками, то тайными подговорами разных в достоинствах находящихся людей, отчего и происходит, что рано или поздно должно быть несчастно»⁴², — писал Лазарев. «Все сии обстоятельства и предвидимое Е. в. несчастное положение по его смерти, как царства, так и супруги его и детей, заставили его избрать полезнейшее средство, — все оное повергнуть к стопам Г. И.»⁴³, — резюмировал генерал. Фактически это мнение И.П. Лазарева стало логичным дополнением к записке А.А. Мусина-Пушкина, присланной в Петербург и ставшей базовой при рассмотрении вопроса о дальнейшей судьбе Картли-Кахетинского царства.

Вслед за ним на Кавказскую линию, генерал-лейтенанту К.Ф. Кноррингу, был отправлен рапорт Лазарева с извещением о кончине царя Георгия XII⁴⁴, последнего признанного царя Картли-Кахетии. В ответ Лазарев получил предписание Кнорринга (от 6 января 1801 г.), которое базировалось на Манифесте императора Павла I о присоединении Картли-Кахетинского царства к России

(он был написан 18 декабря 1800 г., а 18 января 1801 г. опубликован и вступил в действие!)⁴⁵. Барон Кнорринг, в частности, писал Лазареву: «По силе Всевысочайшего Е.И.В. ко мне повеления, рекомандую я в. пр. постараться доставить ко мне, коль можно поспешнее, подробное описание Грузии и правления ее, с разделением на губернии и суды, дабы по сему можно было приступить в свое время к постановлению правления и означить расстояние от столичного ныне города»⁴⁶.

После смерти Георгия XII моментально начались распри среди представителей царского дома, в частности, между двумя главными претендентами на престол — Давидом и Юлоном, сыном и братом покойного царя соответственно. Последний не признавал прав своего племянника на управление страной и вместе со своими братьями Вахтангом, Мирианом и Парнаозом решил привлечь на свою сторону карталинское дворянство (общее собрание назначили в Мухрани). Туда был командирован и Котляревский для контроля над ситуацией и недопущения ее превращения в антироссийское выступление или мятеж. Молодой адъютант получил весьма сложное и важное задание, что говорило о полном доверии Лазарева к нему и высокой оценке его административных и дипломатических способностей. Котляревский и его выполнил успешно.

Согласно рапорту самого Котляревского (от 20 января 1801 г.), он отправился в Мухрани и лично передал письма Лазарева и царевича Давида вышеперечисленным царевичам и некоторым князьям. В ходе личного общения молодой штабс-капитан выяснил, что указанные царевичи во главе с Юлоном, действительно, «находились в Мухрани и при них войска до 300 человек, из коих большая часть князей и дворян»⁴⁷. В рапорте отмечалось, что «сии последние, как видно, письма им следующие приняли весьма хорошо (исключая некоторых преданных к царевичу Юлону) и по прочтении оных, разделяясь на разные партии, трактовали о сих письмах и из сего заметно, что многие князья там быть не желают, но опасаясь приближенных к царевичам, стараются сие скрывать, дабы не подать тем на себя сомнения и не подвергнуться наказанию»⁴⁸. Котляревский 19-го выяснил, что целью их дальнейшего движения будет Кахетия, «где хотят всех князей и народ приводить на царствование царевича Юлона к присяге, а между тем имея предметом своим и соединение с братом их царевичем Александром».

Однако общение адъютанта Лазарева с 20 князьями показало, что они не хотят выступать против российской власти, и после подтверждения известия об официальном статусе Давида как наследника было заявлено в разговоре с Котляревским, что «наследником его никак признать не могут, поелику при покойном царе Ираклии присягнули царевичу Юлону; но если благоудно будет Е.И.В., чтоб ни тот, ни другой царем не был, то они на сие согласны и последнюю кровь для Е. В. пролить желают»⁴⁹. В результате царевичи покинули Мухрани и уехали в Кахетию, однако развитие фактически антироссийского выступления удалось пресечь, так как многие карталинские князья

и дворяне не участвовали далее в действиях Юлона, за которым был послан генерал Гуляков с отрядом. Котляревский не зря подчеркнул в своем рапорте, что «весьма малая из князей, при царевичах находящихся, часть привержена к царевичу Юлону, но более есть таковых, кои, опасаясь разорения своих деревень, пример каковой они уже видели, и по другим разным причинам там проживают»⁵⁰. Очевидно, что в успокоении ситуации в Картли есть и заслуга Петра Котляревского, действия которого заставили значительную часть местной элиты сохранить лояльность России.

Лазарев в одном из следующих рапортов Кноррингу (от 24 января 1801 г.) докладывает, что «описание Грузии, как она ныне есть и каким образом было в ней правление, с картой, сделанной с географической, какая здесь была, при сем в. пр. представить честь имею ...»⁵¹. И как раз внутри рапорта, занимая большую его часть, и ушел затребованный генерал-лейтенантом К.Ф. Кноррингом документ, который можно обозначить как краткое описание Грузии (границы, адм.-тер. деление, области, крупные города, структура управления, законы, доходы и конфессиональное разнообразие жителей)⁵². Очевидно, что и к этому документу приложил руку ближайший помощник генерала — штабс-капитан Петр Котляревский. Соллогуб отмечает, что «в тифлиских архивах сохранилось много бумаг того времени, писанных и отмеченных бойкой рукой Котляревского. Самые важные, как например, относительно членов царской семьи, относительно моровой язвы и проч., собственноручные и написаны ясно, коротко и определительно. Они очевидно сочинены не Лазаревым, а самим Котляревским и указывают, на каком практическом поприще он имел случай образовать свой слог, приобрести точные понятия о людях и событиях. Но опытность, приобретенная им в письменных делах, скоро должна была пополниться другою, более славною опытностью, которую он приобрел трудами и кровью в походах и битвах»⁵³.

На Лазареве лежала задача сохранения безопасности края, поэтому летом 1801 г. генералу пришлось улаживать дело со сбежавшими жителями 33 татарских деревень, которые отказались признать русскую власть. Последних прикрывал небольшой персидский отряд, высланный из Эривани. Произошло небольшое столкновение, являвшееся предвестницей длительной войны с Персией, в которой прогремело имя Котляревского. Как отметил В. Соллогуб, «в этой первой стычке персияне были опрокинуты, а укрывавшиеся татары были снова водворены на местах своего жительства при должных предосторожностях и обеспечениях. В донесении своем Лазарев отозвался, что успехом своим обязан содействию своего адъютанта штабс-капитана Котляревского, трудившегося неусыпно и не имевшего никакого себе помощника»⁵⁴. Как зафиксировано в послужном списке Котляревского, в данной экспедиции он находился в период с 30 июня по 15 августа, «в Бамбакской провинции, коей все жители Магометанского закона удалились за границу к Эриванскому хану, по возвращении оных и при приведении на верность к присяге»⁵⁵.

Таким образом, налицо значительная роль молодого офицера и ближайшего помощника Лазарева Петра Котляревского в быстром и практически бескровном присоединении Восточной Грузии к Российской империи.

* * *

Знаменитый манифест императора Александра (от 12 сентября 1801 г.)⁵⁶ качественно изменил ситуацию в регионе и поставил Россию в весьма непростое положение. После официального объявления о присоединении к империи Картли-Кахетинского царства Россия оказалась перед целым набором новых вызовов — внешних угроз в лице турок, персов, северокавказских горцев и т.п., так и внутренних — распри в царском доме, расшатанное внутреннее управление (фактически разбитое на ряд самостоятельных управленцев из числа членов фамилии). Российская власть столкнулась с насущной проблемой налаживания тесных отношений как с царским домом и его представителями, так и с местной знатью, что из-за острых распрей внутри царства представлялось весьма непростой задачей.

Первый опыт налаживания административного управления в лице главноуправляющего Грузией барона К.Ф. Кнорринга и министра-правителя Грузии П.И. Коваленского оказался явно неудачным. Последний, назначенный еще Павлом, оказался взяточником, казнокрадом и скандалистом, обострив и без того непростые отношения с местной элитой и царским домом. «Беспокойное состояние края, вместе с бестактными и даже корыстными поступками Коваленского ожесточили грузин»⁵⁷, — писал известный дореволюционный историк В.А. Потто. На такой негативный результат деятельности Коваленского обращает внимание Петербурга в секретной записке коллежский советник А. Соколов: «Весьма удивительно покажется, что особа, в качестве министра облеченная от великого Монарха Всероссийского при царе Грузинском, поступки свои расположила так, что вместо почтения, которое по званию своему заслужить бы должна была, навлекла на себя ненависть самого царя, всего дома его и всего дворянства, двор царский окружавшего»⁵⁸.

Помимо конфликта с местной элитой, включая и членов царского дома, Коваленский моментально оказался в ссоре с шефом 17-го Егерского полка генерал-майором И.П. Лазаревым, которого хотел подчинить себе. В частности, министр «требовал от воинских команд почестей, ему не принадлежащих». По информации Соколова, также «министр всячески интриговал для своих выгод, привлекая к себе воинских чиновников, старался их озлобить против их шефа, репутацию которого всячески пятнал у главнокомандующего»⁵⁹. Более того, Коваленский начал выяснять отношения и с офицерами, в частности с молодым Петром Котляревским, бывшим в ту пору адъютантом Лазарева. Последний «ведал всей военной и гражданской перепиской, включая секретную, шефа 17-го егерского полка и нередко выступал в качестве его доверенного лица при конфиденциальных переговорах с высокопостав-

ленными русскими и грузинскими деятелями»⁶⁰. Амбициозный Коваленский считал общение с правящей верхушкой царства исключительно своей прерогативой, поэтому начал жаловаться на Лазарева и Котляревского Кноррингу. Конфликт между резидентом и воинским начальником погасить не удалось, в первую очередь, по причине скандального характера первого. Это тоже не добавляло уважения к российской власти в регионе...

Однако противостояние резидента и командующего русскими войсками в Грузии оказалось недолгим, так как вскоре Коваленского отозвали по обвинению в целом ряде злоупотреблений, в частности в превышении своих служебных полномочий⁶¹. Генерал Лазарев стал одновременно полномочным представителем России в Восточной Грузии и первым воинским начальником русского контингента, который был подкреплён прибытием Кабардинского полка во главе с генерал-майором В.С. Гуляковым (напомним, что во главе этого отряда Лазарев и одержал блистательную победу в сражении у р. Иори)⁶². Так как именно последний стал первым полномочным российским представителем в бывшем царстве, то это обстоятельство резко увеличило объём работы Котляревского как ближайшего помощника Лазарева. Молодому штабс-капитану пришлось вести всю служебную переписку своего начальника как по военным, так по гражданским и дипломатическим делам.

Император Александр I, встревоженный ухудшением ситуации на Кавказе, после отзыва Коваленского и Кнорринга возложил в сентябре 1802 г. «все должности, с званием инспектора Кавказской линии, астраханского военного губернатора, управляющего там и гражданской частью и главноуправляющего в Грузии соединенные» на князя Павла Дмитриевича Цицианова⁶³. Понятно желание молодого монарха не ставить под удар российскую политику в регионе и не рисковать только что присоединённым царством.

Александр I, наставляя главноуправляющего перед отъездом, особо подчеркивал: «Сверх общей справедливости Вам должно народу сему дать почувствовать, что ни отдаленность его, ни трудность сношений не воспрепятствуют ему участвовать в благодати российского управления и что никогда не будет он иметь причин раскаиваться, вверив судьбу свою России»⁶⁴. Первейшей задачей Цицианова стало налаживание сколь-нибудь цельной, а главное, действующей системы управления и успокоения внутренней ситуации, под чем подразумевалась ликвидация многочисленных имущественных споров, личностных конфликтов и просто распрей внутри грузинского царского дома. В данном случае ключевой мерой успокоения народа и ситуации, близкой к взрывоопасному состоянию, было признано выдворение с Кавказа членов бывшей царской династии, погрязшей в склоках и интригах. По оценке самого императора, именно «внутренние крамолы паче нежели внешние нападения довели царство сие до такой слабости, в коей нашло его Российское правительство». В конце своей инструкции Цицианову монарх возвращается именно к этому заданию, подчеркивая его приоритетность: «...вы из вышеи-

зображенного сами познаете, сколь сие нужно и потому между первейшими обязанностями вашими поставите принять все меры убеждения, настояния и наконец самого понуждения к вызову сих беспокойных царевичей, а особливо царицы Дарии в Россию. Меру сию считаю Я главною к успокоению народа...»⁶⁵. Необходимость и важность данного действия признавал и сам Цицианов, познакомившийся с ситуацией на месте⁶⁶.

Грузинский царский дом к началу века насчитывал 73 человека⁶⁷, при этом он превратился в главный очаг политических интриг, а его многочисленные члены открыто разжигали недовольство в народе⁶⁸. Скорейшее разрешение проблемы с царским домом было важно в свете углубления российско-персидского противостояния, которое подспудно росло одновременно с усилением российского влияния и присутствия в грузинском царстве. Например, по сведениям генерала Кнорринга, «Баба-хан, господствующий ныне в Персии, объявив царевича Юлона царем Грузинским, отрядил уже войска к его возведению и ищет усилить их союзом с другими пограничными Грузии владельцами»⁶⁹. Царица Дарья завязала переписку с царевичем Александром, уже имевшим поддержку Тегерана. Она, как и другие члены царского дома, по данным Цицианова, стала ориентироваться именно «на царевича Александра и на персидские войска, коих 12,000 челов. в собрании в Азербейджане, готовых при первом удобном случае учинить вторжение в пределы Грузии, для возведения на царство Юлона...»⁷⁰.

В связи с нежеланием царевичей и вдовы Георгия XII, Марии (кстати, урожденной княжны Цициановой), и открывшимся их намерением бежать (в том числе и в Персию, вслед за враждебно настроенным к России царевичем Александром), Цицианов со свойственной ему решительностью приказал арестовать вышеуказанных лиц. Одной из ключевых фигур являлась активно интриговавшая царица Мария Георгиевна, оказывавшая негативное влияние на ситуацию, скорее, на ее раскачивание и разогрев толпы. Она, несмотря на неоднократные уговоры князя, отказывалась ехать в Россию, и последний был вынужден приказать силой увезти ее с территории бывшего царства. Щекотливое задание Цицианов поручил генералу Лазареву, как наиболее авторитетному и узнаваемому представителю русской власти в Грузии. Иван Петрович с офицерами отправился с покои царицы и постарался ее уговорить на отъезд. Вместо разговора царица Мария выхватила кинжал и ударила им генерала, который практически у ее ног упал замертво⁷¹.

Вот так в покоях грузинской царицы, а не на поле брани нашел свою смерть генерал Иван Петрович Лазарев, являвшийся наставником самого Петра Степановича Котляревского, благодаря военному гению которого Россия через десять лет и подписала с поверженной Персией Гюлистанский мир. Последний тяжело переживал трагедию и горячими слезами проводил тело своего покровителя в могилу. Генерал Лазарев с большими почестями был погребен в Сионском соборе Тифлиса, положив начало захоронениям там рус-

ских военачальников и государственных деятелей. Через несколько лет рядом с ним появилась и гробница его начальника — Цицианова, предательски убитого в 1806 г. под стенами Бакинской крепости.

Котляревский после трагической гибели Лазарева отказался от продолжения службы адъютантом и, несмотря на лестное предложение князя П.Д. Цицианова, решил служить в строю, приняв в 1803 г. командование ротой родного ему 17-го егерского полка.

* * *

Вслед за присоединением Картли-Кахетинского царства к России Котляревский участвовал в двух войнах — с Персией и Турцией, — обессмертивших его имя.

Петербург поддерживал наступательную политическую линию, предложенную Цициановым, и требовал дальнейшего продвижения в регионе, теперь уже в направлении Каспийского побережья⁷². О том, что главная цель дальнейшего наступления в Закавказье — это обеспечение безопасности российских владений, настаивает и военный историк В.А. Потто⁷³.

Цицианов начал двигаться по дороге на Каспий — с Гянджи, которая ранее входила в состав единого грузинского государства, и, тем самым, князь обосновывал свое движение целью воссоединения разрозненных грузинских земель. Тем более что Гянджа давно превратилась в один из главных источников угроз для Грузии: оттуда тоже шли нападения, туда потом угоняли жителей царства, хан Гянджи, как персидский вассал, регулярно присоединялся к войскам шаха, шедшим на Закавказье и разорявшим его, в том числе и грузинские земли.

Под экспедицию на Гянджу русский командующий попытался собрать сильный отряд, в частности, «он приказал двум полкам: Нарвскому драгунскому и 9-му егерскому двинуться с Кавказской линии в Грузию, и сделал распоряжение о сборе из Демурчасал, Борчалы и Казах по 100 человек конных татар, которым приказано было иметь с собою провианта на шесть недель»⁷⁴. Задержка экспедиции была связана с эпидемией чумы, резко осложнившей снабжение войск и организацию похода⁷⁵, а также с ожиданием новых частей⁷⁶. В итоге командующий смог повести на Гянджу всего 6 батальонов и 3 эскадрона⁷⁷, к которым присоединились «грузинские и татарские волонтеры»⁷⁸.

Декабрь 1803 г. русский отряд встретил, обозревая предместье Гянджи. Для штурма самого города необходимо было овладеть всем предместьем, состоявшим из ряда раскидистых садов, каждый из которых оказался окруженным либо высокой оградой, либо стеной, т.е. пригород представлял собой прекрасные защитные сооружения, пригодные для обороны. 2 декабря Цицианов двумя колоннами начал штурм предместья. Как писал Н.Ф. Дубровин, «в садах наши войска встретили сильное сопротивление и должны были выдержать упорную борьбу. Высокие землебитные, из глины, заборы на всяком шагу доставляли

неприятелю закрытие и средство к обороне, а для нас отдельное укрепление, которое приходилось брать штурмом. Несмотря, однако же, на сильный огонь, отчаянное сопротивление неприятеля и весьма невыгодное наше положение, войска в течение двух часов успели очистить предместье, состоявшее почти исключительно из одних садов, протянувшихся на 1 ½ версты от города»⁷⁹.

В числе прочих частей, выделенных на эту операцию, были два батальона 17-го егерского полка, а одной из рот егерей командовал капитан⁸⁰ Петр Котляревский. Он во главе своих солдат, не имея штурмовых лестниц, пошел на сады и во время взятия одного из них под огнем противника был «ранен в правую ногу пулею навывлет»⁸¹. С поля боя его вытащил молодой гвардейский поручик Михаил Воронцов (будущий кавказский наместник!). Подхвативший Котляревского с другой стороны егерь его же роты Иван Богатырев был мгновенно убит «пулею в сердце». Как пишет В. Соллогуб, «Котляревский до глубокой старости вспоминал об этом случае, послужившем началом его неразрывной 48-летней дружбы с настоящим Кавказским наместником»⁸².

В ходе борьбы за предместье противник потерял 250 человек убитыми, Цицианов — 70 человек убитыми и 30 ранеными, одним из которых и стал капитан Котляревский. Закрепляя успех, командующий в тот же день заложил там батареи, прикрывать которые он поставил 3 батальона и 2 эскадрона драгун. После чего, как фиксировал Дубровин, «крепость была окончательно обложена и открыто бомбардирование, продолжавшееся довольно успешно»⁸³. Помимо Воронцова, в деле взятия Гянджинского предместья отличился и другой известный персонаж эпохи — тогда еще молодой флигель-адъютант граф А.Х. Бенкендорф⁸⁴.

Утром 3 января 1804 г. командующий пошел на штурм закавказской твердыни. Войска были разделены Цициановым на две колонны: первая — под командованием генерал-майора Портягина (2 батальона гренадер и 200 спешенных драгун), вторая — под командованием полковника Карягина, будущего командира и сподвижника Котляревского (2 батальона 17-го егерского полка). Артиллерия была отведена на майдан под охрану казачьей сотни и в сражении не участвовала. По задумке Цицианова, штурм нужно было начинать в полной тишине, чтобы воспользоваться фактором внезапности, а также удачной местной особенностью, заключавшейся в том, что сады захваченного предместья подходили вплотную к крепостной стене, и это позволяло скрытно подвести к ней колонны, так сказать, «на ближайший выстрел»⁸⁵. По словам Дубровина, «диспозиция была исполнена с точностью; колонны подошли так тихо, что огонь из крепости был открыт только тогда, когда наши солдаты были не далее как в 15 сажнях от земляной стены, за которою, впрочем, оказалась другая — каменная. Неприятель начал кидать в атакующих камни и стрелы, а между земляным валом и каменною стеною бросал “подсветы”, сделанные из свернутых бурок, обмокнутых в нефть и зажженных для освещения штурмующих». Колонна Карягина должна была произвести ложную атаку и от-

влечь на себя все внимание оборонявшихся. Однако она даже перевыполнила задачу, так как первой взобралась на крепостную стену и захватила две башни с орудиями, а затем разблокировала и открыла крепостные ворота. В ходе боя за обладание одной из башен погиб и сам хан: «Сев верхом на самую большую пушку из находившихся в крепости, Джевад-хан с саблею в руках защищался до тех пор, пока не был изрублен»⁸⁶. Другая колонна овладела еще тремя башнями, после чего крепость пала.

Как писал сам Цицианов по итогам штурма, «добыча наша состоит в 12-ти орудиях, 6-ти фальконетах, в 1-м штандарте, 8-ми знаменах, в 55-ти пудах пороха и в большом хлебном запасе. Урон с нашей стороны в убитых 1 штаб- и 2 обер-офицерах и 35 нижних чинах, да ранено легко штаб 1, обер-офицеров 8, нижних чинов 122 и тяжело обер-офицеров 5 и нижних чинов 70 человек. Потеря с неприятельской стороны состоит в 1,500 убитых и 17,224 в плен взятых, мужеска и женска пола, а о раненых неизвестно. Местоположение Ганджинской крепости, держав в страхе весь Адзербайджан, заставляет приобретение сие почитать наиважнейшим для России...»⁸⁷.

Цицианов вскоре после штурма вернулся в Тифлис, оставив в захваченном городе-крепости в качестве гарнизона 17-й егерский полк под командованием полковника Карягина. Гянджа в знак вычеркивания из памяти была переименована в Елизаветполь, в честь императрицы, супруги Александра I. Кроме подтверждения переименования города, в феврале из Петербурга пришли известия о Высочайшей благодарности и наградах: командующий стал полным генералом (генералом от инфантерии)⁸⁸, а будущий герой Русско-персидской войны капитан Петр Котляревский, раненный в боях за предместье Гянджи, пожалован среди прочих орденом Св. Анны 4-й степени⁸⁹. Его главные награды были еще впереди...

* * *

После гянджинской победы Цицианов собрался в поход на Эривань. Организованный князем весной 1804 г., он означал уже лобовое столкновение с персидским правителем. Последний не мог безучастно наблюдать, как падает под ударами русского оружия власть одного подвластного ему хана за другим. К лету 1804 г. война была не на пороге, она уже настойчиво и требовательно стучала в дверь: первый летний месяц — июнь — стал и первым месяцем войны между двумя империями.

23 мая 1804 г. Фетх-Али ультимативно потребовал немедленного вывода российских войск из Грузии. Это требование было отвергнуто, и князь П.Д. Цицианов, в свою очередь, потребовал выдачи беглых грузинских царевичей, добавив, что «...надеясь на Бога, покровительствующего непобедимое Его Императорского Величества оружие, пришествие персидских войск может прибавить к оному новые лучи славы»⁹⁰. 10 июня 1804 г. шах приказал начать военные действия против русских.

Крупных сил для действий против Персии Россия выделить не могла. За Кавказом у Цицианова имелось только 6810 штыков и 1400 сабель и шашек⁹¹. Тем не менее 20 июня 1804 г. он разбил 20-тысячную персидскую армию под командованием наследного принца Аббас-мирзы под Эчмиадзином, 25 июня — на реке Аракс. 17 июля принц понес поражение под Эриванью⁹².

Итак, в 1805 г. состоялось присоединение к России Ширванского и Шекинского ханств, вслед за тем Цицианов приступил к длительным переговорам с бакинским ханом о возможности принятия им подданства⁹³. В это время Аббас-мирза попытался переломить ситуацию в свою пользу и нанести удар по Карабаху. Однако в ходе сражений под Аскераном и в замке Шах-Булах в период с 24 июня по 16 июля 1805 г. персов остановили.

Именно здесь случился один из первых баснословных подвигов русской армии в войне с Персией, в котором принимал участие Котляревский (будущий герой этой войны!). Тогда пятьсот солдат под командованием полковника Карягина закрыли и Карабах, и грузинские земли от нашествия 40-тысячной персидской армии во главе с Аббас-мирзой. Именно Карягин был назначен шефом 17-го Егерского полка вместо убитого генерала Лазарева, став, тем самым, и новым начальником Котляревского. Последний вновь оказался под командою неординарного и безумно храброго военачальника, ставшего для молодого офицера настоящим примером для подражания.

Важно отметить, что становление Котляревского как военачальника происходило под огромным влиянием представителей так называемой цициановской школы — Карягина, Лисаневича, самого Цицианова. Среда, в которой варился молодой офицер, представляла собой великолепный сплав русского офицерства и генералитета той эпохи, сконцентрированного на Кавказе. Он учился как стремительности действий против неприятеля, так и правилам политической и дипломатической игры на Кавказе, в которой мастерски проявил себя Цицианов. Именно из так называемой цициановской школы помимо Котляревского вышли многие русские военачальники, прославившиеся на Кавказе в период Кавказской войны, — Ермолов, Воронцов и др.

Итак, в Карабах двинулась персидская армия общей численностью до 40 тыс. Там же находился малочисленный русский отряд Лисаневича (300 чел.). Обеспокоенный ситуацией Цицианов послал ему из Елизаветполя на помощь полутысячный отряд Карягина, состоявший из солдат 17-го егерского и Тифлисского мушкетерского полков при двух орудиях. Главнокомандующий полагал, «что по соединении 2-х отрядов, образуется сила в 900 человек, а что 900 человек достаточно будет для удержания Персидских полчищ»⁹⁴. Сам же Цицианов остался в Елизаветполе собирать все свободные силы для последующего удара по персидской армии.

В ходе движения к Шуше, около речки Шах-Булах, отряд столкнулся с трехтысячным авангардом персов во главе с Пир-Кули-ханом. Как пишет В. Соллогуб, «отряд построился в каре и продолжал идти, занимая охотни-

ками возвышения и подвигаясь под выстрелами по трудным гористым местностям. После шести часов сражения персияне отстали, и Карягин расположился лагерем при речке Аскаране, в 4-х верстах от того места, где тоже стоял лагерем весь персидский авангард, состоявший из 10,000 человек. Было 5 часов пополудни. Едва лишь солдаты начали отдыхать от утомительного перехода и долгой битвы, как в 6 часов их окружил Пир-Кули-хан, уже всеми своими войсками. Снова сомкнулся каре, на который персидская конница с криком и угрозами кидалась несколько раз, при сильной фальконетной стрельбе. Но ничто не могло пробить стальной ограды и железной воли неустрашимой горсти храбрых воинов. Несколько раз неприятельская конница пыталась их опрокинуть, к ней подоспела и пехота, но все усилия остались тщетными, — персияне отступили после 3-х часового нападения. Таким образом, русский отряд выдержал, 24 июня, в течение 9 часов, напор неприятеля, сперва в 5 раз, а потом более чем в 15-ть раз его сильнее»⁹⁵.

Затем персы обложили малочисленный русский отряд со всех сторон, обстреливая его из фальконетных батарей и не давая доступа к воде (т.е. пытались отрезать от реки). Очевидно, что персидский командующий хотел заставить Карягина сдаться, чтобы преподнести эту победу подходившему с главными силами Аббас-мирзе. Невзирая на тяжелое положение, егеря Карягина спокойно отбивались от атак противника и отстреливались из укрепления вплоть до 26-го. Более того, они провели даже успешную вылазку командой из ста солдат, во главе которых одним из офицеров пошел и майор Котляревский. В результате этого ночного рейда 5 персидских батарей, поставленных вдоль реки, были отбиты и быстро приведены в негодность.

Несмотря на достигнутый успех, положение отряда Карягина только ухудшилось, так как 27 июня к месту боев подошел сам Аббас-мирза с главными силами персидской армии. Наследник шаха бросил на Карягина всю свою конницу и выдвинул вперед артиллерию, которая целый день обстреливала русский лагерь⁹⁶.

Когда положение стало критическим из-за больших потерь и сильного утомления, Котляревский предложил бросить весь обоз и прорваться к небольшой, но хорошо укрепленной крепости Шах-Булах, взять ее и там закрепиться. Карягин согласился с этим предложением, и в ночь с 27-го на 28-е был предпринят марш-бросок в сторону крепости. Как вспоминал впоследствии карабахский армянин — юзбаши Аванес, который был проводником в этом походе, «зарядив орудия картечью, отряд, состоявший уже только из 150 человек, выступил в поход, — солдаты повезли на себе орудия, ибо на оставшихся трех лошадях ехали раненые Карягин, Котляревский и 1 офицер, других раненых несли на руках. Я был проводником и, пользуясь темнотой ночи и знанием местности, миновал было главный отряд, как вдруг нечаянно нам встретился неприятельский обоз. Началось сражение. Выстрелы встревожили Персидский лагерь, и мы скоро окружены были неприятелем. Темнота ночи и отчаянная храбрость солдат спасли нас от меча неприятельского, мы проби-

лись сквозь тысячи сабель и ускользнули от персиян, которые, впрочем, и не посмели нас преследовать»⁹⁷. Еще одной причиной неактивности противника оказалось то, что он бросился грабить брошенный Карягиным обоз.

Перед рассветом отряд оказался у стен Шах-Булаха, который не успел усилить подкреплениями Аббас-мирза. По словам юзбаши Аванеса, «беспечные персияне спали, пушечные выстрелы их разбудили. Предложение о сдаче они отвергли, и русские решились взять крепость штурмом. Удачный выстрел ядром отворотил ворота замка, оробевшие персияне бросились со стен; кто не успел спастись бегством погиб от штыков русских. Замок был взят, и мы в нем заперлись»⁹⁸. Два хана, командовавшие обороной крепости, в ходе штурма были убиты, гарнизон, как и персидский отряд, находившийся рядом, рассеян. Егеря Карягина провели операцию быстро и успешно, главное, с минимальными потерями. Майор Котляревский в ходе штурма получил уже второе ранение — теперь в левую руку картечью⁹⁹.

Оказавшись в крепости, окруженной противником, отряд Карягина столкнулся с новой угрозой — голодом, так как провианта, взятого в поход, уже не осталось, а в Шах-Булахе продовольствия почти не было. В течение недели солдаты должны были есть мясо лошадей, найденных в крепости, и траву (проводник смог достать хлеб и другие продукты, но их оказалось крайне недостаточно)¹⁰⁰.

Аббас-Мирза думал, что голод заставит русских сдаться, поэтому отошел к Аскеранской крепости, оставив у Шах-Булаха восьмитысячное войско. Через несколько дней наследник персидского престола прислал своего приближенного — мирзу Ростома, который предложил Карягину перейти на службу к шаху, обещая большие награды ему и его подчиненным. В ответ Карягин попросил на размышление 4 дня, во время которых будет действовать перемирие. Аббас-мирза, уверенный в неизбежности сдачи своего противника, даже «присылал русским разной провизии и дичи, застреленной его руками, также лекарей для лечения раненых». На третий день перемирия к Карягину был послан Наджаф-Кули-Хан, который заявил, что Гянджа взята персидским войском и что у него нет шансов спастись, поэтому он должен сдаться Аббас-мирзе и открыть ворота крепости. Карягин после недолгого совещания с Котляревским заявил посланнику персидского командующего, что завтра тот отдаст Шах-Булах, и хан «с восторгом отправился к Шах-Заде»¹⁰¹. Русские офицеры, понимая, что Аббас-мирза больше не даст им передышки и бросит в атаку все свои силы, с которыми им не справиться, решили покинуть Шах-Булах и скрытно перейти к другой небольшой крепости Мухрата, которая, по оценке В.А. Потто, «по гористому местоположению и близости к Елизаветполю была удобнее для защиты»¹⁰².

В ночь на 9 июля русский отряд скрытно покинул крепость. Когда авангард отряда под командованием Котляревского, состоявший исключительно из раненых, утром достиг Мухрату и занял ее, то основная группа с Карягиным и пушками еще только двигалась по горным ущельям, настигаемая пер-

сами. Именно тогда случился героический эпизод, навсегда вошедший как в историю русской армии, так и в историю покорения Кавказа.

На пути отряда Карягина, уходившего от персидского войска, оказалась глубокая канава, через которую невозможно было перевезти орудия, рядом не имелось и леса, из чего можно было сделать мост. Поэтому солдаты мгновенно соорудили «живой мост»: они воткнули несколько ружей в землю штыками и образовали сваи, другие положили параллельно, а под них залезли четыре человека и подперли их плечами. Пушки были спасены, но дорогой ценой, так как два егеря заплатили за это жизнью (одно из орудий съехало с импровизированных свай и задело солдат)¹⁰³. Этот эпизод запечатлен на картине известного художника Франца Рубо «Живой мост»...

Как вспоминал проводник Аванес, «через несколько часов мы достигли селения Касанет и расположились в садах отдыхать. Утром, едва майор Котляревский с ранеными успел удалиться в крепости Мухрата, настиг нас Аббас-мирза с войском. Началось упорное сражение, во время которого персияне успели было завладеть орудиями, но вскоре русские штыки взяли их обратно. Полковник Карягин, видя невозможность держаться в садах и не находя в том надобности, решился идти к крепости Мухрата. Аббас-мирза, узнавший об этом, послал 20,000 человек войска занять сию крепость, но Котляревский, с ранеными солдатами там бывший, отразил их нападение. Вечером и Карягин со своим отрядом прибыл к Мухрата, сражаясь на каждом шагу с персиянами, которые, видя все свои усилия тщетными, возвратились в Касанет и остановились в садах. На другой день Аббас-мирза, оставив в урочище Кара-кепчи (черный мост) 2000 человек, сам удалился в Аскеран...»¹⁰⁴.

Искусно воспользовавшись сложным рельефом местности, Карягин смог отбиться от многократно превосходившего его противника. К полуночи поредевший отряд вошел в Мухрата, откуда незамедлительно его командир отправил рапорт князю Цицианову. Героическая оборона егерей Карягина, сковавшая на себе все силы Аббас-мирзы, позволила Цицианову перегруппироваться и собрать отряд в 14 рот пехоты при 10 орудиях (чуть более 2 тыс. чел.). 11 июля князь выступил из Елизаветполя в сторону Карабаха, и 16-го, около сел. Мардагирт, как он донес императору, «по пробитии утренней зари, полк. Карягин через горы благополучно достиг до моего отряда и со мною соединился»¹⁰⁵ (в строю у Карягина при встрече с командующим оставалось около 100 солдат¹⁰⁶). Узнав о приближении Цицианова, Аббас-мирза стремительно отошел, избегая встречи.

* * *

В конце 1805 г. Цицианов лично возглавил поход на Баку. После двух месяцев переговоров бакинский Гуссейн-Кули-хан стал склоняться к принятию условий Цицианова¹⁰⁷. Однако 8 февраля 1806 г. во время встречи, в ходе которой Цицианову и должны были вручить ключи от крепости, его вероломно убили¹⁰⁸. Осаждавшие вынуждены были временно снять осаду и отступить,

а в Тегеране, куда отправили отсеченную голову генерала, праздновали победу¹⁰⁹. «Вероломный поступок Бакинского хана, — докладывал в Петербург 3 мая 1806 г. командующий войсками на Кавказской линии генерал-лейтенант Глазенап, — ободрив Баба-хана, вселил в него решительные намерения совершить предприятия свои на Грузию. Собрав многочисленные силы, мнит о впадении в границы наши нижеследующим образом: сам Баба-хан вступит в карабагские, нухинские и елисаветпольские пределы, а шах-зада (наследник престола. — *В. М.*) с Александром, царевичем грузинским, в Бамбакскую и Шурагельскую провинции. Лезгины же, им возмущенные, должны в то же самое время атаковать вдоль реки Алазани»¹¹⁰.

В Карабах через Аракс вошла 20-тысячная персидская армия во главе с Аббас-мирзой, персы активизировались и на других направлениях¹¹¹. Временно командующий русскими войсками генерал-лейтенант Глазенап, беспокоясь за Карабах, отправил туда отряд генерал-майора П.Ф. Небольсина (два батальона Троицкого мушкетерского полка и отдельная команда из 17-го егерского полка во главе с Котляревским). Он присоединил к себе и батальон Лисаневича, стоявший в Шуше (это увеличило численность отряда до 1,6 тыс. чел.)¹¹². В ходе двух сражений 8 июня, около Аскерана, и 13 июня, при Ханашинском ущелье, персы были разгромлены наголову и бежали за Аракс¹¹³. Как пишет В. Соллогуб, «отряд встретил неприятеля 8 июня, между Шах-булахом и Аскераном, и подвинулся на 16 верст, посреди открывавшегося по нем[у] огня, причем Котляревский, по засвидетельствованию Начальника отряда генерал-майора Небольсина, шел с егерями впереди, и с неустрашимостью поражал неприятеля, открывал свободный ход нашему каре, во всех местах поспевая своим распоряжением. 13-го числа происходило упорное сражение близ Ханашинского Дефиля. Аббас-мирза, раздраженный постоянными неудачами, потребовал от войска своего, состоявшего из 16 тыс. человек конницы и 4 тыс. пехоты, клятвенного обещания победить русских или умереть. Несмотря на выгодную позицию, на данную клятву, персияне после 5-часовой упорной борьбы бежали за Аракс, оставив до 1000 человек убитыми. Весь же русский отряд состоял из 1644 человек. Во время сражения Котляревский со своими егерями был командирован на левый фланг, где сбил сильного неприятеля с первой высоты, но сам был окружен и почти совершенно отрезан от каре, однако ж со свойственной ему неустрашимостью заставил неприятеля отступить. 4 раза персияне овладевали высотами, откуда могли громить русский отряд, и 4 раза Котляревский сбивал их с позиции, наконец обратил их в бегство и тем довершил победу»¹¹⁴.

* * *

В очередной раз военные действия возобновились в конце 1807 г. и почти сразу же закончились неудачами персидской армии. Шах и Аббас-мирза вновь предложили переговоры, почти остановившиеся в феврале 1808 г., т.е. сразу же после своего начала¹¹⁵. В сентябре 1808 г. в Персию прибыло английское по-

сольство, и в результате долгих переговоров в марте 1809 г. было заключено предварительное соглашение об оказании Тегерану ежегодной финансовой помощи в 120 тыс. туманов, поставке 20 тыс. ружей и 20 орудий со всеми необходимыми для них запасами¹¹⁶. Фетх-Али обязался не предоставлять свою территорию третьей стране для нападения на Индию и заменить в своей армии французских инструкторов на английских¹¹⁷. Союз с Англией добавил шаху решимости, кроме того, его явно вдохновляла затянувшаяся война России с Турцией.

В результате военные действия между Персией и Россией возобновились. Русская армия на Кавказе оставалась крайне немногочисленной — две дивизии пехоты и 8 казачьих полков¹¹⁸. Поэтому против персидской армии новый главнокомандующий граф И.В. Гудович смог выставить только 3-тысячный отряд генерал-майора Небольсина, который стал действовать крайне решительно и успешно. В сентябре 1808 г. был взят Эчмиадзин, в октябре — Нахичевань. Столкновение за обладание Нахичеванским ханством оказалось крайне непростым, так как Небольсин вынужден был сражаться со всем войском Аббас-мирзы (около 25 тыс.)¹¹⁹. В том сражении в очередной раз отличился и Петр Котляревский, получивший в декабре 1807 г. чин полковника¹²⁰. Подробности сражения привел в биографии Котляревского В. Соллогуб: «Отряд бодро перешел в октябре месяце, в самую ненастную погоду, через каменистые крутизны и снежные вершины Карабагские и, выходя из ущелья близ деревни Карабаба, был встречен 28 октября Аббас-мирзой. Персидская пехота, разделенная на две половины, шла с 12-тью орудиями, а конница прикрывала оную впереди и по флангам, оставя свой центр против нашего в 1 ½ версты. Персидские всадники, бросившись вперед, атаковали русских егерей, усиливаясь обскакать их в тыл, но были удержаны огнем орудий и стрелками, а между тем и персидская пехота подоспела и, как донес Небольсин, колеблема была наша победа. Троицкий полк бегом, и артиллерия на рысях, подоспели к месту сражения в помощь нашему левому флангу, на который особенно напирал неприятель. Но левым флангом командовал Котляревский. При первой встрече с неприятелем он сбил его с первой выгодной высоты, занял ее и устроил на ней батарею, при помощи которой сильно поражал персиян; когда же неприятель чрезмерно стремился отрезать сию возвышенность, Котляревский неоднократно опрокидывал персиян штыками, подавая своим мужеством и храбростью пример подчиненным, и по долговременном, упорном сражении (продолжавшемся от 8-ми часов утра до 8-ми часов вечера) принудил штыками неприятеля бежать, оставя одну пушку, и сверх того преследовал его более трех верст. Обращенные в бегство персияне, кроме отбитой Котляревским пушки, лишились еще двух других и оставили на месте до 300 тел»¹²¹.

* * *

Поддержка Лондона позволила Фетх-Али ужесточить требования на русско-персидских переговорах в Аскерани, которые начались 19 мая 1810 г. Согласившись поначалу на российские предложения об условиях перемирия,

представитель шаха внезапно резко переменяет тон. Тогдашний главнокомандующий генерал А.П. Тормасов немедленно прервал переговоры и вернулся в Тифлис. Военные действия возобновились...

Для того чтобы лишить персов опорной позиции на Араксе — пограничного укрепления Мегри, откуда совершались набеги на Карабах, — в июне 1810 г. к ней направили 3-й батальон 17-го егерского полка под командованием полковника П.С. Котляревского в составе 400 чел. (по требованию Тормасова карабахский Мехти-Кули-хан должен был выслать в помощь конную милицию численностью 250 человек, однако прислал только 40)¹²². Само Мегри было расположено в труднодоступной местности и хорошо укреплено персами, которые держали там внушительный гарнизон. На подходах к этому селению персидское командование поставило несколько батарей, прикрыв их засеками¹²³.

В.А. Потто подчеркивает, что русский военачальник осознанно отказался от артиллерии в этом походе¹²⁴, думая о результате и понимая, что фактор неожиданности может привести к успеху, а любая задержка, наоборот, к дополнительным потерям среди солдат: «Котляревский, желая избежать бесполезной траты людей среди засек и батарей, решил идти не по дорогам, а пробраться со своим батальоном без пушек по вершинам карабахских гор такими тропами, которые даже местными жителями считались недоступными»¹²⁵. 12 июня он выступил из лагеря со своим отрядом¹²⁶ и три дня двигался по горной местности — «то спускался в ущелья, то карабкался на утесы, над пропастями» — и 15-го очутился уже в местечке Гярове, в 5 верстах от Мегри. Там Котляревский оставил весь вьючный обоз под охраной ненадежных карабахских всадников и дальше пошел налегке с егерями¹²⁷. Понимая важность атаки столь защищенного места с нескольких сторон, он разделил отряд на три части: по левому хребту пошла команда из 150 егерей с майором Дьячковым, по правому пошел сам с еще 150 егерями, а по центру отправил 100 егерей. Начав атаку 15-го днем, Котляревский, невзирая на отчаянное сопротивление персидских сарбазов, к утру 16 июня захватил Мегри и господствующие высоты. Последняя батарея Сабет, расположенная в малодоступном месте рядом с Мегри, была занята в ночь на 17-е, остатки персидского гарнизона, в панике бросаясь с утесов, стремительно бежали за Аракс¹²⁸. Противник потерял только убитыми около 300 чел. Русские потери составили 6 убитыми, 29 человек было ранено¹²⁹, в том числе и сам Котляревский — пулей в левую ногу¹³⁰. За взятие такого стратегически важного и почти неприступного пункта, как Мегри, да еще в таких тяжелых условиях и с минимальными потерями, полковник Котляревский получил орден Св. Георгия 4-й степени¹³¹.

Аббас-мирза, получив известие о том, что Мегри в руках русских, был в бешенстве и потребовал немедленно выбить их оттуда. Русское командование, как и Котляревский, отлично понимало, что для противника Мегри является важнейшей позицией (так как, по словам генерал-майора Небольсина, «Ми-

гри считается у персиян ключом Карадага и Тавриза, который от одного 100 верст»¹³²), и он попытается вернуть ее под свой контроль. Тормасов, беспокоясь об отряде Котляревского, на который пойдут многократно превосходившие его персидские войска, приказал ему скрыть укрепления в Мегри и отступить, однако ставший уже легендой полковник ответил, что «занял Мигри не с тем, чтобы отдавать его персиянам»¹³³. Более того, в своем рапорте генералу Небольсину Котляревский настаивал, что «ежели бы и сам он, Аббас-мирза, туда прибыл, то он, Котляревский, надеется дать отпор», тем более что «своими укреплениями сделал оное для персиян неприступным»¹³⁴.

Персы быстро подтянули к Мегри свежие силы. Помимо остатков гарнизона и находившегося у Аракса дяди Аббас-мирзы Амир-Хана с 1 тыс. человек¹³⁵, туда направили персидский корпус под командованием Ахмет-хана Тавризского. Общая численность войск, собранных против Котляревского, превышала 10 тыс.¹³⁶

Котляревский оказался прав — на такой неприступной позиции он мог устоять против любого противника. Единственный враг, способный его выдвить, был голод, поэтому он попросил помочь ему с провиантом. Именно это Тормасов мог сделать, так как подбросить крупное подкрепление не было ни времени, ни свободных сил. Две свежие роты егерей под командою майора Терешкевича успели проскочить в Мегри с необходимым запасом продовольствия и боеприпасов до того, как персы перекрыли дорогу. Провианта, по подсчетам самого Тормасова, «достаточно будет до сентября месяца», поэтому Котляревский мог выдержать самую плотную блокаду¹³⁷. Ахмет-хан, узнав о подходе русского транспорта, перешел через Аракс с пятитысячным отборным войском, часть из которого он тут же бросил на перехват Терешкевича, однако Котляревский опередил персов и в этом случае, прикрыв подход провианта своими солдатами. Персидский командующий попытался отвести от осажденных в Мегри воду, но и здесь блистательный русский полковник, предвидя этот ход, подготовился и укрепил выход к реке двумя батареями, которые быстро отбили у персов всякое желание атаковать. Последние окружили Мегри плотным кольцом и вели вялую перестрелку, будучи не уверенными в успехе штурма¹³⁸. Тогда они попросили совета британских офицеров, которые находились при командующем. Однако и они после тщательного осмотра местности заявили о бесполезности штурма и порекомендовали отойти. 3 июля 1810 г. Ахмет-хан запросил у Аббас-мирзы разрешение на отступление и, получив его, отошел к Араксу, где 5-го начал переправлять войска и артиллерию на противоположный берег¹³⁹.

Котляревский вечером того же числа скрытно выступил из Мегри, как всегда, налегке — солдаты шли без ранцев, только с оружием¹⁴⁰. Весь отряд состоял из 460 егерей и 20 казаков. Противник же к ночи смог переправить на другую сторону реки только конные подразделения с фальконетами, остальные войска, в том числе вся пехота, расположились лагерем на берегу. Как

пишет В. Соллогуб, «Котляревский тихо спустился на равнину, окружающую неприятеля. Тут он разделил свой отряд на три части, майору Дьячкову приказал обходить справа, майору Терешкевичу слева, сам пошел в середине. Так подкрался он в темноте, с 3-х сторон к неприятелю, уверенному в своей силе и не расставившему даже караулов. Русские были уже на ружейном выстреле, когда испуганный неприятель открыл огонь. Тогда егеря, по команде, дружно ударили в штыки. Персияне, атакованные со всех сторон, или падали под ударами, или бросались в смятении в Аракс, куда провожали их выстрелы. Панический страх, обуявший их, был так велик, что и расположенные уже по ту сторону Аракса войска бросились бежать в горы. В реляции дела сказано, что нельзя определить с точностью урона неприятеля по его чрезвычайности. За исключением 500 человек, которым при самом начале атаки удалось бежать к Ордубаду, все прочие или падали под штыками, или бросались в Аракс, но из последних едва ли третья часть спаслась, потому что они бросались все вдруг и от великого их стеснения в Араксе и от наших пуль большая часть из них погибла. Число отряда едва было достаточно, чтоб успевать колотить, а в плен брать не доставало рук. Все оставшееся неприятельское оружие Котляревский приказал потопить в Араксе, потому что не на чем было свезти его с берега. С нашей стороны показано убитыми 4 человека, ранеными 13, из коих 4 во время пятидневной осады, столь безуспешно предпринятой персиянами»¹⁴¹. За блистательную победу на Араксе полковник Котляревский был награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость»¹⁴².

Таким образом, попытка персов вернуть Мегри обернулась для них еще одним тяжелым поражением. Как написал Тормасов в своем отношении к графу Румянцеву (от 18 августа), «занятие отрядом войск наших крепкого по местоположению своему сел. Мигри, лежащего на самом Араксе, только в 100 верстах от Тавриза, которое стоило персиянам большого урона, и потом вторичное поражение их при сем же месте отняло у них охоту нападать больше на сей важный пункт, который, как видно, наносил им великое беспокойство, так что теперь по известиям Персидское правительство неутомительно занимается укреплением самого Тавриза...»¹⁴³.

* * *

Осенью 1811 г. произошла очередная смена командующего русскими войсками на Кавказе — Тормасова сменил генерал-лейтенант маркиз Ф.О. Пауллучи, неплохо знавший Кавказ и уже воевавший там.

Собственное поражение под Ахалкалаки в 1810 г. весьма сильно подействовало на персов, но еще более сильным оказалось впечатление от другой русской победы. В ночь с 7 на 8 декабря 1811 г. эта крепость, считавшаяся неприступной, была взята штурмом всего лишь двумя батальонами Грузинского гренадерского полка под командованием доблестного полковника Котляревского¹⁴⁴.

Как объясняет в своем рапорте Александру I маркиз Паулуччи (от 14 декабря), «для блага здешнего края, считая необходимо нужным как наипоспешнее покорить оружием кр. Ахалкалаки, дабы приобретение сие можно было поместить в мирном трактате с Турками, который предполагается близким к заключению, я решился послать отряд войск под командою полк. Котляревского, состоящий из двух баталионов храброго Грузинского гренадерского полка и 100 казаков, для нечаянного вступления в Ахалкалакскую область и для взятия самой крепости»¹⁴⁵.

Паулуччи считал важным использовать фактор внезапности при штурме крепости, считавшейся неприступной. Для исполнения подобной трудной задачи, тем более в зимний период, нужен был неординарный военачальник, поэтому маркиз остановился на кандидатуре героя Мегри полковника П.С. Котляревского. Как докладывал впоследствии Паулуччи в Петербург, «храбрый и распорядительный полк. Котляревский, сохранив всю предписанную ему от меня осторожность в исполнении сего предприятия и преодолев мужественно со вверенным ему отрядом тяжелый переход через горы и Триалетскую степь, покрытые глубоким снегом, также ужасные метели в пути ему случившиеся, неожиданно явился у стен Ахалкалакских в ночи с 7-го на 8-е число сего месяца, не быв открыт неприятелем, и в то же самое время, имея с собою складные лестницы, привезенные им на вьюках, предпринял решительный штурм, не давши опомниться гарнизону крепости»¹⁴⁶. Штурм был начат и закончен в течение полутора часов глубокой ночью¹⁴⁷. От янычар, оборонявших крепость, осталось только 47 человек, «положивших оружие и взятых в плен», тогда как русский отряд потерял одного унтер-офицера убитым и 29 человек — ранеными. Победителям досталось «16 крепостных орудий с лафетами во всей исправности, кроме нескольких других без лафетов, лежавших на стенах, 40 пудов пороху и большое количество прочих снарядов и припасов»¹⁴⁸. Также в число трофеев Котляревского попало и главное знамя крепости, которое вместе с его донесением незамедлительно отправили в Тифлис¹⁴⁹. За столь блистательно проведенный поход Петр Котляревский получил свой первый генеральский чин (он стал генерал-майором русской армии в 29 лет!)¹⁵⁰.

* * *

В сентябре 1812 г. попытка переговоров с целью заключения мира в очередной раз провалилась: Аббас-мирза начал их с требования возвращения карабахского, ширванского и шекинского ханств, а позже потребовал уступки Баку, Кубы, Дербента, Елисаветполя и Шурагеля. Подобное поведение объяснялось новостями об успехе наполеоновского вторжения в Россию. Переговоры были прерваны, и вновь начались военные действия, на чем настаивал генерал Котляревский, считавший, что единственным путем к ускорению мира будет полная победа над противником¹⁵¹.

20 октября 1812 г. Котляревский наголову разбил войска Аббас-мирзы в построенном английскими инженерами укреплении Асландуз. Несмотря на заключение мира между Россией и Англией и приказ Лондона покинуть Персию, британская военная миссия осталась с персидской армией и приняла участие в сражении, потеряв при этом несколько офицеров¹⁵². Их попытки привести в порядок персидскую армию разбились о противоречивые команды наследника персидского престола, который немало способствовал хаосу при отступлении¹⁵³. Персидская армия насчитывала до 30 тыс. чел., из которых 14 тыс. составляла регулярная пехота¹⁵⁴.

Противник превосходил отряд Котляревского более чем в 10 раз¹⁵⁵, и именно поэтому он решил наступать. План молодого генерала был прост и понятен: намечавшееся нашествие персидской армии на Закавказье предотвратить «можно было уже не маловажными стычками с разосланными отрядами, а решительным, неожиданным и отчаянным ударом в самое сердце Персидского войска»¹⁵⁶.

18-го числа Котляревский, как всегда, скрытно и налегке (без шинелей и всего с 40 патронами на человека) выступил в поход¹⁵⁷. Он ночью переправился через Аракс, причем на 15 верст выше персидского лагеря, и сделал стремительный марш-бросок в 70 верст, что позволило зайти к нему с тыла и ошеломить персов. Как рассказывает В. Соллогуб, «отряд сомкнулся в каре и двинулся вперед, предшествуемый татарской конницей и казаками. В таком порядке устремился он прямо в тыл неприятелю со стороны Персии. На пути встречались персияне, которых брали без выстрела. Наконец показался Персидский лагерь и часть войска, бывшего тогда на ученье. Рассказывают, что, когда стали вдаль показываться наши татары, Аббас-мирза сказал сидевшему подле него английскому офицеру: вот какой-то Хан едет ко мне. Англичанин, посмотрев в зрительную трубу, передал ее Аббас-мирзе и возразил хладнокровно: нет, это не Хан, а Котляревский. Аббас-мирза, желая скрыть свое смущение, заметил с досадой, что поросята сами лезут на нож, но вскоре он испытал, что на него нападают львы. В лагере никто не подозревал возможности столь смелого покушения. Русские были уже на довольно близком расстоянии, когда персидские солдаты бросились бежать в разные стороны, а потом по призыву офицеров стали строиться в правильные колонны. Между тем Котляревский составил для лучшего напора в штыки три каре с растянутыми передовыми фасадами, и расположил егерей по фасадам, а конницу между кареев. Приближаясь к лагерю, Котляревский заметил, что командовавшая неприятельской позицией гора была занята только одной конницей. Первый свой удар он устремил в ту сторону. Аббас-мирза поспешно послал пехоту для защиты горы. Но русские успели уже овладеть ею совершенно, сбив персидских всадников и отрезав лагерь к Араксу. Тогда Аббас-мирза, видя свою ошибку, выступил из лагеря со всеми войсками и, обойдя гору справа, хотел отбить ее у русских, но Котляревский, оставя на горе по одному фасу с каждого каре

и артиллерию с прочими силами, спустился навстречу неприятеля. Грянуло громовое ура, и началась атака в штыки, столь стремительная, столь ожесточенная, что персияне, объятые паническим страхом, обратились в бегство, падая под ударами, и бросились искать спасения, в величайшем расстройстве, за речкой Дараурт. Таким образом, 36 фалконетов, весь персидский лагерь со многими сокровищами и снарядами остались в руках победителей, а персидская конная артиллерия обязана была спасением лишь добротой лошадей»¹⁵⁸.

Но это поражение оказалось только первой частью того совершенного разгрома, которому подверглась персидская армия во главе с Аббас-мирзой. Последний в тот же день собрал свои потрепанные, но еще весьма многочисленные силы в Асландузе, где находилось мощное укрепление, недавно возведенное английскими инженерами. Как отмечал новый командующий Н.Ф. Ртищев в своем рапорте императору (от 31 октября), «деятельный же ген.-м. Котляревский, не оставляя пораженного им врага, 20-го числа перед рассветом вновь атаковал персидские войска и разбил их совершенно. Самое место Асландуз, укрепленное по правилам фортификации английскими инженерами, устроенное на горе, обнесенное палисадником и окруженное двумя глубокими рвами, штурмовано и взято мгновенно. 11 орудий английской артиллерии, более 500 пленных сарбазов (регулярных персидских солдат, образованных сначала французами, а более еще впоследствии англичанами), в том числе 1 полковник и несколько других чиновников, более 1,200 убитых на месте ознаменовали сию важную победу. Баба-ханов сын бежал постыднейшим образом. Из 12 орудий, у него бывших, спас только 1. Четыре батальона отборнейшей персидской регулярной пехоты совсем почти уничтожены, особливо же из батальона, защищавшего самое укрепление, не спасся ни один человек»¹⁵⁹.

Кавалерия принца бежала в самом начале боя, а пехота попыталась отсидеться в укреплении, за палисадом и двумя глубокими рвами. Однако Котляревский быстро взял штурмом и его¹⁶⁰. Поражение было полным, согласно донесению самого победителя, на поле боя осталось 1200 убитых сарбазов, в плен захвачено 565 чел., 3 знамени и 11 орудий¹⁶¹. В. Соллогуб рассказывает, что «при проверке раненых и убитых персиян насчитано до 9000. Но Котляревский в донесении своем этого числа не выставил, и донес, что тел неприятельских на месте осталось 1200 и что 4 Персидские батальона истреблены. Когда ему сказали потом о действительно найденном числе убитых неприятелей и спрашивали, не нужно ли приготовить дополнительное донесение, он отвечал: «Напрасно писать, не поверят». В числе убитых находился и английский офицер Кристлей, командовавший Персидской артиллерией... Кроме того, в лагерь явилось 57 ч. русских солдат, бывших в плену у персиян»¹⁶². Аббас-мирза едва сам не попал в руки преследовавших противника казаков и бежал в сопровождении всего 20 всадников. Его придворный историограф отметил, что «когда принц, воодушевляя ратников, предался размышлениям о средствах к спасе-

нию, лошадь его внезапно споткнулась и оборвалась в глубокую яму, отчего его высочество изволил свое благородство перенести с седла на землю»¹⁶³.

Как отметил Н.Ф. Ртищев в рапорте императору (от 31 октября 1812 г.), «таким образом, в Асландузе, на том самом месте, где за несколько дней перед сим происходил мирный конгресс и где персидское правительство, по слепой уверенности на свое могущество, обнаружило высокомерие выше всяких пределов, гордость персиян поправа, и неприятельские их замыслы уничтожены, благодаря Богу, с весьма малою потерей со стороны храбрых войск В. И. В., простирающеюся только до 130 чел. убитыми и ранеными»¹⁶⁴. Наиболее лаконичный и справедливый итог двухдневного сражения Котляревского с персами подвел военный историк А.А. Керсновский: «Персидская армия перестала существовать в первые утренние часы 20-го октября, и с ней рассеялся кошмар неприятельского нашествия»¹⁶⁵.

Пораженный блестящей победой своего подчиненного, Ртищев в следующем рапорте императору (от 21 ноября 1812 г.) подробно изложил ход действий Котляревского в ходе Асландузского сражения и попросил для него «за разбитие 19-го числа главных персидских сил и овладение всем лагерем, чина ген.-лейтенанта, а за приобретение 20-го числа всей неприятельской артиллерии, за взятие штурмом Асландузского укрепления и за совершенное рассеяние неприятельской армии, — ордена св. Георгия 3 ст., по статуту»¹⁶⁶. Александр I не стал изменять награды для Котляревского, незамедлительно произведенного в генерал-лейтенанты и получившего орден Св. Георгия 3-й степени¹⁶⁷, а самому ходатаю послал орденские знаки Св. Александра Невского¹⁶⁸.

К концу трудного года осталась только одна проблема — персидский форпост в Талышском ханстве — крепость Ленкорань. Как подчеркивают современные историки В.В. Дегоев и И.И. Стамова, Аббас-мирза планировал сохранить это ханство «в своих руках как вещественный залог для будущих мирных переговоров»¹⁶⁹. Именно туда отправился Котляревский с отрядом из 1,5 тыс. человек пехоты и около 500 человек кавалерии с 6 орудиями¹⁷⁰. Как докладывал впоследствии Ртищев императору, его блистательный подчиненный, «17-го числа прошлого декабря выступивший из Карабага, прошед в самое худое нынешнее время пространную Муганскую (или змеиную) степь без дороги, без воды и без дров, рассеял по пути своем несколько сильных неприятельских партий, прикрывавших кочевой Карабагский народ, при моем предместнике увлеченный персиянами в плен, отбил до 3 т. сих семейств»¹⁷¹. По пути к Ленкорани 22-го он взял построенное англичанами укрепление Аркеван, где захватил два орудия, а располагавшийся там значительный персидский отряд был выбит и разбит на следующий день¹⁷².

25 декабря к Котляревскому присоединился небольшой морской десант Каспийской флотилии под командованием капитана 1-го ранга Веселаго, а на следующий день весь отряд уже расположился перед самой крепостью. Она, как отмечает В. Соллогуб, «наводила, по словам очевидца, истинный ужас: ее

валы и высокие каменные стены, увенчанные зубцами, выказывали повсюду грозные зевы орудий, а кругом, со всех почти сторон, видны были обширные болота»¹⁷³. Поскольку эту крепость незадолго до этого заново укрепили при помощи английских офицеров¹⁷⁴, ее 4-тысячный гарнизон был полностью уверен в ее неприступности. Котляревский докладывал: «27-го потребовал я у командующего Сардаря Садых-хана сдачи крепости. Ответ его был гордым и состоял в том, что он будет защищаться»¹⁷⁵. Комендант категорически отверг предложение о сдаче на условиях сохранения жизни и имущества. «Напрасно Вы думаете, генерал, — отвечал он Котляревскому, — что несчастье, постигшее моего Государя, должно утратить меня. Один Бог располагает судьбою и знает, кому пошлет свою помощь»¹⁷⁶.

Получив известие о том, что к крепости на помощь идет из Тебриза Аббас-мирза, Котляревский понял, что отступление может закончиться уничтожением его отряда, и назначил на 31 декабря штурм. Накануне Котляревский написал: «Мне, как русскому, остается только победить или умереть, ибо отступить значило бы посрамить честь оружия русского»¹⁷⁷. Таким образом, на обложение крепости и подготовку атаки ушло всего пять дней — с 26 по 31 декабря 1812 г.¹⁷⁸ В приказе войскам говорилось: «Истошив все средства принудить неприятеля к сдаче крепости, найдя его к тому непреклонным, не остается более никакого способа покорить крепость сию оружию Российскому, как только силою штурма. Решась приступить к сему последнему средству, даю знать о том войскам и считаю нужным предварить всех офицеров и солдат, что отступления не будет. Нам должно взять крепость или всем умереть, затем мы сюда присланы»¹⁷⁹.

Штурм начался перед рассветом 31 декабря и продолжался в течение трех часов. Подробное описание штурма приводит первый биограф Котляревского В. Соллогуб: «В 5-м часу пополуночи... войска тронулись, но, не доходя еще до назначенных им пунктов, были встречены сильным неприятельским огнем. Сам Котляревский оставался на ближайшей батарее, наблюдая за ходом дела. Невзирая на отчаянное сопротивление, войска спустились в ров и поставили лестницы, но тут осажденные, значительно превышающие их числом, ожидали их с пиками, рогатинами, подсветами и ручными гранатами. Колонны остановились в недоумении; Подполковник Ушаков и многие офицеры были уже убиты, а число персиян на стенах поминутно увеличивалось. Тогда Котляревский, видя гибель отряда, бросился сам в ров и над трупом Ушакова начал ободрять солдат. Вокруг его валились толпами люди и длился жестокий убийственный бой. Над крепостью стояло красное зарево от неумолкающей пальбы и висевших на стенах решеток с горючими веществами. В один миг Котляревский ранен в ногу. Придерживая рукою колено, он спокойно повернул голову и, продолжая ободрять войска, громко крикнул: “Сюда!” Солдаты кинулись вперед. Тогда две пули снова поражают Котляревского. Одна ударяет прямо ему в лицо, обагрив его кровью, раздробляет ему челюсть, — без чувств падает он тогда на грудь тел лежащих во рву, и в эту минуту над голова-

ми осаждающих раздается крик победы и солдатское ура вместе с проклятиями персиян. Храбрый майор Грузинского Гренадерского полка князь Абхазов с одной ротой успел овладеть батареей. Неприятель уже уверенный в победе тщетно бросился, чтоб ее отнять, — самое отбитое у них орудие встретило их картечью, а штыки отражали нападение. В это время вторая колонна овладела другой батареей и тотчас же обратила другое орудие против неприятеля, чем облегчила 3-й колонне возможность овладеть 3-й батареей. Солдаты в пылу боя карабкались на стены и ухватывались за дула ружей, из коих персияне стреляли в них в упор. Так как персияне не выпускали из рук ружей, то помогали сами тем осаждающим взобраться на стены, — так, что в скором времени все избегнувшие смерти очутились в середине укреплений. Тогда по очищении трех стен начался по середине крепости отчаянный рукопашный бой. Сардар Садых-Хан и прочие бывшие с ним 10 ханов честной смертью искупили свое упорство, но зверские способы защиты до того ожесточили солдат, что пленных не брали. Все падало под штыками. Видя свою неминуемую гибель, персияне начали бросаться через четвертую стену в речку Ленкорань, надеясь тем снискать себе спасенье. Но по ту сторону речки, справа по течению их ожидали два орудия с прикрытием 80-ти человек; слева они наткнулись на роту, ходившую тоже с орудием в фальшивую атаку. Несчастные беглецы попали таким образом между перекрестным огнем. Число убитых было так велико, что вода обагрилась их кровью и речка, по выраженью рапорта Котляревского, сделалась кровавою»¹⁸⁰.

Урон персов, согласно донесению Н.Ф. Ртищева, посланному в Петербург, «превосходит всякое ожидание. Из всего неприятельского гарнизона никто не спасся; все легли на месте битвы. Сам сердар Садык-хан и все ханы с ним бывшие положили головы свои в потерянной ими крепости; более 2,500 остались убитыми на стенах и в крепости; остальные, искавшие спасения в речке Ленкоранке, будучи гнаты по ней с противного берега пулями и картечь[ю] в море, все там погибли»¹⁸¹. Соллогуб уточняет, что «по вернейшим сведениям похоронено тальшинцами убитых в крепости и на берегу Ленкорани 3737 человек, в число коих не вошли унесенные течением в море»¹⁸².

Русский отряд потерял 341 чел. убитыми (16 штаб- и обер-офицеров, 325 нижних чинов) и 609 ранеными (25 офицеров и 584 солдата)¹⁸³. Однако главной потерей для всей русской армии стали три ранения Котляревского (самое тяжелое — пулевое в голову)¹⁸⁴, которые поставили крест на его дальнейшей военной службе. За свой последний подвиг он был награжден орденом Св. Георгия 2-й степени¹⁸⁵.

Трофеями, согласно рапорту Ртищева, стали «2 совершенно истребленных 2 батальонов сарбазов, 8 орудий артиллерии английской работы, булава Садык-хана, означающая повелительное его достоинство, пороховой погреб с множеством пороха и снарядов и богатый магазин с провиантом»¹⁸⁶.

«Пусть строгие тактики, — писал после взятия Ленкорани Котляревский, — называют штурм сей дерзостью: в позднейшие времена предастся,

что тысяча пятьсот русских штурмовали крепость, защищаемую четырьмя тысячами персиян; предастся также и то, что девиз штурмовавшего отряда был: всем умереть или взять крепость!»¹⁸⁷. Как справедливо замечает Дж. Ватейшвили, «два сражения, имевшие здесь место в конце 1812 года и в самом начале 1813 года, — под Асландузом и в Ленкорани, прославили имя героя, вписав его золотыми буквами в историю военного искусства»¹⁸⁸.

Весть о падении крепости вызвала панику в Персии¹⁸⁹. «Известие о взятии Ленкорани, — писал персидский придворный историк, — породило в делах Ирана некоторую слабость. Персидские военачальники спешили обратить свои лица к стороне Тавриза»¹⁹⁰. Иначе говоря, они побежали. Вынужден был вернуться и Аббас-мирза, так и не решившись атаковать отряд, в котором осталось чуть более 500 здоровых солдат и офицеров, а командир которого был сильно искалечен. Значение этой победы не поддается переоценке. «Обладание Ленкоранью, и только оно, — докладывал императору 4 марта 1813 г. граф Н.П. Румянцев, — сделает мир прочным и обеспечит безопасность, которая только и может придать ему цену — безопасность от нападения Персии в будущем, если бы Вашей империи пришлось, как сейчас, воевать в Европе. Аббас-мирза, столь хорошо понимающий государственные интересы державы своего отца, рассматривает Ленкорань как ключ к Персии; это действительно так»¹⁹¹. Ценность побед Котляревского подчеркивал в своих докладах в Петербурге и Ртищев: «сии два жестокие удара, один за другим нанесенные, не только чувствительны для Аббас-мирзы, управляющего Азербейджаном, но неизлечимы и для самой Персии»¹⁹².

12 октября 1813 г. в местечке Гюлистан в Карабахе был подписан мирный договор. Персия признавала переход к России Карабахского, Гянджинского, Шекинского, Ширванского, Дербентского, Кубинского, Бакинского и Талышского ханств, а также Дагестана, Восточной Грузии вместе с Шурагельской провинцией, Имеретии, Гурии, Мингрелии и Абхазии (ст. 3). Россия получала исключительное право держать флот на Каспийском море (ст. 5), купцы обеих стран получали право свободной торговли (ст. 8), пошленные сборы не должны были превышать 5% (ст. 9), перебежчикам обеих сторон даровалась амнистия (ст. 6). Шах признавал условия за себя и своих преемников, Россия обязалась признать его наследником того из сыновей Фетх-Али, кого выберет он сам, но имя наследного принца так и не было названо. В случае спора между сыновьями шаха Россия обязывалась не вмешиваться в события вплоть до просьбы персидского монарха, если таковая последует (ст. 4)¹⁹³. Современные историки В.В. Дегоев и И.И. Стамова, оценивая данный договор, подчеркивают, что «вместе с огромной территорией в Восточном Закавказье Россия приобрела побережье Каспия от Дербента до Астары. Это существенно усилило ее геополитические позиции, придало большую “естественность” и надежность новым границам Российской империи, во всяком случае — по сравнению с юго-восточными границами Картло-Кахетии»¹⁹⁴.

* * *

После кровавого штурма Ленкорани генерал Котляревский прожил еще 39 лет, практически вторую жизнь, но она кардинально отличалась от первой. Другими словами, участие в штурме персидской крепости раскололо его жизнь на две практически равные части: первая — жизнь воина и полководца, вторая — фактически «живого мертвеца».

В 1838 г. он купил у бывшего градоначальника Феодосии и кавказоведа С. Броневского мызу на самом взморье, названную им «Добрый Приют». Это место действительно стало добрым приютом как для самого Котляревского, так и для его родных и близких. С ним жили и две его племянницы, и его друг и сослуживец майор О.И. Шультен. Генерал от инфантерии Петр Степанович Котляревский умер 21 октября 1852 года и был похоронен рядом со своими близкими в саду Доброго Приюта.

Примечания

¹ *Соллогуб В.* Биография генерала Котляревского. СПб., 1854. С. 8.

² Там же.

³ *Пушкин А.С.* Сочинения: В 3 т. М., 1986. Т. 2. С. 21.

⁴ *Ватейшвили Дж.* Генерал П.С. Котляревский. Очерк жизни и боевой деятельности. Тб., 1980. С. 6.

⁵ *Соллогуб В.* Указ. соч. С. 11.

⁶ *Ватейшвили Дж.* Указ. соч. С. 6.

⁷ *Соллогуб В.* Указ. соч. С. 12–13.

⁸ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7060. Л. 50об.

⁹ *Соллогуб В.* Указ. соч. С. 13.

¹⁰ Там же. С. 14.

¹¹ *Бобровский П.* Кубанский Егерский корпус // Военный сборник. 1893. № 2. С. 205, 215.

¹² *Соллогуб В.* Указ. соч. С. 16.

¹³ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7060. Л. 51.

¹⁴ *Соллогуб В.* Указ. соч. С. 17.

¹⁵ Там же. С. 17–18.

¹⁶ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7060. Л. 50об.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Кавказский вектор российской политики: Сборник документов. Т. 2. Кн. 2. 1796–1864 гг. М., 2014. С. 178. (далее: КВ).

¹⁹ Там же. С. 173.

²⁰ Там же. С. 180–181.

²¹ Как отмечал Коваленский в своем письме Кноррингу, «царь со всеми знатными светскими и духовными вельможами выехал на встречу, в сопровождении более десяти тысяч народа; в городе же, вид амфитеатра имеющем, все крышки домов были усыпаны женщинами и по единообразному их из белого холста одеянию, казали собою прекрасный вид рассеянного по городу лагеря. Пушечная пальба и колокольный по всем церквам звон возвышали сие празднество, а радостные восклицания народа, движения и самые слезы, особливо женщин, усовершенствовали сию трогательную картину братского приема и неложной преданности к нам народной» (КВ. Т. 2. Кн. 2. С. 181).

²² *Ватейшвили Дж.* Указ. соч. С. 8.

²³ АКАК. Т. 1. С. 75.

²⁴ *Ватейшвили Дж.* Указ. соч. С. 8.

²⁵ КВ. Т. 2. Кн. 2. С. 195.

²⁶ Там же. С. 199.

²⁷ АКАК. Т. 1. С. 154.

²⁸ КВ. Т. 2. Кн. 2. С. 202–203, 204.

²⁹ *Ватейшвили Дж.* Указ. соч. С. 12.

³⁰ *Соллогуб В.* Указ. соч. С. 25, 26. Хотя в послужном списке указана другая дата производства в чин штабс-капитана — 5 декабря 1800 г. (РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7060. Л. 50об.).

- ³¹ КВ. Т. 2. Кн. 2. С. 205.
- ³² *Волхонский М.А.* Принцип реал-политик в российско-грузинских отношениях XVI — начала XIX в. // Кавказский сборник. М., 2011. Т. 7 (39). С. 55.
- ³³ КВ. Т. 2. Кн. 2. С. 213–216.
- ³⁴ Там же. С. 213.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. С. 214.
- ³⁸ Там же. С. 214. Интересное замечание в документе насчет лени местного населения: «народ сам по себе весьма ленив и лучше желает скитаться нищим (коих, к несчастью, весьма много), чем работать» (Там же).
- ³⁹ Там же. С. 215.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же. С. 213.
- ⁴³ Там же. С. 214.
- ⁴⁴ В рапорте генерал-майора И.П. Лазарева от 28 декабря 1800 г. сообщалось, что «Е. в. царь Георгий сего числа по полудни в 11 часу представился» (Там же. С. 216).
- ⁴⁵ Там же. С. 217–218.
- ⁴⁶ Там же. С. 217.
- ⁴⁷ АКАК. Т. 1. С. 232.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ КВ. Т. 2. Кн. 2. С. 221.
- ⁵² Там же. С. 221–222.
- ⁵³ *Соллогуб В.* Указ. соч. С. 23–24.
- ⁵⁴ Там же. С. 28–29.
- ⁵⁵ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7060. Л. 51.
- ⁵⁶ КВ. Т. 2. Кн. 2. С. 249–251.
- ⁵⁷ *Потто В.А.* Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. 1. С. 300.
- ⁵⁸ АКАК. Т. 2. С. 5.
- ⁵⁹ Там же. С. 6.
- ⁶⁰ *Ватейшвили Дж.* Указ. соч. С. 8.
- ⁶¹ АКАК. Т. 2. С. 12–15.
- ⁶² См. выше.
- ⁶³ КВ. Т. 2. Кн. 2. С. 272.
- ⁶⁴ Там же.
- В.В. Дегоев и И.И. Стамова подчеркивают, что «главнокомандующий толковал эту задачу вполне конкретно — навести внутренний порядок, устранить злостные формы административно-судебных нарушений, подавить политическую оппозицию и ликвидировать условия для реставрации династии Багратионов» (*Дегоев В.В., Стамова И.И.* Приз для победителя. Международное соперничество на Кавказе в первой трети XIX века. М., 2013. С. 56).
- ⁶⁵ КВ. Т. 2. Кн. 2. С. 273.
- ⁶⁶ «Удаление отсюда всего вообще царского дома... — писал он во всеподданнейшем рапорте от 10 февраля 1803 г., — сделалось мерой необходимой как для собственного блага Грузии, так и для спокойного дел отправления в земле, волнуемой беспрестанными замыслами неприятельских покушений и внутренних мятежей, более вымышляемых, нежели действительных, но не менее приводящих слабые умы в недоверчивость и колебание» (АКАК. Т. 2. С. 69).
- ⁶⁷ *Берже А.П.* Присоединение Грузии к России // Русская старина. 1880. Вып. 5. С. 19.
- ⁶⁸ *Тучков С.А.* Записки. 1766–1808 // Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 годы. СПб., 2002. С. 256.
- ⁶⁹ АКАК. Т. 2. С. 4.
- ⁷⁰ Там же. С. 67.
- ⁷¹ АКАК. Т. 2. С. 114.
- ⁷² Обо всем этом говорилось в высочайшем повелении Цицианову от 26 октября 1803 г.
- Фактически князь получил своеобразную инструкцию для применения и реализации: «Утвердившись таким образом на Черном море, обратите вы помышления ваши на побережные провинции Каспийского моря. А так как для утверждения в тех краях должного уважения к Российской Империи попускать не надобно, чтоб тамошние владельцы дерзали играть принятыми

с нами обязанностями, имеете вы также приступить к приведению в исполнение тех постановлений, кои заключены были между вами и Али-верди-беком, посланцем Бакинского хана. Я тем более обнадеживаюсь в успехе начинания сего, что с помощью флотилии нашей на Каспийском море, в распоряжении вашем находящейся, найдется вы в состоянии отворотить затруднения, которые вам предстоять могут. С занятием Баку и Сальяна жребий прочих ближайших к России побережных мест на Каспийском море уже в руках наших находится будет. По совершении предписания сего, займетесь вы учреждением беспрепятственного сообщения между Баку и Грузиею, которое по занятии Имеретии и Мингрелии, соединив так сказать Каспийское море с Черным, — откроет торговле нашей новый путь, тщетно доныне желанный по причине суровости нравов жителей тех мест» (АКАК. Т. 2. С. 359–360).

⁷³ Потто В.А. Указ. соч. Т. 1. С. 314.

⁷⁴ Там же. С. 127.

⁷⁵ Бенкендорф А.Х. Воспоминания. 1802–1837. М., 2012. С. 71–72.

⁷⁶ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1886. Т. 4. С. 136.

⁷⁷ По подсчетам Дубровина, «действующий отряд состоял: из двух батальонов Севастопольского полка, двух батальонов 17-го егерского, находившихся в Шамшадиле, на пути в Ганжу, одного батальона Кавказского гренадерского полка, трех эскадронов Нарвского драгунского полка и 2-х рот 17-го егерского полка шефского батальона, а остальные две роты этого же батальона должны были присоединиться к ним, по возвращении из Владикавказа, куда они сопровождали царицу Дарью» (Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. 4. С. 137).

⁷⁸ Бенкендорф А.Х. Указ. соч. С. 72.

⁷⁹ Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. 4. С. 139–140.

⁸⁰ Чин капитана П.С. Котляревский получил 3 января 1802 г. (РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7060. Л. 50об.).

⁸¹ Там же. Л. 51.

⁸² Соллогуб В. Указ. соч. С. 31.

⁸³ Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. 4. С. 140.

⁸⁴ Соллогуб В. Указ. соч. С. 31.

⁸⁵ Как уточняет Н.Ф. Дубровин, «половина 6-го часа утра назначалась для начала движения колонн к штурму, чтобы, пользуясь темнотою ночи, можно было приставить лестницы к земляной городской стене» (Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. 4. С. 145).

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ АКАК. Т. 2. С. 592.

⁸⁸ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 162об. Копия.

⁸⁹ Там же. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7060. Л. 51.

В мае 1804 г. он получил и следующий чин майора (Там же. Л. 50об.).

⁹⁰ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел. Сер. 1. Т. 2. М., 1961. С. 71 (далее: ВПР).

⁹¹ Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. 4. С. 437.

⁹² Потто В.А. Указ. соч. Т. 1. С. 324, 356–358.

⁹³ Богданович М.И. История царствования императора Александра I и Россия в его время: В 6 т. СПб., 1869. Т. 3. С. 129.

⁹⁴ Соллогуб В. Указ. соч. С. 38.

⁹⁵ Там же. С. 38–39.

⁹⁶ Несмотря на героическое сопротивление, положение отряда к вечеру 27-го стало критическим: «пикет у мечети был уничтожен, число неприятелей все умножалось, так, что до 15 тыс. человек окружало шаткое укрепление, в котором остатки отряда защищали честь русского оружия. Карягин сверх 2-х контузий был ранен пулей в спину. Котляревский — пулю в левую ногу на вылет, подпоручик Кармазанов убит, капитаны: Татаринцов, Парфенов и Клекин, штабс-капитан Вихляев, поручики: Ладинский, Смагин, князь Туманов, Павленко и Кулябка 2-й;

подпоручики: Жуковский и Гудим-Левкович ранены, нижних чинов убито было 90 человек, ранено 167. Остальные утомленные 4-х суточным боем изнемогли...» (Соллогуб В. Указ. соч. С. 40).

⁹⁷ Там же. С. 208.

⁹⁸ Там же. С. 209.

⁹⁹ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7060. Л. 52.

¹⁰⁰ Соллогуб В. Указ. соч. С. 41, 209.

¹⁰¹ Там же. С. 210.

¹⁰² Потто В.А. Указ. соч. Т. 1. С. 369.

¹⁰³ Потто В.А. Указ. соч. Т. 1. С. 370;

Соллогуб В. Указ. соч. С. 42.

¹⁰⁴ Соллогуб В. Указ. соч. С. 210–211.

¹⁰⁵ АКАК. Т. 2. С. 839.

¹⁰⁶ Соллогуб В. Указ. соч. С. 44.

¹⁰⁷ Богданович М.И. Указ. соч. Т. 3. С. 129.

¹⁰⁸ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 162об — 163об.

¹⁰⁹ Потто В.А. Указ. соч. Т. 1. С. 326.

¹¹⁰ ВПР. Сер. 1. Т. 3. С. 148.

¹¹¹ Богданович М.И. Указ. соч. Т. 3. С. 131.

¹¹² Потто В.А. Указ. соч. Т. 1. С. 386.

¹¹³ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7060. Л. 53.

¹¹⁴ Соллогуб В. Указ. соч. С. 46–47.

¹¹⁵ АКАК. Т. 3. С. 447.

¹¹⁶ Monteith W. Kars and Erzeroum: the campaigns of prince Paskiewitch in 1828 and 1829, and an account of the conquests of Russia beyond the Caucasus, from the time of Peter the Great to the treaty of Turcoman Chie and Adrianople. L., 1856. P. 56–57.

¹¹⁷ Hopkirk P. The Great Game. The struggle for Empire in Central Asia. N.Y.; Tokyo; L., 1992.

¹¹⁸ Казбек Г. Военная история Грузинского гренадерского Его Императорского высочества Великого Князя Константина Николаевича полка, в связи с историей Кавказской войны. Тифлис, 1865. С. 48.

¹¹⁹ Потто В.А. Указ. соч. Т. 1. С. 395.

¹²⁰ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7060. Л. 50об.

¹²¹ Соллогуб В. Указ. соч. С. 49–50.

¹²² АКАК. Т. 4. С. 716.

¹²³ По оценке В. Соллогуба, «самое же Мигри, расположенное у подошвы двух кряжей высоких отвесных скал, с устроенными на них батареями и сильным 2-х-тысячным гарнизоном, предвещало почти непоборимую защиту» (Соллогуб В. Указ. соч. С. 60).

¹²⁴ «...полк. Котляревский уведомляет, что совершенно нет возможности с оружием ходить в тех местах, где он находится, а в случае скорейшей надобности не может успешно производить действие к отражению неприятеля, а за удобность считает делать преграду и отражать неприятеля выстрелами ружейными с пособием Карабагской конницы; с орудиями же будет ему происходить совершенная остановка, а потому и отправил батальон с ним без всякого на колесах обоза, а все нужное поднято на полковых лошадях вьюками», — писал в рапорте генералу Торماسову полковник Асеев (АКАК. Т. 4. С. 715).

¹²⁵ Потто В.А. Указ. соч. Т. 1. С. 497–498.

¹²⁶ АКАК. Т. 4. С. 716.

¹²⁷ Соллогуб В. Указ. соч. С. 60.

¹²⁸ Как пишет Соллогуб, «приступ начался в 3 часа пополудни. Подвигаясь в таком порядке, Котляревский успел разделить неприятельские силы, атаковав их с трех сторон и овладев передовыми высотами. Тогда он остановился в ожидании ночи на полтороружейном выстреле от главных укреплений. Когда же ночь наступила, он взял 100 человек из находившихся с ним на правом кряже и, спустившись тихо с горы, соединился с егерями, отправленными против селения; для развлечения же неприятеля, остальным 50-ти, под командою поручика Роговцова, он велел податься вперед и производить фальшивую тревогу против неприятельских укреплений правого кряжа. Майор Дьячков с своей стороны должен был штурмовать находившиеся влево 5-ть батарей, как только услышит

сигнал об атаке селения. От этого отважного и стремительного приступа должно было решиться дело. Медлить не было возможности, тем более, что два сильных персидских отряда, один, со стороны Аракса, другой, с Нахичевани, бежали на помощь осажденным. Котляревский, действуя постепенно, хотел сперва преодолеть меньшие препятствия, чтобы потом, воспользовавшись смятением неприятеля, приступить к тем, которые требовали самых напряженных усилий. В 9 часов утра селение было занято. В то же время Дьячков овладел тремя батареями, а Котляревский, поспешая к нему на помощь, овладел двумя остальными. Заняв таким образом два важных пункта, самое селение и весь левый кряж, отделив небольшую часть от отряда для их защиты, Котляревский со всеми оставшимися людьми устремился на правый хребет. Ободренные успехом, егеря грудью и штыками вытеснили неприятеля из укреплений, заняли самое большое из них, в котором гарнизон не рассудил уже дожидаться штурма, и остановились только перед последней решительно недоступной батареей Сабет. Эта батарея, овладение которою Котляревский оставил для венчания дела, была устроена на самой середине кряжа, на утесе из дикого камня в 3 сажени вертикальной высоты. В ней заперся с 200 персиянами известный Абул-Фетх-Хан. Покушаться взять ее штурмом было бы тщетно, по невозможности приставить к утесу лестницы. Котляревский, зная, что гарнизон не мог держаться без помощи и воды, окружил батарею со всех сторон и отвел воду. Ожидание его оправдалось. На другую ночь гарнизон покинул батарею, бросаясь с отчаянием с утесов. Затем дело было кончено. Русские заняли все укрепления, а персияне, оставив до 300 человек убитыми, искали спасения в бегстве. Малочисленность русского отряда не позволяла ни брать пленных, ни отрезать пути

бегущим за Аракс, иначе весь гарнизон остался бы в руках победителей» (*Соллогуб В.* Указ. соч. С. 60–62).

¹²⁹ Там же. С. 62.

¹³⁰ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7060. Л. 53.

¹³¹ Там же.

¹³² АКАК. Т. 4. С. 720.

¹³³ *Потто В.А.* Указ. соч. Т. 1. С. 498.

¹³⁴ АКАК. Т. 4. С. 720.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ *Соллогуб В.* Указ. соч. С. 63.

¹³⁷ АКАК. Т. 4. С. 724.

¹³⁸ Как пишет В.А. Потто, «Котляревский очутился в блокаде. Но, сберегая людей, он приказал солдатам спрятаться в садах, запретил перестрелки и требовал, чтобы никто отнюдь не показывался на глаза персиянам. Кому нужно было выйти, выходил ползком, так, чтобы его не было видно. Сам Котляревский со всеми офицерами каждый день обедал и ужинал на подмостках, сделанных в ветвях огромного дерева, которое стоит и поныне близ древнего монастыря, находившегося в Мигри. Персидские пули не раз свистали над их головами, но, к счастью, никому не причинили вреда. Отсутствие у осажденных малейших признаков жизни изумляло персиян» (*Потто В.А.* Указ. соч. Т. 1. С. 499).

¹³⁹ *Соллогуб В.* Указ. соч. С. 64.

¹⁴⁰ *Потто В.А.* Указ. соч. Т. 1. С. 500.

¹⁴¹ *Соллогуб В.* Указ. соч. С. 65–66.

¹⁴² РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7060. Л. 53.

¹⁴³ АКАК. Т. 4. С. 728.

¹⁴⁴ АКАК. Т. 5. С. 185.

¹⁴⁵ Там же. С. 183.

¹⁴⁶ Там же. С. 184.

¹⁴⁷ В.А. Потто отмечает, что «гарнизон был захвачен совершенно врасплох, и в крепости ударили тревогу уже тогда, когда русские, приставив лестницы, взбирались на стены. Капитан Шультен, родственник Котляревского, только что переведенный перед тем в Кавказский гренадерский полк из Серпуховского драгунского, первый вошел на вал, и вскоре

три батареи уже были в руках русских. Турки защищались упорно, отчаянно, но это только усугубляло кровопролитие боя. Солнце не показалось еще из-за гор, как вся крепость находилась в руках русских» (*Потто В.А.* Указ. соч. Т. 1. С. 502).

¹⁴⁸ АКАК. Т. 5. С. 184.

¹⁴⁹ Оттуда оно, в свою очередь, вместе с рапортом маркиза Паулуччи об очередной блестящей победе Котляревского было отправлено в Петербург (Там же).

¹⁵⁰ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7060. Л. 51 об.

¹⁵¹ *Богданович М.И.* Указ. соч. Т. 5. С. 222–226, 230.

¹⁵² *Monteith W.* Op. cit. P. 88–95.

¹⁵³ *Sykes P.M.* A History of Persia. L., 1915. Vol. 2. P. 413.

¹⁵⁴ *Бобровский П.О.* Указ. соч. Ч. 3. С. 297.

¹⁵⁵ Как уточняет один из биографов прославленного военачальника, Дж. Ватейшвили, «отряд русских во главе с генерал-майором Котляревским, выступившим 18 октября 1812 года против 30-тысячного войска Аббас-мирзы, насчитывал 2221 человека, из них 1500 чел. пехоты, 500 чел. конницы при шести орудиях, обслуживавшихся небольшой группой артиллеристов. Ближайшими сподвижниками и старшими после Котляревского офицерами в отряде являлись майоры Шультен и князь Абхазов (Абхазы), а также капитан Сагинов (Сагинашвили) — участник покорения Ахалкалакской крепости» (*Ватейшвили Дж.* Указ. соч. С. 41).

¹⁵⁶ *Соллогуб В.* Указ. соч. С. 109.

¹⁵⁷ Перед собравшимися солдатами и офицерами он, понимая всю сложность и важность операции, выступил с короткой речью: «Братцы! Нам должно идти за Аракс и разбить персиян. Их на одного десять, — но храбрый из вас стоит десяти, а чем более врагов, тем славнее победа. Идем, братцы, и разобьем» (Там же. С. 112).

¹⁵⁸ Там же. С. 116–117.

¹⁵⁹ АКАК. Т. 5. С. 685.

¹⁶⁰ Подвиги генерал-лейтенанта Котляревского в походе 1812 года // Военный журнал. 1817. № 10. С. 36–39.

¹⁶¹ Из них 10 единиц оказались английского производства, с надписью «от короля над королями шаху над шахами», а еще два орудия было потеряно персами во время бегства.

¹⁶² *Соллогуб В.* Указ. соч. С. 120.

¹⁶³ *Казбек Г.* Указ. соч. С. 93; *Дубровин Н.Ф.* Указ. соч. Т. 6. С. 86.

¹⁶⁴ АКАК. Т. 5. С. 685.

¹⁶⁵ *Керсновский А.А.* История русской армии. М., 1992. Т. 1. С. 212.

¹⁶⁶ «Впрочем, сколь ни казалась бы сия награда великою, но по истинной справедливости она соразмерна заслугам, оказанным сим отличным чиновником и сходственна с благостью сердца В. И. В., тем более, что при беспристрастном суждении моем такой дворянин, как ген.-м. Котляревский, не имеющий особенного покровительства, ни даже состояния, кроме личных своих достоинств, и исполненный при этом неограниченным усердием к службе В. И. В. достоин того, чтобы ему дан был ход по службе, дабы военные дарования его и опытность тем с вящею пользою могли быть употреблены для службы В. В.» — так благодарный командующий закончил свой рапорт императору Александру I (АКАК. Т. 5. С. 694).

¹⁶⁷ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7060. Л. 55.

¹⁶⁸ *Потто В.А.* Указ. соч. Т. 1. С. 509.

¹⁶⁹ *Дегоев В.В., Стамова И.И.* Указ. соч. С. 109.

¹⁷⁰ *Соханская Е.* Генерал Котляревский // Военный сборник. 1871. № 3. С. 190.

¹⁷¹ АКАК. Т. 5. С. 702.

¹⁷² РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7060. Л. 55.

¹⁷³ *Соллогуб В.А.* Указ. соч. С. 136.

¹⁷⁴ *Monteith W.* Op. cit. P. 87.

¹⁷⁵ Покорение Ленкорана (Донесение командующему в Грузии, генерал-лейтенанту Ртищеву, генерал-майора Котля-

ревского) // Русский вестник. 1841. № 1. С. 140.

¹⁷⁶ Богданович М.И. Указ. соч. Т. 5. С. 234.

¹⁷⁷ Соханская Е. Указ. соч. С. 192.

¹⁷⁸ Подвиги генерал-лейтенанта Котляревского... // Военный журнал. 1817. № 10. С. 42.

¹⁷⁹ Покорение Ленкорана... // Русский вестник. 1841. № 1. С. 142; Бобровский П.О. Указ. соч. Ч. 3. С. 304.

¹⁸⁰ Соллогуб В. Указ. соч. С. 145–147.

¹⁸¹ АКАК. Т. 5. С. 703.

¹⁸² Соллогуб В. Указ. соч. С. 147.

¹⁸³ АКАК. Т. 5. С. 702.

¹⁸⁴ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7060. Л. 55–55об.

¹⁸⁵ Там же. Л. 55об.

¹⁸⁶ АКАК. Т. 5. С. 703.

¹⁸⁷ Покорение Ленкорана... // Русский вестник. 1841. № 1. С. 142.

¹⁸⁸ Ватейшвили Дж. Указ. соч. С. 37.

¹⁸⁹ Monteith W. Op. cit. P. 97.

¹⁹⁰ Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. 6. С. 99.

¹⁹¹ ВПР. Сер. 1. Т. 7. С. 98.

¹⁹² АКАК. Т. 5. С. 703.

¹⁹³ ПСЗ. Собрание первое. Т. 32. № 25466. С. 641–645.

¹⁹⁴ Дегоев В.В., Стамова И.И. Указ. соч. С. 160.

Более митрополит, нежели воин? О некоторых стереотипах вокруг роли Е.А. Головина в умиротворении Кавказа

Период командования Отдельным Кавказским корпусом генерала Е.А. Головина (1838–1842) в отечественной историографии долго оценивался как малозначительный и неэффективный, а сам командующий — как серая посредственность. Историки долго находились под обаянием А.П. Ермолова, пренебрежительно высказавшегося в том духе, что Головин столько же военный человек, «сколько я митрополит»¹. Развивая это мнение Ермолова, известный дореволюционный кавказовед Е.Г. Вейденбаум отмечал, что Е.А. Головин был «человек образованный, но преждевременно одряхлевший, без воли и характера. Военные способности его, по общему отзыву, не поднимались выше уровня посредственности. <...> С таким свойством ума и характера, да еще при постоянном желании подладиться к мнениям влиятельных лиц в Петербурге, Головин не пользовался на Кавказе должным авторитетом и доверием. Еще менее он мог противодействовать постоянно возраставшему влиянию Шамиля»².

Стереотипы о «посредственности» и «скорее митрополите» переключались в современную литературу. Так, Ю.Ю. Клычников и С.С. Лазарян не увидели в деятельности Е.А. Головина на Кавказе ничего оригинального: «все те же эпизодические экспедиции и строительство укреплений»³. Между тем еще М.М. Блиев указывал на необходимость более внимательного прочтения головинского периода управления Кавказом, поскольку Головин, по сравнению

**Олег
Владимирович
МАТВЕЕВ**

со многими своими современниками, вник «более глубоко в суть происходившего в эгалитарных обществах Дагестана и Чечни и миссии самого Шамиля»⁴. Аргументировать подобный подход и призвана настоящая статья.

Прежде всего, следует отметить, что назначение Е.А. Головина на Кавказ было далеко не случайным. Имевший за плечами университетское образование и опыт Наполеоновских войн, герой Отечественной войны 1812 г. и зарубежных походов в Европу, военачальник, добившийся серьезных успехов в Дунайской кампании 1828–1829 гг. и в боях с польскими восставшими в 1831 г., Е.А. Головин обратил на себя особое внимание правительства взвешенной политикой в Польше. Когда последовало назначение на Кавказ, недоброжелатели генерала, по-видимому, сами метившие на место «славы и чинов», стали распространять о Головине нелепые слухи, послужившие впоследствии основой для складывавшихся стереотипов. Об одной из таких сплетен рассказал впоследствии А.Л. Зиссерман, прибывший на Кавказ молодым человеком в год, когда Е.А. Головин покинул регион: «Говорят, что, когда выбор покойного государя остановился на нем для должности кавказского главноуправляющего, чуть ли не Чернышов доложил, что Головин все время своего генерал-губернаторства в Варшаве проспал. “Ну, тем лучше, значит выпался и теперь не будет дремать, — возразил государь”»⁵. Между тем в Варшаве Е.А. Головин приложил немало усилий, чтобы залечить раны недавней войны и шадить при этом оскорбленное самолюбие поляков. Он восстановил здания Варшавы, разрушенные при штурме русской артиллерией, выплачивал компенсации пострадавшим, предоставлял льготы в платежах накопившихся недоимок обитателям Прагского предместья. Он укрепил берега Вислы, устроил по ним красивые бульвары. Росло число общественных больниц и богаделен. Разумными мерами Головину удалось приобрести доверие римско-католического духовенства. Не случайно при отъезде Евгения Александровича из Варшавы Архиепископ преподнес ему крест из горного хрусталя, богато обделанный золотом и осыпанный бриллиантами, в знак благодарности и уважения к нему польского духовенства. «Пример этот, — сообщает дореволюционный историк, — едва ли не единственный в летописях Римской церкви, враждовавшей со всеми Христианскими вероисповеданиями, не признающими папской власти, и считающей Восточную церковь схизматической, т.е. отпадшею»⁶. Благодаря Е.А. Головину в Польше были открыты новые обводные (уездные) училища и гимназии, в которых были введены дополнительные классы. За свою созидательную деятельность в Царстве Польском Е.А. Головин 6 декабря 1837 г. был награжден орденом Св. Александра Невского. Именно успехи Головина в управлении национальной окраиной остановили на нем выбор императора, когда встал вопрос о назначении нового Главноуправляющего на Кавказе.

Отметим и постоянное стремление Е.А. Головина к изучению региона и его обитателей, дело, которым явно пренебрегали его хулители и критики, уповавшие на исключительно силовые решения кавказского вопроса. 30 ноя-

бря 1837 г. последовал указ Е.А. Головину принять командование Отдельным Кавказским корпусом и Главное управление гражданской частью и пограничными делами в Грузии, Армянской и Кавказской областях. Однако «прибыл он в Тифлис лишь 19 марта 1838 года, посвятив более трех месяцев на изучение в Петербургских архивах сведений об этом неизвестном ему крае, где все было для него ново: самая природа, нравы и обычаи жителей, даже способ ведения войны и образ ведения переговоров»⁷. Обратил внимание на это обстоятельство и израильский исследователь Кавказской войны Моше Гаммер, чье имя пользуется высоким авторитетом среди зарубежных историков⁸. Документы фонда Кавказского комитета, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве, показывают, как, уже будучи на Кавказе, Е.А. Головин тщательно изучал ситуацию, прежде чем принимать ответственные политические решения. В своих рапортах Главноуправляющий постоянно указывал на необходимость принимать во внимание сложившиеся местные традиции и условия: «При объезде всего вверенного мне края я убедился, как трудно и даже опасно в управлении <...> народами в нем обитающими, не сложившими еще оружия и всегда готовыми обратить его против власти над ними господствующей, руководствоваться другими правилами кроме тех, кои указываются местными потребностями и укоренившимися обычаями. Поступая иначе и с самыми благонамеренными видами, можно изменить существенным пользам общего государственного дела»⁹. Не всегда имея возможность лично получать сведения, Головин не раз отправлял на места для изучения обстановки своих деятельных помощников, составлявших для главнокомандующего обстоятельные аналитические записки об укладе жизни и настроениях горцев. Знание обстановки позволяло Головину аргументированно отстаивать свои решения перед Петербургом. 29 октября 1838 г. в рапорте военному министру графу А.И. Чернышеву Е.А. Головин представил 7 предложений по управлению пшавами, тушинами и хевсурами, где среди прочих пунктов посчитал необходимым подчинить эти народы «одному Начальнику под названием Пристава Тушино-Пшаво Хевсурского с двумя помощниками»¹⁰. Главноуправляющий считал крайне важным «распространить власть его с предоставлением права за непослушание и небольшие проступки жителей, вверенных его управлению, по древним обычаям наказывать телесно и взыскивать штрафы, которые поступать будут на украшение церкви»¹¹. Военный министр писал, что Государь император «Высочайше повелеть соизволил <...> оставить эти племена по-прежнему в управлении двух приставов: Тушинского и Пшаво-Хевсурского, выбирая их из способных офицеров; а не туземцев; ибо подчинение же сих племен одному приставу Его Величество находит неудобным как по отдаленности их и трудности сообщений, так и по различной степени гражданственности, неодинаковым характерам и образу жизни означенных племен»¹². Казалось бы, Высочайшая воля определена, основная часть предложений принята, остается только исполнять. Однако Головин в рапорте

16 февраля 1839 г. вновь пытается аргументировать свою позицию: «Распоряжение мое о подчинении Тушин, Пшавов и Хевсур одному военному приставу сделано было с тем, чтобы полицейская власть сосредоточилась в одном лице, подчинить кордонному начальнику, коему поручено охранение границ Кахетии и самих Тушин; оно нисколько не касалось гражданского управления, разумея под сим тяжёбые дела по важным уголовным преступлениям»¹³. Эти народы, писал Е.А. Головин, предоставлены «сами себе, жили в непрестанных между собою раздорах, и оттого не могли защититься от хищных своих соседей, чему был пример в прошлом 1837 году. Что касается до степени гражданственности, отличающей якобы Пшавов и Хевсуров от Тушин, то я, по сведениям самым основательным и сомнению неподверженным, смею уверить, что различия этого не существует, образ жизни и нравы их одинаковы. Общий между ними обычай украшать внутренность домов своих отрубленными руками неприятелей своих показывает, на какой степени они находятся в гражданском быту»¹⁴.

В ответ А.И. Чернышев, не скрывая раздражения, пишет Е.А. Головину 11 марта 1839 г., что позиция последнего «существенно содержит в себе <...> опровержение» Высочайших «начал, по коим разрешено устроить управление Тушинами, Пшавами и Хевсурами»¹⁵. Согласно существовавшей бюрократической системе, Е.А. Головин должен был принять в расчет обвинение в «опровержении Высочайших начал». Так поступил бы, если следовать логике М.А. Корфа, «генерал ниже посредственности». Выдающийся государственный деятель николаевской эпохи барон М.А. Корф заложил один из тиражируемых впоследствии штампов в оценках генерала: «Головин, нерешительный, слабый, игралیشه партий, вместо решительного рассекателя Гордиевых узлов являлся везде или орудием чужих страстей, или бездейственным зрителем»¹⁶.

Эта характеристика явно несправедлива. Известно, что М.А. Корф был далеко не беспристрастен в описании государственных деятелей эпохи Николая I¹⁷. Чувствуется личная неприязнь, когда М.А. Корф перечисляет Е.А. Головина в перечне корпусных командиров как людей посредственных, «или еще ниже посредственности как в мирное, так и в военное время»¹⁸. Если бы Головин был посредственностью, слабым и нерешительным военачальником и администратором, его бы не назначили на знаковую должность командира Отдельного Кавказского корпуса, он не мог бы усмирить восстание в Самурзаканском округе, не выдержал бы ожесточенного сражения при Аджиахуре, не разгромил Шамиля на Хубарских высотах.

В отмеченной полемике с Государем и военным министром «нерешительный» и «слабый», по словам Корфа, «орудие чужих страстей», Головин неожиданно проявляет твердость в отстаивании своих решений. 24 августа 1839 г. он пишет из Тифлиса военному министру: «Одни только слухи о разделении управления Тушин и Пшаво-Хевсур между двумя приставами, распростра-

нившиеся среди этих <...> горских племен ослабили в них повиновение до того, что совершенно препятствовали сбору предположенной Тушино-Пшаво-Хевсурской милиции, чрез что он, Начальник Лезгинской кордонной линии, поставлен был в затруднительное положение, будучи лишен совершенно неожиданно содействию <...> племен, прославившихся храбростию»¹⁹. Указывая на опасность вторжения лезгин в Кахетию, Е.А. Головин сообщает А.И. Чернышеву: «Я нашел необходимым приостановить распоряжение это (о двух приставах. — *О. М.*) впредь для удобнейшего времени, когда с принятыми мерами спокойствие Кахетии прочно утвердится»²⁰. Как видим, забота о государственных интересах для Е.А. Головина была важнее слепого иерархического исполнения, и его фигура вовсе не укладывается в оценки «нерешительного бездейственного зрителя». Показательно, что в приведенном примере генерал сумел на время настоять на своем. 11 сентября 1839 г. военный министр сообщал Е.А. Головину: «Его Величество <...> повелеть соизволил: управление Тушинами и Пшаво-Хевсурами оставить, впредь до времени, в ведении одного начальника, согласно предположению Вашему; дальнейшее же рассмотрение обстоятельств сего дела отложить до прибытия Вашего Высочайшего превосходительства в Санкт-Петербург»²¹.

Не случайно и то обстоятельство, что Головин пытался выступить в роли одного из первых историков Кавказской войны. В личном фонде Д.А. Милютина в Отделе Рукописей Российской Государственной библиотеки (г. Москва) сохранился документ, на котором рукой Д.А. Милютина сделана надпись карандашом: «Проект об истории Кавказского края собственное сочинение генер. Головина». В этом проекте обращает на себя внимание следующая мысль: «При составлении Истории надобно всячески избегать напыщенности в слоге, а особливо не распространяться в похвалах о самих себе; История должна в самой себе заключать свое достоинство, без помощи риторических фигур. Факты должны быть излагаемы просто, основательно и подкреплены, где только можно ссылаться, на источник, откуда они почерпаются»²². Создается впечатление, что Евгений Александрович продолжает спор с некоторыми из своих соратников-соперников, видевших в войне с горцами средство для своей военной карьеры. Огромное значение в движении России на Восток Е.А. Головин придавал конфессиональному, а еще шире — нравственному фактору, который до сих пор не осознает Европа. По-видимому, этот документ появился в архиве Д.А. Милютина после встречи с Е.А. Головиным в Тифлисе в один из октябрьских вечеров 1839 г. Дмитрий Алексеевич, тогда еще молодой офицер Генерального штаба, прошедший через кровопролитную осаду и штурм Ахульго, был представлен командующему Отдельного Кавказского корпуса. Об этом Д.А. Милютин написал в своих воспоминаниях: «Генерал Головин <...> одобрил мое описание экспедиции Чеченского отряда <...>. Заявленное мною намерение заняться историей Кавказской войны принял он с таким сочувствием, что дал себе труд изложить собственный свой взгляд на

историческое значение войны. По мнению Евг<ения> Александр<овича> Головина, в предположенном труде следовало принять за основную точку зрения ту мысль, что Кавказская война есть продолжение той многовековой борьбы <...> которая легла тяжелым бременем на Россию, по географическому ее положению на восточном рубеже Европы. Евгений Александрович настойчиво убеждал меня приняться за эту работу; а так как главные для нее материалы находились в кавказских архивах, то предлагал мне совсем перейти на службу в штаб Кавказского корпуса»²³.

Не исключено, что Е.А. Головин намеревался создать при штабе Отдельного Кавказского корпуса нечто вроде военно-исторического отдела — идея, которая будет впоследствии успешно реализована в годы наместничества на Кавказе Великим князем Михаилом Николаевичем. В любом случае Е.А. Головин вдохновил Д.А. Милютина на написание военно-исторических трудов по Кавказу²⁴. В работах последнего времени о военном кавказоведении в России аргументируется идея о связи исследования региона с развитием мирных альтернатив завершения Кавказской войны, «умиротворения» через изучение²⁵. Представляется, что к этому благодатному направлению приложил в свое время руку и Е.А. Головин. Им же были организованы тайные экспедиции в горы Дагестана подполковника Генерального штаба А.И. Бергеггейма, штабс-капитана В.С. Мочульского, поручика Г.С. Гордеева, направленные на накопление этнографических и военно-топографических данных²⁶.

Сам Евгений Александрович в 1847 г. в Риге издал сочинение «Очерк положения военных дел на Кавказе с начала 1838 по конец 1842 года», которое было впоследствии перепечатано в «Кавказском сборнике» и в IX томе «Актов, собранных Кавказскою археографическою комиссиею». Главную цель своего пятилетнего управления краем Головин обозначил как «распространение и упрочнение владычества нашего в сем отдаленном и разнообразном крае»²⁷. Е.А. Головин подробно рассказал о военных действиях в Дагестане, Закавказском крае, на Кавказской линии и на побережье Черного моря. Он не скрывал ряда своих промахов в годы управления Кавказом (восстание 1840 г. в Чечне, падение укреплений Черноморской береговой линии), однако неудачи связывал с амбициями и капризностью подчиненных (П.Х. Граббе, Н.Н. Раевский), общие же результаты оценивал следующим образом: «Военное управление на Кавказе в продолжение последних пяти лет, в общем огромном своем объеме, имело ход не безуспешный, невзирая на многие неблагоприятные обстоятельства, сопровождавшие и нередко даже связывавшие действия на многотрудном пути, ему предстоявшем»²⁸. Среди «неблагоприятных обстоятельств» он указал на не оправдавшее его доверия «начальство на Кавказской линии».

Е.А. Головин признал, что возведение Лабинской линии не привело к умиротворению местного края. Несмотря, писал он, «на успешные действия ген.-л. Засса по устройству Лабинской линии и по водворению казачьих станиц, на правом фланге в 1841 году произошло то же самое, что было в 1840 году

на левом фланге линии, по крайней мере, обстоятельства эти имели одинаковые последствия. В 1840 году, на левом фланге, все многочисленное народонаселение Чеченское, мирно обитавшее между Сунжею и Терекком, оставив свои дома и земли, удалилось в леса и горы и сделалось для нас враждебным; таким же образом в 1841 году племена, имевшие свои жилища на Лаббе, а именно Темиргоевцы, Мохошевцы и Егорукаевцы, удалились на р. Белую и ныне тревожат нас своими набегами»²⁹.

В этом горьком признании прослеживается не только умение и мужество бывшего командующего признавать просчеты свои и своих соратников, но и несколько иной подтекст. Е.А. Головин, по-видимому, сожалел о том, что ему не дали применить иные меры умиротворения региона, к которым он склонялся в последние годы своего пребывания на Кавказе. Положение затруднялось тем, что на какое-то время Е.А. Головин был лишен возможности влиять на ситуацию на Кавказской линии. По словам Е.Г. Вейденбаума, Г.Х. Зассу покровительствовал П.Х. Граббе. «Самонадеянный и высокомерный, он (П.Х. Граббе. — *О. М.*) с трудом переносил зависимость от Головина, постоянно воевал с тифлисским штабом и добился наконец того, что самостоятельно сносился с Петербургом о предположениях относительно военных действий в районе Кавказской линии»³⁰. В результате отдельные местные военачальники вели себя как азиатские деспоты, мало считаясь с декларируемой «гражданственностью» и нравственными понятиями. Тот же Засс, по словам Г. Атарщикова, перенял у черкесов «некоторые принятые у них обычаи, немислимые в европейской войне, как, например, отрубать у убитых неприятелей головы и выставлять их на шесты, что делал и барон Засс»³¹. Корпусный командир сумел тогда отстоять свои взгляды на более «цивилизованные» методы войны с горцами. 21 сентября 1841 г. Е.А. Головин пишет П.Х. Граббе: «По поводу слухов о том, что некоторые частные начальники втыкают на шесты отсеченные головы неприятелей к общему негодованию и раздражению жителей, император приказывает проверить эти слухи и если это правда, то релятивно прекратить бесчеловечные поступки»³². 8 октября 1841 г. П.Х. Граббе вынужден был ответить: «Головы втыкались на шесты только у начальника Правого фланга ген.-лейт. Засса, но я уже предписывал ему прекратить это еще при вступлении своем на должность»³³. Е.А. Головину очень помогла публикация в 1842 г. нескольких глав сатирического романа Е.П. Лачиновой «Проделки на Кавказе», где писательница беспощадно обличала некоего «кордонного начальника» с прозвищем «шайтан» (так горцы называли Г.Х. Засса)³⁴. В итоге победила нравственная позиция Е.А. Головина: Г.Х. Засс в самом расцвете своей карьеры был удален с Кавказа; «одновременно с ним остался не у дел и П.Х. Граббе, которому было поставлено в вину именно покровительство Зассу»³⁵. Позицию Е.А. Головина по поводу наступления со стороны Лабинской линии разделял в новейшей историографии М.М. Блиев. Последний считал, что наступление со стороны Кавказской линии, наряду с создани-

ем Черноморской береговой линии, привело лишь к разрастанию конфликта, в результате чего «российская политика на Северо-Западном Кавказе оказалась в тупиковом состоянии: ни в Петербурге, ни на Кавказе российские военные и гражданские чиновники не знали реальных путей разрешения черкесской проблемы»³⁶.

«Очерк положения военных дел на Кавказе» Е.А. Головина восприняли в штыки многие кавказские генералы. А.П. Ермолов в письме Н.Н. Муравьеву 9 июня 1847 г. так оценивал сочинение Е.А. Головина: «Головин раздает знакомым описание военных действий на Кавказе в его время. Генерал Граббе раздираем в клочки, почти как человек, совершенно неспособный; сам является он почти как Монтекукули!»³⁷. Граф Раймунд Монтекуколли (1609–1680) — австрийский полководец и военный теоретик, фельдмаршал, нанесший ряд поражений шведским войскам и вытеснивший их из Польши, Ютландии и Померании. Вряд ли Головин рассчитывал на такое сравнение, но Ермолов, сам довольно амбициозный и самолюбивый генерал, смотрел со своей колокольни на тех, кто был после него на Кавказе. П.Х. Граббе, с которым у Е.А. Головина не сложились служебные отношения, был в Отечественную войну и заграничных походах любимым адъютантом А.П. Ермолова, и это тоже, по-видимому, определяло отношение к труду Головина. В письме М.С. Воронцову 14 августа 1847 г. А.П. Ермолов сообщает: «Не сомневаюсь, что он (Е.А. Головин. — О. М.) сообщил тебе сочинение его о происшествиях на Кавказе во время его командования и о военных его действиях. О Граббе говорит он с озлоблением и в выражениях непозволительных, представляя его не понимающим своего дела. Все приписывает себе и то, что непосредственно принадлежало ему. Сочинение напечатано без цензуры, и он не скрыл от меня, что у Государя находится экземпляр. Конечно, не новый способ писать самому о себе, но по крайней мере не в такой степени хвастливости. Впрочем, это многим ныне удавалось! Если дойдет до сведения Граббе, без возражения не обойдется, и он умеет написать не хуже Головина. Мне даря сочинение, он просил не делать его многим известным, а я слышал, что немало экземпляров распущено. Быть полемике!»³⁸.

Видимо, тогда не без участия А.П. Ермолова, П.Х. Граббе, М.Я. Ольшевского и др. была запущена в сознание современников фраза о «скорее митрополите, нежели воине». Сам А.П. Ермолов не мог простить Е.А. Головину отстаивание перед Петербургом необходимости сохранения ханств в Дагестане, на ликвидацию которых «проконсул Кавказа» потратил столько усилий. С ликвидацией Ермоловым системы ханств в Южном Дагестане русские власти потеряли ненадежную, но все же единственную свою опору в Дагестане. По мнению Я.А. Гордина, была взорвана традиционная система баланса сил, и «вместо самодержавных квазигосударств, по характеру власти родственных самодержавной России и потому психологически понятных русскому генералитету, командование Кавказского корпуса оказалось лицом к лицу с вольны-

ми горскими обществами, жившими по совершенно иным законам и готовыми к ожесточенному сопротивлению»³⁹. Именно вольные горские общества, будучи военно-демократическими образованиями и не имея противовеса в виде ханств, стали опорой имамов Кази-Муллы и Шамиля. Как и Ермолов, вожди мюридизма стремились ликвидировать институт ханской власти, который мешал слиянию народов Чечни и Дагестана в единую вооруженную общность, способную противостоять Российской империи.

После изучения обстановки на месте Е.А. Головин вполне осознал пагубность политики ликвидации ханств, естественных союзников России в борьбе с мюридизмом. В рапорте военному министру от 31 марта 1839 г. Е.А. Головин так аргументировал свою позицию по сохранению ханской власти: последняя «удержалась еще в Дагестане, по моему мнению, не без очевидной для нас пользы, способствуя к удержанию там спокойствия, этого первого условия ко всякому доброму началу. Месяц тому назад усилия Шамиля завладеть Авариею уничтожены одним только ополчением Хана Мехтулинского и Шамхала Тарковского при одной только готовности подкрепить нашими войсками. Известный Аслан Хан Казыкумыкский при жизни своей обуздывал своеволие различных обществ Нагорного Дагестана, ныне явно сопротивляющихся нашему Правительству, и Кубинская провинция была тогда одна из самых покойнейших; при нем везде буйное здесь же зверское демократическое начало не смело восставать с такою дерзостью, как нынче, и хан, соблюдая выгоды собственной власти, способствовал нашим видам»⁴⁰.

Поэтому при пресечении династии ханств Е.А. Головин стремился не ликвидировать их, вводя прямое российское управление, а способствовать избранию на ханский престол представителя горской знати, ориентированного на Россию. Когда 15 октября 1838 г. скончался хан Казыкумухский и Кюринский полковник Магомет-мирза, Е.А. Головин писал военному министру: «Со смертью его пресеклись прямые наследники мужескаго пола фамилии, владевшей этими ханствами; в живых из нея остались только вдовы генерал-майора Аслан-хана и дочь Нуцала, старшего брата Магомет-мирзы. Побочные же родственники, дядя умершего хана и сыновья их вообще люди ничтожные по характеру, а некоторые и неблагонадежны для правительства. По необходимости избрать в правители этих ханств из других владетельных фамилий я остановился на Элисуйском Султানে майоре Даниель-беке. По моему мнению, молодой человек сей как нельзя более соответствует таковому назначению, как по преданности своей, так и по твердому характеру и строгим правилам, подающим надежду, что он удержит в повиновении еще мало приобывших к покорности Казыкумыкцев и Кюринцев»⁴¹. Однако осторожный Даниель-бек в ответ на предложение Головина ответил, что согласится занять ханский престол лишь в том случае, «если будет оставлено ему его наследственное владение, и если мать покойного Магомет-мирзы, вдова генерал-майора Аслан-хана Умми-Гюльсун-бике изъявит на то согласие»⁴².

Вскоре Е.А. Головин получил сведения, что часть казикумухцев желают «иметь себе Правительницею Умми-Гюльсун-бике и дали присягу ей повиноваться, а вместе с тем она вошла ко мне с просьбою о предоставлении ей и внучке ея Ханской власти. Кроме того, почти все ближайшие родственники умершего хана, объявляя претензии на Ханское достоинство, начали составлять партии, и беспокойства до того увеличились, что Умми-Гюльсун-бике собрала было для своей защиты 300 человек, которых она впоследствии, увидев на своей стороне большое число жителей, распустила»⁴³.

В рапорте военному министру от 11 ноября 1838 г. Е.А. Головин доказывал, что вводить прямое российское управление в Казикумухском и Кюринском ханствах преждевременно: «При нынешнем беспокойном состоянии умов в Дагестане оно (российское управление. — *О. М.*) могло бы взволновать как тамошних жителей, так и другие Дагестанские народы и возбудить к нам недоверчивость владетелей. Для предупреждения этого нужно было бы там сооружать укрепления и ввести значительное число войск, сего при нынешних обстоятельствах сделать невозможно; по сему необходимо на некоторое время оставить в этих владениях прежнее управление»⁴⁴. Свой выбор Головин оставил на гвардейском офицере капитане Кутнашинском, происходившем из знатной фамилии и имевшем «родственные связи с владетелями Дагестанскими». «Этот офицер, — писал командир Отдельного Кавказского корпуса, — имеет европейское образование, не удаляясь от обычаев своих единоверцев, он приобрел всеобщее их уважение, в чем и удостоверился на опыте употребления его в самых важных и трудных поручениях <...>. Как человек совершенно преданный нам и понимающий благие виды правительства, он может быть весьма полезен в звании правителя упомянутых ханств»⁴⁵.

Управляющим Кюринским ханством Головин полагал возможным «оставить по-прежнему прапорщика Гарун-бека, сына брата покойного генерал-майора Аслан-хана, который управлял этим ханством и при Магомет-мирзе. Гарун-бек рожден от матери, происходящей не из ханской фамилии, и по понятиям дагестанцев не имеет право на отцовское наследство. Он нам предан, и по нравственным качествам достоин предполагаемого назначения. Получив от правительства в управление ханство, на которое по рождению не имеет права, он еще более утвердился в преданности, и должно ожидать, что усердием своим постарается оправдать доверие»⁴⁶. Головин сообщал министру, что отправил в ханства своего деятельного помощника подполковника Н.Н. Муравьева с задачей изучить обстановку на месте.

Ради интересов России в Дагестане Головин был готов пойти против правительственной линии на ликвидацию феодальных владений. При этом он делал ставку на российскую цивилизованность ориентированность своего ставленника: «Кутнашинский по образу жизни, нраву и по просвещенности есть совершенно русский и имеет образ мыслей благородный, истинно благонамеренный. Почему, с предоставлением ему Султанской власти в его магале,

он, как знающий пользу благоустроенного управления, при отличном уважении, которым пользуется от своих единоверцев и соседних к Кутнашинскому обществам, найдет средство укротить беспокойства, часто ими обнаруживаемые, и возобновит упавшие казенные доходы. Пример же сей подействует на соседнее Кубинское общество и покажет народу, что прямая служба в рядах Российского воинства награждается исключительно»⁴⁷.

Между тем подполковник Н.Н. Муравьев, командированный Е.А. Головиным «для разведывания на месте о положении этих ханств», доложил командиру Отдельного Кавказского корпуса, что «народ, обузданием коего до того служила строгая власть ханов, по уничтожении оной со смертью Магомет-мирзы предавался более и более волнению. Хаджи Ягья, родной брат Гарун-бека и другие неблагомеренные люди начали распускать слухи, что мы намерены ввести войска в эти владения и подчинить их непосредственному нашему управлению. Слухи эти встревожили не только казыкумыкцев и кюринцев, но и другие общества Нагорного Дагестана»⁴⁸.

Считая, что политическая обстановка не позволяет ввести российское управление в ханствах, Е.А. Головин решил «согласно с желанием большей части народа объявить постоянною Правительницею Ханств Казыкумыкского Умми-Гюльсун-бике и Кюринского прапорщика Гарун-бека. Но дабы лучше наблюдать за управлением тамошнего края и направлять действия помянутых правителей согласно видам нашим, назначил к ним вроде пристава Нижегородского драгунского полка майора Каргалова, здешнего уроженца, человека деятельного, ловкого и весьма хорошо знающего язык и характер дагестанцев. Посредством его надеяться можно в скором времени без всяких насильственных мер иметь большое влияние на внутреннее управление Казыкумыкского и Кюринского ханств»⁴⁹.

Петербург придерживался прежнего курса на ликвидацию ханств и, признавая временный характер назначений командира Отдельного Кавказского корпуса, прямо предписал Е.А. Головину: «При назначении ныне правителей к подобным отдельным владельцам принимать все меры к облегчению возможности вводить в этих владениях российское управление на общих основаниях, которые будут предначертаны для Закавказского края»⁵⁰.

Тем не менее Е.А. Головину удавалось добиваться утверждения императором отдельных мер, направленных на укрепление ханской власти. 7 декабря 1838 г. умерла вдова Нуцал-хана Аварского Айбат-бике, сестра Шамхала Тарковского генерал-майора Абу-Муслима. После нее остался наследником пятилетний сын Нуцала, наследник престола Аварского ханства. Шамхал Тарковский, чтобы экономически поддержать своего малолетнего племянника, «отдал во владение ему деревни: Урму, Параул и Догали, которые во время управления Кавказским краем генерала Ермолова за измену Аварского Ахмет-хана были у него отобраны и с Высочайшего утверждения подарены отцу Шамхала»⁵¹. Е.А. Головин сообщал военному министру 12 января 1839 г., что

«изъявил согласие мое на сделанную Шамхалом уступку деревень его племяннику»⁵². Тем самым косвенно Головин отстаивал собственную позицию в вопросе о ханской власти.

Император утвердил распоряжение о передаче деревень Аварскому хану, однако распорядился «малолетнего Ахмет Султана, по круглому его сиротству определив в пажи, выслать сюда для воспитания в Александровском Кадетском Корпусе, впредь до поступления в Пажеский корпус с достижением положенного для сего возраста»⁵³. Петербург предпочитал держать под боком будущего управителя ключевого в стратегическом отношении ханства и дать ему российское воспитание.

Е.А. Головина возмущала корыстная заинтересованность отдельных генералов в нагнетании и продолжении войны⁵⁴. Сам он после летних неудач русских войск 1840 г. на Северо-Восточном Кавказе все больше склонялся к переговорам с имамом. Уже осенью этого года начались поиски путей взаимопонимания. От имени Головина действовал подполковник Мелик-Бегляров, служивший при Отдельном Кавказском корпусе, от имени Шамиля — некий кабардинский мулла. Мелик-Бегляров прибыл в Аварское ханство и сообщил Ахмет-хану Мехтулинскому о своей тайной миссии. Но Ахмет-хан был ярким противником любых переговоров с Шамилем. Под таким же «секретом» Мелик-Бегляров послал некоего хаджи к Кибит-Магоме Тилитлинскому с просьбой воздействовать на Шамиля. Такая неуклюжая «тайная» дипломатия привела к тому, что о планах генерала Головина узнала вся Авария⁵⁵, и обе стороны вынуждены были отказаться от поисков компромиссов.

За неполные три года, проведенные на Кавказе, Е.А. Головин сумел проникнуть в сложный для понимания многих его соратников, русских офицеров и генералов, внутренний мир и особенности общественной и политической жизни народов Северного Кавказа. Он уловил серьезные изменения в социальном положении имама Шамиля, который из главы восставших мятежников превратился в духовного лидера, строителя военно-теократического исламского государства. В письме А.И. Чернышеву от 2 июля 1841 г. Е.А. Головин удачно сравнил события на Северо-Восточном Кавказе с тем, что происходило в VII в. на Аравийском полуострове, а роль Шамиля сопоставил с ролью пророка Мухаммеда. «Вникая ближе в положение здешних дел, — писал Е.А. Головин, — я остаюсь убежденным, что, пока Шамиль жив, нам нельзя надеяться на добровольную покорность поработенных им племен, сопротивление продолжится до самых крайних пределов. Можно сказать утвердительно, что мы не имели еще на Кавказе врага лютейшего и опаснейшего, как Шамиль. Стечением обстоятельств власть его получила характер власти духовно-военной, той самой, которою в начале исламизма меч Мухаммеда поколебал три части вселенной. Шамиль окружил себя слепыми исполнителями своей воли, и неминуемая смерть ожидает каждого, кто только навлечет на себя наималейшее подозрение в намерении свергнуть его»⁵⁶.

Создавшееся положение потребовало от Е.А. Головина новых планов и поиска дополнительных средств. Николай I поддержал его настойчивые просьбы: «Г.И. благоугодно было увеличить военные средства Кавказской линии целую 14-ю пехотную дивизию»⁵⁷. Войска были распределены между двумя отрядами — Дагестанским, которым командовал Е.А. Головин, и Чеченским под командованием П.Х. Граббе. Главная идея заключалась в том, чтобы «обессилить неприятеля нанесением ему как можно больше вреда»⁵⁸.

Важное стратегическое значение имел аул Чиркей. Головин считал, что за Чиркей Шамиль предложит крупное сражение. По этим соображениям корпусный командир стянул к Хубарским высотам крупные силы и нанес поражение отрядам мюридов. Заняв Чиркей, Дагестанский отряд приступил к возведению здесь укрепления. По Высочайшему повелению оно было названо Евгеньевским «в честь корпусного командира Евгения Александровича Головина»⁵⁹.

Но после этого успеха начались серьезные разногласия с П.Х. Граббе. Последний считал, что главным направлением в военной операции должна стать Чечня, которую он рассматривал как наиболее важный оплот имама. Поэтому генерал Граббе рассчитывал, что часть Дагестанского отряда окажется в его распоряжении. Недовольный решением Головина о возведении крепости в Чиркее, П.Х. Граббе приостановил военные действия и отправился в Ставрополь, «не предупредив даже корпусного командира о таком распоряжении своем, изменившем план целой кампании»⁶⁰. Еще 3 октября 1840 г. в письме к П.Х. Граббе Е.А. Головин высказывал мысль, что их отношения, носившие поначалу доверительный характер, становятся все более натянутыми и вредят общему делу. «Нельзя, к сожалению, не заметить, — писал Е.А. Головин, — что с некоторого времени взаимные отношения наши более чем холодны, злое начало проникло между нами и мутит чистоту их, для сохранения которой я готов был на пожертвование всеми личными расчетами. Но более всего терпит тут служба, которая может оживиться только единодушными нашими в пользу содействиями»⁶¹. Однако самолюбивый и амбициозный Граббе не внял увещаниям Головина. Поэтому вряд ли сильно преувеличивает ситуацию британский историк Джон Баддели, отмечавший: «Несчастья, которые испытала Россия на Кавказе, были в основном результатом соперничества и разногласий между Граббе и Головиным»⁶².

Прекращением генералом П.Х. Граббе военных действий успешно воспользовался Шамиль, который внимательно наблюдал за действиями русского командования. Имам принялся немедленно приводить в покорность ауховцев, которые накануне высказали Граббе желание принять присягу русскому правительству. Е.А. Головин попытался помешать Шамилю, но его усилия оказались тщетными. Имам уже успел так запугать горцев, что «страх подвергнуться лютому мщению Шамилевской шайки удерживал Ауховцев в рабском повиновении»⁶³.

Как профессионал, Е.А. Головин верно оценивал стратегическое значение Дагестана. В горных районах этого края были сосредоточены «вольные» общества, на которых базировался имамат Шамиля. Поэтому Е.А. Головин, хорошо познавший специфику Кавказа, угадал эту особенность положения Шамиля, аргументировал преимущество Дагестана перед Чечней⁶⁴.

Граббе же военные неудачи 1841 г. связывал с командованием Е.А. Головина и требовал для себя права независимых от распоряжений корпусного командира действий. Сказались личные амбиции, которые мешали общему делу. «Генерал Граббе, — писал в своих воспоминаниях В.С. Толстой, — слыл нестерпимым подчиненным, что он и доказал на Кавказе, куда он прибыл генерал-лейтенантом под непосредственное начальство Командира Отдельного кавказского Корпуса. <...> Это был в полном смысле Трибун, увлекающий ораву, никогда не разбирающий высказываемое ей, и как Трибун, Граббе увлекался и доходил до абсурда»⁶⁵. План ведения военных действий Граббе, по словам В.С. Толстого, «был замечателен по пышному красноречивому его изложению, но не выдерживал внимательного обсуждения. В нем были одни хвастливые выражения, как напр<имер>, “разбив наголову неприятеля в такой-то местности”, “занять его неприступную твердыню” или “для обеспечения безопасности такой-то нашей границы, составить летучий отряд!”. Но из каких войск и в какой численности, не упоминалось, так что, вероятно, не хватило бы всего Кавказского корпуса, если бы всем раздробленным отрядам придали бы надлежащую силу. О продовольствии, парках, перевозных средствах, госпиталях и местах расположения всего этого не упоминалось ни единого слова. Вообще этот военный проект был еще нелепее и бессмысленнее, чем пресловутые 20 отрядов Паскевича, имевшие цель окончательного покорения Кавказа. По получении этого проекта, уже Высочайше утвержденного, Головин, по соображениям, <высказанным> Генеральным Штабом, тот же час распорядился передвижением войск, расположенных в Закавказье и парков, имеющих участвовать в военных действиях, порученных Граббе. О продовольствии пришлось заботиться Корпусному Командиру»⁶⁶.

Пока Граббе обивал высокие пороги Петербурга, Е.А. Головин уже зимой приступил к военным действиям в Дагестане. За короткое время корпусному командиру удалось обрести важные преимущества над Шамилем, восстановить свободное сообщение Темир-Хан-Шуры с Хунзахом и Аварией. Но в это время из Петербурга вернулся П.Х. Граббе. Он добился того, что ему передавались все войска левого и правого флангов, а за Е.А. Головиным оставались лишь обязанности интендантской службы. Головину унижительно было поручено «снабдить овчинными полушубками или фуфайками все гарнизоны, расположенные в горах» и «представить подробное соображение, каким именно войскам следуют на этом основании полушубки и какое их число должно быть отпущено»⁶⁷. П.Х. Граббе, приступивший в марте 1842 г. к подготовке экспедиции в Чечне, обязал Е.А. Головина заготовить для него 21 тыс. четвертей

сухарей. Евгений Александрович повел себя достойно, не стал оспаривать приказ, санкционированный императором, и старался снабдить войска всем необходимым.

Экспедиция П.Х. Граббе потерпела полный крах и, по словам дореволюционного военного историка Н.Ф. Дубровина, «осталась навсегда темным пятном в боевой летописи Кавказской войны»⁶⁸. Николай I отправил П.Х. Граббе в отставку, а Е.А. Головину приказал: «С прекращением ныне военных действий под личным начальством ген.-адъют. Граббе, вступить вам во все распоряжения по званию вашему, как главному начальнику принадлежащая»⁶⁹.

Вновь получив полноту власти, командующий Отдельным Кавказским корпусом стал более уповать на политические средства умиротворения горцев, нежели на силовые. 28 августа 1842 г. Е.А. Головин сообщал военному министру А.И. Чернышеву: «Не подлежит никакому сомнению, что средства политические, которыми англичане не успели распространить свое владычество в Индии, с такою же пользою могут быть употреблены и здесь. Я всегда был этого мнения; но так как мне не были известны виды правительства нашего в сем отношении, то я до сих пор не упоминал о других мерах, кроме тех, кои основаны на силе оружия и властию же приобретаемой, хотя и считал средства политические всегда возможными. Нельзя полагать, чтобы поборники Шамиля, которого имя дает им власть над племенами, признающими этого хитреца и обманщика посланником неба, не усматривали малой прочности собственного своего быта. Благоразумные между горцами весьма хорошо видят, что невзирая на вред, который они нам причиняют, кровавая борьба эта обращается на их же погибель, что она удовлетворяет видам нескольких только лиц и что, наконец, при мнимых всех успехах противной нам партии мы год от году более углубляемся в горы куда бы мы, может быть, и не решились идти, если бы не влекла нас сила обстоятельств. Появление Кази-Муллы привело нас к верховьям Сулака и в Темир-Хан-Шуру; Гамзатбек призвал нас в Хунзах; Кубинский бунт в Ахты; наконец, Шамиль, усилившийся с 1840 года худыми успехами оружия нашего в Чечне, отдал нам в руки Чиркей, а в нынешнем году даже и среди обстоятельств самых неблагоприятных водворил нас в ханстве Казикумухском, которого занятие силою оружия, в видах господства над Дагестаном, составляет одну из важнейших эпох военной истории Кавказа»⁷⁰.

На протяжении лета 1842 г. Е.А. Головин пытается установить связи с наибами Шамиля и привлечь их на русскую службу⁷¹. Не исключено, что именно за эти миротворческие усилия в среде кавказских генералов, сторонников силовых мер, Головина презрительно называли «митрополитом». Генерал М.Я. Ольшевский писал в своих воспоминаниях: «Е.А. Головин по монашеским наклонностям скорей был способен управлять митрополией, нежели быть правителем такого обширного и разнообразного края, как Кавказ»⁷². Генерал А.П. Ермолов в письме М.С. Воронцову в феврале 1846 г. также

выразился в подобном духе: «Я признавал его столько же военным человеком, сколько я митрополит»⁷³. Однако именно миротворцев, или, по словам М.М. Блиева, «функционеров»-политиков, способных грамотно действовать со столь сложной стороной, какую представлял Шамиль, в тот момент катастрофически не хватало на Кавказе⁷⁴.

Подобный стереотип сложился и в отношении мер Е.А. Головина на Черноморском побережье Кавказа. В историографии утвердилось мнение, что конфликт «друга декабристов» Н.Н. Раевского с командованием Отдельного Кавказского корпуса был вызван его протестом против «крайне жестоких методов борьбы с горцами»⁷⁵. Во многих работах повторяется расхожее заявление Н.Н. Раевского, сделанное им после отставки: «Ободренный милосердным великодушием Г.И., я здесь первый и один по сие время восстал против пагубных военных действий на Кавказе и от этого должен покинуть край. Наши действия на Кавказе напоминают все бедствия первоначального завоевания Америки испанцами; но я не вижу здесь ни подвигов геройства, ни успехов завоевания Пицара (Pi/arie) и Кортеца (Corte/). Дай Бог, чтобы завоевание Кавказа не оставило в Русской истории кровавого следа, подобно тому, какой оставили эти завоеватели в истории Испанской»⁷⁶.

Еще М.М. Блиев обратил внимание на то, что фраза Раевского применяется историками ко всему Кавказу весьма политизированно⁷⁷. Реальный Раевский весьма отличался от того прогрессивного либерального образа, который создавался в советской и поддерживается в новейшей национальной историографии⁷⁸. Близко знавший Н.Н. Раевского генерал Г.И. Филипсон отмечал в своих воспоминаниях: «Везде он (Н.Н. Раевский. — *О. М.*) старался взять на себя первую или, по крайней мере, видную роль. Его самолюбие доходило иногда до тщеславия. <...> В сношениях с Петербургом он показал большую ловкость. Все его донесения туда были тщательно выглажены, имели много саркастического юмора и вообще оригинального. Он был плохой подчиненный, и то, что он часто писал о своих непосредственных начальниках, никому другому не сошло бы с рук, а его донесения Государь читал с удовольствием, хохотал и приказывал военному министру разрешить или дать то, чего Раевский просит»⁷⁹.

Другой авторитетный свидетель — генерал М.Я. Ольшевский, который прямо называл Раевского «мечтателем, либералом, фразером как на словах, так и на бумаге и не терпевшим подчинения»⁸⁰.

Наконец, приведем свидетельство декабриста В.С. Толстого, оценивавшего Раевского как «человека решительно ни к чему не способному, несмотря на свой большой ум и огромную энциклопедическую начитанность, совершенно чуждую всякой специальности»⁸¹. В.С. Толстой отмечал, что на Н.Н. Раевского «было возложено вести ежедневные военные журналы, которые по команде шли к докладу Государю. Раевский ухитрился включить в них, им же вымышленные, будто исторические сведения, повествования о<б> обычаях и взаим-

ных отношениях горских племен, тоже от начала и до конца им выдуманные. Эти военные журналы так понравились Императору Николаю, что он стал их читать Императрице, которая до того ими увлеклась, что изъявила желание их чаще получать, вследствие чего воспоследовало Высочайшее повеление, чтобы независимо от военных журналов, представленных Раевским по команде в Тифлис, он представлял копии с них прямо Военному министру. Тогда Раевский стал вводить в эти журналы загадочные предметы, которые в частных письмах он пояснял своим придворным связям, как контролирующие и обвиняющие своих непосредственных начальников Граббе, Головина, над которыми он едко издевался, выставляя обоих пошлыми дураками»⁸². Осмелев при императорской поддержке, Раевский «с цинической наглостью стал поднимать на смех» Е.А. Головина, отвечая на распоряжения корпусного командира «колкостями и пошлыми насмешками»⁸³.

Подобное клоунское поведение не могло не возмущать Евгения Александровича, привыкшего к серьезной военно-административной работе, тем более что своим арлекинством Н.Н. Раевский разлагал подчиненные ему войска. «Как отрядный начальник, — вспоминал В.С. Толстой, — Раевский был невозможен, и напр<имер>, в переходах сидя верхом в какой-то шутовской полуодежде заставлял на походах целые полки, которых солдаты взявши друг друга под руки идти гусем, выплясывая с припевом малороссийского «журавля», подпеснею, своей похабностью, непечатною»⁸⁴. Привыкший доносить правительству правду, какой бы горькой она ни была, Е.А. Головин был оскорблен шутовскими рапортами Раевского в Петербург. Когда Л.С. Пушкин, приятель генерала, писавший под диктовку Раевского, говорил о неправдоподобии сообщаемых сведений, Николай Николаевич «постоянно возражал одно и то же: “Любезный Лев Сергеевич, вы глупы и ничего не понимаете, чем больше вранья представлять в Петербург, тем более его это восхищает и приобретает кредит у него!”»⁸⁵. Еще 9 сентября 1838 г. Е.А. Головин писал П.Х. Граббе: «Учреждение начальника прибрежной линии с первого же начала сопровождалось неудобствами в порядке служебных отношений. Это происходит частью от желания иметь прямейшие известия в столице, частью же от весьма обыкновенного у многих стремления к независимости от начальства, оно свойственно сердцу человеческому повальным недугом самолюбия страждущему. Мое правило терпеть подобный ход дела, пока он не заграждает пути к предполагаемой цели»⁸⁶.

Е.А. Головин указывал на то, что сейчас необходимо сосредоточить усилия на Дагестане, а не на Черноморском побережье Кавказа. 19 июня 1839 г. Головин сообщал П.Х. Граббе: «Общий наш приятель Н.Н. Раевский продолжает наматывать клубки своих проектов и в огромных тетрадах своих, где только можно, или есть повод, старается первое: доказать, что для блага России поселения прибрежных казаков необходимо, и второе, что занятие берега надо предпочесть всем другим предприятиям на Кавказе. Между тем мы с вами ви-

дим теперь, что готовилось в Дагестане, если бы далее продолжалась независимость Самурских моголов, и если бы мы дали усилиться Шамилю»⁸⁷.

Пафосные заявления Раевского о том, что «он один восстал против пагубных действий на Кавказе», были вызваны скорее желанием угодить императору, который незадолго до этого распорядился «действовать на умы горцев, избегая экспедиций»⁸⁸. Но громкие либеральные фразы и проекты на бумаге плохо способствовали как умиротворению горцев, так и положению подчиненных Раевскому береговых укреплений. Вместо того чтобы блокировать черкесов от связей с турками, гарнизоны причерноморских фортов сами оказались в блокаде. Даже из-за стен укреплений нельзя было показаться, не рискуя жизнью: все, от возделывания огородов до рытья могил, оплачивалось кровью. Кроме того, все усилия полковых медиков были бессильны перед здешней малярией. Дело нередко доходило до того, что $\frac{9}{10}$ солдат гарнизона лежали больными. Е.А. Головин «предполагал сменять гарнизоны этих укреплений чрез каждые две недели, но малочисленность войск вверенного ему корпуса не дозволила привести в исполнение это предположение»⁸⁹.

Тягостным положением гарнизонов не преминули воспользоваться горцы, сумевшие овладеть в феврале—марте 1840 г. укреплениями Лазаревским, Вельяминовским, Михайловским и Николаевским⁹⁰. Падение сразу 4 крепостей произвело тягостное впечатление в Петербурге и способствовало отставке Н.Н. Раевского. Еще 18 февраля 1840 г. Е.А. Головин писал П.Х. Граббе: «Здесь (в столице. — *О. М.*) увидели, наконец, все, смею сказать, шарлатанство предприятия. Занимать берег так, как мы это делали в продолжение трех лет. Пожертвования на эти бесплодные усилия так огромны, что с ними Кавказ мог бы заметно выдвинуться вперед в целом своем устройстве. Я не знаю даже, откуда взять средства поддерживать все эти преданной бедственной своей участи пункты»⁹¹.

В письме П.Х. Граббе от 5 марта 1840 г. Е.А. Головин высказался еще откровеннее: «Раевский очень виноват в том, что поддерживал постоянно эту систему и даже, как вы знаете, после падения форта Лазарева, не остановился предложить занятие еще нескольких новых на берегу пунктов, то есть хочет увеличить зло, которого плоды мы теперь вкушать начинаем. По счастью, здесь, кажется, совершенно убедились в ошибочном взгляде на пользу, которую ожидали приобрести от мнимого завладения всеми постами, где пристают каботажные турецкие суда, а тем паче от мечтательного сближения с горцами в торговом отношении посредством гарнизонов, которые постоянно находятся у них в блокадном состоянии, или просто сказать, взаперти»⁹².

Если бы Раевский только забавлял Петербург своими проектами, Головин бы смирился с его деятельностью и своим отстранением от дел на Черноморской береговой линии. Но массовую гибель гарнизонов Е.А. Головин, как командующий, ответственный за жизнь своих подчиненных, простить Раевскому не мог. 5 мая 1840 г. Головин писал из Феодосии П.Х. Граббе: «Худо то, что

обманывая самого себя, он (Н.Н. Раевский. — *О. М.*) успел ввести в ошибочные расчеты верховные власти. Он не перестал утверждать, что большая часть приморских горцев находится в миролюбивых к нам отношениях, несмотря на то, что берут у нас приступом укрепления. Право не знаю, что мы будем делать с этими прибрежными фортами, хотя, конечно, не лишнее возратить отнятые черкесами пункты. Слава Богу, что беда эта теперь приостановилась от того ли, что гарнизоны усилены, или что горцы удовольствовались полученною уже добычею, оставляя прочее в запас на будущее. Я право не вижу, почему не взяты ими все наши укрепления одно за другим, при решительности, с которою они взялись за дело»⁹³.

Однако идея учреждения Черноморской береговой линии принадлежала не Раевскому, а Николаю I. Поэтому нельзя было допускать и мысли о «шарлатанстве», у Высочайшей воли были лишь плохие исполнители в лице Раевского. Из падения укреплений император сделал иные выводы, нежели Головин: силы горских народов оказались значительнее, чем предполагалось, следовательно, необходимо повысить численность гарнизонов. Исполнять Высочайшую волю пришлось Е.А. Головину.

Корпусный командир прибыл на Черноморскую береговую линию для изучения положения дел на месте. В своем «Обзоре Черноморской береговой линии», датированном июлем 1840 г., он высказал ряд соображений по ее восстановлению и укреплению. «До тех пор, — писал он, — пока горцы не предприняли против наших укреплений открытых приступов, слабые в числе гарнизоны могли охранять их, хотя сами пребывали непрестанно в тесном блокадном состоянии. Но теперь, когда горцы постигли силу свою и слабость наших укреплений, защищаемых малочисленными гарнизонами, при обороне занимаемых нами пунктов, должна быть принята такая система, при которой горцы и помыслить бы не смели о возможности овладеть ими нечаянным нападением, а еще менее открытым приступом. Это тем более необходимо, что береговые укрепления наши по причине морских ветров и сильного прибоя даже в лучшее время года не всегда имеют сообщение с другими пунктами. В таком положении гарнизоны их, оставленные собственной судьбе, должны быть по крайней мере уверены в своей безопасности за твердым оплотом, без чего люди, не имея покоя ни днем, ни ночью, приходят в изнурение, а от этого упадок духа и побеги»⁹⁴.

Е.А. Головин предложил усилить укрепления каменными строениями: «Нет сомнения, что вместо земляного бруствера гораздо надежнейшею обороною будут каменные стены с блокаузами для фланговой и внутренней обороны и оборонительными казармами, вдоль фасов дабы при сокращении объема укрепления иметь в нем более помещений для гарнизона»⁹⁵.

Форты, по мнению Головина, «должны быть построены сколь можно, ближе к берегу моря и к устьям впадающих в него рек на тот конец, чтобы отнимая у горцев сношения с морской стороны, иметь возможность сообщаться с соседними укреплениями посредством Азовских лодок»⁹⁶.

Для поднятия духа гарнизонов Е.А. Головин большое внимание уделял деятельности священников, требуя прислать скорейшего их прибытия в те гарнизоны, в которых они отсутствовали⁹⁷. Во многом эта мера оправдала себя. Сам человек глубоко верующий, Е.А. Головин хорошо понимал, что своим самоотверженным служением духовные пастыри гарнизонов Черноморской береговой линии внушали надежду и утешение солдатам и офицерам, разделяли с ними тяжелую участь защитников фортов, укрепляли боевой дух⁹⁸.

Таким образом, в отличие от Н.Н. Раевского, Е.А. Головин, как только снова получил полномочия руководства Черноморской береговой линией, занимался реальными делами. Стремясь улучшить положение в гарнизонах Черноморской береговой линии, страдавших от местных заболеваний, Е.А. Головин обращается летом 1842 г. к военному министру с просьбой о расширении штата линии медицинскими чинами. 5 августа 1842 г. император утвердил «отношение командира Отдельного Кавказского корпуса к Управлявшему Военным Министерством» и распорядился «усилить Черноморскую береговую линию сверх настоящего комплекта еще восемью медиками и десятью фельдшерами, из числа коих четыре врача и пять фельдшеров должны быть прикомандированы к Бомборскому, а остальные к Новороссийскому или Анапскому военным госпиталям, на тот конец, чтобы всякая потребность в медицинских чинах во всех береговых укреплениях была удовлетворяема из тех пунктов немедленно по получении требований от Коммендантов, или воинских начальников»⁹⁹.

Е.А. Головин добился для удовлетворения духовных потребностей мусульманских подданных России на Черноморской береговой линии приглашения в крепость Анапу муллы с установлением ему жалованья. 10 августа 1842 г. в ответ на отношение командира Отдельного Кавказского корпуса «Высочайше повелеть соизволил: “приглашенному из Керчи в ер. Анапу, для отправления богослужения в Магометанской мечети, которую предположено там возвести, и для обучения Горских аманатов в Анапской школе и приведения к присяге покоряющихся Горцев, Мулле Алимоло, производить жалование наравне с Священниками Православного исповедания”»¹⁰⁰.

В отношении предполагаемых мер торговли с горцами Черноморского побережья были высказаны противоположные мнения генералами П.Х. Граббе и Н.Н. Раевским. Генерал Граббе не видел «возможности к заведению торгова с горцами и пресечению существующих у них коммерческих и родственных связей с турками, потому что горцы не имеют ни денег, ни произведений для платы за товары, коим могли бы быть доставлены нашими торговцами»¹⁰¹. Генерал П.Х. Граббе считал, что «главнейшие вознаграждения за товары туркам состояли в невольниках и невольницах, какового вознаграждения не существует для наших торговцев»¹⁰².

В свою очередь, генерал-лейтенант Н.Н. Раевский, по мнению Е.А. Головина, в своих посланиях в Петербург строил радужные проекты, где представлял «богатство края, его народонаселения и стремление этого народонаселе-

ния к торговле с нами в преувеличенном виде»¹⁰³. Не без сарказма командир Отдельного Кавказского корпуса писал военному министру 20 апреля 1841 г. о проектах Раевского: «По своим блестящим надеждам на огромное развитие торговли у горцев, ожидаемым им после открытия в наших укреплениях мены с горцами, можно подумать, что эти ожидания относятся до народа, у коего существует промышленность, или по крайней мере земледелие достигло значительного развития, и что этот народ не знает, куда девать избытки своих произведений»¹⁰⁴.

Головин не согласился ни с первой, ни со второй позицией, выдвинув собственную аргументацию. По мнению Евгения Александровича, несмотря на более чем скромное развитие горской промышленности, «внешний меновый торг у них постоянно существовал, и до занятия нами Восточного берега Черного моря этот торг был довольно значителен. Генерал Граббе говорит, что главная плата горцев за привозимые товары состояли из невольников и невольниц, у нас взамен того открылись другие нужды, которым горцы могут удовлетворять своими произведениями, — это потребность в свежих жизненных припасах для гарнизонов укреплений и в лесе для дров и построек, в коих турецкие контрабандисты не имеют надобности»¹⁰⁵. Само прекращение торговли невольницами на Черноморском побережье Кавказа, считал Е.А. Головин, «может иметь полезное влияние на развитие торговли и на нравственный характер горцев. Когда внешний торг невольниками существовал, — пояснял корпусный командир, — черкес, имеющий непосредственное отвращение к труду <...>, только и помышлял о похищении пленных, за которых он мог получить все, что ему нужно. С открытием же торговли в наших укреплениях горцы убедятся, что только произведения их земли и труда могут им доставить то, чего у них нет, и вместо хищничества по необходимости обратятся к работе, и мало-помалу приобьют к ней, а богатство их края с избытком вознаградит труды»¹⁰⁶.

Е.А. Головин указывал, что даже в моменты отчаянного противостояния меновая торговля горцев с русскими не прекращалась: «Опыты менового торгога в черкесах в 1840 году при общем враждебном энтузиазме противу нас, произведенном взятием горцами укреплений, служат доказательствами возможности этого торгога»¹⁰⁷. Одну из причин участия горцев в опасном контрабандном промысле с турками Головин видел в том, что «мы не заменили его (контрабандный рынок. — *О. М.*) своим»¹⁰⁸.

Вместе с тем будущее в развитии торговли с горцами Е.А. Головин видел не в укреплениях Черноморской береговой линии с их специфическими задачами борьбы с контрабандной торговлей, а в учреждении здесь гражданских поселений. «Гораздо большего успеха, — писал корпусный командир, — должно ожидать в распространении и утверждении торговли с горцами от исключительного предоставления ей переселенцам на Восточный берег. В торговле этой переселенцы при ограниченных капиталах могут найти средства к своему существо-

ванию и некоторому обогащению, и потому предадутся ей со всевозможным старанием и желанием успеха, и если мы достигнем заведения таким образом торговли, то она будет утверждена на прямом основании и в постепенном развитии ея, соразмерно средствам края, нельзя сомневаться»¹⁰⁹. Переселенческая практика на побережье, которой также приходилось заниматься Е.А. Головину, постепенно давала свои плоды. В 1841 г. за станицей Благовещенской при соединении Кизилташского и Кубанского лиманов был основан поселок из 9 семей, названный Благовещенской стрелкой. На острове Счастливом между протоками Кубани и речкой Джигой командованием Отдельного Кавказского корпуса также было «водворено 12 семейств и до 70 человек одиноких»¹¹⁰.

Благодаря во многом усилиям командующего Отдельным Кавказским корпусом к 1842 г. во всех укреплениях Северо-Западного Кавказа имелись торговцы и лавки. В Анапу, Новороссийск, Геленджик черкесы приезжали значительными партиями, привозя скот, птицу, сало, кожи, мед, ягоды, лес, дрова, дикие плоды, а также изделия кустарных промыслов¹¹¹. В обмен горцы увозили в свои аулы бумажные и полушелковые ткани, сафьян, холст, а также главный предмет мены — соль¹¹².

Попытался Е.А. Головин наладить и переговорный процесс с убыхами. Здесь он действовал через своего инициативного помощника, генерал-майора Н.Н. Муравьева, которому доверял¹¹³. Последний, а также генерал А.И. Будберг хорошо усвоили стремление своего начальника Е.А. Головина к миру на Черноморском побережье Кавказа. В ходе переговоров русское командование не раз демонстрировало готовность уважать особенности мировоззрения горцев¹¹⁴. Так, на встрече с убыхским предводителем Хаджи-Берзекком генерал А.И. Будберг с пониманием отнесся к стремлению убыхов отправить депутатов к султану, для того чтобы окончательно выяснить: действительно ли Турция отказалась от своих кавказских подданных и от помощи им в борьбе с Россией. Результаты встреч с горским лидером сформировали у А.И. Будберга убеждение, что вхождение убыхов в состав России — вопрос времени. Но подвела разница в подходах сторон к заключению мира. Хаджи-Берзек и его окружение, хорошо осведомленные о легкости перемен в общественном мнении горцев, просили ускорить дело. Русское командование не могло избежать процедуры необходимой в империи бюрократической переписки¹¹⁵. В итоге выборы депутатов затянулись, начались распри. На состоявшемся спустя год собрании один из влиятельных убыхов был убит, выборы были приостановлены, и обсуждение свелось к тому, как остановить кровомщение¹¹⁶. Несмотря на здравомыслие Хаджи-Берзека, убыхи оказались неготовыми стать выше фамильных противоречий и отказаться от независимости за счет гарантий стабильного развития в составе Российской империи. В свою очередь, русское командование в условиях сложившейся громоздкой системы принятия решений не смогло мобильно отреагировать на сложившийся благоприятный момент в расстановке сил и упустило время.

Многие современники, характеризовавшие личность Головина, отмечали его душевные, человеческие качества, высокую религиозность, которая во многом определяла нравственный характер действий генерала на Кавказе. Г.И. Филиппсон писал о Головине: «Он был человек строго-честный, нравственный и доброжелательный»¹¹⁷. Д.А. Милютин, сообщая о радушии и гостеприимстве Е.А. Головина и его супруги, отмечал: «Головины были очень религиозны <...>. В этой семье я нашел самое радушное гостеприимство <...> и чрез короткое время чувствовал себя у них, как у старых, близких знакомых»¹¹⁸.

Высоко ценил Е.А. Головина выдающийся военный и государственный деятель России М.С. Воронцов. М.П. Щербинин вспоминал: «Неоднократно слышал я от князя Воронцова <...> самые лестные отзывы о деятельности Головина <...>. На Кавказе князь Воронцов с любовью проследил все совершенное там Е.А. Головиным и находился с ним, поэтому, в частной переписке»¹¹⁹. А.П. Ермолов не без досады сообщал Н.П. Годаину в 1845 г., что «Воронцов в большой переписке с Головиным, к которому тотчас по прибытии в Тифлис прислал письмо на восьми страницах. Благодарит его за советы»¹²⁰.

Граф Д.Н. Толстой, служивший под начальством Евгения Александровича в Прибалтике, отмечал, что «Головин был, несомненно, человек религиозный и благочестивый <...>, постоянно был верен правилам христианской нравственности»¹²¹.

В свою очередь, один из первых биографов Е.А. Головина, Ю.В. Толстой, как-то заметил: «На Кавказ само правительство смотрело как на пункт чисто военный, как на какой-то обширный плац-парад, где можно было на опыте приложить сведения, вынесенные из слушанных со школьной лавки лекций стратегии и тактики. Самые лица, призванные к начальствованию этим краем, кто были они? Генералы, отличившиеся воинской доблестью — это правда! Имена их дороги сердцу каждого Русского, в том нет сомнения! Но если, с усилием подавив чувство восторга, невольно вызываемое в Русском всяким подвигом воинской отваги, по совести спросить себя: кто из этих генералов заботился не о преходящей, часто бесследно, славе удачных поражений неприятеля, а о более прочной славе установления гражданского порядка в Кавказском крае, применения этого порядка к местным требованиям, водворения в самих туземцах сознания, что порядок этот обеспечит их собственное благополучие»¹²². Между тем, полагал Ю.В. Толстой, «на Кавказе не все берется “на ура”, что покорение Кавказа должно быть скорее нравственное, чем военное»¹²³. К тем, кто стремился к «нравственному покорению» и «славе установления гражданского порядка», он отнес Цицианова, Ермолова, Воронцова и Бярятинского, однако всей логикой повествования делает причастным к этой задаче и генерала Е.А. Головина: «Евгения Александровича Головина нельзя причесть к лику государственных сановников, которых имена заносятся в бытописание народов; он не из тех людей, каковых отечество обязано почитать памятником; но в нем следует уважать одно великое качество, качество,

к сожалению, во все времена, и у всех народов слишком редкое: честность! — не ту обыкновенную честность, которой напрасно придается исключительное значение бескорыстия (составляющую не добродетель гражданскую, а не более как отсутствие караемого законами всякой страны порока), но честность в смысле гражданском, в смысле человеческом»¹²⁴.

Представляется, что принятие во внимание изложенных обстоятельств позволит более осторожно относиться к накопившимся в литературе стереотипам, связанным с военно-административной и политической деятельностью на Кавказе Е.А. Головина. Его посильный вклад в созидательную работу в регионе немало способствовал решению важнейших стратегических задач, осознанию пагубности потакания сиюминутным успехам в ущерб государственным интересам. Евгений Александрович не раз демонстрировал необходимость познания мира народов Чечни, Дагестана, Черноморского побережья Кавказа, проявил стремление к поискам иных, менее драматичных решений кавказского вопроса, открыл своим преемникам перспективы движения России и местных народов навстречу друг другу.

Примечания

¹ Ермолов А.П. Кавказские письма 1816–1860 / Отв. ред. Я.А. Гордин. СПб., 2014. С. 476.

² Вейденбаум Е.Г. Кавказские этюды / Сост. и вст. ст. С.В. Болгачева. Пятигорск, 2013. С. 337.

³ Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. Мозаика северокавказской жизни: события и процессы XIX — начала XX веков. Пятигорск, 2012. С. 407.

⁴ Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. М., 2004. С. 401. В последнее время свежий взгляд на головинский период в истории Кавказа демонстрирует аспирант В.С. Кондусов. См.: Кондусов В.С. Военная и государственная деятельность генерала Е.А. Головина // «Гром победы, раздавайся!»: Материалы XI Международных Дворянских чтений / Научн. ред. О.В. Матвеев. Краснодар, 2015; *Его же*. Черноморья и Правый фланг Кавказской линии в орбите военно-административной и политической деятельности на Кавказе Е.А. Головина // Историческая и социально-образовательная мысль.

Краснодар, 2016. № 8; *Его же*. Горские народы Закавказья в политике генерала Е.А. Головина // «Желавший истинно славы Отечества своего...»: Материалы XII Международных Дворянских чтений / Научн. ред. О.В. Матвеев. Краснодар, 2016.

⁵ Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867). М., 2014. С. 18.

⁶ Генерал от инфантерии Евгений Александрович Головин // Кавказцы или подвиги и жизнь замечательных лиц, действовавших на Кавказе / Под ред. С. Новоселова. СПб., 1859. Вып. 37–47. С. 80.

⁷ Толстой Ю.В. Очерк жизни и службы Е.А. Головина // Деятельность в XIX веке. Исторический сборник, издаваемый Петром Бартевым (издателем «Русского архива»). М., 1872. Кн. 1. С. 43.

⁸ Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана / Пер. с англ. В. Симакова. М., 1998. С. 143.

⁹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1268. Оп. 1. Д. 88. Л. 41об.

¹⁰ Там же. Л. 20об.

¹¹ Там же.

- ¹² Там же. Л. 27.
- ¹³ Там же. Л. 34об.
- ¹⁴ Там же. Л. 35об.-36.
- ¹⁵ Там же. Л. 38–38об.
- ¹⁶ *Корф М.А.* Записки / Под ред. И. Захарова. М., 2003. С. 330.
- ¹⁷ *Ружицкая И.В.* М.А. Корф и его дневник // Корф М.А. Дневник 1838 и 1839 гг. / Под ред. И.В. Ружицкой. М., 2010. С. 11.
- ¹⁸ *Корф М.А.* Дневник 1838 и 1839 гг. С. 446.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 88. Л. 40об.
- ²⁰ Там же. Л. 41.
- ²¹ Там же. Л. 47.
- ²² Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 169. Д. 96. Л. 2.
- ²³ *Милютин Д.А.* Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1816–1843 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 1997. С. 277.
- ²⁴ См.: *Осипова М.Н.* Великий русский реформатор фельдмаршал Д.А. Милютин. М., 2005. С. 127–136.
- ²⁵ *Ткаченко Д.С., Колосовская Т.А.* «Мы на Кавказе воевали не для того, чтобы разбить неприятеля и уйти...»: Социокультурная деятельность Кавказской армии (по воспоминаниям и исследованиям современников). Ставрополь, 2011; *Колосовская Т.А.* Российские военные в социокультурном пространстве Северного Кавказа XVIII–XIX вв. М., 2015; *Матвеев О.В.* «...Наше время обязано собирать материал из уст народа, ныне возрождающегося»: из истории военного кавказоведения в России // Вопросы южнороссийской истории: научный сборник / Под ред. С.Н. Ктиторова. Вып. 19. Армавир, 2015.
- ²⁶ *Колосовская Т.А.* Указ. соч. С. 84–88.
- ²⁷ Очерк положения военных дел на Кавказе с начала 1838 по конец 1842 года (Записка, составленная Головиным и напечатанная в 1846 году в Риге, в самом ограниченном числе экземпляров) // Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссией (АКАК): В 12 т. Тифлис, 1885. Т. IX. С. 278–279.
- ²⁸ Там же. С. 306.
- ²⁹ Там же. С. 296.
- ³⁰ *Вейденбаум Е.Г.* Указ. соч. С. 337.
- ³¹ *Атарщиков Г.* Заметки старого кавказца о боевой и административной деятельности на Кавказе генерал-лейтенанта барона Григория Христофоровича Засса (сырой материал для истории покорения Кавказа) // Военный сборник. 1870. № 8. С. 316.
- ³² Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 670. Оп. 1. Д. 19. Л. 281.
- ³³ Там же.
- ³⁴ *Вейденбаум Е.Г.* Указ. соч. С. 338–339.
- ³⁵ Там же. С. 338.
- ³⁶ *Блиев М.М.* Указ. соч. С. 671.
- ³⁷ *Ермолов А.П.* Указ. соч. С. 530.
- ³⁸ Там же. С. 535.
- ³⁹ *Гордин Я.А.* Ермолов. М., 2012. С. 456.
- ⁴⁰ РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 93. Л. 41об.
- ⁴¹ Там же. Л. 4–4об.
- ⁴² Там же. Л. 4об.
- ⁴³ Там же. Л. 4об.–5.
- ⁴⁴ Там же. Л. 5–5об.
- ⁴⁵ Там же. Л. 5об.–6.
- ⁴⁶ Там же. Л. 6.
- ⁴⁷ Там же. Л. 8об.
- ⁴⁸ Там же. Л. 9об.
- ⁴⁹ Там же. Л. 10.
- ⁵⁰ Там же. Л. 45.
- ⁵¹ РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 98. Л. 1.
- ⁵² Там же. Л. 1об.
- ⁵³ Там же. Л. 2.
- ⁵⁴ *Блиев М.М.* Указ. соч. С. 392.
- ⁵⁵ *Юров А.* 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе // Кавказский сборник. Т. X. Тифлис, 1886. С. 370.
- ⁵⁶ АКАК. Т. IX. № 312. С. 346.
- ⁵⁷ Очерк положения военных дел на Кавказе с начала 1838 по конец 1842 года. С. 293.
- ⁵⁸ Там же. С. 295.

- ⁵⁹ Юров А. 1840, 1841 и 1842-й годы на Кавказе (Продолжение) // Кавказский сборник. Тифлис, 1887. Т. XI. С. 264–265.
- ⁶⁰ Очерк положения военных дел на Кавказе с начала 1838 по конец 1842 года. С. 294.
- ⁶¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 62. Оп. 1. Д. 24. Л. 135.
- ⁶² Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720–1860 / Пер. с англ. Л.А. Калашниковой. М., 2007. С. 260.
- ⁶³ Очерк положения военных дел на Кавказе с начала 1838 по конец 1842 года. С. 295.
- ⁶⁴ Блиев М.М. Указ. соч. С. 407.
- ⁶⁵ Кавказские записки декабриста В.С. Толстого (публ. В.А. Захарова) // Сборник Русского исторического общества. Т. 2 (150). Россия и Северный Кавказ / Под ред. О.М. Рапова. М., 2000. С. 119–120.
- ⁶⁶ Там же. С. 120–121.
- ⁶⁷ АКАК. Т. IX. № 318. С. 351.
- ⁶⁸ Цит. по: Блиев М.М. Указ. соч. С. 409.
- ⁶⁹ АКАК. Т. IX. № 274. С. 278.
- ⁷⁰ Кавказский вектор российской политики: Сборник документов. Т. II. Кн. 2. 1796–1864 гг. / Сост. М.А. Волхонский, В.М. Муханов. М., 2014. № 125. С. 558–559.
- ⁷¹ Мальцев В.Н. Российская власть на Кавказе и наибы Шамиля: отношения и контакты // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа — IV: Материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск, 18–20 ноября 2011 г. Пятигорск, 2012. С. 226–227.
- ⁷² Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб., 2003. С. 31.
- ⁷³ Ермолов А.П. Указ. соч. С. 476.
- ⁷⁴ Блиев М.М. Указ. соч. С. 393.
- ⁷⁵ Сохт А. Черноморская береговая линия: сущность и функции // Россия и Черкесия (вторая половина XVIII–XIX вв.). Майкоп, 1995. С. 156.
- ⁷⁶ АКАК. Т. IX. № 234. С. 505.
- ⁷⁷ Блиев М.М. Указ. соч. С. 677.
- ⁷⁸ См., например: Бижев А.Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис Восточного вопроса в конце 20-х — начале 30-х гг. XIX века. Майкоп, 1994. С. 297–305.
- ⁷⁹ Филипсон Г.И. Воспоминания. 1837–1847 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб., 2000. С. 133–134.
- ⁸⁰ Ольшевский М.Я. Указ. соч. С. 27.
- ⁸¹ Кавказские записки декабриста В.С. Толстого. С. 124.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ Там же. С. 125.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ РГВИА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 24. Л. 3.
- ⁸⁷ Там же. Л. 43.
- ⁸⁸ Блиев М.М. Указ. соч. С. 678.
- ⁸⁹ Васильев Е. Черноморская береговая линия 1834–1855 гг. (Из Кавказской войны) // Военный сборник. СПб., 1874. Т. LXLVIII. С. 9.
- ⁹⁰ Там же. С. 11–12.
- ⁹¹ РГВИА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 24. Л. 95.
- ⁹² Там же. Л. 100.
- ⁹³ Там же. Л. 112.
- ⁹⁴ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 116. Л. 91об.–92.
- ⁹⁵ Там же. Л. 92об.–93.
- ⁹⁶ Там же. Л. 97–97об.
- ⁹⁷ Там же. Л. 138об.
- ⁹⁸ Матвеев О.В. «С крестом в руках между рядами солдат...» Из истории духовной жизни в укреплениях Черноморской береговой линии (30–50-е годы XIX века) // Кавказский сборник. Т. 5 (37) / Под ред. В.В. Дегоева. М., 2008. С. 111.
- ⁹⁹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2. Т. XVII. Отд. 1. 1842. СПб., 1843. Ст. 15926. С. 825.
- ¹⁰⁰ Там же. Ст. 15946. С. 842.
- ¹⁰¹ РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 134 в. Л. 87об.–88.
- ¹⁰² Там же. Л. 88.
- ¹⁰³ Там же. Л. 88–88об.

- ¹⁰⁴ Там же. Л. 88об.
- ¹⁰⁵ Там же. Л. 89–89об.
- ¹⁰⁶ Там же. Л. 90–90об.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 90об.
- ¹⁰⁸ Там же. Л. 91об.
- ¹⁰⁹ Там же. Л. 94–94об.
- ¹¹⁰ *Новицкий В.* Анапа и закубанские поселения // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX — начале XX века / Сост. П.А. Кузьминов. Нальчик, 2004. С. 30.
- ¹¹¹ *Пылков О.С.* Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII — первая половина XIX вв.). Армавир, 2011. С. 40.
- ¹¹² Там же. С. 40–41.
- ¹¹³ АКАК. Т. IX. № 436. С. 508.
- ¹¹⁴ См.: *Матвеев О.В.* Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. Краснодар, 2015. С. 150.
- ¹¹⁵ Там же. С. 151.
- ¹¹⁶ *Вершигора А.Д.* О позиции Хаджи-Берзека Догомуко по вхождению Убыхии в состав России (1842–1844 гг.) // «Добродетель и честь должны быть оному правилами...»: дворянство Северного Кавказа на службе Российской империи: Материалы VI Международных Дворянских чтений / Науч. ред., сост. О.В. Матвеев, Е.М. Сухачева. Краснодар, 2010. С. 214.
- ¹¹⁷ *Филипсон Г.И.* Указ. соч. С. 123.
- ¹¹⁸ *Милютин Д.А.* Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1816–1843. С. 276.
- ¹¹⁹ *Щербинин М.П.* Заметка по поводу очерка жизни и службы Е.А. Головина // Русский архив. М., 1872. Кн. 3. С. 707.
- ¹²⁰ *Ермолов А.П.* Указ. соч. С. 474.
- ¹²¹ *Толстой Д.Н.* К биографии Е.А. Головина // Русский Архив. М., 1872. Кн. 10. С. 1954–1955.
- ¹²² *Толстой Ю.В.* Указ. соч. С. 44.
- ¹²³ Там же. С. 45.
- ¹²⁴ Там же. С. 64.

«Настоящий кавказец» и другие: генезис фронтирных идентичностей в эпоху Кавказской войны

Трудно представить более сложную и тонкую материю, чем современная идентичность члена того или иного общества. Ее определение носит чрезвычайно ситуативный характер и в каждом конкретном случае предопределяется целым набором факторов, значение которых может остаться скрытым для стороннего наблюдателя. Подобная ситуативная, вариационная и даже дрейфующая идентичность широко распространена в национальных республиках Северного Кавказа. У жителей Кабардино-Балкарии, владеющих адыгэбзэ (кабардино-черкесский язык), определение этнической идентичности напрямую зависит от языка, на котором сформулирован вопрос. «Кто ты?» — на русском вызовет ответ — «кабардинец», а после того же вопроса на адыгэбзэ последует отклик — «адыг»¹.

Можно подумать, что подобное состояние дел на современном российском Северном Кавказе является не чем иным, как наследием советской национальной политики, призванной изжить национализм путем его искусственного конструирования и подхлестывания². Однако история формирования и развития подобных многовалентных идентичностей на Кавказе имеет существенно более глубокую историю. Этот процесс связан с приходом в регион Российской империи, с распространением здесь современных институтов и практик, которые, соприкасаясь с незнакомой и в корне отличной средой, не только преобразовывали последнюю, но и сами приобретали новые формы и содержание.

В эпоху Кавказской войны³ в крае сформировалась целая палитра фронтирных идентичностей: эт-

**Амиран
Тариелович
УРУШАДЗЕ**

ническая, конфессиональная, профессиональная, корпоративная. Каждая из них имела собственные особенности проявления и воспроизводства, но всех их объединяли общие пространство и время. Иначе говоря, общий хронотоп кавказского фронта.

Изучение различных метаморфоз идентичности в пространстве фронта не имеет самостоятельной и устойчивой традиции. Но вместе с тем данная проблематика почти неизменно выступает одним из сюжетов в исследованиях, посвященных феномену пограничья⁴. В статье Д.И. Олейникова на основе мемуаров Мусы-паши Кундухова была предпринята попытка проанализировать особенности психологии русского офицера-горца⁵, мировоззрение которого оказалось расколотым между долгом службы и зовом крови или этнической солидарностью. М. Ходарковский рассмотрел несколько примеров судьбы и службы русских офицеров и горцев, выполнявших роль посредников между имперской администрацией и горскими обществами⁶. Такая историографическая ситуация позволяет говорить о назревшей необходимости комплексного исследования особенностей складывания фронтальных идентичностей на Кавказе в первой половине — середине XIX столетия. Попытка реализации подобной задачи представлена в данной работе.

Пространство кавказского фронта: земля и люди

Как и любое социокультурное явление, генезис идентичностей проходит в определенных условиях, которые, в свою очередь, формируются единством пространства и времени. Для исследуемого феномена фронтальных идентичностей условиями формирования и дальнейшего развития были условия кавказского пограничья, детерминированные соответственно особенностями пространства края и эпохой Кавказской войны.

Рассуждая о пространстве, необходимо, вслед за Ю. Остерхаммелем, принимать во внимание, что оно не только характеризуется природно-ландшафтными параметрами и их восприятием, но и представляет собой контактную арену различных культур/цивилизаций⁷. В географическом плане пространство Кавказа представляет собой естественную границу между Европой и Азией, образованную величественной горной грядой. Не случайно Кавказ в мусульманской картине мира — это «Каф», естественная граница обитаемого пространства, горная цепь, окружающая землю, «как перстень палец»⁸.

Для русских солдат и офицеров, крестьян-переселенцев незнакомые и невиданные ранее природно-климатические условия стали основой развития представлений о Кавказе, как об «иной» земле. При этом «инаковость» кавказского пространства со временем приобрела и символический характер. В одном из кавказских рассказов Л.Н. Толстого русский офицер — ротный командир Болхов, определяя мотивы выбора места службы, указывает на «пре-

странное предание про Кавказ, будто это какая-то обетованная земля для всякого рода несчастных людей»⁹.

Русский человек — это человек равнины, открытого простора. Резкая смена пространственной горизонтали (равнины) на пространственную вертикаль (горы) вызывала смешанные чувства восторга и страха. Именно горы стали символом Кавказа для русского человека в XIX в. и во многом остаются подобным символом и ныне. «Радикальная смена рельефа, — как отмечает Я.А. Гордин, — была не главной, но достаточно важной составляющей взаимоотношений русского человека и Кавказа»¹⁰. Прямое противопоставление равнины и гор нередко встречается в литературных произведениях современников кавказских событий. В стихотворении А.С. Грибоедова «Хищники на Чегеме» привлекает внимание следующее четверостишие: «Двиньтесь узкою тропою! // Не в краю вы сел и нив. // Здесь стремнина, там обрыв, // Тут утес — берите с бою»¹¹. Не менее выразительно произведение Я.П. Полонского¹² «На пути из-за Кавказа», в котором подчеркивается оппозиционность двух типов пространств — русского и кавказского: «Выси гор, в облака погруженные // Расступитесь! Приволье станиц... // Расстилаются степи зеленые... // Я простору не вижу границ // И душа на простор вырывается // Из-под власти кавказских громад... // Колокольчик звенит — заливаётся // Кони юношу к северу мчат»¹³.

Природно-климатические условия кавказского региона были не только предметом вдохновения русских поэтов¹⁴, но и серьезным противником, едва ли не более опасным и непримиримым, чем отряды горцев-«герильерос». В сочинении В.И. Мочульского¹⁵ «Война на Кавказе и Дагестан» автор, служивший в 1834–1838 гг. на Кавказе и занимавшийся разведывательной деятельностью на территории имамата, среди причин затягивания Кавказской войны первой отмечал «препятствия природы»¹⁶. Непривычные к продолжительным маршам в горной местности, солдаты Отдельного Кавказского корпуса (с 1857 г. Кавказской армии) быстро истощали свои силы, не имея возможности настигнуть отряды горцев. В.И. Мочульский так описывает состояние солдат после многих часов горных переходов: «Люди от изнеможения падают и с неопикуемой жадностью ищут по безводным горам воды для утоления жажды, а холодный ключ или ручей есть гибель для отряда. Солдаты бросаются к оному толпами, и многие умирают от неумеренно утоленной жажды. Тут ни приказанья, ни сила не в состоянии удержать несчастных — это борьба за жизнь»¹⁷.

Условия ведения войны, особенности местного климата и ландшафта становились для русских войск на Кавказе неременной и неотделимой частью противной стороны. В одном из своих многочисленных трудов, посвященных войне на Кавказе, Д.А. Милютин писал о военных действиях здесь как о «покорении неприязненного края»¹⁸. В ходе масштабных экспедиций в горы действующие отряды русской армии сталкивались с огромными трудностями, связанными с транспортировкой артиллерии и движением обозов. Узкие горные тропинки даже после их расширения саперами позволяли провозить

только легкие орудия и лишь на одном колесе катившимся по тропинке, в то время как другое удерживалось силой солдатских рук при помощи канатов. Армейские части разбивали лагерь прямо под открытым небом, в отсутствие застрявшего на очередном перевале обоза, не имея средств укрытия от проливного дождя и порывистого, холодного ветра¹⁹.

Русской армии на Кавказе необходимо было приспособливаться как к противнику, так и к природно-климатическим условиям театра войны. Уже к концу первой четверти XIX в. внешний вид солдат и офицеров Отдельного Кавказского корпуса мало соответствовал уставным стандартам. Эмиссар Николая I, полковник Ф.Ф. Бартоломей, инспектировавший кавказские войска императора в 1826 г., в своем рапорте отметил: «Люди не выправлены, не обучены, и только мундиры, изредка надеваемые (ходят здесь большей частью в разорванных шинелях, бурках, архалуках, в черкесских шапках и проч.), заставляют иногда догадываться, что это должны быть солдаты»²⁰. Кавказ прodelывал с русскими солдатами тот же фокус, что и американский Дикий Запад с колонистами-фронтирsmенами, которые расстались с «цивилизованными одеждами» и облачились в «охотничью куртку и мокасины»²¹.

В ходе военного противостояния империи и горцев заимствования носили взаимный характер. Если русские солдаты и офицеры облачались в более удобный и больше подходящий местным условиям костюм или его отдельные элементы, то в отрядах имама Шамиля с начала 1840-х годов начинают появляться командно-должностные звания и военные награды. Среди знаков отличия имели место: круглые и треугольные медали, серебряные эполеты и темляки, «полузвезды». Исследователи сходятся во мнении, что наградная система войск имама Шамиля развивалась под влиянием соответствующей практики русской армии. Как отмечает Х.М. Доного: «О непосредственном влиянии русской наградной системы на горскую говорит и то, что в ряде надписей встречается слово “медаль” и награда в виде темляка — по образцу анненского или георгиевских темляков»²².

Эти и другие взаимные заимствования материальных комплексов и их частей носили ограниченный характер. Параметры противостояния (ожесточенность, длительность) были заданы принципиальным антагонизмом двух различных символических метапрактик — модернизированной имперской и традиционной горской. Кавказская война стала войной взаимного непонимания²³. Русской армии (европейскому механизму, основанному на точном и тотальном воспроизводстве дисциплинарных техник) противостояло ополчение горских социумов — военная организация, фундаментом которой были традиции предков, своеобразного горского рыцарства и агональный дух. Такое положение приводило к многочисленным трагическим случаям²⁴, следствием которых было ожесточение сторон и эскалация конфликта.

С проблемой отсутствия «общих правил игры» пришлось столкнуться и местной коронной администрации, которая в начале XIX в. не отличалась

эффективностью. Чиновники, не понимающие местных языков, население, внезапно столкнувшееся с новыми и невиданными ранее порядками судопроизводства и управления. Все это порождало крайнюю степень недоверия и отчужденности. Сложившееся положение лаконично описал главнокомандующий в Грузии П.Д. Цицианов: «Для них все ново, для нас все странно»²⁵.

Противоборствующие стороны не только были взаимно «другими» («чужими»), но и испытывали острый и столь же взаимный дефицит знаний друг о друге. «Проконсул Кавказа» А.П. Ермолов в первые годы своей службы на Кавказе не стеснялся признавать скудость собственных познаний о крае и его жителях. Так, в письме к М.С. Воронцову он писал: «Я в такой земле (на Кавказе. — А. У.), где незнакомые мне предметы, занятия, по роду для меня совсем новые, дают мне чувствовать недостатки моих способностей»²⁶.

Дефицит знаний преодолевался крайне медленно. Еще в 1848 г. газета «Кавказ»²⁷, издававшаяся в Тифлисе — центре Кавказского наместничества, в передовице «новогоднего» выпуска, определяя содержание и важность собственной миссии, отмечала: «...край Кавказский так обширен, все части и все стороны его так мало известны, что могут представить много нового и любопытного не только для Русских, но даже и для туземцев. И кроме того, газета издавалась сколько для тех, столько же и для других, исполняет двойное и весьма важное назначение: нас русских знакомит она с любопытною богатою страной, о которой мы знаем, кажется, меньше, нежели об Америке, и с которою однако судьба связала нас неразрывными узами братства и общих выгод: между туземцами распространяет мало-помалу охоту к чтению и укореняет понятия более чистые, образ мыслей и взгляд более образованные»²⁸.

Взаимное незнание обрекало участников противостояния на изучение и переоценку друг друга в пространстве южнороссийского фронта, в ходе контактов разнообразного типа: вооруженного столкновения, торговых операций, медицинской помощи, плена и суда²⁹. Результаты амальгамизации описанных различий и сближения «непохожостей» были бы невозможны без еще одного (наряду с пространством) фундаментального условия. Речь идет о времени Кавказской войны и его свойствах.

Время Кавказской войны

С материалистической точки зрения категория времени не более чем фикция. Времени, по сути, нет. Существует лишь движение материи в пространстве, а все остальное — проблемы и следствия воображения. Движение материи в первой половине — середине XIX столетия не отличалось по сегодняшним меркам высокой скоростью. Нормативы скорости, установленные для российских ямщиков в 1824 г., составляли от восьми верст в час осенью до двенадцати зимой. На преодоление российских просторов даже в экстремальных случаях тратилось изрядное количество времени. О вторжении Наполео-

на в Твери узнали только 10 июля, спустя месяц после форсирования Немана Великой армией 12 июня 1812 г.

«Кавказ от России далеко...» — это замечание из письма³⁰ князя Д.И. Святополка-Мирского, написанного в 1855 г. Кавказ не только воспринимался, но и являлся далекой, почти «заморской» периферией, по которой передвигаться было не только утомительно, но и опасно. Для путешествия по Кавказу необходимо было иметь сильный эскорт, но и при нем нельзя было чувствовать себя вполне безопасно. Офицеры Отдельного Кавказского корпуса иронизировали: «Чтобы видеть в Чечне высокие шести с кусками на них красной и желтой материи; надгробия наездников; простую саклю кутанов (хуторов) или колючий тын засеянной кукурузою поляны, нужно несколько батальонов и орудий в прикрытие. Так путешествовать не в силах ни один английский лорд; но я, служа в рядах русской армии, видел эти виды за сходную, пустую плату: рискуя потерять голову»³¹.

В начале XIX столетия о событиях, происходящих на Кавказе, мало что знали не только в столицах империи, но и в губерниях, непосредственно к нему примыкающих. Молодой А.Х. Бенкендорф, служивший на Кавказе вместе с будущим Кавказским наместником М.С. Воронцовым, 5 марта 1804 г. писал из Херсона: «На линии по крайней мере говорили о тамошнем крае, но здесь счастливые и беспечные малороссиянки едва знают, что войска наши в Грузии, а еще менее, что несчастный этот край окружен войною»³². О жизни на Кавказе образованная российская публика узнавала с большим опозданием, а дошедшие сведения часто бывали ошибочными. В первой половине XIX в. географическая периферийность сопровождалась неизменной спутницей — информационной периферийностью. Это хорошо выражено А.С. Грибоедовым в «Письме к издателю “Сына Отечества”»: «Теперь представьте мое удивление: между тем, как я воображал себя на краю света, в уголке, пренебреженном просвещенными жителями столицы, на днях, перебиравши листки Русского инвалида, в № 284 прошедшего декабря, между важными известиями об американском жарком воскресенье, о бесконечном процессе Фуальдеса, о докторе Верлинге, Бонапартовом лейб-медике, вдруг попадаю на статью о Грузии: стало быть, эта сторона не совсем еще забыта, думал я; иногда и ею занимаются, а следовательно, и теми, которые в ней живут... И было порадоваться, но что же прочел?»³³. А.С. Грибоедов негодовал по поводу ложной информации о якобы происшедшем в Тифлисе восстании. Поэт завершил свое письмо ироничным укором в адрес столичной публики: «...если здешний край в отношении к вам, господам петербуржцам, по справедливости может называться краем забвения, то позволительно только что забыть его, а выдумывать или повторять о нем нелепости не должно»³⁴.

К середине XIX в. положение не изменилось. Жители внутренних губерний Российской империи по-прежнему имели о Кавказе самые смутные представления. В русские гарнизоны, расквартированные в крепостях и редутах

многочисленных укрепленных линий, приходили письма с указанием таких адресов, как, например: «В крепость Новороссию, что в земле Горских народов, на Абазинских островах»³⁵.

Периферийность региона (как и в случае с некоторыми другими окраинами Российской империи) имела не только пространственное, но и временное измерение³⁶. Оторванность Кавказа от остального тела империи искривляла течение времени. Гарнизоны укреплений, расположенных на Кавказской линии, лишь изредка получали «что-то вроде книг, а иногда и изорванный Инвалид³⁷, о котором уже давно забыли в России»³⁸. Новости внутренней и внешнеполитической жизни страны доходили до русских солдат и офицеров, служащих на Кавказе, самым причудливым образом: «...я помню, мы тогда только узнали о поездке Государя Императора в Англию, когда прочли Высочайший приказ о производстве нашего знакомого, подписанный в Лондоне»³⁹.

Если считать в отношении Сибири XIX в. уместной метафору о замороженном времени, которое остановило или притормозило движение огромного края⁴⁰, то, говоря о Кавказе, справедливо будет заметить, что местное течение времени (для русских солдат и чиновников) было погружено в духоту и скуку однообразия повседневной жизни. Безысходная скука, порождающая лень и праздность, рефрен многочисленных записок, заметок и воспоминаний солдат и офицеров гарнизонной службы на Кавказе. Скуку можно назвать одной из главных героинь «Очерков Кавказа и Закавказья» И.А. Сливацкого: «Лето 1846 года было самое жаркое и скучное, изо всех, которые я провел в Закавказском крае. Жили мы сиднем в Закаталах. Эти Закер-Талы, переделанные на русский лад, построенные в 1829 году, на месте кладбища разоренного аула, предлагали нам очень немного удобства и веселья. Солдатские домики низкие и тесные, так нерасчетливо принаровленные к жаркому климату, заставляли потом чела платить за удовольствие, жить под их соломенными крышами. Лихорадка напоминала о себе унылыми звуками барабана и флейты, скорбных прощаний солдат, провожавших своего собрата в последнюю, вечную казарму — могилу. В нагретом до духоты воздухе, казалось, веяло скукою. Подвергаясь климатическому влиянию, мы ленились, как кровные азиатцы, и скучали, как истинные англичане; и чтобы сколько-нибудь разцветить однообразие нашей жизни, изобретали джарские обеды в садах, глазели на торговой улице на шорников, нашивающих русские абазы на татарские женские пояса, и на кузнецов, подковывающих без станка крепких горских лошадей; болтали с лезгинами-чапарами (курьерами), которые прохаживаются целый день праздно, в кошах и заломанных папахах, и купались в Тальском ручье, где всегда было в избытке воды, когда, во время маршей, нам случалось переходить через него, и очень мало, когда хотелось освежить расслабленные жарою члены в его холодных струях. Но скоро и эти средства не скучать невыносимо прискучили»⁴¹. Офицеры Отдельного Кавказского корпуса проводили

долгие, жаркие дни, «шатаясь из одного угла в другой» в поисках «хоть какой-нибудь крохи для развлечения»⁴².

Долгая и изнурительная гарнизонная служба быстро, а главное, совершенно неожиданно сменялась продолжительными и еще более тягостными военными экспедициями в горы. Со временем в солдатской повседневной жизни на Кавказе были выработаны особые приметы времени. Барометром движения отрядов Кавказского корпуса служили сухари. Офицеры тщательно высчитывали количество завезенных в гарнизон сухарей: «...если привезено на три дня, то не миновать нам оставаться; если же на десять и более, то двинемся вперед»⁴³.

Кавказская война — один из самых затяжных военных конфликтов в истории. Это противостояние не имеет четких хронологических рамок. «Классическая» датировка Кавказской войны 1817–1864 гг. не раз обоснованно ставилась под сомнение и пересматривалась в сторону расширения⁴⁴. Но даже если принять концепцию «короткой Кавказской войны», то получается, что горцы и русские, служившие на Кавказе, находились в состоянии вооруженного противоборства почти половину века. Большая часть жизни многих из них протекала на фоне Кавказской войны. Эти долгие годы были не только временем войны, но и временем обоюдного узнавания, формирования и расширения каналов мирного общения. Как известно, война — это прежде всего ожидание: обеда, выгодного обмена, новостей, походов, сражений, наград и повышений. Ожидание — одна из ключевых характеристик времени Кавказской войны. Петербург ожидал известий об окончательном покорении Кавказа, Тифлис не менее напряженно ждал новых подкреплений для перехода к решительным действиям, 40-летние поручики и 50-летние капитаны Отдельного Кавказского корпуса безнадежно ожидали производства в следующий чин, гвардейские офицеры-новички на Кавказе, начитавшиеся повестей А.А. Бестужева-Марлинского, ожидали героических подвигов и романтических приключений.

«Настоящий кавказец»: формирование невоображаемого сообщества

В письме к А. Лопухину М.Ю. Лермонтов обещал другу: «Может быть, когда-нибудь я засяду у твоего камина и расскажу тебе долгие труды, ночные схватки, утомительные перестрелки, все картины военной жизни, которых я был свидетель...»⁴⁵. Но сдержать обещание поэту было не суждено. Прекрасный знаток особенностей края, изъездивший его вдоль и поперек — «от Кизляра до Тамани», еще в первую свою ссылку он не только участвовал в экспедициях регулярных войск, но и возглавлял полупартизанский отряд, состоящий из казаков и волонтеров. Писатель одним из первых зафиксировал появление на Кавказе особого сообщества людей, объединенных не государственными границами или верностью флагу, а образом жизни на фронтире империи. «На-

стоящий кавказец человек удивительный, достойный всякого уважения и участия», — отмечал М.Ю. Лермонтов в своем известном очерке «Кавказец»⁴⁶. Это произведение М.Ю. Лермонтов писал специально для выходявшего в 1841—1842 гг. альманаха физиологических очерков «Наши, списанные с натуры русскими», но оно не был напечатано по цензурным соображениям⁴⁷.

К. Норимацу полагает, что лермонтовское описание «настоящего кавказца», который «есть существо полурусское, полуазиатское» и «вполне понял нравы и обычаи горцев, узнал по именам их богатырей, запомнил родословные главных семейств»⁴⁸, — это «не что иное, как воплощение размывания границы между Россией и Азией»⁴⁹. Но «гибкость кавказца», позволяющая адаптироваться к новым условиям жизни, скорее свидетельствует не о размывании границ, а о деформации идентичности.

Движущей силой дрейфа самоидентификации ветеранов кавказской службы были как особенности региона и местной жизни, описанные выше, так и эксклюзивные навыки и умения, приобретаемые на Кавказе и отличавшие «кавказцев» от новобранцев «из России». Уже в первые годы XIX столетия военные действия русской армии на Кавказе именовались «кавказским способом войны». А дальновидные офицеры, незнакомые с азами этого искусства, предпочитали подобно графу де Рощешуару, участнику кубанской экспедиции генерала С.Г. Гангеблова 1809 г., «ни в чем не уклоняться от мудрых наставлений» опытных командиров⁵⁰.

Корпоративная идентичность «настоящих кавказцев» формировалась во многом на основе оппозиции «Россия — Кавказ», а образом «другого» или «чужого» служил офицер, временно прикомандированный к частям Кавказского корпуса. Таких армейских и гвардейских офицеров на Кавказе именовали «фазанами» и относились к ним с трудно скрываемой неприязнью. Новички, часто занимавшие высокие должности, своими неумелыми распоряжениями ставили под удар «коренных кавказцев», а кроме того, препятствовали карьерному продвижению ветеранов.

В «Проделках на Кавказе» — книге, о которой военный министр А.И. Чернышев сказал: «Книга эта тем вреднее, что в ней что строчка, то правда», — устами пехотного капитана, «старого кавказца» дана такая характеристика командированного офицера-новичка: «По милости этих новичков мы и терпим уроны: смотрите, пожалуйста, только с неделю приехал он сюда, сроду не слышал свиста пуль, ему двадцать восемь лет — а кричит уже, что никто здесь ничего не смыслит, учит, как взяться, чтобы покорить черкесов, как вести войну, и не слушает меня, сорокалетнего старика, меня, который преждевременно поседел в походах и двадцать два года слушаю свист горских пуль! Он считает меня еще трусом! Придется опять лезть не щадя себя. Жаль моих старых солдат: их и то уже осталось мало; а что с рекрутами? Еще осрамишься с ними и — к черту долголетняя, испытанная служба! <...> Давно ли по милости другого новичка потерял я сорок человек моей роты, да каких молодцов,

моих сослуживцев! Правда, он сам не рад был, что завел нас бог весть куда. Где ему водить людей на горную брань! Он весь век книжки читал, воевал по ландкартам, а о горах и горцах и не слыхивал: ох уж эти мне книжки, стратегии!..»⁵¹. Именно «присланные из России» были главной преградой для столь желанного и заслуженного повышения в глазах «кавказцев»: «Дура! Зачем не попала ты мне в лоб? Одним разом всему бы конец! Что мне в жизни? Буду штаб-офицером, деться некуда! Без службы жить не могу; в полковые командиры и думать нечего; в батальонные также не попаду, туда переводят из России, присылают все людей образованных, ученых: что нашему брату? Вакансии штаб-офицерской почти не бывает!»⁵².

Новички в среде «кавказцев» были не только объектом неприязни, но и предметом иронии и даже насмешек. По прибытии в Ставрополь офицеры становились лакомой добычей для местных коммерсантов, которые «с особенным искусством продают самых тощих лошадей за настоящих карабахских, часто персидской породы, и на этом основании получают последние деньги с героев нашего времени»⁵³.

Еще не добравшись до места службы, молодые офицеры уже оставались без необходимых денежных средств и вынуждены были оставаться на месте в ожидании передачи денег от родных. Настроения и ожидания, царившие среди новичков, саркастично описаны одним из современников: «Предаваясь пылкости своего воображения, каждый из юных героев не сомневается даже в том, что горские завалы падут ниц перед его храбростью, в вознаграждение которой они уже видят вдали светлое облако, рассыпающееся над ними градом крестов»⁵⁴.

В общении с новичками «настоящие кавказцы» символически демаркировали пространство Кавказа и России: «Да, — продолжал он с улыбкою покровительства, с какою иногда говорят старые Кавказцы новичкам, — вы все господа, *приехавшие из России* (курсив мой. — А. У.), воображаете, что по *нашим дорогам* можно прогуливаться как по Невскому. Нет, докладую Вам, там будничники берегут вашу особу, а *здесь* надобно надеяться на собственные руки, на умение владеть оружием и никогда на проводников, негодяи при первом выстреле вас оставляют»⁵⁵.

В «настоящего кавказца» солдата или офицера Кавказского корпуса превращало не чтение произведений А.А. Бестужева-Марлинского или внешнее подражание облику горцев, а овладение специфическими навыками, основанными на практическом знании, военном опыте. Первыми советами «кавказца» новичку были следующие наставления: «Никогда в дорогу не ездите без оружия и учитесь им владеть, как владеют горцы: важная вещь, скоро выхватить из чехла винтовку и обнажить вовремя шашку; одевайтесь по азиатски (так в тексте. — А. У.), и изучайте местные обычаи — пригодится; если есть возможность проехать на коне, никогда не меняйте его на тележку. Верхом вы царь местности — в случае нападения можете отделаться одною джигитовкою; а на повозке вы точно пленник, тут скорее надобно надеяться быть убитым,

чем убить. Да не забудьте, что в местах не безопасных, где нужно проехать тихо, не кричите и не болтайте всякой вздор»⁵⁶.

Подчеркнутая дистанция в общении с «новичками из России» дополнялась особенностями коммуникации внутри сообщества «настоящих кавказцев». Отдельный Кавказский корпус славился беспрецедентной демократичностью отношений солдат и офицеров. Между собой они прежде всего были «сослуживцами» и только потом «подчиняющимися» и «подчиняющимися»: «...Постоянная готовность к боевым действиям отражалась на всем укладе жизни кавказских войск, вырабатывая в них выносливость в походах, закаленность в боях и выдающуюся отвагу, стяжавшую громкую славу кавказским войскам. Главная причина этого успеха лежала в том общении солдата и офицера, которое вырабатывалось в течение непрерывного ряда годов совместной походной и боевой жизни, когда переносились одинаково всеми и голод, и холод, и все прочие лишения. Офицер и солдаты представляли два лагеря, но не враждебных, а дружественных, связанных невидимыми узами доверия, любви и покровительства друг другу...»⁵⁷. Групповая идентичность модифицировала формальные, уставные армейские порядки, выступая одновременно как маркер идентичности и механизм адаптации универсальных правил.

Разнообразие природно-климатических условий Кавказа, а также многофункциональный характер службы в крае (походная, сторожевая, гарнизонная) способствовали формированию специализации качеств как рядового, так и офицерского состава Кавказского корпуса. В воспоминаниях о Даргинской экспедиции 1845 г. граф К.К. Бенкендорф отметил: «Естественно, что один полк превосходно действует в лесах, другой, благодаря быстроте своего хода, в горах; один офицер провел долгие годы в борьбе с чумой на турецкой границе, другой — в административной службе Закавказья, третий — всю жизнь провел в борьбе с лихорадкой и спячкой на службе гарнизона в небольшом форте морского побережья; один — на биваках в ледниках лезгинских гор, другой — в преследовании конных партий черкес на Кубани; некоторые офицеры провели всю жизнь в Чечне, в этой стране вечной войны и опасностей, служа постоянно мишенью чеченца, другие — в Дагестане — стране всевозможных лишений, но где легко создаются репутации, блистательные карьеры и легко дается успех»⁵⁸.

В то же время вместе со своеобразным «разделением труда» ветераны Кавказской войны имели и общие отличительные черты (от прочих частей армии Российской империи). Солдаты-«кавказцы» часто вступали в бой с противником не плотными рядами, колоннами, а «одиноко или в составе лишь не многих товарищей»⁵⁹. Это формировало у рядовых «кавказцев» чувство самостоятельности и ответственности, развивало индивидуальные боевые навыки: зоркость, осторожность, ловкость.

Прагматизм и самостоятельность характера «настоящего кавказца» проявлялись и в повседневной походной жизни. Солдаты экспедиционных отрядов,

забирающихся в высокогорья и труднодоступные ущелья, не могли рассчитывать на обоз и услужливость маркитантов. Служба на Кавказе приучила их самостоятельно добывать все необходимое. Практичность «кавказца» особенно заметна на фоне бытовой беспомощности солдата-новичка: «Зимою в трескучий мороз, где-нибудь на горных возвышенностях Чечни, когда от холода зуб на зуб не попадает — кавказский солдат пришел на стоянку, составил ружья и не ждет ни расчета, ни приказа, чтобы сходить по воду, за соломой, за дровами, — скинул с плеч ранец — и чрез несколько минут уже тащит полено или хворост, котелок воды или вязку сена: постель, закуска и топливо у него готовы. Пока *русских пришельцев* (курсив мой. — А. У.) соберут и укажут, где и как рубить, что брать в ауле, а чего не брать, кавказец уже закусил и соснул у костра. Когда же пришла очередь стать ему на часы, он встряхнулся и готов, да еще подсмеивается над новичками»⁶⁰.

В.В. Лапин справедливо обратил внимание на высокую степень корпоративной конкуренции полков Отдельного Кавказского корпуса, которые сражались вместе десятилетиями: «Одним из мощных двигателей в Кавказской войне стала соревновательность между солдатами различных полков. Если накануне в бою отличались, например, апшеронцы, то на следующий день куринцы, кабардинцы и навагинцы делали все возможное, чтобы “не поддаться”»⁶¹. Добавим к этому, что корпоративная конкуренция солдат-«кавказцев» не замыкалась уровнем полка. Для «кавказского солдата» не менее важны были «честь и достоинство роты»⁶². Указанные уровни корпоративности не мешали «настоящим кавказцам» чувствовать себя частью общего целого — Отдельного Кавказского корпуса. Об этом говорит то, что после реорганизации корпуса в Кавказскую армию (в 1857 г.) «старые кавказцы» предпочитали говорить, что служат в Отдельном Кавказском корпусе⁶³. Это не просто прихоть или дань традиции со стороны «стариков-кавказцев». Образование Кавказской армии сопровождалось увеличением численности русских войск на Кавказе, небывалым наплывом новичков «из России». Этот «потоп» грозил размыванием сложившихся отношений, той же устоявшейся корпоративности. Использование старого наименования — «Отдельный Кавказский корпус» — было попыткой сохранения ускользающих традиций, а возможно, и своеобразным паролем, отделяющим «своего» от «чужого».

Немаловажным свидетельством корпоративного духа солдат и офицеров Отдельного Кавказского корпуса стало появление своеобразного гимна русских войск на Кавказе. Весной 1848 г. в Тифлисе было издано стихотворение «Песнь Кавказских воинов». Отметим, что издание сочинения сопровождалось стихотворным же переводом на грузинский язык⁶⁴.

К характерным чертам солдата-«кавказца» необходимо отнести еще два важных качества. Необходимость противостоять не только горцам, но и природным, климатическим условиям Кавказа сделала солдата Кавказского корпуса настоящим тружеником, «с которым никогда не сравнится самый тру-

долголюбивый поденщик»⁶⁵. Кроме участия в боях, солдаты разбирали завалы, строили мосты, наводили переправы в самых экстремальных условиях. Важной частью солдатской службы на Кавказе являлась и рубка леса, ставшая темой одного из рассказов Л.Н. Толстого⁶⁶.

Те же обстоятельства и особенности службы предопределили и легендарную неприхотливость «кавказских» солдат. Как выразился один из участников Лезгинской экспедиции 1857 г.: «Если бы люди могли гнить и уничтожаться от дождей так, как их платье, то отдельный корпус никогда бы не существовал»⁶⁷. Неприхотливость «настоящих кавказцев» была особенно заметна на фоне высокого боевого духа и оптимистичной атмосферы частей корпуса. В воспоминаниях о Дагестанском походе 1843 г. мемуарист отметил, что, несмотря на все лишения и тяжелые условия похода: «Идут не усталые ряды воинов, но бодрые и веселые, с пением, музыкой и вечными шуточками балагуров, которых всегда много между нашими Кавказскими солдатами»⁶⁸.

Для офицеров-«кавказцев» знание местных языков, обычаев, ношение горской одежды или оружия было не просто внешним подражанием или романтическим увлечением, но способом выжить. Александр Пустогородов — «настоящий кавказец» и герой уже упоминавшегося произведения «Проделки на Кавказе», на вопрос о причинах своего следования местным традициям и правилам жизни отвечал, что «...он в Азии уважает азиатские обычаи, и оттого изучил их»⁶⁹.

Русские, долго воевавшие на Кавказе, высоко ценили различные познания горцев. Офицеры-ветераны Кавказского корпуса в случае ранений часто прибегали к помощи врачей из мирных горских аулов, предпочитая их услуги полковым лекарям⁷⁰.

Атмосфера службы на Кавказе была чужда строгому формализму. Неуставной внешней вид солдат Отдельного Кавказского корпуса⁷¹ дополнялся особенностями взаимоотношений в офицерской среде. Офицеры-«кавказцы» отличались склонностью к критике начальства. Современники называли это «кавказской болезнью», которая заключалась «в порицании и осуждении всякого начальника, каким бы он ни был, единственно только потому, что он — начальник»⁷². Вместе с тем в ходе Кавказской войны случалось, что старшие по званию добровольно уступали командование по различным причинам. Один из таких случаев произошел при осаде войсками имама Шамиля укрепления Ахты в 1848 г. После тяжелого ранения командира гарнизона полковника Рота его место должен был занять следующий по чину офицер. Но оставшиеся в строю старшие офицеры, майор Старосила и капитан Жорж, единодушно изъявили желание подчиниться молодому капитану Новоселову, «который, по молодым летам и крепкому сложению, казался способнее»⁷³.

Условия войны на Кавказе трансформировали русскую армию почти до неузнаваемости. Отдельный Кавказский корпус стал самобытной субкультурой «настоящих кавказцев» — фронтирсменов южной окраины расширяющейся

империи. Ветеран Кавказской войны, князь Д.И. Святополк-Мирский в письме к Кавказскому наместнику Н.Н. Муравьеву, датированном 13 марта 1855 г., писал: «Кавказская война не есть война обыкновенная; Кавказское войско не есть войско, делающее кампанию: это скорее воинственный народ, создаваемый Россией и противопоставленный воинственным народам Кавказа, для защиты России. Такое положение дел не заведено никем, оно создано силою обстоятельств, после многих неудачных попыток усмирения здешнего края»⁷⁴.

Особое чувство общности, выражавшееся в номинации «настоящий кавказец», являлось продуктом набора условий, в первую очередь природно-географических. Формирование и развитие товарищества⁷⁵ «кавказцев» было локализовано территорией и хронологически ограничено эпохой Кавказской войны. Фронтирная идентичность данной группы оставалась актуальной только в рамках указанных места и времени.

Между долгом службы и чувством крови: горцы на службе Российской империи

Кавказ и проблемы его присоединения, модернизации долгое время находились на периферии политики Российской империи. Это приводило к нехватке ресурсов для полноценного закрепления новых завоеваний и «умиротворения» непокорных. В рапортах российских главноуправляющих и главнокомандующих на Кавказе рефреном звучат требования военных подкреплений и жалобы на непригодность присылаемых чиновников, замеченных в злоупотреблениях и лихоимстве⁷⁶.

Чиновничий корпус институтов администрации южной окраины долгое время формировался по своеобразному «остаточному принципу». Именно сюда отправлялись многие «горячие головы», угрожавшие имперской законности и порядку или просто мозолившие глаза династии и петербургской элите. Не менее известно и специфическое отношение российских чиновников к службе на Кавказе, которая часто рассматривалась не иначе как разновидность ссылки. В этом отношении весьма красноречивы литературные образы кавказского чиновника из пушкинского «Путешествия в Арзрум» и гоголевского «Носа».

Осложняло ситуацию незнание командированными чиновниками из России местных языков. Российская администрация занималась абсолютно бесполезным делом, публикуя принятые указы на русском языке, содержание и смысл которых оставался неведомым для большинства населения края⁷⁷. Кроме того, «выписанные» на Кавказ чиновники страдали от непривычного климата и бытовых условий⁷⁸.

Выходом из этой ситуации стало профессиональное обучение местных уроженцев: первоначально в рамках службы в лейб-гвардии Кавказско-горском полуэскадроне и училищах края, вошедших в 1849 г. в состав Кавказского учебного округа⁷⁹, а затем и в высших учебных заведениях империи⁸⁰.

Но и до перевода практики обучения и службы уроженцев Кавказского края на регулярную основу империя активно использовала «природных кавказцев» на административном и военном поприще. Первыми на службу империи в крае пошли грузины. Это объясняется не только давними связями двух государств, общностью религиозных верований, но и тем, что Восточная Грузия первой из кавказских субрегионов оказалась в составе Российской империи (в 1801 г.) и здесь был сформирован первый (на территории Южного Кавказа) имперский институт управления — Верховное Грузинское правительство.

В этом смысле показателен пример грузинского князя К. Чолокашвили, о котором историк Н.Г. Тарсаидзе писал следующее: «После присоединения (Восточной Грузии к России. — А. У.) он (К. Чолокашвили. — А. У.) был советником Экспедиции гражданских дел. Выезжал в Россию в 90-е годы XVIII столетия, поддерживал связи с находящимися на службе в России грузинами. Знакомство с русскими порядками облегчило ему службу в Грузии после присоединения»⁸¹.

Горцев, находившихся на службе Российской империи, выделяло знание местных языков и обычаев. Немалую роль играло и то, что в глазах жителей края они обладали запасом доверия, а в некоторых случаях имели и определенный авторитет. Знания уроженцев Кавказа были востребованы империей, а те из них, кто благополучно проходил обучение в российских учебных заведениях, имели все шансы сделать успешную карьеру.

С другой стороны, обучение в России и служба империи оказывало сильное влияние на мировоззрение горцев, попадавших в положение «чужих среди своих и своих среди чужих»: «...встретившись в родных горах, лицом к лицу с знакомой стариной, опять переменится, опять сделается настоящим горцем; но все же он был там, где его братья не были, все видел он, чего они не видели. И зашевелится в нем иной раз смутная мысль об иной жизни, и заговорит она в нем громко при взгляде на его бедное настоящее, и поделится он этой мыслью с тем или с другим из своих братьев. Но они не понимают его, не верят ему, смеются над ним»⁸².

Одной из первых форм систематической интеграции горцев в российские военно-политические структуры было создание в 1828 г. лейб-гвардии Кавказско-горского полуэскадрона. Целью образования полуэскадрона было не только символическое привлечение горцев к службе в гвардии российского императора, но и их «просвещение». Так, по словам А.Х. Бенкендорфа: «...Напитанный дикостью и раздражительный горский народ, враждующий с русскими, не может познать истинной причины беспрестанной вражды и удостовериться в желании Российского государя не уничтожить свободу горцев, а напротив того, даровать благоденствие, каким пользуются и другие его подданные. Чтобы внушить предварительно хотя некоторым из них эти благотворные виды, должно стараться приготовить их в положении, в котором спокойствие души дает возможность человеку выслушать и вникнуть в то, что

ему объясняют. На этом основании сформирован был лейб-гвардии Кавказско-горский эскадрон и, чтобы более доказать горцам желание государя императора прекратить вражду, назначен в Собственный Его Императорского Величества Конвой»⁸³.

Для многих горцев долгое время служба в полуэскадроне была едва ли не единственным доступным способом получить необходимые для дальнейшей службы знания и навыки. Наиболее яркий пример — это Ш. Ногмов, который еще в 1815 г. при посредничестве кабардинских князей Темирбулата и Касая Атажукиных пытался отправиться на обучение в российские учебные заведения⁸⁴. Желание впоследствии одного из крупнейших адыгских интеллектуалов XIX столетия было удовлетворено только в 1829 г. Прошение Ш. Ногмова командирующему на Кавказской линии и в Черномории Г.А. Емануэлю об определении в Кавказско-горский полуэскадрон получило положительную резолюцию⁸⁵. Ш. Ногмов проходил службу в окружении других уроженцев Кавказа, что облегчало адаптацию к новым условиям жизни.

Как и в случае с горцами, служившими в Кавказско-горском полуэскадроне, уроженцы Кавказа, регулярно отправлявшиеся на обучение в высшие учебные заведения империи с 1849 г., составляли отдельную группу. Эта группа именовалась «кавказскими воспитанниками»⁸⁶. Студенты-горцы проживали компактно, как указывается в документах — «на общей квартире». Этой и другими мерами правительство активно пыталось оградить их от «нежелательного» влияния. Любопытно, что главной опасностью для умов горцев считались польские студенты, как распространители вольнодумства и прочей политической крамолы⁸⁷. После обучения горцы возвращались для несения службы на Кавказ.

Горцы на русской службе не составляли особой корпорации, товарищества наподобие «настоящих кавказцев». Возвращаясь на Кавказ, они оставались один на один с нравственной дилеммой или проблемой расколота идентичности, образованными их статусом русских офицеров или чиновников администрации и этническим происхождением, духовными связями с местом рождения. Другими словами, в некоторых случаях «кавказское происхождение» было не только обстоятельством, способствующим продвижению по службе, но становилось и предметом тяжелых морально-нравственных, психологических переживаний и сомнений. Сталкиваясь с внутренним конфликтом идентичностей долга службы и чувства солидарности, общности кровных уз, каждый из горцев преодолевал и переживал его самостоятельно.

Приобретение и потеря идентичности оказывали определяющее влияние на жизненные траектории горцев. Жизнь между двумя способами самоопределения требовала ежедневной манифестации тяжелого морально-нравственного выбора. Этим объясняются многочисленные примеры того, как офицеры-горцы, делающие вполне успешную карьеру на русской службе, совершенно неожиданно для окружающих оставляли ее, переходя на сторону сопротивляющихся Российской империи. За внешней неожиданностью, эмоционально-

стью подобного шага скрывался осознанный, но от этого не менее тяжелый процесс преодоления одной и выбора другой идентичности.

В этом отношении показательна история жизни офицера-горца на русской службе М.А. Кундухова, которая уже не раз привлекала внимание отечественных исследователей⁸⁸. Воспоминания М.А. Кундухова — редкий по степени психологизма источник, содержащий описание тяжелых морально-нравственных терзаний горца, оказавшегося в водовороте событий Кавказской войны⁸⁹.

В службе «белому царю» М.А. Кундухов видел возможности благотворного изменения жизни соотечественников. Каждое новое назначение, повышение в глазах горца приближало его к этой цели: «...приказ состоялся, и я был очень рад своему назначению, давшему мне случай осуществить давнишние мои искренние желания: уничтожение обычаев, оставшихся в народе с варварских времен и разорявших их домашнее благосостояние, поддерживая постоянно вражду, вместо доброго согласия, от которого зависит народное счастье»⁹⁰.

М.А. Кундухов бы высоко ценим представителями российского военного командования и административного управления на Кавказе. Вместе с тем он пользовался и доверием со стороны горцев. Ему поручались ответственные миссии по переселению горских сообществ на территорию, подконтрольную имперской администрации, а также ведению переговоров с Шамилем. Командующий Отдельным Кавказским корпусом А.И. Нейдгардт писал командующему войсками Кавказской линии и Черномории В.О. Гурко о М.А. Кундухове и его возможном участии в переговорах с Шамилем следующее: «...данное Вами ротмистру Кундухову позволение отправиться по приглашению Шамиля в Дарги я совершенно одобряю; тем более что при известной мне расторопности и верности сего офицера и при наставлениях, которые Вы ему сделали, как надеяться можно, он ни в каком случае дела не испортит»⁹¹. Однако переговоры Шамиля и М.А. Кундухова по разным причинам не состоялись⁹².

Судя по воспоминаниям М.А. Кундухова, поступательное развитие карьеры не приближало его к желаемому обновлению жизни соотечественников. Рефлексия приводит офицера-горца к неутешительному выводу о порочности, неудовлетворительности новой, имперской системы управления и организации жизни горцев на Кавказе: «...Как видно по ходу дел, я сильно обманываюсь и очень далек от своего искреннего желания, ибо вот уже несколько лет занимаю желаемые мною должности, не только с правом голоса, но даже начальство иногда предлагает мне указывать ему меры для улучшения народного быта и водворения в крае прочного спокойствия и, одобряя мои указания, приводит их в исполнение. Но все это до поры до времени. Является новый начальник, который, не зная края и не вникая в сущность дела, без всякого рассуждения изменяет бывшую систему, по своему произволу, не к лучшему, а к худшему. Народ меня любит и верит, а я не в состоянии оправдать этого, а напротив того, по обязанности царской службы, скрывая от него

истину, невольно делаюсь гибельным для него орудием»⁹³. Разочарование в службе, порожденное собственным бессилием что-либо изменить, сменяется ожесточением. М.А. Кундухов неожиданно для многих оставляет службу и в 1865 г. во главе пяти тысяч осетин переселяется в Турцию⁹⁴. В Османской империи М.А. Кундухов получает титул паши, должность дивизионного генерала, и в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. сражается уже против бывших сослуживцев. Выбор, сделанный М. Кундуховым, не принес облегчения его соотечественникам. Более того, многих последовавших за ним ожидали многочисленные трудности и жестокие лишения. С другой стороны, оставив царскую службу, в глазах своих бывших соратников по оружию М. Кундухов стал предателем. От этого образ М. Кундухова становится еще более трагичным. Стремясь к служению собственному народу, он дважды выбирал сторону и дважды ошибался.

Горец на службе «белому царю» — трагичная фигура произведений русской литературы (повести А.А. Бестужева-Марлинского, поэмы М.Ю. Лермонтова). Жизнь офицера-горца — это постоянное и хрупкое балансирование между двумя предательствами: империи и соотечественников. В известном романе Е. Хамар-Дабанова «Проделки на Кавказе» командир казачьей сотни, «настоящий кавказец» Александр Пустогородов так говорит о смерти своего друга и сослуживца офицера-горца Пшемафа: «Счастливец, он сошел в могилу, хоть без громкой славы, но зато и без угрызений совести. Жизнь для него была довольно тягостна: он любил единоземцев; но узами благодарности был связан с их противниками. И тут, однако ж, Пшемаф умел оставаться благородным человеком; он был верен своей присяге, не изменяя любви к отчизне и не торгуя земляками для личных выгод. Кто знает, что ожидало его? Богатство и власть или бедствия, позор и гонение? По крайней мере, теперь он избегнул, что, по моему мнению, хуже всего — разочарования в жизни»⁹⁵.

Карьера Омар-бека Касымханова также развивалась вполне успешно. В 1855 г. он находился в чине подполковника и служил помощником командира второго Конно-Мусульманского полка. Совершенно неожиданно для начальства 26 июня 1855 г. Омар-бек во главе небольшого отряда в 30 всадников того же полка бежал в турецкую крепость Карс⁹⁶. Причиной этого поступка Омар-бека Касымханова стал остро переживаемый им недостаток материальных средств. Происходя из знатной аристократической фамилии Шемахи, Омар-бек был лишен богатого наследства. Его отец являлся последовательным противником России на Кавказе, не в силах продолжать свою борьбу, он вынужден был бежать в Персию. Омар-бек получил образование в кадетском корпусе, но собственность отца была отписана в казну, а офицер-горец довольствовался лишь должностным окладом, на который содержал не только себя, но и свою многочисленную родню⁹⁷. Долгое время Омар-бек Касымханов не замечал или не ощущал материальных трудностей, ведя жизнь вполне типичную для офицера. В материалах дела о побеге подполковника мы

читаем: «В прежнее время Омар-бек любил общество русских и пренебрегал обычаями своей нации, несовместными с удовольствиями европейской жизни, в поведении его нельзя было заметить ничего предосудительного»⁹⁸. Но семейные неурядицы и, можно предполагать, горькое чувство неудовлетворенности собственного положения, а возможно, и память о жизни отца заставили Омар-бека оставить русскую службу.

Потеря части наследства была одним из мотивов перехода на сторону Шамиля кабардинского князя, подпоручика российской армии Магомета-мирзы Анзорова. Этот случай особенно показателен тем, что представитель знатной кабардинской фамилии был другом семьи начальника центра Кавказской линии генерал-майора В.С. Голицына. Особая доверенность со стороны имперской администрации способствовала скрытному участию Магомета-мирзы Анзорова в подготовке похода Шамиля на Кабарду весной 1846 г. В день начала наступления отрядов имама в Кабарде (18 апреля) Магомет-мирза с видом абсолютного спокойствия играл в карты с В.С. Голицыным и другими офицерами, но в тот же вечер оставил своих сослуживцев, открыто примкнув к повстанцам Шамиля⁹⁹.

Некоторым горцам в ходе Кавказской войны удавалось сменить идентичность несколько раз — переходя с одной стороны на другую и обратно. Примером подобных «кульбитов» является жизнь Баты Шамурзаева, который был известен на Кавказе также под именами: Бататы, Бататия, Мурзаева. Взятый на воспитание русским офицером, позже он был устроен на службу в Варшавский конвой. После перевода на Кавказ Бата занимает должность переводчика при начальнике левого фланга Кавказской линии. Но вскоре Шамурзаев вступает в конфликт с начальством и бежит к Шамилю. Для имама офицер-горец настоящая находка. Бата владеет русским языком, прекрасно осведомлен о силах и возможностях русских отрядов, находящихся на Кавказской линии. Бата Шамурзаев выдвигается на первые роли в теократическом государстве имама Шамиля, становится наибом Большой Чечни. На волне успеха Шамурзаев начинает вести себя излишне самостоятельно, открыто фрондирует, чем и навлекает на себя гнев всесильного имама¹⁰⁰. В 1850 г. Бата Шамурзаев был смещен с должности наиба. Честолюбивый горец решает в очередной раз круто поменять свою судьбу, и осенью 1851 г. он со всем своим многочисленным семейством покидает пределы имамата. Вновь оказавшись на русской службе, Шамурзаев становится крайне полезен коронной администрации в деле переселения, обустройства и защиты чеченцев, покидающих горные районы и выходящих на плоскость в 1852–1853 гг.¹⁰¹ Бата получает чин поручика, а после введения в Чечне системы военно-народного управления и должность Качкальковского наиба.

Выбор/смена идентичности офицеров-горцев русской службы в каждом отдельном случае зависели от множества факторов. Значительную роль играли: степень успешности карьеры, особенности отношений с сослуживца-

ми и начальством, наличие/отсутствие устойчивых личных связей с членами горской оппозиции имперской власти, приверженность религиозным верованиям, в частности исламу. Учитывая, что среди горцев на русской службе было немало представителей знатных, аристократических фамилий, немаловажным обстоятельством была и способность/возможность сохранить и преумножить на русской службе накопленный предыдущими поколениями семьи влияние, высокий социальный статус и уровень жизни.

Смена идентичности как практика выживания

Проведший три года (1846–1849) в плену у горцев унтер-офицер русской армии К. Калиновский оставил описание жизни и быта русских дезертиров и пленных, обустроившихся неподалеку от одной из ставок Шамиля — Ведено. «Русская команда Шамиля» насчитывала около двухсот человек и составила отдельное поселение — «солдатскую слободку», которая, по сведениям К. Калиновского, отличалась «красотой и порядком»¹⁰². Между тем общее число русских беглецов в имамате, в описываемое К. Калиновским время, насчитывало около двух тысяч. Имам высоко ценил русских пленников, обладающих ремесленными навыками. Большинство жителей солдатской слободки и составляли мастера-ремесленники: «кузнецы, слесари, столяра, плотники, сапожники, портные и даже токарь; шорник и бичевник; здесь также живут артиллеристы и барабанщики, словом, как будто бы наши полковые хозяйственные мастерские...»¹⁰³. В ходе военных действий «русская команда» использовалась в качестве obsługi артиллерийских орудий и отвечала за сохранность обоза. Шамиль содержал «своих русских» на средства, поступающие от населения имамата. Довольствие русского отряда было скромным, но, очевидно, достаточным для удовлетворения минимальных потребностей в одежде и пище: «...рубашки, шаровары, хиталы (товлинские башмаки) получают ежегодно по две штуки, папахи, черкески и шубы выдаются им тогда только, когда окажется в этой части одежды необходимость; хлеб получают ежедневно в натуре мукою, на каждого в день по лопатке имеющей в квадрате четверть аршина, соль ежемесячно в достаточном количестве, говядину же когда и как попало...»¹⁰⁴.

Как сообщает К. Калиновский, некоторые русские пленники входили в непосредственное окружение Шамиля. Так, идею о необходимости устройства собственной артиллерии имаму подали его русские слуги — Насып и Алей. В то же время беглые солдаты, не вошедшие в «русскую команду Шамиля», влачили самое жалкое существование, находясь в положении домашних рабов.

Русские беглецы становились частью общества имамата, а кроме того, меняли религиозную идентичность, принимая ислам. Наблюдательный К. Калиновский называет беглецов — «изменниками вере и Отечеству»¹⁰⁵. Русские солдаты, крестьяне-колонисты бежали от тягот жизни и службы. Бежали в горы, что вполне объяснимо, учитывая печальную участь, ожидающую их

в случае поимки представителями российской администрации. В этом отношении показательна судьба помещичьего крестьянина Макаренко. Не выдержав условий своего «услужения» у офицера Черноморского линейного войска, крестьянин бежит из Анапы. Оказавшись среди адыгов, он прожил в одном из поселений десять лет, но все же по каким-то причинам был выдан российской администрации. После непродолжительного суда Макаренко расстреляли¹⁰⁶.

Не менее распространенной причиной бегства было стремление избежать наказания за совершенные проступки. В течение первой четверти XIX столетия в Персию бежало немало русских солдат, спасающихся от вездесущих имперских дисциплинарных практик и плохого обращения. Поток беглецов был столь широк и устойчив, что к концу обозначенного периода в приграничных с Россией районах шахской державы, где проживало преимущественно христианское население (Мараге, Салмас, район оз. Урмийе), сформировались компактные поселения русских солдат, женившихся на местных армянках¹⁰⁷.

В Иране русские беглецы принимали ислам и переходили на службу в «русский батальон» армии шаха, командиром которого являлся С.Я. Макинцев, бывший вахмистр Нижегородского драгунского полка, ставший известным в Персии как Самсон-хан. Отряд под командованием Самсон-хана оказал династии Каджаров множество услуг. Отличившись в войне с Турцией в 1821–1823 гг. и в подавлении внутренних мятежей 1832–1833 гг., к тому времени уже полк Самсон-хана справедливо считался наиболее боеспособным подразделением во всей иранской армии. Его личный состав пополнялся за счет не только русских, но и армян, ассирийцев, поляков.

Российское правительство принимало неоднократные попытки вернуть дезертиров на родину, но все они регулярно оканчивались неудачей. Известный кавказовед Н.В. Ханьков отмечал: «...главными причинами уклонения перебежчиков от возвращения на родину были: нежелание женатых расстаться со своими семьями и уверенность тех из них, которые боялись наказания за прежние проступки, что персидское правительство не только не принудит их силою возвратиться, но поощрит сопротивление их...»¹⁰⁸.

Успехом увенчалась только миссия капитана Л.Л. Альбранда в 1838–1839 гг. После соответствующего соглашения о выдаче дезертиров, заключенного Николаем I и Мохаммед-шахом в 1837 г., Л.Л. Альбранд отправился в Персию. Красноречием и храбростью поведения русский офицер снискал доверие солдат-беглецов и сумел убедить часть из них вернуться в Россию. Вместе с Л.Л. Альбрандом Персию покинули 597 русских дезертиров, 206 жен и 280 детей. Все они прибыли в Тифлис 5 марта 1839 г. Самсон-хан оставался на службе династии Каджаров вплоть до своей смерти в 1853 г.

Начало 1850-х годов отмечено случаями массового исхода жителей Чечни из высокогорных районов на плоскостные территории, подконтрольные российской администрации. В работах В.А. Матвеева подобные факты рассматриваются как победа более сильной «русской альтернативы», одерживающей

верх над «сепаратизмом движения Шамиля»¹⁰⁹. Историк отмечает: «От Шамиля уходили целыми аульными обществами в поисках защиты и покровительства со стороны России. Ее вооруженные силы в крае воспринимались в качестве гаранта безопасности»¹¹⁰. Однако анализ служебной переписки ответственных чинов имперской администрации края приводит к видению иной картины. Описание случаев выхода чеченцев на плоскость почти непременно сопровождается указанием на их «крайне бедное состояние» и «нужду в пропитании»¹¹¹.

Кавказская война и военно-колониционные акции империи оказали разрушительное влияние на традиционную систему хозяйствования и привычные для населения края торгово-экономические связи¹¹². Выход горцев на плоскость объясняется не их желанием включиться в «интеграционный проект» империи, а необходимостью выживания. За 1852 г. на левый фланг Кавказской линии «с покорностью и желанием вступить в подданство» вышло 883 мужчины и 858 женщин¹¹³. Горцы выходили изможденными от голода. Для того чтобы обеспечить минимальное пропитание новым подданным, российская администрация выделяла им казенный провиант. Именно выдача продуктов питания была единственным условием продолжения переселения горцев в районы, контролируемые коронными властями. На это прямо указывал командующий левым флангом Кавказской линии генерал-лейтенант В.М. Козловский в письме к интенданту Отдельного Кавказского корпуса генерал-майору Н.И. Вольфу от 11 июня 1852 г.: «...без отпуска им этого довольствия (провианта. — А. У.), всякое переселение из гор может прекратиться, ибо действительно переселенцы сии в первое время сами себя содержать не могут...»¹¹⁴. Выдача провианта была организована со складов Грозненского провиантского магазина. Возможность избежать голодной смерти — это основной мотив перехода в российское подданство для чеченцев на завершающем этапе Кавказской войны.

Переселенцы селились в непосредственной близости от российских укреплений, но вместе с тем их поселения нередко подвергались нападением соотечественников, продолжающих сопротивление. За отступничество горцы, перешедшие в российское подданство, вынуждены были платить высокую цену. Их попытки наладить хозяйствование на новом месте наталкивались на жесткое противодействие сторонников продолжения борьбы, а помощь имперской администрации была незначительной. Жители «мирного» Тепли-Кичинского аула не могли безопасно вести земледельческие работы на расстоянии более версты от укрепленных постов Кавказской линии. Горцы Шамиля «содержали их в постоянном страхе» и «подвергали разорению при малейшей неосторожности»¹¹⁵. В результате одной из подобных экспедиций, организованной летом 1852 г., тепли-кичинцы лишились своего рабочего скота и остались без «всякой возможности не только заготовить сена на зиму, но и собрать хлеб, которым думали некоторые семейства обеспечить себя на этот год»¹¹⁶.

Не менее (если не более) тяжелой оказалась участь переселенцев еще одного чеченского аула — Умахан-Юрта. В начале 1850-х годов это поселение

чеченцев, перешедших в российское подданство, было малочисленным, состояло всего из 24 дворов. По этой причине умахан-юртовцы не могли вести эффективного хозяйствования для обеспечения себя даже самым необходимым. Близость к территории имамата была источником постоянной угрозы нападения со стороны «немирных» горцев. Находясь в таком крайне опасном положении, умахан-юртовцы просили разрешения российской администрации на переселение во «внутренние» аулы Кумыкской плоскости. Однако, учитывая стратегически важное местоположение Умахан-Юрта (у паромной переправы через р. Сунжу), а также ценность сведений, доставляемых его жителями о передвижении отрядов Шамиля, имперское командование оставило их на прежнем месте с условием выдачи продуктов питания из Шелкозаводского провиантского магазина¹¹⁷.

Другие поселения чеченцев, бежавших от голода, также жили в обстановке постоянных военных тревог. В 1852–1853 гг. особенно страдал аул Исти-су. Российские офицеры признавались в невозможности обеспечить безопасность жителей пограничных поселений: «...войска наши, ежели действиями своими препятствуют неприятелю исполнить его намерения, то не всегда могут защищать поля, предназначенные к обработке и обеспечению выходцев»¹¹⁸. В таких случаях имперские администраторы всякий раз инициировали выдачу провианта горцам как единственный способ привлечения их на российскую сторону.

В последующие годы поток горцев, спасающихся от голода (порожденно-го условиями Кавказской войны), стремительно увеличивался. Российская администрация столкнулась с серьезной проблемой организации переселения горцев с учетом интересов казачьих станиц, занимающих территории по р. Сунже и р. Тереку, а также принимая во внимание необходимость отсечения новых «выходцев» от «немирных» соотечественников¹¹⁹. Лихорадочные усилия российской администрации по переселению горцев в 1852–1856 гг. стали прологом катастрофы мухаджирства.

* * *

Описанный процесс формирования и развития некоторых фронтирных идентичностей происходил на относительно небольшой территории кавказского региона. В эпоху Кавказской войны это пространство стало ареной столкновения двух различных символических систем и шире столкновением модернизации с традицией. Одним из результатов этого явления стало появление пограничных типов самоидентификации. Фронтирная идентичность «настоящих кавказцев» — это идентичность корпорации, выработавшей особенные механизмы адаптации к враждебной среде. Дрейфующая идентичность офицеров-горцев — это проявление феномена матрешки идентичностей, смена которых нередко сопровождалась или обуславливалась диссоциативным бегством. Но и для «настоящих кавказцев» и для офицеров-горцев деформация идентичности — это, прежде всего, проявление воли к власти:

для первых — власти над Кавказом, а для вторых — власти имперской, наиболее престижной и влиятельной, но недостаточно легитимной в глазах соотечественников. Столкновения в зоне фронта порождали экстремальные условия: тяготы службы, плен, голод. Оказавшись в подобных обстоятельствах, человек, группы людей вырабатывали специфические механизмы адаптации. Смена идентичности выступает здесь в качестве ответа на вызов пограничья и важного дополнительного ресурса стратегии выживания.

Примечания

¹ Полевые материалы автора. Интервью с Р.Г. Ошроевым.

² Подробнее см.: *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011. С. 10–36.

³ Как известно, Кавказская война не имеет четких хронологических границ, определенных дат начала и конца военных действий, официального объявления войны и заключения мира. (Подробнее см.: *Олейников Д.И.* Большая Кавказская война // *Родина*. 2000. № 1–2. С. 32–36.) Тем не менее представляется возможным выделить период активной экспансии Российской империи на Кавказе, который начинается после вхождения Восточной Грузии в состав государства Романовых, т.е. с 1801 г., а заканчивается покорением Северо-Западного Кавказа в 1864 г. Именно это время в данной работе определено как эпоха Кавказской войны.

⁴ *Barret T.* At the Edge of Empire: The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier, 1700–1860. Oxford, 1999; *Jersild A.* Orientalism and Empire. McGill-Queen's University. 2002; *Khodarkovsky M.* Russia's steppe frontier: the making of a colonial empire, 1500–1800. Indianapolis, 2002; *Канпелер А.* Южный и Восточный фронт России в XVI–XVIII веках // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 47–64; *Sunderland W.* Taming the wild field: colonization and empire on the Russian steppe. Ithaca, 2004; *Брехуненко В.* Козаки на Степовому Кордоні Європи:

типология козацьких спільнот XVI — першої половини XVII ст. Київ, 2011.

⁵ *Олейников Д.И.* Человек на разломе культур. Особенности психологии русского офицера-горца в период Большой Кавказской войны // *Звезда*. 2001. № 8. С. 95–99.

⁶ *Khodarkovsky M.* The return of lieutenant Atarshchikov: empire and identity in Asiatic Russia // *Ab Imperio*. 2009. № 1. P. 149–164; *Ходарковский М.* Горький выбор: верность и предательство в эпоху российского завоевания Северного Кавказа. М., 2016.

⁷ *Остерхаммель Ю.* Трансформация мира: история XIX века. Главы из книги // *Ab Imperio*. 2011. № 3. С. 107–108.

⁸ *Олейников Д.И.* Фронт и колонизация // www.timeandspace.lviv.ua/.../Frontier-colonization145374bca7c947.docf (Дата обращения: 28.01.2014).

⁹ *Толстой Л.Н.* Собрание сочинений. Т. II. М., 1979. С. 65.

¹⁰ *Гордин Я.А.* Зачем России нужен был Кавказ? Иллюзии и реальность. СПб., 2008. С. 28.

¹¹ *Грибоедов А.С.* Полное собрание сочинений. Т. II. СПб., 1999. С. 232.

¹² Яков Петрович Полонский провел на Кавказе несколько лет в качестве домашнего учителя (1846–1852 гг.), а кроме того, был помощником редактора газеты «Закавказский вестник».

¹³ Кавказ в русской поэзии. Ростов н/Д, 1986. С. 43.

¹⁴ А.С. Пушкин в Посвящении к «Кавказскому пленнику», обращенному к Н.Н. Раевскому-младшему, называет гору Беш-

тау своим «новым Парнасом». Подробнее см.: *Маркелов Н.В.* Поговорим о бурных днях Кавказа. М., 2006. С. 150–151.

¹⁵ Виктор Иванович Мочульский (1810–1871) более известен как видный российский энтомолог, впервые описавший множество видов насекомых. На Кавказе В.И. Мочульский служил офицером Генерального штаба.

¹⁶ *Мочульский В.И.* Война на Кавказе и Дагестан / Ред. С.М. Касумов, Ш.М. Халипов. Махачкала, 2012. С. 21.

¹⁷ Там же. С. 22.

¹⁸ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее: ОР РГБ). Ф. 169 («Милютины»). К. 19. Ед. хр. 5. («Мысли о различных образах действий на Кавказе». Ноябрь 1844 г.). Л. 7.

¹⁹ Кавказская экспедиция в 1845 году. Рассказ очевидца В.Н. Норова // Даргинская трагедия. 1845 год / Сост. Г.Г. Лисицына, Б.П. Миловидов. СПб., 2001. С. 103–104.

²⁰ Цит. по: *Лапин В.В.* Армия России в Кавказской войне XVIII — XIX вв. СПб., 2008. С. 226.

²¹ *Тернер Ф. Дж.* Фронтир в американской истории. М., 2009. С. 15.

²² *Доного Х.М.* Победит тот, кто владеет Кавказом. Миниатюры Кавказской войны 1817–1864 гг. М., 2005. С. 59.

²³ Подробнее см.: *Лапин В.В.* Кавказская война — война взаимного непонимания // Россия и Кавказ. СПб., 2003. С. 5–16.

²⁴ Один из случаев взаимного непонимания, приведший к серьезным политическим последствиям, описан Джоном Баддели: *Баддели Д.* Завоевание Кавказа русскими. 1720–1860. М., 2010. С. 123–124.

²⁵ Акты, собранные Кавказской археологической комиссией (далее: АКАК). Т. II. Тифлис, 1868. С. 46.

²⁶ Кавказские письма А.П. Ермолова М.С. Воронцову / Сост.: Я.А. Гордин,

В.В. Лапин, Г.Г. Лисицына, Б.П. Миловидов. СПб., 2011. С. 29.

²⁷ Известный российский журналист Иван Алексеевич Сливицкий в одной из своих статей заметил, что «на здешние издающиеся на Кавказе. — А. У.) газеты нужно смотреть как на учебники, по которым Россия знакомится с Кавказом и Закавказьем». Подробнее см.: Кавказ. 1850. № 74. С. 297.

²⁸ Кавказ. 1848. № 1. С. 1.

²⁹ Подробнее об особенностях проникновения российского судопроизводства на Кавказ см.: *Абазов А.Х.* Особенности правогенеза у народов Центрального Кавказа в условиях включения в состав Российской империи в конце XVIII — первой половине XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия. 2. 2011. № 4. С. 124–125.

³⁰ Это письмо являлось ответом на письмо Н.Н. Муравьева, назначенного в конце 1854 г. Кавказским наместником. Н.Н. Муравьев адресовал свое письмо А.П. Ермолову. Письмо содержало негативную характеристику порядков службы на Кавказе и состояния Отдельного Кавказского корпуса.

³¹ *Сливицкий И.А.* Очерки Кавказа и Закавказья. Бугры // Кавказ. 1848. № 38. С. 145.

³² Архив князя Воронцова. Кн. XXXV. М., 1889. С. 15.

³³ *Грибоедов А.С.* Сочинения. М., 1956. С. 401.

³⁴ Там же. С. 404.

³⁵ Кавказ. Выдержка из походных записок // Кавказ. 1848. № 41 (от 9 октября). С. 166.

³⁶ *Ремнев А.В.* «Короткий» XIX век Сибири: сибирское время и пространство // Изобретение века. Проблемы и модели времени в России и в Европе XIX столетия / Ред. Е. Вишленкова, Д. Сдвижков. М., 2013. С. 229.

- ³⁷ Газета «Русский инвалид». Издавалась в Санкт-Петербурге в 1813–1917 гг.
- ³⁸ *Дзержек Г.* Четыре месяца на Лабинской линии. Выдержка из писем // Кавказ. 1848. № 26. С. 101–102.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ *Ремнев А.В.* Указ. соч. С. 229.
- ⁴¹ *Сливицкий И.* Очерки Кавказа и Закавказья. Джаро-Белоканские леса и Алазанская долина // Кавказ. 1848. № 40. С. 161. О скуке в жизни на Кавказе см. также: *Мелешко Е.* Отрывки из путевых заметок по Гурии // Кавказ. 1849. № 9. С. 34; *Жизнь в Баку* // Кавказ. 1853. № 37. С. 151.
- ⁴² Ключок из походной жизни // Кавказ. 1849. № 4. С. 13.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ См., например: *Лапин В.В.* Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008. С. 22–36.
- ⁴⁵ Цит. по: *Маркелов Н.* Лермонтов на Кавказе: вкус войны оказался безмерно горьким // Новое время. 2000. № 8. С. 36.
- ⁴⁶ *Лермонтов М.Ю.* Собрание сочинений в четырех томах. Т. 4. М., 1969. С. 337.
- ⁴⁷ *Норимацу К.* Проблема границы «России» в кавказских текстах русского романтизма // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткинды, Д. Уффельмана, И. Кукулина. М.: НЛЮ, 2012. С. 297–298.
- ⁴⁸ *Лермонтов М.Ю.* Указ. соч.
- ⁴⁹ *Норимацу К.* Указ. соч. С. 298.
- ⁵⁰ Мемуары графа де Рошешуара, адъютанта императора Александра I (Революция, Реставрация, Империя) // Кавказская война: истоки и начало. 1770 — 1820 годы. СПб., 2002. С. 340–341.
- ⁵¹ *Хамар-Дабанов Е.* Прodelки на Кавказе. Ставрополь, 1986. С. 161.
- ⁵² Там же. С. 162.
- ⁵³ *Дзержек Г.* Четыре месяца на Лабинской линии // Кавказ. 1848. № 26. С. 101.
- ⁵⁴ Там же. С. 102.
- ⁵⁵ *Сливицкий И.* Очерки Кавказа и Закавказья. Джаро-Белоканские леса и Алазанская долина // Кавказ. 1848. № 41. С. 166.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Цит. по: *Савельев А.Е.* Гарнизонная и походная жизнь офицеров отдельного Кавказского корпуса // Кавказский сборник. Т. 6 (38) / Под ред. В.В. Дегоева. М., 2010. С. 126.
- ⁵⁸ Воспоминания графа Константина Константиновича Бенкендорфа о Кавказской летней экспедиции 1845 года // Даргинская трагедия. 1845 год / Сост. Г.Г. Лисицына. СПб., 2001. С. 253.
- ⁵⁹ *Волконский Н.* Лезгинская экспедиция (в Дидойское общество) в 1857 году // Кавказский сборник. Тифлис, 1876. Т. I. С. 375.
- ⁶⁰ Там же. С. 376.
- ⁶¹ *Лапин В.В.* Указ. соч. С. 285.
- ⁶² *Волконский Н.* Указ. соч. С. 377.
- ⁶³ *Андреев В.* Воспоминания из Кавказской старины // Кавказский сборник. Т. I. Тифлис, 1876. С. 3.
- ⁶⁴ Кавказ. 1848. № 17 (от 24 апреля). С. 70.
- ⁶⁵ *Волконский Н.* Указ. соч. С. 379.
- ⁶⁶ *Толстой Л.Н.* Собрание сочинений: В 22 т. Т. 2. М., 1979. С. 50–85.
- ⁶⁷ *Волконский Н.* Указ. соч. С. 372.
- ⁶⁸ Из воспоминаний о походе в Дагестан, в 1843 году // Кавказ. 1850. № 70 (от 6 сентября). С. 277.
- ⁶⁹ *Хамар-Дабанов Е.* Указ. соч. С. 133.
- ⁷⁰ Подробнее о горской народной медицине в XIX в. см: *Маньшев С.Б.* Из истории взаимовлияния народной медицины и государственной системы здравоохранения на Северном Кавказе в первой половине XIX века // Известия ВУЗов. Северокавказский регион. Общественные науки. 2013. № 6. С. 29–33.
- ⁷¹ Внешний вид солдат Отдельного Кавказского корпуса производил на заезжих офицеров неизгладимое впечатление. Один из них на основе увиденного даже нарисовал ставшую известной карикатуру, которая «изображала солдата в изо-

дранном мундире нараспашку, в синих холщовых широких шароварах, заправленных в сапоги, в черкесской папахе на голове, сбоку висел маленький котелок, и вместо манерки — болталась травянка (в жару хорошо сохраняющая воду, из пород тыквы)». См.: *Андреев В.* Воспоминания из Кавказской старины // Кавказский сборник. Т. I. Тифлис, 1876. С. 8–9.

⁷² Цит. по: *Савельев А.Е.* Указ. соч. С. 118.

⁷³ Описание и анекдоты осады Шамилем в 1848 году укрепления Ахты // Кавказ. 1850. № 21 (от 15 марта). С. 82.

⁷⁴ ОР РГБ. Ф. 169 («Милютин»). Карт. 19. Ед. хр. 7. Л. 1–2.

⁷⁵ Подробнее о существенных различиях природного «товарищества» и формального «объединения» см.: *Тённис Ф.* Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб., 2002. С. 342–348.

⁷⁶ См., например: Всеподданнейший рапорт князя П.Д. Цицианова от 9 февраля 1803 года // АКАК. Т. 2. Тифлис, 1868. С. 17.

⁷⁷ Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Ф. 1268. Оп. 26. Д. 8. Л. 112–113.

⁷⁸ Подробнее см.: Из воспоминаний А.А. Харитонova // Русская старина. Т. LXXXI. Вып. 3. СПб., 1894. С. 63–77.

⁷⁹ Торжественное открытие Кавказского учебного округа состоялось 5 апреля 1849 г.

⁸⁰ См.: Высочайше утвержденное положение о воспитании Кавказских и Закавказских уроженцев, на счет казны в высших и специальных учебных заведениях империи // ПСЗ РИ. Собрание II. Т. XXIV. Отделение I. 1849. СПб., 1850. С. 313–323; РГИА. Ф. 1268. Оп. 3. Д. 17. Л. 191.

⁸¹ *Тарсаидзе Н.Г.* Исторические этюды. Тбилиси, 1972. С. 72.

⁸² *Банников Ф.* Завод Алагирский // Кавказ. 1850. № 90 (от 15 ноября 1850 г.). С. 353–354.

⁸³ Цит. по: *Лапин В.В.* Кавказская война — война взаимного непонимания // Россия и Кавказ. СПб., 2003. С. 9.

⁸⁴ *Жемухов С.Н.* Жизнь Шоры Ногма. Нальчик, 2002. С. 10.

⁸⁵ *Тресков И.В.* Этюды о Шоре Ногмове. Нальчик, 1974. С. 36.

⁸⁶ Высочайше утвержденное положение о воспитании Кавказских и Закавказских уроженцев, на счет казны в высших и специальных учебных заведениях империи // ПСЗ РИ. Собрание II. Т. XXIV. Отделение I. 1849. СПб., 1850. С. 313–314.

⁸⁷ РГИА. Ф. 1268. Оп. 3. Д. 17. Л. 37.

⁸⁸ См.: *Олейников Д.И.* Человек на разломе культур. Особенности психологии русского офицера-горца в период Большой Кавказской войны // Звезда. 2001. № 8. С. 95–99; *Дегоев В.В.* Генерал Муса Кундухов: история одной иллюзии // Звезда. 2003. № 11. С. 34–46; *Ганич А.А.* На службе двух империй: жизнь генерала Мусы Кундухова // Восток (Orient). 2008. № 4. С. 109–120.

⁸⁹ Мемуары генерала Муса-паши Кундухова (1837–1865) // Звезда. 2001. № 8. С. 100–130.

⁹⁰ Там же. С. 114.

⁹¹ Российский государственный военно-исторический архив (далее: РГВИА). Ф. 14719. Оп. 3. Д. 504. Л. 24.

⁹² Долгое время представители российской администрации ждали посланцев Шамиля, которые должны были сопроводить М. Кундухова к имаму, а в декабре 1842 г. уже сам М. Кундухов упал с лошади и получил тяжелую травму. Подробнее см.: РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 504. Л. 79.

⁹³ Мемуары генерала Муса-паши Кундухова (1837–1865) // Звезда. 2001. № 8. С. 117.

⁹⁴ *Дегоев В.В.* Указ. соч. С. 35.

⁹⁵ *Хамар-Дабанов Е.* Указ. соч. Ставрополь, 1986. С. 160.

⁹⁶ РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 462. Л. 2.

⁹⁷ Там же. Л. 31.

- ⁹⁸ Там же.
- ⁹⁹ *Бейтуганов С.Н.* Кабарда: история и фамилии. Нальчик, 2007. С. 107.
- ¹⁰⁰ *Волконский Н.А.* Погром Чечни в 1852 году // Кавказский сборник. Тифлис, 1880. Т. V. С. 23–24.
- ¹⁰¹ РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 554. Л. 77.
- ¹⁰² РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 546. Л. 2.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ Там же.
- ¹⁰⁵ Там же. Л. 26.
- ¹⁰⁶ РГИА. Ф. 1268. Оп. 26. Д. 8. Л. 117.
- ¹⁰⁷ *Берже А.П.* Самсон Яковлев Макинцев и русские беглецы в Персии // Русская старина. 1876. Т. 15. С. 775; *Базиленко И.В.* Российский беглец С.Я. Макинцев (1780–1853) и его полувековая служба Ирану // Христианское чтение. 2012. № 2. С. 155.
- ¹⁰⁸ *Ханыков Н.В.* Очерк служебной деятельности генерала Альбранда // Кавказ. 1850. № 28. С. 111.
- ¹⁰⁹ См., например: *Матвеев В.А.* Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX — начало XX в.). Ростов н/Д., 2006. С. 53–60.
- ¹¹⁰ Там же. С. 59.
- ¹¹¹ РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 554. Л. 1; Л. 36об.; Л. 52.
- ¹¹² *Прасолов Д.Н.* Интеграция кабардинского общества в состав Российской империи: этнокультурные аспекты // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2011. №. 4. С. 47–48.
- ¹¹³ РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 554. Л. 14.
- ¹¹⁴ Там же. Л. 36.
- ¹¹⁵ Там же. Л. 52.
- ¹¹⁶ Там же. Л. 52об.
- ¹¹⁷ Там же. Л. 65об.
- ¹¹⁸ Там же. Л. 77об.–78.
- ¹¹⁹ Подробнее см.: *Гордин Я.А.* Кавказская Атлантида. 300 лет войны. М., 2011. С. 363–372.

Историк джихада Хаджжи-‘Али ал-Чухи (из Чоха)

В истории есть немало примеров того, как перо ученого служило мечу власти и сопротивления. Этот тезис был одним из любимых в марксистском общественном сознании, начиная с самого Маркса, считавшего, что дело науки не только изучать, но и изменять общество¹. Почти за полтысячи лет раньше него к этой мысли пришел «мусульманский Маркс» Ибн Халдун, отметивший в знаменитом «Предисловии» (*ал-Мукаддима*) к своей «Книге назиданий...», что «перо и меч являются двумя орудиями правителя». Новая история, в период которой в мире было пролито больше крови, чем чернил, не добавила ничего принципиально нового к этой избитой истине. Но какие-то поправки к представлениям о роли знания в политике она позволяет сделать. Историки-позитивисты двух прошедших веков объявляли своей целью возможно более объективное изображение прошлого. Вместе с тем они считали историю делом масс, а не отдельных людей. За XX столетие все порядком устали от глобальных, но мертвых исторических полотен, в которых было много производственных сил и отношений, но не хватало живых людей. Особой объективности такой подход к истории так и не дал. Минувший XX в. оставил в наследство целый ряд пристрастных исторических клише вроде «добровольного присоединения» к России народов Кавказа и их извечной «дружбы» с русским «старшим братом», России как «империи зла» и подпольного «параллельного ислама» в воображении западных советологов.

Современное кавказоведение запуталось в этих глобальных схемах, имеющих больше общего с идеологией, чем с наукой. Историки ищут выход из связанного с наследием позитивизма теоретического кризиса². В то же время в науке остается более частная, но не менее важная проблема использования

**Владимир
Олегович
БОБРОВНИКОВ**

местных мусульманских источников на восточных языках. До сих пор даже крупнейшие русисты допускают в передаче исламских реалий и даже местных названий и имен грубые ошибки. Что говорить, если даже в авторитетном справочнике Д.Н. Шилова в послужных списках участников Кавказской войны названия селений, союзов общин и некоторые имена перевертаны до неузнаваемости. Например, аварское селение Келеб стало в нем Колобом, Охли — Оглы, Унцукутль — Унчугатлем³. Причем происходит это исключительно от рабского переписывания дореволюционных русских авторов. Еще большая путаница возникает от путаницы исламских и христианских понятий (например, приравнивания *джихада* горцев Дагестана и Чечни к «священной войне»⁴ или превращения мусульманской духовной элиты в «духовенство», в принципе в исламе отсутствующее). Призраком исламского повстанчества, пугавший воображение имперских чиновников на русском Кавказе и в Туркестане, уже давно нередко принимается за реально существовавшее движение. Именно так в XX в. возник целый ряд мало связанных с реальными исламскими практиками -измов от «мюридизма» до «панисламизма»⁵. Все это задевает меня как востоковеда.

Никакого универсального руководства к действию, которое позволило бы раз и навсегда покончить с такими ошибками и выйти из историографического кризиса у востоковедов, для русистов не существует. Но один дельный совет, пожалуй, дать можно. Пора спуститься с высот теоретических абстракций на землю, обратившись к делам и словам конкретных людей в конкретном историческом контексте. В поздней мусульманской историографии Дагестана существовал отдельный жанр кратких биографий ученых. До нашего дня сохранились их яркие образцы, составленные уже в первой трети XX в. дагестанскими улемами Али Каяевым из Кумуха и Назиром из Дургели⁶. Конечно, не может быть и речи, чтобы вернуться к их трудам как идеалу исторического повествования. Согласно известной максиме, «нельзя дважды войти в одну и ту же реку». Мусульманская историография времен джихада XIX в., как и советская позитивистская школа, умерла. Но ни ту, ни другую не следует отбрасывать как бесполезный хлам. Только подходить к ним нужно с учетом современных исторических наработок, исторической эпохи, когда они были созданы, и главное — их жанра. Сочинения местной мусульманской историографии крайне пристрастны. Но это не недостаток их, а достоинство. Ведь тем самым они позволяют восстановить шедшие в мусульманском и российском обществе того времени споры, понять циркулировавшие в нем слухи, надежды и страхи, проследить, как с изменением исторической обстановки менялись взгляды людей, как они видели друг друга. Изучать их следует непременно в связке с аналогичными российскими и западными источниками.

Ниже я представляю на суд читателей опыт такой работы. В этой статье прослежены перипетии жизни и творчества одного из тех кавказских мусульман, кто своими руками «делал историю» и писал ее во время Кавказской

войны. Речь пойдет об известном историографе *имама* Шамиля, вошедшем в российские и зарубежные учебники под именем Гаджи-Али. Его арабская хроника, известная в русском переводе как «Сказание очевидца о Шамиле», остается одним из главных источников по истории мусульманского сопротивления горцев Дагестана и Чечни Российской империи. Судьба Гаджи-Али представляет собой хороший пример значения местной мусульманской традиции для истории вхождения Северного Кавказа в состав России. Иными словами, речь идет про опыт критической биографии дагестанского *‘алима* времен джихада XIX в. с комментариями востоковеда.

Что же можно сказать о жизни мусульманского историка из Дагестана, сравнив данные восточных и русских источников?⁷ В его биографии можно сделать несколько важных уточнений. Начнем с имени. Судя по хронике, по-арабски его писали длиннее, чем по-русски: «Хаджжи-‘Али б. ‘Абд ал-Малик-эфенди Нахибаш ал-Чухи», порой сокращая до «ученого Хаджжи-‘Али Чохского (العالم حج على الجوحى)»⁸. Такое написание созвучнее аварскому оригиналу имени историка (его пишут сегодня ХИажи-Гали), поэтому в своей работе я буду пользоваться им. Длинная арабская версия имени историка содержит важную информацию о его происхождении, социальном статусе и образовании. *Нисба* Чохский говорит о выходе из Чоха, одной из сильных аварских общин (*джама‘атов*) горской конфедерации Андалал в Среднем Дагестане. Род, или *тухум*, Хаджжи-‘Али носил имя Нахибаш, превращенное русскими авторами конца XIX — начала XX в. в фамилию Нахибашевы. Он принадлежал к трем знатным тухумам Чоха и до реформы общины 1868 г. имел собственного представителя в совете старшин джамаата⁹. В.Г. Гаджиев видит в имени тухума указание на принадлежность к верхушке свободных общинников (*узденей*), занимавших должность выборных предводителей (тюрк. *баши*) всей Андалальской конфедерации, которую в арабских документах того времени обозначали арабским понятием *нахийя* (ناحية)¹⁰. Отец будущего историка ‘Абд ал-Малик Нахибашев был переводчиком с арабского и аварского языков при командующих Отдельным Кавказским корпусом И.Ф. Паскевиче-Эриванском и бароне Г.В. Розене. Он участвовал в посольстве Розена к имаму Гази-Мухаммаду в 1832 г., приеме присяги России от *ханов* и владетелей Аварии в 1836 г.¹¹ В 1838 г. в чине поручика он вышел в отставку и поселился в Чохе.

Хронология жизни Хаджжи-‘Али спорна. Не вызывает сомнения лишь факт его рождения в Чохе. Однако в качестве года рождения историка в литературе фигурирует 1817-й. Эта дата присутствует и в семейных преданиях потомков ученого. Последние сведения о его жизни относятся к поздней осени 1877 г. По подсчетам внучатой племянницы историка турецкой писательницы Хаддуч Дагестанлы, тогда ему минуло шестьдесят лет¹². Как же относиться к сообщению самого хрониста о том, что он родился 11 рамадана 1234 г.х.¹³, что при переводе в юлианский календарь дает 4 июля (а по старому григорианскому стилю, использовавшемуся тогда в России, 25 июня) 1819 г.? Конечно, в его хронике

есть путаница с датами. Многие из них, например год рождения Шамиля, ошибочны. Однако о своем рождении Хаджжи-‘Али должен был иметь более верное представление. Мне кажется, дело здесь в выборе календаря. По лунному мусульманскому календарю, шестьдесят лет историку исполнилось в 1294 г.х., или 1877 г. н.э. Лунный год короче солнечного, и по христианскому счислению ученому было лишь 58 лет. Аналогичный случай произошел с Шамилем. А.К. Казем-бек, принимавший имама летом 1861 г. во время его поездки из Калуги в С.-Петербург, отмечал, что Шамиль говорил, что ему идет шестьдесят пятый год, однако «по астрономическому исчислению ему шестьдесят три года», ведь каждые 32 солнечных года составляют 33 лунных¹⁴. На что обратил внимание исламовед XIX в., пропустили современные русисты.

Юность Хаджжи-‘Али восстанавливается из его автобиографии в соединении с послужным списком. Она дает любопытный пример биографии мусульманина на службе империи, показывая, что офицеры Кавказской армии могли быть одновременно мусульманскими улемами. Следуя местной традиции, Хаджжи-‘Али сначала учился у отца и в одной из примечательных школ Чоха. Образование он продолжил в медресе разных селений Среднего Дагестана и Северного Азербайджана. Среди его учителей были известные ученые Муртада-‘Али из с. Урада¹⁵ и шейх Казан-бек-эфенди ал-Илисуви из с. Илису. По собственным словам ученого, он восемь лет читал Коран, а выучив его наизусть и став *хафизом*, углубленно занялся арабской филологией, жизнеописанием пророка Мухаммада (*сир*), экзегезой (*тафсир*), основами веры (*усул ад-дин*), правом (*фикх*), метрикой (*‘аруд*) и суфийской этикой (*сулук*). Из рациональных дисциплин (*‘аклийат*) медресе он прошел основы математики и астрономию (*‘илм ан-нуджум*). Учеба заняла около двадцати шести лет¹⁶. Хаджжи-‘Али пошел по стопам отца, рано поступив на русскую военную службу. При этом он продолжал учиться в медресе тех селений, в которых ему приходилось служить, сначала у русских, затем у Шамиля. Его военным начальником был Данийал-султан или Данийал-бек б. Ахмад-хан, с 1830 г. правивший под русским протекторатом небольшим Илисувским султанатом на севере нынешнего Азербайджана. У последнего были обширные связи как в политической элите Восточного Кавказа, так среди улемов и суфиев братства (*тарика*) Накшбандийа-Халидийа, пользовавшихся в регионе значительным весом.

После упразднения в 1840 г. Илисувского султаната Данийал-султан завязал переговоры с Шамилем и перешел в 1844 г. на его сторону, получив в управление южные наместничества *имамата*. Возможно, под его влиянием где-то после 1842 г. к Шамилю перебежал Хаджжи-‘Али и его брат Давудилав Чохский. Уже после окончания Кавказской войны сам ученый объяснял свой переход на сторону Шамиля действиями имама, заключившего в тюрьму отца Хаджжи-‘Али, откуда его выпустили только после переселения на территорию имамата обоих сыновей ‘Абд ал-Малика-эфенди¹⁷. Не без поддержки Даний-

ал-бека, покровительствовавшего суфиям и ученым, Хаджжи-‘Али вошел в окружение Шамиля и постепенно завоевал доверие имама. Он продолжал образование у Муртада-‘Али из аварского селения Урада. Одновременно он занимался математикой, архитектурой и инженерным искусством с выпускником османских и египетских медресе *на’ибом* Чечни Хаджжи-Йусуфом. Позднее Хаджжи-‘Али стал главным военным инженером Шамиля, возводил крепости, завалы и иные оборонительные сооружения во всех наибствах имамата. Добившись доверенности Шамиля, он стал его секретарем (*катиб*). Оставаясь на этом посту с 1847 до 1859 г., он вел дипломатическую переписку, расходно-приходные книги, заведовал снабжением новой регулярной пехоты (*низам*), сформированной в середине 40-х годов XIX в. по османскому образцу. Сопровождая Шамиля в походах, он заведовал казной (*байт ал-мал*).

Участие Хаджжи-‘Али в джихаде на стороне Шамиля выходит на более общую проблему характера мусульманского сопротивления горцев Российской империи. За всем движением в российской и зарубежной литературе закрепилось сомнительное с исламоведческой точки зрения понятие «мюридизм», вроде бы указывающее на то, что в основу его лег суфизм. На деле, однако, все было намного сложнее. Многие участники джихада, включая Хаджжи-‘Али, симпатизировали шейхам влиятельного тогда на Восточном Кавказе братства (*тарикат*) Накшбандийа-Халидийа. Первый и третий имамы даже входили в него, а их суфийские наставники шейхи Мухаммад ал-Йараги и Джамал ад-Дин переселились на территорию имамата. Но ни Шамиль, ни зачинатель джихада имам Гази-Мухаммад шейхами тариката не стали, хотя последующие поколения представляли их таковыми. Большинство участников джихада вообще не имели никакого отношения к Накшбандийа-Халидийа и другим суфийским братствам¹⁸. В своей переписке должностные лица имамата ничего не говорят о суфийских материях и даже не упоминают про *тарикат*. Суфийские мотивы совершенно выпадают и из сочинения Хаджжи-‘Али. Почему же они называли себя мюридами имама и его заместителей-на’ибов?

В этом запутанном вопросе нам помогает хроника Хаджжи-‘Али. В начале своего сочинения он говорит, что у сторонников джихада слово «мюрид» приобрело другое значение — «истинно веровать в Бога и поклоняться Ему, одинаково стараться делать всем людям добро, не слушиваться имама, не лгать перед ним, не изменять ему ни в чем, не брать взятки с народа, не воровать, но, если нужно, то попросить и исполнять без замедления все приказания имама, как бы они ни были трудны»¹⁹. К сожалению, здесь русский перевод хроники наполнен христианскими аллюзиями. Значение, которое вкладывал в это примечание Хаджжи-‘Али, лучше понятно, если воспользоваться похожей глоссой в начале хроники Мухаммад-Тахира ал-Карахи:

المريد على لسان من في ولاية شموبيل من يسعى تحت سياسة الشرعية ويذعن لها ولو ظاهرا والمنافق وكذا المرند من مال الى العدو الكافر او هرب اليه او سكن تحت سياسته وان كان مؤمنا صادقا

«На языке живущих в области Шамиля *мурид* — это тот, кто трудится под властью шариата (*сийасат аш-шар‘ийа*) и повинуется ему, хотя бы внешне, а *мунафик* и вероотступник (*муртадд*) — тот, кто поддерживает деньгами неверного врага, перебежал к нему или живет под его властью, пусть даже это истинно правоверный»²⁰.

В этом определении мюрид теряет связь с суфийским путем (*тарика*), приобретая значение правоверного мусульманина, следующего нормам шариата. Немецкий востоковед Михаэль Кемпер обнаружил похожее толкование термина в полемических суфийских трактатах второй трети XIX в. в связи с раз-

бором технических приемов обучения суфиев²¹. Ученики и преемники упоминавшихся выше Ярагского и Кумухского шейхов считали *шариат* начальным этапом для принятия *тариката* на пути суфия. Поддержав джихад, они требовали от всех мусульман Дагестана вооруженной борьбы против мусульман-коллорационистов, ставших на службу Российской империи. Воителей-*гази*, переселившихся на земли, контролируемые имамом, стали называть *шариатскими мюридами* с тем, чтобы отличить их от *мюридов тариката*. Вместе с тем за пределы братства были фактически выведены отдельные суфийские практики, такие как так называемый громкий *зикр* (богопоминание), превратившийся в разновидность военного гимна имамата. Совершение тихого *зикра* «сердца» (*калби*), связи сердец с наставником (*рабита*) и другие приемы обучения суфиев остались прерогативой тарикатских мюридов братства. Русские дореволюционные наблюдатели переделали шариатских мюридов в наибских. Одним из таких шариатских мюридов Шамиля был Хаджжи-‘Али.

Людям свойственно не раз менять свои убеждения. Так было и с нашим историком. До 1859 г. он был ревностным сторонником шариатского движения, считая необходимым очищение веры мусульман Дагестана от неисламских обычаев (*расм*, *‘адат*) в джихаде с русскими завоевателями и поддерживающими их лицемерами (*мунафикун*) из числа мусульман. Следы такого отношения можно найти и в его хронике, основная часть которой, по его собственному признанию, была написана между 1848 (1264 г.х.) и 1859 (1276 г.х.) г.²² Хаджжи-‘Али оставался с имамом до конца воору-

Рис. 1. Эпитафия шекинского тезки Гаджи-Али 1274 г.х. (1895 г.) на кладбище Чол г. Нуха, Азербайджан. Эстамп М. Неймат

женной борьбы и даже выступил парламентаром при сдаче Шамиля в Гунибе командующему Кавказской армией князю А.И. Барятинскому 26 августа (по новому стилю 7 сентября) 1859 г.²³ К 1860-м — началу 1870-х годов взгляды ученого изменились. Пути историка и его бывших покровителей разошлись. Изменивший Шамилю Данийал-бек эмигрировал в Османскую империю. Хаджжи-‘Али вновь поступил на русскую службу. Как и многие другие участники джихада 1828–1859 гг., он считал тогда дальнейшее сопротивление России бессмысленным. Среди дагестанских улемов и суфиев к этому времени сложилась влиятельная партия, выступавшая против войны. К ней, по видимому, примкнул и Хаджжи-‘Али Чохский.

Период его жизни после окончания Кавказской войны известен много хуже. После 1859 г. никаких писем или сочинений ученого, кроме окончательной версии его «Сказания», выпущенного в 1873 г. в русском переводе в Сборнике сведений о кавказских горцах в Тифлисе, нам пока не известно²⁴. В литературе имеются разные предположения, как сложилась его жизнь. Азербайджанская исследовательница М.С. Неймат считает, что сразу же после пленения Шамиля Хаджжи-‘Али спешно покинул родину, уехав в Елисаветпольскую губернию Восточного Закавказья (ныне Азербайджанская Республика), где был избран *кади* суннитской общины г. Нухи и занимал этот пост до смерти зимой 1895 г.²⁵ Основанием для этой смелой гипотезы послужила обнаруженная ей на кладбище Чол г. Шеки (дореволюционной Нухи) эпитафия одного участника шамилевского джихада, носившего имя Хаджжи-‘Али. Надпись *наسخом* в центральной нише на лицевой стороне стелы, помещенная в 9 картушей, гласит:

الملك لله الواحد القهار جل الجلالة * هذا قبر المرحوم المغفور * جديد الاسلام الحاج * على المهاجر الى داغستان
الذى * الغازى شمويل وغاز معه * لاحياء دين رسول الله حتى وصل * الى تاريخ سنة ١٢٧٤ و جاء الى نخو * وسكن بعد
استيلاء الروس * على داغستان واخذهم الامام

«Владычество принадлежит Аллаху, Единому, Могучему! * Это могила покойного прощенного * обновителя ислама ал-Хаджж * ‘Али, переселившегося *мухаджиром* в Дагестан. Он * гази Шамиля (*Шамуил*), воевавший с ним * за оживление веры посланца Аллаха, пока не приехал * в 1274 году в Нуху и * поселился после захвата русскими * Дагестана и был принят ими имамом».

Стела содержит еще несколько стандартных благопожеланий душе покойного и славословий Аллаху. Внизу с ее левого торца приведена памятная записка (та’рих):

شمويل سنة ١٢٧٤ وقد ارتحل المرحوم في شهر شعبان سنة ١٣١٢

«Шамуил — 1274 год. Покойный скончался в месяце ша‘бан 1312 года» (рис. 1)²⁶.

Находка эта, безусловно, любопытная, но выводы азербайджанского эпиграфиста вызывают сильное сомнение. *Во-первых*, в надписи не приведена *нисба* покойного. Он носит имя нашего историка, но про его чохское происхождение ничего не сказано. *Во-вторых*, ничего не говорится и о том, что имам суннитской мечети г. Нуха, скончавшийся между январем и февралем 1895 г., был родом из Дагестана. Он участвовал в джихаде 1828–1859 гг., но как переселенец (*ал-мухаджир*) в Дагестан. Вполне возможно, что эпитафия принадлежала тезке дагестанского ученого из Закавказья, возможно, той же Нухи. Неймат считает, что составитель надписи ошибся в сроках капитуляции Шамиля, сместив их с лета–осени 1859 г. (1276 г.х.) на август 1857 — июль 1858 г. Однако Хаджи-‘Али не покидал Дагестан до 1870-х годов. Об этом говорят русские документы. Кавказский календарь за 1862 г. называет его в числе чиновников учрежденного в крае в 1860 г. военно-народного управления²⁷. Одновременно ученый состоял корреспондентом Отделения по управлению горскими народами (с 1865 г. Кавказского горского управления) при Главном штабе Кавказской армии в Тифлисе.

Более обоснованным представляется предположение московского историка П.И. Тахнаевой, сделанное на основе сличения архивов Кавказского наместничества в Махачкале и Тбилиси, дагестанских хроник и воспоминаний с устными преданиями чохцев. Она считает, что Хаджи-‘Али никуда не уезжал из Дагестанской области. Во всяком случае, об этом говорят казенные ведомости служивших по военно-народному управлению лиц. «Поручик милиции Гаджи-Али Малик-оглы» числится с 28 ноября 1860 г. депутатом Дагестанского народного суда в г. Темир-Хан-Шура. Постепенно он поднимался по служебной лестнице, работая в российской военно-народной администрации Гунибского округа, в который в 1860 г. вошла территория упраздненного с победой над Шамилем союза общин Андалал и земли Чоха. 10 февраля 1865 г. Хаджи-‘Али получил чин прапорщика, 26 февраля 1868 г. — подпоручика, 30 августа 1871 г. — поручика, 24 декабря 1876 г. — штабс-капитана²⁸. Затем его военная карьера на императорской службе внезапно резко обрывается. В месячном рапорте о состоянии канцелярии начальника Дагестанской области и Дагестанского народного суда за сентябрь 1877 г. «Гаджи-Али Малик-оглы» еще числится депутатом Дагестанского народного суда, а в октябре 1877 г. его фамилия в ведомости отсутствует²⁹.

Что же случилось с нашим героем? Здесь на помощь нам приходят местные семейные предания и мусульманские хроники. Именно в эти месяцы в Нагорном Дагестане развернулось восстание против русского владычества, к которому примкнули и некоторые служащие военно-народной администрации области. Восстание 1877 г. было последней крупной вспышкой мусульманского повстанчества на российском Кавказе до 1917 г. Слухи о приближении к Кавказу освободительной османской армии, распространившиеся с началом Русско-турецкой войны в 1877 г., вызвали стихийные антирусские

ские бунты в Дагестанской и Терской областях (на территории Дагестана и Чечни), а также в Сухумском округе Западного Закавказья (в Абхазии). В Горном Дагестане циркулировали письма ставшего генералом османской армии сына Шамиля Гази-Мухаммада, призывавшие мусульман Кавказа подняться на *джихад*. Если верить семейным преданиям в передаче Хаддуч Дагестанлы, Хаджжи-‘Али тоже получал такие письма³⁰. Ни одного из таких писем не дошло, в русской редакции его хроники, появившейся за четыре года до начала восстания, историк резко критиковал поведение сына Шамиля. Однако у нас имеется одно обращенное к Хаджжи-‘Али ал-Чухи короткое доверительное письмо уже времен восстания, опубликованное А. Тахо-Годи в 1925 г. Из него можно заключить, что в ополчении восставших он командовал отрядом конницы³¹.

Почему Хаджжи-‘Али мог вновь примкнуть к джихаду? Вероятно, немалую роль здесь сыграли преувеличенные надежды на помощь османской армии. Свой очередной переход от русских к их противникам он мог объяснять простым нарушением перемирия с неверными, что шариат позволяет делать правоверным на территории войны (араб. *дар ал-харб*), каковой, по мнению многих улемов, поддержавших джихад, оставался тогда Дагестан и Кавказ. Похожие оправдания встречаются в сохранившихся арабских хрониках восстания 1877 г.³² Как бы то ни было, джихад 1877 г. был быстро и жестоко подавлен. Его поражение говорит об окончании эпохи вооруженного мусульманского повстанчества на Северном Кавказе. Попытка восстановить имамат провалилась. Вернуться к временам Кавказской войны оказалось уже невозможно. Ополчение горцев не могло сравниться с регулярной российской армией. Копируя учреждения, созданные имамом Шамилем и его предшественниками, руководители восстания не смогли вдохнуть в них искру жизни. Восстание так и не смогло создать государственной структуры, способной конкурировать с аппаратом власти Российской империи. Вместе с тем джихад 1877 г. носил массовый характер. Согласно российской статистике, на Северо-Восточном Кавказе волнения охватили 394 селения. Из 13 140 дворов горцев области в нем в разной степени участвовало 11 642³³. Поддаться слухам и надеждам юности о создании на Кавказе шариатского общества мог и такой умудренный жизнью человек, как Хаджжи-‘Али.

О том, как он окончил свою жизнь, точных сведений нет. Современник событий ‘Али ас-Салти называет в числе арестантов Гунибской крепости, переведенных оттуда в Темир-Хан-Шуринскую тюрьму и скончавшихся там от ран и болезней, «ученого Хаджжи-‘Алилава Чохского», в котором известный специалист по этой эпохе Тимур Айтберов узнал нашего героя³⁴. Хаддуч Дагестанлы рисует красочную картину, согласно которой «Гаджи-Али, как активный участник восстания, был закован в кандалы и отправлен в Харьков, где он был осужден и приговорен к смертной казни»³⁵. Последнее абсолютно невозможно. В ссылке дагестанцев не казнили. В то же время в этой фантазии

есть крупица истины. Ссылных отправляли в Россию двумя путями — водным, через Петровск и Астрахань, и сухопутным, через Харьков. Сотни, если не тысячи мусульман Дагестана и Чечни погибли в ссылке от непривычного климата и болезней. Оставшимся в живых по амнистии, объявленной в 1883 г. Александром III, было разрешено вернуться домой.

Вероятно, чтобы окончательно сбить нас с толку, в игру вступает еще один источник. В 1882 г. Хаджи-‘Али со своим сыном Мухаммад-Шарифом непонятным образом появляется на изданной в Дагестане фотовиньетке среди чиновников военно-народного управления³⁶. Сохранилась реляция о награждении Мухаммад-Шарифа серебряной медалью за участие в подавлении восстания 1877 г., для чего он вернулся из С.-Петербурга, где служил в гвардии³⁷. Итак, какому же из источников верить? Пока у нас не хватает данных, чтобы сделать выбор. Решающее слово остается за архивными документами об арестах и высылке участников восстания 1877 г. в Дагестане и Центральной России, которые пока еще не до конца изучены³⁸.

В заключение нужно охарактеризовать творческое наследие ученого. Оно невелико, но значительно. В историю он вошел как автор «Сказания очевидца о Шамиле». Из других его сочинений имеется только упоминание о принятом ученым по предложению сына Шамиля Джамал ад-дина переводе Корана на аварский язык. О нем в 1870 г. писал современник Хаджи-‘Али известный кавказовед барон П.К. Услар³⁹. Похоже, однако, что всегда точный Услар на этот раз ошибся в определении жанра сочинения. Первые переводы Корана появились на Кавказе под российским влиянием только в конце XX в. Скорее всего, речь могла идти об аварском комментарии на Коран (*тафсир*), над которым работал Хаджи-‘Али. Подобные сочинения были более в духе его эпохи. Труд этот был доведен до половины и, по-видимому, погиб вместе с библиотекой ученого при штурме Гуниба в 1859 г.

Судьба его знаменитой хроники не столь печальна. Правда, ее арабский оригинал утерян и даже подлинное название неизвестно. У нас имеется лишь сокращенный русский перевод, если не пересказ военного переводчика Г.А. Подхалюзина⁴⁰. Писарская копия сочинения, выполненная для кавказского наместника великого князя Михаила Николаевича, хранится в Отделе рукописей РГБ в Москве. В 1995 г. дагестанский историк В.Г. Гаджиев выпустил на ее основе научное издание хроники. Главным героем своего сочинения Хаджи-‘Али сделал Шамиля, рисуя его полководцем, законодателем и восстановителем ислама. Источниками хроники стали дневники Хаджи-‘Али во время работы секретарем Шамиля, воспоминания третьего имама и других очевидцев событий, а также официальная переписка имамата. Важнейшие письма, в частности переписка между князем А.И. Барятинским и Шамилем перед сдачей Гуниба, включены в состав «Сказания». Конечно, повествование Хаджи-‘Али не идеально с точки зрения современного историка. Как уже говорилось, он не тверд в датах. Хронист пристрастен в изображении деятелей имамата, преувеличивая влияние своего учителя Хаджи-Йусуфа, которому

он приписал составление знаменитого уложения Шамиля, черня его и собственных соперников на’иба Кебед-Мухаммада из с. Телетль и сына Шамиля Гази-Мухаммада, властолюбие которого привело, по его мнению, к поражению имамата.

В тексте хроники заметны следы авторской правки, сделанные после 1859 г. Тогда к ней было добавлено верноподданное посвящение кавказскому наместнику великому князю Михаилу Николаевичу, эпизоды джихада получили пророссийскую трактовку. Под влиянием бытовавшего в России и Европе представления об отсталости мусульманского Востока усилились характерные для сторонников шариатского движения выпады против запрещенных Шамилем «диких» местных обычаев, обвинения горцев в постоянных насилиях и «природном хищничестве»⁴¹. Неудивительно, что власти Кавказского наместничества положительно оценили хронику, предприняв ее перевод и издание в 1873 г. Сочинение Хаджжи-‘Али оказало определенное влияние и на советскую историографию. Отечественных историков XX в. особенно пленял «социологизм» Хаджжи-‘Али, его частые выпады против горской знати и богатеющей верхушке администрации имамата⁴². Благодаря переводу хроники на русский язык она быстро вошла в научный оборот и к настоящему времени стала классикой кавказоведения. Ни одна работа, посвященная Северному Кавказу XIX в., не обходится без цитирования Хаджжи-‘Али. Арабские сочинения его современников, переведенные на русский язык лишь в конце XX в.⁴³, были менее удачливы и, как правило, выпадают из поля зрения историков-русистов.

Причина такого невнимания кроется в непонимании исламских реалий и системы понятий. Свою роль здесь сыграли позитивистский подход к текстам и стремление к получению объективной картины прошлого, о чем уже говорилось выше. При этом религиозные взгляды авторов, их объяснения происходившего и в особенности выпады против «дикости» и «хищничества» горцев отбрасывались как не заслуживающий внимания вздор или влияние царской цензуры⁴⁴. Такой подход привел к ложному истолкованию в русистике и сочинения Хаджжи-‘Али. Даже обращавшиеся к его творчеству талантливые источниковеды-русисты Н.И. Покровский и В.Г. Гаджиев недооценивали значения жанровых особенностей его хроники. Последний верно отметил использование историком популярных в его время средневековых дагестанских хроник «Та’рих Дагистан», «Дербент-наме» и ряда аульных хроник и памятных записей (*та’рих*)⁴⁵. Но ни он, ни тем более Покровский не обратили внимания, что «Сказание очевидца о Шамиле» написаны в том же жанре. Выпады против горской знати и корыстолюбия *на’ибов* — не свидетельство верности действительности, а заимствование из поздних редакций таких хроник, формирование которых завершается именно в период шариатского движения и российского завоевания. Вместе с тем труд Хаджжи-‘Али говорит о кардинальных переменах в системе ценностей, понимании власти и способе писания истории, которое происходило среди мусульманской духовной элиты Дагестана в период джихада второй трети XIX в.

Примечания

¹ «Философы (зд. в более широком значении ученые вообще. — В. Б.) лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить». См.: *Маркс К. Тезисы о Фейербахе* // *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения* / Под ред. В. Адоратского. М., 1933. 1-е изд. Т. IV. С. 591.

² Об историографическом кризисе в российском кавказоведении подробнее см. в моей работе: *Бобровников В.О. Что получилось из «Северного Кавказа в Российской империи»: послесловие редактора несколько лет спустя* // *Ab Imperio*. 2008. № 4. С. 501–519.

³ *Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А.* Члены Государственного Совета Российской империи. 1801–1906: Биобиблиографический справочник. СПб., 2007. С. 204, 366 и далее *passim*.

⁴ «*Джихад* на пути Аллаха» (جهاد في سبيل الله) означает в исламской традиции не войну, а борьбу за веру, включая не только вооруженное противостояние неверным, но и различные формы идейной борьбы вплоть до борьбы с собственными дурными наклонностями. Мусульманские правоведы разработали целый ряд понятий, определяющих его частные разновидности, такие как «джихад сердца», «джихад руки», «джихад меча». Война за веру (*газават*), примеры которой можно найти на Кавказе XIX в., представляла лишь частный вид джихада. К сожалению, даже арабисты в переводах источников порой воспроизводят характерное для русских и европейских авторов XIX в. ошибочное понимание джихада как «священной войны». См., например: *Шарафутдинова Р.Ш.* Арабоязычные документы эпохи Шамиля. М., 2001. С. 145.

⁵ Эпистемологию этих фобий см.: *Бобровников В.О.* Мюридизм // *Религио-*

ведение: Энциклопедический словарь. М., 2006. С. 668.

⁶ Есть недавнее академическое издание арабского сборника биографий Назира ад-Дургили с переводом его на немецкий язык: *Nadir ad-Durgilis (st. 1935) Nuzhat al-adhan fi taragim ‘ulama’ Dagistan* // *Muslim Culture in Russia and Central Asia* Hrsg. von M. Kemper und A.R. Šixsaidov. Vol. 4. Berlin, 2004.

⁷ Автор выражает искреннюю благодарность П.И. Тахнаевой за ценные ссылки на источники и советы при редактировании настоящей статьи.

⁸ Имя Хаджжи-‘Али часто упоминается в переписке, мемуарах и хрониках того времени. См., например: *Китаб тазкират саййид ‘Абд ар-Рахман б. устаз ат-тарики Джамал ад-Дин ал-Хусайни фи байан ахвал Дагистан ва-Чачан аллафух фи Туплис фи санат 1285 / Абдурахман из Газикумуха.* Книга воспоминаний / Араб. факсимиле с пер. М.-С. Саидова; под ред. А.Р. Шихсаидова и Х.А. Омарова. Махачкала, 1997. Л. 393 а (араб.); письмо 1877 г. «От Мухаммеда сына Хасана ал-Гуци Хаджжи-‘Али ал-Чухи» // *Восстания дагестанцев и чеченцев в послешамилевскую эпоху и имамат 1877 года* / Сост. Т.М. Айтберов, Ю.У. Дадаев, Х.А. Омаров. Махачкала, 2001. С. 153.

⁹ *Чурсин Г.Ф.* Авары. Махачкала, 1995. С. 16.

¹⁰ *Гаджи-Али.* Сказание очевидца о Шамиле / Под ред. В.Г. Гаджиева. Махачкала, 1995. С. 71.

¹¹ Там же. С. 22–23.

¹² *Дагестанлы Хаддуч.* Жизнь одного воина // *Наш Дагестан*. 1995. № 176–177. С. 26.

¹³ *Гаджи-Али.* Указ. соч. С. 22.

¹⁴ *Казем-бек М.* Мюридизм и Шамиль. Махачкала, 1990. С. 26–27 (прокомментированное переиздание из Русского слова, 1859, № 12). Отмечу к слову, что пышно справлявшееся по всему Дагестану 200-летие третьего имама пото-

ропились провести на год раньше, осенью 1997 г. Наиболее вероятной датой рождения Шамиля следует считать вторую половину 1212 г.х., приходящуюся на 1798 г.

¹⁵ Nadir ad-Durgilis (st. 1935) Nuzhat al-adhan fi taragim ‘ulama’ Dagistan. S. 102 (арабский текст).

¹⁶ *Гаджи-Али*. Указ. соч. С. 22–23.

¹⁷ Там же. С. 23.

¹⁸ Суфийская подоплека движения Шамиля подробно разобрана в работах немецкого востоковеда Михаэля Кемпера: *Кемпер М.* К вопросу о суфийской основе джихада в Дагестане // *Подвижники ислама: культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе* / Сост. и отв. ред. С.Н. Абашин и В.О. Бобровников. М., 2003; *Kemper M.* Herrschaft, Recht und Islam in Daghestan von den Khanaten zum gihad-Staat. Wiesbaden, 2005.

¹⁹ *Гаджи-Али*. Указ. соч. С. 28.

²⁰ *Мухаммад-Тахир ал-Карахи*. Барикастас-суйуф ал-джабалийа фи ба’д ал-газават аш-шамилыйа. Махачкала, б.г. С. 5.

²¹ *Кемпер М.* Указ. соч. С. 293.

²² *Гаджи-Али*. Указ. соч. С. 24.

²³ Там же. С. 65.

²⁴ *Хаджи-Али*. Сказание очевидца о Шамиле // *Сборник сведений о кавказских горцах* (далее: ССКГ). Вып. VII. Отд. I. Тифлис, 1873. С. 1–76.

²⁵ *Неймат М.С.* Корпус эпиграфических памятников Азербайджана. Т. II: Арабо-персо-тюркоязычные надписи Шеки-Закатальской зоны (XIV век — начало XX века). Баку, 2001. С. 223–224.

²⁶ Там же. С. 158 (надпись № 821), фото 821 и прорисовка 821а на с. 343. Общее содержание надписи в книге М.С. Неймат передано совершенно верно, но отдельные места ее перевода вызывают сомнения и были поправлены, так же как и идентификация почерка эпитафии, почему-то принятого исследовательницей за *сулс*. В пятой строке-картуше основной надписи между словами

«ал-гази» и Шамиль нет связи, иначе первое имя было бы поставлено без артикля.

²⁷ *Кавказский календарь*. Тифлис, 1862. С. 399.

²⁸ Центральный государственный архив Республики Грузия (Тбилиси, далее: ЦГА РГ). Ф. 545. Оп. 1. Д. 1756. Переписка об офицерах-горцах, участвовавших в Дагестанском восстании 1877 г. Л. 15–20. Записка о службе в милиции штабс-капитана Гаджи-Али Малик-оглы, январь 1879 года. Автор выражает исключительную благодарность П.И. Тахнаевой, любезно предоставившей ему эти и нижеследующие материалы.

²⁹ ЦГА РГ. Ф. 545. Оп. 1. Д. 1569. Л. 60б. Месячная отчетность о состоянии чинов военно-народного управления Дагестанской области, 1877 г.

³⁰ *Дагестанлы Хаддуч*. Жизнь одного воина. С. 26.

³¹ Это письмо недавно перепечатано Т.М. Айтберовым в сборнике документов: *Восстания дагестанцев и чеченцев в послешамилевскую эпоху и имамат 1877 года*. С. 153.

³² Там же. С. 49–50, 56, 64, 68–69, 72, 74. Подробнее об этом см.: *Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. М., 2002. С. 142–147.

³³ Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД, Махачкала). Ф. 2. Д. 279.

³⁴ *Восстания дагестанцев и чеченцев в послешамилевскую эпоху и имамат 1877 года*. С. 122, 243. См. также: *Али ас-Салти*. Та’рих // *Рукописный фонд Института истории, археологии, этнографии Дагестанского научного центра РАН* (Махачкала). Ф. 1. Оп. 1. Д. 430. Л. 16–17.

³⁵ *Дагестанлы Хаддуч*. Указ. соч. С. 26.

³⁶ *Тахнаева П.И.* Чох в блистательную эпоху Шамиля, 1840–1850 гг. С. 30, 155.

³⁷ ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 1. Д. 124. Послужной список офицеров из туземцев Среднего Дагестана, 1880 г. Л. 69.

³⁸ В 2009 г. П.И. Тахнаевой посчастливилось найти в архиве Кавказского наместничества в Тбилиси переписку об офицерах-горцах, участвовавших в Дагестанском восстании 1877 г. Согласно «Списку офицеров милиции, казненных и сосланных за измену нашему Правительству», «штабс-капитан Гаджи-Али Малик-оглы» был исключен из списков офицеров и приговорен к ссылке в каторжную работу приказом по Кавказскому военному округу от 27 апреля за № 236 1878 года (ЦГА РГ. Ф. 545. Оп. 1. Д. 1756. Л. 15–20). Дальнейшая судьба нашего героя все еще остается неизвестной, но об его участии в джихаде 1877 г. теперь можно говорить вне всякого сомнения. Автор благодарит П.И. Тахнаеву за предоставленные данные.

³⁹ [Услар] П. О распространении грамотности между горцами // ССКГ. Вып. III. Отд. IV. Тифлис, 1870. С. 18.

⁴⁰ О разнице между русским пересказом и арабским оригиналом сочинения Хаджи-‘Али можно составить представление, если сравнить труд Джамал ад-Дина ал-Гази-Кумухи о суфийской этике «Ал-адаб ал-мардийа фи-т-тарики ан-накшбандийа» (ССКГ. Вып. II. Отд. III. Тифлис, 1869. С. 2–22) с арабской версией этого трактата, изданной в Петровске в 1905 г. Последняя примерно в три-четыре раза длиннее (83 с. против 22) и полна отсутствующих в переводе сюжетов по этике (*сулук*) и практикам суфизма.

⁴¹ Хаджи-‘Али принадлежит классическое определение дикой горской экзотики на Кавказе: «горцы дики как сама природа, окружающая их, хищны как звери». См.: *Гаджи-Али*. Указ. соч. С. 24. Об образе горского хищничества и ориентализации российского Кавказа XIX в.

см. в моей работе: *Бобровников В.О.* «Горское хищничество» в теории и практике российского ориентализма на Северном Кавказе XIX в. // *Меняющаяся Европа: проблемы этнокультурного взаимодействия*. М., 2006. С. 367–383.

⁴² См., например: *Покровский Н.И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000. С. 78; *Гаджиев В.Г.* Об авторе и его книге // *Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле*. С. 16, 21.

⁴³ За исключением уже упоминавшейся выше хроники Мухаммада-Тахира ал-Карахи, появившейся на русском языке в 1941 г., это замечание относится ко всем без исключения произведениям мусульманской историографии российского Кавказа XIX — первой трети XX в., издававшимся и переводившимся уже в постсоветское время. Наиболее важные из них: *Гасан-эфенди Алкадари*. Асари-Дагестан. Махачкала, 1994; *Абдурахман из Газикумуха*. Книга воспоминаний / Араб. факсимиле и рус. пер. с араб. М.-С. Саидова; под ред. А.Р. Шихсаидова и Х.А. Омарова. Махачкала, 1997; *Абдурахман ал-Газикумуки*. Краткое изложение подробного изложения дел имама Шамиля / Пер. с араб. и публ. Н.А. Тагировой. М., 2002; *Геничутлинский Хайдарбек*. Историко-биографические и исторические очерки / Пер. с араб. и авар. Т.М. Айтберова. Махачкала, 1992; хроники и стихи, включенные в сборник: *Восстания дагестанцев и чеченцев в послешамилевскую эпоху и имамат 1877 года* / Сост. Т.М. Айтберов, Ю.У. Дадаев, Х.А. Омаров. Махачкала, 2001.

⁴⁴ См., например: *Покровский Н.И.* Указ. соч. С. 72.

⁴⁵ *Гаджиев В.Г.* Об авторе и его книге. С. 13.

Н.Ф. Грабовский — исследователь жизни горских народов Центрального Кавказа

Поступательное развитие кавказоведения невозможно без использования опыта, накопленного предшествующими поколениями исследователей. Необходимость оглянуться на пройденный путь, проанализировать достижения и неудачи всегда важна для исторической науки, но особенно это важно сегодня, в условиях формирования новых методологических парадигм и исторических концепций прошлого. Сопоставление «вчерашних» и современных работ дает богатый материал для размышлений о путях развития науки, приоритетах в выборе объектов изучения, об интересных гипотезах и находках исследователей.

Одним из наиболее ярких и оригинальных исследователей горской жизни был Н.Ф. Грабовский, который работал на различных должностях в Терской области в 60–90-х годах XIX в. Свообразным он был не только в творческой работе, но и во внешности, что для 60-х годов XIX в. было крайне редким явлением. Например, его просьба к начальнику Кабардинского округа носить очки¹ положительно была решена только начальником Терской области генерал-адъютантом М.Т. Лорис-Меликовым после тщательного медицинского освидетельствования надворным советником А.И. Дроздовским просителем, в присутствии воинского начальника ротмистра Бибикова и утверждения свидетельства старшим доктором Терской области действительным статским советником Головатым. Само прошение рассматривалось как нечто из ряда вон выходящее, поскольку очки-консервы (так указано в документе. — *П. К.*) с темно-синими стеклами в годы подъема общественного движения носили, как правило, только фрондирующие нигилисты.

**Петр
Абрамович
КУЗЬМИНОВ**

Чиновник кавказской администрации, старший адъютант начальника Кабардинского округа Н.Ф. Грабовский² действительно был неординарной личностью в стремлении понять, исследовать, описать окружающую его кавказскую действительность и людей, которые его окружали и с которыми он по долгу службы сталкивался. Занимая одно из низших мест в системе управления горцами, он был близок к их нуждам и проблемам бытия. Творческое отношение к порученному делу, стремление досконально разобраться в происходящих вокруг него событиях, критически проанализировать действия руководителей любого ранга кавказской администрации в публикуемых работах выделяет Грабовского из многих тысяч офицеров и чиновников, работавших на Кавказе. Эти качества достаточно полно отразились в его исторических и этнографических работах, посвященных ключевым проблемам народов Центрального Кавказа.

Военно-политическое, а затем и административно-судебное укрепление позиций России на Северном Кавказе, экспроприация земель для строительства крепостей, форпостов и станиц вели к усилению конфронтации с горскими народами. Обострение ситуации в регионе умножило внимание военной администрации к истории горских народов. Ее интересовали особенности быта, общественного и политического устройства, нормы обычного права, регулирующие отношения горцев... Офицеры и чиновники, выполняя приказ начальства, стали собирать материал о горцах, что значительно расширило круг источников о народах Кавказа. В различных журналах или отдельными книгами публикуются содержательные работы С. Броневского, И. Дебу, А. Зубова, И. Шаховского, Г. Новицкого, Л. Люлье, Ш. Ногмова и др.

Окончательное включение кавказских народов в состав Российской империи (1864 г.) требовало дальнейшего изучения народонаселения и экономических ресурсов края. Исследование сословных и земельных отношений, нравов, хозяйства не только приветствовалось, но и вменялось в обязанность членам кавказской администрации.

Видимо, не случайно наиболее плодотворный период деятельности Грабовского приходится на 60–70-е годы XIX в., когда администрация формировала новую политику по отношению к горцам: здесь проводятся глубокие социально-экономические и административно-судебные преобразования, затронувшие все стороны жизни горского социума. Для успешного «вхождения» в качественно новые общественные отношения необходимо было оглянуться назад, «подвести итоги» предшествующего развития. Эту задачу, на наш взгляд, прекрасно выполнил Н.Ф. Грабовский.

Существенное увеличение количества и качества работ о жизни народов Северного Кавказа во второй половине XIX в. дало основание Е.С. Тютюниной высказать предположение о существовании своеобразных научных центров, которые выполняли функции организаторов исторического кавказоведения. Их роль выполняли «три основные группы: административные органы, периодическая печать и общественные организации (научные общества)»³.

Ведущее место аккумуляции материалов о горских народах занимали правительственные учреждения: Кавказский комитет, аппарат наместника Кавказа, Кавказское горское управление, администрации Дагестанской, Кубанской и Терской областей, властные органы в округах и отделах, различные комитеты и комиссии. Появление многочисленных комиссий объяснялось тем, что для принятия взвешенных административных решений нужны были точные сведения, учитывающие не только сложившуюся ситуацию, но и историю проблемы, менталитет народа, возможную реакцию горского общества на те или иные действия власти.

Одним из важнейших центров кавказоведения стало Кавказское горское управление, возглавляемое в 60-е годы XIX в. полковником Д.С. Старосельским. По его рекомендации «1 февраля 1868 г. Н.И. Воронов стал работать столоначальником статистико-поземельного отдела Кавказского Горского управления, и в его ведении оказался огромный объем конкретного материала по Кавказскому наместничеству. Значительный статистический материал был предоставлен в его распоряжение Кавказским отделом Русского Географического Общества». Понимая колоссальное научное значение этого материала, Н.И. Воронов, при поддержке П.К. Услара и Д.С. Старосельского, организовал в Тифлисе при Горском управлении два специальных издания: «Сборник статистических сведений о Кавказе» и «Сборник сведений о кавказских горцах»⁴. Сбор, обработку материалов и публикацию сборников возглавил Воронов, много сделавший для привлечения к научной работе как наиболее способных русских чиновников, так и образованных горцев⁵.

В предисловии к «ССКГ» Воронов подчеркнул, что данное издание «посвящается всестороннему исследованию быта населения... обозначаемого общим именем — горцев, однако весьма разнохарактерного, разнообразного и разноязычного. Тут представляется множество действенного материала для любознательности, для науки. Несмотря на продолжительное время соприкосновения с горцами... положительных сведений о горцах в нашей научной литературе немного: но и это немногое до такой степени разбросано и смешано с ложными данными и известиями, что невозможно учесть себе картину действительного положения горцев»⁶. На страницах «Сборника» публиковались статьи о многообразии социальных отношений, об отмене крепостного права, о землепользовании, нормах обычного права, традициях, фольклоре, развитии просвещения, об особенностях религиозных воззрений горцев и т.д.

Именно в «ССКГ» были опубликованы основные труды Н.Ф. Грабовского, которого М.О. Косвен назвал «первым в кавказоведении этнографом-исследователем»⁷. Между тем серьезного анализа его наследия до сих пор в науке нет, за исключением прекрасной статьи Е.С. Тютюниной⁸, а также анализа отдельных сюжетов его работ исследователями К.Ф. Дзамиховым,⁹ П.А. Кузьминовым¹⁰, Б.К. Мальбаховым¹¹, М.Х. Ацкановым¹² и др.

Николай Францевич Грабовский родился в 1842 г. в солдатской семье, в семье сосланного польского повстанца, во Владикавказе. Систематического обра-

зования он не получил, но домашнее, видимо, было не плохое, поскольку службу начал унтер-офицером 11 ноября 1858 г. в Тенгинском пехотном полку¹³.

В 23 года он переведен на работу в управление Кабардинского округа, где занимал должности: помощника начальника Черекского участка (1865 — 1866 гг.), старшего адъютанта окружного управления (1866—1868 гг.), судебного следователя Кабардинского и Ингушевского округов (1868—1870 гг.). В предписании начальника канцелярии Терской области от 15 июля 1868 г. подпоручику Старцеву говорится о необходимости сдать материалы следственной части Кабардинского округа поручику Грабовскому¹⁴. Грабовский принимал непосредственное участие в подготовке и проведении крестьянской реформы в Кабарде и Балкарии, за что был награжден медалью «За дело освобождения крестьян»¹⁵, поэтому его глубокий и критический взгляд на формы и методы ее реализации особенно интересен с историографической точки зрения.

В 1874 г. Н.Ф. Грабовский состоял в штате Главного управления наместника на Кавказе, в 1878 г. исполнял обязанности судебного следователя в Кабардинском округе, в 1882 г. избран участковым мировым судьей Владикавказского округа (в станице Прохладной). В конце 80-х годов он переведен участковым мировым судьей г. Владикавказа и стал непременным членом Съезда мировых судей, а с середины 90-х годов работал частным поверенным во Владикавказе¹⁶.

Научные интересы Н.Ф. Грабовского формировались, с одной стороны, на местной кавказской почве, в военно-чиновничьей среде, соприкасавшейся с повседневной жизнью горского населения края, с другой — на основе общеисторической обстановки, сложившейся в стране в период проведения буржуазных реформ и уровня развития исторической науки в России.

Активная научная деятельность Н.Ф. Грабовского приходится на конец 60-х — 70-е годы XIX в., когда были написаны и опубликованы его основные работы о народах Центрального Кавказа: а) Беглые заметки о поездке в Урусбий // Терские ведомости. 1868. № 20; б) Горский участок Ингушевского округа в 1865 году // Терские ведомости. 1868. № 21—26; в) Свадьба в горских обществах Кабардинского округа // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. 2; г) Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушского округа // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 3; д) Экономическое положение бывших зависимых сословий Кабардинского округа // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 3; е) Очерки суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 4; ж) Кабардинский анекдот о ревнивых мужьях // Терские ведомости. 1871. № 3; з) Ингуши, их жизнь и обычаи // ССКГ. Тифлис, 1876. Вып. 9; и) Присоединение к России Кабарды и борьба за ее независимость // ССКГ. Тифлис, 1876. Вып. 9 и др.

Анализ текстов исследователя позволяет сделать вывод, что в основе мировоззрения Н.Ф. Грабовского лежали идеи, характерные для либерально-демократического течения российской историографии. Так, личную свободу

он, вслед за Д. Локком, Г. Гроцием и Ф. Вольтером, называет «естественным даром природы». Ценность человеческой личности, по его мнению, определяется не происхождением и сословной принадлежностью, а природными способностями и нравственными качествами, такими как ум, честь, чувство собственного достоинства, трудолюбие, предприимчивость. Отсюда его саркастический отзыв о «пустых головах, случаем лишь посаженных на княжеские или первостепенно-узденские плечи»¹⁷.

В публикуемых работах Грабовский неоднократно подчеркивает роль труда в жизни социума, который составлял главную основу благосостояния общества и отдельных индивидов¹⁸. Собственность в его понимании — это имущество, созданное личным трудом. Он сомневается даже в правомерности признания законной той собственности, которая основана на присвоении результатов чужого труда.

Его мировоззрение сформировано, как нам представляется, на основе свободолюбивых идей Руссо, Мабли, Марата, поэтому у Грабовского достаточно жесткое отношение к старым феодальным порядкам и нравственным принципам местной элиты. Моральные качества простого труженика, напротив, вызывают у него симпатии, доходящие до идеализации. Он пытается убедить читателя, что творческие силы людей труда долгое время не могли раскрыться, так как были скованы крепостническими порядками. Отвечая на упреки, зачастую звучащие в печати, что крепостные в Кабарде «беспечны» и «ленивы», он обвиняет в этом не крестьян, а сложившиеся социальные отношения. В условиях крепостничества крестьянину «не было расчета трудиться для себя, так как при личной зависимости... собственности у холопа не могло быть: вся она, если и была, вместе с ним принадлежала владельцу»¹⁹.

Следуя принципам современного источниковедения²⁰, Грабовский признает достоверными лишь письменные свидетельства и отводит фольклорным материалам вспомогательную роль, считая, что они могут дать лишь «приблизительное понятие о былом». Вместе с тем он высказывает верную мысль о необходимости сверять «предания» с «общими чертами склада жизни» народа, т.е. сопоставлять их с реальными достоверными сведениями.

На основе материалов Терской сословно-поземельной комиссии Грабовский анализирует экономическое положение бывших крепостных крестьян Кабарды и Балкарии, получивших в 1867 г. свободу. Поставив задачу — выяснить, что дали аграрные и социальные реформы и какие перспективы открываются перед бывшими крепостными крестьянами в новых исторических условиях, Грабовский исследует экономическую ситуацию у горцев, сложившуюся после 1867 г., и подчеркивает — отмена крепостного права вызвала у крестьян заинтересованность в развитии своих хозяйств. Именно внимание крестьян к финансовой стороне жизни, медленно, но неуклонно, освобождающихся от пут традиционного общества, стало тем рычагом, который ускорил промышленное развитие страны.

Предметом исследования Грабовского стало положение не крестьянского хозяйства вообще, а хозяйства только бывших крепостных, т.е. той части населения, которая была освобождена от уплаты государственного налога на восемь лет «временно-обязанного состояния». Одобрив получение личной свободы, он видел и осуждал остатки крепостничества, сохранившиеся в горском обществе. Считал, что только полное их устранение даст «прочное начало к устройству... экономического быта и бедному освободившемуся холопу предстоит впереди немало борьбы, чтобы завоевать себе вполне независимое положение». Не случайно исходной точкой исследования у Грабовского становится не характеристика пореформенного состояния крестьянского хозяйства, а «сравнение его материального уровня с дореформенным»²¹.

На основании официальных данных по Кабардинскому округу автор уточнил картину освобождения крестьян, привел данные о численности зависимых по Баксанскому, Черекскому, Малокабардинскому и Горскому участкам, отметил, что из «общего числа зависимых (21 221 чел.) было освобождено бесплатно 1238 чел., за выкуп с рассрочкой до 6 лет — 9044 чел., за выкуп при освобождении по условиям — 2770 чел. (все — жители Горского участка, т.е. балкарцы. — П. К.), с оставлением в обязательной работе — 3447 чел. и 4744 чел. каракишей в Горском участке прекратили нести поземельную повинность в пользу таубиев, существовавшую до 1867 г.»²². По данным Т.Х. Кумыкова, «численность освобожденных бесплатно определяется в 937 чел.»²³.

Использование материалов посреднических участковых судов, в которых фиксировались точные условия освобождения зависимых, позволило Грабовскому определить количество движимого имущества у освобожденных крестьян. «В трех участках Большой и Малой Кабарды было у бывших зависимых до их освобождения — 440 лошадей, 10 648 шт. рогатого скота, 5215 баранов, 585 сапенок пчел. Из этого имущества во владении освободившихся холопов осталось: 335 лошадей, 6966 шт. рогатого скота, 3214 баранов и 446 сапенок пчел. Разделив это имущество на 12 292 души бывших холопов, мы увидим, что одна лошадь приходится более чем на 36 человек, не много более одной штуки рогатого скота — на двух человек, один баран — почти на четырех человек и одна сапетка пчел — на 27 человек»²⁴. По Горскому участку та же картина: «...на 4207 человек приходилось 342 лошади, 2074 головы рогатого скота, 13 844 барана, 254 ишака»²⁵. Проведя элементарные арифметические действия, получим: одна лошадь в Горском участке приходилась на 14 человек, голова рогатого скота на 2 человека, 3 барана на одного и т.д. Учитывая, что пахотных угодий в Балкарии было в сотни раз меньше, чем в Кабарде, положение освобожденных в горах надо признать катастрофическим. Но Грабовский пришел к иному выводу: «Цифры имущества, оказавшиеся у бывших крепостных Горского участка, дают достаточно неоспоримое право рассчитывать, при условии свободы, на хорошее будущее экономическое их положение»²⁶. Это утверждение он связывает с общей численностью поголовья скота в пяти гор-

ских обществах и численностью населения — 10 087 чел.: «Делая общий вывод из приведенных цифр, мы получили на каждый двор: более 2-х лошадей, около одного ишака, более 10 штук рогатого скота и около 82 баранов. Этот общий вывод... представляет довольно утешительное явление»²⁷.

Как нам представляется, в описании хозяйственного быта кабардинцев и балкарцев у Грабовского прослеживается различный методологический подход. Несмотря на все препятствия, которые были поставлены горцу природой и условиями общественной жизни, он, вопреки им, сумел выйти победителем. «Самое главное горец усвоил себе непреложное убеждение, что его кропотливый труд принесет несомненную пользу. И это, в конечном результате, оказалось совершенно верным. Он копил свой запасной капитал по копейке, но, тем не менее, всегда без затруднения вытаскивает из-за пазухи 5–10 рублей. Эта характерная положительность вырабатывается под условиями окружающего, служит не последним ручательством хорошего будущего экономического положения горцев»²⁸.

Совсем другие условия жизни встречаются на плоскости. Кабардинский холоп «так беден, как только можно вообразить себе бедность в самой последней степени», и так же беспечен, как и его господин. «Да и из-за какой же благодати было ему особенно трудиться, когда он не видел существенной необходимости в том, живя, например, в доме владельца и получая от него все необходимое, составлявшее единственное вознаграждение за труды?»²⁹.

На собственный вопрос «кто виноват?» автор недвусмысленно отвечал «это закваска прежнего времени», т.е. тех общественных отношений, которые были сформированы феодальной знатью Кабарды.

Грабовский акцентирует внимание на негативных сторонах реформы, которая причинила хозяйству и нравственности крестьян значительный ущерб. Говоря об участившихся случаях воровства и разбоя в среде кабардинских крестьян, исследователь замечает: «Причина этого, нужно полагать, кроется в том новом положении, которое создала недавняя реформа освобождения крестьян: последние, лишившись значительной части своего скудного имущества, отошедшего в пользу бывших владельцев, и озабоченные необходимостью ежегодно вносить этим владельцам известную часть выкупной платы, — ищут возможности пополнить свои недостатки похищением чужой собственности.... При гнетущей нужде и невозможности притом взяться за какой-нибудь прибыльный труд этот черный народ видит в воровстве самый сподручный и легкий способ, если и не обогатиться, то, по крайней мере, хотя бы на время заглушить голос нужды»³⁰. Этот вывод еще раз подчеркивает грабительский характер реформы, активизировавший социальную преступность в обществе. Преступление против собственности в тех условиях зачастую было единственным вариантом спасти семью от голодной смерти. Этот процесс наблюдался, по данным А.М. Анфимова, и в центральных районах России³¹.

Несмотря на отсутствие специального исторического образования, Грабовский вполне овладел разнообразными методами сбора и анализа этнографического материала. Публикуемую информацию исследователь собирал в ходе многократных посещений населенных пунктов Балкарии, Кабарды, Осетии и Ингушетии; в процессе расследования противоправных действий, совершенных горцами; в результате кропотливой работы с документальными материалами окружных судов и управлений. Поэтому к излагаемому материалу можно относиться как к надежному источнику, дающему бесценный материал о традициях горских народов.

Вместе с тем, стремясь быть максимально объективным и честным перед читателем, исследователь по несколько раз возвращается к заинтересовавшей его проблеме, выделяя в ней новые черты и грани. Это приводит к тому, что Грабовский иногда противоречит своим же ранее высказанным положениям, не оговаривая их причину. Но эти шероховатости, характерные не только для кавказоведения, но и для многих академических трудов того времени, не снижают научную ценность наблюдений автора.

Среди жителей Горского участка Ингушского округа он выделил шесть этнических групп: «по течению р. Армхи (Кистинка)... обитают два общества — Джераховское и Кистинское; в ущелье р. Ассы лежат поселения галгаевцев и цоринцев; по р. Гехи живут акинцы и по р. Фортанге — мерджинцы»³². Общее количество аулов доходит до 120, но во многих из них размещается всего по три-четыре двора. Эту особенность расселения ингушей в горах одним из первых подметил в 30-х годах XIX века И.Ф. Блабрамберг³³. Все население участка «состояло из 1342 семейств (дымов), заключавших в себе 3429 д.м.п. и 3325 д.ж.п.»³⁴, т.е. в среднем в каждом дворе проживало 5,03 души. Численность двора, по его мнению, связана с традицией многоженства, бытующего у ингушей. Многие из них «имеют по две, а случается — и по три жены. Результатом подобных супружеств является почтенная цифра детей, доходящая очень часто до 17 душ». С учетом того, что «горцы большие охотники менять жен (дети остаются в доме отца. — П. К.), т.е. разводиться с прежними и брать новых»³⁵, средняя численность двора выглядит заниженной³⁶. Но перепись населения в ингушских обществах, проведенная в 50-е годы XIX в., констатирует, что у Джераховского народа средняя численность двора равнялась 4,54 д.об.п.; Кистинского — 5,52; Далногалгаевского — 5,5; Карабулакского — 5,4; Ингушевского — 5,7³⁷. Таким образом, сопоставление данных Грабовского с архивными материалами подтверждает его данные о средней численности ингушского двора. Но в таком случае неверны его сведения о многочисленности ингушских семей. Представляется, что большие семьи у ингушей были, но как редкое, а потому и запоминающееся явление.

В начале 70-х годов XIX в. на плоскости располагалось 14 ингушских селений, входивших в состав Владикавказского округа, в которых проживало

11 023 д.м.п. и 10 587 д.ж.п.³⁸, а всего ингушей было 28 364 д.об.п. Часть из них «в 1866 г. (акинцы и мереджинцы), по распоряжению кавказский администрации, была отделена от Ингушского и подчинена управлению Аргунского округа (населенного чеченцами. — П. К.), поскольку они ближе находятся к его центру управления»³⁹. Эти данные подтверждает Н.Д. Кодзоев, отметивший, что ингуши, жившие в селениях, расположенных к востоку от р. Фортанга (Евлоевы, Вадельговы, Оздоевы, Тумгоевы, Цечоевы, Галаевы, Мержоевы и др., жившие в населенных пунктах на территории современного Ачхой-Мартановского района Чеченской Республики), в результате искусственного отделения от основной части народа с течением времени были ассимилированы чеченцами⁴⁰. Так, казалось бы, простое административное решение кавказской администрации, зафиксированное Грабовским и не услышанное властями, привело к необратимым этническим последствиям.

Изучив религиозные воззрения ингушей, Грабовский отмечает их политеизм. Распространение ислама было характерно для плоскостных районов, а в горах элементы ислама причудливо сочетались с христианством и язычеством. Джераховцы, кистинцы и галгаевцы, считающие себя мусульманами, сохранили до 1865 г. священные места в горах, где периодически проводили старинные праздники: здесь приносили богам в жертву животных и оставляли мелкие вещи. Организовывали языческие праздники специальные жрецы — церемониймейстеры, которые совершали необходимые ритуалы⁴¹.

Помимо языческих капищ, в горах сохранилось много христианских памятников, почитаемых ингушами. А ислам, ставший нормой духовной жизни народа и преобладающей формой общественного сознания, не вытеснил полностью доисламские религиозные верования и традиции. Ислам в то время спокойно уживался с элементами христианства, языческими обрядами и многобожием. Наличие большого количества христианских памятников в горной Ингушетии связано с тем, что она непосредственно примыкала к христианской Грузии, важным торгово-транспортным и военным магистралям.

Христианство и язычество у ингушей удивительным образом объединяются «странным» материальным предметом. «По рассказу стариков, — пишет Грабовский, — в одной из полуразрушенных келий, окружающих церковь Тхабай-эрды, есть отверстие (заложенное), ведущее в подземелье, в котором хранится человеческая кость-бедро, имеющее в длину слишком два аршина (т.е. свыше 150 см, поскольку аршин равен 71,12 см. — П. К.). Когда в горах бывает засуха, жители окрестных аулов собираются в церкви и поручают одному из почтенных стариков отправиться в названное подземелье достать оттуда кость; с нею, сопровождаемый народом, выборный идет к р. Ассе, погружает ее несколько раз в воду и затем опять относит ее в место хранилища. Туземцы уверяют, что всегда, как они прибегнут к этой церемонии, дождь льет ливнем»⁴². Эти сведения, имеющие легендарный оттенок, воспринимались читателями как фантастика и не принимались в расчет этнографами.

Цоринцы, акинцы и мереджинцы исповедовали ислам. Этой же конфессии следовали джераховцы и кистинцы, хотя мы уже отмечали сохранение у них христианских традиций. «Галгаевцы, по мнению Грабовского, хотя и считали себя магометанами и у них есть муллы, но придерживаются все-таки прежних обрядов своего странного богослужения, т.е. молятся только по ночам, у особо устроенных из камня, на возвышенных местах, близ кладбищ, четырехугольных столбов, в рост человека; у подножия столба, с восточной стороны, сделана маленькая ниша, в которую молящийся кладет свою голову, став на колени. Весь процесс моления заключается только в этом»⁴³. Аналогов такой процедуры «общения с богом» на Кавказе больше ни у кого не было.

Сравнение обряда сватовства и свадьбы у балкарцев и ингушей, описанное Н. Грабовским, позволяет выявить определенные этнические особенности этого процесса.

Ингуш берет в жены девушку не потому, что она ему нравится и он желает наслаждаться семейной жизнью именно с этой девушкой, пишет исследователь, а лишь из практической потребности иметь здоровую, работающую и опытную женщину, на руках которой лежит вся хозяйственная часть дома. «Причем часто и значительно старше его, поскольку у ингушей господствовал обычай левирата, т.е. женщина после смерти мужа “обязана” была выйти замуж за брата умершего мужа или за ближнего родственника». Несмотря на то что калым у ингушей до 1863 г. был 180 руб. или 18 коров, а потом 105 руб., т.е. самым низким у народов Центрального Кавказа, но и эти деньги зарабатывались колоссальным напряжением сил всего рода. Отсюда широкое распространение левирата. Чем «покупать» жену холостому родственнику, пусть лучше живет с вдовой брата, за которую калым уже уплачен, подчеркивали старейшины ингушских родов. Этот обычай существовал и у других народов Северного Кавказа. «Жена ингуша и в доме хозяйка, и в поле работница: дома она обшивает семью, готовит пищу, носит воду, ухаживает за скотом и птицей; в поле же помогает мужу пахать, сеять, жать и косить. ... Несмотря на такое, по-видимому, главенство женщины в ингушской семье, она все-таки не пользуется заслуженным уважением со стороны мужчин и в глазах последних представляется не более как вещь, рабочей скотиной»⁴⁴. Современные исследователи⁴⁵ не находят подтверждений этому наблюдению Грабовского.

Балкарец же из простого сословия, собрав калым, «выбирает знакомую и нравящуюся ему девушку и, встретившись с нею, говорит ей о своем намерении»⁴⁶, отсюда иное отношение к невесте и жене. Если процедура развода у ингушей подробно разработана на всевозможные варианты, возникающие в семье между мужем и женой, то у балкарцев «развод почти не встречается: в горах принято иметь лишь одну жену»⁴⁷.

При свободной и незамкнутой жизни ингушских женщин мужчины и девушки имеют полную возможность знакомиться между собой, и потому, в большинстве случаев, вопрос о браке решается по их предварительному со-

гласию. Когда личное соглашение состоялось, то жених о своем желании вступить в брак должен объявить старшине селения, мулле и родственникам невесты. Затем жених приглашает двух почетных свидетелей и муллу, с которыми идет в дом невесты и там, в присутствии свидетелей, мулла спрашивает невесту о ее согласии вступить в брак «с таким-то». Если девушка изъявит согласие, то один из родственников жениха объявляет, что он за жениха уплачивает полный калым. Тогда же вручается невесте установленный задаток калыма, 25 рублей. С этого момента брак признается законно совершенным и тут же делается условие о том, когда невеста или, вернее, уже жена должна быть взята в дом жениха.

Для юноши-балкарца из сословия таубиев (горский князь. — П. К.) важны не личные качества девушки (привлекательная внешность, остроумие, образование, умение общаться с окружающими), а, в первую очередь, «хорошее происхождение (т.е. принадлежность к высшему сословию. — П. К.) и достаточное материальное состояние»⁴⁸. Собрав информацию о невесте, родственники жениха отправляют в аул невесты доверенного человека, который сообщает семье о намерении претендента. «Когда нет причин без всяких объяснений отказать сватающему, собираются все родственники девушки и общим собранием решают, принять ли предложение доверенного жениха или отказать ему. Если жених, в свою очередь, удовлетворяет всем требованиям обычая, родственники соглашаются принять предложение, но, не давая решительного ответа, зовут девушку из семейства аталыка невесты и вместе с нею посылают доверенного жениха к самой невесте узнать лично от нее, желает ли она вступить в предлагаемый ей брак. Доверенный жениха, после троекратного вопроса о согласии девушки на брак, получивши удовлетворительный ответ, возвращается к родным девушки и объявляет им об этом. Тогда призывают аульного эфенди, который пишет накях (никах. — П. К.) — брачное условие. Вызвав доверенных со стороны жениха и невесты, он сажает их перед собой на корточки и соединяет большие пальцы их правых рук: обхватив эти пальцы своей правой рукой, он спрашивает о согласии их доверителей вступить в брак; получив необходимый ответ, эфенди читает молитву и тем завершает обряд венчания»⁴⁹. Этот сюжет свадебного обряда у балкарцев Грабовский осветил первым.

Подробно описывает Грабовский функции балкарских «киедженгеров» (киеуджёнгер. — П. К.), своеобразный конвой невесты, при переезде ее в дом жениха. В процессе свадьбы у жениха появляется новый близкий родственник, один из друзей, предоставивших ему свой дом «болушьей» (болушуй. — П. К.), где он скрывается на период свадебных торжеств. Важную роль в свадебной церемонии балкарцев играет «аувалгангюн» (ауалганкюн. — П. К.) — день, когда с новобрачной снимают покрывало и с этого времени она остается с открытым лицом. «Когда нужно приступить к этому обряду — “открытию” лица новобрачной, — муж заранее выбирает кого-нибудь из сво-

их ближайших приятелей и поручает это дело ему. Последний отправляется в саклю новобрачной и там, палкой, обмотанной с конца шелковой материей, сбрасывает покрывало. Исполнивший этот обряд считается родственником новобрачных — аталыком»⁵⁰. Свадьба жениха, кроме огромных расходов (калым для таубия 1000—1500 руб., для крестьян — 300 руб., подарок отцу или брату невесты, эфендию, угощения родственников и т.д.), дает ему, кроме жены, двух побратимов: аталыка и хозяина «болушой». По словам профессора З.А. Кучуковой, обряд сватовства и свадьбы описан достаточно точно. Небольшие современные трансформации не меняют ключевых сюжетов обряда.

В этот же день в Балкарии показывали собравшимся женщинам все привезенные невестой подарки, приданое. Тут же она обязана была подарить привезенные вещи свекрови, полный шелковый женский костюм, сестре свекра, аталычке, т.е. воспитательнице мужа, другим женщинам и девушкам семьи мужа, а также сообщить, что привезла свекру, мужу, его братьям и т.д.

После этого обряда невеста получала право свободного вхождения во все комнаты, она приобщалась к семье мужа. Страницы, посвященные свадебным обрядам горцев Центрального Кавказа, — одни из лучших в работах Грабовского. Они стали своеобразной хрестоматией для интересующихся брачными обрядами горцев.

Грабовский много внимания уделяет анализу экономического положения ингушей. В Горском участке Ингушевского округа, по собранным исследователем данным, в среднем на каждое семейство приходилось: 0,5 лошади, 0,4 ишака, 1 штука рабочего рогатого скота, 2,8 коровы и телят, 20,9 барана и 1,7 четверти хлеба⁵¹ (четверть вмещала 8 пудов ржи, т.е. всего 184 кг зерна на год. — П. К.). Грабовский не абсолютизирует эти средние цифры, как другие кавказоведы, когда за горами цифр исчезают экономические типы явлений, а дифференцирует их. Чтобы наглядно показать имущественное положение народа, он выделяет численно не значительную группу зажиточных ингушей, которые имели две-три лошади, пару ишаков, две пары быков, 10—12 коров и телят и 200 баранов. Если так жили «состоятельные», то как же жили другие?

Эти данные наглядно свидетельствуют, что в то время ингуши были одним из самых бедных народов Северного Кавказа. Но бедными они были не потому, что были лентяями или разбойниками, презрительно относящимися к физическому труду. Их бедность определялась окружающими условиями: средой обитания — горным ландшафтом, резко континентальным климатом, отсутствием пахотных земель и сенокосов. С другой стороны, имевшиеся в долинах земли были аннексированы кавказской администрацией. В частности, земли Тарской долины, в верховьях р. Камбилеевки, отошли второму Владикавказскому казачьему полку. С тех пор безземелье, нищета, болезни, высокая смертность стали нормой в ингушских обществах.

Несмотря на отсутствие достаточного количества земли и неблагоприятные климатические условия, ингуши несли еще значительные материальные

расходы, отсутствующие у соседних народов. Кроме заботы о поддержании своего существования и ежегодной 3-рублевой государственной подати «ингушу необходимо добыть средства, чтобы нести тягчайшую из всех — натуральную подводную повинность, содержать сельское правление с писарем, что обходится в год каждому селению не менее 200 руб., нанимать полевых сторожей, с платой по 50 коп. со двора, платить сельскому мулле по рублю со двора и, наконец, содержать сельскую стражу, число которых колеблется от 100 до 180 чел., с платой каждому по 100 руб. в год»⁵². При численности ингушей 28 364 д.об.п. и средней численности двора 5,03 чел. количество дворов будет 5638. Произведя расчеты, получили:

1. Государственная подать — 16 914 руб.
2. Содержание сельских правлений — на плоскости — 3000 руб., в горах не известно, но определим, примерно, 500 руб., итого 3500 руб.
3. Сельским муллам — 5638 руб.
4. На содержание полевых сторожей — 2819 руб.
5. На содержание сельской стражи — 11 000 руб.

Всего — 42 871 руб. в год, или 7,6 руб. с одного двора, что, конечно, было для них слишком высокой платой за «удовольствие» приобщения к российской цивилизации.

Констатировав сложившуюся ситуацию, Грабовский делает вывод: именно поэтому ингуши, при малейшей возможности, стремятся заработать себе пропитание на стороне или прибегать к «неблаговидному» пополнению своего ежегодного бюджетного дефицита.

Грабовский обходит молчанием самый важный вопрос хозяйственной жизни — земельное устройство ингушей в горах и на плоскости. Завоевав, колонизировав предгорные районы Центрального Кавказа, военная администрация, кроме введения подушной и поземельной подати, обязана была подумать о наделении их земель, а не конфисковывать лучшие земельные угодья. Игнорирование очевидных потребностей этноса не могло не привести к борьбе, хотя и латентной, опосредованной воровством и грабежами, против политики царизма.

Как представляется, в данном случае Грабовский пошел по пути, проторенному представителями официально-охранительного течения в кавказоведении, приклеив озвученный уже ярлык дикаря, варвара, вора всему народу. Могли ли ингуши в тех чрезвычайных экономических условиях полностью принять правление России, ее политику, законы, которые работали не на, а против них? Конечно нет, это вынужден констатировать и Грабовский, подчеркивая, что «ингуши и до настоящего времени не могут похвалиться искренней преданностью нам»⁵³. И вновь противореча себе, автор отмечает, что «в целом своем племенном составе ингуши считались преданными нашему правительству и только отдельные единицы были самыми отчаянными врагами нашими»⁵⁴.

Грабовский справедливо критикует институт «аманатов», который должен был сдерживать горцев от нападений на российские укрепления и города. Как и во времена А.С. Пушкина, дом аманатов «был не что иное, как гауптвахта, тесное и грязное помещение, куда заключали малолетних ингушей — заложников. Живые и энергичные по природе, ингуши из такого жалкого способа воспитания и сближения с нами выносили качества противоположные тем, какие ожидалось от них»⁵⁵.

Несмотря на тяжелейшие условия жизни, а может быть, благодаря им, ингуши, по мнению исследователя, наиболее податливы и чутки к восприятию прогрессивных начал, идущих от России. В 1868 г. в укр. Назрановском была учреждена двухклассная горская начальная школа, фактически на средства местного населения. Невзирая на трудности, ведь детям ежегодно приходится в один конец проходить 2—4 версты к школе, она «буквально набита детьми и претендентов на обучение в ней всегда более, нежели может вместить в себя здание школы». По подсчетам Грабовского, в Ингушетии один учащийся приходится на 110 чел., в Кабарде — на 857 чел., в Чечне — на 2400 чел., в Кумыкии вообще нет ни одной школы для обучения русской грамоте. В ингушском селении «Сурхохи все подготовлено для открытия женской школы, и остановка только за приисканием учителя»⁵⁶. Единственными «конкурентами» ингушей среди народов Северного Кавказа в желании получить образование, считает Грабовский, были осетины, которые, опираясь на поддержку церкви и властей, имели значительно больше возможностей в развитии начального и среднего образования.

Много внимания в своих работах Н.Ф. Грабовский уделил анализу норм обычного права горцев Северного Кавказа. Это не случайно. Работая в окружных управлениях Назрани, Владикавказа и Нальчика следователем, а затем мировым судьей, он имел возможность не только познакомиться с горским кодексом законов, но и понять глубокий смысл его норм, сравнить с шариатом и статьями законов Российского уголовного и гражданского права. При этом понятно стремление автора показать цивилизирующее влияние России на эволюцию норм права в горских обществах.

Анализ экономических и правовых отношений убеждает Грабовского, что сословного деления у ингушей не было. Отсюда система композиций одинакова и для бедного и для богатого, в отличие от соседних народов, где социальная принадлежность обвиняемого играла главную роль в ходе судебного разбирательства.

До завершения Кавказской войны горцы в общественной и частной жизни руководствовались, в основном, адатом, являвшимся неписаным правилом, регламентировавшим их поведение и отношения. Дефиниция «адат» — арабского происхождения и означает совокупность народных обычаев. Вместе с тем у народов Северного Кавказа есть свои, этнические, местные названия кодексов права, этикета. У адыгов — это адэге хабзе (уорк хабзе, пши хабзе), аварцев —

батль, кумыков — ольгу — собственно судебный обычай, прилагаемый к решению дел, чеченцев — эдиль, ингушей — эздел, осетин — арьдау и т.д.

Адаты горцев, отражая генетическую трансформацию, происходившую в жизни этнических общностей на различных этапах, дают богатый и разнообразный материал для изучения их истории. «Можно без преувеличения сказать, — пишет по этому поводу В.К. Гарданов, — что адаты горцев Северного Кавказа являются главнейшим, а подчас и единственным источником для характеристики социальных отношений этих народов на протяжении многих столетий, начиная с эпохи средневековья и в особенности для периода XVIII—XIX веков»⁵⁷.

Размышляя над проблемами социальной организации ингушских обществ, Грабовский отмечает, что «все жители горских селений дробятся на отдельные группы по числу фамилий и сообща преследуют свои фамильные интересы. Вся сила, таким образом, заключается в количественном преобладании одной фамилии пред другой.... Фамилия у ингушей, в смысле отдельного рода, хотя и не дает каких-либо особенных личных преимуществ, но играет в среде их значительную роль, особенно когда фамилия многочисленна.... Такое влияние сильных фамилий создало между ингушами особый тип родства — фамильное братство. Фамильные братья не связаны узами кровного родства, но, соединившись некогда для защиты своих общих интересов, они продлили этот союз до настоящего времени. Слабые по количеству члены примыкали к сильным и, увеличивая собой численность последних, пользовались покровительством их»⁵⁸. В сложном и болезненном процессе этнической и социальной дифференциации ингушей автор выделяет только количественные параметры, которые затушевывают качественные изменения, происходившие внутри этнических групп.

Для внутрисемейных отношений кавказских горцев XIX в. был характерен ряд особенностей, обусловленных специфическими условиями региона. Одной из характерных черт семейного и общественного быта ингушей являлось сохранение в нем архаических черт, присущих патриархально-родовому строю. Это способствовало существованию наряду с малой семьей семейных общин, патронимии, тайп и др. Для обозначения патронимии, считает М.О. Косвен, у народов Северного Кавказа использовались иноязычные термины «токхум» и «тайпа». Объединяясь, несколько токхумов образовывали село, называемое «обществом» или «джамаатом» — соседской общиной⁵⁹.

Иное содержание дает терминам «тайп» и «токхум» М.А. Мамакаев. В его интерпретации социальная организация чечено-ингушского общества представлена так: союз чеченских токхумов (фратрий) — делится на тайпы (роды) — делится на гъары (ветви рода, патронимии) — на некъий (ветвь гъара) — на цъа (фамилию) — доъзал (семью)⁶⁰. То есть если в Горском участке Ингушетии основной формой общественной организации был аул — некъий, состоящий из нескольких родственных семей, то на плоскости преобладали

крупные поселения, в которых располагались несколько патронимий и являлись уже типом чисто территориального объединения.

Кровная месть в 60–70-е годы XIX в. сохранилась у всех народов Северного Кавказа, но в разной степени. По мнению Я.С. Смирновой, «этот институт больше был распространен на востоке, среди чеченцев, ингушей и осетин, и значительно меньше на западе, у адыгов, балкарцев и карачаевцев»⁶¹. Ограничению практики кровомщения способствовало присоединение горских народов к России. Мотивами кровомщения у ингушей, наряду с убийством, были нарушения соглашения о браке, насильственное похищение девушки, супружеское прелюбодеяние, осквернение домашнего очага и др. Считалось, что месть должна быть отмеренной, т.е. равной по нанесенному ущербу, но на практике пострадавшая сторона старалась воздать сторицей, в результате чего возникала цепная реакция взаимных убийств. Срока давности месть не имела.

У ингушей порядок кровомщения касался в первую очередь родственников по восходящей линии. «За всякое убийство, как нечаянное, так и намеренное, убийца в ингушском обществе обязан был заплатить двенадцать похоронных коров — хелам (ценой 12–13 руб. каждая. — П. К.) и затем преследуется кровной мезтью, распространяемой на его родных братьев, дядей и племянников с мужской линии»⁶². За убийство полная кровная плата полагается в 130 коров за мужчину и 120 за женщину, но, по ингушскому обычаю, замечает Грабовский, убийство не искупается этой платой: она служит только как максимум нормы при определении вознаграждения за нанесение ран»⁶³. Эта же плата указана Ф.И. Леонтовичем⁶⁴, причем совпадение не только смысловое, но и дословное. Что свидетельствует о том, что источник у обоих исследователей был один.

Частые случаи убийств и поранений у ингушей заставили их разработать точные меры материальной компенсации за пролитие крови человека. Все противоправные дела ингушей делились на 3 группы:

на кровные;

исковые, к разряду которых принадлежат дела по разным обязательствам и займам, кража, хищение, порча или истребление чужой собственности;

брачные, т.е. о заключении и расторжении брака, о личных и имущественных правах, из брака вытекающих, о законности рождения и о наследстве⁶⁵.

Каждый вид преступления или оскорбления Грабовский подробнейшим образом описывает, с точным указанием, когда, кто и в каком размере должен оплатить ущерб, нанесенный ингушу. Полнота приведенного и проанализированного материала о нормах обычного права ингушей дает основание утверждать об энциклопедичности правовых и этнографических знаний Грабовского.

Но главное в исследовании Грабовского заключается, на наш взгляд, все-таки не в фиксации норм обычного права, как бы ни важны они были для потомков, а отражение той трансформации, которая происходила в ингушских обществах под влиянием российского законодательства.

В соответствии с указом Александра II от 30 декабря 1869 г. о преобразовании судебной части в Кубанской и Терской областях и временными правилами для горских словесных судов, утвержденных наместником Кавказа великим князем Михаилом Николаевичем 18 декабря 1870 г., ведению этих судов подлежали наиболее важные для горцев дела. Это, с одной стороны, сокращало компетенцию норм обычного права, прививало навыки гражданского судопроизводства, с другой — способствовало уменьшению случаев кровной мести среди горцев. Не случайно, обобщая данные о благотворном влиянии новых судебных учреждений, Грабовский замечает: «С глубоким убеждением, основанным на опыте, могу смело уверять, что ингуши с чрезвычайным уважением и доверием относятся как к окружному, так и к мировому суду, где они весьма часто ведут свои дела; установлению такого отношения к русскому суду способствует прочно установившиеся между ингушами убеждения, что этот суд действует вполне беспристрастно»⁶⁶. Действительно, развитие правосудия — это движение к цивилизации, путь к светлому будущему народов Центрального Кавказа. Другое дело, что системные недостатки Горских словесных судов уже вполне проявились в жизни горских народов.

Наиболее серьезной работой Грабовского является исследование взаимоотношений России и Кабарды, в которой он отстаивает мысль о последовательности общего политического курса в регионе. «Россия, — пишет он, — задавшись один раз целью прочно утвердить свое господство на Кавказе, не могла действовать иначе, не во вред своим интересам, и потому существование Кабарды как независимой страны в нашем соседстве, имевшей влияние на подвластных ей ближайших народов — осетин (тагаурцев), ингуш и карабулаков, считавшихся в то же время и подданными России, — немыслимо было»⁶⁷. Таким образом, причины конфликта между субъектами международных отношений он усматривает в столкновении политических интересов России и Кабарды, боровшихся за укрепление своего влияния среди кавказских горцев. В целом же, считает К.Ф. Дзамихов, в очерке признается традиционный характер дружеских русско-кабардинских связей, а военно-политическое сотрудничество сторон раскрывается как противовес захватническим планам Турции и Ирана⁶⁸.

Оценивая характер русско-кабардинских отношений, Грабовский считает, что российские интересы требовали полного подчинения Кабарды. История развития русско-кабардинских отношений представляется Н.Ф. Грабовскому в виде своеобразной гегелевской «триады отрицание отрицания»: установление дружеских связей в далеком прошлом (1557 г.), их утрата (XVII — первая половина XVIII в.), а затем восстановление дружественного общения и его последовательное укрепление (вторая половина XVIII в.). Залогом прочности присоединения Кабарды к России историк считает осознание кабардинцами важности экономических связей с Россией и возникновение на этой основе «общности интересов» двух народов. Иными словами, не политическое дав-

ление, поддерживаемое силой оружия, а добровольность, основанная на силе убеждения во взаимовыгодности «рационального обмена богатств», — вот что, по мнению автора, должно стать основой отношений между народами, и в этих выводах нельзя не увидеть просветительских, гуманистических начал, свойственных его мировоззрению⁶⁹.

Вслед за Н.Ф. Грабовским идею о добровольном присоединении Кабарды к России развивали и другие отечественные историки, значит, его концепция была востребована в кавказоведении.

В советской историографии теорию добровольного вхождения кабардинцев (адыгов) в состав России поддержал профессор Т.Х. Кумыков⁷⁰, который считал, что «предпосылки сближения адыгов и других народов Северного Кавказа с Русью вытекали из внешней и внутренней обстановки...»⁷¹. Внешний фактор определялся завоевательной политикой Османской империи, а внутренний — «острой борьбой между князьями и ханами, беками и уорками». Исследуя вопрос о политических приоритетах кабардинских князей, Т.Х. Кумыков обратил внимание на устоявшееся в веках комплементарное отношение народов Кабарды и России. Высокие нравственные принципы и инстинкт самосохранения адыгов подсказали им в XVI в. принять единственно правильное решение — обратиться за помощью к России⁷².

Исследуя вопрос о присоединении кабардинцев и западных черкесов к России, Ч.Э. Карданов отмечал, что этот шаг был подсказан исторической обстановкой, в частности стремлением получить защиту от внешней опасности. Иные перспективы (ориентация на Турцию, например) привели бы к гибели, к насильственной ассимиляции этих народов. Войдя в состав России, они оказались втянутыми в процесс централизации многонационального Русского государства. Однако, добровольно присоединившись к России, они еще не вошли в ее состав полностью, на всей территории, а только включились в орбиту внешней политики русского правительства⁷³.

Таким образом, до начала демократических перемен в нашем обществе в кавказоведении сложилась консолидированная точка зрения: Кабарда добровольно вошла в состав России.

Это положение было пересмотрено в 90-е годы XX в. Группа ученых, в том числе и проф. Т.Х. Кумыков, пришла к выводу, что трактовка акта 1557 г. о добровольном присоединении не точна, поскольку не объясняет характера сложившихся отношений. Новую концептуальную интерпретацию акта 1557 г. дал К.Ф. Дзамихов, который пришел к выводу о том, что «суть установившихся отношений можно определить как своеобразный взаимовыгодный военно-политический союз между адыгскими княжениями и Российским государством»⁷⁴. Предложенная концепция была принята историками Кабардино-Балкарии.

Подводя итог, следует отметить, что на сегодняшний день в исторической науке сосуществуют две основные точки зрения о характере взаимоотношений Кабарды и России: добровольное присоединение и военно-политический союз.

Историографический анализ взаимоотношений России и народов Северного Кавказа позволил А.А. Журтовой выделить ряд дефиниций, отражающих их характер: «подданство», «Кавказская война» («Кавказские войны», «Русско-кавказская война»), «добровольное присоединение» («вхождение»), «включение», «военно-политический союз», «симмахия», «фронтир» («контактная зона»), «российскость» и др. Подобное расхождение во взглядах и подходах историков, по ее мнению, свидетельствует о наличии проблемы определения характера связей между Россией и народами Северного Кавказа на том или ином этапе их исторического взаимодействия⁷⁵.

Завершая разбор наиболее важных положений, отстаиваемых Грабовским, отметим, что благодаря исследователю и сотням таких же внимательных «людей второго плана» к повседневной жизни горцев, мы имеем сегодня реальную возможность интерпретировать историческое прошлое народов Центрального Кавказа. Благодаря их подвижническому труду сохранены для науки тысячи обычаев, традиций, фактов из истории народов Терека, благодаря которым мы имеем возможность познавать народную мудрость, бесценный уникальный опыт предшествующих поколений.

Несомненной заслугой Н.Ф. Грабовского является введение в научный оборот большого фактического материала, особенно архивных, не опубликованных до этого документов, исходящих как от властей, так и от местного населения. Используя в своих работах не только документы, но и личные впечатления, полевой материал, историческую память наиболее информированных горцев, исследователь поднял на качественно более высокий уровень проблемы познания социальной жизни горского населения.

Несмотря на некоторую аморфность методологических позиций Н.Ф. Грабовского, несмотря на отсутствие системного образования, отдельные противоречивые суждения, его научную деятельность как этнографа и историка надо признать, как выдающуюся, как серьезный вклад в историографию Кавказа.

Примечания

¹ ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 305. Л. 1.

² Там же. Д. 251. Л. 1.

³ Тютюнина Е.С. К вопросу об организационных формах исторического кавказоведения во второй половине XIX века // Вопросы истории и историографии Северного Кавказа (дореволюционный период). Нальчик, 1989. С. 114.

⁴ Бунькова Ю.В. Вклад Н.И. Воронова в развитие кавказоведения // Сборник научных трудов молодых ученых. Нальчик, 2004. С. 89, 90.

⁵ Тютюнина Е.С. К вопросу... С. 116.

⁶ Сборник сведений о кавказских горцах (ССКГ). Вып. 1. Тифлис, 1868. Репринт. Нальчик, 1992. С. I–III.

⁷ Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // КЭС. Вып. 2. М., 1959. С. 268.

⁸ Тютюнина Е.С. Н.Ф. Грабовский — этнограф и историк // Вопросы историографии и источниковедения Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1987.

⁹ Дзамихов К.Ф. Адыги и Россия. М., 2000.

¹⁰ Кузьминов П.А. Аграрно-крестьянская реформа на Северном Кавказе

в оценках современников // Вопросы истории и историографии Северного Кавказа. Нальчик, 1989.

¹¹ Кузьминов П.А., Мальбахов Б.К. Н.Ф. Грабовский — кавказовед // Исторический вестник. КБИГИ. Нальчик, 2008. Вып. 6.

¹² Ацканов М.Х. Экономические отношения и экономические взгляды в Кабарде и Балкарии (1860–1917 гг.). Нальчик, 1967.

¹³ ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 131. Л. 2об.

¹⁴ Там же. Д. 161. Л. 3.

¹⁵ ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 6. Д. 206. Л. 105.

¹⁶ Косвен М.О. Указ. соч. С. 268.

¹⁷ Тютюнина Е.С. Н.Ф. Грабовский... С. 110.

¹⁸ Грабовский Н.Ф. Экономическое положение бывших зависимых сословий Кабардинского округа // ССКГ. Вып. 3. Тифлис, 1870. Репринт. Нальчик, 1992. С. 11.

¹⁹ Там же. С. 13.

²⁰ Он опирался на работы Ш.Б. Ногмова, П.Г. Буткова, Н.М. Карамзина, С.М. Броневского, документы из архива управления Кабардинского округа, материалы первых двух томов «Актов, собранных Кавказской Археографической комиссией» и др.

²¹ Грабовский Н.Ф. Экономическое положение... С. 1.

²² Там же.

²³ Кумыков Т.Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик, 1965. С. 239.

²⁴ Грабовский Н.Ф. Экономическое положение... С. 4.

²⁵ Там же. С. 5.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 9.

²⁸ Там же. С. 12.

²⁹ Там же. С. 13.

³⁰ Грабовский Н.Ф. Очерк суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе // ССКГ. Вып. 4. Тифлис, 1870. С. 58.

³¹ Россия в революционной ситуации на рубеже 1870–1880-х годов: Коллективная монография. М., 1983. С. 168 и др.

³² Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа // ССКГ. Отд. 1. Тифлис, 1870. Вып. 3. С. 1.

³³ Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое и военное описание Кавказа. 1834. Нальчик, 1999. С. 351.

³⁴ Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт... С. 7.

³⁵ Там же. С. 21.

³⁶ И. Бларамберг отмечал, что ингуши могли иметь пять и даже больше жен. Указ. соч. С. 344.

³⁷ Народы Центрального Кавказа в 40-х — начале 60-х годов XIX века: Сборник документальных материалов: В 2 т. / Сост. П.А. Кузьминов, Б.К. Мальбахов. Т. 1: Территория, население и особенности социально-экономических отношений у народов Центрального Кавказа в 40-х — начале 60-х годов XIX века. М., 2005. С. 31–38.

³⁸ Грабовский Н.Ф. Ингуши. (Их жизнь и обычай) // ССКГ. Тифлис, 1876. Вып. 9. Отд. 4. С. 34.

³⁹ Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт... С. 1.

⁴⁰ Кодзоев Н.Д. История ингушского народа с древнейших времен до конца XIX в. Магас, 2002. С. 171.

⁴¹ Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт... С. 17.

⁴² Там же. С. 16, 17.

⁴³ Там же. С. 18, 19.

⁴⁴ Грабовский Н.Ф. Ингуши. С. 44.

⁴⁵ Дзарахова З.М.-Т. Традиционный свадебный обряд и этикет ингушей. Ростов-на-Дону, 2010 и др.

⁴⁶ Грабовский Н.Ф. Свадьба в горских обществах Кабардинского округа // ССКГ. Вып. 2. Тифлис, 1869. Репринт. М., 1992. С. 18.

⁴⁷ Там же. С. 19.

- ⁴⁸ Там же. С. 12.
⁴⁹ Там же. С. 12, 13.
⁵⁰ Там же. С. 17.
⁵¹ *Грабовский Н.Ф.* Экономический и домашний быт... С. 9.
⁵² *Грабовский Н.Ф.* Ингуши. С. 35, 36.
⁵³ Там же. С. 13.
⁵⁴ Там же. С. 14.
⁵⁵ Там же. С. 18.
⁵⁶ Там же. С. 29–31.
⁵⁷ *Гарданов В.К.* Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа // Советская этнография. 1963. № 3. С. 12.
⁵⁸ *Грабовский Н.Ф.* Ингуши. С. 40, 41.
⁵⁹ *Косвен М.О.* Этнография и история Кавказа. М., 1963. С. 215.
⁶⁰ *Мамакаев М.А.* Чеченский тайп в период его разложения. Грозный, 1979. С. 27.
⁶¹ *Смирнова Я.С.* Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М., 1983. С. 74.
⁶² *Грабовский Н.Ф.* Ингуши. С. 74.
⁶³ Там же. С. 73.
⁶⁴ *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 2. Нальчик, 2002. С. 140.
⁶⁵ *Грабовский Н.Ф.* Ингуши. С. 73.
⁶⁶ Там же. С. 69.
⁶⁷ *Грабовский Н.Ф.* Присоединение к России Кабарды и борьба за ее независимость // ССКГ. Тифлис, 1876. Вып. 9. С. 125.
⁶⁸ *Дзамихов К.Ф.* Адыги в политике России на Кавказе. Нальчик, 2001. С. 19.
⁶⁹ *Тютюнина Е.С.* Н.Ф. Грабовский... С. 124.
⁷⁰ *Кумыков Т.Х.* Добровольное вхождение адыгов в состав России // Великий октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа. Грозный, 1982. С. 71.
⁷¹ Там же. С. 72.
⁷² Там же. С. 74.
⁷³ *Карданов Ч.Э.* У истоков дружбы. Нальчик, 1982. С. 5.
⁷⁴ *Дзамихов К.Ф.* Адыги и Россия. М., 2000. С. 112.
⁷⁵ *Журтова А.А.* Процесс вхождения народов Центрального Кавказа в состав России в отечественной историографии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Майкоп, 2015. С. 17.

«...И лишь камень, из коего эти здания сложены, считается имуществом военного ведомства»:

**мемориализация событий
Кавказской войны в XIX — начале
XX века***

Трактовка военно-политических событий на Кавказе, называемых историками «Кавказской войной», вызывает непрекращающуюся дискуссию среди современных российских и западных исследователей. Споры вызывает буквально все: от трактовки отдельных фактов российско-горского противостояния до определения самой сути того явления, с которым мы имеем дело. Как видели современники и их ближайшие потомки события этой войны, как в их сознании эволюционировала память о конфликте, который тянулся на протяжении трех поколений — на эти вопросы могут ответить памятники, создававшиеся на рубеже XIX–XX вв. «Акты памяти соединяют нас с прошлым, порождая при этом позитивные эмоции, которые протекают и сохраняются в нашем сознании, а памятники занимают в этом процессе особое место — выступая как вещественное воплощение форм и слов, которые способны легко вызвать к жизни исторические ассоциации. За физическим материалом мемориала наше сознание всегда скрывает сложные посреднические связи»¹, — считают западные исследователи Дж. Гобэл и Д. Рассел. При этом возможность использовать не только отдельные памятники, но и всю коммеморационную деятельность для реализации политико-идеологических доктрин хорошо осознавалась не

**Дмитрий
Сергеевич
ТКАЧЕНКО**

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-01-12012.

только западными, но и отечественными идеологами, и, применительно к истории Кавказской войны, возведение монументов ее участникам в XIX — начале XX в. может быть яркой иллюстрацией попыток внедрения среди населения региона имперской идеологии.

«Почему современные памятники так много говорят с нами»: какая версия прошлого возникает перед мысленным взглядом человека, смотрящего на монумент, когда он «прокручивает» в своей голове своего рода «фоновую историю», заложенную строителями монумента в символизм надписей, фигур и изображений мемориала; почему памятник, «транслируя» одни истории, связанные с прошлым, вынужден неизбежно «скрывать» собой другие истории, также связанные с этим прошлым, но противоречащие официальной трактовке события, — эти и многие другие вопросы ставят авторы недавно вышедшего на Западе научного труда «Коммеморация в Америке: очерки монументов, мемориализации и памяти»². Некоторые наблюдения западных исследователей дают возможность современному кавказоведу не только взглянуть на известные события российско-горского противостояния под другим углом, но и существенно расширить круг изучаемых вопросов, ведь «монументы всегда говорят больше о людях, времени и региональных особенностях их создателей, чем о людях, времени и региональных особенностях того события, которое они прославляют»³, справедливо считают авторы.

История возведения многих кавказских памятников рубежа XIX–XX вв., на наш взгляд, подтверждает мысль западных исследователей о том, что для определения места памятника в общей системе памяти о событии следует смотреть не столько на его художественное исполнение, сколько на то место, которое занимает монумент «на оси, идущей от частного к общественному интересу»⁴, то есть что больше отражает памятник: имперский официоз или чувства живших рядом с ним людей.

К памятникам имперского официоза, возводившимся на Кавказе с середины XIX в. (а иногда даже и раньше), можно прежде всего отнести целую плеяду разного рода триумфальных арок, метко названных западными исследователями «маркерами имперского триумфа»⁵. Форма подобного монумента, заимствованная из античной практики возвеличивания военных побед, четко следовала утвердившейся помпезной форме и лишь слегка варьировалась в зависимости от местных условий.

Временные триумфальные арки строились в знак особой важности произошедшего события сразу после или даже во время его совершения. Так, временная деревянная арка была воздвигнута в Тифлисе вскоре после известия о пленении Шамиля и по замыслу военных должна была превратить въезд князя Барятинского в столицу Наместничества в зримое воплощение имперского триумфа в войне. «Мы узнали, — писал корреспондент газеты «Кавказ», — о совершенной покорности всей Восточной половины Кавказа и, зная о скором к нам возвращении Главнокомандующего, приготовились его встре-

тить. У Кахетинской заставы с восточной стороны города граждане выстроили прекрасные триумфальные ворота с тремя арками, украшенные оружием и трофеями; над средней их аркой возвышался обвитый миртом обелиск; наверху его красовалась большая статуя Славы с лавровым венком в одной руке и с масличной ветвью в другой — возвещающая Победу и Мир; на аттике ворот сияла золотая надпись в пунцовом поле: «Покорителю Восточного Кавказа», а на задней стороне арки: «Признательные граждане». Над первой блестящей надписью на фронте, окруженный трофеями был герб князя Бяратинского, под гербом — его вензель. Все улицы города, где был должен проехать Главнокомандующий, украсились флагами, знаменами, вензелями и приготовлениями к иллюминации»⁶. Как видно из приведенного описания, прибытие в Тифлис князя Бяратинского планировалось организовать как въезд древнеримского триумфатора, на что указывала вся атрибутика арки.

Гораздо более скромная временная арка была сооружена в 1909 г. на самом Гунибе в дни торжественного празднования 50-летней годовщины завершения войны на Северо-Восточном Кавказе. Фотоальбом Апшеронского пехотного полка запечатлел процесс торжественного прохода солдат через стилизованную под триумфальную арку конструкцию. Атмосферу «имперского триумфа» должны были передавать треугольный деревянный фронтон, помещенный над двумя колоннами, увитыми миртом и цветами. Главным украшением арки выступали обильно развешанные на ней знамена разного размера с российским триколором⁷.

Более солидные в своем архитектурном исполнении триумфальные арки строились с целью возвеличивания роли империи, подчеркивания ее военной мощи и незыблемости государственного устройства в Екатеринограде, Ставрополе, Екатеринодаре и Кизляре. Наиболее интересным в этом плане «маркером» выступала триумфальная арка в станице Екатериноградской, воздвигнутая еще в конце XVIII в.

«Триумфальные ворота эти, — писал в своем исследовании В.А. Потто, — представляют весьма величественный вид: громадный карниз, имеющий вид свода, покоится на прочных столбах, сложенных из тесаных каменных плит и украшенных еще целым рядом других меньших и круглых колонок. В котором году и по какому поводу воздвигнуты были Потемкиным эти ворота, неизвестно, так как ни архивных документов, ни даже народных преданий о том не сохранилось. Старики слышали, однако, от дедов, что на этих воротах была когда-то знаменательная надпись: “Дорога в Грузию”». При этом уже в середине XIX в. памятник в Екатеринограде выступал как довольно гротескный образ монумента, возведенного с важной политико-идеологической целью, в плохо подходящем для этого месте. Столицей Наместничества Екатериноград в силу военно-политических событий рубежа XVIII—XIX вв. так и не стал и довольно быстро превратился в обычную казачью станицу на Линии. А назначение помпезного сооружения с претенциозной надписью вызывало

удивление у редких проезжавших путешественников, не понимавших смысл символического послания, призывавшего к дальнейшему расширению границ империи, который вкладывали в монумент его строители. На картине, помещенной в официальной истории Нижегородского драгунского полка, кавалеристы-нижегородцы, проезжающие триумфальным маршем через арку этих ворот посреди заросшего травой пустыря и жалких казачьих хижин вокруг⁸, в глазах современного человека выглядят просто нелепо.

Сами жители станицы также вряд ли разделяли идеи, заложенные в символике выстроенного монумента, так как камень из триумфальной арки расхищался на строительство более важных для казаков хозяйственных и культурных объектов. По свидетельству их современника — И.Д. Бентковского, жители станицы уже в начале XIX в. частично разобрали арку, обратив ее камень на возведение местной церкви⁹. Памятник был бы окончательно утерян, если бы кавказский наместник М.С. Воронцов в 1841 г. не принял решение почтить память своего предшественника реставрацией триумфальной арки. «Триумфальные каменные ворота существуют и доныне как памятник старины, — писал начальник Терской области в официальном отчете МВД о состоянии этого памятника. — Ворота построены из жженого кирпича, имеют в ширину 15 аршин, из которых 6 аршин находятся под пролетом, толщина ворот — 7 аршин, а высота их — 18–20 аршин. Верх ворот покрыт листовым железом. Наверху ворот с северной стороны имеются три чугунные доски с надписями из золоченых букв: на доске с правой стороны: “Построены почетным Генерал-Губернатором Потемкиным”, на средней доске: “Построены в царствование Императрицы Екатерины II” и на левой: “Возобновлены Главнокомандующим Наместником Кавказским Князем Михаилом Семеновичем Воронцовым в 1841 году”. До возобновления ворот в 1841 году была надпись: “Дорога в Грузию”»¹⁰.

Под цели трансляции идеи «имперского триумфа» часто обращались отжившие свой век старые фортификационные сооружения, которые несли уже идеологическую, а не военную нагрузку. Таким памятником стали, например, ворота бывшей Анапской крепости, которые, будучи построенными еще турками, в середине XIX в. знаково изменили свое название на «Русские Ворота» и позиционировались имперскими властями как памятник всем русским военным, павшим на штурмах и защитах Анапы в многочисленных кампаниях XVIII–XIX вв.¹¹ «Это все, что осталось от земляного вала, глубокого крепостного рва и высокой стены с зубцами, защищавших город с суши и составлявших грозную Анапскую твердыню. Еще лет 30 тому назад стена стояла, но затем камень ее был разобран для постройки домов; оставлены на память одни из трех ворот; над ними сделана надпись: “Русские ворота” и они обращены в часовню. ...Со стороны моря по берегу шел невысокий частью каменный, частью земляной парапет, из-за которого смотрели в море грозные жерла орудий. Два-три из них сохранились и поставлены по углам Русских ворот; по-

следние обнесены цепью, а столбами для цепи служат бомбы, брошенные турецким броненосцем в город в последнюю турецкую войну (1877–1878 гг.); бомбы, к счастью, не разорвались, подобраны и теперь служат напоминанием о последнем русско-турецком столкновении. За валом раскинулся новый город...»¹². Символизм данного монумента, прославляющего не имперские порядки, а славу русского оружия, был понятен и востребован многонациональным населением города, сохранившим «Русские ворота» практически в их начальном виде до настоящих дней.

Иной была судьба фортификационных сооружений вокруг известного военного центра на Кавказе — крепости Грозной. Начав свое существование как полевое укрепление новой фортификационной линии, Грозный по мере разрастания масштабов военных действий на границах имамата обрастал не только гражданским посадом, но и все более мощными укреплениями для его защиты от возможного вторжения противника. В 1847–1848 гг. в линии окопа вокруг Грозненского поселения были воздвигнуты укрепленные ворота. Две оборонительные башни с бойницами, соединенные по верху над аркой оборонительной казармой, могли выступать как самостоятельный фортификационный объект. После завершения войны, когда, по меткому выражению А.Л. Зиссермана, отношения с местным населением «уже не ограничивались одними перестрелками, но началось сближение торговое, мирное, привлекавшее многих чеченцев селиться между русскими и строить себе дома на европейский образец»¹³, было принято решение превратить отжившее свой век оборонительное сооружение в имперский памятник — очередную «триумфальную арку из жженого кирпича, на бульваре по Александровской улице, под названием “Старо-Юртовские ворота”»¹⁴, — как свидетельствует начальник Терской области в официальном отчете перед МВД. Как и анапские, эти ворота говорили о славе русского оружия и героизме тех солдат бывшего Куринского полка, остатки которого после проведения военной реформы 1874 г. расселили в Грозненской слободке как простых обывателей. Однако «фоновая история» грозненской арки была куда более противоречива, чем история анапских ворот, ведь предки русских жителей Грозного воевали не с внешним врагом — турками, а стреляли в предков тех чеченцев, что жили теперь с ними бок о бок. Ворота не пережили катаклизмов революции и Гражданской войны, и об их существовании уже не помнят даже старожилы города.

Столь же двойственную роль играли главные ворота в Гунибском укреплении. Табличка над ними гласила, что это — «Ворота генерала фельдмаршала князя Барятинского»¹⁵, и коммеморировала проезд через это место Главнокомандующего с плененным Шамилем, превращая объект оборонительного сооружения в явный «маркер триумфа». Их функционирование именно в этом качестве явно видно из фотоматериала, посвященного празднованию на Гунибе 50-летия завершения Кавказской войны¹⁶. Так, солдаты 81-го Апшеронского пехотного полка в 1909 г. превратили свое прохожде-

ние через «Ворота Барятинского» в некое подобие триумфального шествия Главнокомандующего бывшей Кавказской армией, изображенное на известном рисунке Т. Горшельта¹⁷. При этом их не волновала явная историческая ошибка, которую допустил художник: «ворота князя Барятинского» не могли быть построены раньше, чем все русское укрепление на Гунибе, и командующий никак не мог проезжать через них с плененным Шамилем. «Неизменность монументов, — справедливо считает Дж. Гобэл, — по большому счету лишь фикция, так как большинство актов коммеморации начинаются и заканчиваются как праздник, в то время как физический образ монумента неизбежно подправляется, видоизменяется или с течением времени как-то еще преобразуется»¹⁸.

Американские исследователи также подметили еще одно неизбежное противоречие, заложенное в официальном подходе к коммеморированию исторического события: для того чтобы «прочитать» послание, содержащееся в монументе, и трактовать его «правильно» с точки зрения требований имперской идеологии, зрителю следовало обладать определенным складом мировоззрения и высоким культурным уровнем. Способ коммеморирования события в форме возведения помпезной триумфальной арки нес с собой именно эту проблему, так как требовал от зрителя хотя бы поверхностных «классических» знаний — о практике организации триумфов в Древнем Риме. Без них же помпезность «официоза» утрачивала свой смысл.

История с возведением триумфальной арки в г. Ставрополе — «Тифлисских ворот» — может быть яркой иллюстрацией данной проблемы, и неудивительно, что свой официальный отчет перед МВД о состоянии этого памятника местный губернатор превратил в своеобразный «сборник» городских легенд, в которых обыватели просто терялись в догадках о назначении данного архитектурного объекта.

По документам, приведенным Н.И. Никифораки, ворота могли быть с равной степенью вероятности построены и в 1853 г. по проекту, утвержденному М.С. Воронцовым для торжественной встречи в городе Николая I (в чем, впрочем, сам губернатор очень сомневался); они могли быть заложены и в 1854 г. — во время Крымской войны, как часть оборонительного комплекса, возводимого испуганными обывателями для защиты от вероятных набегов горцев; ворота могли даже отражать стремление городских властей в мирное время скрасить «некоторое безобразие», что представлял собой пустырь в начале центральной улицы города¹⁹.

Официальным «маркером триумфа» ворота решили сделать в 1863 г., когда по случаю приезда в Ставрополь Кавказского наместника Михаила Николаевича Романова их привели в порядок. Однако обыватели явно не воспринимали механизмов официальной коммеморации, и в течение семи последующих лет ворота все достраивались, ремонтировались и совершенствовались, пока в 1870 г. городская Дума не нашла памятнику явно утилитарное назначение,

выделив деньги «на окончательное устройство тех ворот с установкой на них пяти двойных фонарей с тою целью, чтобы во время ночных туманов, вьюг и метелей огни этих фонарей могли служить маяками для проезжающих»²⁰, то есть сделав из «маркера триумфа» своеобразный маяк в степи.

Общую идею, которую транслировали проезжающим Тифлиские ворота, образно подытожил Ф.Ф. Торнау во время своего посещения Ставрополя: «Спустившись под гору, улица упиралась в высокие каменные ворота, не то крепостные, не то триумфальные, красовавшиеся в чистом поле и поэтому ничего не запиравшие. Никому не удавалось разрешить трудную загадку, для чего поставлены эти ворота, — между тем нельзя было без них вообразить Ставрополь»²¹.

Более понятные простому населению идеи транслировали так называемые памятники «частного характера», лежащие на оси координат коммеморации ближе к «приватному», чем к официальному²². Такими памятниками могут быть монументы, воздвигнутые казаками в честь своих павших на «малой кавказской войне» товарищей. Они с точки зрения художественного исполнения были по большей части довольно неказисты — памятником становилась надгробная плита, простой крест или сложенные пирамидой камни. Нередко, как над местом погребения казаков сотника Гречишкина, объектом мемориализации выступала скромная часовня над курганом с коллективным захоронением²³. Надписи, сделанные на частных памятниках, могли даже содержать ошибки (как на памятнике генералу Н.П. Слепцову в ст. Троицкой), но именно такие мемориалы становились местами поклонения («проведения актов коммеморации») казачьего населения станицы. Показательно, что при возведении памятника Н.П. Слепцову в станице Троицкой в 1897 г. местом была выбрана станичная площадь, где было решено воздвигнуть кенотаф — тело Слепцова было похоронено в соседней станице — Слепцовой, где имелся свой монумент генералу²⁴. Средства на возведение монумента были собраны среди самих жителей станицы, которые не только поддерживали памятник в хорошем состоянии, но и решили связать свои имена с памятью легендарного генерала. На обратной стороне монумента была помещена табличка с длинным списком фамилий, из которой следовало, что монумент воздвигнут «жителями ст. Троицкой, сослуживцами его, а также детьми и внуками сослуживцев»²⁵. Последняя фраза наиболее знаковая, свидетельствует о том, что память о Н.П. Слепцове сохраняло третье поколение казаков, которые, фотографируясь рядом с монументом, думали об их сопричастности к герою, а не о стилистических ошибках, допущенных строителями при оформлении памятной надписи о заслугах генерала²⁶.

Исторические ассоциации, образно называемые западными исследователями «фоновыми историями»²⁷ (или даже «голосами из могил»²⁸), которые памятник вызывал в сознании казаков-одностаничников, были им близки и понятны: любой смотрящий на памятник не мог не задумываться об опас-

ностях службы и приграничной жизни, которой на фронтире жило уже третье поколение.

«В чистом поле
Могила чорніе,
Де кровь текла казацкая —
Трава зеленіе»²⁹... —

записал В.А. Потто стихотворный комментарий казаков-малоросов, произнесенный ими у креста, отмечавшего место гибели Ново-Григорьевского поста на Кубани в мае 1809 г.

Близкое этому «послание» было заложено и в «солдатских» монументах, строившихся в штаб-квартирах полков Кавказской армии. Истории, которые «рассказывали» их «голоса из могил», акцентировали внимание на отваге, самопожертвовании, выполнении воинского долга и беспрекословном подчинении отцу-командиру. Часто это были «идеальные», а не реальные истории: та поведенческая матрица, которую военная пропаганда стремилась использовать в своих целях. Патриотические мотивы маскировали собой и вытесняли из сознания смотрящего на памятник другие, крайне неудобные для имперской идеологии грани реального исторического события, связанного с возведением памятника. Прежде всего, не давался ответ на вопрос, кто был тот враг, в борьбе с которым павшие герои проявили свои похвальные качества.

Одним из уникальных мемориалов, «прячущих» от потомков факты из реальной истории Кавказской войны, стал «Шелягинский памятник», воздвигнутый солдатами Самурского пехотного полка в месте своего квартирования — дагестанском селении Дешлагар.

Событие, ставшее основой для коммеморации, было само по себе достаточно противоречиво — подавление российскими военными властями восстания кайтагцев в селении Шеляги в январе 1852 г. Официальная версия этого события, приведенная в истории Самурского полка, не вдается в объяснения мотивов как самого восстания, так и решения российских властей действовать силовыми методами. Военного историка интересовало только то, что «без осадной артиллерии штурм такого крепкого места казался невозможным, но ждать подхода этой артиллерии нельзя было ни одного дня, нужно было как можно скорее взять и разрушить гнездо бунтовщиков, чтобы подавить мятеж в самом зародыше»³⁰. В своем повествовании штабс-капитан И.Д. Рекалов приводит многочисленные детали героизма своих сослуживцев, когда, «словно Божья гроза, все сметая на своем пути, неслись железные ряды богатырей и завал за завалом, сакля за саклей оставались за ними...»³¹. Победа, однако, стоила самурцам внушительных потерь — 255 человек, 79 из которых было убито. «Большие потери, что понес отряд при штурме аула, — пишет Рекалов, — вполне оправдали себя, — трудно представить, сколько пролилось бы крови, сколько жизней погибло бы и чем бы все это кончилось, если бы отряд

генерала Сулова не проявил столько мужества, столько самопожертвования в этот важный для Отечества день. Честь же и слава тем богатырям, которые в нужную минуту умеют жертвовать свою жизнь на общее благо»³². Казалось бы, наивная трактовка военным историком события не случайна, ведь, по справедливой оценке западных исследователей, коммеморационная деятельность иногда позволяет властям скрыть под патриотической риторикой неудобные политические вопросы, чтобы «заменить лакуны реальной истории величественным видом с высоты птичьего полета»³³. Как пишет И. Рекалов, «бранные останки товарищей, павших под Шелягами, Самурцы предали земле в своей штаб-квартире урочище Дешлагаре и над их могилой воздвигли памятник, называемый “Шелягинский”»³⁴.

Этот памятник самурцы во время своего пребывания в Дешлагаре поддерживали в полном порядке и, как свидетельствует фотоальбом полка, украшали его цветами и регулярно (как минимум два раза в год — весной и осенью) проводили торжественные панихиды в присутствии всего полка³⁵. При этом «акты коммеморации» не заканчивались регулярными богослужениями и уходом за памятником. «В память этого кровавого боя и во славу героев его тогда же была сложена “Шелягинская” песня, которую Самурцы с тех пор с гордостью распевают уже 59 лет»³⁶.

Позднее, в начале XX в., самурцы решили соорудить еще один — более помпезный памятник своей отваге (не забросив при этом и старый). Новый монумент был украшен каменными лавровыми венками, надписями, прославляющими боевой путь полка под Салтами, Чохом и Гергебилем, а также римской атрибутикой воинской славы³⁷, служашей отсылкой к бытовавшему в Кавказской армии ермоловскому афоризму, сравнивавшему войска Кавказского корпуса с «десятым римским легионом».

Однако, по справедливому замечанию Деся Уптона, создатели памятников не могут контролировать то, какие ассоциации их творение будет вызывать у каждого конкретного человека, смотрящего на него³⁸. Символизм «солдатских» и народно-казачьих монументов был востребован только сословной идеологией узкой социальной группы и нес для несолдатского и неказачьего населения региона совершенно иное «послание». Например, надпись на памятнике «незабвенному Герою, Генерал-Майору Слепцову, убитому в деле с чеченцами в Малой Чечне на реке Гихе»³⁹, вместе с графической картиной его смерти, укрепленной выше надписи на монументе в станице Троицкой, можно было трактовать не только как напоминание о героизме казаков, но и как намек на насилие, набеги и эксцессы военных экспедиций времен Кавказской войны. От подобного напоминания местные этнические группы стремились избавиться, воспринимая предмет имперской коммеморации достаточно негативно.

Подтверждением этому может служить судьба «Шелягинского» памятника. Несмотря на то что во время своего пребывания в Дешлагаре он был своеобразной «визитной карточкой» самурцев и одним из мест для фотографирования, он

не пережил времени пребывания российской военной части в селении. Сразу же после передислокации полка в Ставрополь все брошенные строения самурцев, в том числе и их памятники, начали приходить в упадок и разрушаться. Этим они во многом повторяли судьбу других объектов полковой коммеморации — солдатских могил в предыдущей штаб-квартире самурцев — в ауле Хазры.

В мае 1912 г. капитан Владимир Викторович Преображенский совершил поездку на место первой штаб-квартиры полка и по ее результатам создал для музея самурцев фотоальбом из снимков того, что он нашел на месте. Он представил грандиозно выглядящие даже на черно-белом фото начала прошлого века горные виды, несколько панорам аула Хазры — селения классически дагестанской архитектуры⁴⁰. Однако на месте, где когда-то было полковое кладбище и братские могилы солдат, погибших в разных экспедициях Кавказской войны, осталась лишь пустошь даже без следов могильных крестов⁴¹. Под одним из снимков аула и его жителей офицер оставил трогательную надпись: здесь изображены «немые свидетели пребывания Самурцев в Хазрах — вековые чинары со сломанными верхушками. В нижнем ряду стоят старшины-лезгинцы; один из них помнит пребывание войск в Хазрах, но название позабыл. 97 лет»⁴². Вырвавшееся у современника порицание забвению местными жителями памяти об имперской части, при всей субъективности, отражает некоторые особенности мемориализации событий Кавказской войны.

Еще современники отмечали, что она оставила после себя крайне мало монументальных скульптур или памятников, часть тех, что были возведены, стоят позабытыми и заброшенными, стремительно разрушаясь, а образ «своего» и «чужого» в общественном сознании парадоксально переплелся.

Помимо «людского нерадения», на которое военные обычно списывали все факты разрушения историко-культурных памятников XVIII–XIX вв., у забвения памяти о событиях Кавказской войны были более глубинные причины. Представляется, что эта война была не тем событием, подвиги на которой следовало бы афишировать в полиэтничном регионе. Здесь государству было гораздо выгоднее работать на интеграцию — внушать жителям Кавказа мысль об их сопричастности к России, чем лишний раз напоминать факты об имевших место силовых методах включения территорий в состав империи и неизбежно связанных с этим военных эксцессах. Российская администрация не могла не задумываться о том, как подогрелись бы очаги мятежа и сопротивления, если бы на месте каждого знаменательного события 60-летней войны стояли памятники, которые не только прославляли бы силу русского оружия, но и напоминали местному населению о действиях царских генералов. Поэтому большинство памятников, особенно посвященных не слишком ярким личностям и эпизодам Кавказской войны, как правило, уже в начале XX в. тихо доживали свое время, разваливались и рассыпались.

Ярким свидетельством этого может служить эпизод о том, как начальник военно-исторического отдела Кавказской армии В.А. Потто выступил с ини-

циативой провести на Кавказе ревизию всех значимых захоронений погибших участников Кавказской войны для того, чтобы превратить их в военные мемориалы. Однако эта инициатива не могла быть реализована на практике, ведь даже посетив Дербент, В.А. Потто отмечал, что не только воинские могилы, но и все русское кладбище в городе «давно заброшено. Тот, кто посетит это кладбище, невольно остановится в центральной его части перед грандиозным памятником, как бы возвышающимся над целым кладбищем; но надписи на нем нет, и никто не скажет вам, кто под ним покоится. ... По-видимому, это чья-то братская могила. Не тут ли покоятся кости наших храбрых солдат, павших в 1831 году во время осады Дербента Кази-Муллою, и потом, при разгроме этого скопища генералом Панкратьевым? Но холодные камни безмолвны и не дадут вам на это ответа»⁴³.

Мысли о крайне небрежном отношении и местного населения, и российских властей к историко-культурным памятникам Кавказской войны высказывал не только начальник военно-исторического отдела, но и местная администрация. «Никаких мер к поддержанию старых зданий не принимается, и лишь камень, из коего эти здания сложены, считается имуществом военного ведомства...»⁴⁴, — отмечал в 1903 г. губернатор Черноморской губернии, описывая состояние руин укреплений бывшей Черноморской береговой линии, которые так же, как и солдатские могилы на Северо-Восточном Кавказе, власти безуспешно надеялись превратить в военные мемориалы.

Представляется, что безразличие к данным объектам мемориализации проистекало, скорее всего, из-за того, что в изменившихся условиях жизни в регионе становилось все больше людей, предлагавших иное субъективное прочтение коммеморированных историй, считавших, что «послания» военных памятников несут в себе уже идеи опасные для регионального единства.

Примечания

¹ Commemoration in America. Essays on Monuments, Memorialization, and Memory / Ed. by D. Gobel, D. Rossell. Charlottesville: University of Virginia Press, 2013. P. 3.

² Ibid.

³ Ibid. P. 22.

⁴ Ibid. P. 11.

⁵ Ibid. P. 9.

⁶ Кавказская летопись // Кавказ. 1859. 6 сентября. № 70. С. 2.

⁷ Альбом подвижного собора и торжеств на Гунибе по случаю 50-летнего юбилея покорения Восточного Кавказа. СГМЗ. Ф. 48. Д. 49. Л. 67.

⁸ Потто В.А. История 44-го драгунского Нижегородского полка. СПб., 1894. Т. V. С. 1.

⁹ Бентковский И.В. Первоначальное устройство административных учреждений Кавказской губернии // Ставропольские губернские ведомости. 1886. № 39.

¹⁰ РГИА. Ф. 1284. Оп. 188. Д. 397, Л. 3об.—4.

¹¹ Щепетев В.П. Анапа. Историко-географический очерк // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 44. Тифлис, 1915. С. 7.

¹² Там же. С. 26–27.

¹³ Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе. СПб., 1879. Ч. II. С. 287.

- ¹⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 188, Д. 397. Л. 3.
¹⁵ СГМЗ. Ф. 48. Д. 49. Л. 80.
¹⁶ Там же. Л. 78.
¹⁷ РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 249. Л. 26.
¹⁸ Commemoration ... Р.6.
¹⁹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 188. Д. 133. Л. 1об.
²⁰ Там же. Л. 2.
²¹ Торнау Ф.Ф. Воспоминания русского офицера. М., 2002. С. 155.
²² Commemoration... Р. 8.
²³ Потто В.А. Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе. Вып. II. Тифлис, 1906. С. 161–162.
²⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 188. Д. 397. Л. 4–4об.
²⁵ Там же. Л. 4об.–5.
²⁶ РГИА. Ф. 1293. Оп. 169. Д. 2277. Л. 1.
²⁷ Commemoration... Р. 7.
²⁸ Op. cit. Р. 8.
²⁹ Потто В.А. Памятники... Вып. II. С. 25.
³⁰ Рекалов И.Д. 83-й пехотный Самурский полк на Кавказе, в Хиве и Закаспии. Краткая история боевых дел полка. Ставрополь, 1911. С. 56.
³¹ Там же. С. 57.
³² Там же. С. 59.
³³ Commemoration... Р. 7.
³⁴ Рекалов И.Д. Указ. соч. С. 60.
³⁵ СГМЗ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 24. Музей 83-го пехотного Самурского полка. Л. 59.
³⁶ Рекалов И.Д. Указ. соч. С. 61.
³⁷ СГМЗ. Ф. 48. Д. 34. Л. 4, 9, 10.
³⁸ Commemoration... Р. 6.
³⁹ РГИА. Ф. 1293. Оп. 169. Д. 2277. Л. 1.
⁴⁰ СГМЗ. Ф. 48. Д. 22. г. Хазры. Первая штаб-квартира 83-го пехотного Самурского полка. Л. 1–12.
⁴¹ Там же. Л. 2, 3.
⁴² Там же. Л. 5.
⁴³ Потто В.А. Указ. соч. С. 115.
⁴⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 188. Д. 357. Л. 8.

Имперская модель экономической модернизации приморской зоны Западного Кавказа в последней четверти XIX века:

**опыт включенного наблюдения
А.В. Верещагина**

Победоносное завершение многолетней Кавказской войны поставило перед Российской империей новую задачу, связанную с хозяйственным освоением присоединенного региона. Применительно к Западному Кавказу главной целью становился последовательный поиск естественной замены цветущим черкесским садам, стремительно исчезающим после массового мухаджирства. Новым вектором хозяйственного развития рассматриваемого географического региона стала аграрная колонизация, органично сочетавшая российский и местный опыт и опиравшаяся на синхронно создаваемую транспортную инфраструктуру и обрабатывающую промышленность.

В отечественной историографической традиции традиционно присутствовал интерес к избранной проблеме, начавший формироваться синхронно по отношению к рассматриваемым событиям и явлениям. В известных исследованиях А.А. Бороздина, Б.М. Городецкого, А.А. Кауфмана, П.П. Короленко, М.А. Краевского, Е.Д. Фелицына, Н. Шаврова и Ф.А. Щербины получили отражение социально-экономические процессы, связанные с последовательным формированием новой системы землевладения и землепользования, организованной инициативной колонизацией приморских районов,

**Ольга
Ивановна
ШАФРАНОВА**

хозяйственной инфраструктурой и межэтническим взаимодействием¹. В советской историографии 20-х годов XX столетия, представленной оригинальными трудами И. Гольденцула, А.А. Малигонова, предпринимались первые попытки комплексного переосмысления накопленного эмпирического материала в контексте утвердившейся идеологической парадигмы, завершившиеся систематизированным пересказом известных фактов, дополненных необходимыми оценочными суждениями о негативной роли имперских властей в предшествующем развитии приморского сегмента Западного Кавказа². Новая качественная оценка экономической модернизации избранного региона в конце XIX — начале XX столетия сложилась только в фундаментальных исследованиях А.В. Фадеева и В.Н. Ратушняка, отчетливо продемонстрировавших существенные особенности регионального хозяйственного развития на сложном фоне общеимперских процессов³. В указанных трудах были отмечены особая роль инициативной колонизации, осуществлявшейся как обособленными, так и консолидированными хозяйствующими субъектами, принципиальное значение развивающейся транспортной инфраструктуры для динамичного роста региональной экономики, реальные связи местных аграрных производителей с российским рынком.

В постсоветский период исследовательское внимание было сосредоточено на колонизационных процессах, которые рассматривались как в демографическом измерении, так и в контексте новых форм этнического взаимодействия в изменившемся социокультурном пространстве имперского региона. В известных работах В.М. Кабузана и Л.В. Бурькиной были выявлены существенные изменения в региональной демографии, обусловленные как массовым мухаджирством, так и масштабной колонизацией, способствовавшей последовательному внедрению новых форм хозяйственной деятельности, ранее использовавшихся в других районах и имевших экономический эффект⁴. Одновременно М. Минасян, Л.А. Погосян и Г.Г. Рудянов последовательно проанализировали сложный процесс региональной инкорпорации этнических диаспор, постепенно становившихся значимыми явлениями в местной экономике⁵. Следует выделить то существенное обстоятельство, что рассматриваемая исследовательская практика традиционно опиралась на широкий круг разнообразных источников, среди которых основную роль играли нормативные документы центральных и местных управленческих структур, частно-правовые акты и хозяйственные документы, статистические материалы. Нарративные источники, как правило, использовались в качестве своеобразных вербальных иллюстраций, субъективно характеризующих рассматриваемые личности, процессы и явления, но не имеющих самостоятельного значения в рамках исторической реконструкции.

Фундаментальные нарративы Арсения Владимировича Верещагина «Путевые заметки по Черноморскому округу», «Значение путей сообщения в деле колонизации и развития черноморского побережья Кавказа» и «Влияние су-

хопутных и морских сообщений на колонизацию и развитие Черноморского побережья Кавказа», созданные в результате личного и подробного знакомства с региональным хозяйством и транспортной инфраструктурой, неизменно использовались отечественными исследователями, обращавшимися к комплексному изучению Черноморского побережья Западного Кавказа в конце XIX — начале XX столетия⁶. Подобный интерес определялся значительным объемом разнообразного фактического материала, собранного и обобщенного квалифицированным автором и характеризующего дифференцированные проблемы социально-экономического, политического и культурного развития избранного региона. Однако указанные нарративные источники не рассматривались в качестве самостоятельного объекта исследовательского анализа, за исключением отдельных работ Н.А. Трапш и Е.А. Хошафян, посвященных локальным вопросам региональной истории⁷.

Рассматриваемые нарративы представляют собой значительный интерес не только в контексте обширного эмпирического содержания, но и в ракурсе последовательного освещения идентичного проблемного комплекса с десятилетним хронологическим интервалом. Специальное сообщение Императорскому Вольному Экономическому Обществу, подготовленное в 1878 г., структурно тождественно аналогичному докладу 1885 г., но имеет отдельные содержательные нюансы, позволяющие выявить динамику рассматриваемых социально-экономических процессов. В частности, А.В. Верещагин активно отстаивает принципиальную необходимость дальнейшего существования Черноморской береговой гребной флотилии, выполнявшей важнейшую функцию единственного транспортного средства, связывающего в неблагоприятные сезоны отдаленные прибрежные районы, труднодоступные в сухопутном формате. По эмоциональному авторскому замечанию, «...суждение мое о гребной флотилии не может не быть справедливым, как основанное на опыте»⁸. Однако если в 1878 г. А.В. Верещагин выступает активным сторонником дальнейшего сохранения гребной флотилии, то в 1885 г. он указывает на очевидную целесообразность качественного реформирования рассматриваемой структуры. Согласно авторскому мнению, «казенная гребная флотилия не содействует, а, наоборот, противодействует развитию колонизации на черноморском побережье Кавказа»⁹.

Важной особенностью, определяющей научную ценность исследуемых нарративов А.В. Верещагина, является активное использование разнообразных синхронных источников, среди которых можно выделить официальные отчеты правительственных комиссий, специальные отчеты окружных попечителей, транспортные и ландшафтные проекты, представленные на плановое рассмотрение административных структур, разнообразные материалы периодической печати («Московские ведомости», «Гражданин», «Русская летопись»). В отдельных случаях присутствуют даже авторские оценки реконструированных фактов, основанные на рационалистической критике исходной

источниковой базы. В частности, А.В. Верещагин с большим недоверием относится к практической деятельности известной Комиссии для исследования земель на Северо-Восточном берегу Черного моря, не располагавшей необходимыми возможностями для эффективного осуществления возложенных на нее задач. Согласно справедливому авторскому замечанию, «комиссия... выехала из Тифлиса 24 апреля 1866 года, а 16 мая прибыла в Гагры, откуда и начала свои исследования, которые окончила в первой половине июля месяца. Следовательно, комиссия употребила времени около двух месяцев на исследование пространства, которое равнялось... 457 491 десятинам... упомянутое пространство исследовать в такое время едва ли возможно; я полагаю, что не только исследовать, но и *осмотреть это пространство как следует* [курсив автора. — О. III.], особенно в отсутствие путей сообщения, в упомянутое время — невозможно. Если я с высоты горы смотрю на окрестности и в это время, в своей памятной книжке, записываю характер окрестностей, до которых достигает мой взор, — то это еще не значит, что я делаю *исследование* [курсив автора. — О. III.], тем более по тем данным, которые добыты взором и записаны в памятную книжку, я *никак не могу делать положительных выводов о пространстве и качестве угодий* [курсив автора. — О. III.], находящихся в этих окрестностях, и еще более не могу излагать что-либо о такой местности, где я не был»¹⁰. Одновременно можно говорить и потенциальной субъективности приведенных оценок А.В. Верещагина, который представлял коммерческие интересы зарегистрированных товариществ, занимавшихся официальным приобретением земельных участков в рассматриваемом регионе и стремившихся оказывать определенное давление на административные структуры, добиваясь возможного изменения ценовой политики.

Российский исследователь предоставляет достаточно точную характеристику негативных последствий массового мухаджирства, устранившего автохтонное население и изменившего традиционную модель хозяйственной деятельности. Описывая посещенные верховья рр. Хосты, Мацесты и Кудепсты, А.В. Верещагин отмечает очевидное присутствие значительного числа черкесских аулов, заброшенных и заросших густым лесом. Аналогичное замечание он делает относительно близлежащих отрогов Гагринского хребта, обозначенных дичающими группами грецкого ореха и фруктовыми деревьями. Своеобразным обобщением описанных наблюдений является лаконичное замечание о том, что «...по выселении горцев из края наибольшая часть земель Черноморского округа лежала впусе»¹¹. А.В. Верещагин указывает и на особый правовой статус автохтонного населения, оставшегося для постоянного проживания на исторической Родине. По авторскому замечанию, «каждый черкес, желающий отлучиться из местожительства, даже... на охоту, обязан взять билет от ротного командира, в котором подробно объясняется: куда и на какой срок он отлучается, какое при нем оружие...»¹². Однако общий вывод А.В. Верещагина о повседневной жизнедеятельности местных черкесов носит

достаточно оптимистичный характер, не предполагающий двойного истолкования. Российский исследователь полагает, что «материальное состояние черкесов нельзя назвать дурным, напротив того, они, по отзывам местных жителей, весьма бережливы, скупы и ни в чем особо не нуждаются»¹³.

Одной из основных проблем, привлекавшей специальное внимание А.В. Верещагина, следует считать принципиальный вопрос об имманентных особенностях нового аграрного освоения рассматриваемого региона. В данном контексте интересной представляется авторская дифференциация земель, относящихся к прибрежной полосе, согласно которой «...в прибрежной полосе земли, по качеству своему, разделяются — на удобные, малоудобные и совершенно-неудобные. К *удобным* землям относятся места ровные, не болотистые и не каменистые, способные для культуры, а равно террасы и более или менее мягкие склоны, на которых возможно разводить сады, виноградники и прочее. *Малоудобными* землями следует признать такие склоны, которые хотя и не способны для сельскохозяйственной культуры, но могут приносить какую-либо пользу хозяйству, какова... пастьба скота. *Совершенно-неудобные* земли составляют... весьма крутые склоны, скалистые горные кряжи... вообще места недоступные и неспособные для пользования»¹⁴. А.В. Верещагин указывает на то существенное обстоятельство, что российское правительство и местные власти создают благоприятные финансовые условия для потенциального приобретения земельных участков, которые при изначальной стоимости в десять рублей за десятину продавались со значительной рассрочкой (до 10 лет). Но одновременно российский исследователь указывает на высокие издержки, связанные с практическим освоением приобретенной территории и составляющие от 40 до 100 рублей за десятину. После первого визита А.В. Верещагин отмечает, что «...расход на очистку местности от заросли намного превосходит покупную стоимость самой земли»¹⁵. Российский исследователь полагает, что реальное хозяйственное освоение Черноморского побережья Кавказа может стать естественным результатом совместной деятельности капитала, труда и интеллигенции. В качестве своеобразной иллюстрации консолидированного действия указанных факторов А.В. Верещагин приводит интересный пример, связанный с целенаправленным поиском потенциальных переселенцев в Молдавии, имевший вполне удовлетворительные результаты для системного развития местного виноградарства. Кроме того, российский исследователь справедливо полагал, что без серьезных финансовых вложений невозможно адекватное развитие тех сельскохозяйственных отраслей, которые в наибольшей степени соответствуют природно-климатическим условиям рассматриваемого региона и приносят наибольший доход.

Необходимым условием для эффективной интеграции Черноморского побережья Кавказа в имперскую экономическую систему А.В. Верещагин считал системное развитие транспортной инфраструктуры, не ограничен-

ной исключительно морскими перевозками. По обоснованному мнению российского исследователя, «никакие улучшения “морских сообщений” не в состоянии вызвать к развитию, а тем более процветанию свойственных краю отраслей промышленности, так как *замкнутость* и *неподвижность* западного кавказского побережья *исключительно* обуславливается *отсутствием сухопутных путей сообщения*»¹⁶. Одновременно российский исследователь полагал, что мореходное сообщение является важнейшим фактором, обеспечивающим эффективную колонизацию прибрежной полосы. Но действующая система, по обоснованному мнению А.В. Верещагина, не соответствует необходимым параметрам, а потому необходимо выработать новую стратегию транспортного развития, не отдавая ее на единоличное решение местных чиновников. Российский исследователь считал необходимым последовательное увеличение общего тоннажа гребного флота, а также целенаправленное формирование конкурентной среды в сфере паромных перевозок. В частности, одним из существенных препятствий для рентабельного осуществления хозяйственной деятельности А.В. Верещагин считал высокие тарифы, определяемые монопольным положением Русского общества пароходства и торговли.

Применительно к сухопутным коммуникациям значительный интерес представляет авторская характеристика различных проектов, связанных с последовательным созданием соответствующей инфраструктуры. Текстологический анализ показывает, что А.В. Верещагин детально интересовался сложным процессом административного согласования необходимых решений. Российский исследователь отмечает, что «вопрос о сухопутных сообщениях на упомянутом побережье весьма подробно был разработан в комиссии, бывшей в 1879 году в Тифлисе, под председательством главного инспектора гражданских сооружений на Кавказе М.Н. Герсеванова. В этой комиссии обсуждалась весьма обстоятельная записка представителя от кавказского военно-народного управления П.А. Фрейера, который выяснил состояние дорог в Сухумском отделе. Другой член комиссии, Ю.П. Проценко, представил... труд “Определение сети главнейших дорог в Черноморском округе и Сухумском отделе”, который в том же 1879 году был издан отдельною брошюрой»¹⁷. Российский исследователь отстаивает принципиальную позицию, согласно которой дорожное строительство должно находиться под жестким контролем имперских властей, которые не должны передавать полностью соответствующие функции местной администрации. А.В. Верещагин, поддерживая аналогичные идеи Ю.П. Проценко и начальника главного управления наместника Кавказского генерал-лейтенанта Д.С. Старосельского, указывает на объективную необходимость строительства разветвленной сухопутной транспортной инфраструктуры, которая удалена от морского побережья и не сводится к единственной ветке, параллельной береговому контуру. Более того, российский исследователь полагает, что имеющиеся

адекватные проекты не реализуются исключительно вследствие неэффективной деятельности местного административного аппарата. А.В. Верещагин приводит и два интересных частных наблюдения, характеризующие социально-экономическое значение дорожного строительства. Российский исследователь отмечает, что длительное отсутствие сухопутного пути препятствует естественным интересам местных землевладельцев не только в части хозяйственной деятельности, но и в правовом контексте, связанном с очевидной неопределенностью реальных сроков земельного отчуждения, необходимого для последовательного функционирования транспортной инфраструктуры и предусмотренного соответствующим договором. Кроме того, А.В. Верещагин, размышляя о государственных интересах, высказывает справедливое предположение о том, что предварительное строительство дорожной сети позволило бы продавать крупные участки без длительной расрочки и по гораздо более высокой цене.

А.В. Верещагин отмечает и целый ряд других недостатков, связанных с системным хозяйственным освоением Черноморского побережья Западного Кавказа. Он справедливо полагал, что турецкое экономическое присутствие, связанное с почти монопольным осуществлением рыбной ловли в прибрежной зоне и серьезной конкуренцией с российским гребным флотом при малообъемных перевозках, не соответствует государственным интересам ни в контексте развития регионального хозяйства, ни в геополитическом ракурсе. А.В. Верещагин указывает и на существенные трудности в аграрной колонизации рассматриваемого региона, связанные с недостаточной активностью русских колонистов, не соответствующей масштабной поддержке со стороны имперского правительства. В данном контексте российский исследователь критикует ошибочное представление о том, что колонизационному процессу якобы препятствует недостаточное количество пахотных земель. Как представляется, Верещагин справедливо отмечает, что главная проблема заключается не в физическом составе земельного фонда, а в произвольной нарезке конкретных участков, не учитывающей возможные перспективы дальнейшей хозяйственной эксплуатации.

Общий анализ социально-экономического развития нового имперского региона привел Верещагин исследователя к неутешительному выводу, отчетливо выраженному в лаконичной и точной фразе: «Это... не колонизация, здесь даже нет подобия той колонизации, какая должна быть на приморской окраине в интересах *Государства* [курсив мой. — О. Ш.]»¹⁸. Современного исследователя не может удовлетворить подобная безапелляционная оценка, однако необходимо признать, что системные размышления А.В. Верещагина, опирающиеся на масштабный эмпирический фундамент, представляют собой несомненный интерес для адекватного понимания исторических реалий конца XIX столетия, сложившихся на Черноморском побережье Западного Кавказа.

Примечания

¹ См., например: *Бороздин А.А.* Колонизация Кавказа // Наблюдатель. 1885. № 5; *Городецкий Б.М.* Крестьянское землевладение и землеустроительные работы в Таманском отделе Кубанской области: Статистико-экономический очерк // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1912. Т. 17; *Городецкий Б.М.* Развитие крестьянского землевладения на Северном Кавказе в связи с деятельностью Крестьянского поземельного банка // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1913. Т. 18; *Кауфман А.А.* Переселение и колонизация. СПб., 1905; *Короленко П.П.* Горские поселенцы в Черномории // Известия общества любителей изучения Кубанской области. Екатеринодар, 1902. Вып. 3; *Короленко П.П.* Заметки по истории Северо-Восточного побережья Черного моря. Одесса, 1910; *Короленко П.П.* Переселение казаков за Кубань. Русская колонизация на Западном Кавказе: Материалы для истории Кубанской области // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1911. Т. 16; *Краевский М.А.* К вопросу колонизации Черноморской губернии. СПб., 1897; *Фелицын Е.Д.* Краткий очерк заселения Кубанской области (Пояснительная записка к 20-верстной карте Кубанской области) // Известия Кавказского отдела русского географического общества. Тифлис, 1883–1885. Т. 8. № 2; *Шавров Н.* Проекты колонизации восточного берега Черного моря // Северный вестник. 1886. № 7 (июль). Отд. 2; *Щербина Ф.А.* Экономическое развитие Северо-Западного Кавказа // Кубань и Черноморское побережье: Справочная книжка на 1914 год. Екатеринодар, 1914.

² См.: *Гольдендул И.* Земельные отношения на Кубани. Краткий очерк. Ростов-на-Дону — Краснодар, 1924; *Малигонов А.А.* Краткий географический очерк сельского хозяйства на Кубани в связи с его эволюцией. Краснодар, 1923.

³ *Ратушняк В.Н.* Вхождение Северо-Западного Кавказа в состав России и его капиталистическое развитие. Краснодар, 1978; *Ратушняк В.Н.* Земельный фонд Кубанской области и его распределение в период капитализма // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1971 год. Вильнюс, 1974; *Ратушняк В.Н.* Эволюция землепользования и систем земледелия на Кубани (конец XVIII в. — 1914 г.) // Проблемы отечественной истории. М., 1973; *Фадеев А.В.* Вовлечение Северного Кавказа в экономическую систему пореформенной России: К проблеме развития капитализма вширь // История СССР. 1959. № 6; *Фадеев А.В.* Формирование земледельческого капитализма на Северном Кавказе в пореформенный период // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1959 год. М., 1961.

⁴ *Бурыкина Л.В.* Переселенческое движение на Северо-Западном Кавказе в 90-е годы XVIII — 90-е годы XIX века: Дисс. ... канд. ист. наук. Майкоп, 2000; *Бурыкина Л. В.* Переселенческое движение на Северо-Западном Кавказе в 90-е годы XVIII — 90-е годы XIX века. Майкоп, 2002; *Кабузан В.М.* Население Северного Кавказа в XIX–XX веках: Этностатистическое исследование. СПб., 1996.

⁵ *Минисян М.* Армяне Причерноморья. Ереван, 1990; *Погосян Л.А.* Армянские поселения Северного Кавказа (начало XVIII в. — 1920 г.): Дисс. ... д-ра ист. наук. Ереван, 1990; *Рудянов Г.С.* Греческая диаспора на Северном Кавказе во второй половине XIX — начале XX века: Дисс. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 1998.

⁶ *Верещагин А.В.* Влияние сухопутных и морских сообщений на колонизацию и развитие Черноморского побережья Кавказа. СПб., 1885; *Верещагин А.В.* Путевые заметки по Черноморскому округу. М., 1874; *Верещагин А.В.* Значение путей сообщения в деле колонизации и развития черноморского побережья Кавказа. СПб., 1878.

- ⁷ *Трапи Н.А.* Проблемы абхазской истории XIX столетия в этнографических нарративах А.В. Верещагина // Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки (к 95-летию со дня рождения выдающегося российского ученого): Материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 4–5 апреля 2014 г.). Ростов-на-Дону, 2014; *Трапи Н.А., Хошафян Е.А.* Проблемы развития транспортной инфраструктуры Черноморского побережья Кавказа во второй половине XIX века в оценках А.В. Верещагина // Труды международной научно-практической конференции «Перспективы развития и эффективность функционирования транспортного комплекса Юга России»: В 3 ч. Ростовский гос. ун-т путей сообщения. Ростов-на-Дону, 2015.
- ⁸ *Верещагин А.В.* Значение путей сообщения... С. 8.
- ⁹ *Верещагин А.В.* Влияние сухопутных... С. 39.
- ¹⁰ *Верещагин А.В.* Значение путей сообщения... С. 141–142.
- ¹¹ *Верещагин А.В.* Путевые заметки... С. 41.
- ¹² *Верещагин А.В.* Значение путей сообщения... С. 80–81.
- ¹³ Там же. С. 81.
- ¹⁴ Там же. С. 25–26.
- ¹⁵ *Верещагин А.В.* Путевые заметки... С. 41.
- ¹⁶ *Верещагин А.В.* Значение путей сообщения... С. 7.
- ¹⁷ *Верещагин А.В.* Влияние сухопутных... С. 4.
- ¹⁸ Там же. С. 22.

Особенности миграционных процессов на Северо- Западном Кавказе в период Великой Отечественной войны

Сложная демографическая ситуация в современной России, сокращение численности населения и трансформация демографической структуры заставляют поставить вопрос о необходимости изучения исторических событий, демографическое эхо которых продолжает оказывать влияние на развитие российского общества. Одним из таких периодов, влияние которого наиболее значимо с точки зрения развития населения, является Великая Отечественная война.

К началу 1940-х годов советское общество все еще находилось в переходном состоянии. Процесс советской модернизации не был завершен, но страна уже стала на новые рельсы и неуклонно двигалась вперед, уводя Россию от аграрного, традиционного к индустриальному, модернистскому обществу. Это движение захватывало все большие сферы и стороны общественной жизни, в том числе коренным образом меняло модели социального и демографического поведения населения.

Процесс модернизации объективно стимулировал миграционные перемещения из села в город, но в условиях нового советского строя они активно направлялись государством. Как следствие, огромные массы людей оказываются вовлеченными в добровольную и вынужденную «индустриальную миграцию», которая с конца 1920-х годов переходит под жесткий контроль со стороны правительства.

В науке такой подход к управлению миграциями получил название административного. Он опирается на два принципа: 1) общество в конечном счете со-

**Вадим
Николаевич
РАКАЧЕВ**

стоит из отдельных индивидов, слабо связанных друг с другом семейными, этническими, социальными, поселенческими и другими связями; 2) индивид в любой момент в соответствии с политическими решениями может быть переселен в любую точку доступного географического пространства, причем необязательно насильственным путем. Стимулирование таких переселений может осуществляться с помощью самых разных средств — моральных, идеологических, политических и экономических¹.

Миграционные процессы в 1940-е годы носили как добровольно-вынужденный, так и принудительный характер. К числу добровольно-вынужденных миграций в этот период можно отнести мобилизацию и демобилизацию, процессы эвакуации, а затем реэвакуации. К принудительным — депортации репрессированных народов и отдельных групп населения, обвиненных в государственной измене.

Приоритетным направлением организованных миграционных потоков в предвоенный период является восточное — идет переброска трудовых ресурсов в азиатскую часть страны, где форсированными темпами осуществлялось строительство комплекса военно-промышленных предприятий-дублеров. Миграционные потребности этого направления решались в основном за счет перемещения населения из западных регионов страны. Территории Северо-Западного Кавказа практически не были затронуты этим миграционным потоком.

В условиях начавшейся 22 июня 1941 г. Великой Отечественной войны административный подход к управлению миграциями был реализован в полной мере и в определенном смысле был эффективным. В частности, это проявилось в организации мобилизации и эвакуации.

С началом войны набирал силу такой миграционный поток, как всесоюзная мобилизация населения, начавшаяся на второй день войны — 23 июня 1941 г. Согласно мобилизационному плану, в армию призывались сразу 14 возрастов — военнообязанные 1905—1918 гг. рождения. Эти миграции затронули все регионы страны и не обошли стороной Северо-Западный Кавказ. Так, в рамках мобилизационного плана в Краснодарском крае к 1 января 1942 г. было призвано в ряды Красной Армии 371 430 человек², в Орджоникидзевском крае к 1 октября 1941 г. — 100 тыс. человек³.

Помимо обязательного призыва в стране наблюдается массовое добровольческое движение, в первые две недели войны подали заявления о вступлении в Красную Армию 12 000 человек из Краснодарского края⁴ и 5 000 человек из Орджоникидзевского⁵.

Другим значительным по мощности миграционным потоком стала эвакуация. 24 июня 1941 г. постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Для руководства эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей» № 1740-сс при СНК СССР был создан Совет по эвакуации во главе с Л.М. Кагановичем. В целях оптимизации процессов эвакуации 16 июля 1941 г. постановлением ГКО был создан новый

Совет по эвакуации во главе с Н.М. Шверником, в состав Совета был введен В.С. Абакумов, заместитель наркома внутренних дел⁶.

На начальном этапе войны территория Северо-Западного Кавказа, которая административно подразделялась на Краснодарский и Орджоникидзевский (Ставропольский)⁷ края и входившие в их состав автономные области — Адыгейскую, Черкесскую и Карачаевскую, выступала реципиентом и преимущественно принимала население из оккупированных и прифронтовых территорий.

Северо-Западный Кавказ не относился к регионам, куда планировался перенос промышленных мощностей и обслуживающего их технического персонала из западных районов страны, но он участвует в разгрузке основных потоков, эвакуированных на восток страны, как вспомогательное и транзитное направление. Миграционный поток на Кавказ был гораздо меньшим по объему, чем восточное направление, но все же оказывал влияние на изменение демографической структуры региона.

По состоянию на 1 октября 1941 г. в Краснодарском крае было принято и размещено 218 169 человек, эвакуированных из Украинской, Белорусской, Молдавской ССР и Крымской АССР, в том числе 33,9% мужчин, 66,1% женщин, дети составляли 11,9% общего числа эвакуированных⁸.

Орджоникидзевский край на 1 октября принял 226 тыс. человек эвакуированных⁹.

Нельзя не отметить и строгие правила, которыми руководствовались государственные органы при эвакуации населения: семьи не разобщались, а жители умеренных и южных регионов в северных районах страны, как правило, не размещались¹⁰.

В административно-территориальных образованиях Северо-Западного Кавказа к началу 1942 г. концентрируется значительное число высококвалифицированных технических кадров, обеспечить работой которых не было возможности¹¹, и одной из актуальных задач становится срочная их переброска в промышленно развитые области СССР. Так, в мае 1942 г. было поручено произвести набор из эвакуированных ленинградцев на заводы авиапромышленности СССР: из Орджоникидзевского края — 11 тыс. человек, из Краснодарского — 8 тыс. человек¹².

В целях разгрузки городов Северо-Западного Кавказа, куда прибывали по железной дороге основные потоки мигрантов, местные власти организуют переселение части эвакуированных в сельскую местность. Это должно было частично восполнить демографические потери трудоспособного сельского населения, призванного по мобилизации на фронт.

Оставаясь важнейшим сельскохозяйственным регионом, Северо-Западный Кавказ испытывал огромный недостаток в трудовых ресурсах, так как большое число мобилизованных по призыву мужчин привело к потере рабочих рук в период полевых работ 1941 г. Для уборки урожая в станицы были направлены

жители городов: служащие, учителя, учащиеся и студенты и др. Только из Краснодара выехало в совхозы 3450 студентов. Всего на полях Краснодарского края летом 1941 г. работало 120 тыс. учащихся¹³. Осложняли ситуацию и передача части колхозной техники в армию и возникшая в связи с этим необходимость увеличения численности сельскохозяйственных рабочих.

30 сентября 1941 г. Краснодарский крайком ВКП(б) принял постановление о восприятии прописки в городах Краснодаре, Майкопе, Новороссийске и Туапсе беженцев и эвакуированных из прифронтовой полосы, прибывших в неорганизованном порядке, т.е. не с предприятиями или учреждениями и без назначения Совета по эвакуации и его уполномоченных на местах. Горсоветам городов предоставлялось право направлять трудоспособных граждан из числа эвакуированных, не устроившихся в двухнедельный срок на работу, «для использования в обязательном порядке на работе в предприятиях промышленности, транспорта и в сельском хозяйстве, нуждающихся в рабочей силе». Органам милиции поручалось отказавшихся от работы эвакуированных граждан выселять, с запрещением проживать в городах Краснодаре, Майкопе, Новороссийске, Туапсе, а также в режимных местностях, запретных зонах и других населенных пунктах, предусмотренных Постановлением ГКО¹⁴. Эти меры позволили частично компенсировать потерю трудоспособного населения региона, призванного по мобилизации.

К концу 1941 г. примерно треть всех прибывших во время первой волны эвакуации была расселена в городской местности, остальные в сельской¹⁵. Данные текущей статистики 1941 г. показывают, что идет отток из города в сельскую местность, а затем дальше от театра военных действий в тыл (табл. 1).

Практически все городские поселения, учтенные в сводке, показывают отток населения, тогда как сельские населенные пункты имеют хотя и незначительное, но все же положительное миграционное сальдо. В декабре число выехавших превысило ноябрьские показатели более чем на 3 тыс. человек, или 15,9%. Положительное сальдо миграции наблюдалось в приморских населенных пунктах — Сочи, Туапсе, Темрюке, что объясняется доставкой туда эвакуированных из районов непосредственных военных действий, а также раненых.

На территорию Орджоникидзевского края за второе полугодие 1941 г. прибыло 59 157 человек, из них 79,3% в город, 18,3% в село, а 1,4% было не учтено. Выбыло из края 35 369 человек, в том числе городского населения — 35,2%, сельского — 14,1, не учтено — 50,7%¹⁶. Миграционный прирост населения составил 23 788 человек.

По решению СНК СССР от 6 февраля 1942 г. начинается эвакуация населения из блокадного Ленинграда в восточные и южные районы СССР. На проведение эвакуации: перевозку, проживание, медицинское обслуживание — согласно Постановлению СНК РСФСР № 128/32с от 17 марта 1942 г. выделяется 10,5 млн руб., в том числе 1,5 млн руб. для Орджоникидзевского и 1 млн руб. для Краснодарского краев¹⁷.

Таблица 1

**Сведения о передвижении населения в Краснодарском крае
за ноябрь—декабрь 1941 г.**

Города и прочие населенные пункты	Число пунктов, вошедших в сводку	Ноябрь			Декабрь		
		Прибыло	Выбыло	Механический прирост	Прибыло	Выбыло	Механический прирост
Апшеронская	1	174	137	37	341	1 023	-682
Армавир	1	1 794	3 084	-1 290	2 788	3 776	-988
Ейск	1	140	890	-750	333	913	-580
Краснодар	1	2 566	5 365	-2 799	2 680	6 169	-3 489
Кропоткин	1	449	645	-196	687	749	-62
Майкоп	1	1 050	1 469	-419	911	1 087	-176
Новороссийск	1	628	2 139	-1 511	861	2 278	-1 417
Сочи	1	932	943	-11	1 266	741	525
Темрюк	1	94	116	-22	109	80	29
Тихорецк	1	175	273	-98	207	251	-44
Туапсе	1	1 468	678	790	3 077	629	2 448
Всего по выделенным городам	11	9 470	15 739	-6 269	13 260	17 696	-4 436
Прочие города и горпоселения	12	979	1 535	-556	862	1 129	-267
Всего по городам и горпоселениям	23	10 449	17 274	-6 825	14 122	18 825	-4 703
Райцентры сельского типа	65	5 046	3 035	2 011	5 852	4 713	1 139
Всего по краю	88	15 495	20 309	-4 814	19 974	23 538	-3 567

Источник: Сводные отчеты по механическому движению населения за 1941 г. // ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 1. Д. 14. Л. 21, 23.

В апреле 1942 г. 36 тыс. жителей блокадного Ленинграда прибывают на Кубань, в том числе свыше 10 тыс. детей¹⁸. В Орджоникидзевский край намечается к расселению 23 тыс. человек, в том числе более 8 тыс. детей, половина из которых потеряла родителей¹⁹. В Карачаевскую и Черкесскую автономные области прибыло более 900 детей из оккупированных районов Ленинграда, Крыма, Белоруссии, Украины²⁰.

Число детей из оккупированных районов, блокадного Ленинграда хотя и было достаточно большим, но существенного влияния на изменение демографического состава населения региона не оказало.

Нестабильная обстановка на фронте в 1941 г. и продолжавшееся организованное переселение на восток технических специалистов и учащихся ряда учебных заведений приводили к панике и стихийной миграции в «глубокий тыл» части эвакуированных. Так, в докладной записке секретаря Крыловского обкома говорится, что из числа находившихся в районе 6 тыс. человек эвакуированных к 21 октября «осталось примерно сотни две-три» и «их выезд влияет на часть и коренного населения»²¹. Изменившаяся к концу 1941 г. ситуация на фронте, провал немецкого наступления под Москвой привели к возвращению части эвакуированных на Кубань и Ставрополье. Издаются распоряжения СНК РСФСР о приостановлении эвакуации населения в Казахскую ССР из Краснодарского и Ставропольского краев²².

Из расселенных в Краснодарском крае осенью 1941 г. 226 тыс. человек, эвакуированных из прифронтовой полосы, в январе 1942 г. осталось 51 353 человека. Из этого числа 58% составляли взрослые, 42% дети: 20,2% — школьного возраста и 21,8% — дошкольного²³.

Большая часть эвакуированных — 74,2% осела в сельской местности, а 25,8% в городах. Было обеспечено работой 62,2% взрослого населения, а 37,8% в большинстве своем были иждивенцами²⁴.

Кроме того, в Краснодарском крае были размещены 24 эвакуированных детских дома (3155 чел.), 12 домов малютки (953 чел.), Одесский университет с преподавательским составом и студентами (435 чел.) и Крымский медицинский институт (503 чел.)²⁵.

На территории Орджоникидзевского края на 1 января 1942 г. насчитывалось 116 956 человек эвакуированных, территориальное распределение которых было схожим с Краснодарским краем: 25,1% в городах, 74,9% — в сельской местности²⁶.

Имеющиеся статистические и архивные данные позволяют нам сделать вывод о том, что миграция, как мобилизация, так и эвакуация, привела к существенному изменению демографической структуры населения Северо-Западного Кавказа, так как в мобилизационном потоке, направлявшемся на Запад, были мужчины репродуктивного возраста, а в потоке эвакуированных в регион, в свою очередь, преобладали женщины и дети, в результате возникла значительная половая и возрастная диспропорция.

Вместе с заметными успехами по эвакуации предприятий и населения следует отметить, что поставленные задачи на Северо-Западном Кавказе были выполнены не в полном объеме. Стремительное наступление немецких войск летом 1942 г. требовало быстрого реагирования и определенного мужества в принятии самостоятельных решений об эвакуации, не дожидаясь распоряжений из центра, к которым были не готовы многие партийные и административные работники.

С августа 1942 г. на территории Северо-Западного Кавказа развернулись ожесточенные бои, советские войска, неся большие потери, вынуждены отступить, большая часть территории региона попадает в зону немецкой оккупации, продлившейся до 1943 г.

Северный Кавказ рассматривался германским командованием как важный в стратегическом плане регион по нескольким причинам. *Во-первых*, Германия рассчитывала привлечь на свою сторону часть местного населения, предполагая антисоветские настроения в регионе как последствия коллективизации, раскулачивания, голода, депортаций. *Во-вторых*, регион представлял интерес с экономической точки зрения как один из основных сельскохозяйственных и ресурсных центров СССР, потенциал которого немцы планировали использовать в своих целях. Наконец, регион рассматривался как один из центров вербовки местного населения для работы в Германии, испытывавшей дефицит трудовых ресурсов в связи с военной мобилизацией.

В ходе войны немцам пришлось существенно корректировать свои планы, и с 1942 г. приоритетным становится именно масштабный миграционный проект — переселение трудоспособного населения из оккупированных территорий на работу в Германию, так называемые «Программы Заукеля» (Ф. Заукель — Генеральный уполномоченный по трудоустройству Третьего рейха), с целью обеспечения рабочей силой предприятий и сельского хозяйства в связи с призывом значительного числа немцев в армию²⁷. Это должно было избавить от необходимости трудового призыва немецких женщин и решения проблем, возникающих с рядом иностранных рабочих, занятых на немецком производстве.

Критики этого проекта в самой Германии отмечали, что для управления такими массами трудовых мигрантов потребуется большой вспомогательный аппарат из полиции и административных работников. Но по мере втягивания в войну на Восточном фронте этот проект приобретал все больше сторонников²⁸.

На оккупированных территориях СССР первоначально применялись методы добровольной вербовки, затем преобладающее значение получил принудительный вывоз советских граждан на работы в Германию и страны-союзницы. Так возникла специфическая категория принудительных трудовых мигрантов с территории СССР — «остарбайтеры».

Важную роль в агитации населения для выезда на работу в Германию играла пресса, издаваемая на оккупированной территории. «В Германии, образцовой стране труда, — писала газета «Кубань», печатный орган кубанского бургомистра, — вместе с миллионами трудящихся немцев, прокладывают путь к новой лучшей жизни рабочие и работницы из всех стран Европы. Ты живешь в стране, где фабрики и заводы бессмысленно разрушены большевиками, а население пребывает в страшной нищете. Германское правительство, которое всегда стремилось оказать помощь угнетенным и обездоленным народам, разрешило так же русским мужчинам и женщинам в возрасте от 17 до 40 лет уезжать на работу в Германию. ...поехав на работу в Германию, ты сможешь изучить прекрасную страну немцев, познакомиться с просторными предприятиями, чистыми мастерскими... »²⁹.

«...оставшиеся нетрудоспособные члены семьи получают пособия от общинного управления под надзором германских учреждений. Отход первого транспорта последует в ближайшем времени, о чем будет своевременно объявлено. Будь готов к поездке... Регистрируйтесь немедленно на бирже труда для поездки на работу в Германию и присоединяйтесь к великому фронту трудящихся, создающих новое будущее»³⁰. Тексты похожего содержания публиковались и в других оккупационных изданиях.

Однако желающих добровольно ехать в Германию оказалось немного. Тогда в качестве агитационного приема газета помещает «прелестные письма» тех, кто якобы уже устроился на работу в Германии и доволен своей жизнью там: «...по воскресеньям я хожу в цирк или в кино в Франкфурте-на-Майне. Я получаю тот же паек, что и германские рабочие, так как мы приехали сюда работать добровольно, чтобы помочь скорее кончить войну»³¹, «...я работаю по десять часов, однако я нахожу работу легкой и приятной. Вера, я так рада, что приехала в прекрасную, счастливую Германию... мы получаем такое же хорошее содержание, как и немецкие рабочие. Вера, если у Вас еще идет вербовка в Германию, приезжай и ты сюда, тогда ты, по крайней мере, испытаешь, как живут в Германии...»³².

И стиль писем, и идеализация жизни в Германии — все заставляет усомниться в их подлинности. Но даже если допустить, что написаны они самими «остарбайтерами», цель этих писем скорее в том, чтобы дать родным знать о себе, сообщить, что они живы.

Одна из современниц вспоминала, когда дочь отправляли на работы в Германию, они условились, зная, что правду писать не разрешат, чтобы дочь, если ей будет там плохо, нарисовала на конверте цветочек. «Пришло письмо такое радостное, все здесь хорошо и еда, и жилье и другое, а на конверте целых восемь цветочков нарисовано...»³³.

В декабре 1942 г. были отправлены первые эшелоны добровольцев в Германию: 1100 человек из Краснодарского края³⁴ и 1500 человек из Орджоникидзевского³⁵. Однако добровольчество оказывается не эффективным, и начинается переход к принудительному вывозу населения.

Как отмечает П.М. Полян, «серединой апреля 1942 г. можно подвести черту под тем, что и по сей день достаточно неопределенно и бездоказательно именуется “добровольной вербовкой”. Те, кто уехал в Германию раньше этого срока, может быть, и сделали это более или менее добровольно: их грубо обманывали, но во всяком случае, их не шантажировали и им не угрожали. Те же, кто попал в Германию позже, включая и вероятных добровольцев, вербовались принудительно, их личным мнением и волей уже перестали интересоваться»³⁶.

Переселение остарбайтеров — миграционный проект немцев, который должен был внести существенные изменения в структуру народонаселения Кубани и Ставрополя. Но ввиду того, что оккупация региона продлилась недолго, а население добровольно не хотело мигрировать, существенного влияния это на демографическую ситуацию в регионе не оказало. Относительно точный подсчет населения Кубани и Ставрополя, как добровольно выехавших, так и угнанных на работу в Германию, стал возможен только после окончания войны.

В 1943 г. начинается освобождение Северо-Западного Кавказа советскими войсками. Часть населения, пошедшая на сотрудничество с оккупантами и опасавшаяся за свою жизнь, мигрирует вместе с отступающими немецкими войсками. По сведениям А.К. Ленизова (казака, воевавшего во Второй мировой войне на стороне Германии), в январе—марте 1943 г. на Таманском полуострове, последней опорной точке немецких войск на территории Северо-Западного Кавказа, сосредоточилось около 120 тыс. человек — беженцев из южной части Кубани, Ставрополя и Терека, участников различных формирований вермахта и части их семей, из них 80 тыс. казаков³⁷.

После освобождения территории Северо-Западного Кавказа начинается процесс реэвакуации — возвращение на прежние места жительства беженцев и эвакуированных граждан, а также призыв на военную службу населения, временно находившегося в зоне оккупации.

В течение 1943 г. с территории Краснодарского края было призвано 188 509 человек, в том числе 26 874 человек бывших военнообязанных, находившихся в плену или окружении³⁸.

С территории Ставропольского края (старое название возвращено Орджоникидзевскому краю после освобождения) во втором полугодии 1943 г. было призвано и направлено в войсковые части 15 010 человек, мобилизовано на работу в предприятиях оборонной промышленности 4742 человек. Всего 19 752 человек³⁹.

За период с июня 1943 по апрель 1944 г. было мобилизовано рабочей силы — 76 189 человек, половина из которых направлена в военную промышленность за пределы края, а вторая половина на работы, в том числе и в сельскохозяйственные, внутри края⁴⁰.

Был произведен подсчет эвакуированного населения. На 1 сентября 1943 г. в Краснодарском крае находилось 62 196 человек, из них 29,5% составляли

мужчины, 70,5% — женщины. Довольно высокой в общей численности эвакуированных была доля детей до 16 лет — 42,9%⁴¹.

Наибольшее количество эвакуированных были из Ленинграда — 7697 человек, в том числе 4167 детей, размещенных в детских домах, Украинской ССР — 13 207 человек, Белорусской ССР — 878, Крымской АССР — 6398, областей: Ленинградской — 2996, Ростовской — 5134, Сталинградской — 1420 человек⁴².

Часть эвакуированных возвращается в Краснодарский край, на 1 октября 1943 г. их численность уже составила 65 190 человек⁴³.

В этих условиях принимаются решения о возвращении эвакуированных в места прежнего проживания, что решало стратегические задачи восполнения человеческих ресурсов в западных районах страны. В соответствии с этими задачами эвакуированных, переселяющихся на Кубань и Ставрополье в конце войны и послевоенный период, было рекомендовано направлять по месту прежнего жительства. Но многочисленные государственные стройки восстановления народного хозяйства на Северо-Западном Кавказе также нуждались в рабочих руках, а руководители имели для привлечения трудовых ресурсов определенные полномочия. Так что возможность остаться в регионе, и вполне законным путем, для эвакуированных была.

Снятие блокады Ленинграда в 1944 г. и восстановление промышленной базы города также требовало привлечения рабочих рук, и СНК СССР принимает решение о срочной реэвакуации ленинградцев. По решениям Ставропольского крайисполкома от 20 ноября 1944 г. № 01117 на промышленные предприятия Ленинграда направляется 350 ленинградцев, от 2 декабря 1944 г. № 01139 мобилизовано еще 300 человек рабочих для работы на заводе № 7 НКВД⁴⁴. Принимаются решения о реэвакуации ленинградцев из Краснодарского края⁴⁵.

В течение 1943–1945 гг. большая часть эвакуированных советских граждан вернулась в родные места или оказалась мобилизована на трудовые работы в промышленные регионы СССР.

В то же время процесс реэвакуации был сопряжен с определенными сложностями. Постановлением Военного совета Северо-Кавказского фронта от 31 марта 1943 г. Краснодар объявлялся режимным городом первой категории. До особого распоряжения (оно было принято 15 ноября) были запрещены въезд граждан в пределы Краснодарского края и возвращение эвакуированных без разрешения Краснодарского крайисполкома. Всем гражданам, прибывшим в край в период оккупации, предписывалось в течение 5 дней выехать к месту своего прежнего жительства. Решением крайисполкома от 13 мая 1943 г. устанавливалось, что разрешение на въезд и проживание в городах Краснодаре, Сочи, Туапсе выдавалось горисполкомом указанных городов⁴⁶. Все это объясняет незначительные масштабы реэмиграции в край в первое время после освобождения (табл. 2).

Таблица 2

Динамика миграционных перемещений в г. Краснодаре за 1-е полугодие 1944 г.

Место, откуда прибыли/ куда выехали	Прибыло	Выбыло	Механический прирост
РСФСР	10 535	5 667	4 868
В том числе: Краснодарский край	4 387	2 221	2 166
Украинская ССР	264	1 372	-1 108
Белорусская ССР	—	11	-11
Азербайджанская ССР	185	17	168
Грузинская ССР	431	84	347
Армянская ССР	121	68	53
Туркменская ССР	147	34	113
Узбекская ССР	491	18	473
Таджикская ССР	109	—	109
Казахская ССР	918	6	912
Киргизская ССР	330	6	324
Прочие союзные ре- спублики и неуказан- ные территории*	1 561	1 694	-133
Всего по СССР	15 092	8 977	6 115

Примечание:* В число прочих включены Карело-Финская, Молдавская, Литовская, Латвийская, Эстонская ССР.

Источник: ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 1. Д. 15. Л. 3—5.

На примере краевого центра мы имеем возможность отследить основные направления миграций на Кубани в первом полугодии 1944 г. 69,8% всех прибывших в край за отчетный период приходится на РСФСР с учетом внутрикраевой миграции. Из всех прибывших в город 29,1% приходится на жителей края. Из других областей и регионов России наибольшее число мигрантов прибыло из Саратова и Саратовской области — 1027 человек, Чкаловской (Оренбургской) области — 570 человек, Москвы и Московской области — 318 человек, Ростова н/Д и Ростовской области — 410 человек, Свердловска и Свердловской области — 225 человек, Сталинградской области — 280 человек, большая часть — это восточные и северные районы страны, куда в большинстве своем и были эвакуированы жители края. Из других союзных республик большинство мигрантов пришлось на Казахстан, Узбекистан и Киргизию, также принявших большую часть эвакуированных в годы войны. И наоборот, в обмене с Украиной, Крымом, Белоруссией миграционное сальдо имело отрицательные значения, что является свидетельством того, что из края уезжали на освобожденные территории те, кто был эвакуирован сюда в начале войны.

Такая же ситуация наблюдается и в Ставропольском крае. 1944 год характеризуется миграционным оттоком населения, связанным с призывом в армию и реэвакуацией: в край прибыло 37,1 тыс. человек, а убыло 74,2 тыс. человек⁴⁷, 1945 год, наоборот, характеризуется миграционным приростом, в край прибыло 74,3 тыс. человек, убыло — 43,8 тыс. человек⁴⁸.

Дополнительные трудности в регулировании миграции возникли с октября 1946 г., когда в связи с засухой в ряде республик и областей СССР в Краснодарский край прибыло свыше 10 тыс. репатриированных, ранее здесь не проживавших, и обеспечение их жильем представляло большую сложность⁴⁹.

В основном реэвакуация предприятий, организаций и населения на Кубань и Ставрополье была завершена в 1945 г., хотя частично продолжалась и в послевоенные годы. Часть эвакуированного на восток населения осталась на новых местах, но в то же время на Кубань и Ставрополье, в отличие от других регионов, пострадавших в результате оккупации и военных действий, переселение шло более активно, Северо-Западный Кавказ по-прежнему был в представлении жителей страны «благодатным югом».

Интенсивные потоки реэвакуированных, самостоятельно возвращающихся в регион мигрантов пополняли демобилизованные, возвращавшиеся военнопленные и репатрианты.

Начало демобилизации советских воинов связано с принятием 23 июня 1945 г. ВС СССР Закона «О демобилизации старших возрастов личного состава Действующей Армии», который предусматривал демобилизацию тринадцати старших возрастов в течение второй половины 1945 г.⁵⁰ Демобилизация прошла достаточно организованно, и народное хозяйство получило 3,3 млн человек. Затем по плану происходила демобилизация второй и третьей очередей военнослужащих, и к концу 1948 г. 8,5 млн человек вернулись к гражданской жизни⁵¹.

По состоянию на 30 декабря 1945 г. в Краснодарский край прибыло 116 764 человек демобилизованных, из них 9,7% составляли женщины⁵². В Ставропольский край на 28 августа 1945 г. прибыло 11 671 человек демобилизованных военнослужащих, из них 17,3% составляли женщины⁵³. Всего в 1945 г. в Ставропольский край прибыло 50 945 человек, ранее проходивших службу в рядах Красной Армии⁵⁴.

Другую группу мигрантов послевоенного периода составили репатрианты и советские перемещенные лица. Вопрос об общем числе советского гражданского населения, угнанного в Германию и «страны оси», остается и сегодня открытым. Немецкие источники определяют эту цифру в 2,8 млн человек. Однако, по мнению авторов коллективной монографии «Население России в XX веке», ближе к истине данные Чрезвычайной Государственной Комиссии (ЧГК) по установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. По подсчетам ЧГК, оккупанты угнали на чужбину 4258 тыс. советских граждан. В марте 1946 г. Центральное управление по делам репатриации

СССР оценило общее количество советских граждан, оказавшихся за пределами СССР в годы войны, приблизительно в 6,8 млн человек (гражданские лица и военнопленные), из которых к концу войны осталось в живых около 5 млн человек. Однако и эти расчеты приблизительно⁵⁵. Это соотносится с расчетами П.М. Поляна, по которым к весне 1946 г. на Родину вернулись 5 352 963 репатрианта (гражданских и военнопленных)⁵⁶.

С территории Краснодарского края за период оккупации, согласно данным переселенческого отдела крайисполкома от 1 мая 1947 г., было насильственно угнано 130 521 человек, в том числе 81 089 женщин (62,1% от всех угнанных), 38 022 — детей в возрасте до 16 лет (29,1%). Большая часть гражданского населения при отступлении немецких войск с Кубани по директиве Гитлера от 4 сентября 1943 г. была угнана в Крым. Количество людей, добровольно изъявивших желание ехать в Германию, было незначительным. В некоторых районах края число угнанных составляло несколько тысяч человек (табл. 3).

Наибольшее число кубанцев было угнано из приморских районов — Темрюкского, Верхне-Баканского, Анапского, г. Новороссийска, а также Крымского и Варениковского районов. В то же время по возвращении в силу различных обстоятельств далеко не все репатрианты направлялись в родные места.

К 1 сентября 1947 г. численность учтенных репатриантов несколько увеличилась, но эти изменения были незначительными: всего было угнано 133 257 человек, в том числе детей до 16 лет — 37 887 человек⁵⁷.

Несколько меньшими были масштабы угнанных в Германию из Ставропольского края. По данным переселенческого отдела Ставропольского крайисполкома от 1 января 1949 г., насильственно уведено фашистскими захватчиками 2546 человек, из них мужчины составляли 890 человек, женщины — 1656 человек, дети моложе 16 лет — 357 человек⁵⁸.

Постановление СНК СССР № 30-12с от 6 января 1945 г. «Об организации приема и устройства репатрируемых советских граждан» послужило отправным пунктом в организации приема и устройства репатрируемых граждан СССР⁵⁹. В последующие месяцы были созданы органы репатриации, в частности отделы по репатриации, и сеть из 249 приемно-распределительных пунктов⁶⁰. 27 января 1945 г. на заседании Краснодарского крайисполкома было принято решение о необходимости размещения всего репатрируемого населения, возвращающегося в край, в районах прежнего жительства и создании на станции Кавказской г. Кропоткина приемно-распределительного пункта для граждан, угнанных с территории края. Для работы приемно-распределительного пункта, расходов по оказанию помощи и перевозкам репатрированных граждан и помещения на одну тысячу человек были выделены денежные средства в размере 1009 тыс. руб.⁶¹

В приемке репатриантов также участвуют и другие приемно-распределительные пункты региона: в Ставрополе, Батайске и Миллерово.

Таблица 3

Число жителей Краснодарского края, насильственно угнанных в Германию и возвратившихся в край, на 1947 г.

Города и районы края	Насильственно уведено		Возвратилось	
	всего	в том числе детей моложе 16 лет	всего	в том числе детей моложе 16 лет
Абинский	0	0	70	10
Армавир	0	0	178	34
Белоглинский	123	3	91	3
Анапский	1 512	441	1 680	329
Варениковский	8 311	3 057	6 944	2 422
Верхне-Баканский	3 930	1 182	1 826	294
Гулькевичский	198	0	198	14
Ейск	337	20	343	0
Ивановский	294	10	180	8
Красноармейский	190	4	83	0
Кропоткин	0	0	265	37
Крымский	38 011	14 406	19 373	6 965
Краснодар	63	1	1 447	62
Ладожский	130	0	75	0
Ленинградский	0	0	174	0
Марьянский	0	0	200	0
Новороссийск	45 000	10 000	35 851	8 929
Нефтегорский	0	0	110	13
Ново-Минской	0	0	148	0
Рязанский	0	0	221	0
Северский	76	4	119	0
Славянский	1 008	329	326	90
Темрюкский	30 401	8 526	15 994	6 155
Усть-Лабинский	0	0	170	0
Черноерковский	297	4	122	7
Ярославский	0	0	132	0
Кушевский	0	0	120	0
Выселковский	0	0	280	1
Успенский	241	9	211	5
Прочие	354	26	483	19
Адыгейская АО	45	0	44	1
Итого	130 521	38 022	87 458	25 398

Источник: Информация секретаря ВКП(б) начальника переселенческого отдела крайисполкома об изменниках Родины и гражданах, насильственно увезенных немецко-фашистскими захватчиками в Германию (1947 г.) // ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 3. Д. 891. Л. 1–2.

По данным переселенческого отдела крайисполкома, к 1947 г. возвратились на Кубань 87 458 человек, это 67% от всех угнанных с территории края во время оккупации. Среди возвратившихся детей в возрасте до 16 лет — 25 398 человек (29%), трудоспособного возраста (16–54 лет) — 45 212 человек (51,7%), в возрасте старше 55 лет — 16 848 человек (19,3%)⁶². Из вернувшихся 21 тыс. человек были направлены для работы в промышленности и свыше 20 тыс. человек в сельское хозяйство⁶³.

В Ставропольский край возвратилось 1908 человек, это 75% от всех угнанных с территории края в период оккупации, из них 184 человека (9,7%) составляли дети. Среди возвратившихся доля трудоспособных была гораздо выше, чем в Краснодарском крае, — 81,6% (1557 чел.). Из прибывших репатриантов 1132 человека было направлено в промышленность и 776 человек в сельское хозяйство⁶⁴.

Довольно высокий процент невозвращенцев был также связан с морально-психологическими проблемами адаптации репатриантов. Сам термин «репатриант» приобрел в общественном сознании однозначно негативный смысл. Примером может служить высказывание начальника отделения МГБ Краснодарского района: «На территории нашего района проживают неблагонадежные лица (репатрианты, разные проходимцы, воры и жулики)»⁶⁵. Радостные и счастливые лица с плакатов Политпросвета взывали: «Мы ждем тебя из немецкого плена!», «Здравствуй, Родина-мать!», «Освобожденные советские люди! Вы избавлены от гнета фашистской неволи!» На деле же чаще всего все обстояло совсем иначе, радость оборачивалась недоверием, озлобленностью к репатриантам. В этих условиях часть из них хотела начать жизнь с «чистого листа» и предпочла возвращению на места прежнего проживания переезд в другие регионы, где требовались рабочие руки и в соответствии с этим была упрощенная система поселения и трудоустройства.

Вместе с этим потоком с 1945 г. осуществлялась репатриация реэмигрантов из Франции, Румынии, Чехословакии, Греции, Югославии, Болгарии и Польши, принявших советское гражданство. По данным ГАРФ, на июнь 1948 г. в Советский Союз было репатрировано 106 835 человек реэмигрантов. Из 2,7 тыс. реэмигрантов из Франции был расселен 71 человек в Краснодарском⁶⁶ и 16 человек в Ставропольском крае⁶⁷. Из Чехословакии в Краснодарский край прибывает 9 человек⁶⁸.

Из Румынии на Северо-Западный Кавказ переселяются липоване — потомки старообрядцев, в конце XVII — начале XVIII в. выехавшие из России (в репатриационных документах они именовались «гражданами русской национальности, прибывшими из Румынии»⁶⁹), общая численность которых составила 6,1 тыс. человек, из них на Кубань в сентябре 1947 г. переселились 1484 человека (332 семьи)⁷⁰, на Ставрополье к октябрю 1950 г. — 154 человека, переселившиеся сначала из Румынии в Астраханскую область, а затем получившие разрешения на переезд в Ставропольский край для работы на строительстве 2-й очереди Кубань-Егорлыкской оросительной системы⁷¹. В 1949 г.

еще 40 семей липован переселились из Астраханской области в хутор Ново-Покровский Приморско-Ахтарского района Краснодарского края⁷².

В силу своей немногочисленности переселение этой категории репатриантов не могло компенсировать демографические потери и носило, скорее, пропагандистский характер.

Оккупация оказала существенное влияние на демографическое развитие региона, наиболее заметно это проявилось на Кубани, где демографические потери и число насильственно переселенных мигрантов было заметно выше.

По расчетам Л.Л. Рыбаковского, основанным на данных ЧГК, на территориях, которые длительное время находились в оккупации (2–2,5 г.), учтенная доля лиц, истребленных фашистами, составила 4% к довоенной численности населения. Примерно 8,4% населения этих районов было угнано на принудительные работы в Германию. На территориях, которые либо недолго, либо частично были в оккупации, погибло чуть меньше одного процента. Вместе с угнанными на принудительные работы это составляет 1,5%, т.е. почти в 8,3 раза меньше по сравнению с первой группой.

Но внутри этих групп имелись существенные различия в гибели гражданского населения и вывозе на принудительные работы. Во второй группе довольно большой процент потерь был у Краснодарского края — 3,4%⁷³.

Другой формой миграционных перемещений в рамках административного подхода были широко используемые в период войны принудительные миграции. Один из признанных специалистов в области изучения принудительных миграций, П.М. Полян, предлагает выделять среди них репрессивные миграции (депортации⁷⁴), к которым он относит и репрессии по этническому признаку. *Во-первых*, этнический характер носили принудительные миграции, проводимые советской властью в порядке «политической подготовки театра военных действий» и «зачистки границ». Они осуществлялись как тотально, так и частично. *Во-вторых*, тотальные депортации «наказанных народов» осуществлялись в превентивном порядке или как депортации «возмездия». Кроме того, этнический оттенок имели компенсирующие миграции и принудительная оседлость⁷⁵.

Однако данный подход не может быть признан единственно верным. Так, например, Л.П. Белковец считает некорректным называть депортациями внутренние перемещения граждан, даже применительно к истории тоталитарных режимов⁷⁶. Она, как и часть правоведов и специалистов в области изучения миграции, под депортациями понимает принудительное переселение лиц за пределы государства, а перемещение в пределах государства трактует как переселение (добровольное, вынужденное или принудительное).

Вместе с тем в современной исторической научной литературе термин «депортация» является вполне устоявшимся и активно используется в отношении отдельных индивидов и социальных коллективов, как иностранных, так и граждан СССР, подвергнутых насильственному переселению, и, на наш взгляд, его использование наряду с терминами «спецпоселение» и «спецпереселение» вполне приемлемо и обоснованно.

В период войны этнические депортации приобрели масштабный характер.

В 1941–1942 гг. проходит вторая волна депортации греков, начало репрессий против которых было положено сфабрикованным в 1938 г. делом о так называемой Греческой контрреволюционной националистической диверсионно-шпионской и террористической организации, якобы действовавшей на территории Греческого района Краснодарского края. Издаются постановления ГКО: от 12 мая 1941 г. «О выселении иноподданных из Краснодарского края и Ростовской области»⁷⁷ и от 29 мая 1942 г. № 1828сс «О дополнительном выселении из Краснодарского края и Ростовской области греков — иностранных подданных, немцев, румын, крымских татар и лиц, признанных социально опасными»⁷⁸.

По подсчетам А.С. Хунагова, с территории Краснодарского края и Ростовской области было переселено 1402 грека, в том числе детей в возрасте до 16 лет — 562 человека⁷⁹.

С началом Великой Отечественной войны связано и принудительное переселение немецкого населения СССР. 28 августа 1941 г. был издан Указ Президиума ВС СССР № 21-160 «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья»⁸⁰, положивший начало принудительным переселениям граждан немецкой национальности. Вслед за ним издаются постановления о переселении немцев, проживающих в других административных единицах европейской части СССР.

21 сентября 1941 г. принимается Постановление ГКО № 698сс в отношении немцев Краснодарского, Орджоникидзевского краев, Тульской области, Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской АССР. Выселению в срок с 20 сентября по 10 октября из Краснодарского края подлежали 34 287 человек, из Орджоникидзевского края — 95 689 человек⁸¹.

Спецпереселенцы направлялись в Казахскую ССР: из Краснодарского края в Карагандинскую, Джамбульскую, Павлодарскую, Восточно-Казахстанскую области, из Орджоникидзевского края в Акмолинскую, Карагандинскую, Кустанайскую, Павлодарскую, Семипалатинскую, Северо-Казахстанскую, Южно-Казахстанскую области⁸². С собой они могли взять личное имущество и продовольствие весом не более 200 кг на члена семьи⁸³.

Большинство переселенцев размещалось в казахских аулах, за исключением небольшой части немцев — жителей гор. Краснодара, расселяемых в русских и украинских колхозах⁸⁴.

Переселялось все немецкое население региона. По данным переписи СССР 1939 г., немецкое население составляло: в Краснодарском крае (включая Адыгейскую АО) — 34 287 человек⁸⁵, в Орджоникидзевском крае (включая Карачаевскую и Черкесскую АО) — 45 689 человек⁸⁶.

Разница в численности немецкого населения, выселяемого из Орджоникидзевского края, с данными переписи объясняется притоком эвакуированных немцев. Согласно справке НКВД от 2 сентября 1941 г. за подписью наркома Крымской АССР Каранадзе, в Орджоникидзевский край из Крыма прибыли 50 000 человек немцев⁸⁷.

Во время проведения мероприятий по спецпереселению немцев рассылались памятки, в которых говорилось, что «в случае перехода на нелегальное положение отдельных членов семейств ответственность за них будет нести глава семьи в уголовном порядке», вместе с тем «если в семье муж не является немцем, а жена немка, то семья не переселяется»⁸⁸.

Согласно справке НКВД СССР, на 1 октября 1941 г. были переселены из Краснодарского края — 38 136 человек, готовились к переселению — 2500 человек, из Орджоникидзевского края вывезено 74 570 человек⁸⁹. Также к эшелонам немцев-спецпереселенцев из Краснодарского и Орджоникидзевского краев были присоединены и немцы, выселяемые из Калмыкии, — 5965 человек⁹⁰.

Имущества переселенных колхозников немецкой национальности из 53 колхозов, согласно распоряжению СНК № 1111-рс от 23 января 1942 г., было решено передать для использования колхозам и совхозам и провести внутрирайонное переселение⁹¹.

В общей численности за годы Великой Отечественной войны на спецпоселение поступило 949 829 советских немцев, в том числе 149 206 из Краснодарского и Ставропольского краев⁹².

В местах высылки немцев организовывали в так называемые рабочие колонны или «трудовые армии» — формирования временно мобилизованных спецпоселенцев для выполнения трудовой повинности. Эти формирования создавались по военному образцу и подчинялись системе НКВД. Работа трудармейцев в основном проходила в отрыве от семьи в сложных климатических условиях на лесозаготовках, добыче полезных ископаемых и других работах, предполагающих тяжелый физический труд. Существенно ухудшились и бытовые условия содержания немецких семей⁹³. Немцы, эвакуированные из Крыма, не имели справок о сданном перед выселением хлебе, чтобы получить его в месте вселения, что обрекало их на полуголодное существование⁹⁴.

К началу 1942 г. трудармия насчитывала уже 20,8 тыс. немцев. Специальные постановления ГКО о мобилизации выселенного немецкого населения в трудовую армию от 10 января, 14 февраля и 7 октября 1942 г. (а также от 26 апреля, 2 и 19 августа 1943 г.) придали этому совершенно новое измерение и означали практически сплошную «мобилизацию» трудоспособных немецких спецпоселенцев в трудармию. При этом если в первых двух случаях речь шла только о мужчинах от 17 до 50 (в первом случае — о депортированных, во втором — о «местных»)⁹⁵, то в третьем — о мужчинах уже от 15 до 55 лет, а также о женщинах от 16 до 45 лет, кроме беременных и имеющих малолетних (до 3-х лет) детей⁹⁶. За неявку по мобилизации, отказ от работы или саботаж карали сурово, вплоть до расстрела. Для многих это означало фактически вторую за короткий промежуток депортацию⁹⁷.

Эти мероприятия оказывали существенное влияние на процесс демографического воспроизводства немецкого населения СССР, изменение его возрастной и половой структуры.

После освобождения территории Северо-Западного Кавказа от немецко-фашистских захватчиков процессы «этнических депортаций» продолжают с новой силой. Теперь объектом выселений становятся народы, незаслуженно обвиненные в «пособничестве оккупантам» и «недостаточной стойкости в обороне Кавказа». Первыми из северокавказских народов были депортированы с территории своего традиционного проживания карачаевцы.

Выселение карачаевцев проводилось на основании Указа Президиума ВС СССР № 115/136 от 12 октября 1943 г. «О ликвидации Карачаевской автономной области и об административном устройстве ее территории», в вину карачаевцам вменялось пособничество немецко-фашистским оккупантам. Президиум ВС СССР постановил: «всех карачаевцев, проживающих на территории области, переселить в другие районы СССР, а Карачаевскую автономную область ликвидировать...»⁹⁸.

В сентябре 1943 г. на имя Л.П. Берии был представлен план организации выселения карачаевцев, согласно которому они направлялись в количестве 16 тыс. семей для расселения в областях Казахской ССР: Южно-Казахстанской — 6 тыс. семейств, Джамбульской — 5 тыс. семейств и Фрунзенской области Киргизской ССР — 5 тыс. семейств⁹⁹.

Переселенцам разрешалось взять с собой принадлежащее им имущество: одежду, мелкий сельскохозяйственный и бытовой инвентарь, зерно и продовольствие всего весом до 500 кг на семью¹⁰⁰.

Каждому из спецпереселенцев полагалось в пути питание не более 5 руб. в сутки, 100 г мяса, рыбы, 80 г крупы, 10 г жиров, 100 г хлеба¹⁰¹.

В первую группу депортировавшихся карачаевцев предписывалось включить 62 842 человека, из них 37 249 человек взрослого населения. Однако после были проведены некоторые уточнения. Вместо предполагавшихся к переселению в Киргизскую ССР 22 900 карачаевцев туда направлялись 26 432 человека, остальные — в Казахскую ССР.

Как отмечалось в докладной записке на имя С.Н. Круглова (1-й замнаркома ВД СССР), 23 ноября 1943 г. было закончено расселение спецпереселенцев-карачаевцев в Джамбульской и Южно-Казахстанской областях Казахской ССР и Фрунзенской области Киргизской ССР, «было расселено 15 987 семейств — 68 614 человек, в том числе мужчин — 12 500 человек, женщин — 19 444 человека и детей — 36 670 человек¹⁰². Это было практически все население автономной области, так как, согласно данным Всесоюзной переписи населения 1939 г., в Ставропольском крае проживало 73 656 карачаевцев, в том числе в Карачаевской автономной области — 70 301 человек¹⁰³.

Согласно приказу ГКО № 0741 от 3 марта 1944 г., переселению в восточные регионы страны подлежали карачаевцы, служившие в Красной Армии и проживающие в других районах страны¹⁰⁴.

В ходе переселения карачаевцам также пришлось испытать проблему разрозненных семей. «Во всех районах расселения Казахской и Киргизской ССР, — читаем в докладной записке заместителя наркома внутренних дел

СССР В.В. Чернышева, направляемой в декабре 1943 г. на имя наркома Л. Берии, — поступают в распоряжение и комендатуры НКВД много заявок в отношении розыска членов семей и соединения с ними. Только в Джамбульской области таких заявлений поступило свыше 2000...»¹⁰⁵. Всего по Казахской ССР имелось 5143 разрозненные карачаевские семьи¹⁰⁶.

Сложные климатические условия, в которые попали переселенцы, нерешенность проблем с жильем, медицинским обслуживанием, питанием¹⁰⁷, разрозненность семей существенным образом сказались на воспроизводстве депортированных народов.

У основных контингентов спецпоселенцев — немцев, калмыков, северокавказцев и выселенных в 1944 г. из Крыма и Грузии — с момента первоначального вселения и до 1 января 1951 г. родилось 182 тыс. человек и умерло свыше 328 тыс. человек, причем наиболее высокой смертность была в первые годы после переселения (так в октябре 1948 г. родилось 66 051 и умерло 269 080 человек, а в период 1949—1950 гг. — соответственно 107 775 и 50 483 человека)¹⁰⁸.

В связи с переселением карачаевцев меняется и административно-территориальное деление на Северо-Западном Кавказе. Так, согласно Постановлению СНК № 1221-368-сс от 6 ноября 1943 г., территории бывшей Карачаевской области включались в: Преградненский район в состав Краснодарского края (в документе оговаривалось, какие именно территории) и остальная часть района со станицей Преградской в состав Зеленчукского района Ставропольского края; Учкуланский и Микояновский районы (вместе с городом Микоян-Шахаром) в состав Грузинской ССР; часть Микояновского района включалась в состав Усть-Джегутинского района Ставропольского края; Мало-Карачаевский район переименован в Кисловодский район Ставропольского края¹⁰⁹.

15 ноября 1943 г. состоялось заседание бюро Ставропольского краевого комитета ВКП(б), в работе которого участвовал М.А. Суслов и где рассматривался вопрос «О порядке заселения бывшей Карачаевской автономной области»¹¹⁰. Для организации хозяйственной деятельности на территориях выселения было решено привлечь силы соседних регионов. Так, из Ставропольского края вместо ранее существовавших 45 колхозов организовать 17 новых колхозов путем выселения колхозов из степных районов края в количестве 3280 хозяйств, на базе трех колхозов селения Нижняя Теберда Микояновского района организовать новый колхоз путем вселения 200 хозяйств из горных районов Грузии (сваны, рачинцы, лечхумцы)¹¹¹. Эти переселения, по сути, тоже являлись принудительными миграциями, но целью своей имели компенсировать выбывшее население.

Еще до начала организованных компенсационных переселений в рамках выполнения постановлений СНК СССР от 14 октября и 6 ноября 1943 г. «О приемке имущества и порядке заселения районов бывшей Карачаевской автономной области Ставропольского края» в покинутые колхозы было доставлено из районов Ставрополья 5 тыс. человек для уборки кукурузы, картофеля и ухода за скотом¹¹².

27 июня 1949 г. Президиум ВС РСФСР на основании ходатайства Ставропольского крайисполкома обратился в ЦК ВКП(б) о переименовании 11 сельсоветов и 40 населенных пунктов Ставропольского края, носящих немецкие и карачаевские названия¹¹³. 9 августа 1949 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило это решение¹¹⁴.

Часть выселенных пытается самостоятельно выехать из мест поселения, в том числе вернуться на Северный Кавказ. На 1 июня 1944 г. из мест ссылки бежало 77 карачаевцев, 19 человек было задержано¹¹⁵.

Принимаются меры по предотвращению побегов. В Постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) «О выселенцах» от 24 ноября 1948 г. говорится, что «...за самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения этих выселенцев виноватых привлекать к уголовной ответственности, определив меру наказания за это преступление в 20 лет каторжных работ». Лица, прямо или косвенно способствующие побегу выселенцев, привлекались к уголовной ответственности «...лишением свободы на 5 лет»¹¹⁶.

Вместе с тем ходатайство Управления спецпоселений «если заявитель остался на службе в Красной Армии, при отсутствии компрометирующих материалов на его родственников спецпоселенцев (жену, детей, родителей, несовершеннолетних братьев и сестер) освобождать последних из спецпоселения без права возвращаться на Северный Кавказ, Крым и территорию бывшей Калмыцкой АССР» было поддержано Л.П. Берией, с оговоркой «не применять широкой практики, исключительно в индивидуальном подходе»¹¹⁷.

27 декабря 1943 г. был подписан Указ Президиума ВС СССР «О ликвидации Калмыцкой АССР и об образовании Астраханской области в составе РСФСР», и более 94 тыс. калмыков были депортированы в восточные районы страны¹¹⁸, в том числе и калмыки, проживающие в Ставропольском крае, — 382 семьи (1014 чел.), операция по выселению которых проходила в январе—феврале 1944 г.¹¹⁹

В мае 1944 г. на основании Постановления ГКО на территории Краснодарского края и Ростовской области были проведены мероприятия по выселению крымских татар и греков. Контингент греков на этот раз был пополнен теми, кто с давних времен проживал на территории России. К ним были отнесены 8300 граждан греческой национальности Ростовской области, а также греки Черноморского побережья Краснодарского края и автономных областей Грузии (Аджария, Абхазия)¹²⁰.

17 мая 1949 г. ЦК ВКП(б) принял очередное решение о выселении греков (греческих подданных, бывших греческих подданных, не имеющих в настоящее время гражданства, и бывших греческих подданных, принятых в советское гражданство). Это мотивировалось целями «очистки» Черноморского побережья РСФСР и Украины, Грузии и Азербайджана от «политически неблагонадежных элементов»¹²¹. С Черноморского побережья, в том числе и с территории Краснодарского края, было выселено 57 680 человек¹²².

Кроме того, продолжается принудительное переселение на территории, опустевшие в результате депортации населения. Одним из таких направлений стал Крым, куда в соответствии с Постановлением ГКО от 12 августа 1944 г. осуществлялись плановые переселения колхозников из Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской, Воронежской, Тамбовской, Курской, Орловской и Брянской областей с 1944 г.¹²³, а также Северный Кавказ.

Ставропольский край оказался более сильно вовлечен в процессы заселения территорий депортированных северокавказских народов, чему были, по всей видимости, несколько причин: 1) в состав края были включены часть территорий ликвидированных Чечено-Ингушской АССР, Карачаевской АО и Калмыцкой АО, 2) географическое положение Ставропольского края, который непосредственно граничил с ликвидированными национально-территориальными образованиями, и государство тратило меньше средств, организуя переселения.

Начало переселению в Грозненскую область, образованную на месте ликвидированной Чечено-Ингушской АССР (до 22 марта 1944 г. Грозненский округ в составе Ставропольского края), положило Постановление № 235-74сс от 9 марта 1944 г. «О заселении и освоении районов бывшей Чечено-Ингушской АССР» и соответствующее Решение исполкома Ставропольского краевого Совета депутатов трудящихся № 224 от 12 марта 1944 г. «О мероприятиях по заселению Грозненского округа Ставропольского края», согласно которому до 15 апреля 1944 г. планировалось к переселению из Ставропольского края 8 тыс. хозяйств «из числа проверенного контингента населения, с условием обязательного наличия в семье трудоспособных членов», большее число переселенцев должен был дать Кизлярский округ — 1600 человек¹²⁴.

Часть переселенцев прибыла самостоятельно, в документах говорится о 2000 семей в 1946 г., «прибывших по собственному желанию из центральных областей СССР, Украины и Ставропольского края, чтобы пережить неурожайный год»¹²⁵.

Вместе с тем компенсационные миграции практически не затронули высокогорных районов бывших Карачаевской автономной области и Чечено-Ингушской АССР, переселенцы расселялись преимущественно в равнинной и предгорной частях¹²⁶.

Окончание войны, вопреки ожиданиям многих, не привело к окончанию репрессий, хотя причины, выдвигавшиеся для обоснования депортаций, потеряли свою актуальность.

Принудительные миграции военного и послевоенного периодов существенным образом повлияли на этнодемографическую структуру и территориальное расселение народов Северо-Западного Кавказа, а также на экономическое развитие тех и иных районов компактного расселения выселенных, некоторые из которых, вплоть до их реабилитации, оставались заброшенными.

Вынужденный характер переселений, снижение рождаемости, отложенные рождения детей, повышение уровня смертности, особенно детской, сложные климатические условия проживания, использование переселенцев

в основном на тяжелых физических работах, где зачастую вместе с мужчинами были задействованы и женщины, оказали существенное влияние на демографическую структуру и развитие репрессированных народов.

Как отмечает специалист в области математической демографии Д.М. Эдиев: «Расчеты с привлечением метода демографического потенциала указывают на то, что даже после того, как скажутся всевозможные компенсаторные процессы и динамика численности населения депортированных уже никак не будет отражать последствия потерь 40–50-х, численность депортированных народов все еще не будет “добирать” около 30% от той численности, которая могла бы иметь место в отсутствие депортации»¹²⁷.

К концу войны меняется отношение к выселенным полякам, планируется их переселение из районов Севера в более приемлемые в климатическом отношении южные районы РСФСР и Украину, что было связано с трудностями адаптации поляков и возросшей вследствие этого смертностью.

В политическом смысле это было обусловлено, с одной стороны, выполнением договоренностей Правительства СССР с Польским эмигрантским правительством от 30 июля 1941 г. об амнистии польских граждан и разрешении переселения поляков в Польшу после ее освобождения от немцев, а с другой — желанием руководства СССР оказать влияние на формирование просоветских настроений у планируемого к переселению польского населения.

28 апреля 1944 г. заместитель наркома внутренних дел СССР В.В. Чернышев докладывал Л.П. Берии о планируемом переселении из северных в южные районы страны 23 248 человек, из них инвалидов — 272 человека, детей из детских домов — 639 человек¹²⁸. Согласно плану из общего числа переселенцев, направлялось в Ставропольский край — 630 семей (1540 чел.)¹²⁹, Краснодарский край — 1490 семей (4120 чел.)¹³⁰. Однако цифры постоянно корректировались и уточнялись.

Первые партии поляков в Краснодарский край были отправлены 23 мая 1944 г., из Коми АССР — 2836 человек¹³¹, 25 июля 1944 г. из Новосибирской области — 1476 человек, в том числе 161 ребенок в детдом, в Ставропольский край из Кировской области — 1569 человек и 1401 из Новосибирской¹³².

В сентябре 1944 г. программа переселения поляков в южные регионы СССР была завершена. За этот период в Краснодарский край переехало 3517 человек, в Ставропольский край — 1953 человека¹³³.

После изгнания интервентов появляется новая категория выселяемых — пособник немецко-фашистских захватчиков. Согласно Приказу НКВД СССР от 24 августа 1944 г. планировалось выселить из курортных городов Кавминвод (Пятигорск, Кисловодск, Железноводск, Ессентуки, Минводы) в Новосибирскую область членов семей активных немецких пособников, предателей и изменников Родине, осужденных и добровольно ушедших с немецко-фашистскими оккупантами, в количестве 378 семей общей численностью 850 человек¹³⁴.

Буквально через четыре месяца появляется докладная записка НКВД об увеличении численности выселяемых: «НКВД СССР считает целесообразным

выселить из Ставрополя, Кисловодска, Пятигорска, Минеральных Вод, Ессентуков, Черкесской АО и Зеленчукского, Усть-Джегутинского и Кисловодского сельского районов членов семей бандитов, активных немецких пособников, предателей, изменников Родине и добровольно ушедших с немцами и переселить их на постоянное место жительства в Таджикскую ССР в качестве спецпереселенцев для трудового использования в совхозах республики. Переселению подлежат 735 семей — 2238 человек, в том числе из Ставрополя — 210 семей — 523 человека, и городов Кавмингруппы — 206 семей — 549 человек, из Черкесской АО и указанных выше районов — 319 семей — 1166 человек»¹³⁵.

Вместе с тем для части ранее находившихся на спецпоселениях упростили режим. Так, на территории Ставропольского края уже в 1946 г. отменили особый режим в спецпоселениях и разрешили образовывать сельхозартели¹³⁶.

Таким образом, в период Великой Отечественной войны административный подход к управлению миграциями достигает своего пика. Логика войны определяла доминирующую роль государства в управлении всеми процессами жизнедеятельности страны, в том числе и миграционными. На этот период приходится наиболее активное использование мер репрессивного характера в регулировании миграционных потоков. Именно к периоду войны относятся этнические депортации народов, незаслуженно обвиненных в государственной измене.

Массовая мобилизация, значительный в возрастном диапазоне контингент и возникшие вследствие ее диспропорции в половом составе, рост уровня смертности среди мобилизованных и гражданского населения, увеличение детской смертности, эвакуация населения, принудительный вывоз части населения в Германию, депортации народов, сокращение рождаемости, большое число отложенных рождений — все эти факторы существенным образом отразились на численности и демографической структуре населения Северо-Западного Кавказа.

Принудительные миграции военного и послевоенного периодов существенным образом повлияли на этнодемографическую структуру и территориальное расселение народов в регионе, а также на экономическое развитие районов компактного проживания выселенных, некоторые из которых, вплоть до их реабилитации, оставались заброшенными.

Демографические волны, связанные с войной и депортациями, еще достаточно долго отражались на демографическом развитии населения Северо-Западного Кавказа.

Примечания

¹ Арутюнян Ю.В., Дробижнева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М., 1998. С. 88.

² Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее:

ЦДНИКК). Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 486. Л. 1–2, 5.

³ Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее: ГАНИСК). Ф. 1. Оп. 2. Д. 74. Л. 51.

⁴ Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: рассекреченные

документы. Хроника событий: В 3 кн. / Упр. по делам архивов Краснодарского края; Управление ФСБ России по Краснодарскому краю; ЦДНИКК; ГАКК; сост. А.М. Беляев, И.Ю. Бондарь. Кн. 1: Хроника событий 1941–1942 гг. Краснодар, 2000. С. 25.

⁵ Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная война в документах и исследованиях / Науч. ред. проф. Т.А. Булыгина; сост.: В.В. Белоконь, Т.Н. Колпикова, Я.Г. Кольцова, В.Л. Мазница. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. № 2. С. 23.

⁶ Куманев Г.А. Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы // Новая и новейшая история. 2006. № 6 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWSHIST/EVACO.NTM>

⁷ Край назывался Орджоникидзевским в период с 1937 по 1943 г.

⁸ Рассчитано по: ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 271. Л. 7.

⁹ Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная война в документах и исследованиях / Науч. ред. проф. Т.А. Булыгина; Сост.: В.В. Белоконь, Т.Н. Колпикова, Я.Г. Кольцова, В.Л. Мазница. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. № 12. С. 41.

¹⁰ Куманев Г.А. Указ. соч.

¹¹ ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 57. Л. 104.

¹² Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 1852. Оп. 12. Д. 25. Л. 62.

¹³ Кубань в годы Великой Отечественной войны... С. 31.

¹⁴ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 58. Л. 17.

¹⁵ Население России в XX веке: Исторические очерки: В 3 т. / Т. 2: 1940–1959. М., 2001. С. 74.

¹⁶ ГАСК. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 2. Л. 17об.

¹⁷ ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 25. Л. 36.

¹⁸ Краснодарскому краю — 65 лет. Страницы истории в документах архив-

ного фонда Кубани: историко-документальный альбом / Упр. по делам архивов Краснодарского края, ЦДНИКК; сост. А.А. Алексеева, А.М. Беляева, И.Ю. Бондарь. Краснодар: Управление по делам архивов, 2002. С. 24.

¹⁹ ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 251. Л. 29.

²⁰ Темиров У.Е. Трудовой вклад населения Карачаево-Черкессии в дело победы над фашистской Германией в годы Великой Отечественной войны // Карачаево-Черкесия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Материалы областной научно-теоретической конференции 1977 года. Черкесск: Ставропольское книжное издательство, 1982. С. 58.

²¹ Кубань в годы Великой Отечественной войны... С. 99.

²² ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 25. Л. 60.

²³ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 373. Л. 69.

²⁴ Рассчитано по: ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 373. Л. 69–70.

²⁵ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 373. Л. 69.

²⁶ Рассчитано по: ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 251. Л. 26–27.

²⁷ Полян П.М. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. М., 2002. С. 162.

²⁸ Там же.

²⁹ Кубань. 1942. 1 дек.

³⁰ Там же.

³¹ Кубань. 1943. 7 янв.

³² Кубань. 1943. 15 янв.

³³ Полевые материалы ЦЭДИ КубГУ. А/к № 14.

³⁴ Кубань. 1943. 5 янв.

³⁵ Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная война в документах и исследованиях / Науч. ред. проф. Т.А. Булыгина; сост.: В.В. Белоконь, Т.Н. Колпикова, Я.Г. Кольцова, В.Л. Мазница. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. № 72. С. 122.

- ³⁶ Полян П.М. Указ. соч. С. 163.
- ³⁷ Ленивов А.К. Под казачьим знаменем // Кубанец: журнал Кубанского казачьего союза. Краснодар, 1991. № 1.
- ³⁸ Кубань в годы Великой Отечественной войны... С. 258–259.
- ³⁹ Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная война в документах и исследованиях / Науч. ред. проф. Т.А. Булыгина; сост.: В.В. Белоконь, Т.Н. Колпикова, Я.Г. Кольцова, В.Л. Мазница. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. № 38. С. 75.
- ⁴⁰ Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная война в документах и исследованиях / Науч. ред. проф. Т.А. Булыгина; сост.: В.В. Белоконь, Т.Н. Колпикова, Я.Г. Кольцова, В.Л. Мазница. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. № 113. С. 192.
- ⁴¹ Рассчитано по: ГАКК. Ф. Р-1539. Оп. 1. Д. 2. Л. 2–4.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же. Л. 7.
- ⁴⁴ ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 64. Л. 56, 53.
- ⁴⁵ ГАКК. Ф. Р-1539. Оп. 1. Д. 7. Л. 56.
- ⁴⁶ Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: рассекреченные документы. Хроника событий: В 3 кн. / Упр. по делам архивов Краснодарского края; Управление ФСБ России по Краснодарскому краю; ЦДНИКК; ГАКК; сост. А.М. Беляев, И.Ю. Бондарь. Краснодар: Советская Кубань, 2003. Кн. 2. Ч. 1.: Хроника событий. 1943 год. С. 208.
- ⁴⁷ ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 66. Л. 7.
- ⁴⁸ ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1792. Л. 10.
- ⁴⁹ ГАКК. Ф. Р-1539. Оп. 1. Д. 8. Л. 8.
- ⁵⁰ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4545.htm
- ⁵¹ Донченко В.Н. Демобилизация Советской армии и решение проблем кадров в первые послевоенные годы // История СССР. 1970. № 3. С. 97–98.
- ⁵² ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 1558. Л. 7.
- ⁵³ ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1313. Л. 39.
- ⁵⁴ ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1792. Л. 8.
- ⁵⁵ Население России в XX веке: Исторические очерки: В 3 т. Т. 2. 1940–1959. М., 2001. С. 145.
- ⁵⁶ Полян П.М. Указ. соч. С. 402.
- ⁵⁷ ГАКК. Ф. Р-1539. Оп. 1. Д. 12. Л. 86.
- ⁵⁸ ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 129. Л. 2.
- ⁵⁹ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/450106.htm>.
- ⁶⁰ Полян П.М. Указ. соч. С. 364.
- ⁶¹ ГАКК. Ф. Р-585. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.
- ⁶² ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 3. Д. 891. Л. 1–2.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 129. Л. 2.
- ⁶⁵ Стругова М.Р. Репатриация граждан в Краснодарский край // Голос минувшего (кубанский исторический журнал). 2000. № 3–4.
- ⁶⁶ ГАКК. Ф. Р-1539. Оп. 1. Д. 12. Л. 51.
- ⁶⁷ ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 129. Л. 114.
- ⁶⁸ ГАКК. Ф. Р-1539. Оп. 1. Д. 12. Л. 81.
- ⁶⁹ Там же. Л. 45.
- ⁷⁰ ГАКК. Ф. Р-1539. Оп. 1. Д. 8. Л. 101.
- ⁷¹ ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 129. Л. 114.
- ⁷² Зудин А.И. Липоване: исторические пути русского старообрядчества // Община старообрядцев-липован Приморско-Ахтарского района: история и культура / Под ред. Н.И. Бондаря. Краснодар, 2006. С. 16.
- ⁷³ Рыбаковский Л.Л. Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне // Прикладная демография (работы 2001–2003 гг.). М., 2003. С. 101.
- ⁷⁴ От лат. *deportation* — изгнание, ссылка, насильственное переселение представителей отдельных национальных групп и целых народов с территории исконного/компактного проживания.
- ⁷⁵ Устоявшейся терминологии в данной области знания нет, и за рабочее нами было взято определение П.М. Поляна — «принудительная миграция — это перемещение значительных масс людей, предпринятое государством по отноше-

- нию к своим или чужим гражданам путем принуждения. Само принуждение может быть прямым или косвенным» (Полян П.М. Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 11).
- ⁷⁶ Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1945 гг. Историко-правовое исследование. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. С. 26–27.
- ⁷⁷ Коцонис А.Н. Депортация греков Кавказа // Бюллетень Центра содействия развитию и правам расовых, этнических и лингвистических меньшинств. Краснодар, 2000. № 2. С. 13.
- ⁷⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 36. Л. 170.
- ⁷⁹ Хунагов А.С. «Выселить без права возвращения...». Депортация народов Юга России. 20–50-е годы (на материале Краснодарского и Ставропольского краев). Майкоп, 1999. С. 68.
- ⁸⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 1, 7.
- ⁸¹ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 86. Л. 2.
- ⁸² Там же. Л. 57.
- ⁸³ Там же. Л. 3.
- ⁸⁴ Там же. Д. 85. Л. 90.
- ⁸⁵ Российский государственный архив экономики (далее: РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 336. Д. 968. Л. 15.
- ⁸⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 970. Л. 7–8.
- ⁸⁷ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 86. Л. 123.
- ⁸⁸ ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 57. Л. 142–150.
- ⁸⁹ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 86. Л. 157.
- ⁹⁰ Там же. Л. 45.
- ⁹¹ ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 25. Л. 4; ГАНИСК. Оп. 2. Д. 57. Л. 159; ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 86. Л. 140–142.
- ⁹² Баев Р.Р., Епифанов А.Е. Переселение и специальное поселение народов Калмыкии, Северного Кавказа и Крыма. 1943–1956 гг. (историко-юридический аспект): Учеб. пособие. Волгоград, 2007. С. 30.
- ⁹³ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 84. Л. 92.
- ⁹⁴ Там же. Д. 85. Л. 182.
- ⁹⁵ Сталинские депортации. 1928–1953 / Под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. М.: МФД: Материк, 2005. С. 377–378.
- ⁹⁶ Там же. С. 379–380.
- ⁹⁷ Полян П.М. Не по своей воле... С. 114.
- ⁹⁸ Карачаевцы. Выселение и возвращение (1943–1957): Материалы и документы. Черкесск: ПУЛ, 1993. С. 80–81.
- ⁹⁹ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 137. Л. 93–94.
- ¹⁰⁰ Там же. Л. 34–39.
- ¹⁰¹ Там же. Л. 150.
- ¹⁰² Там же. Л. 215.
- ¹⁰³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 970. Л. 7–8.
- ¹⁰⁴ Иосиф Сталин — Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии / Вступ. ст., сост., послесл. Н. Бугай. М.: Дружба народов, 1992. С. 9.
- ¹⁰⁵ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 160. Л. 108.
- ¹⁰⁶ Там же. Д. 170. Л. 1.
- ¹⁰⁷ Там же. Д. 160. Л. 124.
- ¹⁰⁸ Население России в XX веке: Исторические очерки: В 3 т. / Т. 2. 1940–1959. М., 2001. С. 182.
- ¹⁰⁹ «По решению Правительства Союза ССР...»: Сборник документов / Сост. Н.Ф. Бугай, А.М. Гонов. Нальчик, 2003. № 11.2. С. 399–401.
- ¹¹⁰ Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах (1920–1960-е годы). М.: Инсан, 1998. С. 198.
- ¹¹¹ «По решению Правительства Союза ССР...»... С. 400.
- ¹¹² ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 137. Л. 176.
- ¹¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 480. Л. 100–102.
- ¹¹⁴ Там же. Оп. 3. Д. 1077. Л. 155–157.
- ¹¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 160. Л. 159.

- ¹¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 39. Л. 141–143.
- ¹¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 160. Л. 185.
- ¹¹⁸ Там же. Д. 176. Л. 10.
- ¹¹⁹ *Хунагов А.С.* «Выселить без права возвращения...». Депортация народов Юга России. 20–50-е годы (на материале Краснодарского и Ставропольского краев). Майкоп, 1999. С. 69–70.
- ¹²⁰ *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Указ. соч. С. 181.
- ¹²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 40. Л. 185.
- ¹²² *Хунагов А.С.* «Выселить без права возвращения...». Депортация народов Юга России. 20–50-е годы (на материале Краснодарского и Ставропольского краев). Майкоп, 1999. С. 90–92.
- ¹²³ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 178. Л. 1.
- ¹²⁴ ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 66. Л. 4, 7.
- ¹²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 732. Л. 38.
- ¹²⁶ Там же.
- ¹²⁷ *Эдиев Д.М.* Демографические потери депортированных народов СССР. Ставрополь: Изд-во СтГАУ «Агрис», 2003. С. 32–33.
- ¹²⁸ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 178. Л. 1.
- ¹²⁹ ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 62. Л. 159.
- ¹³⁰ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 178. Л. 3.
- ¹³¹ Там же. Л. 204.
- ¹³² Там же. Л. 157–158.
- ¹³³ Там же. Л. 352.
- ¹³⁴ «По решению Правительства Союза ССР...»: Сборник документов / Сост. Н.Ф. Бугай, А.М. Гонов. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2003. № 1.56. С. 110–111.
- ¹³⁵ «По решению Правительства Союза ССР...»: Сборник документов / Сост. Н.Ф. Бугай, А.М. Гонов. Нальчик, 2003. № 1.57. С. 111.
- ¹³⁶ ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 84. Л. 168.

Казачество Абхазии и Юга России в грузино-абхазской войне 1992–1993 гг.

Грузино-абхазская война 1992–1993 гг. вошла в новейшую историю Кавказа как один из наиболее кровопролитных вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве, отличаясь своей продолжительностью, высоким уровнем интенсивности и значительным количеством вовлеченных в нее народов и этнических групп. Кроме собственно абхазов и грузин, в боевых действиях принимали участие абазины, адыги, кабардинцы, чеченцы, лезгины, осетины, армяне, русские, украинцы и др. Существенную поддержку Республике Абхазия оказало казачество Юга России, осуществлявшее на протяжении всего военного периода разностороннее взаимодействие с абхазской стороной: от предоставления гуманитарной помощи до отправки в зону противостояния добровольцев, пополнивших ряды Вооруженных Сил РА.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. в различных уголках Советского Союза стало возрождаться казачье движение. В условиях нарастающего политического кризиса в руководстве страны, усиления центробежных процессов на Украине, в Белоруссии, Прибалтике, Средней Азии и на Кавказе, эскалации вооруженных конфликтов в Таджикистане, Нагорном Карабахе, Южной Осетии и других регионах, утверждения этнократических режимов и дискриминации русскоязычного населения в ряде союзных и автономных республик, а также усиления миграционных потоков в южнороссийский регион росло число общественных организаций, провозгласивших необходимость объединения казаков на основе защиты их общественно-политических, экономических и культурных интересов, приверженности православию, военно-патриотическому воспитанию

**Николай
Игоревич
МЕДВЕНСКИЙ**

молодежи и т.д. Данные процессы не обошли стороной Абхазию. 14 декабря 1991 г. в г. Сухуми состоялось учредительное собрание Землячества казаков, проживающих в Абхазии (далее: ЗКА), атаманом которого был избран В. Рыбакин (официальная регистрация ЗКА состоялась несколько позднее, 28 февраля 1992 г.). Землячество объединило потомков казаков, обосновавшихся в Абхазии еще в конце XIX — начале XX в., а также бежавших с Дона, Кубани и Ставрополя в период Гражданской войны и в первом десятилетии после ее окончания, спасаясь от преследований и репрессий, осуществляемых советской властью в ходе так называемого «расказачивания»¹. Созданная в качестве структурного подразделения Общества русской культуры в Абхазии «Славянский дом» (председатель — Виктор Логинов), организация провозгласила в качестве основной цели своей деятельности отстаивание интересов русского и славянского населения Абхазии, одновременно оставляя за собой право защиты социально-экономических, культурных и политических прав и свобод всех законопослушных граждан республики независимо от их национальности.

Формирование, становление и развитие ЗКА происходили на фоне обострения грузино-абхазских противоречий, осложнения грузино-российских отношений в условиях распада СССР и создания на его основе новых независимых государств. Это не могло не наложить отпечаток на характер и направленность дальнейшей деятельности организации. В течение сравнительно небольшого отрезка времени социокультурные и экономические составляющие Устава Землячества отошли на второй план, уступая место политическим целям и задачам. Усиление в Грузии межэтнической напряженности и противоречивая национальная политика грузинского руководства, особенно отчетливо проявившиеся в период правления Звиада Гамсахурдиа, вызывали отторжение со стороны проживающих в Абхазии этнических сообществ и способствовали их сближению с набирающим все большую силу абхазским национальным движением. Известный ученый-кавказовед, общественно-политический деятель Республики Абхазия Юрий Воронов впоследствии определил сложившуюся ситуацию следующим образом: «Существование русской диаспоры в Абхазии в предвоенные десятилетия характеризовалось ее постепенным вытеснением с земли и из административно-интеллектуальной сферы труда. Эти тенденции усилились в 1960–1980-х годах, когда русское население Абхазии сократилось более чем на 12 тыс. человек, и особенно после июльских событий 1989 г., когда в Грузии все большее значение стала приобретать своеобразная смесь антисоветизма с русофобией. В условиях нарастания предвестников будущей войны перед русскими, как и перед представителями других национальных общин Абхазии, стала необходимость консолидации и создания каких-то защитных структур»².

В сложившейся общественно-политической обстановке ЗКА стремилось укрепить дружественные, партнерские отношения с Народным Форумом Абхазии «Аидгылара» (Единение), Народной Партией Абхазии, Армянским

культурно-благотворительным обществом «Крунк» («Журавль»), Осетинским культурно-благотворительным обществом «Алан», Греческим культурным центром Абхазии, Русским культурным центром Абхазии, Сухумским обществом интернационалистов, Благотворительным фондом им. Смецкого, усилить работу по созданию силовых структур Землячества, а также установить связи с казачьими организациями Юга России, главным образом Дона и Кубани. В апреле 1992 г. делегация ЗКА посетила г. Краснодар, встретившись с руководством Кубанской Казачьей Рады (далее: ККР) и ее атаманом Владимиром Громовым³. В ходе визита была достигнута устная договоренность о проведении республиканского схода ЗКА и рассмотрена возможность вхождения организации в состав ККР в качестве структурного подразделения. Следует отметить, что позднее ряду членов Правления ЗКА были выданы удостоверения полномочных представителей ККР в Абхазии.

14 июня 1992 г. в г. Сухуми, в здании Русского республиканского драматического театра состоялся республиканский сход ЗКА, на котором присутствовало около 300 человек из различных районов Абхазии, члены Совета Министров и русскоязычные депутаты Верховного Совета Абхазии, первый заместитель атамана ККР Е. Быков и походный атаман ККР, войсковой старшина Алексей Аникин, гости из Украины и Польши. Участникам схода было зачитано заявление инициативной группы, инкриминирующее атаману ЗКА В. Рыбакину использование занимаемой должности в личных целях, дискредитацию традиций казачества, осуществление прямого подлога, выразившегося в предоставлении на регистрацию в Министерство юстиции Абхазии документа со сфальсифицированными подписями, а также непринятие в период своего нахождения на посту «ни одного политического шага, направленного на консолидацию и защиту интересов славянского населения республики»⁴. В связи с вышеизложенным сход единогласно постановил: признать все решения учредительного собрания от 14 декабря 1991 г. не имеющими юридической силы; ходатайствовать перед Министерством юстиции Абхазии об отмене соответствующих регистрационных актов и придании республиканскому сходу ЗКА статуса учредительного с последующей регистрацией в соответствии с действующим законодательством; изъять у В. Рыбакина атаманскую печать и удостоверение. Новым атаманом ЗКА был избран Владимир Шмалий, походным атаманом — Владимир Анцупов, кошевым атаманом — Владимир Турцев, начальником штаба — Геннадий Яремко, судьей — Василий Пигарь, членами Правления — Виталий Юрьев, Сергей Пигарь и др. Сход также избрал Совет стариков и ревизионную комиссию, принял Устав и Обращение к народам Кавказа, в котором выражалась крайняя обеспокоенность обстановкой в регионе.

На следующий день после проведения схода первый заместитель атамана ККР Е. Быков, походный атаман ККР, войсковой старшина Алексей Аникин, атаман ЗКА Владимир Шмалий и депутат Верховного Совета Абхазии, пред-

седатель Общества русской культуры в Абхазии «Славянский дом» Виктор Логинов посетили Гудаутский авиационный гарнизон и рассказали военнослужащим о проблемах русскоязычного населения республики, являющегося, по их мнению, наиболее незащищенной национальной общиной и оказавшегося под угрозой вынужденного переезда на постоянное место жительства в Российскую Федерацию⁵. Аникин и Быков заверили собравшихся в своей поддержке русской общины Абхазии и заявили, что уроженцы Кубани, как и прежде, будут проходить действующую службу на территории республики. В целом в ходе июньского визита в Абхазию между представителями ККР и ЗКА были достигнуты договоренности о дальнейшем укреплении двустороннего сотрудничества, при этом абхазское казачество получило приглашение принять участие в заседании Совета атаманов казачьих войск Юга России.

На этом заседании, состоявшемся 20 июня 1992 г. в г. Сочи, ЗКА представляли Владимир Турцев и Виктор Логинов. Делегатам удалось установить тесные контакты с казаками 4-го сводного Кубанско-Донского дивизиона Войска Донского, возглавляемыми войсковым старшиной Михаилом Волковым, а также с кошевым атаманом г. Сочи Вячеславом Сапелкиным и атаманом Союза казаков Области Войска Донского⁶, атаманом Союза казачьих республик Юга России⁷ Сергеем Мещеряковым. Сторонами было принято решение об организации визита последнего в г. Сухуми и проведении встречи с председателем Верховного Совета Абхазии Владиславом Ардзинба, состоявшейся в конце июня 1992 г. Следует отметить, что в предвоенный период Абхазию также посетил походный атаман Союза казаков Области Войска Донского Виктор Ратиев⁸, выразивший обеспокоенность эскалацией напряженности в республике и высокой вероятностью возникновения открытого межэтнического вооруженного противостояния⁹.

14 августа 1992 г. подразделения Национальной Гвардии Республики Грузия и военизированные отряды «Мхедриони», усиленные артиллерией, авиацией и бронетехникой, вошли на территорию Абхазии, что ознаменовало собой начало грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. В тот же день Президиум Верховного Совета РА принял постановление о проведении мобилизации взрослого населения республики от 18 до 40 лет и направлении его в полк Внутренних Войск, командиру которого предписывалось сформировать 5 батальонов по 500 чел. каждый. Уже 17 августа Правление ЗКА обратилось к атаману ККР Владимиру Громову и казакам Ставрополя с призывом оказать Абхазии всестороннюю помощь. 19 августа Совет атаманов ККР в обращении к Президенту Российской Федерации Борису Ельцину заявил, что кубанское казачество «решительно встанет на защиту абхазского и славянского населения Абхазии»¹⁰. 24 августа Большой объединенный круг казаков Войска Донского в послании к Президенту РФ, Верховному Совету РФ и Председателю Госсовета Грузии предупредил: «В случае продолжения варварства в отношении славянского населения, в том числе и казаков, казачество не останется

сторонним наблюдателем и примет самые решительные меры по его защите»¹¹. О начале процедуры формирования добровольческих групп для отправки в Абхазию также заявил атаман Кропоткинского казачьего круга В. Никитченко. Немногом ранее, 21 августа, Президент и Парламент Конфедерации горских народов Кавказа (КГНК) приняли Указ о начале переброски добровольческих отрядов в зону конфликта, а в республиках Северного Кавказа проходили массовые акции солидарности с Абхазией.

Вместе с тем в силу определенных причин руководство ряда республик, краев и областей Юга России не было готово поддержать ширившееся добровольческое движение. 31 августа 1992 г. постановлением главы администрации Краснодарского края Василия Дьяконова был создан Краевой штаб по стабилизации чрезвычайной ситуации на территории края в связи с событиями в Абхазии и на Северном Кавказе. В его состав, кроме самого Дьяконова, руководства краевого военкомата, представителей органов внутренних дел, госбезопасности и группы «Альфа», вошли атаман Кубанского казачьего войска (далее: ККВ)¹² Евгений Нагай, походный атаман ККВ А. Прохода и начальник штаба ККВ Александр Мельник. Комментируя переговоры представителей КГНК с руководством ККР, Дьяконов заявил: «Участие русских добровольцев в конфликте может спровоцировать войну между Россией и Грузией. Мы будем привлекать к уголовной ответственности тех, кто поедет в Абхазию»¹³. Не последнюю роль здесь, как представляется, сыграло распространенное среди значительной части российского (впрочем, не только) истеблишмента убеждение о якобы межрелигиозном характере грузино-абхазского конфликта и связанном с этим опасении, что события в Абхазии могут распространиться на северокавказский регион и вызвать гражданскую войну на Юге России¹⁴. Лидеры ККВ, находящегося в оппозиции к ККР, также были склонны рассматривать войну в Абхазии как «столкновение мусульманского Северного Кавказа с христианской Грузией и считали, что негоже православным воевать с православными»¹⁵. Так, в интервью «Независимой газете» войсковой священник ККВ Валентин Голиковский заявил: «К сожалению, многие, например, донские казаки, заняли неадекватную позицию. По их мнению, грузины истребляют малочисленный народ — абхазов. Поэтому некоторые казаки даже переходят границу и воюют на стороне абхазских формирований [...] Грузины, как и мы, народ православной веры, большинство же абхазов — мусульмане. Войну же христианского мира с исламским предвидел еще Владимир Соловьев — вспомните его статью “Враг с Востока”. Сегодня наш регион стал форпостом христианской цивилизации. И я думаю, что, к сожалению, столкновение между этими двумя мирами неизбежно. Война в Абхазии вызвала массовую неконтролируемую миграцию в Краснодарский край, причем доля славян среди иммигрантов чрезвычайно мала. Конфронтация на Кубани нарастает, гражданская война становится все более реальной, и, если властями не будут приняты соответ-

ствующие меры, трагедии не избежать»¹⁶. Возражая подобным утверждениям, президент Международной Черкесской Ассоциации Юрий Калмыков заявил: «Пресса и политики в последние дни пугают нас изначальным антагонизмом казачества и горских народов [...] Однако и казачество, и русскоязычное население Кавказа поддерживает требование о выводе войск Госсовета из Абхазии. Русские записываются в добровольческие отряды вместе с жителями Дагестана, Чечни, Северной Осетии»¹⁷.

Тем временем члены ЗКА стали вливаться в отряды абхазского ополчения, дислоцированные, главным образом, на Гумистинском и Бзыбском оборонительных рубежах. Одновременно с этим эмиссары Землячества совершали поездки по Югу России, посетили гг. Сочи, Туапсе, Новороссийск, Краснодар, Армавир, Ростов-на-Дону, Новочеркасск, Шахты, Ставрополь и встретились с представителями местного казачества. Агитационную работу среди казаков Юга России вели, в частности, Юрий Прилепа, Владимир Турцев и Виталий Юрьев. В результате в конце сентября 1992 г. в Абхазию прибыла первая организованная группа из 27 донских казаков-добровольцев под командованием подъесаула Михаила Волкова. Вместе с отрядом из 17 местных казаков данное формирование приняло активное участие в Гагрской наступательной операции абхазской армии, развернувшейся в период с 1 по 6 октября и имевшей цель выбить грузинские войска из г. Гагра и Гагрского района, пробив коридор к границе с Российской Федерацией, проходящей по р. Псоу. Так, 2 октября, в ходе продвижения по центральной трассе, казаками был открыт огонь прямой наводкой из трофейного орудия Д-44 по удерживаемому грузинским подразделением «Белый Орел» зданию КБРЦ, после чего оружие сложили свыше 60 солдат и офицеров противника. Абхазский исследователь Руслан Ходжаа отмечал: «...появление казаков-донцов в традиционной форме пособствовало поднятию боевого духа абхазских ополченцев и северокавказских добровольцев. Этот передовой отряд положил начало широкому добровольческому движению не только казаков, но и волонтеров со всей России, которые по зову сердца вливались в ряды защитников Апсны»¹⁸.

В середине октября 1992 г. новым атаманом ЗКА, ввиду ареста Владимира Шмалия грузинскими силовиками, решением Правления Землячества был избран атаман Гудаутского казачьего округа Олег Петров. Его заместителем стал Иван Кононов, начальником штаба — Вячеслав Ильюничев, походным атаманом — Владимир Анцупов, а после гибели последнего — Юрий Блинов. В целях объединения местных казаков в единую военизированную структуру был создан Славянский батальон ЗКА, состоящий из пяти взводов и нескольких отдельных групп (командир — Олег Петров, начальник штаба — Геннадий Чхетия). Одновременно с этим была усилена работа по привлечению казаков Юга России к более активному участию в боевых действиях. С этой целью в ноябре 1992 г. атаман ЗКА Олег Петров, член Государственного комите-

та обороны РА, депутат Верховного Совета РА Константин Озган, депутаты Верховного Совета РА Виктор Логинов и Валерий Кварчия на протяжении 12 дней совершили поездку по казачьим станицам Дона и Кубани, проводя соответствующую агитационную работу. В результате ряд казачьих общественных организаций подтвердил ранее обозначенную позицию по отношению к событиям в Абхазии и приступил к набору волонтеров для отправки в зону конфликта.

Анализ материалов различного происхождения указывает на то, что основным мотивирующим фактором, побудившим казаков Юга России принять участие в грузино-абхазской войне 1992–1993 гг., являлось стремление «оказать поддержку малочисленному абхазскому народу»¹⁹, а также получение из разных источников известий о реальных или вымышленных «зверствах грузинской армии и военизированных формирований «Мхедриони»²⁰. Одновременно с этим многие казаки считали, что, участвуя в вооруженном противостоянии с грузинской армией, они сражаются за воссоздание СССР, отстаивают государственные интересы Российской Федерации или собственно казачества²¹. Так, например, участник грузино-абхазской войны 1992–1993 гг., житель г. Ростова-на-Дону Владимир Кисляков утверждал: «Я воювал за Республику Кавказия, мечту атамана Краснова. Исторически земли Войска Кубанского простирались до поселка Гудаута, граница проходила по реке Черной. Мои товарищи также считали, что воюют за свои казачьи интересы»²². И наконец, в числе прибывавших в Абхазию казаков были и те, кто, по собственному определению, стремился «испытать себя» или «имел нелады с законом»²³. Впрочем, участие в боевых действиях на той или иной стороне определенного числа лиц с криминальным прошлым или авантюрными наклонностями является, вероятно, одной из характерных особенностей практически всех войн, имевших место в странах так называемого «ближнего зарубежья» в период или вскоре после распада СССР²⁴.

Отдельного рассмотрения заслуживают обвинения в наемничестве, неоднократно выдвигавшиеся властями Республики Грузия по отношению к казакам Юга России и другим лицам, не являвшимся уроженцами/жителями Абхазии, но по собственной инициативе прибывшим на ее территорию и вступившим в ряды Вооруженных Сил РА. В соответствии со ст. 47 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям 1949 г. наемником признается лицо, которое: специально завербовано на месте или за границей для того, чтобы сражаться в вооруженном конфликте; принимает непосредственное участие в военных действиях, руководствуясь желанием получить личную выгоду и которому обещано материальное вознаграждение, существенно превышающее вознаграждение, обещанное или выплачиваемое комбатантам такого же ранга и функций, входящим в личный состав вооруженных сил данной стороны; не является ни гражданином стороны, находящейся в конфликте, ни лицом, постоянно проживающим на территории, контролируемой сторо-

ной, находящейся в конфликте; не входит в личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте. В отличие от наемника, добровольцем является лицо, которое поступает на службу в вооруженные силы воюющей стороны в силу политических либо идейно-нравственных убеждений, а не исходя из корыстных интересов. Критерием разграничения понятий «наемник» и «доброволец» является также факт включения последнего в личный состав вооруженных сил одной из воюющих сторон, поскольку с этого момента доброволец становится законным комбатантом, а сторона, которую он защищает, «ответственна за все действия, совершенные лицами, входящими в состав ее военных сил» (ст. III). Участие добровольцев в военных действиях признается международным сообществом правомерным, что закреплено в Гаагской конвенции 1907 г. «О правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны» (ст. IV). Ввиду того что казаки Юга России непосредственно входили в состав Вооруженных Сил РА, носили соответствующие знаки различия, подчинялись единому военному командованию и не получали за участие в боевых действиях финансового вознаграждения, за исключением общего денежного довольствия для военнослужащих абхазской армии (несмотря на многочисленные утверждения грузинской стороны, убедительных доказательств обратного так и не было предоставлено), представляется возможным рассматривать данную категорию лиц в качестве именно добровольцев, а не наемников. Например, уже упоминаемый Владимир Кисляков свидетельствовал: «С самого начала ни о каких деньгах даже речи не шло. Подчеркиваю, что все мы были ДОБРОВОЛЬЦАМИ. В абхазской армии нас поставили на довольствие, в том числе и денежное. Выдавали что-то около трех тысяч рублей. По тем временам это были смешные деньги, хватало только на табак и на предметы личной гигиены»²⁵.

Транзит казаков, равно как и других добровольцев, на территорию Абхазии осуществлялся, как правило, группами от одного до нескольких десятков человек через пограничный контрольно-пропускной пункт на р. Псоу. Опасаясь уголовного преследования со стороны российских силовых структур, ареста и последующего обвинения в наемничестве, многие из них при пересечении границы указывали вымышленную цель поездки: визит к родственникам, ведение бизнеса, участие в сборе урожая мандарин и т.д.²⁶ Зачастую, во избежание подозрений, более или менее крупные группы казаков «дробились» на 1–2 человека. После проверки документов, досмотра багажа и перехода через границу осуществлялся сбор группы, перекличка и встреча с представителями абхазской стороны, отвечающими за доставку прибывающих добровольцев в предназначенные для этого пункты приема. Размещение казаков производилось в пансионатах «Гудаута», «Амра» и «Золотой берег» г. Гудаута, регистрация — в штабе ЗКА, собеседование, постановка на учет и довольствие, распределение по частям и подразделениям — в соответствующих структурных подразделениях Министерства обороны РА²⁷.

В разное время на Гумистинском и Восточном фронтах были сформированы следующие казачьи подразделения: Отдельная Казачья Донская Сотня (командир — сотник Юрий Блинов), 1-я Кубанская Казачья Сотня (командир — войсковой старшина Николай Пусько), группа «Эдельвейс» (командир — старший лейтенант Андрей Сердюков). Вместе с тем все они по своему составу не являлись исключительно казачьими: согласно сложившейся в военный период традиции, многие добровольцы славянского происхождения именовались казаками и распределялись по соответствующим подразделениям. В то время как ОКДС и 1-я ККС были укомплектованы преимущественно славянами, группа «Эдельвейс» имела более смешанный этнический состав и состояла из русских, абхазов, армян и даже чеченцев. Несмотря на это, по свидетельству ветеранов грузино-абхазской войны 1992–1993 гг., между славянами и кавказцами не возникало сколь-либо ощутимых конфликтов на национальной почве, а определенные внутренние разногласия носили скорее межличностный характер и, как правило, урегулировались в течение непродолжительного времени. Так, например, начальник штаба Сухумского особого казачьего отдела ККВ Юрий Романов свидетельствовал: «К казакам-добровольцам в Абхазии абхазские солдаты и добровольцы с Северного Кавказа относились дружески, братски. Ведь если человек воюет за тебя, то за что к нему должны относиться плохо? Всех встречали и помогали как братьям». Один из бойцов ОКДС также вспоминал, что «отношения между казаками и конфедератами были братскими: ходили друг к другу в гости, делились едой, патронами, куревом»²⁸.

Следует отметить, что в означенный период сближение позиций казачества Юга России и народов Северного Кавказа наметилось не только на социально-бытовом, но и на общественно-политическом уровне. Еще 3–4 октября 1992 г. чрезвычайный съезд КГНК, прошедший в г. Грозном, принял Декларацию, содержащую, в частности, следующие пункты: «1. О необходимости денонсирования Федеративного Договора с Россией как не соответствующего национальным интересам народов Северного Кавказа; 2. Рекомендовать съездам и общественным движениям народов, входящих в состав КГНК, добиваться от руководства республик: ускорения реализаций права нации на самоопределение и достижение реальной независимости; заключения межгосударственного Договора о политическом сотрудничестве республик Северного Кавказа, Абхазии и Южной Осетии и принятия Декларации о начале процесса создания Конфедеративного союза этих республик; признание независимости Чечни, Абхазии и Южной Осетии; создание совместных сил региональной безопасности на базе республиканских гвардий»²⁹. Съезд также переименовал организацию в Конфедерацию народов Кавказа (далее — КНК) и принял в ее ряды казачество, признав за последним право обсуждения проблемы своей автономии на территориях компактного проживания и среди горских народов. Данное событие было воспринято ря-

дом наблюдателей как «желание Конфедерации расширить границы своего влияния, дав возможность вступить в нее и не горским народам региона»³⁰, что свидетельствовало о возросшей уверенности ее лидеров в возможности оказывать влияние на политические процессы на Кавказе, поскольку «события в Абхазии выдвинули эту малоприметную организацию на первые роли: с ней не считаться уже не могут ни Грузия, ни Россия»³¹.

После окончания Съезда началась работа по подготовке встреч, посвященных урегулированию взаимоотношений и выработке предполагаемой системы коллективной безопасности народов Северного Кавказа и казачества Юга России. Основой такой системы должна была стать идея суверенизации северокавказских народов и концепция о специфически отличном от общерусского этногенезе казачества, и, следовательно, придания ему особого статуса с определенными льготами и привилегиями, в том числе при распределении власти и собственности³². Объединение конфедератов и казаков становилось серьезной политической силой, претендующей на осуществление властных функций на подконтрольных им территориях. При этом, в силу ряда причин, вопрос о выходе республик, краев и областей Северного Кавказа из состава Российской Федерации в открытой форме не ставился, несмотря на наличие у части руководства КНК ярко выраженных сепаратистских настроений.

4–5 апреля 1993 г. в Пицунде состоялось консультативное совещание представителей КНК и казачества Юга России с участием председателя Верховного Совета РА Владислава Ардзинба, президента КНК Мусы Шанибова, председателя Парламента КНК Юсупа Сосланбекова и др. По его итогам было принято соглашение о заключении договора о дружбе и сотрудничестве³³, предусматривающее «...недопущение использования КНК и казачества Юга России в качестве военной силы друг против друга; отказ от территориальных и других претензий между ними, а в случае их возникновения — разрешение всех вопросов исключительно политическими средствами за столом переговоров; создание гарантий коллективной безопасности в случае угрозы применения силы против КНК или казачества»³⁴. Комментируя итоги встречи, президент КНК Муса Шанибов заявил: «Те, кто пытается развязать общекавказскую войну, сегодня ночью не спали: они увидели, что Конфедерация не только вышла на контакт с казачеством Юга России, но и по всем направлениям достигла с ним полного согласия»³⁵.

На консультативном совещании был также создан Оргкомитет по проведению предстоящего Съезда народов Северного Кавказа и казачества Юга России, возглавляемый членом Президиума Верховного Совета РА и Государственного комитета обороны РА, председателем Комитета кавказских обществ КНК Константином Озганом. Последний еще с 1990–1991 гг. поддерживал тесные контакты с руководством ряда казачьих организаций Юга России, в частности с атаманом СКОВД Михаилом Шолоховым, атаманом

ККР Владимиром Громовым и атаманом Ставропольского краевого союза казаков Петром Федосовым.

Во исполнение достигнутых ранее договоренностей 28 апреля 1993 г. в г. Ставрополе состоялось подписание соглашения о принципах сотрудничества и взаимопомощи между КНК и казачеством Юга России. Стороны договорились о недопустимости применения и угрозы силового решения спорных вопросов, в том числе территориальных; способствовании мирному, путем переговоров и консультаций, урегулированию региональных конфликтов, ликвидации очагов межнациональной и социальной напряженности на основе уважения суверенитета и права народов на самоопределение³⁶. Соглашение явилось важным шагом на пути к преодолению исторически сложившихся северокавказско-казачьих разногласий, снижению конфликтного потенциала и определению принципов двусторонних взаимоотношений во имя сохранения мира и гражданского согласия. И хотя намеченное ранее проведение Съезда народов Северного Кавказа и казачества Юга России в конечном итоге не состоялось ввиду наличия внутренних разногласий в вопросе о принципах административно-территориального устройства Северного Кавказа и Юга России, нерешенности вопроса о нормах представительства этнических групп, неоднозначности подходов к проблеме самоидентификации казаков в качестве отдельного народа, особого сословия или исторически сложившейся культурно-этнической общности, а также из-за противодействия горско-казачьим инициативам со стороны федеральных властей, благодаря достигнутым в ходе грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. соглашениям между КНК и казачеством Юга России удалось в значительной мере стабилизировать этнополитическую и конфессиональную ситуацию в регионе и не допустить открытую эскалацию вооруженного конфликта на территории Российской Федерации вплоть до начала Первой Чеченской войны 1994–1996 гг.³⁷

Тем временем на фронтах грузино-абхазской войны наступило определенное затишье, сопровождаемое позиционными боями и периодическими перестрелками из различных видов вооружений, включая артиллерию. В период оперативных пауз находящиеся в рядах абхазской армии казаки выполняли задачи по охране морского побережья, патрулированию местности, посменному дежурству на позициях, ведению визуального наблюдения за противником, фиксации перемещений боевой техники и личного состава грузинских войск, а также передаче соответствующей информации вышестоящему командованию. Особое внимание уделялось физической, огневой и тактической подготовке военнослужащих. И если в начальный период грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. уровень подготовки основной части личного состава создаваемых Вооруженных Сил РА можно было назвать в лучшем случае удовлетворительным, то в дальнейшем, благодаря привлечению как профессиональных офицеров-абхазов, так и инструкторов 345-го гвардейского отдельного парашютно-десантного Краснознаменного, ордена Суворова полка ВДВ РФ,

дислоцированного в зоне конфликта, ситуация изменилась в лучшую сторону. В ряде подразделений, в том числе и казачьих, были проведены занятия на полигонах, где отрабатывались действия по преодолению минных полей, форсированию водной преграды при поддержке артиллерийского огня, тактика ведения уличных боев с использованием специально сооруженных макетов. Дальнейшее развитие событий показало, что опыт и навыки, приобретенные бойцами в ходе подобных учений, имели важное значение для их последующего применения в боевой обстановке.

К лету 1993 г. боевые действия вступили в новую фазу. Абхазское военное командование разработало широкомасштабную операцию, предусматривающую одновременный переход в наступление на обоих стратегических направлениях. На Гумистинском фронте предполагалось овладеть г. Сухуми, на Восточном — высадить морской десант из Мюссеры в районе с. Тамыш Очамчирского района, захватить автомобильную и железнодорожную магистраль на участке сс. Киндги—Цагера и воспрепятствовать переброске грузинских механизированных резервов к столице Абхазии.

В ночь с 1 на 2 июля отряд из 300 человек (командир — Заур Зарандия), в составе Отдельной Казачьей Донской Сотни (около 80 человек, командир — Юрий Блинов), группы «Эдельвейс» (около 50 человек, командир — Андрей Сердюков), группы осетин (около 30 человек), отряда северокавказцев и абхазов из Турции и Сирии (командир — Тимур Жанаа) и др., на 2 баржах, под прикрытием до 10 катеров сопровождения высадился в с. Тамыш. Бойцы «Эдельвейса», десантировавшиеся с дебаркатеров ранее остальных, прикрывали выгрузку основного состава десанта, 1 установки РСЗО БМ-21 «Град», значительной части вооружения и боеприпасов (завершение выгрузки было сорвано массированным артобстрелом). Десантники, вместе с встретившими их подразделениями Восточного фронта, выдвинулись на центральную шоссеиную трассу. На подступах к Тамышской средней школе завязался бой, в ходе которого казаками из ОКДС и «Эдельвейса» совместно с абхазскими бойцами был уничтожен грузинский блокпост, 2 танка Т-55, автомашина ГАЗ-66 и др. В ходе боя, в результате которого противник был выбит из здания школы, погибли и получили ранения около 20 чел.

5–8 июля 1993 г. оба казачьих подразделения принимали участие в штурме и последующем удержании здания обезьяньего питомника в районе сс. Тамыш—Цагера—Кутол, а также прилегающего участка шоссеиной трассы³⁸. Несмотря на интенсивный артиллерийский обстрел, ими был отбит ряд контратак грузинских войск, уничтожено значительное количество живой силы и несколько единиц бронетехники.

9 июля так называемый «Тамышский десант», выполнив задачу по овладению и блокированию автомобильной и железнодорожной магистрали, ввиду усилившегося натиска противника, оставил занимаемые позиции и присоединился к войскам Восточного фронта. В приказе Главнокоманду-

ющего Вооруженными Силами РА В.Г. Ардзинба от 10 июля 1993 г. отмечалось: «Бойцы военно-морского десанта соединились с частями Восточного фронта и в течение семи дней не только сдерживали натиск восьми мотострелковых батальонов противника, одной механизированной танковой бригады и артиллерийского дивизиона, но и действовали настолько умело, что командование грузинских войск сочло их численность превышающей 1500 человек»³⁹. Всему личному составу десанта, подразделениям Восточного фронта и ВМС Республики Абхазия, обеспечившим переброску и высадку десанта, объявлялась благодарность.

15 июля 1993 г. части и подразделения Восточного фронта приступили к проведению операции «Икс», предусматривающей занятие стратегических высот 251, 302 и получение тем самым возможности контролировать огнем часть Гальского района от с. Чхортол до с. Река и препятствовать любым попыткам грузинских войск завладеть инициативой в данном районе⁴⁰. В рамках общего плана операции группе «Эдельвейс» была поставлена задача овладеть высотой Мишвели, на которой располагались артиллерийские позиции противника. Скрытно зайдя во фланг неприятелю, подразделение разделилось на две группы, открыв огонь по укреплениям и опорному пункту грузинских войск, занимавших оборону на подступах к высоте. После того как до 10 солдат противника были уничтожены, а остальные отступили, была предпринята атака на вершину высоты, завершившаяся успехом. В ходе боя были захвачены пленные, 82-мм батальонные минометы, 76-мм дивизионная пушка ЗИС-3, до 50 единиц ручного стрелкового оружия, боеприпасы, продовольствие, медикаменты. С потерей высоты Мишвели грузинские войска лишились возможности вести прицельный огонь по населенным пунктам, расположенным на подступах к г. Ткварчели, и тем самым потеряли важнейший плацдарм для наступления на город⁴¹.

В ходе Июльской наступательной операции казачьи подразделения приняли активное участие в боевых действиях и на Гумистинском фронте, действуя в гористо-лесистой местности к северо-западу от г. Сухуми. Так, 5 июля 1993 г. взвод казаков из состава 1-го мотострелкового батальона 1-й мотострелковой бригады участвовал в штурме с. Каман, овладение которым позволило бы абхазской армии продолжить дальнейшее развитие операции и выйти на подступы к с. Шрома Сухумского района. После обстрела грузинских позиций, расположенных вдоль р. Западная Гумиста, из гранатометов, пулеметов и СПГ-9 в атаку поднялись штурмовые группы батальона. Форсировав реку, абхазские бойцы и казаки в ходе интенсивного боя выбили противника из укрепленного здания кочегарки, общежития, дома престарелых, монастыря свт. Иоанна Златоуста и окончательно установили контроль над с. Каман⁴². В дальнейшем взвод казаков в составе 1-го мотострелкового батальона 1-й мотострелковой бригады, наряду с другими подразделениями Гумистинского фронта, принимал участие в штурме с. Шрома (8–9 июля), отражении контру-

даров грузинских войск вдоль дороги Сухуми–Шрома (16–19 июля), штурме и удержании выс. Ахбюк (22–25 июля). Невзирая на артиллерийский обстрел и неоднократные контратаки пехоты противника, сопровождаемые значительными потерями личного состава, в т.ч. безвозвратными, казаки продолжали выполнять поставленные боевые задачи, проявляя стойкость и воинское искусство.

В боевых действиях на левом фланге Гумистинского фронта также участвовала 1-я Кубанская Казачья Сотня под командованием войскового старшины Николая Пусько. 26 июля 1993 г. данное подразделение было направлено к расположенной на расстоянии ок. 10 км от г. Сухуми г. Апианда (920 м), имея задачу сменить ранее овладевшую высотой 1-ю отдельную горно-стрелковую роту и удерживать занимаемые позиции, предотвращая возможные попытки грузинских войск вернуть их под свой контроль. По свидетельству командира 2-го Уральского взвода 1-й ККС Сергея Ирतिकеева, «город с Апианды хорошо просматривался, что позволяло находящимся на высоте абхазским наблюдателям корректировать огонь своей артиллерии. Поэтому она была стратегически важна обеим воюющим сторонам»⁴³. Ввиду отсутствия возможности возведения укреплений по всему периметру высоты по причине нехватки личного состава, казаками было принято решение разделить силы и оборудовать три основные оборонительные позиции, частично прикрытые минами или так называемыми «растяжками»: передовой пост на возвышенности, контролирующей подступы к высоте; базовый лагерь со складом оружия, боеприпасов и продовольствия; вспомогательный пост, прикрывающий базовый лагерь с правого фланга. Ввиду того что 27 июля в г. Сочи было подписано трехстороннее Соглашение об урегулировании грузино-абхазского конфликта, имелись инструкции, предписывающие открывать огонь исключительно в случае угрозы непосредственной атаки противника либо в ходе ее проведения.

После непродолжительного затишья, в ходе которого стороны вели разведку и взаимное визуальное наблюдение, грузинские войска подвергли передовой пост на возвышенности минометному обстрелу и перешли в наступление. Небольшой группе грузинской пехоты удалось зайти казакам в тыл, однако вскоре она была рассеяна и уничтожена, после чего атака прекратилась. Ввиду активизации противника, в первых числах августа на усиление 1-й ККС были направлены до 30 бойцов комендатуры, прикрывшие базовый лагерь с левого фланга, а также 17 бойцов КНК, обезопасившие передовой пост на возвышенности от атаки с тыла. Развитие событий показало, что данная мера полностью оправдала себя. Так, 3 августа грузинская разведывательно-диверсионная группа из засады расстреляла группу казаков и конфедератов, транспортирующих на высоту питьевую воду, в результате чего погибли 2 человека.

На следующий день по позициям на г. Апианда грузинской стороной был открыт огонь из минометов и автоматических пушек БМП, после чего последовали атаки пехоты, продолжающиеся в течение нескольких дней, в том

числе и в ночное время суток. Несмотря на растущее число убитых и раненых, дефицит питьевой и технической воды, медикаментов, продовольствия и боеприпасов, бойцы 1-й ККС и конфедераты сорвали все попытки грузинских войск выбить их с занимаемых рубежей и удержали г. Апианда. Во второй половине августа сотня была сменена одним из подразделений Вооруженных Сил РА, а затем отведена в тыл на отдых и доформирование.

Ввиду того что одним из пунктов так называемого «Сочинского соглашения» являлся вывод добровольческих формирований с территории Абхазии, по договоренности с грузинской стороной личный состав ОКДС и группы «Эдельвейс», базировавшихся к тому времени в с. Атара-Абхазская, был перебросен морским путем из порта г. Очамчира в г. Гудаута. После торжественных проводов, состоявшихся 17 августа, основная часть добровольцев с Северного Кавказа и казаков, включая ОКДС, убыла в Россию. В Абхазии остался «Эдельвейс», дислоцированный в г. Гудаута, 1-я ККС, а также несколько десятков бойцов в составе различных подразделений Восточного фронта, в том числе в Меркульском батальоне.

После провала Сочинского соглашения и начала Сентябрьской наступательной операции абхазской армии, имеющей целью овладение г. Сухуми и вытеснение грузинских войск со всей территории республики, добровольцы начали в массовом порядке возвращаться в Абхазию, стремясь принять участие в боевых действиях. 16 сентября 1993 г. группа «Эдельвейс» в составе морского десанта из Пицунды была направлена на Восточный фронт, сопровождая несколько грузовых автомобилей с вооружением и боеприпасами. После высадки в с. Тамыш, наряду с другими подразделениями Вооруженных Сил РА, она участвовала в неудачном штурме с. Араду (16 сентября), во взятии сс. Адзюбжа (18 сентября) и Ахалдаба (19 сентября), в срыве попыток деблокирования автомобильной магистрали Очамчира–Сухуми частями 1-го грузинского армейского корпуса в районе с. Тамыш. 27 сентября войска Гумистинского фронта окончательно сломали сопротивление противника и овладели г. Сухуми.

В боях за столицу Абхазии в составе 1-й мотострелковой бригады принимала участие 1-я ККС, форсировавшая р. Гумиста в районе так называемого «Верхнего моста» и наступавшая на Ачадаро-Лечкопском направлении, а также ОКДС и Славянский батальон ЗКА.

29 сентября передовые подразделения Вооруженных Сил РА, продвигавшиеся со стороны г. Сухума, достигли р. Кодор и соединились с войсками Восточного фронта. 30 сентября абхазская армия вошла в гг. Очамчира, Гали и, продолжая наступление, вышла на границу с Грузией по р. Ингури⁴⁴. Вскоре после окончания боевых действий добровольческие подразделения, входившие в состав Вооруженных Сил РА, подверглись расформированию, а основная часть их личного состава выехала на территорию Российской Федерации. В октябре 1993 г. Абхазию покинули 1-я ККС и ОКДС, а также большинство бойцов группы «Эдельвейс».

В ходе грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. погибло более 60 казаков. За мужество, отвагу и самоотверженность 8 казаков (из них 6 — посмертно) были удостоены наивысшей абхазской степени отличия — звания «Герой Абхазии», 17 — награждены орденом Леона, 48 — медалью «За отвагу»⁴⁵. Широкая поддержка, оказанная казачеством Юга России Республике Абхазия, явилась одним из важных факторов, оказавших влияние на победоносное для последней завершение войны и имела не только военно-политическое, но и моральное значение. Сближение казаков Абхазии, Дона и Кубани также положило начало долгосрочному и разностороннему сотрудничеству республики с данными регионами, которое успешно развивается и в наши дни.

Примечания

¹ *Футорянский Л.* Проблемы казачества: рассказывание // Вестник ОГУ. 2002. Вып. 2. С. 43–53.

² *Студеникин А.* Абхазо-казачьи взаимоотношения // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://naslednikipobedi.ru/news/abhazo-kazachi_vzaimootnosheniya.

³ Кубанская казачья Рада (ККР) была образована на первом Всекубанском съезде казаков, прошедшем 14.10.1990 г. в г. Краснодаре, в качестве краевого общественно-патриотического объединения во главе с атаманом Владимиром Громывым — доцентом исторического факультета Кубанского государственного университета. 24.10.1992 г. переименована во Всекубанское казачье войско. В апреле 1998 г. преобразована в Кубанское казачье войско. *Матвеев О.* Слово о кубанском казачестве. Краснодар, 1995. С. 324.

⁴ Республика Абхазия. 1992. № 110 (180). 18 июня.

⁵ Республика Абхазия. 1992. № 109 (179). 17 июня.

⁶ Союз казаков Области Войска Донского (СКОВД) — единая организация донского казачества, существовавшая с ноября 1990 г. по июнь 1994 г. 17.11.1990 г. в г. Ростове-на-Дону первым атаманом СКОВД был избран сын выдающегося советского писателя, лауреата Нобелевской премии в области литературы М.А. Шолохова Миха-

ил Шолохов, занимавший свой пост до июня 1991 г. Изначально СКОВД входил в состав Союза казаков России и придерживался так называемой «красной» политической ориентации, поддерживая на выборах президента РСФСР 1991 г. кандидатуру Николая Рыжкова, в то время как многие рядовые казаки, атаманы среднего и низшего звена являлись сторонниками Бориса Ельцина. При последующих атаманах — Сергее Мещерякове (5–6.10.1991–9–10.10.1992) и Василии Каледине (10.10.1992–9.10.1993) ориентация СКОВД, по крайней мере на декларативном уровне, сменилась на «белую», а отношения с Союзом казаков России то прерывались (при Мещерякове), то восстанавливались (при Каледине). В течение непродолжительного периода, с 9 по 20.10.1993 г., атаманом СКОВД являлся Владимир Чумичев, ушедший в отставку по собственному желанию. 20.10.1993 г. благодаря поддержке атамана СКВРиЗ Виктора Ратиева атаманом СКОВД был избран Николай Козицын, при котором организация в июне 1994 г. была переименована в Международный союз общественных объединений «Всевеликое Войско Донское». Претензии на роль параллельного органа государственной власти, а также подписание в августе 1994 г. «Договора о дружбе и сотрудничестве между Всевеликим Войском Донским

и Чеченской Республикой Ичкерия» вызвали разногласия в казачьей среде и привели к выходу из организации многих казаков, провозгласивших в ноябре 1994 г. в г. Новочеркасске создание Войскового казачьего общества «Всевеликое Войско Донское» во главе с атаманом Павлом Барышниковым (просуществовало до 1996 г.). На фоне углубившегося раскола и взаимных противоречий частью казаков был рассмотрен вопрос об отношении к реестровому казачеству и принято решение о переходе на государственную службу. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 17.06.1997 г. № 612 было создано Войсковое казачье общество «Всевеликое Войско Донское», атаманами которого являлись Вячеслав Хижняков (1997–2000), Виктор Водолацкий (2000–2013), Виктор Гончаров (с 2013 по настоящее время). К 2015 г. на Дону продолжают существовать две параллельные организации под одноименным названием «Всевеликое Войско Донское», а также несколько менее многочисленных казачьих обществ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.rusline.ru/opp/2015/5/11/kto_est_kto_v_donskom_kazachestve/.

⁷ 5–6 октября 1991 г. на II Большом круге СКОВД было принято решение «О восстановлении Донской Республики», а в ноябре 1991 г. на территориях Средней и Верхней Кубани были провозглашены в качестве субъектов РСФСР Армавирская Казачья Республика и Верхне-Кубанская Казачья Республика. Создание казачьих республик поддержал II Большой Круг Союза казаков, прошедший 7–10 ноября 1991 г. в г. Ставрополе. 20 ноября 1991 г. на созванном Союзом казачеств Юга России Большом казачьем круге Юга России было провозглашено объединение Донской, Терской, Армавирской и Верхне-Кубанской казачьих республик в Союз казачьих республик Юга России (СКРЮР) со столицей в г. Новочеркасске и со статусом

союзной республики в предполагавшемся новом союзном государстве — Союзе суверенных государств (ССГ). Были учреждены органы власти Союза, образована Посольская станица в г. Москве, назначен Чрезвычайный и Полномочный Посол СКРЮР, принято решение о формировании казачьей национальной гвардии. СКРЮР был создан на основе СКОВД. Вскоре СССР прекратил свое существование; в составе Российской Федерации казачьи республики так и не были созданы. *Амелина А.* Процесс полураспада: несостоявшаяся Донская казачья республика в РФ // *Политика на сломе эпох.* М., 2011. С. 102.

⁸ Ратиев Виктор — Верховный атаман Союза Казаков России и Зарубежья. *Цушба И.* Добровольцы Отечественной войны народа Абхазии (август 1992 — сентябрь 1993). Сухум, 2000. С. 11.

⁹ *Ходжаа Р.* Казаки-добровольцы в Отечественной войне народа Абхазии 1992–1993 гг. Сухум, 2009. С. 57.

¹⁰ *Жидков С.* Бросок малой империи. Майкоп, 1996. С. 216.

¹¹ Те суровые дни. Хроника Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993. Сухум, 2004. С. 41.

¹² Кубанское казачье войско (ККВ) образовано 14.12.1991 г. в г. Анапе на Учредительном кругу «белого» кубанского казачества в качестве альтернативы «красной» ККР. Первоначально атаманом был избран Владимир Головченко, а 11.07.1992 г. на Всекубанском Большом Сборе ККВ — Евгений Нагай. В отличие от ККР, ККВ поддерживало назначенного Президентом РФ Борисом Ельциным главу администрации Краснодарского края Василия Дьяконова.

¹³ Независимая газета. 1992. № 164 (335). 27 августа.

¹⁴ *Авидзба А.* Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992–1993 гг.). Книга I. Сухум, 2013. С. 521.

¹⁵ *Жидков С.* Указ. соч. С. 218.

- ¹⁶ Независимая газета. 1992. № 196 (367). 10 окт.
- ¹⁷ *Апсынба Р.* Геноцид абхазов. М., 1997. С. 175.
- ¹⁸ *Ходжаа Р.* Казаки-добровольцы... С. 59.
- ¹⁹ *Ариба Т.* О том, как казаки за абхазов ходили // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.kazaki.by/literatura/abkhazia/.
- ²⁰ *Оленев А.* Донской казак на грузино-абхазской войне // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.topwar.ru/26443-donskoy-kazak-na-gruzino-abhazskoy-voyne.html.
- ²¹ *Константинов С.* Казаки в Абхазии // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.kazaki.by/literatura/abkhazia/.
- ²² *Оленев А.* Указ. соч.
- ²³ *Константинов С.* Указ. соч.
- ²⁴ *Бройдо А.* Добровольческое движение в поддержку Абхазии 1992–1993 годов и процесс этногенеза абхазов // Вестник МГИМО. 2010. № 8.
- ²⁵ *Оленев А.* Указ. соч.
- ²⁶ *Ходжаа Р.* Казаки-добровольцы... С. 84.
- ²⁷ Министерство обороны РА было создано постановлением Президиума Верховного Совета РА от 11.10.1992 г. и.о. министра обороны РА был назначен полковник Владимир Аршба. *Пачулия В.* Грузино-абхазская война 1992–1993. Боевые действия. Сухум, 2010. С. 148.
- ²⁸ *Ариба Т.* Указ. соч.
- ²⁹ Кавказский дом. 1992. № 30. 5 окт.
- ³⁰ Советская Россия. 1992. № 128. 6 окт.
- ³¹ Московские новости. 1992. № 41. 11 окт.
- ³² *Смоктунув Г.* Северный Кавказ, этнополитика и казаки: что общего? // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.fairway.h1.ru/2/96_1.html.
- ³³ Республика Абхазия. 1993. № 19. 8 апр.
- ³⁴ Конфедерация. 1993. № 4. 8 апр.
- ³⁵ Коммерсант. 1993. № 64. 8 апр.
- ³⁶ Известия. 1993. № 80. 29 апр.
- ³⁷ *Смоктунув Г.* Указ. соч.
- ³⁸ *Ходжаа Р.* Казаки-добровольцы... С. 85.
- ³⁹ Республика Абхазия. 1993. № 33. 15 июля.
- ⁴⁰ *Пачулия В.* Грузино-абхазская война на 1992–1993 гг. Боевые действия. Сухум, 2010. С. 220.
- ⁴¹ *Ходжаа Р.* Казаки-добровольцы... С. 88.
- ⁴² *Ходжаа Р.* Путь к Победе. Отечественная война 1992–1993 гг. Сухум, 2009. Ч. 2. С. 102–103.
- ⁴³ В состав 2-го Уральского взвода 1-й ККС входили казаки из Екатеринбургской и Оренбургской областей Российской Федерации, а также представители Союза Уральских казаков (г. Уральск, Республика Казахстан). *Иртыкеев С.* Уральские казаки на абхазской войне. Высота 920 // Уральскія войсковыя вѣдомости. 2012. № 1.
- ⁴⁴ *Пачулия В.* Указ. соч. С. 242.
- ⁴⁵ Звания «Герой Абхазии» удостоены: Анцупов Владимир (посмертно), Блинов Юрий (посмертно), Васильев Сергей, Жеребилов Юрий, Камбулов Николай (посмертно), Маяцкий Анатолий (посмертно), Сорокин Виталий, Сидоренко Анатолий (посмертно). Кавалеры ордена Леона: Аксенов Сергей, Булычев Олег, Вшивцев Сергей, Дудников Сергей, Иваньков Сергей, Клименко Владислав, Коломиец Аркадий, Коробейников Александр, Косминин Владимир, Крынин Сергей, Мацуев Сергей, Мосяев Александр, Павлов Валерий, Пусько Николай, Холодович Алексей, Хохряков Юрий и др. *Цушба И.* Добровольцы Отечественной войны народа Абхазии (август 1992 — сентябрь 1993). Сухум, 2000. С. 78.

Раздел II

Источники

«Мы заставим их покориться и вполне признать владычество наше навеки»

Проект генерал-майора К.К. Фези по покорению Левого фланга Кавказской линии, 1837 г.

Полемика о методах и способах покорения горцев в период Кавказской войны, развернувшаяся между самыми высокими сановниками Российской империи в первой половине XIX в., показывает полярность мнений — от политики ласканий до военных, часто жестоких, мер. Порожденное этой полемикой множество «прожектов» по приведению в покорность тех или иных северокавказских народов в последнее время все больше и больше привлекает к себе внимание исследователей¹.

В этой связи несомненный интерес представляет проект человека, который совмещал в себе качества достаточно жесткого военного, но при этом умел «располагать к себе мирных горцев», как отмечал современник².

Карл Фези (1795–1848 гг.) родился в семье швейцарского дворянина, профессора художественной школы Ивана Каспара Фези. Он получил блестящее образование и в 15-летнем возрасте начал военную службу. В 1814 г. К.К. Фези получил первое боевое крещение во время стычки швейцарских войск с французами. 12 ноября 1816 г. он был принят на русскую службу и определен штабс-капитаном в первый батальон лейб-гвардии Финляндского полка, расквартированный в Варшаве³.

Опуская подробности военной карьеры К.К. Фези, отмечу, что в 1832 г., после участия в подавлении восстания в Польше, он последовал на Кавказ за своим начальником бароном Г.В. Розеном. Кавказ в это время считался одним из лучших мест для быстрого про-

*Публикация
и комментарии*

С.Б. МАНЫШЕВА

движения по службе, на что собственно и рассчитывал К.К. Фези.

Публикуемый ниже проект был подготовлен во вполне определенном военно-политическом контексте. Именно в начале 1837 г. К.К. Фези предпринял ряд походов в чеченские общества, в результате чего были разрушены 11 сел, захвачены в плен более 100 человек⁴. В одном из своих писем он отмечал, что «чеченцы — одно из самых могущественных и диких племен Кавказа, которое сопротивляется русским упорнее всего»⁵. В этом же году К.К. Фези возглавил так называемую Аварскую экспедицию, на которую, судя по публикуемому документу, он возлагал большие надежды⁶.

В своем проекте автор достаточно подробно характеризует расселение локальных групп вайнахов в первой трети XIX в., что говорит о хорошей осведомленности генерала⁷. К.К. Фези замечал в одном из писем, что «был в таких местностях Кавказа, в которые еще ни разу не заходили ни турецкие, ни персидские армии»⁸.

Представляемый ниже документ извлечен из фонда № 646 «Г.В. Розен» Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. Текст проекта публикуется в соответствии с современными правилами орфографии при сохранении авторской транскрипции этнонимов и географических названий.

Проект генерал-майора К.К. Фези по покорению Левого фланга Кавказской линии

21 апреля 1837 г.
Крепость Грозная⁹

[Л. 40] По покорении ныне всей Чечни, от реки Ассы¹⁰ до реки Аксая¹¹ и от Терека до Черных гор¹², остается на левом фланге привести в подданство России те племена, которые обитают в ущельях по рекам от Черных гор до Кавказского хребта. Они суть следующие.

В вершинах речки Гехи¹³, Мартанки¹⁴ и Гойты¹⁵ акинцы или аухцы¹⁶, пшехойцы¹⁷ и нахчойцы¹⁸.

По обоим рукавам Аргуна¹⁹ — шубуты²⁰ и чаберлинцы²¹.

По вершинам рек Баса или Джалка²², Хулкулу²³, Гумса²⁴ и Аксая в стране называемой Накчимохт²⁵ — ичкеринцы²⁶.

Живущие от реки Аксая до реки Сулака племена, то есть часть [л. 40об.] ичкеринцев, ауховцы и салатовцы²⁷, считаются покорными, но на верность ауховцев нельзя много, а на салатовцев вовсе невозможно полагать. В Чиркее²⁸, главном селении сих последних, по это время еще наши войска не бывали.

Хотя все сии народы живут вообще мирно и хищничеством не беспокоят наших земель; однако, дабы открыть сообщение вдоль всего Кавказского хребта между Кавказским и Закавказским краем и отнять беглым чеченским и кабардинским абрекам последнее убежище, нужно, чтобы оные признали владычество наше.

По занятии и утверждении нами в Хунзаке²⁹ и по уничтожении влияния Шамиля можно надеяться, что все эти народы при приближении к их границам сильного отряда [л. 41] наших войск без кровопролития поддадутся нам и согласятся добровольно присягнуть на вечное подданство нашему правительству.

Чувствуя слабость свою и страхась нашего оружия, угрожающего им совершенною гибелью, племена сии охотно поддались бы, если бы не опасались пред будущей уплаты податей и выдачи аманатов.

Последние условия необходимы, дабы учредить связь между нами и каждым из сих отдаленных племен. Но наложение прямой или непосредственной подати вообще везде признано неудобным, и сие можно заменить со временем доставлением некоторого количества продуктов в их края, а наилучшая прибыль для казенного интереса может быть извлекаема от распространения монополий водки и соли.

Когда предполагаемая нынче экспедиция в Нагорном Дагестане³⁰ будет иметь желаемый успех, то есть надежда, что, поднявшись по южной покато-сти Кавказского хребта и являсь на вершинах рек, по коим сказанные народы обитают, мы заставим их покориться и вполне признавать владычество наше навеки. Таким образом, в текущем году весь Левый фланг был бы навсегда обеспечен.

Генерал-майор *Фези*

[ОР РНБ. Ф. 646. Д. 358. Л. 40–41об.]

Примечания

¹ См., например: *Лапин В.В.* «Убедить непокорные племена в превосходстве нашего оружия...». Военные планы покорения Кавказа // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX — начало XX в. / Сост. Я.А. Гордин и др. СПб., 2005. С. 9–29; *Солдатов С.В.* Кавказская война 1817–1864 годов в оценке современников. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2004; *Кудрявцев А.А., Кудрявцев Е.А.* Альтернативные подходы российской элиты XIX в. к Кавказской войне и покорению Кавказа // Кавказская война: символы, образы, стереотипы: Сборник научных статей по материалам всероссийской научной конференции / Отв. ред. Т.В. Коваленко. Краснодар, 2015. С. 143–153 и др.

² *Костенецкий Я.* Записки об аварской экспедиции на Кавказе 1837 года. СПб., 1851. С. 99.

³ Быт и нравы русской армии после 1812 года. (По письмам генерала Фези из Польши и с Кавказа) / Пер. и обраб. В.Н. Жилинского. СПб., 1912. С. 5.

⁴ *Gammer M.* A Switzer in the Caucasus: Faesy's Campaigns in the Chechnia and Daghestan // *Middle Eastern Studies*. 1994. Vol. 30. No 3. P. 669–670.

⁵ Быт и нравы русской армии... С. 179.

⁶ См. подробнее: *Gammer M.* *Op. cit.* P. 671–676; *Костенецкий Я.* Указ. соч.

⁷ Подробнее о расселении вайнахов в рассматриваемый период см.: *Волкова Н.Г.* О расселении чеченцев и ингушей в первой половине XIX века // Археолого-этнографический сборник / Отв. ред. В.Б. Виноградов. Грозный, 1966. С. 89–102.

⁸ Быт и нравы русской армии... С. 181.

⁹ Грозная — крепость, заложенная А.П. Ермоловым в 1818 г. Со временем стала иметь не только военное, но и торгово-экономическое значение.

¹⁰ *Асса* — река, протекающая по территории Ингушетии и Чечни, в районе современного села Закан-юрт впадает в Сунжу.

¹¹ *Аксай* — река, протекающая по территории Чечни и Дагестана, левый приток реки Акташ.

¹² *Черные горы* — северная возвышенность Кавказского хребта, расположенная между реками Белая и Аргун. И.И. Норденстамм писал, что под таким названием известна «гористая часть Чечни» (*Норденстамм И.И.* Описание Чечни с сведениями этнографического и экономического характера, 1834 г. // Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. III. Ч. I: 1801–1839 / Под ред. Р.М. Магомедова. Махачкала, 1940. С. 303).

¹³ *Гехи* — река, протекающая по территории Чечни, приток Сунжи. До середины 1840-х годов по ее берегам располагалось большое количество чеченских аулов.

¹⁴ *Мартанка* — река, протекающая по территории Ингушетии и Чечни, правый приток Ассы.

¹⁵ *Гойты* — река на территории Чечни.

¹⁶ По всей видимости, в данном случае произошло смешение двух экзоэтнонимов, и речь идет именно о горных аккинцах, а не об аккинцами-ауховцами, которые еще в середине XVI в. переселились в терско-сулакское междуречье. Горные аккинцы жили в 23 поселениях, самое большое из которых не превышало 40 домов. К началу 1840-х годов насчитывали 6 тыс. человек (*Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа / Пер. с фр., предисл., коммент. И.М. Назаровой. М., 2010. С. 351; Из «Обзора политического состояния Кавказа 1840 г.» // Движение горцев Северо-

Восточного Кавказа в 20–50-х гг. XIX в.: Сб. док. / Сост. В.Г. Гаджиев, Х.Х. Рамазанов. Махачкала, 1959. С. 228; *Волкова Н.Г.* Указ. соч. С. 100).

¹⁷ *Пшехойцы* — локальная группа вайнахов, расселенная у истоков реки Мартанки, в долинах у подножия хребта Пшехой-Лама. В начале 1830-х годов их численность вместе с нашхойцами оценивалась в 4 тыс. человек (*Бларамберг И.* Указ. соч. С. 336; Ведомость о численности народонаселения Кавказа и степени их покорности царскому правительству. 1833 г. // Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х гг. XIX в.: Сб. док. / Сост. В.Г. Гаджиев, Х.Х. Рамазанов. Махачкала, 1959. С. 125).

¹⁸ *Нахчойцы (нашхойцы)* — локальная группа вайнахов, проживавших у восточного рукава реки Гехи (*Бларамберг И.* Указ. соч. С. 336).

¹⁹ *Аргун* — река на территории Чечни, правый приток Сунжи.

²⁰ *Шубуты* — локальная группа вайнахов, проживавшая по обоим рукавам Верхнего Аргуна. В начале 1830-х годов насчитывала около 5 тыс. человек, из которых 800 могла выставить в качестве военного ополчения (*Бларамберг И.* Указ. соч. С. 357; Ведомость о численности народонаселения... С. 125).

²¹ *Чеберлинцы* — локальная группа вайнахов, населявшая «высокогорные долины Кавказа на северном склоне Сулой-Ламы и Нахчи-Ламы». По разным оценкам, насчитывала от 3 тыс. до 7 тыс. человек, из которых, по сведениям И. Бларамберга, могла выставить до 1000 войска (НИОР РГБ. Ф. 169. Карт. 81. Д. 7. Л. 22; *Бларамберг И.* Указ. соч. С. 357).

²² *Джалка* — река на территории Чечни, правый приток Сунжи. В верхнем течении имеет название Басс.

²³ *Хулкулу* (искаженное «Хулхулау») — река на территории Чечни, на которой расположен аул Ведено.

²⁴ *Гумс* — река на территории Чечни, правый приток Сунжи.

²⁵ *Накчимохт* (искаженное «*Нахч-мохк*») — дословно «земля нахчойцев». По сведениям, записанным в начале 1830-х годов, «чеченцы в прежние времена составляли весьма небольшое племя, обитавшее в вершинах рек Аксяя, Гудермеса, Холхану и Аргуна; сию часть Чечни чеченцы и теперь считают настоящею своею родиною и называют ее Нахчи-Мохк» (*Норденстамм И.И.* Указ. соч. С. 307).

²⁶ *Ичкеринцы* — локальная группа вайнахов, занимавшая высокогорные долины Верхнего Аксяя и юго-западную часть Чечни. Число их селений достигало 34, в большинстве своем состоявших из 10–60 дворов. Главным считалось селение Беной. В рассматриваемый период насчитывали до 15 тыс. человек и могли выставить до 2 тыс. человек в военном

ополчении (НИОР РГБ Ф. 169. Карт. 81. Д. 7. Л. 22–22об.; *Бларамберг И.* Указ. соч. С. 356–357).

²⁷ *Салатавцы* — жители Салатавского общества, которое находилось на границе Чечни и Дагестана. Состояло в управлении пристава, «который однако ж над ними имеет мало власти». Общество насчитывало до 10 500 человек, из которых могло выставить до 3 тыс. человек военного ополчения (*Мочульский В.И.* Война на Кавказе и Дагестан. 1844 г. / Ред. С.М. Касумов. Махачкала, 2012. С. 100–101; Ведомость о численности народонаселения... С. 125).

²⁸ *Чиркей* — селение в Дагестане, насчитывало около 800 дворов (*Мочульский В.И.* Указ. соч. С. 101).

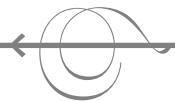
²⁹ *Хунзак* (искаженное «*Хунзах*») — столица Аварского ханства.

³⁰ Имеется в виду Аварская экспедиция 1837 г.

«Опыт минувшей экспедиции... обнаружил в составе и устройстве действующего отряда некоторые недостатки и несовершенства»

**Докладная записка Д.А. Милютина
командующему войсками
П.Х. Граббе¹, 22 ноября 1839 г.**

Значимость обширного архива выдающегося русского государственного деятеля Дмитрия Алексеевича Милютина (1816–1912) оценена давно². Его дневники, воспоминания и отдельные военные проекты продолжают публиковаться³. Среди научного наследия российских военных, чья судьба так или иначе была связана с Кавказом, особое место принадлежит именно материалам Д.А. Милютина. В последнее время кавказоведы все чаще обращаются к архиву генерал-фельдмаршала: изданы и переизданы его воспоминания⁴, касающиеся пребывания на Кавказе, анализируются различные стороны его научного творчества⁵. Прежде всего это ряд записок и проектов, целью которых было выявление причин неудач русской армии в регионе, а также поиск возможных путей решения сложившихся проблем. Однако все еще большая часть материалов остается неопубликованной.

Публикуемая ниже записка относится к раннему периоду творчества Д.А. Милютина и посвящена вопросам в большей степени практическим: реорганизации штабной роты в действующих отрядах на Кавказской линии. Здесь нашли отражение вопросы,

*Публикация
и комментарии*

С.Б. МАНЫШЕВА

связанные с организацией походного штаба, а также устройством отдельных частей отряда: провиантской, медицинской, инженерной и др. Документ составлен «по горячим следам» сразу же после окончания похода Чеченского отряда под командованием П.Х. Граббе и против горцев и штурма аула Ахульго в Дагестане⁶. Как отмечал сам Д.А. Милютин, эта экспедиция относилась «к числу замечательнейших подвигов русских войск на Кавказе», так как «они происходили в таких частях края, куда до того времени еще никогда русское оружие не проникало; они сопряжены были с такими затруднениями естественными и с таким упорным сопротивлением со стороны неприятеля, какие прежде едва ли встречались»⁷.

Ко времени составления записки Д.А. Милютин относительно недолго находился на Кавказе, однако, как отмечает А.Т. Урушадзе, он «смог об-

стоятельно ознакомиться с местными условиями, выводящими Кавказскую войну за рамки хорошо известных штабным офицерам шаблонов и схем регулярных кампаний и генеральных сражений»⁸.

Записка публикуется по машинописной копии⁹, хранящейся в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки в фонде 169 — личном фонде Д.А. Милютина. Текст документа приведен в соответствие с современными правилами орфографии с сохранением особенностей оригинала, транскрипцией географических названий, а также авторскими подчеркиваниями отдельных фрагментов текста. Кроме того, при публикации нами опущены подзаголовки, вынесенные на поля записки, в которых кратко отражена суть тех или иных предложений Д.А. Милютина.

[л. 4] Замечание о некоторых недостатках, замеченных в составе и устройстве отряда, действовавшего в нынешнем году на левом фланге

I. ОРГАНИЗАЦИЯ ПОХОДНОГО ШТАБА

В отрядах, действующих под личным начальством г[осподи]на командующего войсками Кавказской линии¹⁰ и Черномории, организация походного штаба в особенности должна обратить на себя внимание потому, что в продолжение почти половины года, пока длится экспедиция, высшее управление всею линией и все дела, поступающие командующему войсками, сосредоточиваются в походном штабе действующего отряда, в случае, если начальство над оным принимает сам командующий войсками.

Со времен генерала Вельяминова¹¹ в управлении делами отряда введен (может быть, по каким-нибудь случайным и побочным причинам) такой порядок, который не может быть принят постоянною системою, ибо неудобства его обнаруживаются на каждом шагу в продолжение экспедиции. Неизвестно, почему введен был этот порядок, несогласный с общею системою

организации штабов в российской армии, тогда как эта система, кажется, обдумана совершенно основательно и для здешнего края не представляет особых неудобств, которые могли бы заставить изменить эту постоянную и весьма известную организацию и принять какую-нибудь новую. Единственное применение оной к настоящему вопросу может относиться только к условию вышеизложенному, т. е. должно быть принято в соображение, что в [л. 5] походном штабе командующего войсками сосредоточиваются и дела, относящиеся не к отряду, а вообще по линии и по управлению командующего войсками.

И так необходимо устроить походный штаб командующего войсками совершенно на тех же основаниях, как принято вообще для корпусных штабов, присоединив еще особое отделение, в котором производились бы все дела, не относящиеся к отряду. Так как начальник штаба войск Кавказской линии может не участвовать в военных действиях, а начальником походного штаба может быть назначен человек, совершенно чуждый делам по общему управлению г[осподина] командующего войсками, то в последнем случае отделение это должно быть независимо от начальника штаба, и управляющий оным должен прямо докладывать г[осподину] командующему войсками. Напротив того, отделение его подчиняется начальнику штаба только в том случае, когда сам начальник штаба войск Кавказской линии принимает на себя звание походного начальника штаба.

За исключением этого отделения, которое может называться походною канцеляриею, весь состав походного штаба остается тот же, как и в корпусных штабах, с некоторыми маловажными изменениями.

А именно: под прямым начальством начальника походного штаба состоит отрядный обер-квартирмейстер, отрядный дежурный штаб-офицер и старший доктор.

Все дела отряда производятся:

- 1) в управлении обер-квартирмейстера;
- 2) в управлении дежурного штаб-офицера;
- 3) в управлении старшего доктора.

Независимо от начальника походного штаба, в состав штаба г[осподина] командующего войсками входит:

- 4) походная канцелярия.

Кроме того, должен состоять начальник артиллерии и [л. 6] начальник инженеров, каждый из них имеет свое управление и одного офицера в должности старшего адъютанта.

А) Управление обер-квартирмейстера

К управлению обер-квартирмейстера, кроме части собственно квартирмейстерской, должно относиться и инженерное отделение, через которое обер-квартирмейстер сносится с начальником инженерного отряда.

Итак, под прямым начальством обер-квартирмейстера состоят:

- 1) офицеры Генерального штаба, число коим определяется по обстоятельствам и средствам самим г[осподином] командующим войсками;
- 2) инженерный офицер, заведующий инженерным отделением, при коем состоит один кондуктор для чертежной части и в виде писаря;
- 3) топографы, число коих также зависит от обстоятельств и средств;
- 4) писари.

В ведении обер-квартирмейстера должны непременно состоять все переводчики, лазутчики, проводники — независимо от тех переводчиков, кои состоят при лице, командующем войсками, начальника штаба и дежурного штаб-офицера.

Если число офицеров Генерального штаба позволит, то дела по Генеральному штабу разделяются следующим образом: одному из офицеров поручается все, что относится до действий войск, переписка с частными начальниками, составление диспозиций, приказаний, реляций и проч. Другому поручается топографическая часть, собирание сведений, расспросы о дорогах, о неприятеле, работы топографов; посему офицер сей имеет в своем непосредственном ведении топографов, переводчиков, лазутчиков и проводников. Его обязанность — снабжать все отдельные части отряда и колонны проводниками и переводчиками. [л. 7] Наконец, третьему офицеру поручается производство всех дел, не касающихся до отряда, ибо из дел, поступающих в походную канцелярию, те, которые относятся к Генеральному штабу и инженерной части, должны передаваться обер-квартирмейстеру, который прямо докладывает их г[осподину] командующему войсками, если походным начальником штаба не является сам начальник штаба войск Кавказской линии.

Б) Управление дежурного штаб-офицера

Управление дежурного штаб-офицера разделяется на 3 отделения:

- 1) инспекторское;
- 2) провиантское и комиссариатское;
- 3) госпитальное и артиллерийское.

Каждым из сих отделений управляет отдельный старший адъютант. Казначейство может быть соединено с походною канцеляриею, как было и до сих пор.

Кроме трех старших адъютантов в ведении дежурного штаб-офицера состоят:

- 1) отрядный комиссионер;
- 2) отр[ядный] вагенмейстер¹²;
- 3) отр[ядный] гевальдигер¹³.

[л. 8] II. УСТРОЙСТВО РАЗЛИЧНЫХ ЧАСТЕЙ ОТРЯДА

В минувшую экспедицию замечено было, что войска, несмотря на меры, которые, казалось бы, приняты к совершенному приготовлению их к экспедиции в горах, не имели всего нужного, терпели недостаток в некоторых необходимых предметах, одним словом, не были совершенно приготовлены к экспедиции. Частью это происходило от неисполнения предписаний, отданных перед сбором войск, частью же и потому, что многие предметы в организации наших войск доселе не довольно еще применены к обстоятельствам края и образу ведения войны.

Посему здесь считаю обязанностью упомянуть об этих предметах только как об упущениях, сделанных частными начальниками, с тем чтобы вперед обратить на них особое внимание и строго предписать об исполнении инструкций и правил, отдаваемых перед выступлением в экспедицию; по другим же предметам необходимо сделать еще некоторые нововведения, принять новые меры и даже многое придумывать совершенно вновь, что должно быть поручено особым комиссиям из специальных людей.

Относительно же первых предметов, т. е. упущений, сделанных частными начальниками, полагаю весьма полезною мерою смотры перед выступлением войск в поход с зимних квартир и по прибытии их на сборный пункт. Два смотра необходимы для того, чтобы частные начальники не могли потом оправдываться убылью во время марша на сборный пункт и чтобы войска выступали бы с квартир своих в полном предписанном комплекте и со всеми принадлежностями. Для первого смотра можно назначать в различные пункты расположения войск надежных офицеров, из состоящих при лице г[осподина] командиру войсками, поручив им отчасти на местах до выступления, [л. 9] отчасти же уже на марше колонн инспектировать их по наружной части, т. е. удостовериться, соблюдены ли частными начальниками все предписания, отданные перед экспедициею, особенно же касательно наличной численности частей, амуниции, обоза, состояния госпитальных средств и проч. Перевязочные средства должны в особенности обратить на себя внимание инспектирующих офицеров.

По прибытии всех войск на сборный пункт смотр может быть уже сделан или самим начальником отряда, или начальником штаба, или каким-нибудь генералом и штаб-офицером, которому будет это поручено г-ном командиру войсками.

При таком сборе отряда необходимо, чтобы был при войсках священник или, если можно, несколько. Недостаток в священнике был весьма ощутителен в минувшую экспедицию, в которой участвовали все четыре действующих батальона Куринского полка¹⁴ и, следовательно, должны были иметь при себе и своего полкового священника. Даже необходимо иметь при отряде походную церковь, ибо в продолжение всякой экспедиции бывают такие периоды, когда отряд остается на месте часто весьма значительное время.

Но более всего предметов, заслуживающих особого внимания и попечения, относится к провиантской, медицинской, инженерной и артиллерийской частям.

а) По части провиантской и комиссариатской

В минувшую экспедицию войска не всегда имели при себе предметы довольственные, которые необходимы для солдата, — частью от упущений частных начальников, частью же от несовершенства перевозочных способов по гористой местности.

Перед выступлением в поход необходимо всегда предупреждать частных начальников, во-первых, на какое время должно приготовиться к экспедиции, т.е. как приблизительно можно предполагать продолжительность военных (лист 10) действий, во-вторых, какого рода местность в том крае, где предполагается действовать. Первое необходимо для того, чтобы частные начальники изготовили все предметы на достаточное время и впоследствии не могли бы отговариваться тем, что не предполагали так долго быть в походе; второе необходимо для того, чтобы частные начальники понимали вполне необходимость уменьшения числа колесных тяжестей в стране весьма гористой, и вообще соответственного устройства перевозочных способов.

На перевозочные способы должно в особенности обратить внимание, стремясь всеми силами заменить колесные тяжести вьючною перевозкою на лошадах и ишаках. Особенно это неизбежно в горах дагестанских, и с каждым годом будет становиться чувствительнее по мере углубления нашего далее в горы. В Дагестане почти нет нигде дорог, удобных для колесных повозок, и часто разработка их бывает вовсе невозможна, тогда как вьюки почти везде могут проходить.

Посему желательно было бы сформировать при отрядах, особенно действующих на левом фланге, конно-подвижный транспорт на вьюках, по крайней мере для перевозки провианта и запасов к отряду из ближайших складочных щитов.

Во всяком случае необходимо на складочных пунктах иметь провиант и все вообще запасы в таком виде, чтобы можно было всегда для скорейшего подвоза к отряду навьючить на лошадь или ишака. Для этого должно иметь запас в мешках такой величины, чтобы два мешка составляли вьюк, часть провианта должна быть в меньших мешках, удобных для перевозки на ишаках, ибо в большей части Дагестана животное это составляет единственное местное перевозочное средство.

Между другими запасами, и водку для винной порции должно также возить на вьюках в бурдюках так, [л. 11] чтобы два бурдюка составляли вьюк. Совершенная необходимость этой меры была вполне доказана в минувшую экспедицию, ибо перевозка водки в бочках совершенно невозможна в горах, бочки падают с кручи, разбиваются, арбы под ними беспрестанно ломаются, кроме того, всегда бывает большая утечка, и, таким образом, войска могут долго оставаться без винной порции.

Как винная порция необходима для войска особенно в трудных походах и в дурное время, так необходимо обратить внимание и на то, чтобы и мясная порция была, по возможности, выдаваема войскам действительно ежедневно, как следует положению. Должно строго наблюдать, чтобы в войсках заготовлен был в достаточном количестве скот на всю экспедицию, так, чтобы часть одного была при отряде, а другая на ближайших складочных пунктах.

Подобным же образом должно подтвердить частным начальникам, чтобы они озаботились о заготовлении и других продовольственных предметов, необходимых для солдат, как-то соли и сала, которые могут быть сложены в ближайших складочных пунктах и подвезены по мере нужды к отряду.

Замечено было в минувшую экспедицию, что в иных случаях солдаты так были обременены излишнею ношею сухарей, что принуждены были бросать часть оных. Необходимо обратить на это внимание частных начальников, предписав им как можно менее обременять солдат и, по возможности, более возить на вьюках.

Также весьма важное неудобство замечено было от холщовых мешков, в которых солдаты носят сухари, в дождливое время сухари подмокают, и в войсках может оказаться вдруг недостаток провианта, несмотря на все расчеты. Если ранец признан совершенно неудобным для здешних войск в экспедиции, то почему не отменить их формальным образом и не ввести взамен их [л. 12] кожаные мешки, шитые по размеру холщовых шерстью внаружу.

Офицеры, назначаемые для инспектирования войск перед выступлением их в поход, должны обратить полное внимание на состояние продовольственных заготовлений и амунических вещей, особенно на обувь солдата.

В отношении обуви желательно было бы, чтобы введены были большие сапоги, которые так необходимы для солдата, что они иногда сами на свой счет делают себе таковые или пришивают просто к обыкновенным сапогам большие голенища, если скудные средства их не позволяют им сделать иначе.

[л. 13] б) По медицинской части

Несмотря на циркулярное предписание, разосланное по войскам перед выступлением в поход, в отрядах замечен был большой недостаток в самых необходимых медицинских и госпитальных предметах, как-то: лазаретных палатках (которые были только в Апшер[онском] пех[отном] полку¹⁵), строго подтвердить, чтобы войска запасались мукою, бульоном, сушеною капустою, всеми снадобьями для возобновления полуды местной посуды, медикаментами — одним словом, всеми предметами, необходимыми для больных и раненых, и изложенных в записке, поданной в сем 1839 году г[осподино]м старшим доктором при войсках Кавказской линии.

Но, кроме того, нужно обратить внимание на переноску раненых как во время дела, в отрядный лазарет, так и потом, в ближайшие местные гошпитали. Для этого должно принять следующие меры.

1) Во время дела всегда назначать для каждой отдельно действующей части войск, для каждой колонны, особой команды, под ведением офицера, для вывода и переноса раненых. Без этой меры переноска раненых сопряжена бывает с большим беспорядком, которым пользуются молодые и плохие солдаты, чтобы оставить строй. Каждый раненый извлекает из фронта, кроме себя, еще человек четырех, так что в скорое время ряды уменьшаются до невероятной степени. Этот предмет непременно должно привести в порядок и систему: каждый частный начальник должен назначить столько особых команд под начальством офицера, сколько будет отдельных частей. Команды эти должны быть составлены из таких людей, которые наименьше могут быть полезны в деле. При каждой команде должен быть или медик, или фельдшер; каждой команде должно быть дано известное число носилок, соответственное числительной сил той части, к которой команда назначена. Обязанность этой команды состоит в том, чтобы относить раненых [л. 14] на перевязочные пункты, откуда раненые должны быть перенесены в лазареты посредством других уже команд или другими средствами.

2) Должно также предписать частным начальникам к неперемому исполнению, чтобы они взяли с собою достаточное число носилок, устроенных следующим образом. Два продольных шеста, связанных между собой толстою парусиною, так что при перевозке наворачиваются и соединяются вместе — при переноске же раненых эти шесты распираются двумя поперечными брусками, устроенными на крючьях или каким-нибудь иным образом. Перевозка таких носилок не представляет никакого затруднения.

3) При отправлении раненых в местные гошпитали непременно должно соблюдать правило, чтобы отпускать с ними всю форму их и амуницию, ибо в противном случае раненые по выздоровлении остаются долгое время бесполезными и даже не могут быть без особых прикрытий снова отправлены в отряд. С оружием же раненые и не совсем еще выздоровевшие, не готовые к отправлению в действующий отряд, по крайней мере могут в крайности усилить местную оборону того пункта, где находится гошпиталь.

4) Обсудить и обдумать какие-нибудь способы к перевозке раненых в местные гошпитали, ибо перевозка на арбах не только чрезвычайно тяжела для самих раненых, но часто совершенно невозможна по местности; переноска же на людях — чрезвычайно ослабляет отряд и часто на долгое время делает большое число солдат совершенно бесполезными.

[л. 15] в) По части инженерной

Экспедиции в горах всегда сопряжены с большими работами по инженерной части, на каждом почти шагу необходимо употребить сапер, а именно:

- 1) для разработки дорог, которые часто нужно высекать в утесах, взрывая камень порохом;
- 2) для устройства переправ через весьма быстрые реки;

- 3) для разрушения посредством мин неприятельских построек или укреплений, которые иногда не могут быть разбиты артиллерией;
- 4) вообще для ведения осадных работ, если чрезвычайно трудная местность и сила неприятельских укреплений не позволяют употребить открытого штурма;
- 5) наконец, для построения укреплений, как временных, так и постоянных, ибо редкая экспедиция не имеет целью построение укреплений на каком-нибудь пункте.

Из этого видно, как обширен круг действий инженеров и саперов в здешней войне. Никогда, может быть, более, чем в минувшую экспедицию, не был чувствуем недостаток в офицерах инженерах и в саперах, и в самых инженерных средствах (как то инструментах). Во многих случаях необходимо было вести несколько работ разом в одно время, но на различных пунктах — для этого необходимо было на каждом пункте иметь инженерного и саперного офицера, присоединяя к саперам значительную часть простых рабочих из пехоты; но по недостатку в офицерах часто принуждаемы были или вовсе не предпринимать работу, или ожидать неискусного, неудовлетворительного исполнения оной от недостатка людей и средств.

Итак, необходимо употребить все средства, чтобы устроить инженерную часть в действующих отрядах. Надобно начать с назначением хорошего и опытного инженерного офицера, которому можно было бы подчинить все инженерные работы, инженерных офицеров и сапер, состоящих при отряде. Никогда не должно иметь в [л. 16] отряде менее полной комплектной роты сапер с хорошим ротным командиром и по крайней мере 4-мя офицерами. Ротный командир может быть и начальником инженеров отряда, но лучше, если в это звание можно назначить хорошего инженерного штаб-офицера. Для увеличения числа саперных офицеров можно предложить, чтобы прикомандировываемы были на один год к Кавказскому корпусу офицеры саперных батальонов, например, по одному с каждой саперной бригады или с двух бригад, на таком же основании, как это делается от Генерального штаба, артиллерии и всех родов войск. Мера сия была бы весьма полезной не только для отряда, но и для самих офицеров, которые ежегодно имели бы хороший практический опыт в своем деле.

Затем должно обратить внимание на устройство материальных средств. Гористая местность требует во многих случаях совершенно особых инструментов и материалов. Необходимо составить комитет из опытных инженерных и саперных офицеров, по возможности знающих край и образ вещей войны, и поручить им придумать, каким именно образом можно устроить инженерный парк, примененный к требованиям здешней войны. Должно обратить внимание сего комитета на следующие предметы:

- 1) парк этот должен быть устроен преимущественно на выюках и состоять при саперном батальоне на Линии;

II) приобретение всего нужного для этого парка, покупка инструментов и материалов, изготовление разных вещей должны быть возложены на тех же самых офицеров, которые будут распоряжаться этим парком, заведовать инженерною частью отряда и производить работы;

III) особенные обстоятельства здешнего края требуют относительно инженерного дела следующего:

- 1) всех (лист 17) средств к рванию (так в тексте. — С. М.) камней, разработке дорог, ведению мин и сап по каменистому грунту;
- 2) поспешных переправ через реки или балки не очень широкие, но тем не менее весьма затруднительные для устройства обыкновенной переправы;
- 3) содействия войскам при штурмах на местности, представляющей чрезвычайные совершенно отвесные кручи и обрывы. Для двух последних требований необходимо между прочим:
  - а) веревочные лестницы с крючьями для спуска с обрывов и скал;
  - б) складные лестницы для подъема на скалы и обрывы;
  - с) готовые блоки для спуска орудий и всяких тяжестей;
  - д) осмоленные канаты и веревки, необходимые при переправах;
  - е) легкие веревочные мосты для пешеходов;
  - ф) разной величины бурдюки и пузыри.

Кроме сих мер полезно было бы, чтобы в каждой саперной роте было 20 искусных пловцов, которые были бы приучены переплывать через самые быстрые потоки.

[л. 18] г) По части артиллерийской

По части артиллерийской должно обратить внимание на 4 предмета: изготовление зарядов, хранение их, перевозку и самое устройство артиллерии.

Изготовление зарядов. Неоднократно замечено было, что снаряды, изготовленные в местных арсеналах и парках и привозимые в отряд, оказываются совершенно негодными, особенно гранаты, которые редко разрываются. Каждый этот недостаток может происходить от двух причин:

- 1) от нерадения и действительно дурного, неправильного изготовления зарядов;
- 2) от перевозки зарядов на большие расстояния по трудным местам при неосторожной укладке зарядов и несоответственных перевозочных средствах.

Для устранения хотя отчасти обеих сих причин должно принять следующие меры: в отношении первой причины — стараться, чтобы начальник артиллерии отряда имел ближайшее наблюдение за изготовлением зарядов в местных арсеналах и парках, а для этого начальник артиллерии отряда должен быть по возможности назначаем заблаговременно; он должен иметь в своем распоря-

жении достаточно хороших артиллерийских офицеров для откомандирования их в местные арсеналы с тем, чтобы они при отправлении зарядов осматривали их и делали пробы. Для этого могли бы быть употребляемы те офицеры, которые ежегодно прикомандировываются к Кавказскому корпусу¹⁶. Относительно второй причины должно, во-первых, наблюдать за укладкою и перевозкою зарядов, во-вторых, стараться, чтобы по возможности изготовлять заряды ближе к театру военных действий, т.е. если предвидится продолжительная экспедиция, то учреждать временные лаборатории в ближайших к отряду складочных местах, куда подвозить только материалы для зарядов. Лаборатории эти, независимые от подвижной лаборатории, [л. 19] находящейся при самом отряде, должны быть под прямым ведением самого начальника артиллерии, который наблюдает за изготовлением зарядов через подчиненных ему опытных и надежных офицеров и принимает на себя полную ответственность.

Хранение и перевозка снарядов. Экспедиция нынешнего года может представить некоторые данные, по которым можно судить о количестве зарядов, необходимых в продолжение военных действий. Число выпущенных в нынешнем году зарядов может считаться за maximum, по которому и вперед должно делать заготовление для предстоящих экспедиций, сообразуясь с временными обстоятельствами. Сообразно с этим числом должны быть устроены и местные хранилища военных запасов, ибо хорошее и достаточное помещение зарядов может быть не менее важно для их качества, как и самое изготовление зарядов. Перевозочные средства должно по возможности применить к гористой местности, т.е. наибольшую по возможности часть военных запасов возить на вьюках. Для этого в местных хранилищах заряды артиллерийские и ружейные, ровно как и материалы, должны быть сложены таким образом, чтоб удобно было положить их на вьюки, т.е. в таких ящиках, которые бы по два составляли лошадиный вьюк. Ящики сии должны быть тщательно обернуты в циновки или клеенки и всеми средствами предохранены от действия сырости и воды. При каждой паре ящиков должно быть нужное количество веревок для обвязки их и для составления вьюка.

Устройство самой артиллерии. Необходимость образования особых горных батарей, кажется, уже совершенно признана и подтверждена опытом. Это необходимо во всех отношениях, но во особенности для того, чтобы была постоянная ответственность и присмотр за каждым орудием. Устройство горной артиллерии кажется довольно удовлетворительно, если [л. 20] только самая работа может быть произведена тщательно, из хорошего материала и под надзором. Но устройство легкой артиллерии оставляет еще много желать. Во многих случаях горная артиллерия бывает недостаточна, там, где нужна сила удара снарядов; например, против завалов, укреплений и саклей. Полевая же артиллерия, даже легкая, недовольно удобна при движении отряда по местам чрезвычайно гористым и оттого в большую часть времени она составляет только обременение для отряда.

Итак, существенный вопрос состоит в том, каким способом сделать легкие полевые орудия более удобовыносимыми по самой трудной местности?

Единороги¹⁷ 10-ф[унтовые] уже приспособлены к горной местности и устроены на горных лафетах; относительно же пушки 6-фунтовой этого сделать было совершенно невозможно, потому что для нее требуется большой заряд и, следовательно, лафет достаточной прочности. Кажется, горный лафет не слишком непрочен и для 10-[фунтового] единорога, для 6-ти же фунтовой пушки должно придумать совершенно другие средства. Конечно, можно несколько уменьшить вес самого тела орудия, укоротив его, уничтожив фризы и разные бесполезные украшения, но все это недостаточно для предполагаемой цели, ибо количество пороха в заряде не может быть уменьшено без уменьшения силы удара снаряда, а сила удара, как уже выше было сказано, есть главнейшая цель, для которой полевые орудия необходимы в здешней войне. Если сохраним калибр орудия и величину заряда, то, несмотря на укорочение дула, есть непременно известная граница, далее которой нельзя уменьшить вес орудия в совокупности с лафетом.

Итак, для полевых орудий легких и батарейных, кажется, нет другого средства приспособления к горной войне, как следующее: возить тело орудия на двух [л. 21] колесах, двумя или тремя лошадьми отдельно от лафета, а лафет на двух колесах, подобно горному орудью, возить также особо на двух лошадях. В здешней войне не требуется, особенно для полевых орудий, слишком быстрого перехода из походного порядка в боевой, ибо в авангарде могут быть всегда горные орудия, а полевые бывают нужны только тогда, когда нужно разбить неприятельские укрепления или поражать его издалека. Следовательно, предлагаемое устройство не может в этом отношении считаться неудобным; но должно поручить особому комитету из опытных артиллеристов придумать, какое именно должно дать устройство лафету и как возить самое тело орудия таким образом, чтобы без затруднения можно было переложить оное на лафет. Задача сия, кажется, может быть решена довольно легко.

Кроме горных и полевых орудий в здешней войне весьма полезны конгревовы мортирки¹⁸, как оказалось из опыта последней экспедиции. Можно иметь их в значительном количестве при отряде, особенно пудовых; перевозка их не сопряжена ни с какими неудобствами.

Конгревовы ракеты¹⁹ едва ли могут быть приняты в общее употребление по неверности их полета, тем более что они не представляют никаких особых выгод, если есть в отряде мортирки.

Для легких орудий полезно было бы возить всегда половину комплекта зарядов на выюках. Другая же половина может возиться в зарядных ящиках, но лучше было бы, если бы и в последних внутренность не была перегорожена просто на клетки или гнезда, но чтоб в случае нужды можно было бы из зарядного ящика вынуть заряд, и перевести их на выюке, т.е. чтобы в большой зарядный ящик вставлялось несколько малых выючных ящичков.

[л. 22] Весьма полезно было бы иметь для возки тел легких орудий в трудных местах медведки (при каждом по одной), так притыленных к лафету, как было у орудий 19-й артиллерийской бригады, присланных из дагестанского отряда в отряд под Ахульго²⁰.

[НИОР РГБ. Ф. 169. Карт. 18. Д. 1. Л. 4–22. Машинописная копия]

Примечания

¹ *Граббе Павел Христофорович* (1789–1875) — генерал, с 1837 г. командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории, в 1839 г. под его командованием был взят аул Ахульго.

² См., например: *Лядов М.* Архив генерал-фельдмаршала графа Милютина // Исторический журнал. 1940. № 7. С. 139–147; *Зайончковский П.* Архив Д.А. Милютина // Вопросы истории. 1946. № 5–6. С. 96–104.

³ Записка Д.А. Милютина 1854 г. о необходимости воспользоваться усиленным в ходе войны с турками составом Кавказского корпуса для ускорения завершения Кавказской войны и покорения горцев / Публ. и коммент. В.М. Муханова // Кавказский сборник. Т. 7 (39) / Отв. ред. В.В. Дегоев. М., 2011. С. 286–290.

⁴ Воспоминания генерал-фельдмаршала Дмитрия Алексеевича Милютина. 1816–1843 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 1997; Воспоминания генерал-фельдмаршала Дмитрия Алексеевича Милютина. 1843–1856 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2000; Воспоминания генерал-фельдмаршала Дмитрия Алексеевича Милютина. 1856–1860 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2004.

⁵ *Сарапуу Я.Т.* Кавказский вопрос во взглядах и деятельности Д.А. Милютина // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1998. № 3. С. 71–89; *Захарова Л.Г.* Кавказ в «Воспоминаниях» генерал-фельдмаршала Д.А. Милютина // Северный Кавказ в истории России. XIX век: Сборник статей / Отв. ред. В.М. Безотосный. М., 2004. С. 106–117;

Габелко Д.Е., Перепелицын А.В. Первые кавказские военно-теоретические записки Д.А. Милютина (ноябрь 1839 — январь 1840 гг.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. № 19 (113). Вып. 20. С. 132–137; *Урушадзе А.Т.* Кавказская война в сочинениях Д.А. Милютина // Военный сборник. 2013. Т. 2. № 2. С. 163–168; *Колосовская Т.А.* «Руководствоваться многолетнею опытностью предшественников»: Д.А. Милютин и изучение истории российской политики на Кавказа (1840-е годы) // Новый исторический вестник. 2016. № 1 (47). С. 6–19.

⁶ Подробнее см.: *Милютин Д.А.* Описание военных действий 1839 года в Северном Дагестане. СПб., 1850.

⁷ *Милютин Д.А.* Указ. соч. С. 1–2.

⁸ *Урушадзе А.Т.* Указ. соч. С. 165.

⁹ Черновой автограф записки см.: НИОР РГБ. Ф. 169. Карт. 17. Д. 45. Л. 3–19.

¹⁰ *Кавказская линия* — система кордонных укреплений на Кавказе, созданная для защиты российских коммуникаций на Кавказе.

¹¹ *Вельяминов Алексей Александрович* (1788–1838) — генерал-лейтенант, в 1816 г. назначен начальником штаба Отдельного Грузинского корпуса, участвовал в строительстве Сунженской укрепленной линии, руководил покорением Кабарды. В 1831–1838 гг. командующий войсками Кавказской укрепленной линии и начальник Кавказской области.

¹² Вагенмейстер — унтер-офицер, исправлявший должность фельдфебеля нестроевой роты.

¹³ *Гевальдигер* — офицер, заведующий полицейской частью в войсках.

¹⁴ *Куринский полк* — воинское формирование армии Российской империи. В 1819 г. назначен в Дагестан, где в 1834 г. при реформировании войск Кавказского корпуса получил наименование Куринского егерского полка и был переведен в крепость Грозную. В 1839 г. 4 батальона полка вошли в состав Чеченского отряда под командованием П.Х. Граббе во время взятия аула Ахульго.

¹⁵ *Апшеронский пехотный полк* — воинское формирование армии Российской империи. В 1839 г. принимал участие во взятии аула Ахульго. См. подробнее: История Апшеронского полка / Сост. Л.А. Богуславский. СПб., 1892. Т. I. С. 489–518.

¹⁶ *Кавказский корпус* — воинское оперативное формирование, созданное в 1816 г. (Отдельный грузинский корпус), в 1857 г. был переформирован в Кавказскую армию.

¹⁷ *Единорог* — гладкоствольное артиллерийское орудие-гаубица.

¹⁸ *Конгревовы мортирки* — мортиры, разработанные английским инженером и генералом Уильямом Конгревом.

¹⁹ *Конгревовы ракеты* — боевые ракеты длиной около двух метров, изобретенные У. Конгревом в 1805 г. Дальность их полета достигала 7 км.

²⁰ *Ахульго* — аул в Северном Дагестане, который был превращен имамом Шамилем в один из опорных пунктов. В 1839 г. Чеченский отряд под командованием П.Х. Граббе штурмом взял аул, что укрепило позиции российских войск на Кавказе.

«Боясь за целостность имущества, брошенного на произвол судьбы»

Справка Г.К. Праве
о «ставропольском периоде»
в судьбе Кавказского военно-
исторического музея (1921 г.)¹

Проблема сохранения историко-культурных памятников как средств трансляции исторической памяти вызывает пристальное внимание как со стороны государства, так и общества. Особенно она актуализируется в переходные периоды истории, связанные со сменой власти и идеологии. Весьма примечательна в этом отношении судьба экспонатов, хранившихся в Кавказском военно-историческом музее, известном под названием «Храм Славы». Он был создан по инициативе администрации Кавказского военного округа в 1888 г., располагался в г. Тифлисе и представлял собой памятник славы русского оружия на Кавказе. Его коллекции увековечивали подвиги солдат и офицеров, проявленные на полях сражений русско-турецких и русско-иранских войн XVIII–XIX вв., а также в ходе военного противостояния с горцами Северного Кавказа.

Экспозиция и обширные фонды музея включали живописные полотна (выполненные художниками: Ф.А. Рубо, Н.С. Самокишем, И.К. Айвазовским) и портретную галерею выдающихся кавказских деятелей; военные трофеи, в том числе собрание знамен, орудий, ручного холодного и огнестрельного оружия; предметы вооружения, обмундирования и снаряжения русской армии; альбомы фотоснимков, коллек-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-01-12012.

*Публикация
и комментарии*

Т.А. КОЛОСОВСКОЙ

ции орденов, медалей и нагрудных знаков. Как подчеркивали специалисты, «по количеству и содержанию экспонатов это был один из наиболее богатых музеев, с которым могли поспорить лишь очень немногие военные музеи», а по охвату всех отраслей военного дела он являлся «единственным в России музеем такого рода»¹.

Особый отдел музея составляла библиотека. В ней были представлены издания по военной истории Кавказа, собрание рукописей и документов по истории Кавказской войны. К документальным коллекциям музея обращался Л.Н. Толстой в ходе работы над своей знаменитой повестью «Хаджи-Мурат».

Музей вел активную научную и издательскую деятельность. Его материалы публиковались в «Кавказском сборнике» и выходили отдельными изданиями. Руководители музея: генерал-лейтенант В.А. Потто (с 1906 по 1911 г.), полковник В.И. Томкеев (в 1912 г.), подполковник С.С. Эсадзе (с 1913 г.) были знатоками военной истории Кавказа и авторами основательных работ по кавказской тематике³.

«Храм Славы» не был закрытым учреждением военного ведомства. Его двери были открыты для всех желающих, а экспозиция, выполняя государственный заказ, подчеркивала мироустроительную роль российских императоров и их армии на кавказской окраине страны. Это было учреждение, где, по словам современника, «можно было узнать настоящим новым поколениям народов

Кавказа, выросшим в мире, без бранных тревог, о том, кого они должны благословлять за этот мир и кто те, которые добыли этот мир, давший им счастье пользоваться благами цивилизации...»⁴. Для посетителей был разработан Указатель, который позволял познакомиться с ходом военных событий на основе подробного описания представленных в музее предметов. В нем каждый портрет имел свою биографию, каждый трофей — свою историю⁵. В целом «Храм Славы» стал активным и действенным средством популяризации знаний о военной истории в контексте имперской концепции присоединения Кавказа к России.

Музей оказывал непосредственное влияние на формирование социальной среды, способной к восприятию смыслов и ценностей империи. Практическую значимость такой деятельности подчеркивали сами его организаторы: «Кавказский военно-исторический музей — это тот величественный памятник победоносной Кавказской армии, на котором все народности Кавказа — русские, грузины, армяне, мусульмане — найдут имена своих героев, совершивших великое дело умиротворения Кавказа для его культурного развития и запечатлевших кровью своей беззаветную верность Царю и Родине»⁶.

В годы Первой мировой войны, в условиях приближения театра военных действий к Тифлису, было принято решение об эвакуации музея. Его имущество упаковали в ящики, погрузили в железнодорожные вагоны и отправили в г. Ставрополь, ко-

торый был определен конечным пунктом эвакуации. После этих событий музей как единое целое перестал существовать, пополнив «печальный мартиролог разрушенных, уничтоженных, погибших по ряду причин и расплывшихся военно-исторических коллекций»⁷.

Судьба экспонатов «Храма Славы» привлекала и продолжает привлекать внимание историков. Его отдельные предметы обнаруживаются в музеях Дагестана, Грузии, некоторые экспонаты оказались утраченными. Несмотря на появляющиеся в настоящее время добротные исследования⁸, по этой проблеме по-прежнему остается много нерешенных вопросов: как музейным экспонатам, отражающим имперскую идеологию, удалось пережить годы революции и Гражданской войны, какую позицию по отношению к ним заняла новая власть и, наконец, кто были те люди, которые приняли живое участие в спасении музейных коллекций?

Ответить на поставленные вопросы поможет публикуемая «Справка о судьбе Тифлисского военно-исторического музея “Храм Славы”». Ее содержание отражает историю пребывания имущества музея в г. Ставрополе в переломный для страны период революции и Гражданской войны. Этот документ был подготовлен в 1921 г. Г.К. Пправе для Всероссийской коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Наркомпросе.

Георгий Константинович Пправе (1862–1925) являлся известным

в Ставропольской губернии общественным деятелем, музееведом, основателем и попечителем Ставропольского городского музея. После установления советской власти он стал заведующим этого музея, который получил новое название — «Центральный народный музей имени Марии Васильевны Пправе». Именно на долю Г.К. Пправе выпало тяжелое бремя сохранения вывезенных из Тифлиса в Ставрополь музейных коллекций. «Боясь за целостность имущества, брошенного на произвол судьбы», ему пришлось вести переговоры с местными властями о передаче музейных коллекций в ведение городского музея, осуществлять его перевозку, описание и охрану. Г.К. Пправе и его коллегам по Ставропольскому городскому музею удалось спасти музейные коллекции «Храма Славы» от разграбления и окончательного уничтожения. Какими трудами это было сделано, повествует публикуемый документ.

Подлинник Справки Г.К. Пправе был обнаружен в фонде «Материалы музейного отдела Главнауки Наркомпроса» Отдела письменных источников Государственного исторического музея (г. Москва). Ее копия хранится в настоящее время в фондах Ставропольского государственного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе⁹.

В ходе составления комментариев к публикуемому документу использовались материалы из двух фондов Государственного архива Ставропольского края: Ф. 1043. Ставропольский городской музей им. М.В. Пправе

и Ф. № Р-645. Ставропольский государственный краеведческий музей им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе. Хранящиеся здесь документы, в первую очередь отчеты о деятельности Ставропольского городского музея и Ставропольской губернской секции по охране памятников искусства и старины, а также переписка с мест-

ными властями позволили дополнить и объяснить многие факты из Справки Г.К. Пправе.

Текст документа приводится в авторской редакции, с исправлением опечаток, по нормам современной орфографии и пунктуации. Стилистические особенности оригинала сохраняются.

Справка о судьбе Тифлисского военно-исторического музея (Храм Славы)

12 февраля 1921 г.

15 мая 1918 г. попечитель и основатель Ставропольского земского городского музея им. Марии Пправе Г.К. Пправе узнал из газетной заметки, что штаб Красной армии, только что организовавшейся, желая расширить помещение, занимаемое им в доме Венецианова по Николаевскому проспекту (ныне ул. Красная)¹⁰, потребовал немедленного освобождения помещения, занятого имуществом Военно-исторического музея, эвакуированного военными властями в Ставрополь в 1914 г. На другой же день утром Пправе отправился в названный музей и застал такую картину: верхняя перемычка над входной дверью была сломана для увеличения выходного отверстия. 18 ящиков с имуществом музея были уже вывезены. Все большие ящики с картинами были вскрыты с одной стороны, вероятно для проветривания картин, т.к. помещение было очень сырое, несколько ящиков, по-видимому с оружием, было взломано и часть оружия разбросана в нижнем помещении музея. Боясь за целостность имущества, брошенного на произвол судьбы, Пправе немедленно обратился в СНК, прося принять меры к охране имущества музея и приостановке вывозки его, столь беспорядочной и опасной для его целостности. Комиссариат направил Пправе к комиссару просвещения, заявив, что музей находится в его ведении.

Направившись туда, Пправе указал заведовавшей в то время комиссариатом просвещения тов. Вальяно¹¹ на недопустимость такого обращения с народным достоянием и просил принять меры для прекращения беспорядочной вывозки столь ценного имущества и к охране его военным караулом. Вальяно немедленно вступила в переговоры с военным комиссаром тов. Петровым¹². Караул был обещан (но фактически не дан) с предупреждением, однако, что имущество музея должно быть вывезено во всяком случае не позже двух последних дней.

В тот же день вечером по представлению тов. Вальяно все имущество музея было передано постановлением СНК в собственность Ставропольского

земско-городского музея (ныне Центральный народный музей им. Марии Пправе) и была ассигнована сумма в 2250 руб. на перевозку музейного имущества в земско-городской музей¹³, но городской архитектор не нашел возможным допустить сложить всю тяжесть этого имущества (всего до 200 ящиков) на свободной неотделанной половине музея ввиду непрочности половых балок верхнего этажа. Пришлось поэтому все тяжелые предметы (медные и стальные пушки, ядра, каменные плиты и ящики со знаменами) сложить внизу, под музеем, в отдельном помещении, туда же перенести и доски от громоздких разобранных ящиков с картинами, которые вынимались из рам и отдельно переносились на руках под присмотром персонала музея и с его помощью. Иначе в неразобранном виде их невозможно было перенести и внести в помещение музея. Многие гипсовые скульптуры и модели были разбиты вследствие плохой упаковки и впоследствии реставрированы на средства земско-городского музея — всего 20 гипсовых фигур и групп и две модели судов¹⁴.

Единственным документом, указывающим состав имущества музея, был никем не подписанный перечень ящиков с кратким, однако не соответствовавшим действительности указанием их содержимого.

Музей был перенесен в три с половиной дня при сильном ветре, тормозившем переноску. Для этого был мобилизован весь немногочисленный штат музея и семья Пправе¹⁵. С помощью такого переноса и удалось произвести с достаточной аккуратностью переноску всего имущества музея. Вывезенные 18 ящиков были обнаружены в доме Ерганжиева по Красной улице и также перевезены в музей.

Составление описи части имущества, которое было откупорено, и размещение его в весьма тесных помещениях музея заняло более двух с половиной месяцев работы тех же лиц, причем работа часто длилась до первого часа ночи. Все ящики, плотно запакованные и неповрежденные, а также все, на которых сохранились печати и замки, не были раскупорены, а помещены в хранилище в том виде, как были найдены при перевозке. Ценность всего сохраненного земско-городским музеем имущества колоссальна, т.к. одних знамен имеется 12 больших ящиков (еще не вскрытых до сих пор), масса серебряных труб и столовых приборов, принадлежавших ранее различным Кавказским полкам и, вероятно, переданных ими Тифлисскому музею, немного серебряных монет и много золотых и серебряных орденов и медалей и чрезвычайно ценного исторического материала и имущества. Особенно ценным следует признать собрание больших масляных полотен таких художников, как Рубо, Самокиш, Айвазовский и др., а также большая коллекция масляных портретов деятелей покорения Кавказа и исторических лиц.

Много ценных и редких гравюр и литографий. Все это чрезвычайно ценное имущество пришлось нагромождать в разных укромных уголках музея, так как город несколько раз переходил из рук в руки¹⁶ и в переходные моменты на музей не раз делалось нападение довольно значительных лиц (до 25 человек)

самозванных обыскивателей и просто отдельных шаек, с целью разграбления, но благодаря искусному размещению предметов музея и особенно самоотверженной защите его смотрителем музея Елисеем Романовичем Ходариным, живущим при музее, и заведующей музеем Анны Яковлевны Денисевич удалось сохранить в неприкосновенности все имущество музея, за исключением нескольких малоценных шашек и кинжалов, расхищенных одной из шаек.

За неимением данных о составе Тифлисского музея пришлось отмечать в единственном имевшемся в Городском музее печатном каталоге этого музея¹⁷ изд. 1913 г. все имущество, но, к сожалению, этот каталог был отобран генералом Глазенапом¹⁸ для просмотра и не возвращен в музей, несмотря на неоднократные требования о возврате этой единственной цельной описи поступившего имущества, а также списка ящиков, приложенного к тому же каталогу, так и не удалось получить обратно.

Ныне по приезде из Москвы тов. В.В. Ракшевского¹⁹, по предписанию из Москвы им приступлено к новой описи всего имущества Военно-исторического музея в порядке постепенности его ценности, совместно с Комиссией, состоящей из представителя Рабкрина и Финотдела, заведующего Центральным народным музеем Пправе, заведующего хозяйственной частью того же музея тов. Хадарина и секретаря секции по Охране памятников старины и искусства. Ракшевским также производится промывка картин и другого имущества Военно-исторического музея²⁰.

Главная масса серебряных и золотых вещей, кроме нескольких особенно художественных, переданы на хранение в кладовые Ставропольского Губфинотдела, по распоряжению Предгубревкома от 25.12.20 за № 5447²¹. Музей уверен, что все бывшее имущество Военно-исторического музея, эвакуированное в 1914 г. в Ставрополь и переданное Советской властью в собственность Городского (ныне Центрального народного) музея, окажется в полной целости и сохранности²².

Заведующий Центральным народным музеем *Г. Пправе*
[ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 1018. Л. 77–77об.
Подлинник. Машинопись]

Примечания

¹ *Воробьев Т.И.* Гибель «Храма Славы» // Вестник музея-панорамы «Бородинская битва». М., 2006. Вып. III. С. 120.

² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 2. Д. 8286. Л. 35–35об.

³ *Потто В.А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах

и биографиях: В 5 т. СПб., 1887–1889; *Он же.* Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе. Тифлис, 1906–1909. Вып. I–II; *Томкеев В.И.* Кавказская линия под управлением генерала Емануеля // Кавказский сборник. Тифлис, 1898. Т. 19; 1899. Т. 20; *Эсадзе С.С.* Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Тифлис, 1914 и др.

⁴ Кавказский календарь на 1889 г. Тифлис, 1888. С. 49.

⁵ Указатель по Кавказскому военно-историческому музею. Тифлис, 1907.

⁶ Путеводитель по Кавказскому военно-историческому музею. Тифлис, 1915. С. III.

⁷ *Воробьев Т.И.* Гибель «Храма Славы»... С. 114.

⁸ *Максимчик А.Н.* Кавказский военно-исторический музей. История и судьба уникального музейного собрания // Кавказский сборник. М., 2015. Т. 9. С. 262–292.

⁹ Ставропольский государственный музей-заповедник (СГМЗ). Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 10–10об.

¹⁰ В настоящее время пр. К. Маркса — одна из центральных улиц г. Ставрополя.

¹¹ *Вальяно Мария Константиновна* (1896–1969) — активная участница установления советской власти в Ставропольской губернии, в 1918 г. была избрана в исполнительный комитет губернского Совета и назначена народным комиссаром просвещения.

¹² *Петров Яков Григорьевич* (1893–1918) — активный участник установления советской власти на Ставрополье, в мае 1918 г. на Чрезвычайном съезде Ставропольской губернии был избран губернским военным комиссаром, в июле 1918 г. погиб от рук белогвардейцев.

¹³ Ставропольский городской музей располагался на втором этаже здания Гостиного двора на Александровской площади г. Ставрополя (в настоящее время пл. Ленина).

¹⁴ В реставрации гипсовых фигур и групп принимал участие гостивший в г. Ставрополе скульптор М.В. Хаскин. (Из отчета Г.К. Пправе о деятельности Ставропольского земско-городского музея за 1918 г. // ГАСК. Ф. 1043. Оп. 1. Д. 73. Л. 10об.)

¹⁵ Штат музея в 1918 г. включал: пожизненного почетного попечителя

Г.К. Пправе, зав. музеем А.Я. Денисевич, смотрителя Е.Р. Ходарина, зав. библиотекой В.Г. Пправе, зав. подвижным отделом Н.В. Бржезицкую, секретаря М.Г. Песчанскую, служителя С.А. Попова (умер 12 мая 1918 г. и не был никем заменен), второго служителя военнопленного австрийца и мальчика С. Борового. (Из отчета Г.К. Пправе о деятельности Ставропольского земско-городского музея за 1918 г. // ГАСК. Ф. 1043. Оп. 1. Д. 73. Л. 10.)

¹⁶ В годы Гражданской войны г. Ставрополь стал ареной борьбы двух враждующих лагерей: с января до начала лета 1918 г. власть в городе находилась в руках большевиков; в июне в Ставрополь вошел отряд А.Г. Шкуро, а вслед за ним Добровольческая армия генерала А.И. Деникина; в ноябре 1918 г. город вновь был отвоеван большевиками, но ненадолго; с декабря 1918 по февраль 1920 г. город находился под белыми; 29 февраля 1920 г. — освобожден Красной армией.

¹⁷ Речь идет, скорее всего, о «Путеводителе по Кавказскому военно-историческому музею» (4-е изд. Тифлис, 1913). В него входило описание всех экспонатов «Храма Славы», систематизированное по расположению их в залах музея: среднем, правом и левом. Один из экземпляров такого издания, без обложки и титульной страницы, хранится в настоящее время в Отделе редкой книги Ставропольской краевой библиотеки.

¹⁸ *Глазенап фон Петр Владимирович* (1882–1951) — офицер Русской императорской армии, участник Первой мировой войны, в декабре 1917 г. с частью своего отряда присоединился к Добровольческой армии, с июля 1918 по июнь 1919 г. являлся военным губернатором Ставропольской губернии.

¹⁹ *Ракиевский Василий В.* — заведующий Ставропольской губернской секцией по охране памятников искусства и старины в 1921 г.

²⁰ В ходе описи имущества «Храма Славы» Ставропольской секцией по охране памятников искусства и старины было:

а) принято на учет 14 картин, писанных масляными красками;

б) пересмотрено свыше 73 портретов Кавказских деятелей, писанных масляными красками и представляющих большую ценность в качестве исторических памятников;

в) описано и принято на учет 58 литографий и гравюр, а также несколько гипсовых, медных и чугунных статуэток;

г) принято на учет 58 фотографических снимков с натуры и с картин художников;

д) описано и принято на учет 1890 предметов, сделанных из благородных металлов, к числу коих относятся: золотые ордена, золотые и серебряные медали, серебряные Георгиевские трубы, серебряные братины, ковши, стаканы, чарки, ложки, кольца для салфеток, ножи, вилки и т.п. Предметы эти частью принадлежали «Храму Славы», частью были переданы ему на хранение разными воинскими частями». (Из отчета В. Ракшевского в Отдел Наркомпроса по делам музеев и охраны памятников искусства и старины от 1 июня 1921 г. // ГАСК. Ф. Р-645. Оп. 1. Д. 10. Л. 4.)

²¹ Хранение ценных предметов в Центральном народном музее было признано небезопасным. Словесные переговоры с Губревкомом о выделении специальной охраны ни к чему не привели, и караул в музее так и не был установлен. (Из отчета В. Ракшевского

в Отдел Наркомпроса по делам музеев и охраны памятников искусства и старины от 1 июня 1921 г. // ГАСК. Ф. Р-645. Оп. 1. Д. 10. Л. 4об.)

²² Вопрос о целостности и сохранности переданных в Губфинотдел экспонатов волновал не только ставропольских музейщиков. В фондах ГИМ отложилась официальная переписка по этому вопросу Уполномоченного Всероссийской коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Наркомпросе Д.М. Павлова (г. Пятигорск). «Соглашаясь с тем, что в интересах безопасности экспонаты следовало изъять временно из музея», Д.М. Павлов находил «не вполне безопасным и совершенно нерациональным дальнейшее пребывание их в кладовых финотдела» и просил уполномочить его или «специально командированное в Ставрополь лицо на право перевоза экспонатов в Кубанский музей, если ставропольцы не обеспечат должной сохранности их в своем музее». Из этой же переписки следует, что Д.М. Павлов выступал с инициативой создания Северо-Кавказского Центрального музея, в состав которого должны были перейти экспонаты бывшего «Храма Славы». (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 1018. Л. 197–198.)

Планам Д.М. Павлова не суждено было осуществиться. В 1923 г. имущество «Храма Славы» было реэвакуировано в г. Тифлис, но подробной информации о подготовке и осуществлении этого мероприятия в отчетах Ставропольского городского музея за 1921–1923 гг. обнаружить, к сожалению, пока не удалось.

О советском Нальчике с грустной иронией

Алексей Демосфенович Богатуров родился 24 мая 1954 года в Нальчике. В 1971 году уехал в Москву, где до 1976 года учился на факультете международных отношений МГИМО. В 1976–1988 годах — стажер, младший научный сотрудник, старший научный сотрудник Института Дальнего Востока АН СССР (РАН). В 1979–1981 годах обучался в аспирантуре Института Дальнего Востока. В 1983 году в том же институте защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности «История международных отношений» на тему «Проблема обеспечения энергосырьевыми ресурсами во внешней политике Японии в 70–80-е годы». В 1988–2000 годах — старший научный сотрудник, заведующий Сектором сравнительных внешнеполитических исследований, заведующий Отделом евразийской политики, главный научный сотрудник, заместитель директора Института США и Канады АН СССР (РАН). В 1996 году в том же институте защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора политических наук по специальности «Политические проблемы международных систем и глобального развития» на тему «Конфронтация и стабильность в отношениях СССР и России с США в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995)».

В 1991–1996 годах — доцент Кафедры истории международных отношений (ИМО), в 1996–1999 годах — профессор и руководитель магистратуры мировой политики и международных отношений, в 1999–2006 годах — профессор Кафедры ИМО МГИМО МИД России. Под руководством А.Д. Богатурова в эти годы подготовлена монография, написанная

*Автобиографические
заметки*

А.Д. БОГАТУРОВА

коллективом сотрудников академических учреждений и университетов России, «Системная история международных отношений. 1918–2005 гг.» в четырех томах. В 2005–2007 годах — декан Факультета политологии МГИМО и заведующий созданной им Кафедрой прикладного анализа международных проблем. В 2007–2009 годах — проректор по программному развитию, в 2010–2011 годах — первый проректор МГИМО МИД России.

В 2002–2011 годах — главный редактор, с 2013 года — председатель редакционной коллегии журнала «Международные процессы», входящего в глобальную реферативную базу данных «*Scopus*».

Заслуженный деятель науки Российской Федерации (2009). Лауреат премии Правительства РФ 2011 года в области образования. Лауреат Премии им. Е.В. Тарле Российской академии наук (2006).

Улица Пушкина, номер 73 города Нальчика, квартира, кажется, пятая — это и есть моя родина, потому что я родился *дома*. Две смежные комнаты и вход через застекленную веранду — теперь этого здания нет (лет пятнадцать прошло с тех пор, как его сломали). На этом месте стоит новое, многоэтажное — наверное, в нем живет много людей. Под одним номером дома было таких жилищ восемь-девять, наверное. Жителей было человек 35. Дома были одноэтажные, только один из них был построен как-то прилично, достойно, он выделялся из общей застройки — фундамент, вероятно, был заложен основательно...

Итак, номер «дома» был общим, здания тянулись вереницей — две-три квартиры сходились в одном домике с разными номерами. Их было пять или шесть. Все носили один номер дома. Были построены почти в ряд, «лицом» на улицу, выходом — во двор, за исключением того места, где был кран — там был просто высокий забор, из-под которого вода выливалась на улицу. Напротив номера 73, наискосок от него, в угловом доме на перекрестке был детский сад № 2, кажется, в который я некоторое время ходил.

Дом простоял до конца XX в., потом на этом месте началось строительство нового здания, и старое снесли. Кажется, то было в суровый год смерти отца (1998), или уже прошло один-два года — не помню точно.

Последний раз наезжал туда в 2010 году.

Центр города

Когда-то это был центр города, двор лежал неподалеку от пересечения улицы Шоты Ногмова (была ул. Почтовой), ведущей из поселка Затишье, с улицей Кабардинской, бывшей тогда центральной улицей города. Ровная, эдакая *престижная*, улица. На ее перекрестке с Кабардинской стоял старинный Дом государственной филармонии Кабардино-Балкарского республиканского госконцерта (ул. Ногмова, 35) — не знаю, какова сейчас судьба этого здания. Проходил мимо него почти каждый день по пути в школу. Если прой-

ти еще три квартала, то дорога упиралась в крутой обрыв — улицы кончались, а в глубине оврага, вдали текла горная река Нальчик.

На угол улиц Пушкина и Почтовой выходил «главный базар» города, занимавший площадь нынешней гостиницы «Россия» и Радиокomiteта. Позже рынок закрыли, перевели его в нынешний Центральный рынок (ул. Толстого). Года через три мы переехали (1957) в новый дом на ул. Первомайской (ул. Ахохова), чуть дальше — где они пересекаются с ул. Пачева, на которую выходил окнами рынок с его правой стороны. Здесь прожил основную часть своей жизни в Нальчике, окруженный цветами, деревьями и заботой родичей и соседей — их, можно сказать, было три семьи.

Общались, несколько «раздельно», с друзьями и соседями по «нашему» и «основному» дому. Дело в том, что «наше» крыло оказалось разбомбленным во время войны, и его взялась восстанавливать со всеми удобствами автоколонна № 1437, где работал папа. Когда работа была закончена, на первом этаже расположились офисы Автотранспортного управления республики, а на втором — квартиры отдали под жилой фонд. Удобства старого, «основного», корпуса сделали только к 1980-м годам и частично расселили его обитателей в новые дома («основной» был переполнен) (фото 1).

Бабушка Феодосия Исидоровна Горячева (Севостьянова) родилась 8 октября 1898 года, умерла 30 августа 1979 года. Оговорюсь сразу — официальной датой рождения был, скорее всего, 1895 год. Мама в годы войны что-то делала с оформлением документов, чтобы выглядеть старше и, может быть, выдавать за своего сына Эдика, мальчика сестры Полины.

Вторым браком бабушка была замужем за Емельяном Константиновичем Горячевым, лет на двадцать старше ее первого мужа. О первом помню смутно, но вроде был он молодой и любил ее бывать за житейские беды. В этом браке она родила девочку, которая умерла от болезни в младенчестве. Вскоре после этого они крупно повздорили, и она, вскочив в телегу и ударив его чем-то крепко, уехала к своим родителям.

Спустя значительное время она познакомилась с Емельяном Константиновичем. Был он человеком известным, в возрасте, вроде бы даже атаманом. Но хозяйством она управляла довольно самостоятельно. Во второй половине 1928 года случилось «хлебоборбное дело» Армавирского округа. Подробностей тогдашних противоречий казачества и советской власти совершенно не знаю. Известно только, что Горячев был по этому делу арестован, и потом была получена официальная бумага — дескать, виновен и ссылается на десять лет без права переписки. Впоследствии выяснилось, что он был тогда же и расстрелян в тех краях.

У него был сын от первого брака (жена умерла), Василий Константинович Горячев, живший в Армавире отдельно от второй семьи отца. По годам он был бабушке примерно ровесником. Это он будто бы ей наказал скрываться от свидетельствования по делу его отца. Никто из нашей семьи отношения с ним впоследствии не сохранил.

Фото 1. Андрей Григорьевич Богатуров. Наш дедушка. 1915 г.

Бабушка с двумя детьми тоже там жила, тайно спасалась, убежав на поезде до станции Прохладной и там пересев на ветку до Нальчика, в Кабарду. По дороге на какой-то крупной станции в вагон ворвались бандиты, которые бросились обыскивать всех пассажиров, у них отбирали деньги и ценные вещи. У бабушки таковых не было найдено, но она, судя по ее рассказу, провезла с собой серебряные деньги — запеченные в хлебе. Потом их втайне «отмывали» на речке Нальчик и обменивали на продукты.

Нас со старшим братом бабушка любила и много времени уделяла нам. Она была грамотна, но школу окончила только четырехклассную — церковно-приходскую в сельском округе Армавирского (Успенского?) района Краснодарского края (станция Николаевская). Она пользовалась авторитетом, люди прислушивались к ее мнению. У брата Мити подозревали болезнь легких, и когда заболевание подтвердилось, она стала возить его на речку и подолгу держала над водой, с тем чтобы он ею дышал, — так она его укрепляла. Но я этого не помню по причине малолетства, знаю только по бабушкиным рассказам.

Мама, Мария Емельяновна Горячева (19 января 1923 — 18 июня 1979), окончила Кабардино-Балкарский государственный университет. Делала ка-

Фото 2. Мария Емельяновна Горячева, мать А.Д. Богатурова

Фото 3. Демосфен (Дмитрий) Андреевич Богатуров

рьеру в гуманитарной сфере, достигнув больших успехов — была сначала завучем, потом заведующей Кабинетом педагогики в НИИ усовершенствования учителей, позже — замминистра просвещения Кабардино-Балкарии и, наконец, председателем республиканского совета профсоюза работников просвещения (фото 2).

Отец, Богатуров Демосфен Андреевич (на работе и в личных отношениях его звали Димой), родился 23 апреля 1926 года, умер 19 июня 1998 года, окончил Тбилисский политехнический институт им. С.М. Кирова, грек, делал карьеру в автоколонне № 1437 Кабардино-Балкарского транспортного управления.

О знакомстве с матерью и отцом вспоминал известный кабардинский деятель Константин Касимович Эфендиев, в середине 1960–1970-х годов — министр культуры Кабардино-Балкарии. Он отметил в своих мемуарах, что помнит «Марию Емельяновну Горячеву, отличавшуюся высокой интеллигентностью», и дальше пишет о ней: «...вышла замуж за Диму Богатурова»¹. Он видел много хорошего в этой дружбе и браке. Время этого эпизода — примерно рубеж 1940–1950 годов. К сожалению, больше Эфендиев ничего о родителях не пишет, но и то хорошо! (фото 3).

Брат мой, Митя Богатуров (родился 11 июля 1951), тоже окончил Кабардино-Балкарский государственный университет, сельскохозяйственный факультет, отделение транспортного обслуживания, грек². Начинал работу в системе городского объединения таксомоторного обслуживания, и там он работал, пока ему не исполнилось 30 лет. К тому времени он стал поддаваться «детской тоске о несбывшемся». Хотел ходить по морям, как это делал двоюродный брат Эдуард Гаврилович Коренев (родился 15 августа 1940;

Фото 4. М.Е. Горячева на отдыхе в Сочи. 1965 г.

сын сестры матери, моряк), который довольно много времени провел в молодости в нашей семье, в силу сложностей характера своей матери.

После долгой и сложной подготовки Митя поехал в Калининград, где к тому времени прочно обосновался Эдик. Так «с нуля начал делать карьеру» мой брат. Он дважды был женат и имеет троих детей — двух старших дочерей и младшего сына Андрея. Из них надежды подавала старшая дочь Галина Власюк-Богатурова (родилась 3 января 1977; была замужем), окончившая Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета по части бухгалтерии. Младшая сестра, Маша Богатурова (родилась 2 февраля 1991), была замужем, растит двух дочерей.

«Не потянул» до институтского диплома — пока еще — Андрей (родился 18 июня 1991): он «почти окончил» четырехлетнюю подготовку служащих таможи, но терпения еще на один год не хватило. Пока работает на таможне и, говорят, не будет продвинут *без диплома* выше им достигнутого уровня. Дети брата пишатся греками (фото 4).

Соседи и друзья

Из близких людей скажу о двух маминых подругах — Надежде Михайловне Медведевой (родилась 28 августа 1922) и Наталье Александровне Ивановой (Ковалевской, 6 февраля 1926 — 2 августа 2009). Одна из них жила в «главном доме» (ул. Пушкина, 73), который в просторечье назывался «дом Медведева»; другая — у края города, на углу улиц Свободы и Революционной — меньше квартала до моей школы № 3, куда я ходил с четвертого класса (ул. Революционная, 27). Это — в двух кварталах от места на ул. Кабардинской, на котором когда-то стояла большая городская церковь, разрушенная в эпоху революции. При мне ни о чем таком не говорили — узнал о месте, где была церковь, когда мне было уже под 40. В 1960-е годы там был пустырь — на Кабардинскую выходил фасадом старинный (так мне тогда казалось) кинотеатр «Победа», а во дворе не было ничего (ул. Свободы), просто «пустая площадь». Видимо, церковь занимала целый квартал между двумя улицами.

Первая из подруг мамы была врачом, а вторая — учителем литературы. Обе они были замужем, было у них по двое детей, причем старшие — мальчики, младшие — девочки. У первой муж был партийным деятелем, вторым секретарем Майского РК КПСС Кабардино-Балкарии, у второй — преподавателем в КБГУ, биологом, кандидатом наук. Первый был значительно старше второго. С «третьим мужем», моим папой, он сдружился, а к ним в компанию легко вошел и второй. Первого звали Дмитрий Васильевич Медведев (28 ноября 1897 — 27 февраля 1985), второго — Виктор Григорьевич Иванов (30 мая 1921 — 4 февраля 1999), потомственный уроженец Нальчика.

Но сначала — о ближайшей школе № 4, располагавшейся в начале проспекта Ленина, на стыке двух дорог, городского вокзала и центрального автовокзала, который уже был перенесен в 1979 г. из центра подальше к краю, к объездным улицам. Неподалеку от вокзальной площади сейчас расположена главная мечеть города (прежде в ней, до перестройки, был кинотеатр «Ударник», потом «Юность»). В школу ходил первые три года, а потом перешел (потеряв два года немецкой языковой подготовки!) в английскую спецшколу № 3. В школе № 4 познакомился с тремя людьми, с которыми общался много лет спустя, — Александром Щегловитовым (мастером спорта по плаванию на момент окончания школы), Ниной Реутовой, Олей Карасик (которая в школу № 4 ходила недолго), а также Аллой Бондаренко (доктором филологических наук в МГУ) (фото 5).

Кроме них было еще, конечно, много других. Я ходил в 1а. Эту школу посещали, по крайней мере, человек пятнадцать из тогдашних знакомых: Вален-

Фото 5. Д.А. Богатуров в конце 1940-х годов

Фото 6. Надежда Михайловна Медведева и Мария Емельяновна Горячева — заместитель главврача КБ Республиканской клинической больницы и заместитель министра просвещения КБ АССР. 1972 г.

тин Сивачев, Владимир Жириновский (оба из моего дома), Александр Юрковский, Сергей Назаров, Сергей Цукер (перешел в № 3, но через год уехал в Пятигорск), Мухаммед Газов, Виктор Самедов (уехал с третьего класса в Ростов-на-Дону), Нина Реутова, Алла Осецкая (ушла в школу № 2), Оксана Денисенко (художница), Ирина Семенова, Елена Плохих, Юра Хорунжий (ушел в школу № 1). Мама тогда еще работала завучем в этой школе, а брат учился в ней же, но, естественно, на два года старше.

О девочке Н. Реутовой воспоминание особенно ярко, потому что в тот период она написала мне записку, в которой призналась в любви. Конечно, такие записки у маленьких людей вообще ничего не стоят! Было нам восемь или девять лет, точно не помню. В памяти запечатлен новогодний утренник в школе — во втором классе, вероятно. Реутова была одета в костюм балерины, а я был с бабушкой. Был потрясен ее красотой, а бабушка недовольна — «вырядилась и туфли балетные» грязные, мать ее их мелом в классе подкрашивала, говорила бабушка, — чтобы не было заметно. Кажется, спустя годы, я ушел в школу № 3 раньше, чем она.

Подруг мамы помню достаточно четко, наверное, от страха, который внушала их работа. Еще помню, как играл с Таней Медведевой (родилась 30 января 1952, старше меня на два года) и «воспитывал» Олю Иванову (6 декабря 1956), уж слишком она казалось маленькой (фото 6).

Прохождение азов

Потом наступил четвертый класс, и мама вдруг заговорила со мной о возможности перехода в школу № 3 — что было на моем третьем году изучения немецкого языка. В голове все перевернулось — а как же немецкий? Учительница Ирма Давыдовна Шнейдер — колоритная, разумная женщина, но, увы, сильно близорукая. Говорили, что она была *настоящей* немкой. Запомнил ее на всю жизнь — она умерла 4 сентября 1986 года.

Недолго помучившись, я согласился с предложением мамы. В школе № 3 все началось с учительницы английского Надежды Петровны Гиниятулиной. Она была замужем за башкиром и потом имела от него трех детей — двух сыновей и дочку. Она взялась за меня и за полгода научила так, что я оказался наравне с остальными. Английский пошел, но сильной моей стороной он не был. Произношение — так себе, грамматика — другое дело, там я все понимал. Но говорил плохо — стеснялся, наверное! В общем, «книжный» был язык. Потом — года через три — мама снова отвела меня к Шнейдер и оставила с ней заниматься. Вот такая весьма своеобразная была языковая подготовка. Два языка — английский и немецкий. Кошмар (фото 7).

В школе № 3 тоже были товарищи — Валера Тарасов (умер, едва ему исполнилось 50), Валера Костюк (после 8 класса ушел в школу № 1), Григорий Данилович Гольдберг, Руслан Чундоков (до 8 класса), Саша Прозоровский (тоже умер около 50), Владимир Рыбин (фамилия у него потом стала Алиев), из девочек — Наташа Кузина и Ирина Рыжова. Еще две девочки — Галина Мотлох и Таня Руденко. Еще появились Ольга Карасик и Римма Дзуганова (с которой вместе сидел в 4–5 классах). Потом в девятом классе к нам добавилась Реутова — слились вместе восьмые «а» и «б». Были еще две «дамы» — Татьяна Писарева и Елена Петренко.

Скажу о соседях — балкарской семье. Отец Локман, мать Нафюсат и три дочери — Люба, Лида и Люда. Из них сблизился со средней девочкой Лидией Локмановной Жабеловой (родилась 2 мая 1952). Она была на два года старше меня и ходила в школу № 4. При мне поступала в университет — неудачно. Два года размышляла и затем поступила в КБГУ на заочное отделение на специальность «русская литература». Потом начала делать карьеру в комсомольских и советских органах и в библиотеке для юношества. Была замужем, родила дочь Лейлу Тапасханову. Ее бывший муж Валерий стал потом видным деятелем, членом-корреспондентом РАН, директором Высокогорного института.

Фото 7. Ирма Давыдовна Шнейдер в канун ее 70-летия

После трех лет замужем за ним, насколько я знаю, она больше замуж не выходила. Дочь ее после КБГУ переехала в Москву и вышла за русского, родила в этом браке двоих сыновей.

Конечно, помню Ларису Александровну Ляликову (родилась 12 апреля 1958; Афанасьева по мужу). Она жила в Больничном переулке и ходила в нашу школу. Учительница истории Людмила Николаевна Борисенко рекомендовала мне встретиться с нею (кажется, я тогда оканчивал институт). Она собиралась поступать в МГИМО и расспрашивала меня о подробностях. Поступила, и мы лет восемь потом встречались один-два раза в год. Она почитывала мои книжки, а я — ее. Защитила кандидатскую диссертацию по международному праву в Институте государства и права РАН. Молодость у нее прошла в США, теперь живет в России. Замужем. Дочь Катя родилась в США и выросла на большую половину американкой, окончила бакалавриат по английской литературе, кажется, в Вильямсбурге и магистратуру в Вашингтоне и в Великобритании по истории искусств. Лариса с мужем живут в Москве, Катя — в Нью-Йорке.

Отдельно вспоминаю спортивную плавательную школу — бассейн в Долинске. Первенствовал там Виктор Иосифович Семашко. Этого человека нельзя забыть, вспоминаю о нем с благодарностью. Славный и смелый был человек. Ко мне относился «с пониманием положения моей мамы». Это было примерно с шестого по десятый класс. Он умер в 2009 г., кажется. Жаль, что его нет.

«Школа» мамы

Мама была передовой во всяких смыслах, это я только теперь понимаю. Пробилась из простой школы в НИИ усовершенствования учителей (1962–1965) и далее в министерство просвещения (1965–1975) и в республиканский комитет профсоюза работников просвещения и высшей школы (1975–1979)³. Также работала в школах «в эмиграции» — когда вместе со своей мамой и сыном сестры Эдиком на время оккупации Нальчика выехала в Сталинабадский район Таджикской ССР (г. Шартуз) и когда была позже в Благовещенске на Дальнем Востоке — по документу от сестры, Полины Горячевой, которая была тогда военной медсестрой. Полина окончила медучилище в Нальчике и отправилась на военную службу. Надо сказать, что обе сестры об этом говорили мало.

Когда мама шла по городу, то ногами, руками, сердцем чувствовала, что «что-то в нем не так». Она писала и говорила, что дело стоит не совсем на том уровне, на каком было нужно. Зачастую она не знала, в какую сторону идти. Опытом, через ошибки и благодарности в многонациональном коллективе (кабардинцы, балкарцы, русские, горские евреи-караимы), не сбиваясь с курса, нащупывала путь. Подтянуть, помочь, исправить и выйти на нужный результат. Она опиралась на свою интуицию. Вспоминаю ее с тоской. После кончины она снилась мне года три подряд. Такова мальчишеская привязанность. Спасибо тебе.

На ее пути я был скорее удивлением, но приятным. Со мной она тоже не всегда понимала, что можно еще сделать. Но опыт, разговоры с людьми — разными по возрасту и жизненным траекториям, метод проб и ошибок — приводили ее к решению всех проблем.

Вспоминается Василий Кузьмич Погребняк, в 1957 году бывший первым секретарем Нальчикского горкома партии⁴. Это был человек, который ее знал и даже заходил с женой к нам домой в 1960-е годы. Супругу его звали Надежда *Емельяновна*, что вызывало ассоциации с отчеством мамы и давало почву для разного рода слухов. Но это было всего лишь совпадением.

Содействовал ли он карьере Горячевой? Не знаю. Но, вероятно, был умным деятелем. Была какая-то связь между ним и Тимборой Кубатиевичем Мальбаховым (первым секретарем КБ обкома КПСС в конце 1950-х — начале 1970-х). Вероятно, это был тот случай, когда что-то сработало. По крайней мере, известно, что Т.К. Мальбахов не дал «пустить в ход» дело об отце Горячевой, который был арестован и расстрелян по «делу о кубанском саботаже» (1928), и принял по ней принципиальное решение — она прошла утверждение. Сказать что-то более определенное не могу.

Женщиной, которая в эту пору могла поддержать кандидатуру мамы, возможно, была Ольга Ильинична Колумбет (24 декабря 1910 — 29 ноября 1993), заместитель министра просвещения республики непосредственно до мамы. Была ли Горячева избрана в качестве преемницы самой Колумбет, или она была рекомендована кем-то еще, не знаю. Знаю только, что в министерстве была какая-то неприятность при прежнем втором человеке — это все, что могу вспомнить. Она больше общалась с Н.М. Медведевой — познакомились они еще в г. Майском, через своих мужей. С моими родителями Колумбет хорошо общалась, как и ее муж, Василий Иосифович Воробьев (12 января 1908 — 14 мая 1974, первый секретарь Майского РК КПСС), его племянница и ее семья.

Отец мой, Дима (Демосфен) Богатуров, был умеренно горяч, находчив, умом не обижен. Давал другим поразмыслить, а потом сам, что называется, говорил, как отрезал — так, что отвечать уже было нечего. Он был мужчина, и этим сказано все. Улыбался до самого конца, хотя в последние годы это было труднее — очень много проблем было, в основном у Мити, в его жизни на новом месте в большом городе. Отец доработал до 72 лет, оставался все время живым, энергичным, хотя стал более задумчивым⁵. Со мной он оставался мягким, интересующимся, спрашивающим. Всегда был готов помочь советом — в служебных делах, как ни странно. Брат Митя сказал о нем — «теплый и всё понимающий».

Он был после смерти мамы женат вторым браком на русской — Лине (Капитолине) Михайловне Агаповой (Фокиной). Она была моложе его на 14 лет (родилась 1 октября 1939). Он тоже выбирал ум и женскую красоту. Она работала в Кабардино-Балкарском институте управления до 2016 года! В замужестве она стала Богатуровой.

Медведева и Иванова

Теперь о «тетях», без которых не было бы ощущения детства. Робость перед «тетей Надей» растворялась всякий раз, когда речь с ней доходила до договоренностей. Во всех иных случаях она просто не шла на компромиссы. Не знаю, с чего она начинала. Помню только ее за столом в медкабинете и где-то на выезде (много разрушенных бомбежкой зданий по пути к ней), наверное, в районе городской или еще тогда республиканской больницы. Вторая половина 1950-х годов, может быть, 1959 год. Митя готовился в школу, и его усиленно проверяли врачи после болезни (а заодно и меня?).

Потом четко помню — Затишье, республиканская больница, 1960-е — начало 1980-х годов. Первый замглавврача — начальник, все ее боятся, не пойдешь. Был у нее сотни раз — глаза, сердце (спортивное), хирург, зубы, стопа. И все к ней, на все — аргументированно ответ. Странно, она не была членом партии! Вся остававшаяся жизнь Надежды Михайловны — это ее кабинет. Деловая женщина, четко мыслящая, умная, добивающаяся результатов. У Н.М. Медведевой почетное звание — заслуженный врач Кабардино-Балкарской Республики.

На работе и дома — она всегда врач. Ее дочка — все молодые годы проболевшая и пролежавшая дома, в больнице или (осенние месяцы) пробывшая в детском санатории «Артек». Она всегда над ней — лечит, колет, добивается и иногда — по словам моей мамы — просто плачет. Плачущей ее не видел, только когда сдерживается, губы очень плотно сжаты. В момент ухода моей мамы, 18 июня 1979 г., — лицо скорбное, словно сейчас заплачет, но понимает — смерть пришла. И глаза — как будто выжали из них что-то, сухие — словно воду осушили, судорожно сжатые.

Таня Медведева — неразрывно, навсегда прочно связана со своей матерью, как только она стала детским хирургом после окончания Курского медицинского института. Мы дружили с ней, но она была старше, и у нее были другие проблемы — время выходить замуж.

«Тетя Наташа» Иванова (Ковалевская) — другое дело, светлая, радостная, улыбающаяся. Запомнил ее такой: она сидит на стуле, я — на диване, на фоне портрета ее бабушки во всю стену. Она была с детства откуда-то из «света», но подробнее не могу сказать. Помню ее на майской демонстрации — года два мне было, потом — в их доме на ул. Свободы, потом на Ленина. Полная огня, готовая поделиться всем, живущая в хитросплетениях интриг и в курсе всех реальных дел. Плохо, но говорила по-английски и немного по-немецки.

Последняя встреча с ней и с Надеждой в отцовском доме — уже постаревшая, седая, но внутри полная романтизма. Часто вспоминаю ее женскую ласковость — во время поездки ее класса в Ленинград — и первый *настоящий* балет — «Шелкунчик» (мне 12 лет). Потом — ее попытки вникнуть в мои институтские дела и просто слова о любви к мужчине. Романтическая, эмоциональная, весьма неглупая «классическая» женщина.

Оля Иванова-Юринова, ее дочка, но «не та» в смысле эмоциональности. Она, как видно, пошла в отца своим практицизмом и здравым смыслом. Во время учебы в «герценке» (Ленинградский педагогический институт им. А.И. Герцена) познакомилась там с коренным ленинградцем Аликом (Олегом) Юриновым и вышла за него замуж. У нее дочь и сын — Наташа и Павлик.

Таня Медведева после Курска возвратилась в Нальчик и после небольшой заминки (года два) устроилась работать хирургом в Детской больнице, где было хирургическое отделение. Это было и сейчас есть «на выселках», в Дубках. Удивительная женщина — маленькая, хрупкая, обо всех заботится, голова полна всяких идей, всюду поспевает и никогда не болеет!

Муж ее — Игорь Львович Корольков (родился 19 августа 1952), с ним они учились в одном классе (они учились вместе с Митей). Он также пошел в медицину (рентгенолог). Жили они у Медведевой, в их уже большой трехкомнатной квартире в начале улицы Мечникова — минуты три ходу от отцовской на ул. Ахохова. Он как-то раз, будучи молодым, приезжал ко мне в Москву во время одномесечной переквалификации врачей в начале 1980-х годов, прямо у метро «Варшавская». Вел себя самостоятельно, отмечая мои и собственные особенности. Читал он и книги, стоящие в моих шкафах, — о древней истории Италии и Франции. Во время последней встречи в Москве с Таней передал Игорю на память одну из таких книг.

Заходил к ним почти каждый раз во время наездов в Нальчик после 1979 года. Обычно долго разговаривали втроем, с Таней и Игорем, о том, как обстоят дела и куда двигаться. Они работали вместе, но в разных направлениях. От них была поддержка во время маминой болезни.

У них родилось трое сыновей — Игорь, Максим и Андрей. Последний отличался умом и своеобразной эрудицией. Двое окончили КБГУ, Андрей — МГУ, физический факультет. Знаю, что в 2015 году он окончил аспирантуру МГУ и защитил кандидатскую диссертацию на тему об атомных электростанциях.

Игорь-младший давно женился, у него родилась дочка. В Москву он попал через аспирантуру Института США и Канады РАН, где я был заместителем директора и его научным руководителем (ничем его защита не кончилась).

Максим тоже женился. Он прожил в браке лет пять, а потом развелся. Детей у него нет, и живет он с бабушкой. Активно работает после своего университета — что-то по компьютерам, кажется.

Брат мой Митя в Нальчике провел большую часть своей жизни, женившись в 1975 году на девушке старше его лет на пять—семь, медицинской сестре Людмиле Васильевне Кириченко. Она родила ему двух дочек — Галю (поразительно, как на нашу мать похожа) и Машу. Обе названы в честь наших женщин: Галя (переехала в Калининград) — русский перевод с греческого «Кали» (так бабушку звали), Маша (осталась в Нальчике) — в честь нашей Марии.

Отношения с братом описывать не буду, они были сложными. Только с отъездом в Калининград отношения постепенно улучшались и полегоньку

нормализовались. Четверть века потребовалось, чтобы у меня с ним пошло на лад. В этом браке у него сын Андрей. Вторая жена, Елена Александровна Богатурова (родилась 15 марта 1950; на год старше его), у нас с ней отличные отношения.

Фактор города

Брат учился в школе № 3. Его классным руководителем была все та же Н.П. Гиниятуллина. Учил, зубрил, что-то фантазировал — ничего не получалось, возвращался в итоге к школьному. Язык оставался скованным — на всех трех, русском, немецком и английском, не мог толком говорить. То есть болтал, но не говорил свободно. «Олимпиады» школьников не помогали.

Запомнилась литературовед Нина Федоровна Самохвалова, которая была по-своему колоритной фигурой. Она вела литературу в 6б, а не у нас. Однажды ее урок произвел на меня большое впечатление, и я не мог дождаться, когда же она заберет нас к себе у Риммы Ослановны Бичоевой (завуча и в отдаленном будущем директора школы). Мы ей достались в восьмом классе и дальше были у нее до конца. Она разработала свою методику и по ней преподавала русскую литературу — замечательно, между прочим. У нее были особенности — любила поприжать на оценках. Но что делать? У нее был сын, он умер — не знаю отчего. Потом она однажды написала мне письмо, я был тогда проректором МГИМО (2008). Так просто, поделилась думами. Ответил ей.

Из девочек в школе помнится прежде всего Наташа Кузина — первая в таком жанре, но потом как-то все сникло, и я уже не искал ее. Она, как знаю, со второго курса перевелась в Москву, в Московский государственный инженерно-строительный институт (от метро «Красные ворота» на троллейбусе остановки три-четыре). Отца ее перевели в Москву, он был в Нальчике важным деятелем сельского хозяйства, кандидатом наук в 1970-х годах.

Ира Рыжова — это был интерес, скорее, с ее стороны, с моей же — только дружба. Она училась в Северо-Осетинском государственном университете, на медфаке. Потом, насколько я знаю, вернулся в Нальчик. У нее родилась дочь (или две?).

Про Олю Карасик знаю, что она была замужем и родила дочку. В 1990-х годах перебралась в Австралию.

Нина Реутова (родилась 30 мая 1954) окончила КБГУ, защитила кандидатскую, потом докторскую диссертацию, что-то по биологии или ботанике. Хоть одна у нас докторша, слава Богу! Та самая, из школы № 4. Жили они (еще ее старшая сестра и мама) на Республиканской улице (проспект Шогенцукова) и переехали после школы в новый дом там же, ближе к перекрестку с ул. Толстого. Работала в школе, потом в техникуме. По-моему, немного замкнутая, умненькая, больше обычно молчала, как оно и сейчас продолжается. Убивала ее энергия, память, способность пересказывать учебник близко к тексту — талант, которого я лишен. Из нас троих она получила *настоящую* золотую медаль, две другие — Таня Руденко и самый хилый по математике я.

После техникума, где она работала, Реутова перешла в Высокогорный геофизический институт. Ее туда неожиданно позвала дама-председатель ГАК во времена окончания университета с обещанием дать направление в аспирантуру. Обещание осуществилось, аспирантура оказалась по генетике. Потом были три года в Институте общей генетики им. Н.И. Вавилова в Москве, после аспирантуры она успешно защитилась.

В Нальчике же ее вызвали в Минздрав и сказали, что поскольку она единственный генетик, то необходимо пройти специализацию по клинической и лабораторной генетике. И полгода Нина провела в Москве, после чего перешла на работу в КБГУ.

Со временем собрался материал на докторскую, договорились о защите в МГУ. Из университета пришлось перейти в Высокогорный институт, который дал ей направление на защиту. В 2008 году в МГУ Нина защитила докторскую и продолжила работать в КБНЦ РАН. У нее дочка, 14 лет, наверное (2016). Узнал о Реутовой случайно — в Интернете обнаружил.

Галя Мотлох (племянница нашей математички Александры Митрофановны Волковой) — учительница математики в Москве, еще работает. У нее трое сыновей.

Таня Руденко — учительница английского, но уже на пенсии (не знаю, какой институт она окончила). У нее дочка.

Все эти новости знаю только по пересказам Нины.

Н.П. Гиниятуллина умерла, кажется, осенью 2002 года. Мне передали, что в ИСКРАН звонили ее родственники (я уже там не работал). И было поздно, когда новость дошла до меня. Родная кровь, своя, не чужая. Когда я оказался в курсе, решил послать ее детям деньги, как бы на похороны. Так и сделал. Но было, конечно, поздно.

О Грише Гольдберге не знаю ничего, помню только, что в Нальчике он не живет, куда-то уехал, в США, что ли?

Общался с тремя ребятами из школы № 4 — Сергеем Петровичем Алехиным (убит в пьяной драке в Нарткале в 1980-х годах), Андреем Андреевичем Руденко и Олегом Дмитриевичем Ефимовым (родился 14 сентября 1958). Они были младше меня на четыре года и все собирались получить дипломы о высшем образовании. Сергей выбрал военное училище в Орджоникидзе (Владикавказ) и попал в него сразу после школы. После училища распределился на Дальний Восток. Женился, один сын. Отец его поменялся на Нарткалу, и когда сын приезжал, ехать надо было туда. Там возникла эта драматическая ситуация, обстоятельств драки я не знаю. Но Сергей погиб.

Андрей нацелился на юридический ВУЗ, но «пролетел» в первый раз, отслужил в армии и снова поступал туда же. Он с успехом стал студентом и спустя шесть лет похвастался дипломом Саратовского юридического. По распределению поехал в Калугу вместе с женой и единственным сыном. В последние годы работал в разных городах, мне звонил из Астрахани в середине 2000-х го-

дов. Как-то говорили, что он работает в ВУЗе (Калуга) и вроде даже кандидатскую диссертацию защитил, но я этих сведений не проверял.

Олег поступал, кажется, где-то под Ростовом, успешно, но через год перевелся в КБГУ на факультет строительства. Потом пошел работать в комсомольскую организацию туризма. Вырос до выборных комсомольских секретарей. Когда ему было около 30, он выбрал полицейские войска. Олег — парень видный, высокого роста, плечи широкие, светлые волосы — парень хоть куда. Женился, двое детей — сын и дочка. Иногда с ним общались — когда я приезжал или он был в Москве.

Улицы Нальчика были «советскими», не местного колорита, а именно советскими, на каждом шагу следы коммунизма, социализма, партии. Довольно скверно, надо сказать. Сейчас, когда роешься в старых материалах, постоянно натыкаешься на советские названия. На такой улице жил и я, ходил в школу по таким площадям и скверам. И в воспоминаниях молодости то же самое — центр культуры «Восток» или «Победа», главная улица Ленина, Дом советов, Парк культуры и отдыха. На этом фоне безвременно мирно звучат имена Пушкина, Грибоедова, Гоголя, Лермонтова, Толстого. Или поэтично — Кабардинская, Балкарская, Дагестанская, Осетинская. Прислушаешься — что-то романтическое, классическое, горское, острое, по крайней мере.

С тех пор многое переименовали: Республиканскую в проспект Али Шогенцукова, Советскую в улицу Алима Кешокова, Первомайскую — в Асланби Ахоева. Ничего лучшего не придумаешь.

Иногда с иронией вспоминаешь свое увлечение балетом в местных постановках «Бахчисарайского фонтана» и «Лялюцы» (первый местный балетный спектакль заслуженного деятеля искусств Таджикистана и народного артиста КБР А. Проценко). Это было в 1964 году. Я с восторгом смотрел на одетую в алый костюм Розу Хакулову (роль Заремы, заслуженная артистка КБР, умерла в 2010 году) и — забыл имя — Молову (партия Марии)!

Не менее ярко переживаешь в воспоминаниях о речке Нальчик, какая она замечательная — шумит, несется, переворачивает камни. Вода, иногда смешанная с грязью, но бывает и очень чистая. Как позабыть такое!

Нальчикские корни

В столице, куда я приехал из Нальчика, некоторых таких, как я, опекала незамужняя дама Ирина Васильевна Козьменко, доцент, кандидат исторических наук (18 мая 1918 — 17 марта 1986). Она определяла большую часть внешней стороны их жизни. До университета она окончила техникум иностранных языков, что обеспечило ей три языка — французский, английский и немецкий. Потом поступила на истфак МГУ, позже — на работу в Библиотеку им. В.И. Ленина, затем преподавала в МГИМО, где много сил отдала своим студентам.

К тому времени протопталась дорожка к ее дому из Нальчика. Не то чтобы она прямо взяла на воспитание мальчишку с Кавказа. В Нальчик судьба забро-

Фото 8. Ирина Васильевна Козьменко. Доцент МГИМО

сила из Москвы семью Елизаветы Леонидовны Иевлевой, ее старой московской подруги по общим делам и несчастьям (об этом чуть позже).

И.В. Козьменко была театралом и «втянула» в театр меня, своего нового знакомого начиная с 1971 года. Большой театр, драматические театры, Большой зал Консерватории, концертный зал «Россия», цирк... Ездил в Болгарию (много опыта оттуда) и Финляндию. Много времени уделяла преподаванию и научной деятельности (фото 8).

Сотрудничала с академическим Институтом славяноведения и балканистики (но никогда там не работала). Это она затащила меня, студента, сопроводить ее в этот институт, находившийся в старом здании между Калининским проспектом и Поварской (не помню переулок). Войдя в приземистое небольшое здание, был потрясен необычной картиной — сотрудники все в институте, все целуют Козьменко, она ведет с ними серьезные разговоры. В ужасе осторожно спросил, что это такое *странное* происходит в этот день? *Присутственный* день — был железный ответ. Потрясенный ушел оттуда с мятежной мыслью: так вот как оно бывает на самом деле... Год был примерно 1974-й, середина января.

Большую часть времени во второй половине 1970-х годов она проводила уже дома. Жила в начале Новой Басманной улицы, и — по впечатлениям молодости — район носил живой отпечаток ее деятельности, что трудно было не заметить. Сквер вокруг памятника М.Ю. Лермонтову, рядом с которым она жила, ее хлопотами был обнесен оградой. Памятуя, как она ходила к метро, по годам помнишь этапы облегчения жизни пешехода — сначала два светофора через Каланчевскую улицу, потом переход через Садовое кольцо — для прохода к старому ходу в метро (подземного перехода еще не было).

Как преподаватель она много внимания уделяла внешнему поведенческому наследию, которое хотелось кому-то оставить. Но меня интересовало другое — *как и что* она предпочитала читать.

Раза три съездила в Нальчик. Скончалась в Москве в 68-летнем возрасте. Хоронили кафедрой международных отношений МГИМО и вторым курсом факультета МО (она не прекращала преподавать!). Жаль ее было. Могила в открытом колумбарии на Донском кладбище.

И.В. Козьменко сыграла выдающуюся роль в определении моей научной ориентации, выборке книг, рукописей и вольной манеры рассуждать. Спасибо ей за терпимость, круг общения, взгляд вокруг меня и на себя, критику и самокритику. Она нацелила меня, и не важно, что в нужный момент я легко перешел те ограничения в профессии, которые она передо мною ставила. Она уже не была свидетельницей этого, к сожалению. Умная, значительно обогнавшая свое время женщина, выдающаяся этим складом, хотя в то же время подвластная слабостям, ревности, любовности и болезням, которыми она страдала.

С московской линией Ирины Васильевны пересекается нальчикская ветвь

Фото 9. Елизавета Леонидовна Иевлева. Берлин, 20 сентября 1945 г. Фотография подарена в 1970-е годы

Е.Л. Иевлевой (2 октября 1915–1990?). Когда-то она заведовала иностранным отделом в КБ Республиканской библиотеке им. Н.К. Крупской (теперь — им. Т.К. Мальбахова). Была блестящая, колоритная женщина, щебетавшая на английском и немецком языках, а также пытавшаяся переводить со шведского. Переводила серьезные переговоры и жила в Москве, работала в системе МИД и МГИМО. Жизнь ее круто переменялась после событий 1953 года. Со своим мужем Иевлевым (офицером внутренней безопасности) она была вынуждена переехать в Нальчик, где он вскоре умер. Елизавета Леонидовна встречалась там с Козьменко и останавливалась у нее в Москве (фото 9). С нею нас познакомила, кстати сказать, И.Д. Шнейдер.

Прибегали к помощи Е.Л. Иевлевой в начале 1972 года, когда на первом курсе МГИМО возникла угроза отчисления. В тот период мне трижды меня-

Фото 10. А.Д. Богатуров. 2008 г.

ли первый язык обучения (японский после сингальского, до которого был еще и пушту), и ясно, что хотели меня списать «в отсев». Но благодаря моему упорству и звонку Елизаветы Леонидовны ректору Александру Алексеевичу Солдатову (бывшему ее товарищем по оккупационным делам в Германии) мой вопрос спустили «на тормозах». И после последовавшего разговора ректора с деканом я сдал японский, с задержкой на два месяца.

Звонок был организован из кабинета Фаины Тембулатовны Арсаевой, секретаря президиума Верховного Совета КБАССР. В нем принимали участие три человека — хозяйка телефона, моя мама и Иевлева. Такой была связь между Нальчиком и Москвой.

Кабардинцы и русские считали Ф.Т. Арсаеву красивой женщиной кабардинской элиты. Высокая, стройная, с правильными чертами лица и пышными кудрявыми волосами, одетая по последней моде. До сих пор вспоминаю редкие встречи с ней на улицах — она водила маленькую дочку в Дом пионеров (в 1968 году), где я бывал по комсомольским делам (у нее еще было двое сыновей). Еще раз — в Городском парке (году в 1995-м) — поздоровался, и она ответила, посмотрев на меня удивленным, явно не понимающим этого при-

Раздел II. ИСТОЧНИКИ

ветствия взглядом. Ф.Т. Арсаева медленно шла по Комсомольской аллее по направлению к городу с какой-то своей подругой. Много раз встречал ее до того в Нальчике и в Москве (однажды).

***

Горы и речка — это то, чего не могу забыть все эти годы. Всякий раз, когда вспоминаешь о городе в окружении лесов, волнуешься, срываешься с места, сердце начинает биться громче, и интересуешься происходящим там (фото 10).

Что тут поделаешь? Москва — сердце организма. Но он живет нормально, только когда ты знаешь, что в Нальчике все спокойно⁶.

Москва, 23 сентября 2016

Примечания

¹ *Эфендиев К.К.* Годы, события, люди. Нальчик: Изд-во М. и К. Котляровых, 2010. Т. 1. С. 84.

² Национальность себе я выбрал по матери.

³ Мария Емельяновна Горячева // Кабардино-Балкарская правда. 1979. 19 июня. С. 4.

⁴ *Эфендиев К.К.* Указ. соч. С. 176.

⁵ С ним всегда было легко... // Газета Юга. 2016. 28 апр. С. 9.

⁶ См. также: *Хагарова Д.* Алексей Богатуров: «В Москве остаюсь русским кавказцем...» // Газета Юга. 2000. 1 июня. С. 3.

Раздел III

Этнология

и культурология

Кавказские встречи и тексты литератора С. Д. Нечаева

«По указу Его Величества Государя Императора Александра Павловича Самодержца Всероссийского и прочая, и прочая, и прочая. Объявитель сего, директор училищ Тульской губернии г. коллежский асессор Степан Нечаев уволен мною для излечения к Кавказским Минеральным водам. Во удостоверение чего сей пошпорт и дан ему за подписанием моим и приложением герба моего печати. Москва. Мая 18 дня 1823 года. Его Императорского Величества Всемиловитейшего Государя моего тайный советник, Императорского Московского университета и его учебного округа попечитель, Главного правления училищ и других ученых обществ член и ордена Святой Анны первой степени кавалер князь Андрей Оболенский»¹.

Май–июнь — обычное время, когда на Кавказские воды съезжались тогда еще немногочисленные «курсовые». Однако обладатель этого «пошпорта» Степан Дмитриевич Нечаев (1792–1860) придавал своей поездке значение отнюдь не рядовое.

Поездка фактически подводила итог его девятилетним трудам на ниве народного просвещения. В сентябре 1810 г. «дворянин Степан Нечаев» получил аттестат Московского университета, удостоверявший, что на выпускном экзамене он показал по всем предметам знания хорошие, основательные и изрядные². В службу вступил в январе 1811 г. актуариусом Коллегии иностранных дел. На подьяческой должности просидел недолго и уже в апреле перешел в канцелярию князя Д.И. Лобанова-Ростовского. В период Отечественной войны собирал от имени князя ополчение во Владимире и Арзамасе. Когда же в 1813 г. начальник возглавил Резервную армию, Нечаев вынужденно вернулся в Коллегию. Пойти по военной стезе мешала врожденная или приобретенная в детстве хромота. Но и роль «архивного юноши» не

**Владимир
Анатольевич
ШКЕРИН**

прельщала. Главный управляющий Московского архива Министерства иностранных дел А.Ф. Малиновский удерживать подчиненного не стал и в июне 1814 г. сам рекомендовал его «в директоры Рязанской гимназии»³. Рекомендация сработала не вполне: в октябре того же года Нечаев, уволившись из Коллегии, прибыл на родную ему Рязанщину почетным смотрителем Скопинского уездного училища. Лишь в сентябре 1817 г. он был утвержден в звании директора училищ соседней Тульской губернии и на этом посту развернул бурную деятельность: открывал пансионы, городские и ланкастерские училища, приумножал библиотеки, перестраивал гимназические корпуса. Убеждая дворянство жертвовать в пользу народного просвещения, сам отказался от штатного жалованья⁴. Мог себе это позволить, будучи весьма состоятельным землевладельцем.

Одновременно в душе «ревностного любителя наук и просвещения» разрасталась иная страсть, требовавшая более спокойной службы, — страсть к сочинительству. На литературном поприще Нечаев дебютировал в 1816 г. публикацией стихов сразу в двух журналах: «Русском вестнике» и «Вестнике Европы»⁵. В том же году его ждал первый поэтический успех: стихотворение «На слово люблю»⁶ широко разошлось в списках, хотя имя автора при этом и потерялось. Позднее оно ошибочно приписывалось Ю.П. Лермонтову (отцу поэта) и было включено в собрание сочинений А.Г. Чавчавадзе (переведшего его на грузинский язык)⁷. В 1817 г. история повторилась: одно из произведений Нечаева обрело популярность, а имя его вновь осталось неизвестным. Текст романса «Один еще денек» сопровождала помета: «Музыка, сочиненная г-м Рачинским, находится при конце сей книжки»⁸. Нечаевский знакомец — скрипач-виртуоз Г.А. Рачинский был не единственным композитором, вдохновившимся этим текстом. Свой вариант музыки предложил А.А. Алябьев, не знакомый с Нечаевым и потому ошибочно указавший на нотах: «Слова К. Кантакузина». Ошибся Алябьев и в датировке: «Романс сочинен в 1815 году, когда я был в гусарском полку». Между тем с 1814 г. композитор служил в гвардейском Конно-егерском полку, а гусарский ментик вновь надел только в 1817 г. (когда и было опубликовано стихотворение Нечаева)⁹. С 1819 г. Нечаев начал осваивать прозу, правда, в столь миниатюрной форме, как «Мысли и замечания» («Мысли, сравнения и замечания», «Мысли»). По мнению В.Э. Вацура, в этих афоризмах «особое место занимают проблемы морали и этики», а «в критической своей части его размышления сближаются с программой Союза благоденствия»¹⁰.

Маститый историк литературы, разумеется, знал, что Нечаев действительно состоял в Союзе благоденствия и в 1819 г. даже принял в тайное общество старшего учителя тульской гимназии Дмитрия Игнатьевича Альбицкого. Факт приема нового члена означал, что Коренная управа наделила Нечаева соответствующими полномочиями для создания дочерней управы в Туле. Этого не случилось, причастность же Нечаева к декабристскому движению

ограничилась временем существования Союза благоденствия. Вопросы о его участии в работе Московского съезда 1821 г.¹¹ и о членстве в Северном обществе¹² не имеют документальных оснований. Зато избыток жизненной энергии побуждал Нечаева входить в разнообразные общественные объединения — как нелегальные, так и вполне легальные. В 1816 г. он вступил в Общество истории и древностей российских при Московском университете — первое научное историческое общество России. В июле 1817 г. Императорское Человеколюбивое общество «в знак совершенного уважения» избрало Нечаева своим членом-корреспондентом¹³. В мае 1819 г. он прошел обряд посвящения в ученики московской масонской ложи «Ищущих манны». В 1822 г. деятельность тайных обществ была официально запрещена. Тогда наиболее упорные из московских масонов (в их числе и Нечаев) объединились в ложу «Теоретический градус»¹⁴. Наконец, в октябре 1820 г. Нечаев присоединился к Обществу любителей российской словесности при Московском университете. Перед «любителями» он выступил с речью «Мысли о выборе предметов в изящных искусствах вообще», изложив в ней свое видение сущности и назначения изящной словесности¹⁵.

* * *

К моменту кавказского вояжа Нечаев имел все основания считать себя состоявшимся литератором — публиковавшимся в журналах и принятым писательским сообществом, однако так и не заслужившим признания читательской аудитории. И где же пишущему человеку было напитаться яркими впечатлениями и новыми идеями, как не в путешествии? «Идея, рождающаяся среди открытых полей, получает какой-то характер великости, новости, до которого никогда не достигнет идея, произошедшая в мрачном кабинете», — поучал «русский путешественник» Н.М. Карамзин¹⁶. «В 1823 году был я на водах Кавказских не с одним намерением поправить свое здоровье, но гораздо более для того, чтоб удовлетворить справедливое любопытство, чтоб осмотреть весь полуденный Восток России, — сознавался Нечаев. — Из Москвы выбрал я путь кратчайший на Воронеж и Черкасск, но из Георгиевска возвратился в свою сторону совсем иною дорогою, чрез Моздок, Кизляр, Куманскую степь, Астрахань и Сарепту»¹⁷.

Почему Кавказские воды и почему в этом году? Русская литература только подступала к кавказской теме. Александр Пушкин, впервые посетив Воды в 1820 г., возвестил об этом миру стихотворением «Я видел Азии бесплодные пределы» и поэмой «Кавказский пленник». В предварявшем поэму посвящении поэт писал:

Где пасмурный Бешту, пустынный величавый,
Аулов и полей властитель пятиглавый,
Был новый для меня Парнас.

Встречался ли Нечаев до той поры с Пушкиным — не известно (их достоверное знакомство датируется второй половиной 1820-х гг., когда оба жили в Петербурге¹⁸). Но не слышать о восходящем «солнце русской поэзии» он, конечно, не мог. Тем паче что вместе с дядей Александра Сергеевича — поэтом Василием Львовичем Пушкиным состоял и в масонской ложе, и в Обществе любителей российской словесности. Что же касается года, то он выдался юбилейным: указом Александра I от 24 апреля 1803 г. Кавказские Воды были объявлены курортной местностью государственного значения. Прежде писать об этом было не вполне удобно, поскольку монаршее требование «приступить к устройению ... всех тех заведений, кои для удобства врачевания и выгод больных признаются нужными» оставалось под спудом. Положение начало меняться с 1816 г., когда «проконсулом Кавказа» стал Алексей Петрович Ермолов. В Горячеводске (с 1830 г. — Пятигорск) у Александровского источника появились одиннадцать ванн в четырех зданиях и приемный бассейн. К сезону 1823 г. на Водах были учреждены должности врача и аптекаря с тремя учениками при каждом. Тогда же приступила к работе Строительная комиссия, деятельность которой приведет к замене турлучных домиков и калмыцких кибиток у источников добротными каменными строениями.

На ермоловское окружение выводит большое стихотворение Нечаева «Воспоминания» — по сути, поэтический отчет о вояже в «полуденную Россию», в котором представлены и «Эльбрус великолепный», и «фиал кипящий вод Нарзаны», Терек, Казбек, Астрахань — и так вплоть до возвращения на «тихий Дон», где у поэта было родовое имение. Собственно, поэтический текст был снабжен обстоятельными авторскими примечаниями¹⁹. Посвящено же стихотворение Василию Федоровичу Тимковскому (1781–1832), служившему в 1822–1824 гг. чиновником особых поручений при генерале Ермолове. Тимковский и сам считался литератором — поэтом, переводчиком и автором путевых записок, хотя публикаций почти не оставил. По свидетельству его племянника, первого ректора Киевского университета М. А. Максимовича, были среди сочинений Тимковского «и записки о Кавказе; и нельзя не пожалеть, что все это осталось без вести, если не пропало»²⁰. Максимович также утверждал, что дядя отличался «увлекательностью изустного слова», и, судя по посвящению, Тимковский нашел в Нечаеве благодарного слушателя. Возвеличен в стихотворении и сам Ермолов: имя его сравнивается с именем Митридата Евпатора, бывшего не только великим полководцем, но и царем Понта. Возможно, именно на эту разницу намекал автор, отмечая, что «дел великих соглядатай» Эльбрус «равну тень дарил неравным знаменам Ермолова и Митридата».

После подавления декабристских восстаний арестованный лидер Южного общества Павел Пестель письменно отвечал на вопросы следствия о действиях своего ближайшего соратника: «Князь Сергей Волконской ездил в 1824 году летом на Кавказ и там познакомился с Якубовичем, а потом и с Тимковским... От них двух узнал он, что в Кавказском корпусе существует тайное по-

литическое общество с революционными намерениями. <...> О цели Кавказского общества сказывали они, что оно ожидает революции в России, дабы содействовать оной или, смотря по обстоятельствам, служить убежищем при неудаче, или отделить Грузию от России, дабы основать особое государство... Давали чувствовать, что их общество весьма склонно к введению новой династии Ермоловых, что их сила очень значительна, ибо располагать могут всеми войсками Кавказского корпуса, который неограниченно предан Ермолову»²¹. Сомневаться в содержании бесед заговорщиков в 1824 г. на Кавказских Водах не приходится: уже после возвращения из ссыльнокааторжной Сибири, не ранее 1859 г., С.Г. Волконский подтвердил показания П.И. Пестеля в своих мемуарах. Писал о том, что Кавказское общество якобы имело целью «произвести переворот политический в России», и о том, что, по утверждению Якубовича, «на Кавказе и более сил, и во главе — человек даровитый, известный всей России», и что в случае неудачи Кавказ — край «отдельный, способный к самостоятельности». Но имени Тимковского престарелый князь не упомянул, а в правдивости другого своего собеседника сомневался: «Рассказ Якубовича был ли оттиском действительности или вымышленная эпопея, тогда мне мудрено было решить, но теперь, по совместному тюремному заключению с ним, где каждое лицо высказывается без чуждой оболочки, я полагаю, что рассказ его был не основан на фактах, а просто, как я уже назвал, эпопея родни его умственному направлению»²².

Александр Иванович Якубович (1796 или 1797–1845) также состоял в числе кавказских знакомцев Нечаева и даже стал адресатом и героем его восторженного стиха:

Кавказских рыцарей краса,
 Пустыни просвещенный житель!
 Ты не одним врагам гроза, —
 Судьбы самой ты победитель.
 Как богатырскою пятой
 Вражду черкеса попираешь,
 Так неприступною душой
 Тоску изгнанья презираешь.
 Герой-мудрец! Ты искупил
 Двойной ценой венец героя:
 В бедах покой свой сохранил
 И щит был общего покоя²³.

В июне 1823 г. во время экспедиции генерала А.А. Вельяминова за Кубань штабс-капитан Нижегородского драгунского полка Якубович получил тяжелое ранение в голову, для излечения которого был направлен на Воды. Здесь, судя по подписи к стихотворению — «10 августа 1823. Кисловодск», Нечаев с ним и встретился. На Кавказ же Якубович попал за участие в знаменитой четверной дуэли из-за балерины Авдотьи Истоминой. Ссылку свою считал

несправедливой и не скрывал обиды на власть. Отзвуками этой обиды переполнено маленькое стихотворение Нечаева: «судьбы самой ты победитель», «тоску изгнания презираешь», «в бедах покой свой сохранил». В печати стихотворение появилось в 1825 г. в затеянном Николаем Полевым журнале «Московский телеграф». Не исключено, что публикация стала следствием новой встречи кавказских приятелей, на сей раз в Москве. В ноябре 1824 г. капитан Якубович получил отпуск для лечения незаживающей раны в клинике Петербургской Медико-хирургической академии. В Москве капитан задержался. На следствии Александр Бестужев показывал, что встретился «с прежним своим приятелем Якубовичем» в Москве в конце апреля 1825 г. «Либеральничали вместе — но друг другу совсем еще не открылись». Спустя три недели Бестужев вернулся в Петербург, вслед за ним «приехал и Якубович»²⁴.

В мае 1832 г. ссыльный рядовой Дербентского гарнизона Александр Бестужев (он же писатель Марлинский) с грустью вспоминал тот приезд в Москву и Нечаева в письме Николаю Полевому, а брат адресата, Ксенофонт, комментировал, что Бестужев у Нечаева «жил гостем»²⁵. После возвращения с Кавказа Нечаев в середине октября 1823 г. оставил службу в Туле и в январе следующего года уже был чиновником особых поручений при московском генерал-губернаторе князе Д. В. Голицыне. В это же время Бестужев, издававший вместе с Кондратием Рылеевым литературный альманах «Полярная звезда», в поиске новых авторов стал наезжать из Петербурга в Москву. Между Бестужевым и Нечаевым сложились дружеские отношения, но сведений о том, что петербуржец поведал москвичу о своем и Рылеева вступлении в Северное общество, нет. В числе иных московских трофеев Бестужев увез с собой и нечаевские «Воспоминания».

Опубликованы они были в «Полярной звезде на 1825 год», той самой книжке, в которой вышла в свет и знаменитая рылеевская «Исповедь Наливайки»:

Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа, —
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?

И тут же — удивительно созвучные нечаевские строки:

Предчувством тайным возмущен,
Певец тоску свою с слезами
На струны тихо изливал, —
И скорбь он пробудил в униженном народе,
И мнилось мне, что он возглашал
Надгробный гимн своей свободе...²⁶

За десять дней до кончины Александра I и неполных пять недель до выступления декабристов, 9 ноября 1825 г., Нечаев отправил Бестужеву письмо, в котором отказался принять его у себя в случае нового приезда: «светлица твоя занята секретарем моим». Следом Нечаев писал: «С нетерпением жду твоих повестей. Давыдов догадывается, что “Кровь за кровь” родом из Кавказа. Якубович был твоею Музою. Пожми за меня его богатырскую руку. Привези его с собою. Обнимаю почтенного Рылеева...»²⁷. Давыдов — возможно, но не обязательно поэт-гусар Денис Васильевич Давыдов²⁸. Но это может быть и иной давнишний нечаевский знакомец — профессор Московского университета, филолог и философ Иван Иванович Давыдов. Более интригует сама догадка о том, что повесть Бестужева «Кровь за кровь» («Замок Эйзен») «родом из Кавказа». Действие в ней происходит в Ливонии XVI в., под Нарвой. Если что и роднит эту историю с Якубовичем, так это тираноборческий сюжет: жестокого барона Бруно фон Эйзена убивает обиженный им племянник Регинальд. Но также и Якубович по прибытии в столицу открыл Рылееву и Бестужеву, что не простил царю своей кавказской ссылки и намерен его уничтожить. «Герой-мудрец» высокомерно заявил заговорщикам: «Тогда пользуйтесь случаем: делайте, что хотите! Созывайте ваш великий собор и дурачьтесь досыта!»²⁹ Проблема заключалась в том, что тайное общество не было готово к захвату власти. Рылеев с трудом уговорил Якубовича отложить свой замысел на год. Из столицы к товарищам по тайному обществу в Киев и Москву были отправлены тревожные гонцы.

Но дурачился, вероятно, сам «кавказский Брут», никого не собираясь убивать³⁰. Что отнюдь не отрицает того факта, что его разговоры о цареубийстве могли слышать не только Бестужев с Рылеевым, но и Нечаев с Давыдовым (кем бы он ни был), равно как и еще неопределенный круг собеседников Якубовича от Кавказа до Петербурга. Может показаться удивительным, что об этом никто не донес, но таков был «дух времени». Михаил Пущин вспоминал, что тогда ему доводилось «слышать за обедом, что один пистолетный выстрел в Петербурге подымет всю Европу, и деспотам придется искать убежища в Азии или в свободной Америке»³¹. Не будучи членом тайного общества, Пущин и сам накануне 14 декабря присутствовал на совещании у Рылеева, но власти о готовящемся возмущении не известил (за что был сослан на несколько месяцев в Сибирь, а после отправлен воевать на Кавказ).

Завершая разговор о декабристских и околодекабристских встречах Нечаева на Кавказских Водах, нужно упомянуть еще одного его знакомого. Отпрыск известного московского семейства, ветеран войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1814 гг. Григорий Александрович Римский-Корсаков (1792–1852) пользовался в высшем свете большой популярностью. Прежде он, подобно Нечаеву, состоял в Союзе благоденствия, но был скорее фрондером, чем убежденным оппозиционером. В 1821 г. гвардии полковник Корсаков расстегнул крючки воротника на обеде с корпусным командиром, за что был уволен

от службы без права ношения мундира. Богатому и холостому ветерану отставка не создала больших проблем: время он проводил в развлечениях и путешествиях. Встреча с Нечаевым, судя по тексту стихотворения, произошла в Кисловодске:

В аулах Кабарды безлесой,
Среди вертепов и пустынь,
Где кроет свой приют безвестный
Свободы непокорный сын,
С толпой гостей многострадальной
Твои друзья московичи
Сменяли нектар свой бокальный
На кислосерные ключи...

И оказалась непродолжительной, поскольку Корсаков уехал за границу:

А ты, изменник! ты теперь
Свободой дышишь своенравной, —
И смело открываешь дверь
В чертог Европы просвещенной...³²

Подзаголовок «Послано с Кавказских Вод» свидетельствует о том, что автор желал видеть свое творение опубликованным как можно скорее и потому отправил его издателю «Дамского журнала» князю Петру Шаликову почтой. Публикация состоялась только в 1824 г., но все равно не опоздала: Корсаков продолжал курсировать между Веной, Парижем и Италией. В Россию он благоразумно вернулся лишь в 1826 г., когда проблема судьбоносного выбора миновала, а товарищи по тайному обществу томились в казематах. Былую причастность к движению Григория Римского-Корсакова высочайше было велено оставить без внимания.

* * *

Но вернемся на Кавказские воды 1823 года. Непременными этапами здешнего «курса» было лечение «горячими» (серными) и «кислыми» водами (посещения Горячеводска и Кисловодска). До «железных» (железистых) вод добирались не все: в 1823 г. строительство 16-верстной колесной дороги из Горячеводска в Железноводск только начиналось (завершилось в 1825 г.)³³. Но и те, кто добирался, находили там всего два казенных дома и разбивавшиеся на время «курса» калмыцкие кибитки, в которых «не всякий больной может жить: в знойное время в них душно, а в дождливое очень сыро»³⁴. Эссентуков пока не существовало не только де-факто, но и де-юре. В том же 1823 г. ординарный профессор Петербургской Медико-хирургической академии А.П. Нелюбин открыл и пронумеровал соляно-щелочные источники, в дальнейшем известные как эссентукские. Эссентукская станица будет основана по плану Ермолова только в 1825 г.³⁵

Выше было высказано предположение, что человеком, знакомившим Нечаева с кавказской спецификой, был Василий Тимковский. В рукописи композитора Михаила Глинки, посетившего Воды в тот же сезон 1823 г., фамилия «Тимковский» приписана на полях напротив слов: «Вообще, мне там было хорошо, особенно в Пятигорске»³⁶. Вероятно, общение Нечаева с Тимковским также началось в Горячеводске — наиболее крупном и первом городе «курса». Описанию Горячеводска с окрестностями Нечаев посвятил прозаические «Отрывки из путевых записок о Юго-Восточной России», опубликованные в одном из номеров «Московского телеграфа» за 1826 г.³⁷ Подобно иным представителям «водяного общества», Нечаев обозрел «с подножия Машуки» (горы Машук) снеговую гряду от Эльбруса до Казбека, посетовал на дороговизну, помянул мух, блох и саранчу. В первых же строках он столь красочно описал картину схода лавины на Тереке (разумеется, известной ему с чужих слов), что вдохновил читавшего «Отрывки» Пушкина на стихотворение «Обвал»³⁸. Однако большая часть текста посвящена этнографическому обзору: описаниям немецких колонистов, черкесов, калмыков, сравнению донских казаков с линейными.

Отправившись по еще не устроенной дороге в сторону Железноводска, Нечаев посетил колонию Каррас (ныне поселок Иноземцево): «Верст восемь от Горячих вод, при подошве Бештовой горы, поселилось с давнего времени несколько семейств немецких колонистов. Чистенькие домики окружены садами; посредине селения протекает ручей, который, разделяясь на побочные канавки, орошает огород каждого земледельца. Везде довольство, порядок, опрятность. Особенного внимания заслуживают из них гернгутеры. Набожные правила, в которых они воспитаны, обнаруживаются преимущественно в их честности, добродушии и трудолюбии. <...> Тут же имеют свое пребывание миссионеры, присланные из Эдинбурга для обращения горских народов. Прежде находилась в колонии и заведенная сими отцами арабская типография, теперь перенесена она в Астрахань»³⁹.

Эдинбургское Библейское общество получило высочайшее дозволение основать миссию в ноябре 1802 г., первые миссионеры приехали следующим летом. Здесь они столкнулись, по словам декабриста А.Е. Розена, «с великими неудобствами»⁴⁰: болезнями, набегами горских «хищников», противодействием части русской администрации. Земли было много, и руководство миссии уже в 1808 г. призвало на помощь немецких колонистов из волжской Сарепты. Партии немцев прибывали и позднее. Шотландцев оставалось все меньше, пока в 1815 г. почти все они не перебрались на вновь выделенные земли в Оренбург. Колония же продолжила снабжать Горячие и Железные воды фруктами и овощами, хлебом и маслом, а также принимать любопытных посетителей⁴¹.

Осколок Европы на азиатской окраине был любопытен, но подлинную экзотику составляли, конечно, горцы. В представлении Нечаева они делились на два отряда. Об одном он размышлял, издали любуясь Эльбрусом: «...горе

любопытному, дерзающему проникнуть в последний приют необузданной свободы! Разбой составляет главное упражнение горских народов, мщение — главную страсть. Дерзость их наездников известна...»⁴². Источником столь пышных сведений мог выступить храбрый и хвастливый Якубович. Командуя в 1823 г. отрядом на Малке, Баксане и Чегеме, «на Святую неделю он зашел со своей партией так далеко, что добрался почти до Эльбруса»⁴³. Поэтически настроенного Нечаева невиданные им немирные горцы интересовали лишь вкупе с недоступными горами. Между тем в 1823 г. опасность грозила более с севера, чем с юга, от Кавказских Вод. Служивший в Георгиевске подполковник И.Т. Радожицкий извещал в том году издателя «Отечественных записок» П.П. Свинына: «В Вербное воскресенье закубанцы, в числе от 3-х до 4000, прорвались в разных местах Линии, умели развлечь внимание оберегателей и, углубясь на 70 верст во внутренность границ, разорили под городом Александровым большое селение Круглолес, увели с собою в плен 430 душ и наделали довольно тревоги. Все посетители Вод были крайне перепуганы, и некоторые, доехавши до Дона, воротились»⁴⁴. Нечаев же, ехавший на Воды через ставропольские степи после этих трагических событий и видевший их последствия (хотя бы в пустоте придорожных сел, жители которых бежали от страха перед возвращением «хищников»⁴⁵), не упомянул об этом ни словом.

Впрочем, вблизи Вод также жили горцы не только мирные, но и гостеприимные. Нечаев писал: «При подошве Бештовой горы видны два аула мирных черкесов. Я имел случай быть в одном из сих селений, у жены сосланного в Сибирь узденя Каспаго»⁴⁶. Следует описание жилищ, одежды, обычаев и хозяйства — более обстоятельное, чем для других виденных Нечаевым народов. Наблюдения его обстоятельны, хотя знакомство, конечно, не было глубоким. Это заметно по неверной передаче фамилии узденя и, соответственно, названия аула. В то время «под Бештовою горою» располагались не два, а минимум четыре аула: Аджиев, Кармов, Абезыванов и Кошев. Черкесский аул — не русская деревня: основу хозяйства составляло не земледелие, а животноводство, значит, не было и столь прочной привязанности к месту. Ученые-путешественники с удивлением отмечали, что аул мог переехать уже потому, что скопилось «слишком много отбросов и навоза»⁴⁷. Судя по текстам XVIII в., а также «Плану Кавказской области, Георгиевского уезда» 1819–1827 гг. (на котором у Бештау помечены только два аула), наиболее прочно тут обосновались Аджи-аул (Хаджихабле, Хаджи-Кабак) и Кармов-аул (Кармовхабле)⁴⁸. Вероятно, Нечаев посетил одно из этих двух селений.

Внести в этот вопрос более определенности позволяет имя нового нечаевского знакомого: «Один из их узденей, занимающийся разным торгом на Горячих водах, известный всем приезжим Шора, намеревался представить правительству опыт таковой (черкесской, кабардинской. — В. Ш.) азбуки для напечатания»⁴⁹. Речь о просветителе и фольклористе Шоре Бекмурзине Ногмове (1794–1844), авторе «Истории адыгейского народа»⁵⁰. Учитывая зна-

чимость Ногмова для кабардинской культуры, спор о месте его жительства растянулся на десятилетия. К настоящему времени появились публикации, убедительно доказывающие, что в 1823 г. Ногмов жил в ауле Кармова⁵¹. Наверное, и этнографические наблюдения Нечаева были сделаны там же.

Тимковский многое мог поведать Нечаеву о Кавказе, но все-таки на Водах он был не житель, а гость (приехал поправлять здоровье, подорванное «вредным» Тифлисом). Иное дело Ногмов. Он познакомил Нечаева с черкесской поэзией, в которой последний, как сын своей эпохи, нашел сходство с творчеством Джеймса Макферсона: «Черкесские барды носили общее название гие-ю-ко. Один уцелевший от общих бедствий, престарелый песнопевец и теперь еще жив. Я хотел посетить обитаемый им аул, но отдаленность не допустила меня видеть здешнего Оссиана. В стихотворениях кабардинских, древних и новых ... замечается некоторое сходство с шотландскими песнями, изданными Макферсоном»⁵². Источник знаний Нечаева очевиден. В изданной уже после кончины Ногмова «Истории адыгейского народа» говорится: «Сочинители стихов и песен назывались гекуоками; они были неграмотные и простого звания, но одаренные поэтическим воображением... Становясь перед войском, они пели или читали свои стихи, в которых упоминали о неустрашимости предков и приводили для примера их доблестные подвиги»⁵³. Образ черкесских певцов-импровизаторов так понравился Нечаеву, что он и себя поспешил назвать «Егокой Русской стороны». Сделал он это уже не в прозаических «Отрывках», а еще в одном крупном стихотворении, «Ручей Улькуш».

Место и время создания стихотворения автор указал конкретно: «Кисловодск. 18 августа 1823 г.». Нечаев опубликовал его первым из кавказских произведений — уже в 1824 г. и при этом дважды: вначале в новом альманахе «Мнемозина» князя В.Ф. Одоевского и В.К. Кюхельбекера, затем в традиционном для себя «Вестнике Европы»⁵⁴. В основу сюжета была положена местная легенда о юноше Улькуше (реке Березовке), добивавшемся соединения с красавицей Кассадой (рекой Ольховкой). Кассаде долго удавалось скрываться в ущелье от настойчивого преследователя, но, едва спустившись в долину, она была им достигнута... Просвещенный поэт Нечаев, разумеется, подменил романтику горского насилия европейской романтикой взаимного чувства:

Иль бог любви тебя волнует?
Ты, страстный, слышишь: за горой
Кассада верная тоскует
По той минуте дорогой,
Когда обнявшись струями,
Одним счастливы бытием
Вы оросите брег слезами,
Чистейшим радости плодом...

Однако, пересмотрев возможные причины «роптания» Улькиша, поэт решил, что объясняется оно не столько нетерпеливой любовью, сколько нереализованным правом на «имя громкое»:

Не сетуй, друг мой! мрак забвенья
Не будет участью твоей:
В священный час уединенья,
Беседуя в тиши ночей,
Ты разделил свои печали
С Егокой Русской стороны, —
И струны мирные звучали,
Твоей тоской пробуждены.
Улькиши имя пронесется
На отдаленных берегах,
И стон твой тихо отзовется
Во всех чувствительных сердцах.

Не остановившись на этом, Нечаев напомнил о собственной заслуге в прославлении кисловодских речек еще и в «Воспоминаниях»:

Один ручей, пробивши грудь твердынь,
Стремился с шумом за наядой
И эхо спящее по вздохам пробуждал;
Я понял эту грусть и о любви бряцал
Улькиша страстного с застенчивой Кассадой.

Чем объяснить такую авторскую гордость? Сюжет стиха незамысловат. Речки невеликие: каждую легко перейти вброд. К тому же ущелье Улькиша-Березовки стало относительно безопасно лишь летом 1822 г., когда Ермолов вынес пограничные посты верст на 40 от Кисловодска — на плато Бермамыт, т. е. к истокам реки⁵⁵. Возможно, ответ кроется в том самом пушкинском стихотворении 1820 г.:

Я видел Азии бесплодные пределы,
Кавказа дальний край, долины обгорелы,
Жилище дикое черкесских табунов,
Подкумка знойный брег, пустынные вершины,
Обвитые венцом летучим облаков,
И закубанские равнины!

По мнению пятигорского исследователя Н.В. Маркелова, здесь поэт «впервые вводит в стихотворный текст реальный гидроним Пятигорья — название реки Подкумок»⁵⁶. Именно эта река соединяла в восприятии «курсовых» два главных пункта Кавказских Вод: Горячеводск (Пятигорск) и Кисловодск. Когда же на въезде в Кисловодскую долину Подкумок резко сворачивает вправо вслед за уходящим вдаль Боргустанским хребтом (вернее,

река приходит справа, поскольку дорога идет против течения), путь «курсовых» продолжался вдоль Улькиша и, наконец, его приток — Кассада привела их к нарзанному источнику. «Близ того места, где Улькиш с Кассада составляют один шумный ручей, истекает из недр земных тот славный целебный ключ, который от древних обитателей окрестной пустыни получил пышное, но достойное титуло Нарзаны, то есть богатырского источника», — писал Нечаев в прозаическом предисловии к стихотворению «Ручей Улькиш»⁵⁷. Подкумок был прославлен Пушкиным. Улькиш и Кассада остались на долю Нечаева. Увы, друг Александр Бестужев, бросая «Взгляд на русскую словесность» 1824 г., лишь мимолетно упомянул Нечаева среди тех, кто поместил «несколько приятных безделок в журналах»⁵⁸. Очевидно, в число этих «безделок» угодила и «Ручей Улькиш».

* * *

Предваряя публикацию «Отрывков», издатель Н.А. Полевой просил «сочинителя продолжить помещение путевых своих записок» и выражал уверенность, что «описание Моздока, чеченцов, гребенских казаков, Кизляра и проч., виденные им в рукописи, будут любопытны и занимательны для просвещенных читателей»⁵⁹. Надежде не суждено было оправдаться.

После подавления вооруженных выступлений декабристов репрессии ударили по тесному кругу друзей Степана Нечаева. Рылеев был казнен, Бестужев, Якубович и Кюхельбекер приговорены в каторжную работу. Тимковский, служивший в бессарабской дали, счастливо уцелел. Нечаеву, казалось бы, тоже ничего не грозило: отставшими от движения до 1821 г. (до роспуска Союза благоденствия) следствие интересовалось мало. Он даже опубликовал свои стихи, изначально предназначенные для арестованного в типографии последнего выпуска «Полярной звезды» («Звездочки»): «Два послания к Леониду» — в альманахе «Уrania», «К сестре» — в «Московском телеграфе»⁶⁰.

Но новый монарх Николай I повелел «истребовать по всему государству от всех находящихся в службе и отставных чиновников и неслужащих дворян» расписки «в том, что они ни к каким тайным обществам... принадлежать не будут». Участвовавшие же прежде в каком-либо обществе должны были сообщить, «под каким названием оно существовало, какая была цель и какие меры предполагалось было употребить для достижения той цели». Нечаев свое бывшее членство в Союзе благоденствия скрыл. На его беду в Туле учитель Д.И. Альбицкий сознался в том, что был принят Нечаевым в тайное общество, а почтмейстер И.С. Бабаев — что подобное предложение от него получал⁶¹. За дачу ложной подписки Нечаеву грозила крепость. Уберегла длительная командировка на Урал, в ходе которой Нечаев сам отличился по сыскному делу: явно и тайно собирал сведения о старообрядцах и сектантах⁶². В апреле 1827 г. начальник московского жандармского округа генерал-майор А.А. Волков докладывал генерал-адъютанту А.Х. Бенкендорфу, что «сколько ни старался разве-

дать о г. Нечаеве, но ничего более узнать не смог, как только, что г. Нечаев в какой-то отдаленной губернии находится... на следствии при особых полномочиях; по окончании чего был здесь в Москве только проездом, и отправясь в С.-Петербург, имеет там и донныне пребывание, — где, как сказывают, ищет определиться по какому-нибудь министерству или даже в собственной Его Величества канцелярии...»⁶³. Запросили мнения агента-литератора Ф.В. Булгарина, но и тот отозвался о Нечаеве благоприятно: «Он человек смирный и, как слышно, добрый. Он пишет плохие стихи и плохую прозу, и, желая поместить в “Полярной звезде” свои труды, весьма ласкал Алек. Бестужева и Рылеева во время их проездов чрез Москву. <...> Никто не слышал из его приближенных, чтоб он дурно относился о правительстве»⁶⁴.

Впереди у С.Д. Нечаева еще оставалась половина жизни. В этой половине его ждали высокие государственные посты — обер-прокурора Святейшего Синода и сенатора, занятия благотворительностью, возведение монумента на Куликовом поле, ранняя смерть жены и славное потомство (одним из его сыновей был знаменитый меценат Ю.С. Нечаев-Мальцов). Но с оппозиционерами он более не общался. И с литературой было решительно покончено: после 1826 г. не появилось ни одной его прижизненной публикации.

Примечания

¹ РГИА. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

² РГАДА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 3129. Л. 2.

³ ОР РНБ. Ф. 391. Д. 506. Л. 1.

⁴ *Глаголева О. Е.* Основатель народных училищ Степан Дмитриевич Нечаев // Гордость земли Тульской. Тула, 1991. Т. II. С. 337–342.

⁵ *Нечаев С.Д.* К осьмилетнему дитяти; К неверному; К портрету Д.В. Давыдова // Вестник Европы. 1816. № 7. С. 167–170; *С. Н.* Стихи на выступление в поход новоустроенных во Владимире полков, 26 августа 1812 г.; На смерть гр. А.П. Кутайсова // Русский вестник. 1816. № 7. С. 17–19.

⁶ *Нечаев С.Д.* На слово люблю // Вестник Европы. 1816. № 9. С. 68.

⁷ *Вацуро В. Э.* Александр Чавчавадзе и русская романсная лирика: (Разыскания) // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. XVI/XVII. С. 312–314.

⁸ *Нечаев.* Один еще денек // Вестник Европы. 1817. № 12. С. 256.

⁹ *Штейнпресс Б.С.* Страницы из жизни А.А. Алябьева. М., 1956. С. 59.

¹⁰ *Вацуро В. Э.* Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб., 1994. С. 216.

¹¹ *Осинов В.О.* Перстень с поля Куликова. М., 1987. С. 27.

¹² *Мухина С.Л.* Современник декабристов С. Д. Нечаев // Вопросы истории. 1983. № 10. С. 185.

¹³ РГАДА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 3129. Л. 3.

¹⁴ *Серков А.И.* Русское масонство. 1731–2000 гг.: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 373, 1027, 1033.

¹⁵ РГИА. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 96.

¹⁶ *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. М., 1984. С. 145.

¹⁷ *Нечаев С.Д.* Воспоминания // Поэты 1820–1830-х годов. Л., 1972. Т. I. С. 111.

¹⁸ *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. 2-е изд. Л., 1989. С. 291.

¹⁹ *Нечаев С.Д.* Воспоминания. С. 105–113.

²⁰ *Максимович М.А.* Воспоминание о Тимковских // Киевская старина: Еже-

- месячный исторический журнал. 1898. Октябрь. С. 270.
- ²¹ Восстание декабристов: Материалы / Под ред. М.Н. Покровского (далее: ВД). Т. IV. М.; Л., 1927. С. 117.
- ²² *Волконский С.Г.* Записки. Иркутск, 1991. С. 368–370.
- ²³ *Нечаев С.Д.* К Я-у // Московский телеграф. 1825. № 10. С. 130–131.
- ²⁴ ВД. Т. I. М.; Л., 1925. С. 434.
- ²⁵ Письма Александра Александровича Бестужева к Н.А. и К.А. Полевым, писанные в 1831–1833 годах // Русский вестник. 1861. Март. С. 325.
- ²⁶ *Нечаев С.Д.* Воспоминания. С. 107.
- ²⁷ К литературной и общественной истории 1820–1830 гг. Сообщил В.Е. Якушкин // Русская старина. 1888. Т. 60. С. 319–320.
- ²⁸ *Попов А. В.* Декабристы-литераторы на Кавказе. Ставрополь, 1963. С. 24.
- ²⁹ ВД. Т. I. С. 181.
- ³⁰ *Гордин Я.А.* Мятеж реформаторов. СПб., 2006. Кн. 1. С. 117–118.
- ³¹ *Пуцин М. И.* Из «Записок» // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. М., 1980. Т. I. С. 232.
- ³² *Нечаев С.Д.* К Г.А. Р.-К. // Дамский журнал. 1824. № 18. С. 206.
- ³³ *Верховец А.Д.* Садоводство и виноградарство в районе Кавказских Минеральных Вод: 1825–1830 гг. Пятигорск, 1911. С. 70.
- ³⁴ Переписка. От И.К. Радожицкого из Ставрополя от 9 сентября 1826 г. // Отечественные записки. 1824. Ч. 28. С. 110.
- ³⁵ *Андреев Ю.П.* Ессентукская летопись: Памятные события и даты в истории становления и развития города-курорта Ессентуки. Невинномысск, 2001. С. 32–33, 233–236; *Польская Е.Б., Розенфельд Б.М.* Ессентукские встречи. Ставрополь, 1984. С. 12–15.
- ³⁶ Записки М.И. Глинки. М., 2004. С. 43.
- ³⁷ *Нечаев С.Д.* Отрывки из путевых записок о Юго-Восточной России // Московский телеграф. 1826. Ч. 7. № 1. С. 26–41.
- ³⁸ *Комарович В.Л.* Вторая кавказская поэма Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. Вып. 6. С. 211.
- ³⁹ *Нечаев С.Д.* Отрывки... С. 32.
- ⁴⁰ *Розен А.Е.* Записки декабриста. СПб., 2008. С. 277.
- ⁴¹ *Боглачев С.В.* Иноземцы у Бештовых гор. Ессентуки, 2016. С. 21–82; *Вейденбаум Е.* К истории Шотландской колонии около Пятигорска // Известия Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества. 1881. Т. 6. № 1. С. 170–174; *Краснокутская Л.И.* Меры правительства Российской империи по обустройству шотландских колонистов на КМВ // Каррасские научные чтения, посвященные 210-летию со дня основания поселка Иноземцево. Пятигорск, 2013. С. 32–41.
- ⁴² *Нечаев С.Д.* Отрывки... С. 29–30.
- ⁴³ *Потто В.А.* Кавказская война. М., 2006. Т. 2. С. 327.
- ⁴⁴ Письма с Кавказа к Павлу Петровичу Свиньину Ильи Радожицкого // Чтения Московского Общества Истории и Древностей. 1874. № 2. С. 116.
- ⁴⁵ *Потто В.А.* Указ. соч. С. 349.
- ⁴⁶ *Нечаев С.Д.* Отрывки... С. 32–33.
- ⁴⁷ *Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа / Пер. с франц. И.М. Назаровой. М., 2010. С. 138.
- ⁴⁸ *Кармов Р.К., Янова М.В.* Обзор источников по происхождению аула «Кармово» (1793–1825 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2015. Т. 7. № 5. Ч. 2. С. 43–51.
- ⁴⁹ *Нечаев С.Д.* Отрывки... С. 35.
- ⁵⁰ *Тресков И.В.* Этюды о Шоре Ногмове. Нальчик, 1974. 199 с.
- ⁵¹ *Бейтуганов С.Н.* Кабарда: история и фамилии. Нальчик, 2007. С. 218–227.
- ⁵² *Нечаев С.Д.* Отрывки... С. 37.

⁵³ *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик, 1958. С. 84.

⁵⁴ *Нечаев С.Д.* Ручей Улькуш // Вестник Европы. 1824. № 7. С. 183–186; *Он же.* Ручей Улькуш // Мнемозина: Собрание сочинений в стихах и прозе. 1824. Кн. 1. С. 112–115.

⁵⁵ *Махлевич Я.Л.* Мезонин у Нарзана. Ставрополь, 1983. С. 98.

⁵⁶ *Маркелов Н.* В рассуждении завоевания Индии. М., 2001. С. 47.

⁵⁷ *Нечаев С.Д.* Ручей Улькуш // Вестник Европы. С. 183.

⁵⁸ *Бестужев А.А.* Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов // Декабристы: Антология в двух томах. М., 1975. Т. 2. С. 408.

⁵⁹ *Нечаев С.Д.* Отрывки... С. 26.

⁶⁰ *Нечаев С.Д.* Два послания к Леоиду // Уралия: Карманная книжка

на 1826 г. для любителей и любителей русской словесности. М., [1826]. С. 116–120; *Он же.* К сестре (15 октября 1825) // Московский телеграф. 1826. № 2. С. 58–59.

⁶¹ Отголоски 14-го декабря в Московском университете. Сообщил М. Гершензон // Русская старина. 1910. № 2. С. 336; *Мухина С.Л.* Безвестные декабристы (П.Д. Черевин, С.Д. Нечаев) // Исторические записки. М., 1975. Т. 96. С. 243.

⁶² *Шкерин В.А.* Исследователь старообрядчества и сектантства С.Д. Нечаев и его агенты // Уральский исторический вестник. 2007. № 17. С. 22–27.

⁶³ *Мухина С.Л.* Безвестные декабристы... С. 243.

⁶⁴ Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение. М., 1998. С. 383.

Осетинская диаспора Турции в историческом, социокультурном и геополитическом контекстах

Массовое переселение осетин и других северокавказских народов (черкесы, абхазы, чеченцы, дагестанцы и др.) в Османскую империю по итогам Кавказской войны (1817–1864), известное как мухаджирство (от араб. *мухаджир* — «переселенцы», *хиджра* — «переселение»), было обусловлено большим комплексом социально-экономических, политических, а также идеологических причин.

В первом случае речь шла о ситуации острого малоземелья, а также стремления элиты горцев (алдаров, баделят) «спастись» от крестьянской реформы, проводимой российским правительством, путем переселения в Турцию вместе с подвластными им крестьянами¹. Что касается политико-идеологических причин, то на ситуацию с мухаджирством оказывали влияние два фактора. С одной стороны, особую роль играло стремление русских властей как можно скорее закончить Кавказскую войну, стабилизировать военно-политическую ситуацию на Северном Кавказе, в частности путем переселения враждебно настроенных к русской власти горцев в Турцию. С другой — не менее важную роль играла активная пропагандистская работа среди местного населения турецких эмиссаров, призывавших горцев переселиться на земли, находившиеся под властью «повелителя правоверных». Правящие круги Османской Порты стремились «колонизовать огромными потоками махаджиров пустые и малозаселенные провинции Турции и... использовать часть переселенцев-мужчин, расселив их на военно-стратегических

Бела
Маирбековна
БИРАГОВА

пунктах в качестве ударной боевой силы в возможной войне с Россией»². Роль внешнеполитического фактора отмечал в 1882 году и военный историк-востоковед Адольф Берже: «непокорные» горцы, возможно, покорились бы царской России, «несмотря на привычку к полнейшей свободе и своеволию, если бы их не сбивала с толку европейская и турецкая дипломатия. Им столько веков внушали, что могущественный султан, верховный представитель ислама, никогда не оставит их своею помощью, а европейские державы, в своих интересах, не могут допустить Россию овладеть Кавказом, что такое убеждение не в силах была поколебать самая очевидность фактов. Горцы видели невозможность противостоять русским, но свято верили в близость внешней помощи»³.

В последующие десятилетия продолжавшемуся в меньших размерах процессу переселения горцев в Турцию способствовала во многих случаях избыточная репрессивная политика русских властей. Так, по мнению исследователя М.С. Тотоева, царское правительство и его отдельные крупные чиновники на Кавказе своим провокационным поведением потворствовали разворачиванию враждебной деятельности турецких агентов... на местах по переселению части горцев в Турцию...»⁴. Турецкий исследователь Рахми Туна прямо указывает на геополитические, пантюркистские, планы Османской империи по отношению к Кавказу⁵. Успеху агитации турецких эмиссаров в определенной мере способствовал фактор религиозной общности горцев с населением Турции. В частности, в Осетии имела место агитация местных мулл, опасавшихся потерять свое влияние на паству в условиях покровительства русских властей процессу христианизации осетин. В то же время исследователи осетинского мухаджирства отмечают, что «религиозный фанатизм... далеко не играл той роли, которую ему обыкновенно стараются приписать, дабы сложить всякую ответственность за судьбы многочисленного народа с тогдашних вершителей судеб на Кавказе»⁶. В пользу данного утверждения говорит и тот факт, что некоторые исследователи не исключают «вероятность ухода в Турцию незначительного числа номинальных последователей христианства либо традиционной религии осетин»⁷.

Осетинское мухаджирство достаточно подробно исследовано в многочисленных научных трудах, среди которых наиболее значительными являются работы М.С. Тотоева, Г.А. Дзагурова, М.М. Блиева, В.В. Дегоева, В.Д. Дзидзоева, Г.В. Чочиева, И.Т. Марзоева, А.В. Сичкаря, А.Н. Гадиевой и др.⁸, входит в программу средней и высшей школы по истории Осетии и литературе, а также легло в основу целого ряда художественных произведений осетинских авторов: очерки «Горцы-переселенцы», «От Александрополя до Эрзерума» Инала Канукова; «Думы» и др. стихотворения Темирбулата Мамсурова, роман «От Терека до Турции» Михаила Булкаева. И все же, несмотря на обширную историографию, представляется необходимым дальнейшее исследование вопросов социально-культурной адаптации осетин мухаджиров в Турции.

В осетинском мухаджирском движении в современной историографии принято выделять три основных этапа:

1. 1859 г. — первое, незначительное, переселение некоторых привилегированных фамилий (Абисаловы, Тугановы, Кубатиевы, Кануковы, Кусовы, Козыревы) с крепостными под руководством дигорского феодала Алимурзы Абисалова.
2. 1860–1861 гг. — переселение 300–350 семей (Цаликовы, Дударовы, Кануковы и др.) под руководством куртатинского таубия (горского князя) Ахмета Цаликова. Около 90 семей вернулись обратно.
3. 1865 г. — самое крупное переселение осетин (около 5 тыс. семей: Алдатовы, Есеновы, Кануковы, Кундуховы, Мамсуровы, Тхостовы, Дударовы и др.) под руководством тагаурского алдара генерал-майора русской армии Муссы Кундухова⁹.

Личность и роль М. Кундухова¹⁰ в истории Кавказской войны и мухаджирского движения в отечественной историографии оценивают противоречиво: с одной стороны, как предателя царя и собственного народа, «агента Порты», инициатора проекта мухаджирства кавказских народов, обернувшегося для многих тысяч горцев трагедией потери исторической родины, с другой — блестящего военачальника и политического деятеля, реформатора, противника силового решения «кавказской проблемы», стремившегося модернизировать горские народы, приобщая их к европейской культуре (открытие школ, запрет архаичных обычаев и адатов и т.д.), с одновременным упрочением исламской религии. Эти идеалистические планы шли вразрез с политикой России на Кавказе и сделали М. Кундухова заложником долга — перед присягой и перед судьбами собственного народа, на что он сам указывает в своих «Мемуарах»¹¹.

Переселение осетин (и других северокавказских народов) в Османскую империю осуществлялось через морские порты — Новороссийск, Тамань, Анапу, Туапсе, Сухум, Батум и т.д., а также сухопутным путем через Военно-Грузинскую дорогу и Закавказье. И морской и сухопутный путь были трудными для переселенцев, многие из которых погибали от голода и болезней в пути.

В переселении участвовали представители всех четырех основных обществ Осетии: Тагаурского, Куртатинского, Алагирского и Дигорского и обеих этнодиалектных групп: иронской и дигорской. Среди них: значительная часть — феодальная элита (алдары, баделята), выступившая локомотивом переселения, со своими крепостными; наиболее многочисленная часть — свободные крестьяне (фарсаглаг); и немногочисленная часть — прослойка профессиональных военных (бывших офицеров российской армии) и мусульманского духовенства. «Прибывшие в страну и принявшие подданство Оттоманской империи наделялись землей, освобождались от поземельной и личной подати в течение 6 лет, если они водворены в Румелии, и в течение 12 лет, если они поселены в Азии; освобождались от военной службы или заменяли ее платой деньгами, румелийские — в течение 6 лет, а азиатские — в течение 12 лет»¹².

Наиболее крупные осетинские поселения возникли в Северо-Восточной Анатолии (Карсский санджак, местность Сарыкамыш): села Юкары-Сарыка-

мыш, Хамамлы, Бозат, Олуклу, Селим, Алисофу, Ханчерли, Каракурт, Агджалар и др.; в центральной части Восточно-Анатолийского нагорья (в Турецкой Армении и Курдистане, к северу и западу от озера Ван): села Симо, Хамзашейх, Караали, Гёвендик, Ярамыш, Месджитли, Сарыдавут, Хулык, Агджавиран, Ырун; в Центральной Анатолии: села Конакозю, Еникёй, Капаклыкая, Кахвепынар (совместно с чеченцами), Дикилиташ, Еничубук, Ченгибагы, Ташлык (совместно с адыгами), Кушотурагы (совместно с кумыками, ногайцами и адыгами); Боялык, Пойразлы, Карабаджак, Каяпынар, Орханийе, Фындык (совместно с кабардинцами), большинство из которых со временем, в ходе войн и урбанизации, переставали быть «осетинскими» либо исчезали вовсе¹³. К началу XX века в 5 вилайетах (провинциях) Турции насчитывалось до 15 осетинских селений, в которых проживало до 3,5 тыс. человек¹⁴. При этом необходимо учитывать, что в течение как XIX в., так и XX в. среди осетинских мухаджиров имело место «возвращенчество» на историческую родину (особенно в ходе Первой мировой войны) и обратно в Турцию (после Октябрьской революции 1917 г.). В настоящее время осетины проживают преимущественно в крупных городах: Стамбул, Анкара, Измир и др., а также селах Пойразлы, Бойалык, Карабаджак.

Вопрос о точной численности осетинских мухаджиров, переселившихся в Османскую империю в 60-х гг. XIX в., так же как вопрос о численности современной осетинской диаспоры Турции, до сих пор остается открытым. Известно, что осетин-мухаджиров было значительно меньше, чем эмигрантов из Кабарды, Чечни, Дагестана и т.д. На сайтах Турецкого института статистики и других ведомств отсутствует официальная информация о количестве национальных меньшинств Турции, туристические и другие сайты предоставляют противоречивые сведения. По данным Бекир Сами Кундуха, побывавшего в Осетии в 1920 г., в стране насчитывалось не более 600–700 семейств, или 6 тыс. душ осетин¹⁵. По подсчетам экспертов «Северокавказского культурного общества» г. Анкары, в 70-х гг. XX в. в Турции проживало около 18 тыс. этнических осетин¹⁶. По сведениям осетинской диаспоры, численность анатолийских осетин сегодня варьируется от 15 до 20 тыс. человек.

По данным известного исследователя ближневосточных осетин В.С. Уарзиати, в Турции проживают представители следующих осетинских фамилий: Агузартæ, Абисалтæ, Ацæтæ, Асетæ, Æлбегтæ, Æмбалтæ, Æрчъегкатæ, Баллатæ, Бабукъатæ, Баситæ, Баскатæ, Батиатæ, Батыртæ, Бадтæ, Балиотæ, Бæройтæ, Белеккатæ, Берозтæ, Беройтæ, Биазыртæ, Бимбасатæ, Бзартæ, Болиатæ, Борæтæ, Бедойтæ, Гадотæ, Газетæ, Гæбæратæ, Гагуылатæ, Галиотæ, Гамазтæ, Газацатæ, Гасойтæ, Гæгуыйатæ, Гæгуыцатæ, Гуккатæ, Дзанæгатæ, Дзансохтæ, Дзапартæ, Дзарас(а)тæ, Дзгойтæ, Дзустæ, Дзуцатæ, Дзыхъотæ, Догæтæ, Есенатæ, Заккутæ, Закъетæ, Зехъетæ, Золойтæ, Итазатæ, Кадитæ, Карсан(а)тæ, Кенатæ, Кодзыртæ, Кокайтæ, Кокойтæ, Кодзатæ, Куындыхатæ, Кезиатæ, Къаболатæ, Къæнгуыратæ, Леуантæ, Лиан(а)тæ,

Бекир Сами (Кундух), Мустафа Кемаль (Ататюрк), Абхаз Хусейн Рауф (Орбай)
в Сивасе 4–11 сентября 1919 г.

Мақыратә, Мамсыратә, Махьотә, Милдзыхтә, Мырзатә, Мрыкатә, Мусалатә, Нәкуысатә, Ногатә, Пухатә, Рубайтә, Салитә, Самбегтә, Сасиатә, Сәбәтхьуатә, Сәлбитә, Слонатә, Сихьотә, Таухьазахтә, Тайсаутә, Таутиатә, Тези(а)тә, Тemyрхьантә, Тимортә, Тугьантә, Тухастатә, Фидаратә, Хекьелатә, Хоситә, Хосонтә, Хьабантә, Хьантемуртә, Хьаныхьуатә, Хьәбәлотә, Хьәрәбугьатә, Хьәммәрзатә, Хьодзатә, Хьоцхаратә, Хьуыбадтә, Хьуысатә, Цәлыккатә, Цомартатә, Цоритә, Цәрикьатә, Цьәхилтә, Чеджемтә. Важно отметить, что в самой Осетии многие из этих фамилий в настоящее время неизвестны¹⁷.

Среди наиболее распространенных форм хозяйственной деятельности осетин-мухаджиров отмечены земледелие, скотоводство, предпринимательство, так называемые свободные профессии, военная и государственная служба. Следует особо подчеркнуть, что осетинская диаспора подарила Турции многих видных политических деятелей и военачальников: Муса и Бекир Сами Кундуховы (известно, что осетины входили в «черкесские» кавалерийские формирования под командованием Муса-паши (Муссы Кундухова) и Гази Мухаммед-паши (сына имама Шамиля) в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.), Мехмет Музафер Аланкуш Кусов (1898–1972, министр нацио-

Слева направо: Бекир Сами (Кундух), французский делегат, Зекаи Апайдын, слева стоит Хюсрев (Гередэ) Бей

нальной обороны Турции), Арслан Бозкурт Тогузов (1886–1963, депутат меджлиса)¹⁸, Соламан Хосонты (полковник), Халис Асеты (полковник), Бюлент Кусоглу (действующий депутат Народно-республиканской партии меджлиса) и многие другие.

Немало осетин и в списке успешных предпринимателей Турции: Эрдоган Кезай прославился своим ювелирным искусством с использованием этнических, включая скифский стиль, орнаментов и даже основал сеть ювелирных магазинов; Аднан Царикати — владелец крупной фирмы по производству фонтанов, которая сотрудничает в том числе и с российскими заказчиками; Шериф Хъаныхъ входит в число 500 успешных бизнесменов Турции, в 2016 г. обратился к Главе РСО-Алания Вячеславу Битарову с предложением об от-

крытии совместного турецко-осетинского предприятия по производству автошин¹⁹.

Турецкие осетинки также ломают стереотипы: к примеру, Лейла Килыч (Албегова) — бессменная владелица сети ресторанов национальной осетинской кухни «*Ficcin*», вошедших в топ-10 лучших заведений общественного питания по версии британского издания *The Guardian*, успела проявить себя как ярый сторонник феминистского движения и не менее ярый противник незаконных застроек, нарушающих архитектурный ансамбль Стамбула; Жале Пухаты — основатель первого в Турции музея восковых фигур, который пользуется успехом во многих странах; Гюлен Йелчын — талантливый кутюрье: ее коллекции участвуют не только в турецких, но и европейских неделях моды.

Что касается этнокультурного облика осетин-переселенцев, то, согласно материалам турецкого этнографа Сулеймана Казмаза, осуществившего полевое исследование в нескольких осетинских селах района Сарыкамыш еще в начале 1940-х гг., осетины сохраняли ключевые маркеры своей этнической и культурной идентичности, как-то: общение на родном языке; свадебная и похоронная обрядность (не поощрялись кросскультурные браки (за пределами кавказского сообщества), умыкание невест, при этом обязательными условиями были добровольное согласие супругов и выплата калыма в размере 150 турецких лир; погребальные ритуалы совершались с особыми почестями и сочетали осетинские и исламские традиции); третейские суды; планировка жилища (одноэтажные постройки из тесаного камня и извести, эстетичность внутреннего убранства); традиционная одежда (примечательно, что женщины не носили чадру), традиционные нормы этикета (почтительное отношение к женщине и старшим); раннее трудовое воспитание и образование детей (для мальчиков обязательным было обучение верховой езде, для девочек — рукоделию; априорным считалось получение детьми начального и среднего образования); кулинарные традиции (осетинский сыр, три пирога, осетинское пиво); песенное и хореографическое искусство, фольклор и т.д.²⁰

В целом в коллективном сознании осетин-переселенцев преобладали (и отчасти преобладают сегодня) такие особенности, как сохранение и культивирование своего кавказского происхождения, идеализация исторической родины, трагизм переселения, наряду с весьма толерантным этнокультурным взаимодействием с другими кавказскими мухаджирами, прежде всего — черкесами, осознание своей «особости» и «стойкое убеждение... в более высоком уровне своей культуры и системы взглядов»²¹.

Несмотря на отмеченную исследователями стойкую тенденцию к сохранению осетинами-переселенцами вынесенных с исторической родины этнокультурных особенностей, все же анатолийские осетины подверглись двум волнам этнокультурной и социально-политической ассимиляции: «очеркешиванию» и «отуречиванию». Известно, что, вопреки полиэтничному составу северокавказских переселенцев, последние, независимо от этнической

принадлежности, в турецком социальном и политическом обиходе получили надэтническое название (экзотоним) «черкесы» по причине преобладающей численности черкесов. Неудивительно, что первые культурно-просветительские и благотворительные северокавказские общественные организации в Турции именовались и позиционировались «черкесскими» или «кавказскими», к примеру: «Черкесское общество единения и взаимопомощи» (1908), «Комитет независимости Кавказа» (1914), «Общество взаимопомощи черкесских женщин» (1918), Общество взаимопомощи «Дружеская рука» (1946), «Северокавказское общество турецкой культуры и взаимопомощи» (1951), «Северокавказское культурное общество» (1961). На бытовом уровне «очеркешивание» осетин проявилось в заимствовании элементов языка, одежды, кулинарии, хореографического и вокального искусства и т.д.

Наиболее мощной волне ассимиляции осетины, как и другие северокавказские переселенцы, подверглись с распадом Османской империи и установлением кемалистского режима, провозгласившего националистический курс «Турция для турок», в рамках которого гражданство законодательно определяло этническую принадлежность, все языки, кроме турецкого, были запрещены, как и деятельность национально-культурных организаций, введены судьбоносные для северокавказских диаспор реформа головных уборов и одежды (1925), реформа образования (1933), закон о фамилиях (21 июня 1934 г.). Как пишет И.Т. Марзоев, «осетинам, как и всем кавказцам, было запрещено носить нетурецкие фамилии. Им для этого даже был предложен перечень турецких имен, из которого можно было выбрать себе новую фамилию. Вводя этот закон, правительство Турции преследовало цель лишить кавказцев и представителей других национальностей своих исторических корней. Но, несмотря на запрет, многие взяли в качестве фамилии имя своего деда или прадеда. Так, например, Абисаловы носят фамилию *Arpat*, по имени одного из своих предков, часть Кубатиевых — *Aytek*, по имени своего прадеда, а некоторые из Кануковых взяли фамилию *Tekay*, которая является производным от имени Тага — родоначальника тагаурских алдар тагиат, Дударовы носят фамилию *Yilal*, так звали предка фамилии Дударовых. ... Многие осетины, особенно те, чьи фамилии имели тюркскую этимологию, изменили лишь их окончание. Это Кантемировы — *Kandemir*, Тугановы — *Tugan*, Кубатиевы — *Kubat*, Кундуховы — *Kunduh* и т.д.»²². Есть и такой пример, когда представители одной ветви Хосоновых, ведущие свою новую родословную из Карса, впоследствии изменили свою фамилию на *Ogün* (Огюн) и еще восемь турецких инвариантов, став известными под совершенно разными фамилиями²³.

Несмотря на то что сформировавшаяся в Турции многотысячная полиэтничная северокавказская общность весьма органично вписалась в социально-политический и этнокультурный портрет страны, а многие переселенцы стали ее видными политическими, научными, военными, культурными деятелями, культурно-просветительские инициативы северокавказских мухаджиров, на-

целенные на этническую самоидентификацию, продолжались и пресекались в разные периоды политической жизни Турции с разной интенсивностью, в зависимости от политической конъюнктуры. В 1960–1970-х годах в диаспорных печатных органах активизировалась пропаганда северокавказской культуры в турецком обществе, требования предоставления культурных прав, реинтеграции с исторической родиной. Проявлением «возвращенческой» идеологии стало «проведение с середины 1970-х гг. ежегодных «дней памяти и траура» 21 мая, в годовщину официального окончания Кавказской войны в 1864 г.

Очередным судьбоносным историческим этапом для северокавказских диаспор Турции и осетин, в частности, стали процессы демократизации внутри страны, с одной стороны, и интенсификация в конце 80-х — начале 90-х годов XX в. контактов диаспор с исторической родиной — Кабардино-Балкарией, Адыгеей, Северной Осетией, Чечней, Ингушетией, Дагестаном. Знаковым событием в жизни северокавказских организаций можно считать масштабные по размаху и географии участников памятные мероприятия в Анкаре в мае 1989 г. по случаю 125-й годовщины окончания Кавказской войны, давшие старт процессу учреждения первой транснациональной адыго-абхазской организации — Международной черкесской ассоциации (учреждена в Нальчике в 1991 г.). По мнению известного тюрколога Г.В. Чочиева, именно в конце 1980-х — начале 1990-х годов «началось постепенное утверждение в правящих кругах как Турции, так и России восприятия черкесов как достаточно значимого транснационального актора в переднеазиатском-кавказском регионе, что сопровождалось заметной активизацией контактов диаспорных элит с официальными структурами обоих государств»²⁴.

В этот же период важным моментом в жизнедеятельности северокавказских диаспор стало постепенное вычленение этносов из обезличивающего их надэтнического сообщества «черкесы» и постепенная имплементация их самостоятельного этнического статуса в общественно-политическом пространстве Турции. Эту тенденцию весьма точно описывают исследователи мухаджирского движения А.Кушхабиев и А. Магомеддаев: «В первые годы представители северокавказских диаспор проводили работу в единых культурных обществах. Со временем наметилась тенденция к сепаратизму в среде меньших в численном отношении диаспор. Стали появляться отдельные абхазские, дагестанские, чеченские, карачаевские и осетинские организации. Этот процесс активизировался в 1990-е годы и был обусловлен, прежде всего, стремлением указанных диаспор сохранить свою (абхазскую, чеченскую и др.) этническую культуру»²⁵.

В 1989 г. представителями деловой осетинской элиты в Стамбуле создан Фонд культуры и взаимопомощи «Алан» (*Alan Kültür Ve Dayanışma Vakfı*), нацеленный на «обеспечение социальной солидарности проживающих в Турции осетин, защиту и развитие их культурных ценностей»²⁶. В разные годы Фонд

возглавляли Ремзи Йылдырым (Кануков), Кая Абисалты, Садреттин Кусоглу (Кусов). За 26 лет работы Фонду удалось осуществить множество мероприятий культурно-просветительской, благотворительной и социально-политической направленности, а именно: популяризация осетинского языка, традиций и культуры, обучение осетинскому языку, танцам, музыке и кулинарному искусству представителей молодого поколения (открыты и действуют образовательные курсы с привлечением специалистов из РСО-Алания); финансовая помощь студентам-осетинам (учреждены специальные стипендии) и лицам, нуждающимся в лечении; издание переводов на турецкий язык научной и научно-популярной литературы об истории и культуре осетинского народа; проведение праздничных и траурных мероприятий, тематических вечеров, этнокультурных фестивалей (к примеру, ежегодный сход осетинской диаспоры на берегу живописного озера Абант); поддержание контактов с исторической родиной по линии официальных учреждений, общественных организаций, учебных заведений, фамилно-родственных связей и т.д. Усилиями Фонда лучшие хореографические, инструментальные и вокальные коллективы Северной Осетии побывали с концертами в Турции. При «Алан Вакф» действует Музей осетинской истории и культуры. У организации есть официальный сайт и страницы в социальных сетях.

Осетины Турции. Сход на озере Абант, июнь 2015 г.

В рамках ежегодного летнего культурно-образовательного «Этнолагеря» для соотечественников, проживающих за рубежом, организуемого Министерством РСО-Алания по вопросам национальных отношений, около тысячи турецких осетин уже побывали на исторической Родине²⁷. Руководители Фонда активно взаимодействуют с представителями истеблишмента Северной и Южной Осетии по вопросам культурного и экономического сотрудничества.

По линии научных контактов важным этапом стали экспедиции в Турцию с целью комплексного изучения анатолийских осетин (2013, 2015) Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева — филиала Владикавказского научного центра Российской академии наук в рамках грантов Российского гуманитарного научного фонда. По результатам экспедиций были изданы десятки научных статей и монографий по истории, этнографии, фольклору, музыкальной культуре, современному социально-экономическому и социально-политическому укладу осетинской турецкой диаспоры²⁸. В ближайшем будущем предполагается фундаментальное, не имеющее аналогов научное издание важнейших результатов экспедиции. На четырех языках (осетинском, русском, турецком и английском), с привлечением архивных, а также собранных экспедицией фольклорных и этнографических сведений, будет подробно описана история и культура анатолийских осетин. В 2016 г. в СОИГСИ на постоянной основе начал функционировать кабинет «Алан Вакф», а на базе института проведен ряд встреч, конференций и других мероприятий с участием представителей Фонда.

Многоуровневая идентичность анатолийских осетин (этническая — осетины; региональная — северокавказцы; национальная — турки; цивилизационная — мусульмане) превращает турецких осетин в непосредственных акторов этнокультурного взаимодействия на транснациональном уровне. Уже сейчас можно утверждать, что «Алан Вакф» оформился в Турции в реальную социально-политическую силу, основанную на этническом фундаменте. Осетинская диаспора Турции является активным членом Федерации кавказских обществ (*Kafkas Dernekleri Federasyonu*), объединившей в 2003 г. 60 диаспорных организаций в целях реализации культурных, образовательных, благотворительных и исследовательских проектов, способствующих социально-экономическому и культурному развитию диаспор, а также укреплению их связей с Кавказом и Россией. Осетины демонстрируют солидарность с требованиями северокавказских диаспор Турции о признании на государственном уровне статуса национального меньшинства, обеспечения культурных прав (обучение на национальных языках), поддержка структур гражданского общества и т.д.), активно участвуют в культурно-просветительских мероприятиях северокавказских диаспор, а также в праздновании общего для всех мухаджиров Дня памяти и траура 21 мая. Линией разлома для турецких осетин является «черкесский вопрос» и отношение к России.

Внутри гетерогенной северокавказской диаспоры в Турции в последние десятилетия стали заметны, с одной стороны, дискурс с мотивами раскаяния за ошибочность и недалновидность сделанного в XIX в. исторического шага, а с другой — весьма распространенный антироссийский дискурс, в основе которого лежит историческая обида на Россию. Последний дискурс периодически обостряется как в самой Турции, так и на Западе в связи с «черкесским вопросом». На этом фоне особенно заметно, что осетинская диаспора Турции придерживается по всем этим острым вопросам максимально конструктивной позиции, в основе которой лежит принцип «ноль проблем с соседями» в самом широком смысле.

На основании данных, полученных в ходе экспедиции в Турцию с целью комплексного изучения анатолийских осетин 2015 г., с политологической точки зрения можно утверждать, что осетины в Турции обладают высокой политической грамотностью и активностью: хорошо разбираются в турецкой внутренней и внешней политике; внимательно отслеживают информационную картину в России, Северной и Южной Осетии; активные пользователи социальных сетей, причем как молодежь, так и старшее поколение; преимущественно комплементарны по отношению к президенту РФ В.В. Путину и выражают заинтересованность в конструктивном взаимодействии двух стран.

В период грузино-югоосетинского конфликта в августе 2008 г. турецкие осетины, мобилизовав представителей и других кавказских диаспор, провели массовые митинги с осетинским триколором и транспарантами в поддержку Южной Осетии и России. Показателен и вклад осетинской диаспоры в позиционирование консолидированной позиции Федерации кавказских обществ по вопросу признания независимости Южной Осетии и Абхазии. Ежегодно в сентябре филиалы Фонда в различных уголках Турции проводят мероприятия в память о Бесланской трагедии 2004 г.: лекции, круглые столы, веб-конференции с участием представителей всех северокавказских диаспор. Руководители «Алан Вакф» не раз удостоивались памятных медалей и благодарственных писем от Посольства Российской Федерации в Турции и личной благодарности министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова за вклад в укрепление российско-турецкого сотрудничества. Помимо «Алан Вакф» в Турции действуют также такие осетинские общественные организации, как «Осетинское аланское общество» (*Oset Alan Derneği*); «Всемирное аланское общество» (*Dünya Alan Derneği*); «Фонд помощи и солидарности “Пойразлы”» (*Poyrazlı Köyü Yardımlaşma Derneği*).

Турецкие осетины признают, что подверглись массированным процессам деэтнизации и ассимиляции, которые нарастают по мере глобализации, однако интерес как старшего поколения, так и молодежи, уважение к своим этническим корням, традициям и культуре не ослабевают. Как показала экспедиция СОИГСИ, потомки осетин-мухаджиров бережно сохранили свои фамильные предания и родовые тамги (фамильные знаки), старинные фотографии, активно контактируют с родственниками в РСО-Алания. Примечательно, что в последние годы получило распространение заключение браков осетин Турции с осетинками (преимущественно дигорками) из Северной Осетии. Можно предположить, что замеченная исследователями данная тенденция будет благоприятно влиять на процессы сохранения и воспроизведения осетинских культурных традиций в среде осетинской диаспоры в Турции.

Примечания

¹ *Дзидзоев В.Д.* История и судьба кавказских переселенцев в Турцию (50–70-е годы XIX в.) // Дарьял. 2008. № 1. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.darial-online.ru/2008_1/dzidzoev.shtml (дата обращения: 05.11.2016).

² Там же.

³ *Берже А.П.* Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. Т. XXXIII. 1882 (февраль). С. 342.

⁴ *Тотоев М.С.* К истории дореволюционной Северной Осетии. Орджоникидзе, 1955. С. 82–83.

⁵ *Абдуллаева М.И.* Проблемы «мухаджирства» в современной турецкой историографии // Тарих. Махачкала, 1997. № 5. С. 86.

⁶ *Цаликов А.Т.* Кавказ и Поволжье. М., 1913. С. 14.

⁷ *Чочиев Г.В.* Осетины на Ближнем Востоке: поселение, адаптация, этносоциальная эволюция // Известия СОИГСИ. 2010. № 4 (43). С. 50.

⁸ *Тотоев М.С.* К вопросу о переселении осетин в Турцию (1859–1865) // Известия СОНИИ. Т. XIII. Вып. 1. Дзауджикау, 1948; *Дзагуров Г.А.* Переселение горцев в Турцию // Материалы по исто-

рии горских народов. Ростов-на-Дону, 1925; *Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказская война. М.: Россет, 1994; *Дзидзоев В.Д.* История и судьба кавказских переселенцев в Турцию (50–70-е годы XIX в.) // *Дарьял*. 2008. № 1; *Чочиев Г.В.* Осетины на Ближнем Востоке: поселение, адаптация, этносоциальная эволюция (краткий очерк) // *Известия СОИГСИ*. 2010. № 4 (43); *Марзоев И.Т.* Эмиграция осетин в Турцию в середине XIX — начале XX века // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 2–1; *Сичкарь А.В.* Переселение народов Северного Кавказа в Османскую империю (50–60-е годы XIX в.): причины, характер, последствия: Дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2009; *Гадиева А.Н.* Осетинская диаспора в Турции: этносоциологический аспект: Дисс. ... канд. соц. наук. М., 2002.

⁹ *Марзоев И.Т.* Эмиграция осетин в Турцию в середине XIX — начале XX века // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 2–1; [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=21168> (дата обращения: 05.11.2016).

¹⁰ *Мусса Алхастович Кундухов* (1818, Тагаурия — 1889, Эрзерум) — тагаурский алдар, генерал-майор Русской императорской армии, турецкий дивизионный генерал, паша. Участник Кавказской, Крымской, Русско-турецкой войн. В конце 1850-х годов — начальник Военно-Осетинского и Чеченского округов Терской области. Кавалер орденов Святого Владимира 4-й степени с бантом (1841), Святого Станислава 2-й степени (1842), Святой Анны 2-й степени с императорской короной (1851), Святого Владимира 3-й степени (1858), Святого Станислава 1-й степени (1861), Святой Анны 1-й степени (1861), Рыцарского креста Австрийского ордена Леопольда. Инициатор массового переселения осетин-мусульман и чеченцев в Османскую империю (1865).

Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. командовал 4-тысячным турецким кавалерийским отрядом. Отец первого министра иностранных дел Турции Бекир Сами Кундуха. Похоронен на территории эрзерумской мечети Харманли.

¹¹ *Кундухов М.* Мемуары. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://biblio.darial-online.ru/text/Kunduhov/index_gus (дата обращения: 05.11.2016).

¹² Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева. Ф. 17. Оп. 1. Д. 9. Л. 5.

¹³ *Чочиев Г.В.* Осетины на Ближнем Востоке... С. 52–55.

¹⁴ История Северо-Осетинской АССР. М., 1959. С. 175.

¹⁵ Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1.

¹⁶ *Aydemir İ.* Türkiye Cherkesleri // «Kafkasya». Ankara, 1973–75. № 36–47. Цит. по: *Чочиев Г.В.* Осетины на Ближнем Востоке: поселение, адаптация, этносоциальная эволюция // *Известия СОИГСИ*. 2010. № 4 (43). С. 51.

¹⁷ *Уарзиаты В.С.* Ирон мухадзыртæ Турчы // *Мах дуг. Дзжуджыхъæу*. 1992. № 3. С. 100–102.

¹⁸ *Мамсурова И.* Турецкие осетины — дипломаты, министры, генералы // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://sputnik-ossetia.ru/columnists/20151021/753769.html> (дата обращения: 05.11.2016).

¹⁹ Вячеслав Битаров обсудил перспективы делового сотрудничества с осетинами, проживающими в Турции // Официальный портал Главы и Правительства РСО-Алания. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://rso-a.ru/novosti-glavy/5156-vyacheslav-bitarov-obsudil-perspektivy-delovogo-sotrudnichestva-s-osetinami-prozhivayushchimi-v-turtsii> (дата обращения: 05.11.2016).

²⁰ Чочиев Г.В. Осетины на Ближнем Востоке... С. 60–61.

²¹ Сокаева Д.В., Канукова З.В., Марзоев И.Т., Дзапарова Е.Б., Дзлиева Д.М. Комплексная экспедиция по изучению осетинской диаспоры в Турции // Вестник РГНФ. 2016. № 1. С. 205.

²² Марзоев И.Т. Указ. соч.; [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=21168> (дата обращения: 05.11.2016).

²³ «Экспедиция в Турцию с целью комплексного изучения анатолийских осетин (этнография, язык, фольклор) состоялась!» // Официальный сайт СОИГСИ. [Электронный ресурс].: <http://soigsi.com/index.php/339-20-06-2015-ekspeditsiya-v-turtsiyu-s-tselyu-kompleksnogo-izucheniya-anatolijskikh-osetin-etnografiya-yazyk-folklor-sostoyalas> (дата обращения: 05.11.2016).

²⁴ Чочиев Г.В. Черкесское движение в Турецкой Республике: деятельность северокавказских диаспорных организаций в 1945–2015 гг. // Известия СОИГСИ. 2015. № 17 (56). С. 82.

²⁵ Кушхабиев А.В., Магомеддаев А.М. Деятельность общественных организаций северокавказских диаспор в Турции // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. 2012. № 1. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-obschestvennyh-organizatsiy-severokavkazskih-diaspor-v-turtsii> (дата обращения: 05.11.2016).

²⁶ Alan Kültür Ve Dayanışma Vakfı. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.alanvakfi.org.tr/> (дата обращения: 05.11.2016).

²⁷ Участники этнолагеря в Северной Осетии изучают наследие алан. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/287000/> (дата обращения: 05.11.2016).

²⁸ «Экспедиция в Турцию...» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://soigsi.com/index.php/339-20-06-2015-ekspeditsiya-v-turtsiyu-s-tselyu-kompleksnogo-izucheniya-anatolijskikh-osetin-etnografiya-yazyk-folklor-sostoyalas> (дата обращения: 05.11.2016).

Ислам и хабизм

(Религиозный фактор в черкесской этнической идентичности)¹

Избрание местом проведения зимней Олимпиады 2014 г. российского города Сочи, расположенного в значимых для исторической памяти адыго-абхазских народов местах, несомненно, вызвало серьезный рост Черкесского национального движения. Произошла колоссальная мобилизация черкесских националистов, поднимавших такой болезненный вопрос, как «геноцид черкесов», признания которого даже удалось добиться в Грузии (20 мая 2011 г. парламент Грузии единогласно принял резолюцию «О признании геноцида черкесов, осуществленного Российской империей»). В то же время фактор Сочи вызвал и усилил внутри черкесского движения оживленные дискуссии, в том числе и относительно роли религии в истории и культуре народа, а также в его будущем.

Эти внутренние противоречия и дискуссии в черкесском движении, к сожалению, не всегда становятся предметом анализа, что создает впечатление единой и сплоченной позиции национальных лидеров, что далеко не соответствует действительности. В этой связи хотелось бы сразу отметить, что в статье речь идет именно о Черкесском движении, а не о том, насколько описываемые явления широко распространены среди самих представителей адыгских народов. Очевидно, что описываемые в статье процессы охватывают в первую очередь национальную интеллигенцию¹ и активистов черкесских движений и организаций. Статья написана на основе полевых материалов, собранных автором в ходе поездок в Адыгею, Карачаево-Черкессию и Кабардино-Балкарию в 2004–2012 гг.

¹ Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РГНФ № 14-06-00836а.

**Ахмед
Аминович
ЯРЛЫКАПОВ**

Одна из целей черкесских организаций, в том числе и такой радикальной, но популярной среди молодежи, как «Черкесский конгресс», — это восстановление единства черкесского народа на его исторической родине. Понятия «историческая родина» и «единый черкесский народ» очень важны в рассматриваемой нами теме. Черкесское движение стремится уйти от результатов советского нацистроительства, которое привело к формированию отдельных адыгских народов: черкесов², кабардинцев, адыгейцев и шапсугов. Конечно, миф о едином черкесском народе апеллирует к некогда существовавшей Черкесии, которую населял черкесский народ. В то же время возникает вопрос духовной основы этого единства, поиски которого среди адыгов, как показывает практика, все еще не закончены.

Выбор, как правило, оказывается между двумя идеологическими системами: исламом, который собственно и был знаменем многих участников черкесского сопротивления экспансии Российской империи в XIX в., в частности тех, кто воевал под началом Мухаммеда-Амина, и изобретаемым активистами своего рода черкесским «родноверием», получившим название «хабизм». Именно под началом Мухаммеда-Амина, третьего наиба Шамиля на Северо-Западном Кавказе, разрозненные адыгские племена сплотились пусть в достаточно аморфное, но все же государственное объединение³. Несмотря на очевидную объединяющую и мобилизующую роль, которую ислам играл в истории адыгов, практически ни один документ черкесских национальных движений не апеллирует к исламу и не говорит о нем как об одной из культурных основ этнической идентичности.

Многие лидеры движения считают, что ислам с его космополитизмом и предпочтением религиозной сплоченности, а не этнической, не может быть идеологией черкесского национализма. В частности, позиция руководства одной из организаций — «Черкесского конгресса» по отношению к исламу очень противоречивая. Есть две разные позиции. Мурат Берзегов из Майкопа (Адыгея) очень четко говорил, что с исламом конгрессу не по пути, потому что его цель — отстаивать интересы черкесов. Он подчеркивал, что ислам в любом случае приносит национальные интересы в жертву общеисламским интересам⁴. Его главным оппонентом выступал второй по значимости человек в майкопском «Черкесском конгрессе» Заур Дзеукожев — практикующий мусульманин, не скрывающий свою религиозность. В адыгейском «Черкесском конгрессе» Дзеукожев несколько уравнивает позицию Берзегова. Он неоднократно подчеркивал, что ислам — неотъемлемая часть культуры черкесов и не мешает решению проблем, а, наоборот, в ряде случаев и помогает. В частности, необходимо учитывать, что большинство адыгов живет в странах, принадлежащих к исламскому миру: в Турции, Сирии, Иордании. Кроме того, большинство адыгов в мире за исключением небольших групп, также исповедует ислам⁵.

И все же отношение к исламскому политическому проекту на Северном Кавказе в целом у руководителей черкесского национального движения отри-

цательное. Они не видят Черкесию ни в качестве исламского государства, ни в качестве вилаята «Имарата Кавказ», ни в качестве части «Провинции Кавказ» ИГИЛ. Черкесия для них — вполне самостоятельное и самодостаточное объединение всех этнических черкесов на исторической Родине. Это их основная политическая позиция.

В этом плане привлекает к себе внимание имевшая в свое время место в черкесском обществе полемика вокруг фигуры Султана Сосналиева, кабардинца, который был в свое время министром обороны и вице-премьером Абхазии, генералом Вооруженных сил Абхазии. После интервью одного из лидеров исламистов Кабардино-Балкарского джамаата, Анзора Астемирова, которое он дал журналисту Фатиме Тлисовой весной 2009 г., развернулась дискуссия о том, кем все-таки был Сосналиев — выдающимся национальным деятелем или все же сторонником, а может, даже одним из лидеров исламистского джамаата. Исламистам было очень важно подчеркнуть факт якобы имевшего место перехода генерала на их сторону (с озвучиванием его якобы «подпольного псевдонима» Абу Мурат), в качестве политики выбивания почвы из-под этнического национализма и перевода движения на исламские рельсы. Они старались показать, что даже такие деятели переходят на их сторону, и называют язычеством то, что составляет этническую культуру адыгских народов. В частности, Анзор Астемиров заявил: «Этой зимой мы потеряли очень ценного соратника и долговременного сторонника — генерала Султана Сосналиева, известного в кавказском подполье под именем Абу Мурат... Очень мало людей знало об его дружбе с лидерами моджахедов, например, с Шамилем Басаевым и другими». Он отметил, что «Султан долгое время был нашим братом по вере, нашим крупным советником и стратегом». Он также добавил: «Я выполнил последнюю волю Султана и сообщил о его истинной деятельности»⁶.

Конечно, для лидеров черкесского движения это заявление было неприемлемым, и большинство из них назвало слова Астемирова выдумкой. В частности, лидеры Союза абхазских добровольцев Кабардино-Балкарии и Черкесского конгресса Кабардино-Балкарии выступили с совместным заявлением, в котором отметили, что интервью Астемирова является звеном в «цепи провокаций против черкесского (адыгского) народа»⁷. Для них переход таких выдающихся деятелей черкесского движения в лагерь исламистов, конечно, был бы катастрофичен. В то же время хотелось бы отметить, что слова Астемирова о том, что Сосналиев был знаком с «лидерами моджахедов», среди которых был назван только Шамиль Басаев, не являются сенсацией — такое знакомство было естественно, поскольку оба они воевали в Абхазии, и вовсе не обязательно, что под исламскими знаменами.

Итак, ислам сегодня в силу разных причин не видится как идеология черкесского национального движения его лидерами. Многие черкесские лидеры считают ислам как минимум мешающим национальной консолидации адыгов в силу космополитизма, а часто и просто чуждым адыгам. Один из адыг-

ских общественных деятелей, бывший председатель движения «Адыгэ Хасэ» в Абхазии, председатель движения «Кабардинский конгресс», Аслан Бешто, считает, что адыги попали под молот и наковальню двух векторов глобализации, которые столкнулись на Северном Кавказе: европейского и исламского (который он называет «арабским» или «восточным»). Оба вектора, по его мнению, чужды адыгам, поскольку европейская глобализация пропагандирует разнузданность, а «восточная» — чрезмерную закрытость, а обе — отказ от национальных традиций. Аслан Бешто полагает, что западная глобализация подстегнула исламскую: «На самом же Кавказе условия для принятия строгих салафитских порядков возникли из-за несоответствия западного образа жизни своим исконным кавказским порядкам. Наступившая после падения железного занавеса тотальная свобода стала поглощать традиционные устои, превращая кавказское и в целом российское общество в подобие европейских обществ. При этом под “европейским порядком” чаще всего понимали максимальную открытость и развращенность, но никак не демократичность и прогрессивность науки. Конечно же, в таких условиях противовесом чрезмерной открытости (в кавказском понимании) начала становиться религиозная строгость»⁸.

Как же всему этому противодействовать, спрашивает Аслан Бешто. По его мнению, «у каждого народа, у каждого общества есть та форма развития, тот менталитет, который выработался в них столетиями и тысячелетиями, у каждого народа это по-разному. И именно пропаганда национальной культуры, образа жизни будет наиболее грамотным и удачным противовесом обеим формам глобализации для всех народов, желающих сохранить свою самобытность». И далее подводит своего читателя к следующему выводу: «Человек с самосознанием главным образом связывает свою ментальность, образ жизни и судьбу со своей родиной и культурой. Самоидентификация же является главным образом терминологической: “мусульманин”, “черкес”, “балкарец”, “русский” и т.д., при этом зачастую забывают о духовном наполнении данных терминов. Именно духовное наполнение является необходимым вектором работы, для избежания поверхностных ярлыков и обострения связей между различными социальными группами»⁹.

Именно в описанном А. Бешто направлении и шел процесс поиска альтернативы, которая была найдена в духовной культуре самих черкесов, как ее понимает черкесская интеллигенция. В последнее время мы являемся свидетелями изобретения «исконной» черкесской религии, хабзизма, который противопоставляется «чуждому» адыгам исламу.

Здесь следует особо отметить, что есть разные смыслы активно используемого слова «хабзизм». Часто оно употребляется для обозначения комплекса народных обычаев и традиций, не противопоставляемых в целом исламу, то есть в таком понимании слово «хабзизм» лишено религиозного смысла. Иными словами, такой «хабзист» — это сторонник поддержания народных

обычаев и традиций, не имеющий ничего против ислама. Он стремится поступать согласно морально-этическому кодексу Адыгэ Хабзэ, соблюдая при этом и исламские предписания. Однако в последнее время также растет понимание хабизма как исконной черкесской религии, которая якобы существовала у адыгов задолго до принятия ислама. Такой хабзист уже осознанно противопоставляет себя «исламистам», считая их разрушителями черкесского национального духа. Именно это понимание хабизма и рассматривается в данной статье.

В конструировании хабизма активно участвует адыгская интеллигенция. Например, широко используются труды ученых, которые описывают реконструируемые обычаи и обряды, связываемые с доисламскими временами (Барасби Бгажноков, Аслан Ципинов). Известный кабардинский этнограф Аслан Ципинов не ограничивался описанием обычаев и обрядов (таких, как почитание горы Эльбрус, «адыгский Новый год» и т.д.), но и активно пропагандировал, занимаясь их реконструкцией. В сети Интернет можно найти массу видеоматериалов, в которых Ципинов выступает с пропагандой реконструированных обычаев и обрядов.

Идеологи и сторонники хабизма считают его «родноверием»¹⁰, уводя его из сферы морально-этической в религиозную. В этом плане идеологи хабизма уподобляются, в частности, тем из русских националистов, которые реконструируют русское язычество, выступая против православия.

Довольно резкие выпады против ислама со стороны идеологов и сторонников хабизма основаны по большей части именно на представлении о чуждости ислама и его обрядов национальной черкесской культуре. Градус противостояния усиливался с конца 1990-х годов, по мере роста и укрепления общин «новых мусульман» в Адыгее, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии в результате процессов реисламизации среди молодежи этих регионов¹¹.

В этом плане очень интересна статья Алины Кабардоковой «Черкесы: кто мы и куда идем?», которую известный стратегический советник «Черкесского конгресса», израильский раввин и политолог Авраам Шмулевич назвал «Промежуточным манифестом»¹². В ней Алина Кабардокова задает вопросы: «Почему черкес должен молиться на Мекку, избранную древним арабом после спора с родственными ему евреями, что заставило его повернуться спиной к Иерусалиму? Почему черкес должен считать своей святыней черный булыжник в серебре в песках, когда у нас есть белоснежный Гуашхьээмахуэ (Эльбрус. — А. Я.)?»¹³. И далее она утверждает, что у черкесов была своя национальная религия, которую Кабардокова называет «адыгъагъэ» («адыгство»). Для этой религии, по ее мнению, были характерны обряды в «священных рощах», которые старики якобы совершали еще в 1970-х годах.

Так же как и А. Бешто, А. Кабардокова считает, что распространенные среди адыгов ислам и христианство слишком универсальны, нивелируют национальный дух адыгов, не отвечают их духовным и культурным запросам. Более

того, они представляют чуждый взгляд на окружающий мир: «Христианство и Ислам — это два крыла одной птицы — универсальные авраамические доктрины. Если говорить об Исламе, то он, как и Христианство, несет свое видение устройства мира. В данном случае — это видение средневековых арабских бедуинов и торговцев, облученных персидской культурой»¹⁴. В такой ситуации А. Кабардокова считает именно Адыгэ Хабзэ «точкой опоры», впитавшей и отображающей душу народа. К какому выводу она подводит в своем «промежуточном манифесте»? К тому, что исламу и хабизму не по пути, и у хабизма нет иного пути, кроме как стать заменой исламу как религии: «Многие из живущих сейчас черкесов считают, что на сегодняшний день в теме “Адыгэ Хабзэ и Ислам” не может быть компромисса. “Нельзя сделать кентавра, трудно совместить обе системы, если ни одна из них не нуждается в другой”. Итак, черкесский мир практически раскололся. Сегодня, говоря об исламе, мы лепим к нему эпитеты: “традиционный”, “умеренный”, “ортодоксальный”... На мой взгляд, никаких “видов” и “подвидов” в исламе не существует. Есть религия. Или ее нет»¹⁵.

Сама идеология хабизма, если вообще можно о таковой говорить, весьма эклектична. Дело в том, что хабизм как религиозное учение только формируется, и не все согласны с теми текстами, которые распространяются его идеологами. Кроме того, очевидно, что среди адыгской интеллигенции распространены различные взгляды и подходы к тому, каковым быть хабизму как религии.

С одной стороны, идеологи этого учения стараются дистанцироваться от ислама, с другой же стороны, они пытаются также и делать реверансы в сторону некоторых положений этой религии — в частности, о том, что каждый народ в ходе истории получил своего посланника и свое Писание. Сведения о посланнике считаются несохранившимися, но Адыгэ Хабзэ понимается как такое Писание. В частности, в одном из распространяемых в Интернете манифестов под названием «Религия Хабзэ» говорится: «Хабзэ — это часть прямого Пути Тха (Аллаха) — Дин-Ислама»¹⁶. Такое понимание решает две проблемы: с одной стороны, утверждает национальный характер «хабизма» как религии исключительно черкесской (как сказано в указанном манифесте: «У Бога есть отдельные требования к адыгам, и их надо выполнять. Эти требования — Хабзэ»), а с другой стороны, примиряет с мусульманами, в первую очередь адыгами-мусульманами, поскольку провозглашает, что строящаяся мировая община Хабзэ — «часть единой исламской Уммы»¹⁷.

Пока та система, которая выстраивается идеологами хабизма, получается весьма противоречивой. В отличие от других изобретаемых «родноверий», «хабизм» претендует на то, чтобы быть монотеистической религией. Тем не менее, согласно некоторым сведениям, которые публикуются его сторонниками, эта религия ими понимается иногда и как дуалистичная: Тха (Аллах) и Сатана фактически являются противоборствующими силами, и вся жизнь

(«путь») понимается как проходящая в этом противостоянии. В частности, в упомянутом манифесте «Религия Хабзэ» говорится: «Тха — создатель, строитель и творец Добра, все доброе на Земле — только от Тха. Сатана — разрушитель всякого доброго начала. Перед теми, кто следует заповедям Божиим, Сатана бессилен и беспомощен. Но кто отвергает Тха, тот попадает во власть Сатаны, казнящего свою жертву, которому обещана сладость жизни. Сатана смеется над этими людьми, но делает это за их спиной, и только на месте казни он показывает свой истинный лик. Тха видит всех, кто следует Его законам, и кто нарушает. Первых в земной жизни ждет вознаграждение — в их душах и семьях будет покой, согласие и порядок, обретут они блага земные. После смерти тела Тха вознесет душу в иной мир, где ее ждет вечная жизнь¹⁸. Души предавшихся Сатане обречены на вечную боль, ибо Сатана — это мучитель духа и плоти. Цель Сатаны — распространить власть над всеми людьми и вернуть Землю в былое состояние, чтобы тьма и хаос снова восстали, наступило их вечное владычество, узрели люди гибель Земли и обрели свою гибель»¹⁹. Как видно из этого отрывка, в создаваемой системе «хабзизма» есть много противоречий с исламом, частью которого «хабзизм» пытаются показать, а роль и место Сатаны весьма напоминают зороастрийского Ангро-Майнью — тексты прямо говорят о «борьбе Тха и Сатаны».

Идейные противники хабзистов считают, что конструируемый ими «хабзизм» — это возрожденное язычество. В частности, один из исламских лидеров в Черкесске говорил в интервью: «Ну, если серьезно обратиться в историю, посмотреть глубоко назад, то черкесы как раз имеют корни со Среднего Востока: Иран, шумеры, были хатты, хетты; это уже не наши выдумки, это доказано историей... И это доказано, связь наша с этими народами. А эти народы не тысячу, не полторы тысячи лет жили, они жили и до пророка Мухаммада, они имели свою государственность, свою религию имели. А религия везде всегда менялась во всех концах мира. Приходили пророки, и приносили религию, и она укоренялась, на какое-то время у какого-то определенного количества людей, а потом под влиянием страстей, под влиянием Сатаны религия постепенно менялась. Вот так же и Хабзэ — самые лучшие традиции и самые лучшие обычаи народа 100% совпадают с исламом. И это уже доказывает, что когда-то эти люди исповедовали (истинную) религию, потом они изменились, превратили это в языческую религию, из-за того, что некоторые люди, которые действительно искренне эту религию исповедовали, носили эту религию, они были святыми по своим поступкам, по своим деяниям. И люди, по-хорошему, ставили их в пример, потом пример перешел в поклонение. И потом пошли языческие традиции»²⁰.

Показательно, что идеологи хабзизма признают пути всех народов к Тха правильными, а Хабзэ признают, как исключительно черкесский путь к Тха. При этом черкесы понимаются как «избранный» народ. В манифесте «религия Хабзэ» утверждается: «Следовать Хабзэ — удел избранных, ибо вели-

ки трудности, претерпеваемые носителями Хабзэ. Следовать Хабзэ — значит ограничивать себя во всем, что противно Тха. Но следовать Хабзэ — значит быть избранным Тха для лучшего удела»²¹.

Идеологи хабзизма вводят понятие «Храм». Согласно их представлениям, Храм — это вся территория Черкесии. Иными словами, для хабзиста вся Черкесия — это священная земля. Центр Черкесии, а значит, и Храма — гора Эльбрус. Главная задача, которая стоит перед черкесами, — это воссоединиться на их священной земле, в их Храме. «Избранный черкесский народ» обязан вернуться и восстановить свой Храм. Причем конструкторы новой религии явно не хотят заниматься культовой стороной: они считают, что служением в религии является простое следование Хабзэ, а жрецом может стать любой старец, достаточно хорошо знающий Хабзэ и способный быть наставником для молодежи. Причем молодой человек имеет право сам выбрать себе старца, который станет для него священником. Для вступления на путь следования новой религии достаточно произнести следующую фразу: «Я верю в Хабзэ от Тха, я верю в свой Путь Хабзэ от Тха, я верю в пути, указанные Тха в его посланиях, и я хочу жить в соответствии с Хабзэ дабы вечно пребывать в Адыггэ (т.е. в «адыгстве» («хабзизме»). — А. Я.)»²².

К сожалению, сегодня трудно сказать, насколько широко распространен «хабзизм» как религия и насколько глубоко разбираются в его философии те, кто считает себя его последователями. Социологических исследований на эту тему не проводилось. Существуют самые разные оценки. Один из пожелавших остаться неназванным молодежных лидеров черкесского движения из Карачаево-Черкесии считает, что значительная часть черкесской националистической молодежи отвергает ислам и переходит в хабзизм. Это, в частности, находит выражение в смене мусульманских имен и фамилий на «традиционные» адыгские. По мнению этого лидера, до 70–80% лидеров черкесского движения находятся на позициях хабзизма как антиисламского проекта. В интервью автору статьи этот молодежный лидер отметил: «Я знаю очень многих ребят, которые ездили и учились в исламских школах на Ближнем Востоке. Которые вернулись оттуда и полностью отказались от ислама как такового. И они считают, что наше традиционное Адыгэ Хабзэ — вот то, что было у нас. Они его считают традиционной, нет, они считают его самодостаточной религией. И оно в принципе оформилось на данный момент уже. И полностью отказались от ислама, как философии, вообще. Их достаточно много, но из-за ситуации они не могут во весь рост и в полную грудь об этом сказать, но их много, их достаточно много сейчас. Их достаточно много, вот особенно в национальном движении практически 70–80%... Они от ислама как могут, открещиваются вообще, как от религии и себя к ней не относят. Даже научный термин появился к этим ребятам — хабзисты»²³.

Конечно, это явное преувеличение, но то, насколько серьезную озабоченность проникновением хабзизма выражали даже официальные и достаточ-

но умеренные исламские лидеры, говорит о том, что проблема как минимум существует. В частности, один из служителей культа из системы Духовного управления мусульман Карачаево-Черкесии говорил в интервью о напряжении между мусульманами и хабзистами: «На самом деле есть определенное напряжение, безусловно. Это есть, потому что по целому ряду вещей, укоренившихся в этнической среде, эти традиции противоречат религиозной традиции, в частности, начиная от внешнего вида и заканчивая образом жизни»²⁴. Его заочный оппонент, уже цитировавшийся молодежный лидер, четко указывает на связь национализма и «хабизма»: «Есть даже группа ребят, которые не жалеют своего живота, как говорится, ведут пропаганду в направлении популяризации хабизма. Объясняют доступным языком, они никого не зовут, не вербуют туда. Но при этом объясняют разницу между исламом и между хабизмом... Это еще связано с тем, что высокий стал уровень национального самосознания среди молодежи. Это тоже важную роль играет. Чем выше самосознание, вот я наблюдал за эти годы, тем более резкое движение в сторону хабизма»²⁵.

Лидеры хабзистов, выражая свое неприятие исламской идеологии, говорят о том, что «если у нас будет свой (уголок), мы хотим его видеть светским, вполне европеизированным, абсолютно цивилизованным государством»²⁶. Иными словами, они подчеркивают, что их политический проект — это национальное государство, светское, не совпадающее с целями исламистов. Ведь исламистский проект, как утверждает А. Кабардокова, предполагает создание всемирного халифата под гегемонией Саудовской Аравии, в котором «от Черкесии вообще ничего не останется»²⁷.

Полевые исследования, проведенные мной в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгее, позволяют сделать вывод о том, что противостояние по линии «исламист — хабзист» постепенно набирает обороты. По крайней мере, обсуждение проблемы религиозного выбора вышло на широкий уровень, а официальные исламские лидеры в интервью выражают серьезную обеспокоенность деятельностью хабзистов. О накале противостояния свидетельствует также и то, что в нем есть уже и погибшие: Аслан Ципинов, наиболее активный деятель хабзистов, был убит предположительно радикально настроенными исламистами в декабре 2010 г. Жертвы противостояния даже позволили уже упомянутому Аврааму Шмулевичу утверждать, что «сегодня черкесский мир на Кавказе расколот на исламистов и хабзистов. Между ними, по сути, идет гражданская война»²⁸.

Итак, хабизм можно рассматривать в ряду других изобретаемых и заново конструируемых «родноверий», тесно связанных с этническими, а иногда и националистическими движениями. Есть большое количество работ, посвященных этой проблеме²⁹, однако следует отметить, что идеологи хабизма хотя и не скрывают своего неприятия ислама, тем не менее не говорят открыто о возрождении древней языческой религии. В этом они сторонятся даже

опыта близких в этническом плане абхазов, возрождающих именно языческую традицию в качестве исконно абхазской³⁰. Известные на сегодня тексты, конструирующие хабизм, больше говорят о нем как монотеистической или, в крайнем случае, дуалистической религиозной доктрине. Ни один из информаторов ни разу не упоминал каких-либо языческих божеств или обрядов явно языческого содержания.

Характерно, что попытки изобретения и активной реконструкции национальных религиозно-философских систем типа «родноверия» среди мусульманских народов имеют ряд схожих моментов. Отметим, что эти процессы активизируются в зависимости от массы различных факторов, но неизбежно приходят в столкновение с исламом, претендуя на «исконность» и большую легитимность, чем «пришлый» ислам.

Любопытно в этом смысле в качестве сравнительного материала посмотреть на попытки реконструкции и продвижения тенгрианства в Кыргызстане. Сразу отметим, что тенгрианство фактически имеет несколько разрабатываемых в разных уголках тюркского мира версий, которые могут сильно отличаться друг от друга. Эти версии сходятся лишь на том, что они якобы реконструируют религию древних тюрков, которую они называют по имени верховного бога вечного синего неба Тенгри. Разброс этих версий усугубляется отсутствием не только систематически излагающих религиозную философию текстов, но и отсутствием, например, подобия такой основы, как морально-этический кодекс адыгов Адыгэ Хабзэ. Фантазии известного изобретателя тенгрианства Мурада Аджи, например, доходят до отождествления тюркского монотеизма и первоначального христианства³¹. Идеи возрождения тенгрианства в основном распространились среди бывших относительно недавно кочевыми тюркских народов — ногайцев, казахов, киргизов. Наиболее интересные формы взаимоотношения ислама и тенгрианства можно наблюдать на киргизском материале.

Сегодня именно в Киргизии сложилась наиболее устойчивая община тенгрианцев, которая претендует на право быть зарегистрированными в качестве отдельной религиозной группы. Интересно, что в документах, поданных на регистрацию, они указывают невероятно большую численность своей группы — 30 тысяч человек. Насколько это релевантная цифра, сегодня сказать трудно, однако попытки добиться официальной регистрации свидетельствуют о том, что им удалось создать действительно устойчивую группу единомышленников (и единоверцев?).

Один из ярчайших представителей киргизского «тенгрианства» сегодня — это молодой интеллигент Назикбек Кыдырмишев, который выступает под тенгрианским именем Элери Битикчи³². Он говорит о том, что тенгрианство — это не что иное, как национально-культурный ответ глобализирующему исламу, исламу, который против, как он выражается, «национального ислама». Здесь приводится весьма интересная оппозиция «глобальный ислам» — «на-

циональный ислам». Эта оппозиция, кстати, была ясно обозначена и в упоминавшейся уже статье Аслана Бешто, который также утверждал, что опасность национальным обычаям и традициям представляет тот самый «глобальный ислам», под которым он понимает салафизм/ваххабизм³³. В основе «национального ислама», который дружелюбен тенгрианству и не мешает его развитию, по мнению Элери Битикчи, лежит феномен «кыргызчылык» (буквально — «киргизство»), особого киргизского пути, основанного на соблюдении исконных киргизских обычаев, имеющих глубокие корни в том самом тенгрианстве. В частности, Элери Битикчи выступает за декриминализацию такого широко распространенного среди киргизов явления, как умыкание невест, являющегося якобы частью этого самого особого «киргизского пути». Как в связи с «кыргызчылык» не вспомнить «адыгагъэ» (т.е. «адыгство»), которое многие идеологи употребляют в качестве равнозначного «хабизму» термина.

Следующее, где проявляется конкуренция ислама и тенгрианства, — это святые места. Элери Битикчи считает, что смотрители святых мест якобы все чаще не связывают себя с исламом, а связывают с тенгрианством. Это происходит, по его мнению, из-за крайне нетерпимой позиции, которую занимают радикальные исламисты (для Битикчи именно они олицетворяют ислам и мусульман). Интересно, что в Интернете, например, широко распространяются клипы некой группы «Тенгри Ультрас», которые делают упор на якобы широкое распространение экстремистских форм ислама, с завершающим призывом к тюркам вернуться к «родной» вере в Тенгри, которая-де и является спасением от чуждого ислама с его радикализмом и экстремизмом. Иными словами, противостояние с исламом видится тенгрианцами вообще и Элери Битикчи в частности как ресурс для экспансии в среду киргизов, основная масса которых, как ему кажется, вполне себе тенгриане (поскольку исповедуют «национальный ислам», корнями уходящий в тенгрианство). Это очень похоже на то, что утверждают сторонники хабизма: адыги лишь номинально мусульмане, для них Хабзэ значит больше, чем Коран.

Интеллигенция, по мнению Элери Битикчи, тоже весьма перспективный источник поступлений в ряды тенгрианцев. Следует сказать, что тут он несомненно прав, поскольку именно интеллигенция и составляет ряды осознанных членов тенгрианской общины и именно она разрабатывает основные положения этой изобретаемой религии. То же самое мы наблюдаем и в хабизме — практически все, с кем довелось беседовать, отмечали исключительную роль национальной интеллигенции в разработке и продвижении идей хабизма.

Оптимизм лидеров тенгрианства, конечно, не безоснователен, но в то же время сильно преувеличен. Для Киргизии, в частности, в 1990-е годы рисовались картины тотальной евангелизации Севера страны и его отрыва от преимущественно исламского Юга. Однако современная ситуация такова, что Север сохраняет свой преимущественно исламский облик, несмотря ни на

что. Иными словами, религиозные идеологии, считавшиеся серьезными конкурентами ислама, все еще остаются маргинальными и не получают широкого распространения среди основной массы киргизов. Ждет ли такая же судьба хабзизм? Время покажет.

Таким образом, религиозный фактор играет заметную роль в Черкесском национальном движении и сказывается на черкесской этнической идентичности. Дискуссии относительно религиозного выбора свидетельствуют о секулярном характере этого движения, которое ищет одну из идеологических опор в религии: исламе, который исповедует большинство адыгов, или конструируемом хабзизме. Изобретаемое черкесское «родноверие» действительно является попыткой выработать этнически окрашенную идеологию, в ответ на «глобализирующие» тенденции в развитии ислама. Тем не менее попытки уйти от господствующего на данный момент ислама приводят к тому, что «хабзизм» не разработан как система и не может полноценно конкурировать с исламом. Поэтому сказать о том, что «хабзизм» является противоборствующей с исламом идеологией, мы не можем.

Следует также отметить, что попытки некоторых лидеров опереться на конструируемый хабзизм ведут не к консолидации, а к еще одной линии разлома в и без того разношерстном черкесском движении и разнообразном «адыгском этносе». Симпатии к хабзизму проявляют в основном активисты таких радикальных участников черкесского национального движения, как «Черкесский конгресс», в то время как активисты более умеренных организаций, например «Адыгэ хасэ», стараются не противопоставлять ислам и «хабзизм». Тем не менее за последние 10 лет противостояние «исламистов» и «хабзистов» стало настолько ожесточенным, что даже самые яростные сторонники «хабзизма» признают опасность дальнейшей эскалации противостояния для единства черкесского движения.

Примечания

¹ Национальная интеллигенция включает широкий круг представителей интеллектуального труда — в первую очередь преподавателей школ и вузов, научных работников (в основном гуманитариев), врачей, инженеров, художественную интеллигенцию.

² Наличие черкесов как отдельного народа наряду с кабардинцами, адыгейцами и шапсугами создает путаницу, поскольку лидеры национального движения считают этноним «черкесы» наряду с этнонимом «адыги» общим для всех представителей этих народов, а не только

тех, кто проживает в Карачаево-Черкесской Республике.

³ Об этом подробнее см.: Мухаммад-Амин и народно-освободительное движение народов Северо-Западного Кавказа в 40–60-х гг. XIX в.: Сборник документов и материалов. Махачкала: Юпитер, 1998.

⁴ Полевые материалы автора, г. Майкоп (Адыгея), 2004 г.

⁵ Там же.

⁶ На сегодня это интервью доступно по: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ingushetiya-ru.livejournal.com/502093.html> (последний доступ 18.07.2014).

⁷ Ветераны Абхазии: покойный министр обороны не был ваххабитом // ИА Регнум, 07.04.2009. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/1147831.html> (последний доступ: 18.07.2014).

⁸ *Аслан Бешто*: Два вектора глобализации на Северном Кавказе — европейский и арабский // Черкесский культурный центр, 22.02.2014. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://circassiancenter.org/%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%BD%D0%B0%D1%8F/6746.html> (последний доступ: 08.08.2014).

⁹ Там же.

¹⁰ В частности, Аслан Бешто в своих выступлениях использует именно этот термин, говоря о хабзизме.

¹¹ Более подробно об этих исламских группах см.: *Yarlykapov A. The Radicalization of North Caucasian Muslims // Russia and Islam. State, society and radicalism / Ed. by R. Dannreuther and L. March. Routledge, 2010. P. 137–154; Shterin M., Yarlykapov A. Reconsidering Radicalisation and Terrorism: the New Muslims Movement in Kabardino-Balkaria and its Path to Violence // Religion, State and Society. 2011. Vol. 39. Issue 2–3. P. 303–325; Shterin M., Yarlykapov A. Caliphate in the Minds and Practices of Young Muslims in the Northern Caucasus // Demystifying the Caliphate: Historical Memory and Contemporary Context / Madawi al-Rasheed, Carool Kersten and Marat Shterin (eds). L.: Hurst & Company, 2013. P. 247–271.*

¹² Хабзэ против Ислама. Промежуточный манифест // *avrom_caucasus*. 18.06.2013. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://avrom-caucasus.livejournal.com/265795.html> (последний доступ 08.08.2014).

¹³ *Алина Кабардокова*. Черкесы: кто мы и куда идем? // Черкесский культурный центр, 12.06.2013. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://>

circassiancenter.org/general/6564.html (последний доступ: 08.08.2014).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Аслан Кабалалиев*. Религия Хабзэ // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://chersi.narod.ru/xabzizm.htm> (последний доступ 18.07.2014).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Как видим, в этом программном тексте много противоречий с исламом, в частности придание почти самостоятельной роли Сатане. Кроме того, в тексте говорится о том, что вечную жизнь получают в «ином мире» лишь души, в то время как ислам предписывает верить в телесное воскресение из мертвых и вечную жизнь в единстве тела и души.

¹⁹ Там же.

²⁰ Полевые материалы автора, г. Черкесск (Карачаево-Черкесская республика), 2012 г.

²¹ *Аслан Кабалалиев*. Религия Хабзэ // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://chersi.narod.ru/xabzizm.htm> (последний доступ 18.07.2014).

²² Там же.

²³ Полевые материалы автора, г. Черкесск (Карачаево-Черкесская республика), 2012 г.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ *Алина Кабардокова*. Черкесы: кто мы и куда идем? // Черкесский культурный центр, 12.06.2013. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://circassiancenter.org/general/6564.html> (последний доступ: 08.08.2014).

²⁸ Хабзэ против Ислама. Промежуточный манифест // *avrom_caucasus*. 18.06.2013. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://avrom-caucasus.livejournal.com/265795.html> (последний доступ 08.08.2014).

²⁹ См., например: *Shnirelman V. A. «Christians! Go home»: A Revival of Neo-*

Paganism between the Baltic Sea and Transcaucasia (an overview) // *Journal of Contemporary Religions*. 2002. Vol. 17. No 2. P. 197–211; Шнирельман В.А. Назад к язычеству? Триумфальное шествие неоязычества по просторам Евразии // Неоязычество на просторах Евразии / Отв. ред. В.А. Шнирельман. М.: Библейско-Богословский Институт, 2001. С. 130–169; *Он же*. Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России. М.: ББИ, 2012; Рыжакова С.И. Dievturība. Религиозно-национальная идея и ее реализация в Латвии // Неоязычество на просторах Евразии / Отв. ред. В.А. Шнирельман. М.: Библейско-Богословский Институт, 2001. С. 80–113.

³⁰ Крылов А.Б. Абхазия: традиционная религия в политической и социальной жизни современного непризнанного

государства // Неоязычество на просторах Евразии / Отв. ред. В.А. Шнирельман. М.: Библейско-Богословский Институт, 2001. С. 114–129.

³¹ См., например: Аджи М. Тайна святого Георгия, или подаренное Тенгри: Из духовного наследия тюрков. М., 1997.

³² Его статьи можно прочитать на страничке «Код Кыргызов». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.akipress.org/kgcode/>.

³³ Аслан Бешто: Два вектора глобализации на Северном Кавказе — европейский и арабский // Черкесский культурный центр. 22.02.2014. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://circassiancenter.org/%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%BD%D0%B0%D1%8F/6746.html> (последний доступ: 08.08.2014).

Раздел IV

Справочно-библиографические

материалы

Памяти Дмитрия Юрьевича Арапова (1943–2015)

14 декабря 2015 г. скоропостижно скончался Дмитрий Юрьевич Арапов, крупный советский и российский историк, востоковед, доктор исторических наук, профессор. Дмитрий Юрьевич известен был как один из наиболее авторитетных исследователей истории ислама в Российской империи, СССР и современной России, как прекрасный знаток истории Средней Азии и Кавказа. Как исследователь Дмитрий Юрьевич сформировал свой отличительный стиль работы с первоисточниками, который, безусловно, повлиял на характер научных исследований его младших коллег и учеников. Без преувеличения можно утверждать, что его работы оказали определяющее влияние на становление современной отечественной историографии, посвященной исследованию места и роли ислама в Российской империи и СССР. Он оставил после себя свыше 300 научных работ (монографий, учебников, методических пособий и статей), а также несколько широко известных документальных сборников.

Дмитрий Юрьевич родился 16 марта 1943 г. в Ереване, в 1966 г. окончил исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Именно в университете он окончательно влюбился в востоковедение. Не случайно темой его дипломной работы стала «История взаимоотношений Средней Азии и Ирана в конце XVI века». После окончания университета Дмитрий Юрьевич продолжил исследовательскую работу. В 1969 г. он поступил в аспирантуру, а в 1978 г. защитил в МГУ им. М.В. Ломоносова кандидатскую диссертацию на тему «История изучения Бухарского ханства в русской востоковедческой дореволюционной историографии», которая до сих пор не потеряла своей актуальности для специалистов и всех, кто

**Владимир
Олегович
БОБРОВНИКОВ,
Михаил
Алексеевич
ВОЛХОНСКИЙ,
Вадим
Михайлович
МУХАНОВ,
Ахмед
Аминович
ЯРЛЫКАПОВ**

интересуется историей русско-среднеазиатских отношений. Несколько слов следует сказать об учителях Дмитрия Юрьевича. Его научным руководителем был известный историк, заведующий кафедрой истории СССР периода феодализма, профессор Г.А. Новицкий (1896–1981). Кроме того, в личных беседах Д.Ю. Арапов не раз упоминал о том глубоком влиянии, которое оказал на него иранист П.И. Петров (1884–1971), преподававший в МГУ в течение тридцати лет.

Так же как классик российского востоковедения В.В. Бартольд, у которого учился П.И. Петров, Дмитрий Юрьевич, прежде всего, считал себя историком Средней Азии. На всю жизнь он сохранил любовь к этому региону и его истории. С 1970-х годов до распада СССР он руководил практикой студентов в республиках Средней Азии; был дружен с С.П. Поляковым (1932–2012), известным специалистом по этнографии региона, автором оригинальной концепции исламского традиционализма. Среди работ Д.Ю. Арапова, посвященных его любимому региону, следует указать на сборник «Россия и Средняя Азия в XVIII — начале XX в.» (М.: Русская панорама, 2002. 336 с.); учебник «Центральная Азия в составе Российской империи» (Отв. ред. С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова. М.: НЛЮ, 2008. 464 с.). Особо следует отметить деятельность Д.Ю. Арапова по введению в научный оборот наследия таких классиков среднеазиатской этнографии, как уже упомянутый С.П. Поляков, а также В.П. Наливкин (1852–1918) (Мусульманская Средняя Азия. Традиционализм и XX век. М.: Институт Африки РАН, 2004. 281 с.; Полвека в Туркестане. В.П. Наливкин: биография, документы, труды / Ред.-сост. С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, В.О. Бобровников, Т.В. Котюкова, др. М.: Изд. дом Марджани, 2015. 688 с.).

После защиты кандидатской диссертации Д.Ю. Арапов долго и увлеченно работал над историей исламской благотворительности (вакф) в дореволюционной Средней Азии. Но затем в своих исследованиях он сконцентрировался на такой важной и более ёмкой теме, как взаимодействие Российской империи с исламским миром. В этой связи расширяется география его исследований, которая теперь охватывала не только Среднюю Азию, но также Поволжье, Кавказ и Крым.

Спектр проблем и вопросов, которые Дмитрий Юрьевич поднимал и исследовал в своих работах, в рамках вышеобозначенной большой темы, был очень широк. Государственное регулирование ислама в Российской империи, его законодательное, правовое оформление, эволюция взглядов правительственных верхов империи на мусульманский вопрос, специфика работы экспертов по мусульманскому вопросу в недрах местных и центральных учреждений, эволюция социального и правового положения мусульманского «духовенства» и дворянства, деятельность региональных муфтиятов, российско-османские параллели конфессиональной политики — вот лишь некоторые из тем, затронутых им в исследованиях.

Профессиональный, в самом глубоком понимании этого слова, историк Дмитрий Юрьевич прекрасно понимал, что исследование такой широкой темы, как ислам в Российской империи, требует широкой общедоступной источниковой базы. Одним из первых современных отечественных исследователей Дмитрий Юрьевич стал систематически изучать документы по исламу, отложившиеся в крупнейших российских библиотеках и архивных собраниях Москвы и Санкт-Петербурга. В течение долгих лет он терпеливо работал в архивохранилищах, выявляя, а затем делая достоянием общественности малодоступные, ранее неизвестные документы по различным аспектам истории ислама в Российской империи. В 2001 г. он выпустил сборник «Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика)» (М.: Институт Африки РАН; Академкнига, 2001. 366 с.). Сборник стал одним из первых (если не первым) в России сборников законодательных актов (военных и гражданских) и документов об исламе. Через пару лет под его редакцией увидел свет сборник «Россия и мусульманский мир» (М.: Русская панорама, 2003. 328 с.). Несомненной заслугой Д.Ю. Арапова стало введение в научный оборот архивных материалов незаслуженно забытого эксперта по исламу, этнографа С.Г. Рыбакова (1867–1922) (*Арапов Д.Ю., Ларина Е.И.* С.Г. Рыбаков и его «Обзор» организации духовной жизни мусульман России (апрель 1917 г.). М.: Исторический факультет МГУ, 2006. 65 с.). В 2006 г. вышел еще один подготовленный Дмитрием Юрьевичем сборник материалов, «Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII — начало XX в.)» (М.: Наталис, 2006. 480 с.).

За год до этого, в 2005 г., Дмитрий Юрьевич защитил докторскую диссертацию «Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII — начало XX века)», на основе которой была опубликована одноименная монография (М.: Изд-во МГПУ. 288 с.). Это — одна из наиболее цитируемых работ Д.Ю. Арапова. Наиболее удачным в ней получился новаторский раздел о проектах создания новых региональных муфтиятов на окраинах Российской империи.

Последним серьезным увлечением Дмитрия Юрьевича стала не менее обширная, но гораздо хуже изученная советская история ислама. С середины 2000-х годов он начал фронтальное изучение документов по этой теме в центральных российских архивах. За несколько лет Д.Ю. Арапову удалось выявить сотни первоисточников, из которых он отобрал, прокомментировал и опубликовал несколько десятков наиболее ценных свидетельств о самых разнообразных проявлениях закрытой для постороннего глаза деятельности советского «мусдуховенства». Это были отчеты о суфийских шейхах, «бродячих» муллах, имамах мечетей и шариатских судьях (*кади*), муфтиях, проведении мусульманских праздников, ежегодно составлявшиеся работниками НКВД, а позднее уполномоченными общесоюзного Совета по делам религиозных культов (с 1965 г. — Совета по делам религий) и одноименного органа

надзора за религиями в РСФСР (1986–1990); финансовая отчетность региональных муфтиятов; учебные программы медресе Мир-и Араб, вновь открытого в Бухаре с 1946 г.; доклады мусульманских деятелей на международных конференциях в странах третьего мира, их выступления в поддержку борьбы за сохранение мира и многое другое. Результаты этой работы были опубликованы в трехтомнике «Ислам и советское государство» (Вып. 1–3. М.: Изд. дом Марджани, 2010–2011. 152 с.; 208 с.; 528 с.). Первый том ее представляет переиздание записки Восточного отдела ОГПУ о религиозной ситуации в советских автономиях в 1926 г. Эта работа была опубликована Д.Ю. Араповым в соавторстве с Г.Г. Косачем (Нижний Новгород: Медина, 2007. 127 с.).

Труды Д.Ю. Арапова серьезно расширили знания об исламе в Российской империи и СССР. Его находки позволили пересмотреть целый ряд клише, восходящих к советской обличительно-атеистической литературе и советологии времен «холодной войны», прежде всего про извечное противостояние ислама и Российского государства. Они свидетельствуют, что мусульманская духовная элита, легализованная в Российской империи при Екатерине II и в Советском Союзе при позднем Сталине, была вовлечена в различные сферы внутри- и внешнеполитической деятельности государства. Своеобразие российского ислама передают возникшие в результате такого взаимодействия региональные муфтияты. Мусульмане в большинстве своем сумели успешно интегрироваться в российское общество. Тематика исламоведения была и остается крайне политизированной и в России, и за рубежом. В своих работах Д.Ю. Арапов всегда следовал принципам академической школы исламоведения, противопоставлявшей обличительному «противомагаметанскому» религиоведению православных миссионеров и советских атеистов деидеологизированный подход к исламу с учетом его региональных особенностей. Будучи противником государственного диктата в конфессиональных отношениях и цензуры власти над научным творчеством, он признавал позитивную ценность российской государственности для разных народов и конфессий. Труды ученого высоко оценены как учеными в России и за рубежом, так и мусульманской общественностью. За трехтомник «Ислам и советское государство» он стал в декабре 2014 г. первым лауреатом Фаизхановской премии в области науки и образования, учрежденной в 2008 г. Региональной национально-культурной автономией татар и Духовным управлением мусульман Нижегородской области.

Дмитрий Юрьевич был не только неутомимым исследователем, но также талантливым преподавателем. На протяжении нескольких десятилетий, будучи сначала доцентом, а потом профессором кафедры истории России до начала XIX века (до 1992 г. носила название — истории СССР периода феодализма), он преподавал на историческом факультете, а кроме того, в Институте стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ им. М.В. Ломоносова. Он читал лекции и спецкурсы, проводил семинары, прививая первокурсникам историческо-

го факультета бесценные для них первые навыки анализа источников. Среди специальных курсов, которые еще с советского времени читал Дмитрий Юрьевич на родном факультете, стоит назвать «Историю средневековой Средней Азии», «Государства Чингисхана и Чингисидов. Золотая Орда и ее преемники», «Россия и мусульманский мир», «Россия и религии Востока», «Русско-турецкие войны в XVIII в.», «Государственно-конфессиональные институты в России», «В.В. Бартольд — историк Средней Азии» и др.

Дмитрия Юрьевича Арапова отличали редкие сегодня качества настоящего ученого и преподавателя. Он был открыт для всех, начиная от маститого профессора и заканчивая простым студентом-первокурсником. Огромная эрудиция и доступная манера изложения материала сделали его одним из наиболее любимых и уважаемых преподавателей на историческом факультете. Как справедливо отметил профессор Н.С. Борисов, «лучшая награда для преподавателя — любовь студентов. Этой любовью Д.Ю. был наделен сполна. Он не жалел для них времени и сил — и они ценили его самоотдачу. Он был одним из самых колоритных героев студенческого фольклора, его афоризмы разлетались по всему истфаку».

Дмитрий Юрьевич запомнился студентам своей манерой читать лекции, каждая из которых была особенной и не похожей на другие. Его лекции не сводились к сухому изложению материала, а были наполнены красочными образами и деталями. Это было настоящее искусство оживлять словами прошлое. За время лекции Д.Ю. Арапов умудрялся дать материал, выстроив ее при этом так, что студент слушал на одном дыхании. Все его лекции были полны исторических рассказов и баек, которых Дмитрий Юрьевич знал огромное количество и по любому периоду отечественной истории. При этом он во главу угла ставил всестороннее знание предмета, приучая своих студентов и аспирантов к педантичному и доскональному изучению выбранной проблематики. Широчайший кругозор Дмитрия Юрьевича позволял ему авторитетно высказываться по огромному кругу вопросов отечественной истории, а его выступления на научных конференциях и форумах коллеги всегда ожидали с нетерпением. Как вспоминал профессор Н.С. Борисов, «по объему своих разнообразных сведений Дмитрий Юрьевич был подлинным энциклопедистом. В его обильных монологах присутствовало множество разнообразных вещей: история и литература, политика и курьезные случаи жизни, бытовые проблемы и философские рассуждения, словом — весь мир в его богатстве и красоте. В них не было только одного: мелочного эгоизма. Он был чужд зависти и никогда не интересовался сплетнями».

Трудно представить себе энциклопедиста, не любящего книги. Дмитрий Юрьевич был азартным библиофилом и страстным книголюбом. По словам его дочери Елизаветы, он часто говорил «никогда не надо жалеть денег на книжные справочники» и «если книгу один раз использовали, она себя окупала».

Многие высказывания Дмитрия Юрьевича, действительно, превратились в крылатые выражения. Например, всем коллегам известна следующая его фраза: «Историки могут встретиться только в двух местах: в книжном и в рюмочной». Впрочем, в Москве было еще одно место, где можно было в любой день встретить историков разных поколений, — знаменитая «Историчка» (так уже многие десятилетия наш профессиональный цех называет Публичную Историческую библиотеку). Именно здесь в одном из многочисленных залов или буфете можно было часто увидеть Дмитрия Юрьевича в неизменной «джинсовке». Встреча с ним всегда была приятным сюрпризом. И дело даже не только в том, что Дмитрий Юрьевич обладал талантом непревзойденного рассказчика с большим чувством юмора, а главным сейчас представляется то, что он неизменно интересовался работой своих коллег, в круг которых входили не только кандидаты исторических наук и маститые доктора, но также аспиранты и студенты, и искренне радовался их успехам. Его ясные суждения и меткие замечания дорогого стоили. Дмитрий Юрьевич щедро делился своими неисчерпаемыми знаниями по отечественной истории и востоковедению. Каждая, даже случайная встреча в архиве, библиотеке, на улице с Дмитрием Юрьевичем, как правило, оборачивалась захватывающим разговором, диалогом на самые разные, научные, литературные и актуальные жизненные темы, будь то история и литература, бытовые дела и политика, курьезы преподавательской деятельности и даже меню новых близлежащих кондитерских и кафе. Всегда внимательный к молодым коллегам, энергичный, жизнерадостный, трудолюбивый, полный исследовательского азарта, таким Дмитрий Юрьевич запомнился нам в жизни.

В памяти коллег и друзей Дмитрий Юрьевич останется не только высочайшим профессионалом своего дела, энциклопедистом, мастером архивных изысканий, но также ярким, живым, светлым человеком, воплощением интеллигентности, носителем старых, добрых традиций российского университетского образования. Очень верно об этом высказался заведующий кафедрой истории России до начала XIX в. профессор Н.С. Борисов: «Таких людей, как Дмитрий Юрьевич, надо помнить, так как они — соль земли. В них воплощается русская духовная культура, русская интеллигенция и, наконец, — тот старый добрый Московский университет, который Герцен называл “средоточием русского образования”».

Преждевременный уход Дмитрия Юрьевича — это трагедия, большая невосполнимая для нас утрата. Ушел человек, который был связующим звеном поколений отечественных историков, источниковедов и исламоведов. Но Дмитрий Юрьевич оставил после себя своих учеников, причем не только в стенах Московского государственного университета. Многие исследователи, историки русисты, востоковеды, исламоведы из разных учебных и академических заведений Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Ростова-на-Дону и других городов считают себя его учениками. Поэтому мы уверены, что дело его жизни — исследование российского Востока и ислама будет продолжено.

Избранная библиография Д.Ю. Арапова

1. Из истории взаимоотношений Средней Азии и Ирана в конце XVI в. // Вестник Моск. ун-та. Серия 8: История. 1969. № 1.
2. Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии. М.: Изд-во МГУ, 1981.
3. The Bukhara Khanate at the End of the 19th Century // Bukhara. L., 1993.
4. Академик В.В. Бартольд о задачах истории и историков (По материалам научного наследия) // XIX Научная конференция по историографии и источниковедению Азии и Африки. (Тезисы докладов). СПб., 1997.
5. В.В. Бартольд о русских исследователях Азии // Россия и Восток: взгляд из Сибири: Тезисы научных докладов. Иркутск, 1998. Ч. II.
6. Хранилище документов по истории российской мусульманской общины // Ислам Минбэре (Трибуна Ислама). 1998. № 5 (43).
7. Мусульманское дворянство в Российской империи // Мусульмане. 1999. № 2–3.
8. Первый российский указ о паломничестве в Мекку // Россия в Средние века и Новое время. М., 1999.
9. М.М. Сперанский и российское законодательство об исламе и мусульманах // Запад и Восток: традиции, взаимодействие, новации: Материалы III Международной научной конференции. Владимир, 2000.
10. Мусульмане в российской гвардии // «За веру и верность». 300 лет Российской императорской гвардии: Тезисы научной конференции. СПб., 2000.
11. Первая в русской науке программа изучения ислама в России // Ислам Минбэре (Трибуна Ислама). 2000. № 3 (64).
12. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Сост. Д.Ю. Арапов. М., 2001.
13. Исламовед С.Г. Рыбаков и его деятельность в Министерстве внутренних дел Российской империи // Актуальные проблемы государства и права, политических и правовых учений (Материалы международной научной конференции). Самара, 2001.
14. Мусульманское движение в оценках Министерства внутренних дел Российской империи // Исмаил Гаспринский — просветитель народов Востока. К 150-летию со дня рождения: Материалы международной научной конференции. М., 2001 (в соавторстве с Е.И. Лариной А.Е. Крымский об исламском мире // VI Востоковедные чтения А. Крымского (Тезисы международной научной конференции. Киев, 2002).
15. «Во всем мусульманском мире наблюдается чрезвычайный подъем религиозного и национально-культурного самосознания». Министерство внутренних дел и «мусульманский вопрос» // Источник. 2002. № 1.
16. «Вы посылаетесь в страну, которую мы мало знаем». Разведывательная «программа» русского консула в Кашгаре Н.Ф. Петровского // Источник. 2002. № 6.
17. «Идет неуловимая пока работа политического перевоспитания мусульман». Департамент полиции о мусульманах в последний год монархии Романовых // Источник. 2002. № 4.
18. Ислам в книжном собрании А.П. Ермолова // Ставрополь — врата Кавказа: история, экономика, культура, политика: Материалы научной конференции. Ставрополь, 2002.
19. Ислам в пособиях по истории в России XVIII в. // Музей. Общество. Религия: аспекты взаимодействия. Материалы IX Санкт-Петербургских религиозно-ведческих чтений. СПб., 2002.
20. Мусульманское движение в Средней Азии в 1910 г. (по архивным материалам Департамента полиции Министерства внутренних дел России) // Сборник Русского Исторического общества. М., 2002. Т. 5 (153).

21. П.А. Столыпин о «мусульманском вопросе» // Актуальные проблемы гуманитарных, социальных и экономических наук: Сборник научных и научно-методических трудов. М., 2002. Вып. 1.
22. Первый русский генерал-мусульманин Кутлуг-Мухаммед Тевкелев // Сборник Русского Исторического общества. М., 2002. Т. 5 (153).
23. «Послужить к утверждению единоземцев своих в преданности правительству». Граф А.Х. Бенкендорф и мусульмане Кавказа // Источник. 2002. № 6.
24. Присяга мусульман в российских законодательных актах и юридической литературе XIX в. М., 2002. № 2 (10).
25. Россия и Средняя Азия в XVIII — начале XX в. // Сборник Русского Исторического общества. М., 2002. Т. 5 (153).
26. Русский посол в Турции Н.В. Чарыков и его «заключение» по «мусульманскому вопросу» // Вестник Евразии. 2002. № 2 (17).
27. Чингисиды и их статус в Центральной Азии и Восточной Европе // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., 2002.
28. «Что, если мы найдем в Афганистане не друзей, а врагов?». Генерал Н.И. Гродеков о русской политике в Афганистане // Источник. 2002. № 5.
29. В.П. Наливкин: «Нам необходимо всегда помнить о грозящей опасности» // Военно-исторический журнал. 2002. № 6.
30. Академик В.В. Бартольд о задачах русских ученых // Образование, наука и производство: Межвузовский сборник научных трудов. М., 2002. Т. IV.
31. Образование мусульман в системе учебных заведений Министерства народного просвещения в начале XX в. // Образование, наука и производство: Межвузовский сборник научных трудов. М., 2002. Т. IV.
32. Д.А. Милютин о «мусульманстве» // Актуальные проблемы гуманитарных, социальных, экономических и технических наук: Межвузовский сборник научных и научно-методических трудов. М., 2003. Вып. 2. Т. 2.
33. Документы об управлении мусульманами Тавриды в конце XVIII — начале XIX в. (законодательные акты Екатерины II и Александра I, доклад И.В. Лопухина) // Сборник Русского Исторического общества. М., 2003. Т. 7 (155).
34. Записка С.Ю. Витте по «мусульманскому вопросу» 1900 г. // Сборник Русского Исторического общества. М., 2003. Т. 7 (155).
35. «Желательно, чтобы ознакомление с мусульманством велось без крайностей, более спокойно и разносторонне». Генерал Абд-ал-Азиз Давлетшин и его труды по мусульманскому вопросу // Источник. 2003. № 3.
36. Записки П.А. Столыпина по «мусульманскому вопросу» 1911 г. // Восток. 2003. № 2.
37. «Учредить штатные должности военных магометанских мулл». Военное министерство Российской империи и мусульманский вопрос // Военно-исторический журнал. 2003. № 4.
38. Этноконфессиональный фактор в Центральной Азии в оценке русских военных исследователей. XIX—XX вв. // Восток. 2003. № 3.
39. «Наша внутренняя политика по мусульманскому вопросу является важным фактором политики внешней». С.Ю. Витте и его позиция в мусульманском вопросе // Источник. 2003. № 2.
40. «Предоставляется совершенная свобода следовать магометанской или другой какой-либо вере». Генерал А.А. Вельяминов об управлении духовной жизнью горцев Кавказа // Источник. 2003. № 5.
41. Россия и мусульманский мир // Сборник Русского Исторического общества. М., 2003. Т. 7 (155).
42. Архивные материалы Министерства внутренних дел Российской импе-

- рии о мусульманском движении начала XX века // Вестник Института Кеннана в России. М., 2003. Вып. 6 (в соавторстве с Т.В. Котюковой).
43. Владимир Петрович Наливкин // Мусульманская Средняя Азия. Традиционализм и XX век. М., 2004.
44. Имперская политика в области государственного регулирования ислама на Северном Кавказе в XIX — начале XX в. // Ислам и право. М., 2004. Вып. 1.
45. «Ислам в Туркестане». 1899 г.: Доклад генерала С.М. Духовского // Мусульманская Средняя Азия. Традиционализм и XX век. М., 2004 (в соавторстве с Е.И. Лариной).
46. Министерство иностранных дел Российской империи и «мусульманский фактор» // Актуальные проблемы гуманитарных, социальных, экономических и технических наук: Межвузовский сборник научных и научно-методических трудов. М., 2004. Вып. 4.
47. «Необходимо заняться образованием края» (Саггар-хан Абдулгафаров о задачах русской политики в Средней Азии. 1883 г.) // Вестник Евразии. 2004. № 1 (24).
48. С.Г. Рыбаков о немецком влиянии в мусульманском мире // Вестник архивиста. 2004. № 5 (83).
49. Чиновники в системе государственного регулирования ислама в Российской империи начала XX в. // Государственная власть и общество в России в XX веке: Материалы межвузовской научной конференции. М., 2004.
50. В.Н. Татищев об исламе // Вестник Моск. ун-та. Серия 8: История. 2004. № 4.
51. «Можно отметить ряд высоких подвигов воинской доблести, проявленных мусульманами» // Военно-исторический журнал. 2004. № 11.
52. «Опасные для единства нашего государства проповедники». П.А. Столыпин о политике Турции в отношении России и панисламизме. 1910 г. // Отечественные архивы. 2004. № 3.
53. «Трудностей разрешения мусульманского вопроса не отрицают и сами мусульмане»: Материалы Министерства внутренних дел России. 1916 г. // Исторический архив. 2004. № 1.
54. Религиозная обстановка в Терской области в 1909 г. // Кавказский сборник. 2004. Т. 1 (33).
55. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII — начало XX в.). М.: Изд-во МГПУ.
56. Проекты устройства духовными делами мусульман в Туркестане: Документы Архива внешней политики Российской империи. 1900 г. // Исторический архив. 2005. № 1 (в соавторстве с Д.В. Васильевым).
57. «Признать удобность запретить на время...» (Император Александр I и генерал А.П. Ермолов о мусульманском паломничестве) // Кавказский сборник. 2005. Т. 2 (34).
58. Кавказские мусульмане по материалам Особого отдела канцелярии наместника Кавказа. 1912. // Кавказский сборник. 2005. Т. 2 (34).
59. Политико-конфессиональные реалии и перспективы развития современного Узбекистана // Социально-политические портреты государств Центральной Азии. М., 2006.
60. Исламская политика руководства Компартии Узбекистана в 1927 г. // Россия и современный мир: проблемы политического развития: Материалы II Международной межвузовской научной конференции. М., 2006.
61. «Прогресс Бухарского ханства зависит исключительно от России»: Докладная записка Е.К. Михайловского. 1912 г. // Исторический архив. 2006. № 3 (в соавторстве с Т.В. Котюковой).
62. Проект «Правил» управления духовной жизнью мусульман Крыма

- Д.Б. Мертваго. 1805 г. // Сборник Русского Исторического общества. М., 2006. Т. 10 (158).
63. «Этот крымский татарин производит впечатление человека искреннего и убежденного» (Русский дипломат А.А. Смирнов о мусульманском просветителе Исмаил-бее Гаспринском) // Сборник Русского Исторического общества. М., 2006. Т. 10 (158).
64. Программа государственных экзаменов для «мусульманского духовенства» Закавказья (1873) // Кавказский сборник. 2006. Т. 3 (35) (в соавторстве с В.О. Бобровниковым).
65. «Следить за нераспространением среди мусульман вредных, нетерпимых правительством учений...». Проект «Положения» об управлении духовной жизнью мусульман Северного Кавказа (1889 г.) // Кавказский сборник. 2006. Т. 3 (35).
66. Ислам и мусульмане по материалам Восточного отдела ОГПУ: Сборник документов (сост., авт. предисл. и прим.). Нижний Новгород, 2007 (в соавторстве с Г.Г.Косачем).
67. «Мусульманское духовное управление находит необходимым выразить свою полную лояльность советской власти». ЦДУМ Европейской России и Сибири в 1923–1924 гг. // Исторический архив. 2008. № 2.
68. Записка Восточного отдела ОГПУ «О мерах борьбы с мусдуховенством» 1926 г. // Восток. 2008. № 5.
69. Центральная Азия в составе Российской империи: Монография. М., 2008 (науч. ред. и автор).
70. Религиозная обстановка в Закавказье в 1934 г. // Кавказский сборник. 2008. Т. 5 (37).
71. Ислам на Северном Кавказе в 1920-е гг. (по материалам ОГПУ) // Кавказский сборник. 2008. Т. 5 (37).
72. Ислам и советское государство (по материалам Восточного отдела ОГПУ. 1926 г.): Сборник документов (сост., авт. предисл. и прим.). М., 2010. Вып. 1 (совместно с Г. Г. Косачем).
73. Ислам и советское государство (1917–1936): Сборник документов. Вып. 2 (сост., авт. предисл. и прим.). М., 2010.
74. Государственное регулирование ислама в Российской империи и Советском Союзе // *Rah Islamica*. 2011. № 2 (7).
75. Ислам на Северном Кавказе в 1990 г. (по материалам Совета по делам религий при Совете Министров РСФСР) // Кавказский сборник. 2011. Т. 7 (39).

Памяти Юрия Юрьевича Карпова (1956–2015)

В Санкт-Петербурге 1 сентября 2015 г. скоропостижно скончался известный этнограф-кавказовед Юрий Юрьевич Карпов. Нередко занятие Кавказом предполагает происхождение из этого региона. Это не было случаем Ю.Ю. Карпова. Он был коренным ленинградцем. Родился 6 июня 1956 г. в клинике Отто, в 300 метрах от Кунсткамеры, где позднее провел почти 34 года, с поступления в музей в аспирантуру в 1981 г. до самой своей смерти. Ю.Ю. Карпов был последним учеником крупного советского этнографа Леонида Ивановича Лаврова. Перед поступлением в аспирантуру Ленинградского отделения Института этнографии Академии наук СССР он учился с 1973 по 1978 г. на кафедре этнографии и антропологии исторического факультета Ленинградского государственного университета и служил затем в Советской армии (1978–1980 гг.). В университете его учителями были Рудольф Фердинандович Итс, Александр Вильямович Гадло, Дмитрий Глебович Савинов, Борис Петрович Шишло. По словам Ю.Ю. Карпова, именно Итсу, крупному этнографу советской школы, он был обязан тем, что решил связать свою жизнь с этнографией.

Под руководством Л.И. Лаврова Ю.Ю. Карпов начал подготовку кандидатской диссертации «“Вольные” общества Северного Кавказа в XVIII — первой половине XIX в. (к вопросу о роли патриархально-родовых и общинных институтов в процессе формирования раннеклассовых отношений)». Завершил ее в мае 1984 г. он уже под руководством другого известного отечественного кавказоведа, Валентина Константиновича Гарданова (Лавров скончался в 1982 г.). Чуть раньше, в том же 1984 г., Юрий Юрьевич был принят на работу в Отдел этнографии народов Средней Азии, Кавказа и Казахстана Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера), где про-

**Макка
Султан-Гиреевна
АЛБОГАЧИЕВА,
Владимир
Олегович
БОБРОВНИКОВ**

работал всю свою жизнь на различных должностях. В 1998 г. в МАЭ РАН была образована Группа этнографии Кавказа, которую он возглавил, а с 2002 г. — Отдел этнографии Кавказа, которым Ю.Ю. Карпов руководил до самой смерти. В мае 1999 г. Юрий Юрьевич защитил в нем докторскую диссертацию на тему «Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа XIX—XX веков».

Кроме заведования отделом, Ю.Ю. Карпов в разные годы состоял в Ученом совете МАЭ РАН, Диссертационном совете МАЭ РАН, Ученом совете Российского этнографического музея, Ученом Совете Международного научно-исследовательского института народов Кавказа (Тбилиси, Республика Грузия). Он также был председателем Государственной аттестационной комиссии кафедры социальной антропологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, членом редколлегии журнала «Известия Северо-Осетинского Института гуманитарных и социальных исследований», членом редколлегии «Осетинской этнографической энциклопедии».

В 2004 г. Ю.Ю. Карпов по совместительству работал ведущим научным сотрудником Отдела проблем современной этнографии, межнациональных отношений и этнографического музееведения в Российском этнографическом музее. В составе группы музейных экспертов из числа научных сотрудников Российского этнографического музея (к.и.н. Д.А. Баранова, д.и.н. В.А. Дмитриева, музейного дизайнера В.А. Глазкова) он совершил поездку в город Герат для реализации пилотного проекта по созданию Историко-этнографического музея в Афганистане. Автором концепции будущего музея в Афганистане был Ю.Ю. Карпов. Он подробно описал тип музея, его цели, задачи, актуальность его экспозиций. Над этим проектом он много и плодотворно работал, но реализовать его, к сожалению, не удалось.

Научная работа Юрия Юрьевича была посвящена в основном этнографии и истории горских народов Северного Кавказа, преимущественно Дагестана. Он немало и плодотворно работал с архивными собраниями и музейными коллекциями на Кавказе, в Санкт-Петербурге и Москве. Но главное, он был одним из редких в наши дни этнографов-полевиков. Свою долгую работу «в поле» он начал в 1981 г., когда начал обследование труднодоступных Цунтинского и Цумадинского районов на северо-западе Дагестана. Рейсовый автобус идет в районы из Махачкалы по 12–13 часов. После этого чуть ли не каждый год он выезжал в регион, за исключением только тяжелых для науки 1990-х гг., но даже и тогда в 1990 и 1997 гг. сумел побывать с экспедициями в Дагестане. С 2012 по 2014 г. Юрий Юрьевич не ездил в экспедиционные поездки, работая в архивах Кавказа над своей последней монографией. Будучи прекрасным полевиком, он обследовал Западный и Центральный Дагестан, горную часть Чечни, Ингушетии, Северной Осетии, горные районы Восточной Грузии, где не только собрал уникальные полевые материалы, легшие в основу его статей и монографий, но и значительно пополнил коллекционное собрание МАЭ РАН.

Более чем за 30 лет экспедиционной работы Ю.Ю. Карпов привез в Кунсткамеру 260 предметов. Они сосредоточены в коллекциях № 7353. Предметы быта, одежда, модель средства передвижения (Дагестан); № 7154. Фрагменты семи рукописных и трех печатных книг на арабском языке (Дагестан); № 7112. Предметы традиционной одежды народов Западного Дагестана; № 6988. Предметы быта (Дагестан); № 6851. Маски и персонажи праздника «Игби» (Дагестан). Кроме того, в фонды музея им было доставлено 805 единиц хранения фотоиллюстративных материалов. Они хранятся в коллекциях № И2104. Негативы и фотографии по культуре и быту аварцев; № 2109. Негативы и фотографии (Дагестан, Цунтинский район); № 2132. Негативы и фотоотпечатки (Дагестан, Цунтинский район); № 2144. Негативы и фотоотпечатки (Ингушетия, Сунженский и Назрановский районы); № 2149. Негативы и фотоотпечатки (Дагестан, Тляртинский и Ахтынский районы); № 2152. Черно-белые негативы по культуре и быту цезов, осетин, чеченцев; № 2224. Фотографии (фотоотпечатки цветные), эстампажи (Дагестан, Ахвахский и Рутульский районы).

В 2005–2009 гг. Юрий Юрьевич совмещал научную работу с преподавательской на кафедре Центральной Азии и Кавказа Санкт-Петербургского государственного университета, где он читал спецкурс «Феноменология кавказской культуры». Подготовка и чтение лекций отнимали много времени и отвлекали от основной научной деятельности, которая была смыслом всей его жизни. В конце концов, он оставил преподавательскую деятельность и полностью погрузился в исследовательские проекты, большинство из которых он вел с сотрудниками своего отдела.

За период его руководства отдел добился значительных результатов благодаря различным проектам и грантам. Основными проектами, которыми он руководил, были следующие. В 2006–2008 гг. он был руководителем гранта Президиума РАН на тему «Традиционные горско-кавказские общества: к проблеме особенностей функционирования в свете истории интерпретаций» (коллективный проект отдела Кавказа МАЭ РАН «Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: преемственности и разрывы в социокультурных практиках»). В 2008–2010 гг. — руководителем гранта РГНФ «Миграционные процессы в Дагестане в середине XX — начале XXI в.: социальные, этнокультурные их последствия и перспективы» (совместный проект с Е.Л. Капустиной). В 2009–2011 гг. — руководителем гранта Президиума РАН. Индивидуальная тема «Кизляр как зеркало российской истории Кавказа» (коллективный проект отдела Кавказа МАЭ РАН «Потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде Северокавказского региона»). В 2012–2014 гг. — руководителем раздела программы Южного НЦ РАН «Управление полиэтничным макрорегионом России: исторический опыт и современные проблемы». Раздел «Между регионализмом и централизмом: административные практики на Северном Кавказе в контексте “национального вопроса” в позднимперской России (вторая половина XIX —

начало XX в.)». В 2012–2014 гг. — руководителем гранта Президиума РАН на тему «Горцы в городской среде Дагестана и Ставрополя (трансформации социокультурных стереотипов)» (коллективный проект отдела Кавказа МАЭ РАН «Горы, люди и границы: изобретение и использование традиций в горских сообществах на постсоветском пространстве»).

В 2012–2014 гг. Юрий Юрьевич возглавлял проект по гранту РГНФ «Инородческий вопрос и национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 80-е годы XIX — 30-е годы XX в.: эволюция проблем и решений» (совместный проект с Е.И. Кобахидзе). Результатом работы по последнему гранту станет монография, которая выйдет посмертно, и многие архивные документы, введенные им научный оборот, позволят пролить свет на политические процессы первой половины XX в., легшие в основу современных проблем народов Северного Кавказа.

Ю.Ю. Карпов очень продуктивно занимался научной работой. Он оставил пять монографий и более чем 200 статей, очерков, тезисов и рецензий. Каждая его книга по объему была больше предыдущей. Последние монографии представляли собой весьма внушительные тома. Его рецензии на труды коллег сначала казались резковатыми, но его суждения по дискутируемой проблеме всегда были глубокими и объективными. Хочется отметить большую редакторскую работу, выполненную Ю.Ю. Карповым, при подготовке к изданию кавказской части статей в Лавровских сборниках. Сначала (2000–2005 гг.) это были небольшие тезисы докладов, но с 2006 г. это уже полноценные материалы чтений, которые он как научный редактор вычитывал, нередко даже исправляя справочный аппарат, чтобы не беспокоить авторов.

В сферу научных интересов Юрия Юрьевича входили мировоззренческие аспекты культуры народов Кавказа, традиционные социальные институты, современные социокультурные и этносоциальные процессы на Кавказе. Все это нашло отражение в его монографиях.

В своей первой монографии «Джигит и волк» (СПб., 1996) он положил начало исследованиям социально-исторического феномена мужских союзов в традициях народов, проживающих в горной части Большого Кавказа. По сути дела, он первый сформулировал в ней свою гипотезу, что известные этнографам по классическим описаниям на материалах Тихого океана мужские союзы также имели место в традиционных обществах у горцев Северного Кавказа. В этой книге Юрий Юрьевич смог проследить роль и значение мужских союзов в социально-политической и обрядово-культурной сферах жизни народов Кавказа. Здесь он талантливо развил научные предположения целого ряда советских этнографов, в частности исследователя мужского союза батирте у кубачинцев Евгения Михайловича Шиллинга (1946).

Следующий свой научный труд он посвятил женской субкультуре в традиционной общественной практике народов Кавказа. В центре его внимания находятся мировоззренческие основы жизнедеятельности социума, дающие

возможность по-новому взглянуть на культурно-бытовые традиции населения региона, прямо и опосредованно связанные с женским миром. Книга получила название «Женское пространство в культуре народов Кавказа» (СПб., 2001).

В книге «Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана» (СПб., 2007) рассматриваются вопросы формирования мировоззренческих слагаемых культуры и их влияния на социально-политические практики населения горных районов Дагестана. Юрий Юрьевич сделал анализ системных начал восприятия представителями горско-дагестанского общества природной и социальной среды, что во многом определяло ценностные ориентации местной культуры и взаимодействие микрокосма данного общества с внешним миром.

Этнографы-кавказоведы долго оставались в стороне от боев за имперское прошлое Кавказа, которому в немалой степени посвящена эта книга. Сложившиеся в позднее советское время в регионе, а также в Москве и Ленинграде этнографические школы во многом заиклились на изучении материальной культуры. Ю.Ю. Карпов здесь оказался пионером. Он попытался рассмотреть имперское наследие сквозь призму культурного обмена и репрезентаций. Основная тематика книги — это культура повседневности XVIII–XX вв. Сюжетную линию здесь образует переживание «горцами» окружающего мира в процессе культурного воспроизводства местного общества, их реакция на «свое» и «чужое» природное и социальное пространство. По числу «координат» горского культурного пространства работа делится на шесть больших глав: «Гора (Кавказ и Дагестан, верхние и нижние)» — «Дом (и селение)» — «Обычай (адат как правовая и бытовая культура. — М. А., В. Б.)» — «Соседи (ближние и дальние, новые)» — «Лица» — «Время (прошедшее и настоящее)».

Доводы Ю.Ю. Карпова логичны и убедительны. Основой горской культурной традиции он считает сельскую общину (джамаат). Юрий Юрьевич отмечает условность понятия «горцы», которых нельзя понять без их более низинных «соседей» из Дагестана, Грузии, Ширвана. С одной стороны, империя участвовала в создании горского культурного пространства, с другой — горцы формировали социокультурный мир пограничья России. Большой интерес представляет вывод о вертикальной социальной и пространственной стратификации горского общества. Переселение в города и поселки на равнине, миграции за пределы горной зоны, а затем и Дагестана, потеря интереса к родной земле подорвали основы джамаата, лишь отдельные элементы культуры которого сохраняются в постколхозной деревне. Вернуться к традиционному джамаату невозможно, считает Карпов, а перспективы его конструирования заново неопределенны. Кризис же дагестанского общества напрямую связан с кризисом постсоветской России.

Монография «Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX — начале XXI в.: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы» (СПб., 2011, совместно с Е.Л. Капустиной) посвящена проблемам

переселения жителей горных районов на равнину, в ходе чего происходит разрушение во многих отношениях уникальной культуры горцев. В книге рассматриваются изменения этнической карты республики и сопредельных с ней субъектов Российской Федерации, начавшиеся со второй половины XX в. Отдельным блоком в книге идут исследования временной трудовой миграции дагестанцев за пределы республики.

Всю свою жизнь Ю.Ю. Карпов посвятил изучению истории и этнографии народов Кавказа, уделяя пристальное внимание любой теме, к которой обращался. Юрий Юрьевич оставил огромное научное наследие, к которому будут обращаться кавказоведы.

Библиография трудов Ю.Ю. Карпова¹

Монографии

1. Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб.: МАЭ РАН, 1996. 312 с.

2. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 414 с. Переиздание: Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых (в серии «Кавказ». Вып. 10). 2013. 408 с.

3. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. 656 с.

4. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX — начале XXI в.: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб.: Петербургское востоковедение, 2011. 448 с. + 1 л. илл. (совместно с Е.Л. Капустиной).

5. Джигиты // Джигиты. Абреки. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2014. С. 3–252 (совместно с Ю.М. Ботяковым).

Ответственный редактор

1. Материалы полевых этнографических исследований (1988–1989 гг.). СПб.: МАЭ РАН, 1992. 180 с.

2. Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения. 2000–2001 гг. Краткое

содержание докладов. СПб.: МАЭ РАН, 2002. 195 с. (совместно с В.П. Курьелым).

3. *Гильденштедт, Иоганн-Антон*. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. / Пер. с немецкого Т.К. Шафрановской. (Коммент., пред., общ. ред., указ.) СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. 506 с. (совместно с В.П. Курьелым).

4. Северный Кавказ: Человек в системе социокультурных связей. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 364 с.

5. Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения. 2004–2005 гг.: Тез. докл. СПб.: МАЭ РАН, 2005. 148 с. (совместно с И.В. Стасевич).

6. Лавровский сборник: Материалы среднеазиатско-кавказских исследований. Этнология, история, археология, культурология. 2006–2007. СПб.: МАЭ РАН, 2007. 294 с. (совместно с И.В. Стасевич).

7. *Чибиров Л.А.* Традиционная духовная культура осетин. М.: РОССПЭН, 2007. 711 с.

8. *Кисель В.А.* Поездка за красной солью. Погребальные обряды Тувы. XVIII — начало XXI в. СПб.: Наука, 112 с.

9. Лавровский сборник: Материалы XXXIII среднеазиатско-кавказских

¹ Библиография работ Ю.Ю. Карпова составлена М.С.-Г. Албогачиевой.

исследований. Этнология, история, археология, культурология. 2008–2009. СПб.: МАЭ РАН, 2009. 476 с. (совместно с И.В. Стасевич).

10. Традиции народов Кавказа в меняющемся мире. Преемственность и разрывы в социокультурных практиках: Сборник статей к 100-летию со дня рождения Леонида Ивановича Лаврова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. 496 с. (совместно с И.В. Стасевич).

11. Этнокалендарь Санкт-Петербурга 2011 г. Календарь памятных дат, событий и праздников в культурных традициях жителей Санкт-Петербурга. СПб.: Фрегат, 2010. 224 с. (совместно с Е.С. Протанской).

12. *Албогачиева М. С.-Г.* Этнография и история ингушского народа в письменных источниках конца XVIII — первой трети XX в. СПб.: Наука, 2011. 178 с.

13. Лавровский сборник: Материалы XXXIV–XXXV среднеазиатско-кавказских исследований. Этнология, история, археология, культурология. 2010–2011. СПб., 2011. 510 с. (совместно с М.Е. Резван).

14. Этнокалендарь Санкт-Петербурга 2012 г. Календарь памятных дат, событий и праздников в культурных традициях жителей Санкт-Петербурга. СПб.: Фрегат, 2011. 228 с. (совместно с Е.С. Протанской).

15. Общество как объект и субъект власти. Очерки политической антропологии Кавказа. СПб.: Петербургское востоковедение, 2012. 406 с.

16. Лавровский сборник. Материалы XXXVI–XXXVII среднеазиатско-кавказских исследований. Этнология, история, археология, культурология. 2012–2013. СПб.: МАЭ РАН, 2013. 624 с. (совместно с М.Е. Резван).

Статьи и тезисы докладов

1. Кавказские этнографические материалы П.Г. Буткова // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. 1981 (ноябрь). Л., 1981. С. 26–27.

2. Общинный зимний праздник у цезов // Советская этнография. 1983. № 3. С. 114–119; То же: The Communal Winter Festival among the Tsezy // Soviet Anthropology and Archeology. 1983. Vol. 22. No 2. P. 37–48.

3. Сельская община у цезов в конце XIX в. // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. 1983 (апрель). Л., 1983. С. 10–12.

4. Некоторые аспекты этнокультурных процессов в «вольных» обществах Северного Кавказа в XVIII — начале XIX в. // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. 1983 (ноябрь). Л., 1983. С. 5–6.

5. Народные собрания и старшины в «вольных» обществах Северной Осетии в XVIII — первой половине XIX в. // Археология и традиционная этнография Северной Осетии. Орджоникидзе, 1985. С. 102–118.

6. Поселения и община в «вольных» обществах Северного Кавказа в XVIII — первой половине XIX в. // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. 1985 (апрель). Л., 1986. С. 17–18.

7. Сельская община горных районов Чечни и Дагестана в конце XIX в. // Полевые исследования Института этнографии. 1982. М., 1986. С. 82–89.

8. Среднеазиатско-кавказским чтениям — десять лет // Советская этнография. 1986. № 6. С. 137–140 (совместно с Э.Х. Панеш).

9. «Союзы неженатых» в традиционных праздниках и обрядах народов Дагестана // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1984–1985 годов: Тезисы докладов. Йошкар-Ола, 1986. С. 130–131.

10. Архаическая символика на надмогильных памятниках Дагестана // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. 1986 (апрель). Л., 1987. С. 34–35.

11. Традиционный социальный институт «кор» у цезов // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. 1987 (апрель). Л., 1988. С. 16–18.
12. Персонажи шайтлинского праздника игби: атрибуты костюмов и общественные функции // Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Л., 1989. Т. XLIII. С. 133–152.
13. Исторические предания цезов // Новое в этнографии. Полевые исследования. М., 1989. Вып. 1. С. 90–96.
14. О характере социальных движений в дагестанских «вольных» обществах в XV–XVIII вв. // Этнография, антропология и смежные дисциплины: Соотношение предмета и методов. М., 1989. С. 112–121.
15. Грузинская Советская Социалистическая Республика: Метод. материалы. Л., 1989. 32 с. (совместно с И.А. Соболевым).
16. К социальной природе хевсурского института хелосани // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. 1988 (апрель). Л., 1990. С. 27–29.
17. К проблеме ингушской автономии // Советская этнография. 1990. № 5. С. 29–33.
18. Опыт национально-государственного строительства и современные этнические процессы на Северном // Межнациональные отношения и национальная политика в СССР. Всесоюзная научная конференция «Национальные и социально-культурные процессы в СССР»: Тезисы докладов. Омск, 1990. С. 205–206.
19. Традиция мужских союзов у народов Кавказа // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. 1989 (май). М., 1990. С. 36–38.
20. Иоганн Антон Гильденштедт — путешественник и ученый // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. 1989 (май). М., 1990. С. 58–59 (совместно с Т.К. Шафрановской).
21. Военная организация и социальное развитие союзов сельских общин Северного Кавказа // Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. М., 1990. Вып. 1. С. 7–31.
22. «Каменные головы» из дагестанского селения Сагада // Советская этнография. 1991. № 3. С. 123–125.
23. К семантике декора мемориальных сооружений Кавказа // Восток: Прошлое и будущее народов: Тезисы докладов и сообщений IV Всесоюзной конференции востоковедов. Махачкала, 1991; М., 1991. Т. 1. С. 178–180.
24. Пережитки инициаций в социокультурной традиции вайнахов // Проблемы происхождения нахских народов. Всесоюзная научная конференция: Тезисы докладов и сообщений. Шатой, 1991. С. 44–45.
25. К вопросу об эволюции традиционных социальных институтов в горской общине (институт «кор» в Западном Дагестане) // Этнокультурные процессы: Традиции и современность. Л., 1991. С. 227–239.
26. Воспитание детей первого года жизни у народов Западного Дагестана // «Мир детства» в традиционной культуре народов СССР. Л., 1991. Ч. 1. С. 59–67 (совместно с Е.Б. Кочетовой).
27. Предисловие // Материалы полевых этнографических исследований 1988–1989 гг. СПб., 1992. С. 3–5.
28. К характеристике межнациональных отношений в Чечено-Ингушетии в связи с проблемой ингушской автономии // Материалы полевых этнографических исследований 1988–1989 гг. СПб., 1992. С. 46–57.
29. К характеристике социальных функций горской мечети // Краткое содержание докладов Лавровских (среднеазиатско-кавказских) чтений 1990–1991 гг. СПб., 1992. С. 43–45.

30. Об одном принципе социокультурного моделирования традиционного общества (по материалам народов Кавказа) // Краткое содержание докладов Лавровских (среднеазиатско-кавказских) чтений 1990–1991 гг. СПб., 1992. С. 45–47.
31. Судьба малых народов Дагестана в контексте социально-политических процессов // Этнические проблемы развития национальных отношений. Владикавказ, 1992. С. 116–121.
32. Оборотничество на Кавказе // Кунсткамера. Этнографические тетради. 1993. Вып. 1. С. 49–59.
33. Мужские союзы в социокультурной традиции горских народов Кавказа // Этнос и этнические процессы. М., 1993. С. 199–212.
34. Оборотничество: Мифологический и социальный аспекты // Краткое содержание докладов Лавровских (среднеазиатско-кавказских) чтений 1992 г. СПб., 1993. С. 55–57.
35. О функциональном значении некоторых элементов традиционной обрядности и общественного быта у народов Западного Дагестана // Этнографическая наука и этнокультурные процессы: Способы взаимодействия. СПб., 1993. С. 124–136.
36. Маска и образ // Этносемиотика ритуальных предметов. СПб., 1993. С. 16–27.
37. Горская мусульманская школа: социокультурный аспект исследования // Материалы полевых этнографических исследований 1991 г. СПб., 1993. С. 68–76.
38. Межнациональные отношения на Северо-Восточном Кавказе // Межнациональные отношения в условиях социальной нестабильности. СПб., 1994. С. 7–33.
39. К интерпретации одного изобразительного сюжета на надмогильных памятниках Дагестана // Кунсткамера. Этнографические тетради. 1994. Вып. 5–6. С. 99–118.
40. К социально-мифологическим мотивам преданий об убиении стариков // Краткое содержание докладов Лавровских (среднеазиатско-кавказских) чтений 1993 г. СПб., 1994. С. 58–59.
41. Заметки о традиционном общественном быте цахуров // Материалы полевых этнографических исследований. СПб., 1996. Вып. 3. С. 5–18.
42. Сказочные сюжеты об утратившем нос муже, коварной жене и материалы кавказской этнографии // Кунсткамера. Этнографические тетради. 1996. Вып. 10. С. 100–117.
43. Александр Вильямович Гадло: К 60-летию со дня рождения // Историческая этнография: Русский Север и Ингерманландия. СПб., 1997. С. 5–14 (совместно с И.Я. Фрояновым, В.А. Козьминым).
44. О модели календарной обрядности годового цикла у народов Кавказа // Краткое содержание докладов Лавровских (среднеазиатско-кавказских) чтений. 1994–1995 гг. СПб., 1997. С. 59–61.
45. О знаковости некоторых обычаев и обычноеправовых норм горцев Кавказа // Краткое содержание докладов Лавровских (среднеазиатско-кавказских) чтений. 1994–1995 гг. СПб., 1997. С. 61–62.
46. Символика архетипа «корова» в общественно-бытовых традициях народов Кавказа // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения: Краткое содержание докладов. СПб., 1998. С. 82–83.
47. «Рогатые» деревянные сосуды Западного Дагестана // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения: Краткое содержание докладов. СПб., 1998. С. 83–85.
48. Ребенок и подросток в контексте культуры народов Западного Дагестана // Детство в традиционной культуре народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. СПб., 1998. С. 115–147.
49. «Рогатые» деревянные сосуды Западного Дагестана // Кунсткамера. Этнографические тетради. 1998. Вып. 12. С. 5–12.
50. Вариация на тему кавказских амазонок // Астарта. Вып. 1: Культурологические исследования из истории Древ-

- него мира и Средних веков. СПб., 1999. С. 236–255.
51. Царица Тамара: Реалии и образ в фольклоре // Астарта. Вып. 2: Женщина в структурах власти архаических и древних обществ. СПб., 1999. С. 104–125.
52. Горы и равнина Северного Кавказа: Направления и формы социокультурного взаимодействия // Этнос. Ландшафт. Культура. СПб., 1999. С. 159–166.
53. Общественный быт народов Кавказа // Эльбрус. 1999. № 2. С. 41–134.
54. «Шахские» игры в Дагестане (опыт функционального и сравнительно-исторического анализа) // Народные игры и игрушки. СПб., 2000. С. 28–53.
55. Новейшая история Чечни в свете этноисторических процессов // Кавказский регион: Проблемы культурного развития и взаимодействия: Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научно-практической конференции. (Ростов-на-Дону, 22–23 декабря 1999 г.). Р. н/Д., 2000. С. 181–183; То же: Научная мысль Кавказа. 2000. № 2. С. 66–67.
56. Половозрастные структуры в традиционном горско-кавказском обществе // Ранние формы социальной организации: Генезис, функционирование, историческая динамика. СПб., 2000. С. 156–178.
57. Кавказская женщина: мировоззренческие предпосылки общественного статуса // Этнографическое обозрение. 2000. № 4. С. 22–32.
58. «Верхние» и «нижние»: к проблемам функционирования горских обществ Кавказа // Научная мысль Кавказа. 2000. № 4. С. 63–71.
59. Л.И. Лавров: штрихи к портрету ученого (к 90-летию со дня рождения) // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения: 1998–1999 гг.: Краткое содержание докладов. СПб., 2001. С. 3–4 (совместно с А.М. Решетовым).
60. Роженица: хевсурский вариант образа // Там же. С. 133–134.
61. Царица Тамара — народная интерпретация образа // Там же. С. 142–144.
62. Образы насилия в новой и новейшей истории народов Северного Кавказа // Антропология насилия. СПб., 2001. С. 221–262. То же: Images of Violence in Modern and Recent History of the Peoples of the North Caucasus // Anthropology & Archeology of Eurasia. 2003. Vol. 41. No 4. P. 8–44.
63. Этносоциальные и этнополитические процессы в Чечне в XIX–XX вв. // IV Конгресс этнографов и антропологов России. Нальчик. 20–23 сентября 2001 г.: Тезисы докладов. М., 2001. С. 238.
64. Женское пространство в культуре народов Кавказа // Там же. С. 297.
65. Кавказский горец: Личность в рамках социальной системы // Социальная организация и обычное право: Материалы научной конференции. Краснодар, 24–26 августа 2000 г. Краснодар, 2001. С. 31–48.
66. Из архивных материалов П.Г. Буткова (Из «Известия о бывшем в Кавказских горах лжепророке Мансуре», Из описания ингушей). Подготовка текстов, предисл. и комм. // Россия и Кавказ — сквозь два столетия. СПб., 2001. С. 5–14.
67. Россия и этносоциальные процессы на Северном Кавказе в Новое и Новейшее время // Россия и Кавказ — сквозь два столетия. СПб., 2001. С. 190–202.
68. Кавказ // Сокровища Кунсткамеры. Из фонда фотоиллюстративных коллекций. СПб., 2001. С. 24–27.
69. История народов Северного Кавказа в контексте социокультурного взаимодействия с иноэтничным окружением // Евразия: этнос, ландшафт, культура. СПб., 2001. С. 362–407.
70. Природный фактор и социальные процессы на Северном Кавказе в позднее Средневековье и в Новое время // Лев Николаевич Гумилев: Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии. СПб., 2002. Т. 1. С. 185–191.

71. К мировоззренческим основам функционирования горских обществ Кавказа // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения: 2000–2001 гг.: Краткое содержание докладов. СПб., 2002. С. 34–35.
72. Чечня и Дагестан: политическое лидерство в строе общественных отношений (конец XVIII — первая половина XIX в.) // Там же. С. 50–51.
73. Политические лидеры Чечни и Дагестана конца XVIII — первой половины XIX в.: средства и методы достижения власти // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V. № 3. С. 162–177.
74. Горско-кавказская божественная триада // Христианство в регионах мира. СПб., 2002. С. 172–179.
75. Азербайджанцы // Многонациональный Петербург: История. Религии. Народы. СПб., 2002. С. 456–469.
76. Изменяющийся этнос: чеченцы в XVII–XX вв. // Этническое единство и специфика культур: Материалы Первых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2002. С. 19–21.
77. Мировоззренческие слагаемые культуры и общественно-историческая практика (на материалах горских народов Кавказа) // Российская наука о человеке: Вчера, сегодня, завтра: Материалы международной научной конференции. СПб., 2003. Вып. 1. С. 92–98.
78. Горцы Кавказа: организация и функционирование социокультурного пространства // 5-й Конгресс этнографов и антропологов России. Омск, 9–12 июня 2003 г.: Тезисы докладов. М., 2003. С. 294–295.
79. Женский лик Кавказа // Россия и Кавказ: история, религия, культура. СПб., 2003. С. 44–63. То же: Антропология власти: Хрестоматия по политической антропологии. Т. 1 Власть в антропологическом дискурсе. СПбГУ., 2006. С. 398–416.
80. Мужские союзы в культуре и общественной жизни горцев Кавказа // Россия и Кавказ: история, религия, культура. СПб., 2003. С. 64–84.
81. Портрет современного Джигита глазами этнографа // Адат. Кавказский культурный круг: Традиции и современность. СПб., 2003. С. 117–127.
82. Горцы и соседи: взаимодействие обществ и культур // Археология, этнология и фольклористика Кавказа: Материалы международной конференции. Ереван. 17–18 ноября 2003 г. Эчмиадзин, 2003. С. 194–197.
83. Традиционное дагестанское общество: к принципам моделирования социального пространства // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения: 2002–2003 гг. Краткое содержание докладов. СПб., 2003. С. 17–18.
84. Герой Хочбар и мифопоэтическая интерпретация его образа // Там же. С. 34–35.
85. Женское и мужское в культуре народов Кавказа // Гендерные стереотипы в прошлом и настоящем. М., 2003. С. 53–66.
86. Рецензия на книгу «Народы Дагестана» (М., 2002) // Этнографическое обозрение. 2004. № 1. С. 160–164.
87. Каратинское сельское общество в начале XXI века // Радловские чтения — 2004: Тезисы докладов. СПб., 2004. С. 14–16.
88. «Горские сезоны» в современном большом городе // «Мужское» в культурном контексте города: Материалы научной конференции (22–24 апреля 2004 г.). М.; СПб., 2004. С. 24–25.
89. Исторические и этносоциальные предпосылки «чеченской революции» // Традиционализм и модернизация на Северном Кавказе. Р. н/Д., 2004. С. 64–87.
90. Горско-кавказский социум в структурированной модели мира // Северный Кавказ: Человек в системе социокультурных связей. СПб., 2004. С. 13–30.

91. Личность и традиционные социальные институты: принципы взаимодействия // Там же. С. 107–167.
92. Общество — лидер — власть (на примере политических лидеров Чечни и Дагестана конца XVIII — первой половины XIX) // Там же. С. 226–263.
93. Этнографические подходы к интерпретации Кавказской войны XIX столетия // Мавродинские чтения — 2004. Актуальные проблемы исторической науки и историографии: Материалы юбилейной конференции, посвященной 70-летию исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2004. С. 266–267.
94. Дагестанские «индейцы»: кто они? // Этнографический источник: Материалы Третьих Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2004. С. 30–34.
95. Цезы (малый народ Дагестана): видение себя и взгляд со стороны // Историческая этнография. Вып. 1. Вопросы этнической истории народов России. СПб., 2004. С. 177–189.
96. Памяти Александра Вильямовича Гадло // Историческая этнография: Динамика этнической культуры народов России. СПб., 2004. С. 3–15 (совместно с А.Ю. Дворниченко, И.И. Верняевым, В.А. Козьминым).
97. «Женский» костюм ряженого из Дагестана в собрании МА // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 2004. Вып. 10–11. С. 96–99.
98. Социокультурные трансформации в Дагестане за последние два столетия // VI Конгресс этнографов и антропологов России. Санкт-Петербург, 28 июня — 2 июля 2005 г.: Тезисы докладов. СПб., 2005. С. 354.
99. Новообразования, отзвуки традиции? О преемственности в общественной практике дагестанцев // Гендерные исследования в контексте социологического образования: Сб. ст. / Под ред. В. Ушаковой, У. Мюллер, Б. Зауэр. СПб., 2005. С. 413–423.
100. Дидойцы: установка на возрождение // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения. 2004–2005 гг.: Тезисы докладов. СПб., 2005. С. 23–24.
101. О концепте «дом» в культуре дагестанских горцев // Там же. С. 61–62.
102. Многоэтническое социальное пространство Дагестана: от прошлого к настоящему // Многоэтнические сообщества в условиях трансформаций: Опыт Дагестана: Материалы международной научной конференции. Москва. 25–27 мая 2004 г. М., 2005. С. 117–128.
103. Ишак с оленьими рогами. Об одном мотиве исторических преданий Дагестана // Игра и игровое начало в культуре народов мира. СПб., 2005. С. 127–139.
104. «Своеобразие положения российской и кавказской цивилизаций обусловливает в целом достаточно высокий уровень их открытости и готовности к диалогу...» // Россия и Кавказ на рубеже столетий: Материалы второго заседания «круглого стола» «Между Западом и Востоком. Россия и Кавказ на рубеже столетий» на общую тему «Россия и Кавказ в XXI веке». М., 2006. С. 91–99.
105. Материалы по исторической географии и этнографии западно-дагестанского района Дидо (Цунта) // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб., 2006. Вып. 6. С. 6–18.
106. Дагестан старый и новый: очерк социальной культуры и истории // Кавказ и Россия: прошлое и настоящее. История, обычаи, религия. СПб., 2006. Россия и Кавказ: история, религия, культура. СПб., 2006. С. 128–192.
107. Деревянная утварь аваро-андоцезских народов Дагестана: поставцы, сосуды, мерки // Культурное наследие народов Центральной Азии, Казахстана и Кавказа: Сб. МАЭ. Т. 52. СПб., 2006. С. 5–51 (совместно с В.О. Бобровниковым, В.А. Дмитриевым).

108. Кавказские горцы и их соседи // Проблемы классификации, типологии, систематизации в этнографической науке: Материалы Пярых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2006. С. 23–26.
109. О социальной культуре и общественных практиках народов Северного Кавказа // Кавказ и Россия — прошлое и настоящее: Материалы для научно-практического семинара «Проблемы толерантности в петербургской школе». СПб., 2007. С. 25–62.
110. О «взаимодействии культур» в современном Дагестане // VII Конгресс этнографов и антропологов России: Материалы конгресса. Саранск. 9–14 июля 2007 г. Саранск, 2007. С. 119.
111. Народные традиции в условиях современных российских общественных реалий // Сохранение и актуализация историко-культурного наследия народов Северного Кавказа и формирование толерантной личности музейными средствами: Материалы региональной научно-практической конференции. Майкоп, 28–31 мая 2007 г. Краснодар, 2007. С. 85–91.
112. Дагестанский эпос: его время и его герои // Лавровский сборник: Материалы среднеазиатско-кавказских исследований: Этнология, история, археология, культурология. СПб., 2007. С. 235–239.
113. Дагестанские горцы-переселенцы и их соседи: к характеристике социокультурного взаимодействия // Там же. С. 56–60.
114. О каменной антропоморфной скульптуре горного Дагестана // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб., 2007. С. 46–62.
115. Ботлих: судьба горско-дагестанской общины в Новейшее время // Этнографическое обозрение. 2007. № 6. С. 139–153.
116. Горное дагестанское селение: от традиционного джамаата к нынешнему социальному облику // Северный Кавказ: традиционное сельское сообщество — социальные роли, общественное мнение, властные отношения. СПб., 2007. С. 5–74.
117. Современная Кизлярщина: изменение облика при смене населения // Радловские чтения. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 г. СПб., 2008. С. 200–205.
118. Этносоциальные трансформации в условиях миграционных процессов (на примере Дагестана) // Северный Кавказ в национальной стратегии России. М., 2008. С. 95–115.
119. О самоидентификации малых народов Западного Дагестана в начале XXI в. // Малые этнические и этнографические группы. Историческая этнография. Вып. 3: Сборник статей, посвященный 80-летию со дня рождения профессора Р.Ф. Итса. СПб., 2008. С. 191–202.
120. Меняющийся мир дагестанских горцев // Горские общества Кавказа: проблемы социокультурного, политического, исторического развития: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 180-летию присоединения Карачая к России. 7–9 ноября 2008 г. Карачаевск, 2008. Ч. 1. С. 271–278.
121. Послесловие // Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей: Исследование и материалы. 1892–1894 гг. М., 2008. С. 234–242.
122. Вводная статья (рус. и англ.) // Женщины Кавказа. Фотографии, живопись, скульптура, графика: Альбом. М., 2008. С. 5–22.
123. Кутаны в Дагестане: объекты хозяйственной деятельности, фактор этнополитической напряженности // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 г. СПб., 2009. С. 173–178.
124. К социально-этнографическому «портрету» современного горско-даге-

- станского селения // Кавказ: археология и этнология: Материалы Международной научной конференции. 11–12 сентября 2008 г. Азербайджан. Шамкир. Баку, 2009. С. 400–403.
125. Историк. Этнограф. Кавказовед. К столетию со дня рождения Л.И. Лаврова // Научная мысль Кавказа. 2009. № 2. С. 84–92.
126. Л.И. Лавров как ученый-гражданин // Лавровский сборник. Материалы XXXIII среднеазиатско-кавказских чтений 2008–2009 гг. К столетию со дня рождения Леонида Ивановича Лаврова. Этнология, история, археология, культурология. СПб., 2009. С. 3–10.
127. Специфика функционирования «традиционных» горско-кавказских обществ: интерпретации последних десятилетий // Там же. С. 102–106.
128. «Новые горцы» Дагестана: к изменениям стереотипов и идентичностей в среде переселенцев // Там же. С. 437–442.
129. Особенности социально-политической жизни горских обществ Дагестана в начале XIX в. в контексте проблематики Кавказской войны // Генерал А.П. Ермолов и российско-кавказские отношения в XIX — начале XX в. СПб., Журнал «Звезда», 2009. С. 67–83; То же: Черкесский вопрос: опыт, проблемы, перспективы научного осмысления. Нальчик, 2013. С. 35–52.
130. Из истории переселенческого движения в Дагестане. Судьба Кази-юрта // Этнографическое обозрение. 2010. № 1. С. 33–46.
131. The Dagestani Mountain Village. From the Traditional Jamaat to Its Present Social Character // Anthropology & Archeology of Eurasia. A Journal of Translations. Spring 2010. Vol. 48. No 4. P. 9–91.
132. Вольное общество в горах советского Дагестана // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 г. СПб., 2010. С. 226–229. То же: Народы Дагестана. 2012. № 5. С. 30–32.
133. Леонид Иванович Лавров — ученый и гражданин // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире. Преемственность и разрывы в социокультурных практиках: Сборник статей к 100-летию со дня рождения Леонида Ивановича Лаврова. СПб., 2010. С. 5–40.
134. Традиционные горско-кавказские общества: к проблеме особенностей функционирования в свете истории интерпретаций // Там же. С. 121–187.
135. Переселение горцев Дагестана на равнину: к истории развития процесса и социокультурным его последствиям // Там же. С. 402–447.
136. Кварельские аварцы в XX веке // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 10. СПб., 2010. С. 118–137 (совместно с Е.Л. Капустиной).
137. Диалектика национального строительства на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг.: прообраз преобразований современного этапа? // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. СПб., 2011. С. 310–314.
138. Дагестанский «эпос»: его время и его герои // Первые Международные Инал-иповские чтения (Сухум, 9–12 октября 2007 г.). Сухум, 2011. С. 123–127.
139. Политика Российского государства на Северном Кавказе в позднейперсидский, советский и постсоветский периоды // Народы Кавказа в пространстве российской цивилизации: исторический опыт и современные проблемы: Материалы Всероссийской научной конференции. 13–15 сентября 2011 г., Ростов-на-Дону. Р. н/Д., 2011. С. 27–33.
140. Вождь и народ: горско-кавказская редакция отношений // Лидерство в архаике: условия и формы проявления: Материалы семинара: «Теория и методология архаики» / Отв. ред. Д.Г. Савинов, М.Ф. Альбедиль. СПб., 2011. С. 118–129.

141. Страничка из истории управления горцами Кавказа Российской империей // Лавровский сборник: Материалы XXXIV и XXXV среднеазиатско-кавказских чтений 2010–2011 гг. Этнология, история, археология, культурология. СПб., 2011. С. 270–275.
142. Заметки о национально-государственном строительстве на Северном Кавказе в 1920–1940-е гг. // Там же. С. 366–370.
143. «Борьба плуга и овцы». Некоторые аспекты колонизационных процессов в степных районах Северо-Восточного Кавказа в Новейшее время // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб., 2011. С. 7–30.
144. «Казаки» и политика дагестанского руководства в 1920–1930-е годы // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2011 г. СПб., 2012. С. 112–120.
145. Александр Нурид: горец на службе империи // Известия Северо-Осетинского Института гуманитарных и социальных исследований. 2012. Вып. 7 (46). С. 95–104.
146. О нациестроительстве на Северном Кавказе в раннесоветский период // Национальная политика и модернизация системы управления на Юге России: исторический опыт и современные вызовы: Материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 27–28 сентября 2012 г.). Р. н/Д., 2012. С. 212–219.
147. Рецензия на монографию В.А. Дмитриева «Отношение к пространству и времени в традиционной культуре народов Северного Кавказа» // Музей. Традиции. Этничность. 2012. № 1. С. 144–149.
148. Старые и новые идентичности в современном Дагестане // Нациестроительство на Северном Кавказе: Исторический опыт и современные практики: Материалы заочного круглого стола. Р. н/Д., 2012. С. 61–81.
149. Национальный ресурс в политике государства: диалоги центра и автономий Северного Кавказа в 1920–1930-е годы // Общество как объект и субъект власти. Очерки политической антропологии Кавказа. СПб., 2012. С. 299–375.
150. Региональное пространство как поле этнополитической конкуренции. Северный Кавказ в XX веке // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. СПб., 2013. С. 274–280.
151. Ученые в поле стратегий политиков: к истории национального строительства в раннесоветский период // Стратегическое планирование в полиэтничном макрорегионе в условиях неравномерного развития и роста напряженности. Всероссийская научная конференция. Ростов-на-Дону. 3–4 октября 2013 г. Р. н/Д., 2013. С. 33–36.
152. Кизляр как зеркало российской истории Кавказа // Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде / Под ред. Ю.М. Ботякова. СПб., 2013. С. 38–110.
153. Традиции и советизация (Северный Кавказ, 1920-е годы) // Лавровский сборник: Материалы XXXVI–XXXVII среднеазиатско-кавказских исследований. Этнология, история, археология, культурология. 2012–2013. СПб., 2013. С. 361–368.
154. Традиционные социальные институты в наши дни — это реально? // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. 2013. Вып. 10. С. 3–15.
155. Северный Кавказ: становление местной власти в условиях советизации // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2013 г. СПб., 2014. С. 316–325.
156. О специфике восприятия пространства и времени в культуре горцев Дагестана // Дагестан в кавказском историко-культурном пространстве: Матери-

алы международной конференции, посвященной 90-летию Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук. Махачкала, 21–22 октября 2014 г. Махачкала, 2014. С. 138–140.

157. Советизация 1920-х годов на местах: взаимодействие государственных и общественных институтов // Платон. 2014. № 4. С. 15–18.

158. The Dialectics of Nation-State Construction in the North Caucasus in the 1920s–30s // State and Legal Practice in the Caucasus. Anthropological Perspectives on Law and Politics / Ed. by Stéphane Voell, Iwona Kaliszewska, Ashgate, 2014. P. 31–36.

Публикации в календарях

1. День памяти Святого Георгия Победоносца (православные христиане) // Этнокалендарь Санкт-Петербурга 2011 г. Календарь памятных дат, событий и праздников в культурных традициях жителей Санкт-Петербурга. СПб., 2010. С. 98.

2. Навруз // Там же. С. 59.

3. Сабантуй // Там же. С. 129.

4. Ураза-Байрам // Там же. С. 155.

5. Курбан-байрам // Там же. С. 184.

6. Джоргуба // Там же. С. 191.

7. Ураза-Байрам // Этнокалендарь Санкт-Петербурга 2012 г. Календарь памятных дат, событий и праздников в культурных традициях жителей Санкт-Петербурга. СПб., 2011.

8. Курбан-Байрам // Там же.

Публикации в энциклопедиях

1. Аванкулат // Осетинская этнографическая энциклопедия / Гл. ред. Л.А. Чибиров (Ю.Ю. Карпов в составе редакционной коллегии). Владикавказ, 2013. С. 28.

2. Амулет // Там же. С. 44–45.

3. Амцег (атагычество) // Там же. С. 75 (совместно с Л.А. Чибировым).

4. Историко-культурная область // Там же. С. 274.

5. Историческая этнография // Там же.

6. Нормативная этнография // С. 393.

7. Патронимия // Там же. С. 406 (совместно с Е.И. Кобахидзе).

8. Петроглиф // Там же. С. 407 (совместно с В.Х. Тменовым).

9. Полевая этнография // Там же. С. 410.

10. Прикладная этнография (этнология) // Там же. С. 412.

11. Ритуал // Там же. С. 420.

12. Сорорат // Там же. С. 450.

13. Уайсадын (избегание) // Там же. С. 500 (совместно с З.В. Кануковой).

14. Экзогамия // Там же. С. 647 (совместно с А.Х. Хадиковой).

15. Эндогамия // Там же. С. 648 (совместно с А.Х. Хадиковой).

16. Этническая демография // Там же. С. 650.

17. Этническая история // Там же.

18. Этническая психология // Там же. С. 650–651 (совместно с А.Х. Хадиковой).

19. Этническая статистика // Там же. С. 651.

20. Этническая территория // Там же.

21. Этнические процессы // Там же.

22. Этнический состав (структура) населения // Там же. С. 651.

23. Этнографический музей // Там же. С. 654–655 (совместно с А.А. Цуциевым).

24. Этнография // Там же. С. 655–656.

25. Этнология // Там же. С. 656.

26. Этнос // Там же.

Публикации в каталогах выставок

1. Образы Кавказа // Кавказский словарь. Земля и люди. М.: Музей-заповедник «Царицыно», 2012. С. 14.

2. Образы Кавказа: Земля и люди // Там же. С. 16–23.

3. Гора // Там же. С. 24–25.

4. Башня // Там же. С. 28–29.

5. Аул // Там же. С. 34–35.

6. Сакля // Там же. С. 53.

7. Очаг // Там же. С. 56, 58.

8. Родовой столб // Там же. С. 60.
  9. Кунацкая // Там же. С. 82–83.
  10. Мужское пространство // Там же. С. 90.
  11. Аксакал // Там же. С. 92.
  12. Наездник // Там же. С. 96.
  13. Джигит // Там же. С. 98–99.
  14. Папаха // Там же. С. 121.
  15. Женский мир, Женский миф // Там же. С. 128, 130.
  16. Красота // Там же. С. 142.
  17. Родник // Там же. С. 164.
  18. Набег // Там же. С. 188–189.
  19. Буза // Там же. С. 250.
  20. Шашлык // Там же. С. 258.
  21. Волк // Там же. С. 306–307.
4. Битва жениха и невесты // Наш следопыт. 1999. № 25. С. 6.
  5. Праздник обратной // Наш следопыт. 2000. № 8. С. 3.
  6. Чадородие наизнанку // Наш следопыт. 2000. № 8. С. 10–11.
  7. Горечь мужского, сладость женского // Петербургский час пик. 2001. № 15.
  8. Далекая страна! Жилище вольности простой // Петербургский час пик. 2001. № 19–21.
  9. Александр Дюма на Кавказе // Татарский мир. 2003. № 3 (13).

Статьи в электронном журнале «Кумыкский мир. Культура, история, современность»
<http://www.kumukia.ru/author?q=922>

В газетах

1. Исторические предания дидойцев // Дидойские вести. 2002. № 2.
  2. Судьба малых народов Дагестана в контексте социально-политических процессов (Отрывки) // Дидойские вести. 2002. № 3.
  3. Материалы по исторической географии и этнографии западнодагестанского района Дидо (Цунта) // Дидойские вести. 2007. № 21–32.
  4. Незавидная судьба Кази-юрта // Времена. Приложение к газете «Ёлдаш». 2009. № 210–212.
1. 05.06.2007. Краткие сведения по этносоциальной истории чеченцев.
  2. 20.11.2009. Незавидная судьба Кази-юрта. Из истории переселенческого движения в Дагестане.
  3. 23.05.2010. Кутаны в Дагестане: объекты хозяйственной деятельности, фактор этнополитической напряженности.
  4. 02.06.2010. Современная Кизлярщина: изменение облика при смене населения.
  5. 03.06.2012. Кумыкская проблема.

Статьи научно-популярные

1. Первая любовь по-хевсурски // Наш следопыт. 1999. № 13. С. 9.
2. Поймать резвую курочку // Наш следопыт. 1999. № 21. С. 6.
3. Прекрасна как ангел небесный... // Наш следопыт. 1999. № 22. С. 7.

Литература о жизни и трудах

Ю.Ю. Карпова

1. Страницы отечественного кавказоведения / Отв. ред. Н.Г. Волкова. М., 1992. С.105, 108, 169, 184, 203, 210.
2. Юрий Юрьевич Карпов: Библиографический указатель / Сост. М.С.-Г. Албогачиева. СПб., 2016. 76 с.

Памяти Татьяны Павловны Хлыниной

(9 января 1967 — 10 июня 2015)

«Н^адо писать, Амиран! Мы ведь больше ничего не умеем!» — говорила мне Татьяна Павловна, когда замечала, что природная леность брала верх над желанием научно высказаться. Татьяна Павловна обладала редко встречающимся ныне умением писать увлекательно, но содержательно, легко, но обстоятельно, просто, но академично. Будучи профессионалом без слабых мест, Татьяна Павловна была чужда снобизму и ученому чванству. Открытость и отзывчивость — это то, что ее отличало и что увлекало в ней окружающих. Татьяна Павловна была частью жизни каждого из знавших ее, с ее уходом ушла часть всех наших жизней — колокол звонит по всем нам.

Жизнь и профессиональная деятельность Татьяны Павловны были связаны с разными городами и научно-образовательными институтами. Будущий историк родился 9 января 1967 г. в военном городке Сенеже Солнечногорского района Московской области в семье офицера Советской армии. Татьяна Павловна — выпускница Адыгейского государственного педагогического института (1989). Аспирантскую подготовку Татьяна Павловна прошла в ведущем исследовательском центре страны — Институте российской истории РАН (1993). Там же ею была защищена кандидатская диссертация «Адыгея в системе межнациональных отношений на Северном Кавказе. 1920–1924 гг.» (1993). Научным руководителем Татьяны Павловны являлся крупнейший специалист по советской национальной политике доктор исторических наук, профессор Николай Федорович Бугай. Уже через десять лет Татьяна Павловна подготовила и защитила в Московском государственном областном университете докторскую диссертацию — «Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917–1937 гг.:

**Амиран
Тариелович
УРУШАДЗЕ**

проблемы историографии», научным консультантом которой выступил известный специалист по отечественной историографии доктор исторических наук, профессор Олег Владимирович Волобуев.

Время профессионального становления Татьяны Павловны прошло в стенах Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований. Параллельно с исследовательской работой Татьяна Павловна вела активную преподавательскую деятельность в Адыгейском государственном университете, Майкопском государственном технологическом университете, филиале Российского государственного социального университета в Майкопе.

В 2008 г. Татьяна Павловна с семьей переезжает в Ростов-на-Дону. Здесь ее карьера связана с Южным научным центром РАН и Институтом социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН. Татьяна Павловна руководила различными исследовательскими проектами, проводимыми под эгидой Президиума РАН и Российского гуманитарного научного фонда. На новом месте она продолжила и преподавательскую деятельность, теперь в Донском государственном техническом университете. В круг профессиональных интересов Татьяны Павловны входил широкий набор проблем исторического познания. Среди ее публикаций работы по социальной истории, историографии, исторической памяти и политике. В последние годы Татьяна Павловна много и плодотворно занималась историей повседневности населения СССР в годы Великой Отечественной войны. Всего в списке научных публикаций Татьяны Павловны четыре с половиной сотни заглавий.

Татьяна Павловна была блестящим знатоком темы советской национальной политики на Северном Кавказе. Ее многочисленные труды, посвященные этой масштабной исследовательской проблеме, существенно расширили исторические представления, дав оригинальные ответы и предложив новые нетривиальные вопросы для дальнейшего научного поиска. Но при этой глубокой научной, профессиональной специализации Татьяна Павловна буквально поражала своей широчайшей эрудицией. Она была готова поддержать беседу по самым различным историческим сюжетам и эпохам. Ее наблюдения, мнения, замечания всегда были «свежи», иногда по-хорошему провокативны, но неизменно точны и обдуманно. Мне не раз приходилось удивляться тому, как Татьяна Павловна могла с поражающей легкостью подсказать интересное направление для размышлений, новый перспективный исследовательский ракурс. Могу сказать, что многое из услышанного от нее в профессиональных, но душевно теплых разговорах останется для меня актуальной повесткой в исследовательской работе.

Много пишущие гуманитарии обычно не успевают также много читать, довольствуясь в основном новинками в рамках собственных научных интересов. Татьяна Павловна была исключением из этого правила. Она с большим интересом читала современную художественную литературу и приобщала к этому своих коллег. Произведения Иэна Макьюэна и Мишеля Уэльбека

стали для меня «своими» благодаря Татьяне Павловне. От нее можно было не только получить совет на тему вечернего чтения, но и обсудить прочитанное на волне литературного «послевкусия». И конечно, у Татьяны Павловны всегда можно было взять почитать заинтересовавшую книгу, а потом, не рискуя навлечь на себя недовольство, благополучно ее «замылить».

Это может показаться неожиданным, но Татьяна Павловна всерьез интересовалась спортом, особенно футболом и хоккеем. Обсуждение прошедших и предстоящих телевизионных трансляций было обычной темой разговора в ее рабочем кабинете в дни крупных спортивных состязаний. Интуиция Татьяны Павловны позволяла ей регулярно вызывать коллег и друзей на шуточные букмекерские пари, большинство из которых она выигрывала.

Профессиональная судьба сложилась так, что Татьяне Павловне не довелось руководить аспирантами и докторантами. Об этом можно только сожалеть. Татьяна Павловна любила общение, диалог, обмен мнениями. Она всегда была готова выслушать и помочь, указать путь. В Институте социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН было много начинающих, еще совсем «зеленых» исследователей. Все они с благодарностью пользовались заинтересованностью, которую неизменно проявляла Татьяна Павловна. В ее кабинет входили, не боясь нарваться на плохое настроение. Работая много и напряженно, Татьяна Павловна не давала даже нежданному визитеру повода почувствовать собственную неуместность. Она делилась не только своим опытом и знаниями, но и своим прекрасным, светлым настроением, которое, казалось, ее не покидало. Я никогда не уходил от Татьяны Павловны без угощения. Предметом ее особой гордости были различные сорта изумительного китайского чая, которым она щедро потчевала коллег.

Открытость, демократизм натуры Татьяны Павловны производили большое впечатление на окружающих. Один из моих друзей-историков, говоря о Татьяне Павловне, был предельно лаконичен и выразителен: «Никогда не видел таких докторов наук!» Иерархии, формальные звания и степени, занудный академический политес — все это было для нее лишь фоном жизни людей в науке, которых Татьяна Павловна оценивала по блеску увлеченности профессией в глазах. У нее было много друзей среди коллег-историков. Татьяну Павловну одинаково радушно принимали и в столице, и в регионах. И это при том, что она не избегала дискуссионных тем, не боялась провокационных вопросов, не стремилась всюду быть ко двору. Интеллектуальная независимость была для Татьяны Павловны не роскошью и не обузой, а категорическим императивом.

Неординарность Татьяны Павловны проявлялась не только в личном общении, но даже в таком заформализованном жанре, как отзыв на диссертационное исследование. Не секрет, что многие гуманитарии пренебрежительно относятся к подобного рода работе. Напротив, Татьяна Павловна писала отзывы на таком же кураже, как и другие свои тексты. Она была принципиаль-

ным рецензентом. Последовательно, а порой и жестко указывая на недостатки работы, Татьяне Павловне каким-то образом удавалось избегать менторского тона. Ее мнение как рецензента высоко ценилось в столичных и региональных научных центрах, а положительная оценка для многих была важным знаком качества.

Известно, что многие замечательные писатели были далеко не так убедительны в устной речи. Татьяна Павловна обладала всеми гранями таланта к слову. В отличном стиле и высоком качестве ее печатных работ легко убедить. Но еще древние заметили, что «Viva vox alit plenius» — «Живая речь питает обильнее». Речь Татьяны Павловны, ее выступления на научных конференциях различного уровня — это наслаждение, настоящий интеллектуальный гедонизм для любой аудитории. Всегда плавный, но стремительный ход речи Татьяны Павловны завораживал слушателей. У нее было то, к чему стремятся многие, но имеют единицы — собственный голос, который было не спутать ни с одним другим. Еще одна моя коллега, опытный университетский преподаватель, впервые услышав выступление Татьяны Павловны, воскликнула: «Я хотела бы послушать ее лекции!»

Татьяна Павловна ушла от нас 10 июня 2015 г., до последнего сражаясь с тяжелой болезнью. Хрупкость ее фигуры также не соответствует крепости ее характера, как прошедшее время упоминанию ее имени. Татьяна Павловна, Вы с нами.

Избранная библиография Т.П. Хлыниной

1. Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917–1937 гг.: проблемы историографии. М.: Изд-во МГОУ, 2003. 268 с.
2. История Адыгеи с древнейших времен до начала XX в.: В 2 т. Т. I. Майкоп: Адыгейское республиканское книжное изд-во, 2009. 452 с. (в соавторстве).
3. История Северного Кавказа в 1920–1940-е гг.: современная российская историография. Р. н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. 304 с. (в соавторстве с Е.Ф. Кринко).
4. Запад в восприятии советского человека 1920-х годов // Российская история. 2010. № 5. С. 38–48.
5. Кто виноват и что делать, если прошлое не оправдывает ожиданий настоящего (по страницам северокавказских историй) // Историк и общество. Исторический факт как аргумент политической полемики. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 201–214.
6. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Р. н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 360 с. (в соавторстве с Е.Ф. Кринко, И.Г. Тажидиновой).
7. Проблемы государственного строительства и федеративных отношений на Северном Кавказе // Российская история. 2011. № 5. С. 203–207.
8. В поисках профессионального домена: история и историки во времена нестабильности // Былые годы. Российский исторический журнал. 2012. № 1 (23). С. 62–70.
9. Решение национального вопроса на Северном Кавказе // Вопросы истории. 2012. № 6. С. 128–135.

10. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Р. н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 272 с. (в соавторстве с Е.Ф. Кринко, А.Т. Урушадзе).
11. Украинская диаспора Ростовской области: механизмы и практики поддержания этнического самосознания // Былые годы. Российский исторический журнал. 2012. № 2 (24). С. 62–68.
12. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени как исследовательский проект // Былые годы. Российский исторический журнал. 2012. № 3 (25). С. 98–105.
13. «Армянские разговоры» в эпоху взрыва этничности // Социологические исследования. 2013. № 7. С. 44–52 (в соавторстве с Т.Г. Курбат).
14. Жилое пространство и особенности его организации в советской России в 1920–1940-е гг. (Статья первая) // Былые годы. Российский исторический журнал. 2013. № 1 (27). С. 61–70.
15. Исторический источник: жизнь в контексте времени // Русский архив. 2013. № 1 (1). С. 3–6.
16. «Писали и про войну, и тоску по дому»: дневники и письма военного времени как практики реализации частного // Проблемы российской истории. Магнитогорск: МаГУ, 2013. № 1. С. 295–307.
17. Формирование советской национальной политики: между изобретением традиции и воображаемыми сообществами // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований. 2013. № 3. С. 87–96.
18. Частная жизнь советского человека в двух дневниках периода Великой Отечественной войны // Отечественные архивы. 2013. № 1. С. 66–72.
19. История, политика и национализм на Северном Кавказе. Р. н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. 434 с. (в соавторстве с Е.Ф. Кринко).
20. Коренизация и решение национального вопроса на Северном Кавказе в 1920-е — 1930-е гг. // Вестник Южного научного центра РАН. 2014. Т. 10. № 3. С. 106–111.
21. Семейная переписка периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в коллекции ЦГА Москвы // Отечественные архивы. 2014. № 2. С. 50–59.

Сведения об авторах

АБАЗОВ Алексей Хасанович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований (КБИГИ).

АЛБОГАЧИЕВА Макка Султан-Гиреевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела этнографии Кавказа Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук Кунсткамера

БИРАГОВА Бела Маирбековна – кандидат политических наук, научный сотрудник СОИГСИ.

БОГАТУРОВ Алексей Демосфенович – доктор политических наук, профессор МГИМО, председатель Редакционной коллегии журнала «Международные процессы».

БОБРОВНИКОВ Владимир Олегович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующий сектором Кавказа Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН.

ВАРИВОДА Наталья Владимировна – научный сотрудник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований (КБИГИ).

ВОЛХОНСКИЙ Михаил Алексеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра проблем Кавказа и региональной безопасности ИМИ МГИМО.

ГУТНОВ Феликс Хазмурзаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий Отделом источниковедения Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева.

ДЕГОЕВ Владимир Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики МГИМО МИД РФ, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности Института международных исследований МГИМО МИД России.

КОЛОСОВСКАЯ Татьяна Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь).

КУЗЬМИНОВ Петр Абрамович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова.

МАГАЛЯН Артак Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Национальной Академии Наук Республики Армения.

- МАНЫШЕВ Сергей Борисович – соискатель Института российской истории РАН.
- МАРЕМКУЛОВ Арсен Нажмудинович – доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Института права экономики и финансов Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова.
- МАТВЕЕВ Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета.
- МЕДВЕНСКИЙ Николай Игоревич – младший научный сотрудник отдела политологии и конфликтологии АБИГИ им. Д.И. Гулиа АНА (г. Сухум, Республика Абхазия).
- МУХАНОВ Вадим Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра проблем Кавказа и региональной безопасности ИМИ МГИМО МИД России.
- РАКАЧЕВ Вадим Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии Кубанского государственного университета.
- СТАМОВА Ирина Ивановна – старший преподаватель кафедры английского языка № 6 МГИМО.
- ТКАЧЕНКО Дмитрий Сергеевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь).
- УРУШАДЗЕ Амиран Тариелович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону).
- ШАФРАНОВА Ольга Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь).
- ШКЕРИН Владимир Анатольевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН.
- ЯРЛЫКАПОВ Ахмед Аминович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО.

Научное издание

КАВКАЗСКИЙ СБОРНИК
Том № 10(42)

Формат 70×100/16. Усл. печ. л. 33,8.

Заказ №

ООО Издательство «Аспект Пресс».

111141, Москва, Зеленый проспект, д. 3/10, стр. 15.

E-mail: info@aspectpress.ru; www.aspectpress.ru.

Тел.: (495)306-78-01, 306-83-71

Отпечатано способом ролевой струйной печати

в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1.

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, 8(499) 270-73-59